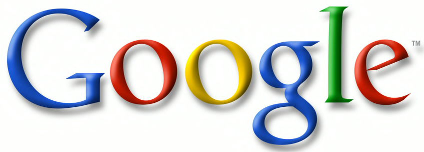

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

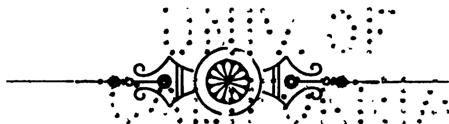
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ө. Дубровинъ.

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Томъ III.

(Съ картами и планами).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

XXIX.

Кончина Императора Николая I-го и вступленіе на престолъ Императора Александра II-го.—Присяга Севастопольскаго гарнизона.—Рескриптъ князю Горчакову.—Перемѣна въ составѣ осаднаго корпуса.—Положеніе работъ осаждающаго и обороняющагося.—Заложеніе Камчатскаго люнета.—Значеніе и участіе Императора Николая I-го въ общемъ ходѣ обороны Севастополя.—Заложеніе ложементовъ передъ Камчатскимъ люнетомъ.—Нападеніе на нихъ французовъ.—Кончина контръ-адмирала Истомина.—Его заслуги.

Въ одинъ и тотъ же день, 21-го февраля, князь Горчаковъ получилъ по телеграфу изъ Вѣны ужасное извѣщеніе о кончинѣ Императора Николая I-го и отъ прискакавшаго курьера письмо Великаго Князя Михаила Николаевича, приглашавшаго его пріѣхать немедменно въ Крымъ, чтобы замѣнить князя Меншикова [1]). Никто не зналъ о тяжкой болѣзни Императора, а тѣмъ менѣе ожидали, чтобы такъ скоро могла послѣдовать его кончина, и извѣстіе объ этомъ произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Никто не хотѣлъ вѣрить распространившемуся слуху, и его передавали другъ другу подъ величайшимъ секретомъ. Не считая возможнымъ въ такую минуту оставить Южную армію, безъ особаго высочайшаго повелѣнія, князь Михаилъ Дмитріевичъ рѣшился ожидать извѣстій изъ Петербурга [2]). Въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ Кишиневъ флигель-адъютантъ полковникъ Герштенцвейгъ съ выше приведеннымъ нами рескриптомъ Императора Александра Николаевича, тогда еще наслѣдника престола [3]).

---

[1]) Письмо князя Горчакова военному министру 21-го февраля 1855 г.

[2]) То же князю Меншикову отъ 21-го февраля.

[3]) Письмо Герштенцвейга военному министру отъ 23-го февраля. Императоръ Николай I, отправляя Герштенцвейга, разсчитывалъ, что онъ будетъ въ Кишиневѣ черезъ семь дней, но посланный, имѣя въ виду важность возложеннаго на него порученія, употребилъ на проѣздъ менѣе пяти сутокъ.

Герштенцвейгъ хотя и привезъ извѣстіе о болѣзни Императора, но не могъ сообщить ничего о несчастіи, постигшемъ Россію. Всѣ находились въ какомъ-то странномъ выжидательномъ положеніи. Областной начальникъ въ Бессарабіи получилъ прежде всѣхъ въ Кишиневѣ указъ Сената. Послѣ того мѣстный епископъ получилъ распоряженіе Святѣйшаго Синода о приведеніи къ присягѣ жителей на вѣрноподданство Императору Александру II, а за тѣмъ уже прибылъ и генералъ-адъютантъ, посланный къ главнокомандующему.

„Присяга,—говоритъ очевидецъ [1]),—вообще исполнена единодушно, какъ арміею, такъ и народомъ; но при этомъ было любопытно наблюдать впечатлѣніе на лицахъ тѣхъ людей, на которыхъ, хотя бы и въ будущемъ, преимущественно лежала отвѣтственность за неудачный ходъ войны. Видно было, что у нихъ отлегло на сердцѣ, при невольномъ воспоминаніи, что грозный судія уже не существуетъ и что новый преемникъ, какъ случается всегда, будетъ великодушнѣе и не станетъ судить съ такою строгостію прошедшія, гибельныя для насъ, ошибки“.

Получивъ новое назначеніе, князь Михаилъ Дмитріевичъ принялъ его совершенно спокойно. Будучи знакомъ довольно подробно съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Крыму, онъ не скрывалъ отъ себя тѣхъ огромныхъ затрудненій, которыя его ожидаютъ, но не унывалъ, былъ въ хорошемъ расположеніи духа и надѣялся на помощь Божію.

— La confiance,—говорилъ онъ,—que notre Auguste Maître a daigné me témoigner, est tellement flatteuse que je considère comme un bonheur d'avoir été désigné au poste du danger, dût-il m'en coûter non seulement la vie, mais encore mon honneur militaire [2]).

Князь Горчаковъ принадлежалъ къ числу людей, никогда не отказывающихся отъ назначенія, смиренно покоряющихся обстоятельствамъ и готовыхъ для пользы отечества пить чашу до дна, какъ бы ни былъ

---

[1]) Н. Ушаковъ. Записки очевидца и проч. «Девятнадцатый Вѣкъ», изд. Бартенева, книга II, 232.

[2]) «Довѣріе, которымъ почтилъ меня нашъ августѣйшій Монархъ, такъ лестно, что я считаю за счастіе назначеніе на такой опасный постъ, хотя бы назначеніе это стоило мнѣ не только жизни, но и военной моей чести». Письмо князя Горчакова военному министру 13-го марта.

горекъ тотъ напитокъ, который въ ней содержится. Самоотверженіе князя было всегда отличительною его чертою; полнѣйшее отсутствіе эгоизма и всегдашняя готовность, забывая себя, помочь другимъ составляли всю прелесть его характера и особенность, исключительно ему одному принадлежащую.

Мы знаемъ, что когда князь Михаилъ Дмитріевичъ узналъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находилась малочисленная наша армія въ Крыму, послѣ высадки непріятеля, онъ тотчасъ же, не ожидая ни чьихъ приказаній, отправилъ часть войскъ своихъ изъ придунайскихъ княжествъ, несмотря на то, что самъ могъ быть атакованъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ. Впослѣдствіи, слѣдя за событіями, онъ постоянно первый протягивалъ руку помощи князю Меншикову, посылалъ ему войска, своего генералъ-интенданта, генераловъ, офицеровъ, порохъ, матеріалы, одежду, шанцевый инструментъ и проч. Все это онъ дѣлалъ столь широкою и щедрою рукою, что заслужилъ упреки отъ многихъ лицъ, но за то великодушіе его было вполнѣ оцѣнено двумя императорами. Въ приведенныхъ нами письмахъ и рескриптахъ Императора Николая I мы неоднократно имѣли случай видѣть, какъ высоко цѣнилъ онъ самоотверженіе князя Михаила Дмитріевича, страдавшаго о Севастополѣ гораздо болѣе въ Кишиневѣ, чѣмъ безпокоились о немъ на Сѣверной сторонѣ.

„Севастополь несомнѣнно вамъ обязанъ, — писалъ Императоръ Александръ Николаевичъ [1]),—что доселѣ въ состояніи держаться противъ всѣхъ усилій союзниковъ. Если бы не ваше благородное самоотверженіе, съ которымъ вы усиливали Крымскую армію и войсками и всѣми военными потребностями—можетъ быть онъ былъ бы уже въ рукахъ непріятеля. Молю Бога, чтобы Онъ сподобилъ васъ окончательно освободить Крымъ отъ враговъ“.

Князь М. Д. Горчаковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ эпоху, самую трудную для Севастополя и Крымской арміи. Большая часть нашихъ лучшихъ и ближайшихъ подкрѣпленій была истощена, атакующіе перенесли самое тяжелое время, стали отогрѣваться на весеннемъ солнышкѣ и, научные опытомъ, сдѣлались вдвое сильнѣе. Онъ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 24-го февраля.

*

былъ назначенъ тогда, когда, съ наступленіемъ весны и возобновленіемъ навигаціи, непріятель сталъ получать громадные запасы боевыхъ припасовъ, а у насъ, по бездорожью, въ Крыму, ощущался во многомъ недостатокъ: обозы двигались медленно, приходили не во-время, въ маломъ числѣ, и сталъ ощущаться недостатокъ въ порохѣ.

При такихъ обстоятельствахъ все, что человѣчески возможно было сдѣлать для спасенія чести и славы нашего оружія, не было упущено княземъ Горчаковымъ. Онъ хлопоталъ объ улучшеніи быта ввѣренной ему арміи, объ увеличеніи запасовъ продовольствія, артиллерійскихъ припасовъ, о заготовленіи ружейныхъ патроновъ и наконецъ съумѣлъ найти средства къ тому, чтобы увеличить содержаніе офицерамъ. Позднѣйшее потомство, точно также и современники, съ глубокимъ уваженіемъ преклонятся передъ скромной могилой князя въ Севастополѣ и всегда сохранятъ благодарность за безупречную его дѣятельность и пользу, принесенную отечеству. Они скажутъ, что это былъ человѣкъ въ высшей степени преданный дѣлу, честный и любящій,—человѣкъ души и сердца.

Ненавидя всякаго рода ложь и неестественность, князь Горчаковъ былъ простъ въ обращеніи, не заискивалъ въ солдатахъ, но за то заботился о нихъ денно и ночно. Онъ строго преслѣдовалъ ложь, обманъ, пользованіе чужою собственностію и слѣдилъ затѣмъ, чтобы до солдата доходило полностію то, что ему положено [1]). Солдаты любили храбраго русскаго князя и довѣрчиво слѣдовали за нимъ. Во время сраженія они видѣли главнокомандующаго впереди всѣхъ, знали, что самый храбрый изъ нихъ не могъ сравняться съ своимъ предводителемъ въ томъ холодномъ и презрительномъ пренебреженіи къ смерти, которое онъ выказы-

---

[1]) На пути въ Севастополь кн. Горчаковъ узналъ, что нѣкоторые начальники войскъ взяли на собственное попеченіе поставку фуража, по весьма высокимъ цѣнамъ, исключительно изъ корыстныхъ видовъ. Въ день пріѣзда онъ отрѣшилъ отъ должности одного изъ нолковыхъ командировъ, приказалъ произвести слѣдствіе, а спустя нѣсколько дней поручилъ полевому почтъ-директору навести самыя точныя справки, въ почтовыхъ конторахъ: Симферопольской, Карасубазарской, Севастопольской и въ полевомъ почтамтѣ «сколько съ 1-го іюня прошлаго года, куда и кому именно было пересылаемо денежныхъ суммъ полковыми и батарейными командирами или довѣренными отъ нихъ лицами».

валъ въ самыхъ отчаянныхъ битвахъ. Князь М. Д. Горчаковъ никогда не думалъ о себѣ, ни во время войны, ни во время мира. Отдавъ себя на служеніе Государю и отечеству, онъ работалъ самъ безъ устали и не давалъ отдыха другимъ; по его мнѣнію, нельзя было отдыхать, пока остается еще хотя что-нибудь неисполненнымъ. Такая, можно сказать, безустанная дѣятельность была поводомъ къ тому, что нѣкоторые считали князя Михаила Дмитріевича крутымъ человѣкомъ, тогда какъ мягче и обходительнѣе его не было въ арміи другаго человѣка [1]).

Одаренный съ избыткомъ всѣми прекрасными качествами, свойственными человѣку, князь Горчаковъ оправдывалъ, однако же, тотъ неизмѣнный законъ, что на землѣ нѣтъ совершенства и, какъ главнокомандующій, онъ не вполнѣ удовлетворялъ тому высокому званію, въ которое былъ облеченъ. Военная искра, находчивость, смѣлость и быстрота соображенія не составляли принадлежности князя Горчакова. Напротивъ, онъ былъ человѣкъ крайне разсѣянный и въ высшей степени нерѣшительный. Какъ та, такъ и другая черта характера имѣли конечно большое вліяніе на распоряженія главнокомандующаго и на дѣятельность арміи. Окруженный множествомъ спутниковъ, князь Горчаковъ ко всѣмъ изъ нихъ относился довѣрчиво и потому не всегда сосредоточивалъ въ себѣ единство дѣйствія. По своей нерѣшительности, онъ упускалъ иногда удобный случай для дѣйствій, какъ увидимъ, часто мѣнялъ приказанія, а по разсѣянности нерѣдко даже и противорѣчилъ себѣ. Онъ имѣлъ много свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ, но ему недоставало сосредоточенности, воли и часто достаточной рѣшимости, чтобы дѣло, однажды начатое, довести до конца.

Несмотря на эти недостатки, симпатія всѣхъ склонялась на сторону князя Михаила Дмитріевича, и назначеніе его было принято со всеобщимъ одобреніемъ; по словамъ Герштенцвейга, въ Кишиневѣ сожалѣли только о томъ, что назначеніе это не было сдѣлано прежде.

Почти одновременно съ назначеніемъ князя Горчакова главнокомандующимъ Крымскою арміею, въ союзныхъ войскахъ послѣдовала также перемѣна. Въ началѣ 1855 года, когда прибыли новыя подкрѣпленія изъ Франціи, Наполеонъ нашелъ необходимымъ переформировать свою армію и раздѣлить ее на два корпуса. Первымъ корпусомъ назначенъ

---

[1]) Сборникъ рукописей, т. III, 145.

командовать генералъ Пелисье, вызванный для того изъ Алжира, а вторымъ корпусомъ Боске, извѣстный своими военными дарованіями.

Перемѣна эта, повидимому ничтожная, имѣла, какъ увидимъ, большое значеніе въ послѣдующіе дни осады Севастополя. Первый корпусъ остался на прежнемъ мѣстѣ, и на его обязанность возложено веденіе лѣвой атаки союзниковъ, а второму корпусу предоставлена атака Корабельной стороны и преимущественно Малахова кургана. Каждый корпусъ составленъ изъ прежнихъ четырехъ дивизій, а гвардія и девятая дивизія Брюне оставлены въ резервѣ и находились въ распоряженіи главной квартиры. Французы считали въ то время въ Крыму около 83.000 своихъ войскъ, тогда какъ у насъ было ихъ не болѣе 60.000 человѣкъ. Если къ числу французскихъ войскъ прибавить англійскую армію и турокъ, то станетъ очевиднымъ, что армія союзниковъ почти вдвое превышала нашу и что положеніе новаго главнокомандующаго было не такъ легко, какъ полагаютъ многіе, говоря, что князь Горчаковъ получилъ назначеніе въ самый блестящій періодъ обороны Севастополя.

Сознавая всю трудность и быть можетъ безъисходность того положенія, въ которомъ ему придется быть, князь Горчаковъ ѣхалъ въ Крымъ съ твердою рѣшимостью не уступать врагу и пяди земли русской. „Въ крайности—говорилъ онъ [1],—буду драться чѣмъ и какъ могу“. Онъ просилъ только не требовать отъ него ничего невозможнаго и вникнуть въ положеніе арміи, во главѣ которой поставленъ.

„Я горжусь,—писалъ онъ военному министру [2],—довѣріемъ, которое оказалъ мнѣ нашъ Августѣйшій повелитель, поручивъ командованіе войсками, долженствующими защищать Крымъ. Употреблю всѣ возможныя старанія и всѣ мои силы, чтобы исправить дѣла страны, къ несчастію крайне испорченныя, но прошу васъ не ждать отъ меня чудесъ,—ихъ творитъ только Господь. Князь же Меншиковъ оставилъ дѣла въ такомъ положеніи, что только при помощи Божіей можно ихъ привести въ порядокъ. Надо сознаться, что страна совершенно разорена, войска изнурены и дурно продовольствованы, а

[1]) Всепод. донесеніе кн. Горчакова отъ 27-го февраля.

[2]) Отъ 23-го февраля 1855 г.

рядомъ неудачъ потеряли увѣренность въ успѣхѣ; кавалерійскія и артиллерійскія лошади почти не двигаются, и перевозочныя средства продовольственныхъ припасовъ почти уничтожены. Я единственно надѣюсь только на то, что непріятель не откроетъ наступательныхъ дѣйствій, ранѣе прибытія значительныхъ подкрѣпленій, которыя я отправляю. Все, что могу сдѣлать до ихъ прибытія—это держаться оборонительнаго положенія, что представляетъ наитруднѣйшую задачу.

„Еще разъ не требуйте отъ меня чудесъ. Если бы послѣ Инкерманскаго дѣла было принято мое предложеніе и Меншиковъ тогда же замѣненъ другимъ лицомъ, то Крымъ былъ бы уже очищенъ отъ непріятеля. Теперь это возможно не ранѣе, какъ съ прибытіемъ посылаемыхъ мною подкрѣпленій и то, если Севастополь не будетъ взятъ къ тому времени. До прихода подкрѣпленій не требуйте отъ меня никакихъ безразсудныхъ поступковъ (de coups de tête), мы и такъ уже ихъ много дѣлали, и всѣ они обратились не въ нашу пользу. Предпринять серьезное дѣло, не будучи къ тому вынужденнымъ и до прибытія подкрѣпленій—значитъ навѣрное все потерять“.

Видя столь большую опасность, угрожающую Севастополю, князь Горчаковъ торопился оставить Кишеневъ, но наступившая распутица служила немалымъ препятствіемъ. Съ наступленіемъ весны дороги испортились настолько, что движеніе войскъ, обозовъ и въ особенности транспортовъ представляло такія затрудненія, о которыхъ, не бывши на мѣстѣ, не возможно было составить себѣ истиннаго представленія.

Дурное состояніе путей сообщенія вообще было причиною, что князь Горчаковъ, при всемъ своемъ желаніи прибыть какъ можно скорѣе къ новому назначенію, не могъ этого сдѣлать съ тою поспѣшностью, съ какою желалъ. Онъ долженъ былъ сдать начальство генералъ-адъютанту Лидерсу, который могъ прибыть въ Кишиневъ не ранѣе 25-го или 26-го февраля. Хотя въ ожиданіи его пріѣзда въ главной квартирѣ Южной арміи происходила усиленная дѣятельность по составленію инструкцій и наставленій новому начальнику, тѣмъ не менѣе князь Михаилъ Дмитріевичъ не могъ оставить арміи ранѣе какъ на другой день послѣ сдачи. Располагая выѣхать изъ Кишинева 27-го или 28-го февраля, онъ надѣялся быть въ Севастополѣ

около 7-го марта [1]), и былъ увѣренъ, что до его пріѣзда князь Меншиковъ останется распорядителемъ арміи и обороны.

Оставивъ Сѣверную сторону Севастополя, князь Меншиковъ, 20-го февраля, пріѣхалъ въ Симферополь. Не принимая никого, онъ изъявилъ желаніе жить внѣ города и по предложенію предсѣдателя казенной палаты переѣхалъ къ нему на дачу [2]). Здѣсь онъ получилъ приведенный нами рескриптъ отъ 15-го февраля, а вслѣдъ затѣмъ другой, привезенный сыномъ фельдмаршала и извѣщавшій о кончинѣ Императора Николая I-го и вступленіи на престолъ Александра II. Отправивъ въ Севастополь печальное извѣстіе, князь Меншиковъ, въ то же самое время, отдалъ приказъ о своемъ увольненіи отъ званія главнокомандующаго.

„Государь Императоръ,—писалъ онъ [3]),—въ милостивомъ вниманіи къ совершенно разстроенному моему здоровью, высочайше слагая съ меня обязанности по командованію войсками въ Крыму и по званію начальника главнаго морскаго штаба, на мнѣ лежавшія, при вступленіи своемъ на престолъ, 18-го числа сего февраля, удостоилъ меня отъ 19-го сего же мѣсяца Монаршимъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено нижеслѣдующее:

„Въ общей глубокой горести о кончинѣ нашего благодѣтеля, да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ. Поблагодарите отъ меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи; перешедшій въ жизнь вѣчную, Царственный Вождь православнаго воинства благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость.

„Товарищи!—что могу еще сказать послѣ двухъ царственныхъ благословеній вамъ на вѣрную и честную службу Престолу и Отечеству!

„Тяжкими недугами разлученный съ вами, мнѣ остается только искренно поблагодарить всѣхъ и каждаго изъ моихъ морскихъ и сухо-

---

[1]) Письмо кн. Горчакова князю Меншикову 21-го февраля 1855 г.

[2]) Письмо А. Щербачева Э. В. Бримеру отъ 21-го февраля 1855 г.

[3]) Въ приказѣ отъ 28-го февраля 1855 г.

путныхъ войскъ, сотрудниковъ отъ генерала до рядоваго, за неоднократно доставленное мнѣ счастіе передавать имъ „царское спасибо“, и покидая, по необходимости, ряды доблестнаго воинства, я утѣшаюсь убѣжденіемъ, что, удостоенное прежде, оно не перестаетъ и впредь заслуживать Монаршее одобреніе, радуя нашего царя успѣхами защиты православнаго дѣла.

„Товарищи, прощайте! Господь да помогаетъ вамъ“.

Непріятель узналъ о несчастіи, постигшемъ Россію гораздо ранѣе, чѣмъ ужасное извѣстіе это достигло до Севастополя. Вѣсть о кончинѣ Императора Николая I-го была получена союзниками въ семь часовъ вечера 22-го февраля (6-го марта новаго стиля), и на другой же день сообщена одному изъ нашихъ парламентеровъ.

— Мы оплакиваемъ вашу потерю,—сказалъ французскій офицеръ.

— Какую потерю?—спросилъ нашъ парламентеръ.

— Какъ будто вы не знаете? Вашъ Императоръ скончался.

Хотя извѣстіе это и сохранялось начальствомъ въ секретѣ, но, подъ покровомъ тайны, оно облетѣло по гарнизону и поразило всѣхъ [1]). 1-го марта, на другой день по прибытіи въ Севастополь съ манифестомъ князя Паскевича, приказано было собрать въ нѣсколькихъ пунктахъ всѣ свободныя отъ службы войска, поставить ихъ, по возможности въ скрытныхъ отъ непріятеля мѣстахъ и, по прочтеніи манифеста о вступленіи на престолъ Императора Александра II, отслужить панихиду по въ Бозѣ почившему, а затѣмъ приступить къ присягѣ.

При чтеніи манифеста всѣ плакали, начиная отъ генерала и до послѣдняго солдата; многіе крестились, другіе шептали молитву, а иные становились на колѣни, клали земные поклоны и молились за упокой души усопшаго. „Не могу выразить вамъ,—писалъ Б. Мансуровъ [2]),—впечатлѣнія сегодняшняго грустнаго дня; мы всѣ здѣсь какъ пьяные, ходимъ изъ угла въ уголъ какъ тѣни, безъ словъ и безъ мыслей. Я былъ уже приготовленъ къ печальному извѣстію, ибо зналъ настоящую причину отъѣзда Великихъ Князей, т. е. болѣзнь Государя, но никогда не могъ себя увѣрить, что подобное горе возможно“.

---

[1]) Алабинъ. Походныя записки, ч. II, 177.

[2]) Въ письмѣ А. В. Головнину отъ 1-го марта.

Согласно высочайшей волѣ, князь Меншиковъ оставался въ Симферополѣ почти до дня пріѣзда князя Горчакова. Стараясь оправдать свою дѣятельность, онъ ссылался на то, что будто бы не имѣлъ достаточно простора и полномочій распоряжаться войсками по своему усмотрѣнію; просилъ для пользы дѣла не стѣснять въ этомъ новаго главнокомандующаго и обѣщалъ передать князю Горчакову всѣ необходимыя свѣдѣнія о ходѣ обороны [1]). Послѣдняя сосредоточивалась теперь преимущественно на окончаніи выдвинутыхъ впередъ укрѣпленій, при чемъ для фланкированія Волынскаго редута и обстрѣливанія Саперной дороги, была построена, лѣвѣе редута, двухъ-орудійная батарея (Венеціанская).

Съ окончаніемъ, 25-го февраля, *Волынскаго* редута, укрѣпленная позиція на Киленъ-балочныхъ высотахъ была вооружена 24-мя орудіями, изъ которыхъ 16 назначались для дѣйствія по осаднымъ работамъ атакующаго. Вся система этихъ укрѣпленій по командной части была подчинена начальнику 4-го отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмиралу Истомину, а комендантами редутовъ были назначены: Селенгинскаго капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ, и Волынскаго капитанъ-лейтенантъ Швендеръ [2]). Для занятія редутовъ назначалось ежедневно по шести батальоновъ (общая численность которыхъ не превышала 3.000 человѣкъ) отъ полковъ: Волынскаго, Селенгинскаго и Якутскаго, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева, особенно слѣдившаго за тѣмъ, чтобы находившійся въ укрѣпленіяхъ гарнизонъ былъ всегда готовъ встрѣтить врага, ибо ежеминутно можно было ожидать нападенія непріятеля.

Не рѣшаясь однако же атаковать редуты, французы усиливали свои траншеи, вывели впередъ нѣсколько подступовъ, по направленію къ Селенгинскому редуту и заложили, для дѣйствія по передовымъ нашимъ постройкамъ, четыре батареи. Англичане въ это время устроили два завала передъ третьимъ бастіономъ и заложили на Зеленой горѣ одну батарею.

Изъ этихъ работъ видно, что осаждающій, принявъ на себя роль обороняющагося, хлопоталъ только о томъ, чтобы уравновѣсить свой

---

[1]) См. приложеніе № 30-й.

[2]) Впослѣдствіи, съ 4-го марта, его замѣнилъ капитанъ-лейтенантъ Кремеръ.

огонь съ огнемъ защитниковъ. Союзные главнокомандующіе надѣялись, что по окончаніи постройки шести французскихъ батарей, съ прежде существовавшими англійскими батареями, они будутъ имѣть въ этомъ пунктѣ до 72-хъ орудій; что, съ открытіемъ усиленнаго бомбардированія, редуты будутъ разрушены, и тогда представится возможность занять холмъ впереди Малахова кургана, и, зайдя въ тылъ обороняющемуся, заставить его оставить редуты.

Въ концѣ февраля, Канробергъ осмотрѣлъ свои работы и, посовѣтовавшись съ начальниками различныхъ частей войскъ, увѣдомилъ главнокомандующаго англійскою арміею, что французскія батареи будутъ готовы открыть огонь къ 1-му марта. Лордъ Рагланъ отвѣчалъ, что англійскіе инженеры также приступили уже къ постройкѣ нѣсколькихъ батарей, которыя въ общемъ ходѣ атаки принесутъ большую и несомнѣнную пользу, но что онѣ не могутъ быть готовы къ этому времени. Онъ не могъ даже опредѣлить срока, къ которому англійскія батареи будутъ въ состояніи открыть огонь и къ какому времени ихъ успѣютъ снабдить необходимыми боевыми припасами.

Такое замедленіе было невыгодно для союзниковъ, видѣвшихъ, какъ русскіе безпрепятственно укрѣпляютъ свою позицію, и Канроберъ жаловался на англичанъ, по его словамъ, стѣснявшихъ дѣйствія французской арміи. „Наши батареи, —писалъ онъ военному министру отъ 5-го (17-го) марта [1],—вооружены огромнымъ числомъ орудій, до 500, могущихъ открыть огонь, и съ 14-го (2-го) числа я жду англичанъ, которые еще не готовы. Я понуждаю ихъ какъ могу, помогаю имъ даже, совершенно понимая необходимость броситься на ту часть Севастополя, которою мы овладѣть въ состояніи; но понимаю также невозможность начать дѣйствія безъ нашихъ союзниковъ. Главное дѣло въ настоящую минуту состоитъ въ томъ, чтобы захватить отрытою силою курганъ къ югу отъ Малаховой башни, гдѣ непріятель сильно укрѣпляется, подъ покровительствомъ сосредоточеннаго огня сильной артиллеріи“.

Преувеличивая, для пользы будущаго, свою опасность, Канроберъ сваливалъ всю вину на англичанъ. Онъ писалъ, что атака Малахова кургана чрезвычайно трудна для втораго корпуса; что батареи и траншеи выводятся подъ сильнымъ огнемъ батарей Корабельной стороны

---

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt. T. II, 198.

и *„неимовърнаго“* числа русскихъ стрѣлковъ, скрывающихся въ многочисленныхъ ложементахъ. Французскій главнокомандующій говорилъ, что, понимая, какъ пагубно и опасно замедленіе огня, онъ все-таки не можетъ ничего сдѣлать съ англичанами.

„Вчера,—писалъ Канроберъ 11-го (23-го) марта,—я убѣждалъ лорда Раглана въ необходимости скорѣе открыть огонь, но не могъ получить отъ него удовлетворительнаго отвѣта“.

Однѣ ли только эти причины или еще и другія задерживали дѣятельность союзниковъ, но они въ теченіе долгаго времени не препятствовали окончанію нашихъ передовыхъ построекъ и даже ослабили свой огонь по всей линіи осадныхъ работъ. Они поддерживали только штуцерной и слабый мортирный огонь, на который защитники отвѣчали также рѣдкими выстрѣлами изъ мортиръ. Ослабленіе огня съ нашей стороны вызывалось единственно только необходимостію соблюсти экономію въ порохѣ, подвозка котораго, при дурномъ состояніи дорогъ, была крайне медленна, а между тѣмъ запасы боевыхъ припасовъ истощались и къ 6-му марта оставалось только по 240 зарядовъ на орудіе [1]). Опасаясь остаться вовсе безъ пороха, вице-адмиралъ Нахимовъ, какъ начальникъ гарнизона, лично наблюдалъ за правильностью расходованія зарядовъ и приказалъ открывать огонь только по наступающимъ колоннамъ, а по осаднымъ работамъ не иначе, какъ по разрѣшенію начальниковъ дистанцій.

Соблюдая экономію въ порохѣ, доблестный адмиралъ, не щадившій собственной жизни, обратилъ особенное вниманіе на соблюденіе экономіи въ людяхъ. Онъ призналъ необходимымъ остановить излишнюю отвагу Севастопольскаго гарнизона и наблюдать за тѣмъ, чтобы защитники не подвергали себя опасности безъ особенной надобности. Видя, что многіе высказываютъ излишнюю храбрость, Павелъ Степановичъ просилъ своихъ подчиненныхъ сохранить ее для болѣе важныхъ случаевъ обороны.

„Усилія, употребленныя непріятелемъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ [2]),—противу Севастополя 5-го октября и въ послѣдующіе затѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши разсчитываютъ на средства еще болѣе

---

[1]) См. ранортъ барона Остенъ-Сакена отъ 6-го марта № 426.

[2]) Отъ 2-го марта 1855 г. № 54.

громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу; средства обороны нашей почти утроились, и потому кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ дерзкими помыслами непріятеля. Но разрушить ихъ, при большой потерѣ съ своей стороны, не есть еще полное торжество, и потому-то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно, предварительно озаботиться, чтобы при открытіи огня съ непріятельскихъ батарей не было ни одного лишняго человѣка, не только въ открытыхъ мѣстностяхъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей, для неразлучныхъ съ боемъ работъ, были ограничены крайнею необходимостью. Заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщетъ средство сдѣлать экономію въ людяхъ и тѣмъ уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допущено частными начальниками; пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно остается на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гг. офицерамъ. Я надѣюсь, что гг. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ. При этомъ прошу внушить имъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ первой.

„Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ повторить запрещеніе частой пальбы. Кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должна оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость о сохраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей чести, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ-артиллеристовъ“.

Мѣткость этой стрѣльбы, хорошо извѣстная союзникамъ, была причиною постояннаго превосходства, которое имѣлъ огонь обороняющагося надъ осаждающимъ. Превосходство это заставляло англо-французовъ избѣгать борьбы при равныхъ условіяхъ и стараться увеличить число орудій, а слѣдовательно прибѣгать къ постройкѣ новыхъ батарей, по-

стройкѣ, замедлявшей движеніе впередъ и ослаблявшей дѣятельность союзниковъ въ общемъ ходѣ осадныхъ работъ.

Слабая, сравнительно конечно, дѣятельность эта и утвержденіе наше на Киленъ-балочныхъ высотахъ навели князя Меншикова на мысль о возможности и своевременности наступательныхъ дѣйствій съ лѣваго фланга, съ тѣмъ, чтобы, подъ прикрытіемъ выдвинутыхъ впередъ редутовъ, атаковать работы непріятеля на Сапунъ-горѣ. Отъѣзжая изъ Севастополя, главнокомандующій просилъ генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена сообразить всѣ обстоятельства дѣла, и если представится возможнымъ, то привести его въ исполненіе. Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ поручилъ генералъ-лейтенанту Хрулеву произвести рекогносцировку непріятельскаго расположенія и представить свое соображеніе. Вечеромъ 20-го февраля былъ собранъ совѣтъ изъ генераловъ: Хрулева, Баумгартена и полковника Васильчикова, на которомъ, послѣ чтенія записки Хрулева, писанной, какъ видно, Баумгартеномъ, наступательное движеніе было признано невозможнымъ [1]). Предпріятіе это, по мнѣнію собравшихся на совѣщаніе, не обѣщавшее никакого успѣха, кромѣ огромной потери, было оставлено безъ исполненія, а въ замѣнъ того рѣшено приступить немедленно къ занятію кургана впереди Малахова съ тѣмъ, чтобы предупредить въ томъ непріятеля, несомнѣнно стремившагося къ той же цѣли.

Возведеніе французами четырехъ батарей, заложеніе двухъ новыхъ и наконецъ постройка англичанами двухъ батарей заставляли насъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ какъ можно скорѣе. Для защитниковъ было ясно, какъ день, что всѣ вновь устраиваемыя батареи предназначаются для дѣйствія по Малахову кургану, который, будучи подверженъ перекрестному огню, не въ силахъ будетъ состязаться въ борьбѣ съ батареями союзниковъ. „Чтобы парализовать ихъ дѣйствія,— писалъ князю Меншикову баронъ Остенъ-Сакенъ [2]),—Тотлебенъ предлагаетъ на курганѣ въ 250 саженяхъ отъ бастіона (Корниловскаго) построить редутъ. Я давно уже желалъ этого, но не хотѣлъ привлечь вниманіе непріятеля, но, какъ онъ усиливается на этомъ

[1]) Рапортъ барона Остенъ-Сакена князю Меншикову отъ 21-го февраля № 20. Письмо Семякина кн. Меншикову отъ 21-го февраля.

[2]) Въ письмѣ отъ 24-го февраля.

пунктѣ, то не дозволите ли привести въ исполненіе предложеніе, по окончаніи Волынскаго редута, что̀ можетъ послѣдовать дня черезъ два".

Князь Меншиковъ вполнѣ одобрилъ эту мѣру и находилъ даже, что такой редутъ можетъ впослѣдствіи послужить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій къ овладѣнію англійскими батареями, между Киленъ и Лабораторною балками [1]). Овладѣніе это казалось теперь возможнымъ потому, что, съ занятіемъ кургана, мы могли дѣйствовать во флангъ англійскимъ траншеямъ, направленнымъ противъ третьяго бастіона.

Догадываясь, что появленіе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ не есть простая случайность, а только подготовительная работа къ болѣе важной и существенной, союзники съ замираніемъ сердца смотрѣли на курганъ, опасаясь каждую минуту увидѣть на немъ русскую батарею, способную разрушить всѣ ихъ надежды на быстрое выдвиженіе впередъ осадныхъ работъ. Разсказываютъ, что англичане держали даже пари, кто первый займетъ курганъ: французы или русскіе? [2]).

Въ ночь съ 26-го на 27-ое февраля курганъ былъ занятъ нами, и на немъ заложено укрѣпленіе названное *Камчатскимъ* люнетомъ, комендантомъ котораго былъ назначенъ (4-го марта) капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ.

Къ вечеру 26-го февраля всѣ орудія четвертаго отдѣленія оборонительной линіи были направлены на курганъ, а съ наступленіемъ сумерекъ полковникъ Тотлебенъ произвелъ разбивку укрѣпленія, постройка котораго была возложена на инженеръ штабсъ-капитана Сахарова. Три батальона Якутскаго полка усиленно трудились въ теченіе всей ночи, и къ утру работа была подвинута настолько, что можно было продолжать ее въ теченіе цѣлаго дня, какъ во рву, такъ и внутри укрѣпленія [3]).

Съ разсвѣтомъ союзники съ грустью увидѣли, что русскіе предупредили ихъ намѣреніе и что съ возведеніемъ этой постройки штурмъ Севастополя и его паденіе отсрочены на довольно долгое время.

„Il n'y avait plus de doute,—пишетъ Оже,—sur le dessein des Russes: ils nous avaient devancés et construisaient une redoute, qui, avec les

[1]) Письмо кн. Меншикова барону Остенъ-Сакену отъ 25-го февраля.
[2]) «Воен. Сборникъ» 1860 г. № 4.
[3]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», 41—43.

Ovrages blancs [1]) et les parallèles de contre-approche, formait une ligne de défenses avancées, dont la prise devait retarder sensiblement l'assaut de la tour Malakoff".

Англо-французы сознавали, что теперь имъ не остается ничего болѣе какъ препятствовать работамъ огнемъ своихъ батарей, но, несмотря на мѣткій перекрестный огонь шести орудій: трехъ французскихъ и трехъ англійскихъ, работы въ укрѣпленіи не прерывались ни на минуту.

Обыкновенно принимается правиломъ, что атакующій можетъ открыть осадныя работы не ближе, какъ на половинномъ разстояніи отъ своего сборнаго мѣста до крѣпости, иначе онъ подвергаетъ ихъ скорому разрушенію, посредствомъ вылазокъ обороняющагося, такъ какъ не можетъ подоспѣть во-время на помощь. Еще бо̀льшую отвагу долженъ имѣть осажденный, отступая отъ этого правила. При правильно веденной осадѣ, атакующій имѣетъ гораздо болѣе средствъ выставить превосходныя силы на мѣстности между своими параллелями и крѣпостью. Тѣмъ не менѣе намъ удалось построить и вооружить Камчатскій люнетъ ближе къ непріятельскимъ работамъ, чѣмъ къ собственной оборонительной линіи.

Возведеніе трехъ укрѣпленій подъ ближайшимъ огнемъ орудій атакующаго было конечно дѣломъ весьма важнымъ и можно сказать единственнымъ въ исторіи обороны крѣпостей и укрѣпленныхъ позицій, но нельзя не сказать, что въ то время, когда явились и въ томъ видѣ, въ какомъ явились эти укрѣпленія передъ непріятелемъ—это была не болѣе какъ полумѣра. Люди опытные, боевые и бывалые тогда же сознавали, что они явились слишкомъ поздно, стояли одиноко и безъ той связи и силы, которую могли имѣть, если бы были построены ранѣе.

— Жаль,—говорилъ князь Горчаковъ,—что постройка ихъ предпринята столь поздно. Теперь постановленіе каждаго тура, для ихъ поправки или усиленія, стоитъ крови и большихъ потерь.

„Наступательныя движенія наши изъ осажденнаго Севастополя,—пи-

---

[1]) Такъ называли они Селенгинскій и Волынскій редуты; Камчатскій же люнетъ извѣстенъ у союзниковъ подъ именемъ „Ouvrage du Mamelon vert".

салъ Остенъ-Сакенъ [1]),—сооруженіемъ трехъ передовыхъ редутовъ: двухъ на лѣвомъ флангѣ за Киленъ-балкою и одного передъ Малаховымъ курганомъ, стоили потерь и потребовали новыхъ войскъ. Наступательныя эти дѣйствія, въ полумѣрѣ произведенныя, не принесли пользы, напротивъ, привлекли вниманіе непріятеля къ мѣстности единственной для нашего наступленія. Непріятель произвелъ и продолжаетъ производить усиленныя работы противъ нашего лѣваго фланга, возводитъ новыя батареи, траншеи и усиливаетъ профили. Съ каждымъ днемъ наступленіе наше на непріятельскій укрѣпленный лагерь становится труднѣе. Почти три мѣсяца усыплялъ я непріятеля, отвлекая вниманіе его отъ пространства между Киленъ и Доковою балками, не позволялъ дѣлать вылазокъ въ этой мѣстности, и непріятель держался въ отдаленіи".

Хотя непріятель обратилъ вниманіе на эту мѣстность ранѣе заложенія нами контръ-апрошныхъ редутовъ, и слова Остенъ-Сакена не вполнѣ справедливы, тѣмъ не менѣе мы должны сознать, что постройка этихъ укрѣпленій была предпринята слишкомъ поздно, тогда, когда не представлялось уже возможнымъ укрѣпить избранную позицію настолько, чтобы сдѣлать изъ нея весьма сильную преграду непріятелю. Все это можно было сдѣлать гораздо ранѣе и съ наибольшимъ успѣхомъ. Если бы князь Меншиковъ послѣдовалъ своевременно указаніямъ Императора Николая I, онъ могъ бы сдѣлать эту позицію столь сильною, что для овладѣнія ею союзникамъ пришлось бы употребить труда не менѣе, чѣмъ противъ важнѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи.

Появленіе редутовъ впереди оборонительной линіи показало, что предпріимчивый и рѣшительный главнокомандующій могъ съ русскими войсками отважиться на многое; что опасенія князя Меншикова и его доказательства о невозможности наступательныхъ дѣйствій были не основательны и что, наконецъ, если мы могли утвердиться на передовой позиціи въ виду непріятеля, въ то время, когда французы пришли на помощь англичанамъ и приняли на себя атаку Малахова кургана,—то мы могли это сдѣлать съ бо̀льшимъ успѣхомъ для обороны, нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, когда противъ насъ стояли одни англичане, обезсиленные болѣзнями и упавшіе духомъ.

---

[1]) Въ запискѣ князю Горчакову отъ 5-го марта 1855 года. Отношеніе князя Горчакова военному министру 18-го марта.

Съ другой стороны, движеніе наше впередъ показало союзникамъ, что для Севастополя наступилъ новый періодъ обороны, болѣе упорный и кровопролитный. Постройка *„трехъ отроковъ въ пещи“*, какъ называли тогда редуты въ Севастополѣ, стоила намъ довольно дорого, и должно было ожидать, что въ будущемъ удержаніе ихъ за собою будетъ стоить еще дороже, но польза, приносимая ими дѣлу обороны, выкупала всѣ потери. Занятіе нами передовой позиціи было самымъ капитальнымъ изъ всѣхъ подвиговъ защитниковъ Севастополя. Мы остановили осадныя работы союзниковъ противъ Малахова кургана, воспретили имъ, безъ новыхъ и весьма продолжительныхъ работъ, возводить батареи, для обстрѣливанія бухты—словомъ, отсрочили паденіе Севастополя на нѣсколько мѣсяцевъ.

Готовые къ усиленному бомбардированію и за тѣмъ къ быстрому движенію впередъ, англо-французы принуждены были остановить свои дѣйствія и опять прибѣгнуть къ тому же средству, къ которому они постоянно прибѣгали,—къ новому и еще бо́льшему развитію артиллерійскаго огня.

Къ началу марта на одной лѣвой атакѣ французовъ было готово и вооружено болѣе 45 батарей и приготовлено по 500 выстрѣловъ на орудіе. Теперь же эти средства признаны недостаточными, и изъ Франціи потребованъ былъ новый осадный паркъ въ 160 орудій.

Стараясь увеличить калибръ и дальность выстрѣловъ, французы приступили къ развитію навѣснаго огня, начали ставить на свои батареи мортиры дальняго бросанія (mortier à plaque) и просили, чтобы въ составъ требуемаго осаднаго парка было доставлено только 60 пушекъ, а остальныя орудія были гаубицы и какъ можно болѣе мортиръ. Сверхъ того, чтобы воспрепятствовать нашимъ наступательнымъ работамъ они ввели въ свои траншеи большое число полевыхъ орудій, снабженныхъ сначала по 1.000, а впослѣдствіи по 2.000 зарядовъ на орудіе.

Вотъ та усиленная дѣятельность и необычайныя средства, которыя были вызваны нашими контръ-апрошными работами. Въ постройкѣ редутовъ,—говоритъ авторъ нѣмецкой брошюры [1],—„мы видимъ систему

---

[1]) Militairiche Betrachtungen über die Verteidigung von Sebastopol, изд. 1856 г.

контръ-апрошей въ небываломъ дотолѣ протяженіи, исполненную столь же дальновидно, сколько смѣло,—фактъ, блистательно свидѣтельствующій о превосходствѣ высшаго начальствованія обороною".

Къ сожалѣнію, волѣ Всевышняго угодно было, чтобы руководитель славной обороны, Императоръ Николай I., не дождался блестящихъ результатовъ своихъ указаній и неоднократныхъ настояній. Ему одному принадлежитъ вся слава обороны Севастополя, находчивость и смѣлость, о которыхъ кричали и до сихъ поръ кричатъ въ Европѣ, не подозрѣвая, кто былъ виновникомъ изобрѣтательности, и приписывая всю славу людямъ, бывшимъ только простыми исполнителями его смѣлыхъ предначертаній. Безпристрастная исторія укажетъ въ будущемъ на ту громадную дѣятельность и тотъ переворотъ въ инженерномъ искусствѣ, который былъ сдѣланъ въ царствованіе Императора Николая I-го и который привелъ къ блестящимъ результатамъ. Императору исключительно принадлежитъ мысль контръ-апрошныхъ работъ, занятіе холма впереди Малахова кургана и заложеніе трехъ передовыхъ редутовъ. „Все это *совершенно сходно съ мыслями* нашего незабвеннаго Государя,—писалъ Императоръ Александръ II-й князю Горчакову [1]), и вѣрно, его бы порадовало.

„Три новыхъ укрѣпленія, возведенныхъ подъ носомъ непріятеля, есть уже весьма важный результатъ. Жаль только, что устройство ихъ не было исполнено *тремя мѣсяцами раньше*, на что незабвенный нашъ благодѣтель *неоднократно указывалъ князю Меншикову* [2]). Въ то же время и уронъ былъ бы вѣроятно не столь значительный какъ теперь. Дай Богъ только, чтобы намъ удалось въ нихъ удержаться".

Несмотря на постоянно поддерживаемый союзниками огонь, работы въ люнетѣ шли весьма успѣшно, при чемъ обороняющійся, не желая дозволить непріятелю быстро приближаться къ этому укрѣпленію, своими осадными работами усилилъ артиллерійское вооруженіе четвертаго отдѣленія оборонительной линіи и заложилъ впереди Камчатскаго люнета двѣ линіи ложементовъ для стрѣлковъ. Три дня подрядъ (2-го, 3-го и 4-го марта), французы пытались отнять у насъ эти ложементы, но,

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23-го февраля 1855 г.

[2]) Все подчеркнуто въ подлинникѣ.

*

потерпѣвши неудачу, открыли по нимъ огонь съ осадныхъ батарей, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ поражать и Камчатскій люнетъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е марта мы заложили въ передней линіи еще пять ложементовъ, что́, съ прежними семью ложементами, составило довольно сильную оборону. Непріятель очень хорошо понималъ, что, пока будутъ существовать эти ложементы, движеніе впередъ почти невозможно, и потому рѣшился въ четвертый разъ попытать счастья овладѣть ими. Лишь только наступили сумерки и ночная цѣпь наша заняла обычное мѣсто, передъ вновь строившимся Камчатскимъ люнетомъ, какъ французы открыли по ложементамъ самый частый ружейный и артиллерійскій огонь, а потомъ вдругъ прекратили его и съ крикомъ „Allons à Sèbastopol" бросились на правофланговые ложементы тремя колоннами, обошедшими ихъ съ тыла.

— Retournez à Balaclava,—отвѣчалъ на возгласъ непріятеля командиръ Якутскаго полка полковникъ Бялый и встрѣтилъ атакующихъ батальнымъ огнемъ [1]).

Несмотря на то французы успѣли вытѣснить якутцевъ и занять ложементы, но не могли въ нихъ утвердиться. Назначенный наканунѣ начальникомъ всѣхъ войскъ Корабельной стороны и передовой позиціи лѣваго фланга, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ приказалъ полковнику Свищевскому, находившемуся въ люнетѣ съ тремя ротами Волынскаго полка, выбить штыками французовъ. Приказаніе было исполнено, и непріятель спасся бѣгствомъ въ свои траншеи. Хотя побѣда осталась за нами, но по всему видно было, что дѣло этимъ не кончится, что французы еще разъ попытаются атаковать насъ. Сильный ружейный огонь изъ-за траншей указывалъ, что за ними собраны значительныя войска, и потому генералъ Хрулевъ, въ ожиданіи новаго нападенія, приказалъ полковнику Бялому вывести изъ люнета одинъ батальонъ его полка, и, подкрѣпивъ съ обѣихъ сторонъ двумя ротами Томскаго полка, быть готовымъ для встрѣчи непріятеля. Послѣдній не заставилъ себя долго ждать: новыя колонны его бросились съ барабаннымъ боемъ, но были встрѣчены штыками и снова прогнаны въ свои траншеи. Наши войска дотого увлеклись преслѣдованіемъ, что ворвались во француз-

---

[1]) Изъ записокъ штабсъ-капитана Якутскаго полка Толпыго (рукоп.).

скія траншеи и завязали тамъ упорный рукопашный бой, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока Хрулевъ не приказалъ полковнику Бялому вывести войска изъ траншей и расположить ихъ въ своихъ ложементахъ.

Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ убитыми 15-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ, ранеными 2-хъ офицеровъ и 85-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ и контуженными: 3-хъ офицеровъ [1]) и 65-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ. Французы оставили на мѣстѣ боя до 50 тѣлъ и въ числѣ плѣнныхъ одного офицера и 8 человѣкъ нижнихъ чиновъ [2]). Видя, что открытою силою, простымъ нападеніемъ, невозможно отнять у насъ ложементы, французы открыли канонаду по Камчатскому люнету и Малахову кургану. Огонь этотъ, не прекращавшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней, вырвалъ изъ рядовъ Севастопольскаго гарнизона начальника четвертой оборонительной дистанціи, доблестнаго контръ-адмирала В. И. Истомина, убитаго ядромъ, утромъ 7-го марта.

Со дня высадки союзниковъ въ Крыму, завѣдуя четвертою оборонительною дистанціею и помѣстившись на Малаховомъ курганѣ, Владиміръ Ивановичъ не зналъ ни отдыха, ни покоя. Истоминъ съ самаго начала осады и по день смерти, въ теченіе семи мѣсяцевъ, ни разу не раздѣвался, а если и ложился спать на нѣсколько часовъ, то дѣлалъ это только по необходимости, присущей человѣку. Онъ самъ служилъ примѣромъ дѣятельности, заботливости и слѣдилъ безотлучно за работами [3]).

— Лишній ударъ заступа,—говорилъ онъ,—можетъ спасти жизнь человѣку.

Безъ личнаго надзора адмирала, лопаты земли не было взброшено на Малаховомъ курганѣ, который былъ его кораблемъ, его домомъ, его любимымъ дѣтищемъ. Изъ Малахова кургана Истоминъ сдѣлалъ отдѣльную крѣпость, грозную для непріятеля. Строгій и требовательный по службѣ, онъ никогда не возбуждалъ въ подчиненныхъ ни неудовольствія, ни ропота; они видѣли адмирала первымъ на работѣ и послѣднимъ

---

[1]) Въ числѣ контуженныхъ былъ командиръ Томскаго полка полковникъ Пустовойтовъ.

[2]) Рапортъ Нахимова барону Остенъ-Сакену отъ 6-го марта.

[3]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 394.

на отдыхѣ, видѣли постоянно бодрствующимъ и всегда впереди, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Шесть мѣсяцевъ сряду, по нѣскольку разъ въ день, онъ осматривалъ работы, ходилъ въ цѣпь и въ ложементы. Презрѣніе къ смерти составляло отличительную черту характера Владиміра Ивановича.

— Нашъ адмиралъ будто о семи головахъ, въ самый кипятокъ такъ и лѣзетъ,—говорили малаховцы о своемъ начальникѣ.

Когда Истомину замѣчали объ опасности, которой себя подвергаетъ,—онъ отвѣчалъ: „я давно уже выписалъ себя въ расходъ и теперь живу на счетъ англичанъ и французовъ“.

Презирая самъ всякую опасность, Владимріъ Ивановичъ наблюдалъ, однако же, за тѣмъ, чтобы доставить возможныя удобства гарнизону, и, за нѣсколько часовъ до своей смерти, просилъ самымъ настойчивымъ образомъ о прибавкѣ носилокъ, для облегченія участи раненыхъ. Безстрашный подъ пулями, Истоминъ скорбѣлъ душевно, смотря, какъ, за недостаткомъ носилокъ, таскали раненыхъ на ружьяхъ, или просто за руки и за ноги. Стоны ихъ болѣзненно надрывали его доброе сердце.

Истоминъ погибъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета. Онъ шелъ не по траншеѣ, а по ея гребню. По одну сторону адмирала былъ комендантъ Камчатки капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ, по другую—строитель этого укрѣпленія, инженеръ штабсъ-капитанъ Сахаровъ.

— Ваше превосходительство,—сказалъ ему Сенявинъ,—сойдите въ траншею, тутъ очень опасно идти.

— Э, батюшка,—отвѣчалъ Истоминъ,—все равно отъ ядра не спрячешься.

Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, костями которой были контужены оба офицера его сопровождавшіе; на шеѣ адмирала осталась только ленточка георгіевскаго креста, разлетѣвшагося вдребезги [1]).

„Крайне сожалѣю,—писалъ Императоръ [2]),—о смерти храбраго Истомина; онъ былъ изъ лучшихъ офицеровъ Черноморскаго флота и старый мой знакомый“.

---

[1]) Алабинъ, ч. II, 186.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову отъ 20 марта 1855 г.

На другой день послѣ смерти, прахъ доблестнаго адмирала похоронили въ соборѣ Св. Владиміра въ томъ же склепѣ, гдѣ лежали Лазаревъ и Корниловъ. Вмѣсто Истомина начальникомъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій.

XXX.

Прибытіе князя Горчакова въ Севастополь.—Встрѣча его на пути съ княземъ Меншиковымъ.—Приказъ о вступленіи князя Горчакова въ командованіе арміею.—Состояніе края и арміи, ввѣренныхъ его попеченію.—Численный составъ гарнизона.—Ночная вылазка въ ночь съ 10-го на 11-е марта.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.—Положеніе союзниковъ.—Мнѣніе князя Горчакова о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Подвигъ рядоваго Камчатскаго полка Егора Мартышина.

Въ день похоронъ контръ-адмирала Истомина прибылъ въ Севастополь съ большою свитою новый главнокомандующій князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ [1]).

На пути въ городѣ Алешкахъ, по предварительному соглашенію, онъ встрѣтился съ княземъ Меншиковымъ, но, по свидѣтельству очевидцевъ, свиданіе двухъ главнокомандующихъ ограничилось только взаимными любезностями. Князь Александръ Сергѣевичъ не сообщилъ своему преемнику ничего новаго и, подъ предлогомъ болѣзни, не входилъ въ продолжительныя объясненія. Видя его спокойнымъ и не особенно страдающимъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ понималъ, что не болѣзнь заставляетъ князя Меншикова уклоняться отъ объясненій, а то отвратительное наслѣдство (détestable héritage), которое онъ ему оставлялъ на полуостровѣ [2]).

---

[1]) Съ нимъ отправились въ Крымъ: начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Коцебу, генералъ-лейтенанты: Сержпутовскій—начальникъ артиллеріи, Бухмейеръ — начальникъ инженеровъ, Бутурлинъ — генералъ-квартирмейстеръ, Ушаковъ — дежурный генералъ; генералъ-маіоры: Затлеръ — генералъ-интендантъ, Крыжановскій—начальникъ штаба артиллеріи и нѣсколько чиновниковъ разныхъ управленій. Отношеніе кн. Горчакова военному министру отъ 27-го февраля № 4160.

[2]) См. письмо кн. Горчакова воен. министру отъ 9-го марта.

Отправляясь въ Крымъ съ большою частью своего штаба, новый главнокомандующій направилъ туда же изъ Южной арміи: 6-ю и 9-ю пѣхотныя дивизіи, вторую бригаду 14-й пѣхотной и всю 2-ю драгунскую дивизію. Извѣстіе о скоромъ прибытіи новыхъ и сильныхъ подкрѣпленій обрадовало храбрыхъ защитниковъ славнаго города.

„Прибытіе Горчакова въ Крымскую армію,—пишетъ одинъ изъ участниковъ [1]),—было благодѣтельно въ первое время: онъ привелъ съ собою свѣжія войска, обширную власть и неограниченныя средства, уничтожившія нужды войскъ (исключая недостатка въ порохѣ и снарядахъ), а главное—поднялъ нравственный духъ войскъ. Всѣ надѣялись, что онъ начнетъ смѣлыя наступательныя дѣйствія и сдѣлаетъ блистательный переворотъ кампаніи“.

Поводомъ къ такому заключенію было объявленіе самого главнокомандующаго, обѣщавшаго войскамъ конечнымъ успѣхомъ увѣнчать ихъ усилія.

„Государь Императоръ,—писалъ онъ въ приказѣ [2]),—изволилъ мнѣ повелѣть принять личное начальство надъ сухопутными и морскими силами, находящимися въ Крыму.

„Храбрые воины! Мужествомъ вашимъ гордится вся Россія,—и Великій Государь Николай I, при кончинѣ своей, съ признательностію обратилъ послѣдній взоръ на ваши подвиги. Достойный преемникъ Его, царствующій Императоръ Александръ II въ письмахъ ко мнѣ, отъ 19-го и 23-го февраля, изволилъ выразиться слѣдующими словами: „скажите отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего храбрымъ защитникамъ Севастополя, что онъ ими гордился и со смертнаго одра посылаетъ имъ черезъ меня послѣднее и душевное спасибо; скажите нашимъ молодцамъ, что я ихъ отъ души благодарю его именемъ и вполнѣ увѣренъ, что они всегда будутъ достойны его отеческаго попеченія“.

„Самое трудное для васъ время миновалось:—пути возстановляются, подвозы всякаго рода запасовъ идутъ безостановочно, и сильныя подкрѣпленія, къ вамъ на помощь направленныя, сближаются.

---

[1]) Николай Милошевичъ, записки (рукоп.).

[2]) Отъ 8-го марта 1855 г.

„Принимая начальство надъ вами, я въ полномъ упованіи, что вскорѣ, съ Божіею помощію, конечный успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія, и чтó мы оправдаемъ ожиданія нашего Государя и Россіи“.

Ободряя такъ своихъ подчиненныхъ, князь Горчаковъ не имѣлъ причины ласкать себя надеждою на несомнѣнный успѣхъ дѣйствій. Онъ нашелъ на полуостровѣ болѣе 16.000 человѣкъ больныхъ и раненыхъ, лежавшихъ въ плохо устроенныхъ госпиталяхъ; нашелъ войска нуждающимися въ одеждѣ и обуви, не получившими денегъ на фуражъ съ 1-го февраля, а между тѣмъ въ кассѣ было только 500.000 руб., изъ которыхъ можно было заимствовать не болѣе 300.000 руб., такъ какъ эта сумма, будучи экстраординарною, имѣла другое назначеніе и могла понадобиться ежеминутно.

— Какой порядокъ можно имѣть при подобныхъ обстоятельствахъ,— спрашивалъ князь Михаилъ Дмитріевичъ,—и что можно сказать войскамъ, когда они могутъ отвѣчать, что имъ приказывали производить покупки, а не давали необходимыхъ для того денегъ.

Край былъ совершенно истощенъ и въ особенности пространство между Севастополемъ, Симферополемъ и Евпаторіею, гдѣ не было никакой возможности достать фуражъ. Въ Севастополѣ ощущался недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, и главнокомандующій принужденъ былъ просить военнаго министра выслать какъ можно скорѣе пороху и по крайней мѣрѣ два милліона рублей; онъ просилъ доставить въ Симферополь 20.000 шинелей и по 10.000 суконныхъ панталонъ и сапоговъ. Такую присылку князь Горчаковъ считалъ настоятельно необходимою, ибо, по его словамъ въ Крымской арміи „les affaires d'argent, des vivres et des hôpitaux ont été menées à la diable. Aussi l'artillerie et les trains ont des chevaux abîmés et cela au moment, où je puis être dans le cas de manoeuvrer avec célérité [1])“.

Что касается до обороны, то князь Горчаковъ нашелъ ее въ болѣе

[1]) Письмо кн. Горчакова военному министру 9-го марта 1855 г. Принявъ всѣ мѣры къ заготовленію требуемыхъ вещей, военный министръ тотчасъ же отправилъ князю Горчакову 1.500.000 руб., а вслѣдъ за тѣмъ и еще милліонъ, размѣненный на золото, серебро и мелкія ассигнаціи, которыя было весьма трудно достать въ Крыму. См. письмо военнаго министра кн. Горчакову отъ 18-го марта 1855 года.

удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ ожидалъ, но принужденъ былъ сознать, что, для успѣха въ будущемъ, необходимо увеличеніе боевыхъ средствъ и значительныя подкрѣпленія.

Севастополь заключалъ въ себѣ собственно три крѣпости: Городскую сторону на лѣвомъ берегу Южной бухты, Корабельную—на правомъ ея берегу и Сѣверную сторону. Ни одна изъ этихъ частей не могла подать помощи другой, ибо были разобщены между собою двумя широкими бухтами. Сообщеніе по кладкамъ, устроеннымъ на судахъ черезъ Южную бухту, могло быть весьма скоро разрушено непріятельскими выстрѣлами. Даже и въ томъ случаѣ, если бы такого разрушенія не послѣдовало и можно было направить войска для подкрѣпленія, то непріятель, владѣя господствующею мѣстностію, видя внутренность крѣпости и все, что въ ней происходитъ, не замедлилъ бы воспользоваться удаленіемъ войскъ изъ одной части оборонительной линіи въ другую.

По такому стеченію мѣстныхъ обстоятельствъ необходимо было, чтобы каждая изъ частей имѣла самостоятельную оборону и оберегалась числомъ войскъ, достаточнымъ для отраженія непріятельскаго штурма, хотя бы только въ томъ случаѣ, если бы нападеніе было произведено безъ предварительнаго сосредоточенія массъ, на какомъ-либо отдѣльномъ пунктѣ атаки.

Ко дню пріѣзда князя Горчакова, на Южной сторонѣ Севастополя находилось 961 орудіе съ 8.974 человѣками прислуги и $60^1|_4$ батальоновъ пѣхоты, общая численность которыхъ составляла 34.593 штыка [1]).

Главная дѣятельность обѣихъ сторонъ была сосредоточена на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи и исключительно на передовыхъ укрѣпле-

[1]) Рапортъ барона Остенъ-Сакена князю Горчакову 5 марта 1855 г. Войска эти были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на 1-мъ отдѣленіи находилось 16 батальоновъ (9.097 штыковъ) и 290 орудій; на 2-мъ отдѣленіи—8 батальоновъ, 3 роты (5.079 штыковъ) и 173 орудія; въ резервѣ за обоими отдѣленіями—6 батальоновъ (3.810 штыковъ), 8 легкихъ орудій и 57 на батареяхъ. На 3-мъ отдѣленіи—11 батальоновъ (5.262 штыка), 256 орудій на батареяхъ и 6 орудій подвижной флотской батареи; на 4-мъ отдѣленіи—14 батальоновъ, 2 роты (9.143 штыка), 138 орудій на батареяхъ и 5 орудій подвижной флотской батареи. Въ резервѣ за обоими отдѣленіями—4 батальона (2.102 штыка) и 8 полевыхъ орудій.

ніяхъ. Обороняющійся торопился окончить и вооружить „*Камчатку*“, какъ называли солдаты Камчатскій люнетъ, а атакующій, изыскивая всѣ способы, чтобы разрушить его, строилъ батареи и расположилъ въ своихъ траншеяхъ значительное число полевыхъ орудій, производя изъ каждаго по 100 выстрѣловъ въ день.

Къ досадѣ и огорченію врага люнетъ-выскочка все-таки росъ не по днямъ, а по часамъ. Далеко выдвинулся онъ впередъ отъ боевой ограды Севастополя и разобщилъ работы вражіи. Непріятель ощущалъ большую непріятность отъ близкаго присутствія такого сосѣда и считалъ свое положеніе далеко не безопаснымъ.

Конечно, Канроберъ слишкомъ преувеличивалъ опасность и заявлялъ о томъ, чего не было въ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе въ это время союзники чувствовали себя не совсѣмъ хорошо. На курганѣ впереди Малаховой башни,—писалъ Канроберъ [1]), „непріятель возвелъ весьма сильное укрѣпленіе, защищаемое спереди перекрестнымъ огнемъ батарей, расположенныхъ между большимъ редантомъ (третьимъ бастіономъ) и русскими укрѣпленіями, къ востоку отъ Киленъ-балочной бухты, и поддерживаемое сзади, на разстояніи 800 метровъ (375 саженъ) болѣе чѣмъ 20.000 человѣкъ пѣхоты (?) [2])—число, которое, при первомъ появленіи нашемъ, можетъ быть удвоено въ одну ночь. Непріятель безпрерывно нападаетъ на наши траншеи и хотя до сихъ поръ не могъ остановить хода нашихъ работъ, но онъ много препятствуетъ ихъ успѣху и наноситъ намъ большую потерю. Сверхъ того онъ имѣетъ ту выгоду, что, сообразно мѣстоположенію, его укрѣпленія расположены въ центрѣ круга, по окружности котораго пришлось расположить наши траншеи, такъ что непріятель легко можетъ нападать въ массѣ на какой угодно пунктъ нашихъ слабыхъ траншей, которыя при томъ удалены отъ ближайшихъ лагерей на 4 километра (около 4-хъ верстъ). Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ необходимостію охранять оборонительныя работы наши, по окраинѣ долинъ Черной рѣчки и Балаклавы, составляютъ для вторaго корпуса и въ то же время для всей арміи, дѣйствительную опасность, для предупрежденія которой я стараюсь размѣщать наивыгоднѣйшимъ образомъ

---

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt, T. II, 199

[2]) На всей Корабельной сторонѣ у насъ было 16.507 человѣкъ гарнизона.

надежные резервы и увеличивать по возможности составъ войскъ генерала Боске“.

Опасеніе, что русскіе, остановивши осадныя работы, могутъ произвести значительное разстройство въ рядахъ союзниковъ, заставляло послѣднихъ болѣе всего заботиться объ охраненіи траншей, а свою дѣятельность противъ передовыхъ редутовъ ограничить, на время, дѣйствіемъ огня осадныхъ батарей. Изо дня въ день французы громили своими выстрѣлами Камчатскій люнетъ и двухъ его сосѣдей, Волынскій и Селенгинскій редуты. Сердито огрызалась эта троица отъ сильнаго врага и съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждала противника, что безъ правильной осады и продолжительныхъ работъ не возможно будетъ овладѣть этими укрѣпленіями.

Затрудняемые въ веденіи осадныхъ работъ, сначала дѣйствіемъ стрѣлковъ, а потомъ и огнемъ люнета, французы, въ ночь на 7-е марта, вывели подступы изъ средины своей параллели и къ 10-му марта успѣли пройти впередъ 123 сажени. Съ утра этого дня осаждающій направилъ противъ Камчатскаго люнета всѣ орудія, которыя могли дѣйствовать по этому укрѣпленію и подъ прикрытіемъ ихъ огня спѣшилъ подвинуть впередъ свои работы. Несмотря на то, что дѣйствіемъ нашего огня съ Малахова кургана, 3-го бастіона и Камчатскаго люнета работы союзниковъ были нѣсколько разъ разрушаемы, французы трудились настойчиво и къ вечеру успѣли приблизиться на 42 сажени къ правофланговымъ ложементамъ [1]). Очевидно было, что наши ложементы не въ состояніи остановить работъ противника, и обороняющійся не сомнѣвался въ томъ, что французы употребятъ всѣ усилія, чтобы овладѣть ложементами, повернуть ихъ противъ насъ,—для чего достаточно было одной ночи,— и соединить летучею сапою со своими траншеями. „Тогда,—говоритъ Тотлебенъ [2]), мы потеряли бы наши ложементы безвозвратно и лишились бы возможности удерживать близкимъ ружейнымъ огнемъ наступленіе непріятеля на люнетъ“.

Чтобы удалить противника и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его работы, признано необходимымъ, во-первыхъ, въ ночь съ 10-го на 11-е марта

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 364.

[2]) Оборона Севастополя, ч. II, 62.

произвести вылазку въ значительныхъ размѣрахъ и, во-вторыхъ, усилить ложементы соединеніемъ ихъ въ одну общую траншею.

Вылазка была необходима,—доносилъ князь Горчаковъ [1])—„иначе мы уже теперь имѣли бы непріятеля подъ самымъ Камчатскимъ люнетомъ, который только-что отдѣлывается и не могъ еще быть справа и слѣва поддержанъ траншеями. Французы или схватили бы его штурмомъ, или охватили бы ближайшими апрошами, такъ что пришлось бы намъ самимъ его оставить. А пунктъ первой важности!“

Распорядителемъ предстоящаго дѣла былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, подъ начальство котораго поступило девять батальоновъ, силою около 5.000 штыковъ [2]), и сверхъ того тѣ два батальона Камчатскаго полка, которые находились въ люнетѣ: одинъ для работъ, другой для прикрытія. Для большаго развлеченія непріятельскихъ силъ, одновременно съ дѣйствіями Хрулева, приказано контръ-адмиралу Панфилову отправить, съ третьяго бастіона, для атаки англійскихъ траншей, два отряда охотниковъ, и съ этою цѣлью капитанъ втораго ранга Будищевъ долженъ былъ идти на правую англійскую атаку, а лейтенантъ Бирюлевъ на Зеленую гору. Въ отрядъ Будищева было назначено: четыре роты греческихъ волонтеровъ, 154 матроса, 200 охотниковъ 6-го резервнаго батальона Минскаго полка и рота Охотскаго полка. Въ отрядъ лейтенанта Бирюлева поступило: 475 человѣкъ охотниковъ флотскихъ экипажей, Охотскаго полка и 6-го резервнаго батальона Волынскаго полка; въ резервъ назначена рота Охотскаго полка.

Извѣстіе о вылазкѣ, несмотря на желаніе сохранить его въ тайнѣ, скоро облетѣло весь Севастопольскій гарнизонъ и было принято съ восторгомъ [3]).

— Знаешь новость?—спрашивали офицеры другъ у друга.

— Нѣтъ.

— Прикидываешься—дѣло секретное—но вѣрно знаешь.

---

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 13-го марта 1855 г.

[2]) Въ составъ отряда было назначено: два батальона Камчатскаго, три Днѣпровскаго, два Волынскаго, одинъ Углицкаго и одинъ составленный изъ моряковъ 35-го и 44-го экипажей.

[3]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 187.

— Нѣтъ, право не знаю.

— Сегодня большая вылазка.

— Будто?

— Съ Камчатки Хрулевъ пойдетъ.

— Господи помоги! Господи помоги!—говорилъ каждый съ пожеланіемъ полнаго успѣха нашему оружію.

Стояли лунныя ночи, и потому приказано начать наступленіе не ранѣе 11-ти часовъ, когда скроется луна. Къ вечеру стали собираться на Малаховомъ курганѣ люди, которые должны были идти въ головѣ отрядовъ и охотниковъ, а въ 8 часовъ первый батальонъ Камчатскаго полка, построенный въ ротныя колонны и имѣя въ резервѣ 3-й батальонъ, двинулся для занятія цѣпи и, дойдя до второй внутренной линіи ложементовъ, нашелъ передовые занятые непріятелемъ. Съ обѣихъ сторонъ былъ открытъ ружейный огонь, среди котораго можно было разсмотрѣть, какъ французы передѣлывали наши ложементы. Наша цѣпь была тотчасъ же снята, и съ Камчатскаго люнета открытъ по работавшимъ картечный огонь. Черезъ четверть часа онъ былъ прекращенъ по распоряженію Хрулева, рѣшившагося, не ожидая темноты, атаковать непріятеля. Отправивъ по-прежнему два батальона Камчатскаго полка въ цѣпь, Хрулевъ приказалъ имъ занять мѣстность впереди люнета, съ правой стороны котораго расположились: 3-й батальонъ Днѣпровскаго, 1-й и 2-й батальоны Камчатскаго и одинъ Углицкаго полковъ, а съ лѣвой—1-й и 4-й батальоны Днѣпровскаго полка. За войсками и правѣе Камчатскаго люнета сталъ батальонъ моряковъ 35-го и 44-го флотскихъ экипажей, предназначенныхъ для уничтоженія непріятельскихъ траншей. Правый флангъ атаки порученъ былъ командовавшему Камчатскимъ полкомъ полковнику Голеву, а лѣвый—командовавшему Днѣпровскимъ полкомъ подполковнику Радомскому [1]).

Личность Ивана Петровича Голева была одна изъ замѣчательныхъ при славной защитѣ Севастополя. Человѣкъ скромный и въ высшей степени честный, Иванъ Петровичъ, во все время своей боевой дѣятельности, вращался въ кипяткѣ, тамъ, гдѣ было жарче. Одиннадцать ночей сряду, онъ воздвигалъ на страхъ врагамъ грозный Камчатскій люнетъ и, какъ

---

[1]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 190.

сейчасъ увидимъ, въ предстоящемъ ночномъ нападеніи былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ блестящаго дѣла.

Въ девять часовъ вечера, войска были на своихъ мѣстахъ и ожидали только приказанія начинать.

По данному сигналу, два батальона Камчатскаго и два батальона Днѣпровскаго полковъ двинулись въ атаку. Едва только наши войска тронулись съ своихъ мѣстъ, какъ 3-й батальонъ зуавовъ, замѣтивъ наступленіе, встрѣтилъ нашу колонну ружейнымъ залпомъ, почти въ упоръ.

— Вишь какъ строчатъ,—говорили наши солдатики, подвигаясь впередъ.

Смертоносный огонь непріятеля не смутилъ наступавшихъ: они двигались молча, безъ выстрѣла, смыкали ряды, а затѣмъ бросились въ штыки и выгнали непріятеля изъ всей линіи нашихъ передовыхъ ложементовъ.

Получивши подкрѣпленія, французы снова атаковали наши батальоны, что и заставило полковника Голева ввести въ дѣло 3-й батальонъ Камчатскаго полка. Непріятель былъ отброшенъ далеко назадъ; ложементы заняты нами, и саперы подъ начальствомъ штабсъ-капитана Тидебеля приступили къ ихъ исправленію.

Впереди лѣваго фланга Камчатскаго люнета стоялъ распорядитель дѣла Степанъ Александровичъ Хрулевъ и отдавалъ приказанія. Видя, какъ три батальона Камчатскаго полка, преслѣдуя непріятеля, на его плечахъ ворвалась въ лѣвый французскій подступъ, Хрулевъ тотчасъ же приказалъ подполковнику Радомскому атаковать средній. Два батальона Днѣпровскаго полка двинулись въ штыки и, несмотря на убійственный штуцерной огонь французовъ, заставили ихъ отступить въ первую параллель. Слѣдомъ за камчатцами и днѣпровцами пошли и моряки, которымъ приказано было разрушать непріятельскія работы.

Клонившаяся къ горизонту луна освѣщала мѣсто кроваваго побоища. Стрѣльба изъ орудій и штуцеровъ, крики „ура!“ и лязганье оружія—все смѣшивалось въ одинъ протяжный стонъ, покрывавшій всю окрестность.

— Гдѣ наши?—раздался въ это время голосъ сзади одного изъ резервовъ.

Одинъ изъ участниковъ боя обернулся. Передъ нимъ стоялъ іеро-

монахъ Іоанникій Савиновъ или, какъ звали его солдаты, Аника 3-й. Луна освѣщала блѣдное лицо его, на которомъ, впрочемъ, не было замѣтно ни страха, ни волненія; огонь душевный отражался въ глазахъ пастыря, на немъ была эпитрахиль, а въ рукахъ держалъ онъ крестъ.

— Гдѣ же наши?—повторилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Кто ваши, батюшка?

— Моряки.

— Они впереди, но тамъ не ваше мѣсто; подите на перевязочный пунктъ.

— Мое мѣсто тамъ,—отвѣчалъ пастырь,—гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти.

Въ это время раздался второй залпъ, сильнѣе перваго; монахъ кинулся впередъ и исчезъ въ темнотѣ ночи [1]).

Бой былъ въ полномъ разгарѣ. Батальоны Камчатскаго и Днѣпровскаго полковъ были уже въ непріятельскихъ траншеяхъ, вытѣснили находившіяся тамъ войска и заставили ихъ отступить въ первую параллель. Выходные подступы французовъ остались позади нашихъ войскъ, и четыре роты моряковъ разрушали ихъ подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля. Этотъ огонь и значительныя потери заставили полковника Голева перейти еще разъ въ наступленіе и отбросить французовъ за первую параллель. Камчатцы снова бросились въ штыки и наткнулись на свѣжія войска противника. Выстрѣлы почти замолкли; наши били французовъ прикладами, заваливали ихъ въ траншеяхъ камнями и турами. Ужасная рѣзня доходила до крайняго предѣла ожесточенія сражавшихся. Обѣ стороны дрались отчаянно, и въ подкрѣпленіе нашихъ былъ отправленъ, по распоряженію Хрулева, третій батальонъ Днѣпровскаго полка. Совокупными усиліями съ вновь прибывшими на помощь, наши войска, выбивъ непріятеля изъ лѣваго фланга первой параллели, удерживали ее за собою до тѣхъ поръ, пока рабочіе не успѣли разрушить лѣвый выходной подступъ французовъ.

Видя, что моряки исполнили свое дѣло, полковникъ Голевъ сталъ отступать. Тогда во французскихъ траншеяхъ раздались сигналы на-

---

[1]) Ночная вылазка въ Севастополѣ, Аркадія Столыпина. Матеріалы, вып. V, 371.

ступленія. Чтобы не дозволить непріятелю ворваться на нашихъ плечахъ въ ложементы, полковникъ Голевъ сначала остановилъ войска, а потомъ счелъ необходимымъ снова перейти въ наступленіе. Между тѣмъ французы, безпрестанно подкрѣпляемые резервами, сильно напирали. Силы ихъ росли. Полковникъ Голевъ выдвинулъ изъ резерва первый батальонъ Волынскаго полка и направилъ его въ обходъ праваго фланга французовъ, а генералъ Хрулевъ отправилъ по дну Доковаго оврага двѣ роты Углицкаго полка и моряковъ, съ тѣмъ чтобы отбросить французовъ, обходившихъ Голева со стороны оврага. Въ промежутокъ же между правою и лѣвою колоннами были двинуты остальныя двѣ роты втораго батальона Волынскаго полка.

Разновременное прибытіе этихъ подкрѣпленій уравновѣшивало борьбу, хотя и не надолго. Французы наступали съ новыми силами. Вдругъ среди страшнаго боя раздалось звонкое пѣніе тропаря: *„Спаси Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору Нашему на супротивныя даруя...“*

Іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, въ эпитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, торжественно воспѣвалъ молитву, не обращая вниманія на носившуюся кругомъ его смерть. Солдаты, вдохновенные словами молитвы, не думали объ отступленіи; они слышали только молитву и, видя передъ собою безстрашнаго монаха съ крестомъ въ рукахъ, восторженно стремились въ кровавую сѣчу. „Одинъ изъ враговъ бросился на безоружнаго монаха и успѣлъ ударомъ штыка разорвать на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но въ то же мгновеніе былъ убитъ юнкеромъ Негребецкимъ“. Французы бѣжали и, очиститвъ первую параллель, отступили въ безпорядкѣ. Іеромонахъ занялся было ранеными, но пуля, пущенная въ него, оторвала нижнюю часть креста и контузила отважнаго монаха-воина.

Между тѣмъ наши солдаты увлеклись атакою и преслѣдованіемъ. Они разсыпались по первой параллели и пробрались на шести-орудійную англійскую батарею, гдѣ опрокидывали орудія и кололи прислугу [1]).

Въ пылу боя многіе ворвались во вторую линію непріятельскихъ

[1]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 191. Нѣкоторыя подробности обороны Севастополя въ мартѣ 1855 г. Столыпинъ. «Ночная вылазка въ Севастополѣ». Матеріалы, вып. V, 363 и 371.

траншей и, не обращая вниманія на многочисленность французовъ,— которыхъ было собрано на этомъ пунктѣ отъ 6 до 8 тысячъ человѣкъ,— готовы были идти и далѣе.

Если бы главнокомандующій не ограничился однимъ только намѣреніемъ уничтожить выходныя работы французовъ, а, смотря на дѣло болѣе широко, имѣлъ бы въ запасѣ резервы, готовые на всякій случай, то онъ могъ бы въ эту ночь сдѣлать многое для обороны Севастополя. На войнѣ не одни только заранѣе и хорошо обдуманныя предпріятія увѣнчиваются успѣхомъ, но весьма часто встрѣчаются совершенно неожиданныя удачи, и умѣнье воспользоваться ими ведетъ нерѣдко къ болѣе блестящимъ результатамъ. Наши въ этой вылазкѣ увлеклись до того, что добрались до англійскихъ батарей, и если бы князь Горчаковъ имѣлъ возможность поддержать ихъ значительнымъ отрядомъ, то мы могли врѣзаться въ средину непріятельскаго расположенія, и, если не основаться въ немъ, то надолго остановить его осадныя работы. Главнокомандующій не предвидѣлъ такой случайности и положилъ ограничиться однимъ уничтоженіемъ передовыхъ непріятельскихъ траншей. Онъ находилъ, что при тогдашнемъ состояніи обороны „лучше дѣйствовать съ терпѣніемъ и осторожностію до прихода подкрѣпленій, а съ прибытіемъ ихъ пуститься на роковой и рѣшительный ударъ“ [1]). По мнѣнію князя Горчакова, преждевременныя и частыя нападенія на непріятельскія укрѣпленія, безъ существенной пользы, стоили бы намъ много крови и могли испортить все дѣло въ конецъ.

Весьма безразсудно бы было, конечно, бросаться поминутно на непріятельскія укрѣпленія, безъ видимой необходимости и пользы, но поддержать войска, пріобрѣвшія уже успѣхъ, есть дѣло каждаго находчиваго и энергическаго главнокомандующаго. Князь Горчаковъ не привыкъ предпринимать что-либо безъ предварительнаго и долгаго обсужденія, и неожиданныя обстоятельства, выходившія изъ его предвидѣнія, ставили главнокомандующаго втупикъ. Привычка обсуждать всѣ обстоятельства, и при томъ за весьма долгое время до приведенія ихъ въ исполненіе, была причиною того, что почти всѣ наши предпріятія въ Крымскую кампанію были заранѣе и часто съ подробностями извѣстны не-

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Горчакова отъ 9-го марта.

пріятелю. Военныя обстоятельства измѣняются быстро настолько, что долгое и завременное обсужденіе ни къ чему не ведетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы главнокомандующій велъ войска въ бой безъ заранѣе обдуманнаго плана. Всему есть мѣра и границы, переходъ за которыя весьма часто лишаетъ армію пріобрѣтенныхъ ею выгодъ или успѣховъ.

Князь Горчаковъ не съумѣлъ воспользоваться увлеченіемъ нашихъ солдатъ и пріобрѣтенными ими успѣхами, а Хрулевъ не могъ распорядиться самъ собою—онъ былъ только исполнителемъ предначертаній главнокомандующаго, и потому вылазка эта не принесла тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было достигнуть при умѣньѣ и настойчивости.

Видя слишкомъ большое увлеченіе солдатъ и опасаясь, чтобы оно не привело къ печальнымъ результатамъ, Хрулевъ приказалъ играть отступленіе, но солдаты, зная, что непріятель, изучившій наши сигналы, часто пользовался этимъ, чтобы остановить натискъ, не слушали сигнала.

— Не таковскій генералъ,—говорили они про Хрулева,—чтобы велѣлъ отступать.

Нѣсколько разъ горнисты трубили отступленіе, но солдаты назадъ не отходили. Ожесточенный рукопашный бой шелъ въ траншеяхъ попрежнему, и остановить нашихъ было некому, потому что большая часть офицеровъ была перебита. Три юнкера, бывшіе на ординарцахъ при Хрулевѣ, отправлены были поочередно, одинъ за другимъ, въ траншеи, чтобы вернуть нашихъ, но все было напрасно.

— Дайте намъ подкрѣпленія, а то могутъ остаться на полѣ раненые,—кричалъ кто-то, въ отдаленіи.

Хрулевъ сталъ прислушиваться къ голосу, и скоро передъ нимъ стоялъ тотъ же самый іеромонахъ Іоанникій Савиновъ.

— Батюшка,—сказалъ Степанъ Александровичъ монаху,—подкрѣпленія я вамъ не дамъ, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отдадите отъ моего имени приказаніе оставшимся въ траншеяхъ отступить немедленно, подбирая раненыхъ.

Монахъ тотчасъ же отправился въ траншеи и передалъ сражавшимся приказаніе начальника.

*

— Ну,—говорили они,—если батюшка говоритъ, что генералъ приказалъ отступать, такъ должно быть оно такъ и слѣдуетъ.

Солдаты отступали не охотно, такъ что приходилось ихъ тащить по-одиночкѣ. Многіе не хотѣли отступать, пока не уберутъ всѣхъ своихъ раненыхъ товарищей. Этимъ героямъ-богатырямъ приходилось по нѣскольку разъ отбивать штыками насѣдавшаго на нихъ непріятеля. Въ такихъ случаяхъ они съ жаромъ бросались впередъ.

— Пустите, братцы, наши тамъ уру зашумѣли,—говорили люди съ носилками и, покидая раненыхъ, бѣжали на поддержку отступавшихъ.

Оставляя траншею за траншеею, наши солдаты уводили съ собою плѣнныхъ, уносили своихъ раненыхъ товарищей и множество непріятельскаго оружія.

Вскорѣ послѣ начала атаки, произведенной Хрулевымъ, капитанъ-лейтенантъ Будищевъ и лейтенантъ Бирюлевъ ворвались въ англійскія траншеи. Двинувшись противъ правой атаки англичанъ, Будищевъ, по словамъ Герена, подошелъ къ непріятелю такъ тихо, что траншейный караулъ принялъ его отрядъ за французовъ, и тогда только узналъ въ немъ непріятеля, когда большая часть часовыхъ была перебита и наши охотники бросились въ штыки. Англичане бѣжали подъ покровительство своихъ пушекъ, и ихъ траншеи были нами заняты, разорены и бывшія въ нихъ орудія заклепаны.

То же самое было сдѣлано и лейтенантомъ Бирюлевымъ, гнавшимъ англичанъ до батареи № 8-го. Здѣсь они были подкрѣплены резервами, которые заставили нашихъ охотниковъ отступить, но они успѣли однако же разрыть батарею, разрушить траншейныя работы, заклепать орудія и взять нѣсколькихъ человѣкъ въ плѣнъ. Будищевъ и Бирюлевъ возвратились на оборонительную линію съ 2-мя плѣнными офицерами, 12-ю человѣками нижнихъ чиновъ и принесли съ собою 70 кирокъ и 50 лопатъ. Мы потеряли на всѣхъ трехъ пунктахъ ночнаго дѣла: убитыми 9 офицеровъ, 379 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранеными 21-го офицера [1]) и 982 человѣка нижнихъ чиновъ. Судя по показаніямъ ино-

---

[1]) Въ томъ числѣ командира Днѣпровскаго полка полковника Радомскаго.

странныхъ историковъ, надо полагать, что французы потеряли около 709 человѣкъ, а англичане до 100 человѣкъ [1]).

Многіе тяжело раненые французы были подобраны нашими и доставлены на перевязочный пунктъ, представлявшій въ эту ночь ужасное зрѣлище. По мѣрѣ того какъ разгорался бой, число раненыхъ увеличивалось, и скоро все помѣщеніе было загромождено изувѣченными. Въ это время на перевязочный пунктъ явилась старушка въ сопровожденіи двухъ женщинъ.

— Пожалуйте мнѣ, батюшка,—говорила она,—человѣкъ десять или двѣнадцать на домъ, я за ними присмотрю, перевяжу, раны обмою и покормлю немножко.

Желаніе добродѣтельной женщины было удовлетворено [2]), но взятые ею раненые составляли каплю въ общемъ приливѣ, запрудившемъ всѣ комнаты такъ, что носильщики, не добиваясь уже возможности проникнуть въ залу, складывали раненыхъ въ корридорахъ, или сѣняхъ,— гдѣ находилось только свободное мѣсто. Вся зала была биткомъ набита ранеными: одни лежали на кроватяхъ, другіе на полу длинными рядами.

„Съ трепетнымъ чувствомъ печали,—говоритъ Гюббенетъ [3]),—и глубочайшаго уваженія проникъ я въ это собраніе страдальцевъ. Смотря на блѣдныхъ, порохомъ опаленныхъ храбрецовъ, съ разбитыми и окровавленными членами, но съ выраженіемъ спокойствія, покорности, даже нѣкотораго довольства на лицѣ, я невольно подумалъ,—съ такою арміею можно завоевать міръ!“

„L'affaire du 10 au 11,—писалъ князь Горчаковъ [4]),—a été sanglante, mais elle a produit un excellent effet. L'ennemi est intimidé, le moral des nôtres a encore haussé. Il est fâcheux d'être dans le cas de recourir à des mesures aussi énergiques pour empêcher l'ennemi d'avancer avec

---

[1]) Французы вообще показываютъ различно свои потери. Стоитъ только сравнить сочиненія Герена и Оже, чтобы убѣдиться въ томъ, что опредѣлить точную цифру потери у французовъ нѣтъ возможности.

[2]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 204.

[3]) Слово объ участіи народовъ въ попеченіи о раненыхъ воинахъ.

[4]) Въ письмѣ военному министру 13-го марта 1855 г.

vitesse; mais ce n'est pas moi qui ai créé la position qui nécessite cette cruelle alternative".

Много крови стоило это дѣло, но ея потоки покрыты были торжествомъ Севастопольскаго гарнизона. Знаменитое ночное дѣло это сохранилось на долго въ памяти камчатцевъ и днѣпровцевъ и выражено въ устахъ ихъ особою солдатскою пѣснею.

„Вылазка съ 10-го на 11-е марта,—писалъ Императоръ[1]),—о которой привезъ подробности Бирюлевъ, дѣлаетъ честь какъ распорядительности начальниковъ, такъ и храбрости нашихъ славныхъ защитниковъ Севастополя, но не могу не сожалѣть о значительной потерѣ.

„Камчатское укрѣпленіе какъ бѣльмо на глазу у непріятеля, и потому весьма вѣроятно, что онъ употребитъ всѣ возможныя усилія, чтобы имъ овладѣть. Дай Богъ, чтобы намъ удалось удержать его за нами".

Какъ бы въ отмщеніе за свою неудачу, союзники, тотчасъ по окончаніи боя, открыли сильнѣйшую стрѣльбу по Севастополю. Въ теченіе ночи они бросили въ городъ болѣе 2.000 бомбъ и пустили до 150 ракетъ [2]), но эта усиленная канонада служила намъ указаніемъ, что послѣднее дѣло поколебало энергію союзниковъ и убѣдило ихъ въ томъ, что для овладѣнія оборонительною линіею укрѣпленій имъ предстоитъ брать съ боя каждый шагъ впереди лежащей мѣстности, и что шагъ этотъ будетъ стоить многихъ трудовъ, усилій и крови, и безъ того достаточно увлажившей почву окрестностей многострадальнаго города.

Утренняя заря, освѣтившая кровавое мѣсто битвы, еще болѣе убѣждала ихъ въ справедливости этой истины. Съ Малахова кургана видны были только слѣды бывшихъ непріятельскихъ траншей, обозначавшіеся теперь разбросанными мѣшками, турами и большимъ числомъ труповъ, нашихъ и непріятельскихъ.

Въ три часа по полудни, 11-го марта, высланъ былъ изъ Севастополя парламентеръ, для передачи французскому главнокомандующему письма, съ предложеніемъ перемирія, для уборки тѣлъ. Въ полученномъ отвѣтѣ уборка убитыхъ назначалась на слѣдующій день, въ полдень.

Ровно въ 12 часовъ были подняты обѣими сторонами бѣлые флаги,

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Горчакову отъ 29-го марта 1855 г.

[2]) Отношеніе князя Горчакова военному министру 13-го марта 1855 г.

и толпы солдатъ, нашихъ и непріятельскихъ, весело бросились на встрѣчу другъ другу. Всѣ возвышенія, батареи, траншеи и укрѣпленія были покрыты многочисленными зрителями. Недавніе враги на нѣсколько минутъ сдѣлались друзьями; солдаты и офицеры вели оживленный разговоръ съ французами, смѣялись, шутили, закуривали другъ у друга папиросы, мѣнялись сигарами....

Въ сумерки, когда кончилась уборка тѣлъ, французы дали залпъ по Камчатскому люнету, и загрохотала неумолкаемая канонада. Непріятель сосредоточивалъ свой огонь преимущественно на этомъ укрѣпленіи, третьемъ бастіонѣ и лежавшихъ противъ нихъ ложементахъ. Дѣйствіемъ сосредоточеннаго огня онъ хотѣлъ уничтожить наши постройки, и, во что бы то ни стало, овладѣть мѣстностью, на которой находились наши укрѣпленія.

Донесенія Канробера не были одобрены въ Парижѣ, и ему предписано дѣйствовать съ бо̀льшею настойчивостію.

Въ то время въ Вѣнѣ происходили переговоры о мирныхъ соглашеніяхъ Россіи съ западными державами. Желая придать болѣе вѣса своимъ требованіямъ, союзныя правительства ожидали успѣховъ въ Крыму и съ этою цѣлью медлили созваніемъ конференцій. Они откладывали засѣданія день за день, надѣясь получить донесеніе о какомъ-либо блестящемъ успѣхѣ. Донесеніе не приходило, и союзные главнокомандующіе, несмотря на громадность своихъ средствъ, не могли удовлетворить желанію своихъ правительствъ. Воздвигнутыя твердыни Севастополя, неуспѣшность подземной войны и осязаемое превосходство нашего минера, удальство и стойкость гарнизона, отбитое нападеніе отборныхъ французскихъ войскъ отъ едва начатаго постройкою Селенгинскаго редута и наконецъ неудача въ дѣлѣ 10-го марта,—все это убѣждало союзниковъ въ трудности пріобрѣсти успѣхъ, безъ предварительной подготовки.

Съ перваго взгляда и издали, напримѣръ изъ Парижа и Лондона, положеніе союзниковъ казалось настолько удовлетворительнымъ, что правительства считали себя въ правѣ надѣяться на быстрый успѣхъ дѣйствій. Въ Крымъ были отправлены новыя подкрѣпленія, ежедневно высаживавшіяся въ Камышевой и Балаклавской бухтахъ. Въ Евпаторіи усиливалась армія Омера-паши, доходившая до 30.000 человѣкъ, и

подвозились египетскія войска. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій союзники, хотя и занимали въ Крыму два отдѣльные пункта: Херсонесскій полуостровъ и Евпаторію, но, владѣя моремъ и множествомъ транспортныхъ судовъ, казались въ положеніи лучшемъ самаго сосредоточеннаго положенія сухопутной арміи. Послѣдняя могла перемѣщаться съ мѣста на мѣсто довольно медленно, тогда какъ союзники, прикрываясь своими укрѣпленіями, возведенными возлѣ Севастополя, и обезпеченные большимъ числомъ рукъ, имѣли возможность бросать по произволу и въ нѣсколько часовъ значительныя части войскъ на любую точку полуострова. Сухопутная армія могла подвергнуться неисправной доставкѣ продовольствія и боевыхъ припасовъ, или быть отрѣзана отъ сообщеній, тогда какъ союзники, имѣя винтовыя суда и владѣя моремъ, не подвергались этимъ крайнимъ положеніямъ.

Итакъ всѣ выгоды казались на ихъ сторонѣ, но, всматриваясь ближе въ положеніе дѣлъ, мы увидимъ, что и англо-французы были до нѣкоторой степени, и даже очень, связаны въ своихъ дѣйствіяхъ. Сначала осень и зима, болѣзни и недостатокъ въ матеріалахъ лишали ихъ возможности дѣйствовать съ желаемою скоростію, а за тѣмъ, съ наступленіемъ весны, обороняющійся выдвинулся впередъ и остановилъ наступательныя работы непріятеля настолько, что они не могли уже разсчитывать на скорый успѣхъ.

Южная сторона города оказалась на долго обезпеченною отъ штурма и, чтобы имѣть возможность прокричать въ Европѣ о какой-либо побѣдѣ, англо-французамъ приходилось перенести свою дѣятельность на иной пунктъ, но куда? Сдѣлать высадку и атаковать Сѣверную сторону значило признать всѣ предъидущія дѣйствія ошибочными и поступать болѣе чѣмъ неблагоразумно. Если союзники не рѣшились атаковать эту часть города послѣ сраженія на р. Алмѣ, то теперь она была такъ укрѣплена, что овладѣть ею нечаяннымъ нападеніемъ было невозможно. Снять же столь долго и съ такимъ усиліемъ веденную осаду съ Южной стороны и начать ее съ Сѣверной было бы поступкомъ совершенно безразсуднымъ. Атаковать войска, находившіяся внѣ Севастополя, союзники также не могли. Видя въ подзорныя трубы почти неприступныя отъ природы и укрѣпленныя искусствомъ позиціи Инкерманскихъ высотъ и Мекензіевой горы, они должны были сознать, что при атакѣ ихъ придется пожертвовать многими тысячами человѣкъ и не пріобрѣсти никакого

конечнаго результата. Точно также не влекло за собою никакихъ серьезныхъ послѣдствій ни разореніе нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктовъ, ни новая высадка въ какомъ-либо пунктѣ полуострова.

Высадка была бы полезна союзникамъ только въ томъ случаѣ, если бы они могли дѣйствовать на наши пути сообщенія, но, не имѣя перевозочныхъ средствъ, для доставки за арміею продовольствія и боевыхъ припасовъ, они во всю кампанію оставались прикованными къ морю и принужденными, не трогаясь съ мѣста, сосредоточить всю свою дѣятельность на Херсонесскомъ полуостровѣ. Тамъ въ рукахъ ихъ, несмотря на значительное превосходство въ силахъ, было одно средство для успѣха— усиленное дѣйствіе артиллеріи и разрушеніе нашихъ укрѣпленій. Это былъ единственный исходъ, одинаково понятный и очевидный какъ для атакующаго, такъ и для обороняющагося.

„Я ожидаю,—писалъ еще 5-го марта баронъ Остенъ-Сакенъ князю Горчакову,—томительнаго и убійственнаго бомбардированія сосредоточенными выстрѣлами огромнаго числа, огромной досягаемости орудій и ракетъ, къ чему приготовлено у нихъ неслыханное въ осадахъ число снарядовъ. У насъ пороху не достаточно для противодѣйствія, наши снаряды будутъ направлены только на батареи и прислугу въ амбразуры; войска же ихъ станутъ внѣ черты досягаемости, тогда когда нашихъ войскъ некуда отвести, исключая нѣкоторой ихъ части въ блиндажи. Непріятель, по мнѣнію моему, можетъ рѣшиться на приступъ, ослабивъ гарнизонъ бомбардированіемъ, или сдѣлавъ бреши“.

Главнокомандующій вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе барона Остенъ-Сакена и, не видя никакой возможности перейти въ наступленіе, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы отстоять Севастополь, до прибытія подкрѣпленій. Непріятельскія работы были такъ близко отъ оборонительной линіи, что Севастополь могъ держаться только при весьма сильномъ гарнизонѣ. Въ распоряженіи же князя Горчакова находилось 124 батальона или около 75.000 штыковъ, такъ какъ среднимъ числомъ каждый батальонъ имѣлъ не болѣе 600 человѣкъ[1]).

---

[1]) Мы не упоминаемъ здѣсь о кавалеріи, такъ какъ она не могла оказать существенной пользы въ оборонѣ Севастополя. Она состояла изъ 78-ми эскадроновъ, изъ коихъ 8 эскадроновъ находились при главныхъ силахъ, 8—въ Ѳеодосійскомъ отрядѣ, а остальные 62 эскадрона противъ Евпаторіи.

Силы союзниковъ почти вдвое превышали наши и, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ Петербургѣ и Севастополѣ, они должны были въ самое короткое время достигнуть до цифры 150.000 человѣкъ [1]), не говоря уже о подкрѣпленіяхъ, высылаемыхъ англичанамъ, и о новыхъ четырехъ французскихъ дивизіяхъ, которыя, по извѣстіямъ, переданнымъ по телеграфу нашимъ посланникомъ въ Брюсселѣ, предполагалось направить въ Крымъ.

По произведенному княземъ Горчаковымъ обозрѣнію непріятельскаго расположенія оказалось, что «Балаклава сильно укрѣплена и контръ-валаціонныя работы непріятеля на Сапунъ-горѣ тоже были весьма сильны. Союзники, потерпѣвшіе многое во время зимы, имѣли теперь полное во всемъ довольствіе, при посредствѣ безостановочныхъ подвозовъ моремъ. Лагери ихъ оказались усѣянными не только палатками, но большими бараками и даже конюшнями: словомъ, они имѣли полный комфортъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, не имѣя возможности употребить для атаки непріятеля даже 50 батальоновъ [2]), а для диверсіи изъ Севастополя болѣе 10-ти батальоновъ, князь Горчаковъ считалъ совершенно безразсуднымъ переходить въ наступленіе. Онъ находилъ, что непріятельскіе окопы сдѣланы съ величайшимъ тщаніемъ и почти не слабѣе укрѣпленій Севастополя. Штурмовать ихъ тогда, когда непріятелю легко было противъ пункта атаки сосредоточить, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, до 40.000 и болѣе, значило бы идти на вѣрную и несомнѣнную неудачу. По мнѣнію главнокомандущаго, ему не оставалось ничего другаго, какъ ожидать прибытія 40 батальоновъ изъ Южной арміи и смотрѣть, какъ съ каждымъ днемъ силы наши таяли и возможность наступательныхъ дѣйствій отдалялась.

Съ возведеніемъ контръ-апрошныхъ верковъ ежедневный расходъ людей на крѣпостную службу увеличился 12 батальонами, и удержаніе

[1]) По имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ половинѣ марта находилось въ Крыму: французовъ около 70.000, англичанъ до 15.000 тысячъ, турокъ у Балаклавы 10.000 тысячъ, у Евпаторіи болѣе 30.000 тысячъ. Сверхъ того на-дняхъ должны были высадиться французская дивизія Herbillon около 8.000 и Сардинскія войска въ числѣ 15.000 человѣкъ.

[2]) 8-ю пѣхотную дивизію и Ѳеодосійскій отрядъ отвлекать отъ Евпаторіи и Ѳеодосіи было невозможно.

ихъ за собою, въ особенности Камчатскаго люнета, стоило намъ огромныхъ потерь, ежедневно уменьшавшихъ численность гарнизона. Оставить передовыя укрѣпленія было невозможно, такъ какъ непріятель обратилъ бы ихъ противъ насъ, для ближайшаго дѣйствія противъ Малахова кургана и бухты. Рѣшаясь же ихъ отстаивать, князь Горчаковъ считалъ свое положеніе весьма труднымъ. „Elle (la position) est énormément difficile,—писалъ онъ [1],—et l'apathie seule de nos ennemis peu me tirer d'embarras".

Подкрѣпленія наши могли прибыть только въ половинѣ апрѣля, и князь Горчаковъ болѣе всего опасался, чтобы союзники не поставили его въ крайнее положеніе движеніемъ изъ Евпаторіи въ тылъ Севастополю, или на Симферополь. По его мнѣнію, непріятель, усиленный прибытіемъ 30.000 свѣжихъ силъ, оставивъ у Севастополя до 80.000, „съ тѣмъ чтобы при удаленіи моемъ начать огромное бомбардированіе, а потомъ идти на штурмъ—можетъ меня отвлечь отъ Севастополя движеніемъ съ 70.000 или отъ Качи или отъ Евпаторіи. Случись это, будемъ отбиваться какъ можемъ [2]".

Но, какъ видно изъ предъидущаго, подобное движеніе было не только не возможно для англо-французовъ, но они считали себя въ такомъ положеніи, что ожидали наступленія русскихъ,—обѣ стороны боялись другъ друга.

Послѣ дѣла въ ночь съ 10-го на 11-е марта союзники подвигались весьма медленно впередъ и вели свои подступы исключительно противъ Камчатскаго люнета. Они пытались нѣсколько разъ овладѣть нашими ложементами, но или не выдерживали огня нашихъ стрѣлковъ, или были выбиваемы штыками. Опасаясь наступленія съ нашей стороны и повторенія ужасной ночи, они постоянно держали въ траншеяхъ до 14.000 человѣкъ, готовыхъ на отраженіе нашей вылазки. Такое опасеніе радовало князя Горчакова, и онъ намѣренъ былъ, съ прекращеніемъ лунныхъ ночей, повторить нападеніе, но въ иномъ направленіи и на противоположномъ концѣ непріятельской атаки [3]).

Въ ожиданіи такого времени, обороняющійся дѣятельно трудился

---

[1]) Въ письмѣ военному министру отъ 18-го марта.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Горчакова отъ 13-го марта 1855 г.

[3]) Письмо кн. Горчакова военному министру отъ 25-го марта.

надъ усиленіемъ обороны мѣстности, лежавшей впереди редутовъ, и принималъ мѣры къ развитію своей контръ-апрошной системы до того, чтобы охватить ею все пространство отъ рейда до Лабораторной балки. Съ этою цѣлью ложементы впереди редутовъ обращались въ непрерывную траншею, тянувшуюся отъ Георгіевской балки до Киленъ-балки. Точно также передовые ложементы передъ Камчатскимъ люнетомъ обращались въ общую траншею и соединялись съ ложементами второй линіи. Для помѣщенія большаго числа войскъ, назначенныхъ для защиты Камчатки, вооруженіе которой было доведено до 14-ти орудій, по обѣ стороны люнета устроены двѣ траншеи: съ одной стороны до Доковаго оврага, а съ другой до Киленъ-балки. Въ первой изъ этихъ траншей была заложена мортирная батарея, а во второй четырехъ-орудійная батарея. Вооруженіе Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ усилено семью орудіями и лѣвѣе перваго построены траншейныя батареи: одна на пять мортиръ и другая на шесть орудій.

Независимо отъ этого впереди третьяго бастіона предположено устроить двѣ линіи ложементовъ, изъ коихъ передняя должна была на 300 саженъ выдвинуться впередъ отъ оборонительной линіи и находиться отъ англійскихъ работъ въ разстояніи отъ 75 до 150 саженъ [1]).

Результатомъ всѣхъ этихъ работъ было то, что французы совершенно отказались отъ движенія впередъ и, въ промежутокъ времени съ 10-го по 28-е марта, успѣли только окончить постройку батареи на Киленъ-балочной высотѣ и возвести шести-орудійную батарею, назначенную для демонтированія Камчатскаго люнета. Въ это время англичане строили, впереди и позади третьей параллели, три батареи и начали было подвигать впередъ свои подступы, но были остановлены сильнымъ огнемъ изъ нашихъ ложементовъ противъ третьяго бастіона. Этотъ убійственный огонь заставилъ ихъ попытать счастье въ овладѣніи ложементами открытою силою, но въ ночь съ 24-го на 25-е марта нападеніе англичанъ было отбито, и тогда они точно также отказались продолжать работы противъ третьяго бастіона до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтоженъ Камчатскій люнетъ.

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя» ч. II, 73—79.

Сознавая все зло, причиняемое этимъ послѣднимъ укрѣпленіемъ и передовыми редутами, непріятель постоянно поддерживалъ противъ нихъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, а съ 14-го марта сосредоточилъ его исключительно на Камчатскомъ люнетѣ, направивъ противъ него всѣ орудія, какія могли только дѣйствовать, не исключая полевыхъ, горныхъ и мортиръ, находившихся въ траншеяхъ.

По недостатку пороха мы могли отвѣчать однимъ выстрѣломъ на пять непріятельскихъ, и конечно при такихъ условіяхъ артиллерія люнета приводилась ежедневно въ совершенное разстройство, а самое укрѣпленіе постепенно разрушалось. Чтобы исправить поврежденія и возстановить вооруженіе, приходилось прибѣгать къ усиленнымъ работамъ большаго числа рукъ, а это вело къ огромнымъ потерямъ. При неимѣніи вовсе блиндированныхъ помѣщеній и при значительномъ скопленіи войскъ въ люнетѣ, потеря наша въ сутки простиралась до 150-ти человѣкъ.

„Въ Севастополѣ по-прежнему,—писалъ Семякинъ князю Меншикову [1]),—только не знаютъ, что дѣлать съ Камчатскимъ люнетомъ, выдвинули его, и ежедневно потеря огромная—онъ подверженъ огню съ трехъ сторонъ. Непріятель изъ ничтожныхъ траншей настроилъ сильныя батареи на Сапунъ-горѣ и по покатостямъ къ Киленъ-балкѣ. Находили затруднительнымъ взять эту высоту, когда не было ни одного орудія [2])—теперь вооруженіе очень сильно и продолжаютъ работы, такъ что театръ дѣйствій—есть нашъ лѣвый флангъ; правая половина отдыхаетъ“.

Сотни бомбъ и гранатъ ежедневно лопались надъ Камчатскомъ люнетомъ; свистъ ядеръ и пуль составлялъ постоянную музыку, слышанную доблестнымъ гарнизономъ. Русскій солдатъ не сторонится отъ этой пѣсни. Съ удалью и отвагой дерется онъ въ полѣ, безстрашно и съ какимъ-то презрѣніемъ къ смерти защищается за окопами, веселою шуткою встрѣчаетъ разрывъ непріятельской бомбы, героемъ и христіаниномъ умираетъ за Русь святую, за Царя православнаго!

Много героевъ пало на Камчатскомъ люнетѣ, но одинъ изъ нихъ,

---

[1]) Отъ 25-го марта 1855 г.

[2]) Здѣсь Семякинъ говоритъ о мнѣніи, высказанномъ Хрулевымъ послѣ произведенной имъ рекогносцировки.

рядовой Камчатскаго полка Егоръ Мартышинъ, замѣчателенъ своимъ горячимъ предсмертнымъ словомъ, которое онъ съ полнымъ спокойствіемъ сказалъ товарищамъ.

Ядро размозжило Егору Мартышину лѣвую ногу и оторвало ему кисть руки. Товарищи подняли его и положили на носилки.

— Нѣтъ, братцы, постойте,—говорилъ спокойно раненый,—несите меня только двое. Если съ каждымъ, кого зацѣпитъ чугунка, будутъ уходить четыре человѣка, такъ эдакъ и Камчатку стеречь будетъ некому.

Размозженная нога у самаго паха едва держалась на тоненькихъ жилахъ, но Мартышинъ, преодолѣвая жгучую боль, не хотѣлъ сразу оставить люнета.

— Несите меня, братцы, по траншеѣ,—сказалъ онъ, дайте проститься съ товарищами!

Въ траншеяхъ онъ сказалъ товарищамъ слово: „прощайте, братцы, служите нашему батюшкѣ царю, какъ слѣдуетъ храбрымъ карабинерамъ! Недавно передъ крестомъ и Евангеліемъ вы держали присягу на честную и вѣрную службу царю Александру II-му: служите сыну, какъ служили отцу его Императору Николаю, и Богъ благословитъ вашу службу!.. Прощайте, братцы-карабинеры, помяните меня грѣшнаго! умирать за правое дѣло не страшно. Одно, братцы, больно, что не удалось мнѣ охотникомъ во̀-время въ траншеи сходить!“

Получивши рубль серебромъ отъ ротнаго командира, Мартышинъ отдалъ его товарищу Захару Васильеву.

— Ты, братъ Захаръ,—сказалъ онъ,—какъ принесешь меня къ перевязкѣ, отыщи священника, попроси, чтобы онъ меня исповѣдалъ и пріобщилъ Св. Таинъ, а послѣ смерти моей сотворилъ бы панихиду по душѣ. Рубль отдай отъ меня священнику.

Принесенный на перевязочный пунктъ Егоръ Мартышинъ съ полнымъ спокойствіемъ, исполнивъ долгъ христіанина, умеръ.

XXXI.

Праздникъ Св. Пасхи въ Севастополѣ.—Второе бомбардированіе города.—Стойкость русскаго солдата.—Недостатокъ у насъ пороха и мѣры къ его пополненію.—Бой въ ложементахъ впереди пятаго бастіона.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.

Перебѣжчики по-прежнему большими толпами передавались на нашихъ аванпостахъ. Въ Севастополь являлись люди всѣхъ націй: арабы (алжирскіе стрѣлки), испанцы (изъ иностраннаго легіона), нѣмцы, французы, англичане, ирландцы, шотландцы, виртембергцы, словаки и турки. Всѣ они единогласно утверждали, что союзники готовятся къ ужасной бомбардировкѣ, для которой у нихъ заготовлено огромное число зарядовъ на каждое орудіе.

Видя женщинъ, спокойно расхаживающихъ по улицамъ осажденнаго города, плѣнные крайне удивлялись такой беззаботности русскихъ и равнодушію къ ежеминутной опасности.

— Неужели онѣ остались и живутъ здѣсь?—спросилъ одинъ изъ передавшихся.

Ему отвѣчали утвердительно.

— Вы не знаете,—воскликнулъ онъ,—какая готовится бомбардировка, это будетъ день страшнаго суда только въ большомъ видѣ [1]).

Въ непріятельскомъ лагерѣ дѣйствительно была замѣтна усиленная дѣятельность. Турецкій корпусъ въ 18.000 человѣкъ, съ 30-ю орудіями, перевозился изъ Евпаторіи на Херсонесскій полуостровъ. Къ союзникамъ почти ежедневно доставлялись моремъ боевые припасы и прибывали подкрѣпленія, въ весьма значительномъ числѣ [2]). Англо-французы спѣшили окончить свои батареи, возводили новыя и вооружали ихъ артиллеріею большаго калибра. Признавая недостаточными даже

---

[1]) „Бомбардированіе Севастополя“. Ег. Ковалевскаго. Матеріалы, вып. V, 396.
[2]) Guerre d'Orient. Siège de Sébastopol. ч. II, глава II.

24-хъ фунтовыя пушки, англичане замѣнили ихъ 32-хъ фунтовыми и имѣли много орудій еще бо̀льшаго калибра [1]).

Безуспѣшность осадныхъ работъ, неудачи при атакахъ нашихъ контръ-апрошей и наконецъ полученное извѣстіе о направленіи изъ Южной арміи въ Крымъ сильныхъ подкрѣпленій, заставляли союзниковъ торопиться бомбардированіемъ осажденнаго города. По составленному плану англо-французы положили: во-первыхъ, одновременнымъ бомбардированіемъ всей оборонительной линіи ослабить дѣйствіе нашей артиллеріи и взять Камчатскій люнетъ, а во-вторыхъ, подойдя своими подступами, какъ можно ближе къ четвертому и пятому бастіонамъ, сдѣлать брешь въ оборонительной стѣнкѣ пятаго бастіона и, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, штурмовать городъ.

Для вѣрнѣйшаго успѣха французы еще болѣе усилили свое вооруженіе постройкою новыхъ батарей. Такъ, противъ передовыхъ редутовъ они возвели нѣсколько батарей изъ орудій, зарытыхъ въ землю, подъ угломъ 35 градусовъ, для стрѣльбы по Корабельной сторонѣ. На городской атакѣ также были построены три новыя батареи.

Днемъ бомбардированія избрано 28-е марта (9-е апрѣля), и къ этому времени на французскихъ батареяхъ находилось 367 орудій, а на англійскихъ около 123—всего 490 орудій, изъ коихъ 278 орудій были направлены противъ праваго фланга оборонительной линіи и 204—противъ лѣваго. На каждое орудіе было заготовлено союзниками отъ 300 до 800 зарядовъ [2]). Эта осадная артиллерія, невиданная въ такомъ огромномъ количествѣ и калибрѣ ни подъ одною крѣпостью, была бо̀льшею частію сосредоточена между Киленъ и Карантинною балками. Здѣсь почти на каждые 20 шаговъ протяженія приходилось по одному орудію, снабженному громаднымъ числомъ зарядовъ.

---

[1]) Англичане имѣли 64 фунт. орудія, а французы большія пушки 24 и 30 сантиметровыя. См. „Militairiche Betrachtungen“ и проч., переводъ Я. Турунова.

[2]) Сплошныхъ снарядовъ было заготовлено: у французовъ по 800 на орудіе, пустотѣлыхъ на гаубицу по 600 и на мортиру по 500. Цѣнность однихъ только снарядовъ простиралось до семи милліоновъ франковъ (1.750.000 руб.). У англичанъ было заготовлено на каждую пушку по 500, а на мортиру по 300 зарядовъ.

Обороняющійся не могъ противопоставить атакующему ни столь большаго числа орудій, ни зарядовъ. Правда, на вооруженіи укрѣпленій Южной стороны Севастополя находилось въ то время 998 орудій разныхъ калибровъ [1]), но изъ нихъ только 466 могли дѣйствовать по осаднымъ батареямъ противника, а остальныя назначались для фланговой, тыльной и внутренней обороны.

При значительномъ недостаткѣ пороха мы не имѣли возможности снабдить орудія столь большимъ числомъ зарядовъ, какимъ они были снабжены у союзниковъ, и на передовыхъ нашихъ укрѣпленіяхъ было едва по 135 зарядовъ, на береговыхъ батареяхъ по 100 и на внутреннихъ по 60 зарядовъ на орудіе.

Ожидая ежедневно убійственнаго бомбардированія, обороняющійся не оставался празднымъ зрителемъ приготовленій непріятеля. Защитники усиливали профили укрѣпленій и, предвидя огромныя потери, хлопотали главнѣйшимъ образомъ объ устройствѣ блиндированныхъ помѣщеній. За недостаткомъ матеріала, главнокомандующій разрѣшилъ брать его изъ разрушеннаго непріятелемъ морскаго госпиталя, а вслѣдъ за тѣмъ дозволено было разбирать и частные дома, сдѣлавъ имъ предварительно оцѣнку, въ чемъ и выдать свидѣтельство владѣльцамъ [2]). Дома разбирались весьма быстро, и добытый изъ нихъ матеріалъ употреблялся на починку платформъ и устройство блиндажей. Къ 28-му марта было устроено 141 блиндированное помѣщеніе, въ которыхъ могло помѣститься до шести тысячъ человѣкъ [3]), т. е. около $1/_5$ части всего числа людей, входившихъ въ составъ гарнизона.

27-го марта въ составѣ Севастопольскаго гарнизона находилось до 9.000 артиллерійской прислуги и 27.778 строевыхъ нижнихъ чиновъ [4]), расположенныхъ вдоль всей оборонительной линіи укрѣпленій.

---

[1]) См. Приложеніе № 31-й.

[2]) Арх. Главн. штаба, дѣло Севастопольскаго гарнизона № 22.

[3]) Тотлебенъ. „Оборона Севастополя“, ч. II, 84.

[4]) Цифра эта гораздо менѣе той, которая показана въ сочиненіи Тотлебена (ч. II, 90). Авторъ не указываетъ источника, которымъ онъ пользовался при обозначеніи численности гарнизона, и потому мы признали болѣе вѣрнымъ принять цифру, означенную въ докладной запискѣ барона Остенъ-Сакена князю Горчакову 27-го марта.

На первомъ отдѣленіи отъ моря до редута Шварца (редутъ № 1-й), на протяженіи двухъ съ половиною верстъ, находилось $14^3/_4$ батальона силою въ 6.810 штыковъ и четыре полевыхъ орудія.

Второе отдѣленіе, отъ редута Шварца до батареи на оконечности бульвара, на протяженіи полуторы версты, занималось $12^1/_4$ батальонами, силою въ 4.038 штыковъ.

Въ резервѣ за этими отдѣленіями находилось 6-ть батальоновъ численностью въ 3.280 штыковъ, 8 полевыхъ орудій и двѣ сотни казаковъ.

Третье отдѣленіе, отъ батареи на оконечности бульвара до моста черезъ Доковый оврагъ, на протяженіи двухъ верстъ, занималось $12^1/_4$ батальонами силою въ 4.240 штыковъ. На четвертомъ отдѣленіи, на передовыхъ редутахъ и въ резервѣ Корабельной стороны находилось $25^1/_4$ батальоновъ, или 9.410 штыковъ и одна легкая батарея [1]).

Весьма значительное протяженіе оборонительной линіи, пересѣченность мѣстности и слабость резервовъ заставили начальника гарнизона указать главнокомандующему, что при столь малой численности гарнизона весьма трудно защищать укрѣпленія, въ случаѣ штурма ихъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ. Ходатайствуя объ усиленіи своихъ боевыхъ средствъ, генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ присовокуплялъ, что „въ настоящее время числительное состояніе гарнизона Южной стороны слабѣе того, въ которомъ за четыре мѣсяца тому назадъ принялъ я его, когда непріятель, ослабленный потерями, не получилъ еще сильныхъ подкрѣпленій“.

Имѣя въ своемъ распоряженіи только 24 батальона, слабыхъ по составу, и опасаясь высадки у Качи, или движенія значительныхъ непріятельскихъ силъ изъ Евпаторіи, князь Горчаковъ не призналъ возможнымъ усилить Севастопольскій гарнизонъ, долженствовавшій, такимъ образомъ, недостатокъ численности восполнить своимъ мужествомъ и стойкостью. Защитникамъ не впервые было оставаться безъ подкрѣпленій, они не считали своихъ силъ, не сравнивали ихъ съ числомъ непріятеля, но всегда готовы были отразить его своей грудью. Въ ожиданіи нападенія, севастопольцы готовились къ встрѣчѣ праздника Пасхи.

---

[1]) См. Приложеніе № 32-й.

Наступили дни страстной недѣли, и многострадальный городъ отбывалъ память страданій и крестной смерти Искупителя. На бастіоны и батареи несли плащаницы, ставили ихъ въ походныхъ церквахъ и въ теченіе всей недѣли совершали службу. Въ этотъ годъ Пасха приходилась въ одно и то же число, какъ у насъ, такъ и у католиковъ. Какъ будто само Провидѣніе указывало на таинственное знаменіе креста, связывающее воедино всѣхъ христіанъ между собою. А между тѣмъ въ Севастополѣ былъ поучительный примѣръ человѣчеству и всему христіанскому міру. Тамъ два христіанскіе народа, казалось, забыли ученіе Спасителя и шли подъ знаменіемъ луны, рядомъ съ поклонниками Магомета, противъ тѣхъ, которые вооружились на защиту христіанства. За нѣсколько дней до праздника нашъ офицеръ, ѣздившій парламентеромъ, спросилъ у французскаго траншей-маіора: не въ одинъ ли и тотъ же день приходится, какъ у насъ, такъ и у союзниковъ Свѣтлое Христово Воскресеніе?

Траншей-маіоръ отвѣчалъ утвердительно.

— Неужели же,—спросилъ полковникъ,—мы будемъ драться въ этотъ день?

Французъ не отвѣчалъ, но лицо его подернулось грустью,—онъ зналъ, что бомбардированіе назначено на Свѣтлой недѣлѣ [1]).

Въ четвергъ на страстной недѣлѣ молящіеся собрались въ уцѣлѣвшихъ церквахъ, блиндажахъ и на бастіонахъ къ слушанію двѣнадцати евангелій. Въ Александровскихъ казармахъ служба совершалась въ огромной комнатѣ, гдѣ стояло нѣсколько образовъ, налой съ св. Евангеліемъ, два большихъ подсвѣчника съ сотнями мелкихъ свѣчей, затепленныхъ усердіемъ храбрыхъ воиновъ и страдальцевъ-раненыхъ.

Во время чтенія двѣнадцати евангелій, противники открыли батальный огонь противъ третьяго бастіона, и скоро заревѣли выстрѣлы по всей линіи. То была новая попытка англичанъ овладѣть нашими ложементами впереди третьяго бастіона, но и на этотъ разъ они были отбиты съ большимъ урономъ. Неудача заставила ихъ усилить огонь, и канонада, перейдя на городъ, не умолкала въ теченіе цѣлаго дня. Колокольный звонъ въ церквахъ, возвѣщая православнымъ начало

---

[1]) Герсевановъ. „Поле мертвыхъ близъ Севастополя“. Матер., вып. V, 421.

чтенія каждаго евангелія, сливаясь съ ревомъ пушекъ и свистомъ ядеръ, производилъ особое впечатлѣніе на душу: „хотѣлось,—говоритъ участникъ обороны, —плакать и молиться, и вмѣстѣ—хотѣлось мстить и драться [1])“.

Наступилъ канунъ праздника. Въ шесть часовъ утра, во всѣхъ походныхъ церквахъ на бастіонахъ и батареяхъ, несмотря на сильную канонаду, совершалось по православному обряду погребеніе плащаницы. На Малаховомъ курганѣ служба происходила въ блиндажахъ. Почти ползкомъ нужно было войти въ длинный и темный корридоръ, съ колоннадой дубовыхъ столбовъ по обѣимъ его сторонамъ. Возлѣ долевой стѣны стояло нѣсколько образовъ, а по срединѣ плащаница, освѣщенная свѣчами. Хоръ пѣвчихъ, еще спѣвавшійся, стройными голосами пѣлъ: *„Слава въ вышнихъ Богу“*. Молящіеся разныхъ чиновъ и званій приходили, прикладывались къ плащаницѣ, отходили въ сторону и скрывались въ полумракѣ. Длинный корридоръ блиндажа живо напоминалъ темныя Кіевскія пещеры. Чувство глубокаго благоговѣнія наполняло душу при видѣ плащаницы, Евангелія въ богатой оправѣ, престольнаго креста и образовъ Святителя Николая и Божіей Матери, освѣщенныхъ нѣсколькими свѣчами.

Началась служба. Солдаты и матросы наполнили блиндажъ. Каждый входилъ съ особымъ благоговѣніемъ; горячая и усердная молитва отражалась на всѣхъ лицахъ. „Мы молились,—пишетъ одна изъ сестеръ милосердія,—и молились усердно; неумолчная стрѣльба не развлекала нашего вниманія. Подъ тихое пѣніе молитвы: *„Святый Боже“* плащаницу понесли вокругъ блиндажа, и когда молящіеся вышли на площадку со свѣчами въ рукахъ, раздался непріятельскій выстрѣлъ, и ядро со свистомъ пролетѣло надъ ихъ головами.

По окончаніи службы, гарнизонъ и жители Севастополя, по русскому обычаю, готовились встрѣтить великій день Христова Воскресенія съ особою торжественностью. Всѣ работы, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, были пріостановлены, и городъ мало-по-малу сталъ принимать торжественный видъ.

Послѣ полудня, женщины цѣлыми толпами спѣшили на бастіоны.

---

[1]) Алабинъ. „Походныя записки“, ч. II.

Жены матросовъ, землячки и даже дѣти, перегоняя другъ друга, тащили мужьямъ, сватамъ и отцамъ куличи, масло, пасху и яйца. Во многихъ командахъ также заготовляли куличи и пекли булки. На батареяхъ замѣтно было оживленное движеніе: тамъ все чистилось, прибиралось; площадки бастіоновъ, мѣста у орудій, входы въ блиндажи очищались отъ мусора, черепковъ и посыпались пескомъ. Каждый готовился встрѣтить праздникъ на своемъ посту, когда нельзя было сдѣлать этого въ своемъ домѣ.

Наступила полночь. Было совершенно тихо, только изрѣдка сверкали вдали пушечные выстрѣлы съ нашей или непріятельской батареи и, какъ раскатъ грома, мѣрно раздавались эхомъ по холмамъ, окружающимъ городъ. Среди ночной тишины, нарушаемой зловѣщимъ гуломъ орудій и постоянной трескотни ружейныхъ выстрѣловъ въ ложементахъ, благоговѣйно прозвучалъ благовѣстъ колоколовъ, призывавшихъ къ молитвѣ. Улицы наполнились народомъ, спѣшившимъ въ ярко освѣщенные храмы [1]). Надъ сонною бухтою множествомъ освѣщенныхъ оконъ горѣли Александровскія казармы, а на противоположной сторонѣ рисовалась греческая церковь во имя Петра и Павла. Толпы народа съ зажженными свѣчами тѣснились внутри и, огненною рѣкою снаружи, окружали два городскіе храма на Южной сторонѣ и госпитальную церковь на Сѣверной... А тамъ по траншеямъ и въ укрѣпленіяхъ подъ визгомъ пуль и ядеръ, заслыша благовѣстъ колоколовъ, герои-стрѣлки творили крестное знаменіе и произносили: Христосъ Воскресъ! [2]).

Съ наступленіемъ праздника, на бастіонахъ зажглись у иконъ свѣчи; солдаты и матросы горячо молились передъ ними. Тепла была молитва славныхъ защитниковъ вдали отъ родной семьи. Всюду представлялись взору картины благоговѣнія, и казалось, на это время, всякая опасность была позабыта.

Весь гарнизонъ и свободные отъ службы офицеры морскихъ и сухопутныхъ силъ тѣснились въ небольшомъ соборѣ Св. Екатерины и христосовались съ главнокомандующимъ. Вокругъ храма толпились ма-

---

[1]) „Бомбардированіе Севастополя“, Ег. Ковалевскаго. Матеріалы, вып. V, 428.

[2]) „Бомбардированіе Севастополя“, Ег. Ковалевскаго. „Три письма изъ Севастополя“. О. К.

тросы, солдаты и женщины. Цѣлые ряды куличей и пасхи, съ горящими передъ ними свѣчами, ожидали освященія.

По окончаніи церковной службы, духовенство было приглашено отслужить молебны на оборонительной линіи у бастіонныхъ и батарейныхъ образовъ. Въ ожиданіи священника, бастіоны смотрѣли по-праздничному: блиндажи убраны, лафеты и платформы вымыты, вычищены, и возлѣ разставленныхъ куличей толпились люди, одѣтые въ чистые и новые мундиры. Въ отдаленіи стояли жены и дѣти защитниковъ, пришедшіе похристосоваться и раздѣлить вмѣстѣ свѣтлые дни праздника. Изрѣдка раздавались выстрѣлы, подъ звуками которыхъ слышались молитвы и церковное пѣніе священника. Съ крестомъ въ рукахъ и съ сосудомъ святой воды, обходили пастыри церкви ряды солдатъ и, окропляя святою водою, поздравляли съ наступившимъ праздникомъ.

По окончаніи службы, стали разговляться: матросы и солдаты подъ открытымъ небомъ, офицеры—въ блиндажахъ. Пѣхотному солдату негдѣ было достать ни кулича, ни яицъ, и матросы, успѣвши съ ними сжиться на бастіонахъ, братски дѣлились и лучшимъ кускомъ, и послѣдней краюхой.

Тутъ же, почти возлѣ самыхъ орудій, въ блиндажахъ, встрѣчали праздникъ и офицеры у одного изъ товарищей. Тѣсенъ былъ блиндажъ, да радушенъ его хозяинъ. Все его помѣщеніе заключалось въ ямѣ, вырытой подъ однимъ изъ траверсовъ, около сажени глубиною, шаговъ семь въ длину и столько же въ ширину. Яма эта, земляною же стѣною съ отверстіемъ для прохода, раздѣлялась на два отдѣленія: первое назначалось для одного или нѣсколькихъ офицеровъ, другое для нижнихъ чиновъ. Толстый накатникъ на столбахъ поддерживалъ земляной потолокъ блиндажа; двѣ доски, съ прибитыми къ нимъ поперечными брусьями, носили морское названіе трапа и замѣняли лѣстницу, по которой спускались въ блиндажъ.

Полумракъ господствовалъ въ этомъ помѣщеніи; свѣча или лампа служила постояннымъ и единственнымъ его освѣщеніемъ, днемъ и ночью. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ, а вдоль стѣнъ шли деревянные прилавки, служившіе стуломъ и кроватью. Коверъ и подушка на нарахъ, да небольшой столикъ, покрытый чистою скатертью, составляли все убранство блиндажа. На столѣ стояли куличъ, яйца и пасхальная за-

куска, какую кому удалось пріобрѣсти у пріѣзжаго маркитанта. Тѣснота и незатѣйливость помѣщенія какъ бы соединяли присутствующихъ еще болѣе тѣсными узами боеваго родства. Говоръ, шумъ, поздравленіе съ праздникомъ, а порою и звонкій смѣхъ слышались въ блиндажѣ и давали знать, что собравшіеся, подъ вліяніемъ праздника, забыли о грозной дѣйствительности.

Съ наступленіемъ дня, на бастіонахъ образовались кружки, появились музыканты, раздались веселыя пѣсни и пляски,—и веселился русскій человѣкъ, какъ веселится онъ дома, въ кругу родной своей семьи. У матроса явилась скрипка, у пѣхотнаго солдата кларнетъ, который иной артистъ, по выраженію участника, носитъ тысячи верстъ прицѣпленнымъ къ штыковымъ ножнамъ и въ часы отдыха веселитъ имъ своихъ товарищей. Сѣвъ возлѣ орудія, оба музыканта съ воодушевленіемъ наигрывали комаринскаго, отбивая тактъ ногою. Проходившій мимо солдатъ остановился, къ нему присоединился другой, третій—-образовалась толпа. Долго собравшіеся слушали молча игру музыкантовъ, но вотъ у одного заходили плечи, другаго такъ и передергиваетъ всѣмъ корпусомъ, третій поправляетъ на головѣ шапку, какъ-бы приготовляясь къ чему-то, но всѣ молчатъ, всѣ слушаютъ. Звонкій голосъ молодаго солдатика выводитъ собравшихся изъ молчаливаго положенія и удовлетворяетъ задушевному желанію.

— Не вытерпѣть, братцы,—говоритъ онъ, и, не докончивъ фразы, пускается въ плясъ.

Всѣ точно очнулись, и, посмотрѣвъ другъ на друга, какъ-бы съ укоромъ, что сами раньше не догадались, присоединяются къ плящущему. Пляска дѣлается всеобщею и выражаетъ собою ту удаль и беззаботность, которыя такъ хорошо характеризуютъ свѣтлую душу русскаго солдата. „Забыты тревога,—говоритъ участникъ славной обороны [1]),—утомленіе, адскіе снаряды: поплясываютъ себѣ солдатики, стараясь выкинуть ногой колѣнцо похитрѣе. Нѣтъ ничего симпатичнѣе и благодушнѣе русскаго солдатика! Годъ тягости, да часъ радости—и забылъ онъ все горе, и простилъ онъ всѣ обиды и готовъ отдать, что у него за душой“.

---

[1]) Г. Чаплинскій. Сборникъ рукописей, т. II, 131.

Первый день Пасхи прошелъ весело и покойно, хотя ружейный огонь въ траншеяхъ не умолкалъ ни на минуту. Никто не допускалъ мысли, чтобы французы или англичане могли нарушить святость праздника и открыть огонь, а потому въ Севастополѣ впослѣдствіи говорили, что союзники на этотъ день посадили турокъ въ траншеи [1]).

Вечеромъ въ городѣ игралъ хоръ военной музыки; толпа народа покрывала весь бульваръ и тѣснилась около музыкантовъ. Среди гуляющихъ было много женщинъ, присутствіе которыхъ отдаляло мысль о грозной дѣйствительности и о большихъ приготовленіяхъ непріятеля ко второму бомбардированію города. Изрѣдка слышны были выстрѣлы, но они не нарушали всеобщаго веселья. Жители Севастополя уснули съ полною надеждою встрѣтить второй день праздника такъ же весело, какъ встрѣтили и провели они первый день. Ожиданіе ихъ не исполнилось. Въ первый день Пасхи было замѣтно въ лагеряхъ союзниковъ большое движеніе, но что̀ оно обозначало,—праздничное ли гулянье или приготовленіе къ борьбѣ,—никто не могъ угадать.

Настала ночь сырая и холодная. Густой туманъ облегалъ городъ, и дождь, при сильномъ порывистомъ вѣтрѣ, хлесталъ по убогимъ пріютамъ солдатъ.

Въ непріятельской линіи укрѣпленій былъ слышенъ шумъ. Хотя, за темнотою ночи, и нельзя было развѣдать, что̀ происходило тамъ, но по всему видно было, что союзники къ чему-то готовятся [2]).

Въ 5 часовъ утра, 28-го марта, съ непріятельскаго корабля, стоявшаго у Стрѣлецкой бухты, взвилась сигнальная ракета, и вслѣдъ затѣмъ союзники открыли огонь противъ всѣхъ укрѣпленій оборонительной линіи. То было *второе—праздничное бомбардированіе*, какъ называли его въ Севастополѣ въ отличіе отъ перваго, бывшаго 5-го октября 1854 года.

При первыхъ звукахъ выстрѣловъ, помощникъ начальника гарнизона адмиралъ Нахимовъ и другія начальствующія лица были уже на бастіонахъ.

---

[1]) Письмо Семякина князю Меншикову 30-го марта.

[2]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 399.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ по обыкновенію лѣзъ туда, гдѣ было жарче, и тѣмъ возбуждалъ опасеніе подчиненныхъ.

— Дай Богъ,—говорили они,—чтобы только нашъ драгоцѣнный адмиралъ остался невредимъ.

„Какую заботливость имѣютъ объ этомъ всѣ, —писалъ Мансуровъ,—доказала мнѣ сегодня записочка, случайно попавшаяся въ руки отъ одного лейтенанта, съ пятаго бастіона, писанная на клочкѣ бумаги, наскоро; она кончается фразою: „молись за Нахимова, онъ по-прежнему слишкомъ много себя выставляетъ“. Нахимовъ не думалъ о себѣ; онъ мечталъ только о защитѣ роднаго города и въ теченіе цѣлаго дня оставался подъ огнемъ. Непріятель быстро открывалъ амбразуры одну за другою; наши матросы бодро бросились къ орудіямъ, и канонада закипѣла. Союзники стрѣляли изъ 482 орудій огромнаго калибра,—въ числѣ которыхъ было 130 мортиръ,—слѣдовательно, число ихъ орудій было болѣе, чѣмъ вдвое того числа, которое употреблено было ими въ бомбардированіи 5-го октября.

Съ нашей стороны, по осаднымъ батареямъ непріятеля былъ открытъ огонь изъ 466 орудій, въ томъ числѣ изъ 57-ми мортиръ.

Страшный трескъ, свистъ и грохотъ гудѣли надъ Севастополемъ. Вой вѣтра, смѣшанный съ гуломъ выстрѣловъ, шумъ проливнаго дождя и густой туманъ еще болѣе усиливали мрачность этого дня; скоро все скрылось отъ глазъ, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Грозно-величественную картину представляли бастіоны во время бомбардированія. Прислуга при орудіяхъ дѣйствовала съ истиннымъ самоотверженіемъ, штуцерные въ ложементахъ также не зѣвали, и перекатная дробь ихъ выстрѣловъ сливалась съ гуломъ орудій. По бастіонамъ расхаживали офицеры, направляя огонь на непріятельскія батареи и наблюдая за тѣмъ, чтобы снаряды не расходовались понапрасну. Мы отвѣчали непріятелю рѣдкимъ огнемъ.

По всей семиверстной длинѣ оборонительной линіи, въ густомъ туманѣ, тускло мелькали огоньки орудійныхъ выстрѣловъ. Надъ Севастополемъ стоялъ оглушающій ревъ канонады, по временамъ усиливаемый взрывами пороховыхъ погребовъ. „Нѣтъ возможности передать что̀ это было,—говоритъ одинъ изъ стоявшихъ на бастіонахъ [1]).—Ужасную

[1]) Н. Горбуновъ. Сборникъ рукоп. о Севастопольской оборонѣ, т. I, 73.

бурю съ градомъ можно развѣ сравнить съ тѣмъ неистовымъ, учащеннымъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ непріятель буквально мелъ ядрами бастіоны. Надъ нами было истинно чугунное облако,—становилось темно отъ массы снарядовъ, пролетавшихъ надъ головой. Ядра, какъ резиновые мячики, прыгали по улицамъ. Сотрясеніе въ воздухѣ отъ ихъ полета и разрыва бомбъ колыхало полуразбитыя деревянныя постройки города; во всѣхъ домахъ ходуномъ ходили оконныя рамы, стекла одно за другимъ разлетались въ дребезги; внутри домовъ обсыпались карнизы, отваливалась штукатурка“.

При первыхъ выстрѣлахъ женщины и дѣти бросились къ пристани, переправлялись на сѣверную сторону, и, оставшись безъ крова и пріюта, укрывались во рву батареи № 4-го [1]). Оставшіеся же въ городѣ жители цѣлыми толпами спѣшили къ единственному и въ то время довольно еще безопасному убѣжищу—къ Николаевской батареѣ, обратившейся теперь въ огромный рынокъ. Галлереи и казармы были усыпаны народомъ, чрезвычайно разнообразнымъ по составу. Здѣсь сынъ и дочь, спасаясь отъ ужасовъ бомбардировки, тащатъ на рукахъ больнаго и безногаго старика-отца; тамъ женщина, держа на рукахъ груднаго ребенка, волокетъ другою рукою малолѣтняго сына, едва успѣвающаго бѣжать за нею; въ сторонѣ видна группа купцовъ, разговаривающихъ между собою почти шопотомъ. Повсюду слышны возгласы: „Господи! Господи! хуже ада кромѣшнаго“.

И, дѣйствительно, никакая самая фантастическая сказка не въ состояніи дать понятія объ ужасахъ бомбардированія.

По улицамъ безпрестанно проходили носильщики и вели подъ руки окровавленныхъ солдатъ; на встрѣчу имъ двигались отряды войскъ, скакали офицеры съ приказаніемъ, ѣхали повозки и фуры съ водой,

---

[1]) «Къ намъ на батарею № 4,—писалъ Б. Мансуровъ П. В. Воеводскому,—пришло много бабъ съ дѣтьми, бѣжавшихъ изъ города. Изъ человѣколюбія ихъ два дня уже держатъ во рву, но такъ какъ въ крѣпости женщинъ держать нельзя и неудобно, то нельзя ли приказать доставить въ мое распоряженіе нѣсколько парусовъ, для сдѣланія, въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ, двухъ палатокъ: одной поменьше, а другой побольше. Если только не представляется затрудненія, то услышьте мою просьбу ради человѣколюбія: право, съ бабами не знаю куда дѣться».

турами, снарядами, зарядами и другими предметами, необходимыми въ такое время для бастіоновъ и батарей.

Усилившійся дождь, сопровождаемый сильными порывами вѣтра, цѣлымъ потокомъ шелъ на стоявшихъ на бастіонахъ и въ короткое время промочилъ ихъ до послѣдней нитки. Сгустившійся еще болѣе туманъ, вмѣстѣ съ дождемъ и тучею пороховаго дыма, задернулъ горизонтъ какъ занавѣсью. „Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей,—все сливается въ одинъ непрерывный гулъ, котораго описать невозможно словомъ человѣческимъ. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ, тягостное ожиданіе на сердцѣ"—вотъ ощущенія, испытанныя въ этотъ день каждымъ изъ защитниковъ многострадальнаго города.

Густой черный дымъ непріятельскихъ судовъ указывалъ, что и союзный флотъ готовится принять участіе въ страшной борьбѣ противниковъ. Всѣ ожидали, что флотъ приметъ также участіе въ бомбардированіи, но за густотою тумана услѣдить за его перемѣщеніемъ было невозможно.

Движеніе непріятельскихъ судовъ особенно заботило князя Горчакова, опасавшагося, чтобы союзники одновременно съ бомбардированіемъ не предприняли дессантныхъ дѣйствій въ его тылъ [1]). Если бы это послѣдовало до прибытія подкрѣпленій, то князь Михаилъ Дмитріевичъ считалъ свое положеніе опаснымъ, но непріятель, не думая о высадкѣ, напротивъ того, ожидалъ наступленія съ нашей стороны. Ограничившись маневрированіемъ флота у входовъ въ Севастопольскую бухту, онъ хотѣлъ показать этимъ, будто намѣренъ бомбардировать городъ съ моря. Тѣмъ не менѣе на прибрежныхъ батареяхъ было все приготовлено къ встрѣчѣ, задымились ядро-калительныя печи, и прислуга размѣстилась возлѣ орудій.

Бомбардированіе между тѣмъ кипѣло по-прежнему.

Непріятель сосредоточилъ самый сильный огонь на тѣ укрѣпленія, къ которымъ онъ ближе всего подошелъ своими подступами. Такими укрѣпленіями были 4-й и 5-й бастіоны, Малаховъ курганъ, второй

---

¹) Всепод. донесеніе кн. Горчакова 30-го марта.

бастіонъ, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ. Послѣдніе, извѣстные въ Севастополѣ подъ именемъ *трехъ отроковъ въ пещи,* особенно терпѣли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Усиленіе огня противъ передовыхъ укрѣпленій показывало, что союзники думали сначала разрушить ихъ выстрѣлами, а потомъ штурмовать и овладѣть ими съ боя.

Въ ожиданіи штурма, на батареяхъ были усилены гарнизоны, при чемъ, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, приказано было размѣщать ихъ подъ блиндажами, оставляя подъ выстрѣлами только самое незначительное число войскъ, необходимое для первой встрѣчи штурмующихъ колоннъ непріятеля.

Несмотря на то, небольшія площадки батарей и бастіоновъ были переполнены народомъ, и непріятельскіе снаряды находили здѣсь обильную для себя пищу. Безпрестанно падавшія бомбы поражали то человѣка, то станокъ, то орудіе, то, падая въ толщу укрѣпленія, разворачивали насыпь, осыпавшуюся безобразною грудою земли. Бока амбразуръ, поддерживаемые отъ осыпанія турами и фашинами, часто загорались, и тогда солдатъ, перекрестившись, хваталъ мокрую швабру и влѣзалъ въ амбразуру, закидываемую непріятельскими снарядами.

Тамъ надсмотрщикъ пороховаго погреба слѣдилъ за полетомъ бомбъ, и едва онѣ падали на крышу погреба, какъ рабочіе сами собою бросались кучами и засыпали просверленную яму.

„Не одинъ изъ подобныхъ смѣльчаковъ,—говоритъ участникъ славной защиты,—жизнью платилъ за мужественное дѣло, но на мѣсто убитаго всегда находился новый охотникъ. Люди, съ тотовностію, цѣлыми партіями, кидались въ ту сторону, гдѣ отъ непріятельскаго огня повреждалось орудіе. Подъ пулями и ядрами шла безпрерывная работа. Запасныя орудія были подготовлены заранѣе, а потому подбитыя перемѣнялись съ возможною скоростію.

„Здѣсь не задумывались о смерти, да и некогда было—гораздо умнѣе и короче казалось всѣмъ глядѣть ей прямо въ глаза, во всемъ остальномъ положась на волю Божію.

„При мнѣ, за короткое время, на батареѣ произошло множество случаевъ геройскаго безстрашія,—никѣмъ не разсказанныхъ, по причинѣ изобилія въ самомъ геройствѣ. Одно ядро взвизгнуло неподалеку

отъ меня, пролетѣвши черезъ самую середину одной амбразуры; здоровый красивый матросъ, наводившій орудіе съ улыбкою, что-то причитывавшій къ будущему своему выстрѣлу, незамѣтно осѣлъ, съежился, согнулся—и медленно рухнулся на земь; ядро снесло ему верхъ головы. Рядомъ стоявшій товарищъ, быстро сорвавши съ себя шапку, поспѣшилъ нахлобучить ее на убитаго и, молча, покойно замѣнилъ его мѣсто. Стоя на опаснѣйшемъ посту, на мѣстѣ, забрызганномъ кровью своего предшественника, онъ хладнокровно наводилъ орудіе, держась правой рукой за подъемный винтъ и командуя прочей прислугѣ: „влѣво, немного вправо, чуточку еще влѣво“ и т. п. Ни минуты не было потеряно, и отвѣтный выстрѣлъ загремѣлъ своимъ чередомъ“.

Усиленное бомбардированіе длилось около пяти часовъ сряду, но непріятель не имѣлъ перевѣса ни на одномъ пунктѣ. Поврежденія въ нашихъ бастіонахъ хотя и были весьма значительны, но равносильны поврежденіямъ въ непріятельскихъ батареяхъ и траншеяхъ.

Около десяти часовъ утра по бастіонамъ и батареямъ было разослано приказаніе начальника гарнизона стрѣлять рѣже, отвѣчая однимъ выстрѣломъ не менѣе, какъ на два выстрѣла непріятеля. При весьма ограниченномъ числѣ зарядовъ необходимо было принять всѣ мѣры, чтобы не только не остаться вовсе безъ пороха и снарядовъ, но оставить достаточный запасъ ихъ на случай штурма, котораго нельзя было не ожидать, послѣ столь сильной бомбардировки.

Уменьшеніе огня съ батарей нашей оборонительной линіи дало значителвное преимущество непріятелю, такъ что къ вечеру онъ успѣлъ причинить большой вредъ нашимъ укрѣпленіямъ. Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ представляли собою только груду развалинъ. Замѣчательно, однако же, то, что на передовыхъ редутахъ въ теченіе цѣлаго дня не было подбитыхъ орудій, но засыпаны всѣ амбразуры, такъ что орудія не имѣли возможности открыть огонь. Но непріятель, находившійся такъ близко отъ редутовъ и видѣвшій ихъ разстройство, не съумѣлъ воспользоваться этимъ и довольствовался только поврежденіемъ укрѣпленій оборонительной линіи. Пятый бастіонъ и смежныя съ нимъ батареи были такъ повреждены, что къ вечеру принуждены были замолчать. Въ правой оборонительной стѣнкѣ этого бастіона была произведена брешь, и прислуга у орудій почти вся пере-

бита. Легче всѣхъ было третьему бастіону, и потому онъ пострадалъ менѣе другихъ; его артиллерія имѣла видимый перевѣсъ надъ противникомъ и сохранила его до самаго вечера. День этотъ дорого стоилъ нашей арміи: она лишилась 536 человѣкъ выбывшими изъ строя, тогда какъ непріятель потерялъ только 94 человѣка. Въ теченіе дня было выпущено нашими батареями 12.000 зарядовъ и разстрѣляно 165.000 ружейныхъ патроновъ. Непріятель бросилъ въ Севастополь 33.658 снарядовъ и выпустилъ около 170.000 патроновъ [1]). Обѣ стороны сожгли около 7.000 пудовъ пороху, и чего же достигли союзники?

Всѣ поврежденія, произведенныя непріятелемъ въ нашей оборонительной линіи, состояли изъ 15-ти подбитыхъ орудій, 13-ти станковъ, 23-хъ поврежденныхъ платформъ и 122 заваленныхъ амбразуръ. Такой неважный результатъ легко объясняется способомъ дѣйствій англо-французовъ. Владѣя громадными матеріальными средствами и значительнымъ преимуществомъ въ численности войскъ, они постоянно разсѣивали свой огонь, вмѣсто того чтобы сосредоточить его на какомъ-либо изъ отдѣловъ оборонительной линіи, разрушить его до основанія и затѣмъ штурмовать городъ. Столь ошибочный способъ дѣйствій, повторяемый союзниками въ теченіе всей послѣдующей осады, только отдалялъ паденіе Севастополя. Перенося огонь съ одного фланга на другой, съ бастіона на бастіонъ, непріятель давалъ намъ время и возможность исправить свои поврежденія и быть въ состояніи явиться на слѣдующій день не слабѣе вчерашняго.

Союзники не понимали своей ошибки, не могли объяснить себѣ причины неуспѣха, но видѣли, что бомбардированіе не достигло своей цѣли. Не рѣшаясь штурмовать городъ, оба главнокомандующіе, по свидѣтельству Базанкура, пришли къ странному заключенію, что осажденный, угрожаемый огнемъ ихъ артиллеріи и опасаясь рѣшительнаго нападенія на городъ, непремѣнно самъ выйдетъ атаковать ихъ, съ цѣлью разстроить всѣ предпріятія непріятеля.

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II,99—115, Ковалевскій. «Бомбардированіе Севастополя». Матер., вып. V.

— Тогда — говорили съ восхищеніемъ Канроберъ и лордъ Рагланъ,—одно сраженіе можетъ рѣшить все.

„Съ прибытіемъ къ намъ Омера-паши и лучшихъ его войскъ,—писалъ Канроберъ императору отъ 29-го марта,—мы полагали, что самое выгодное для насъ было бы, если бъ русская армія рѣшилась атаковать насъ на превосходной нашей позиціи. Мы давно думали, что русскіе намѣрены напасть на насъ, какъ скоро мы откроемъ огонь противъ укрѣпленій; и потому, чтобы вызвать ихъ на это предпринятіе, мы вчера открыли огонь изъ всѣхъ французскихъ и англійскихъ батарей. Главнокомандующіе хотятъ поддерживать огонь безъ особой торопливости, но и не прекращая его, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться всѣми благопріятными случаями, для дѣйствія противъ укрѣпленій или противъ вспомогательной русской арміи“.

Отправивъ такое донесеніе, не имѣющее по нашему мнѣнію никакого смысла, главнокомандующіе, въ тотъ же день, собрали въ главный штабъ англійской арміи всѣхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ генераловъ, чтобы сообщить другъ другу свои замѣчанія о дѣйствіи огня въ первый день бомбардированія и вывести заключеніе о томъ, что̀ можно и впредь отъ него ожидать. Заключеніе было далеко не въ пользу атакующаго, но по окончаніи совѣщанія рѣшено было продолжать бомбардированіе, при чемъ корпусные командиры получили приказаніе быть готовыми штурмовать наиболѣе выдающіяся части нашей оборонительной линіи. Такое приказаніе конечно было только одною фразою, и главнокомандующіе вовсе не думали о штурмѣ.

Съ наступленіемъ ночи обѣ стороны значительно ослабили прицѣльный огонь, но въ замѣнъ того усилили навѣсный изъ мортиръ, который и поддерживали до разсвѣта. Бомбы свѣтились на небѣ, словно звѣзды въ ясную ночь, и летали по всѣмъ направленіямъ, во всѣ части города, въ отдѣльные форты и бастіоны [1]). Непріятель сосредоточивалъ свой огонь преимущественно противъ четвертаго бастіона, Малахова кургана, Камчатскаго люнета, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Послѣдніе три были забрасываемы снарядами.

Среди полета непріятельскихъ бомбъ севастопольцы приступили къ

---

[1]) Свѣтлая недѣля въ Севастополѣ. Матеріалы, вып. V, 391.

исправленію поврежденій одновременно по всей линіи—„мы чинились“, говорили солдаты. Несмотря ни на какія потери, работа не прекращалась въ теченіе всей ночи: разрушенныя насыпи возобновлялись, исправлялись амбразуры, отрывались засыпанныя землею орудія, и тѣ, которыя оказывались подбитыми, замѣнялись новыми. Чтобы судить о геройскомъ самоотверженіи гарнизона и о томъ, какого усиленнаго труда стоили эти исправленія, стоитъ припомнить только, что гарнизону необходимо было, въ теченіе одной ночи, перемѣнить всѣ подбитыя орудія новыми; что чугунныя махины эти приходилось тащить на батареи за нѣсколько верстъ, по непроходимой грязи, образовавшейся въ слѣдствіе проливнаго дождя, шедшаго днемъ,—и тогда для каждаго станетъ яснымъ, какого сверхъ-естественнаго труда стоило нашимъ богатырямъ-солдатамъ исправленіе укрѣпленій. Заслуга ихъ еще болѣе увеличится, когда вспомнимъ, что все это совершалось подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Случалось, что при наложеніи новаго орудія собиралась въ амбразурѣ большая куча рабочихъ, и вдругъ въ эту сплошную массу живаго тѣла врывалось ядро, кровавымъ слѣдомъ запечатлѣвая свой полетъ.

При огромномъ числѣ выпущенныхъ выстрѣловъ, доставка новыхъ зарядовъ на бастіоны представляла также не малыя затрудненія. Приготовляемые днемъ и ночью, при свѣтѣ фонарей, заряды укладывались въ троечные полуфурки, которые должны были двигаться по дорогамъ, покрытымъ глубокою грязью и изрытымъ непріятельскими ядрами. Лошади были изнурены до крайности; заряды доставлялись подъ выстрѣлами, и случалось, что подобный полуфурокъ, взорванный непріятельскою бомбою, взлеталъ на воздухъ вмѣстѣ съ солдатомъ и лошадьми.

Въ теченіе ночи защитники преодолѣли всѣ затрудненія, исправились, починились и на утро явились готовыми на бой не слабѣе прежняго.

Съ разсвѣтомъ 29-го марта, около пяти часовъ утра непріятель открылъ по городу столь же сильное бомбардированіе, какъ и наканунѣ.

„Il nous chauffe,—писалъ князь Горчаковъ [1],—presque sans

---

[1]) Въ письмѣ военному министру отъ 29-го марта.

cesse, avec 300 pièces d'artillerie. Le seul repos qu'il nous laisse, c'est pendant la nuit, où il se borne à nous jeter des bombes du reste en assez grande quantité“ [1]).

Самый большой огонь направленъ былъ на Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, Малаховъ курганъ, 4-й и 5-й бастіоны. Хотя съ нашей стороны приказано было стрѣлять какъ можно рѣже, такъ, чтобы въ теченіе дня расходовать не болѣе 30-ти зарядовъ на орудіе, но это распоряженіе не помѣшало намъ менѣе чѣмъ въ четыре часа времени заставить замолчать до 50-ти непріятельскихъ орудій [2]).

Одновременно съ открытіемъ бомбардированія съ сухаго пути, и непріятельскій флотъ, около 5-ти часовъ уже развелъ пары и, вытянувшись изъ Камышевой бухты, около 9-ти часовъ утра выстроился противъ входа въ Севастопольскій рейдъ, но въ дѣло не вступалъ. За туманомъ трудно было разсмотрѣть движеніе флота и опредѣлить намѣреніе противника. Въ Севастополѣ ожидали или высадки или бомбардированія.

Въ полдень все объяснилось: на рейдѣ стояло до 18-ти разнаго рода судовъ, спустившихъ свои стеньги и оставшихся въ теченіе всего дня на одномъ и томъ же мѣстѣ [3]). Къ вечеру союзный флотъ отошелъ нѣсколько назадъ и выстроился въ три линіи, при чемъ въ третью линію поставлены были всѣ фрегаты и пароходы [4]).

Значительное преимущество непріятеля, въ числѣ брошенныхъ снарядовъ, было причиною того, что наши батареи и на этотъ разъ потерпѣли большія поврежденія и потери.

Къ вечеру были приведены въ совершенное молчаніе пятый бастіонъ, Селенгинскій и Волынскій редуты. Послѣдніе были повреждены такъ сильно, что къ утру слѣдующаго дня можно было при всѣхъ усиліяхъ возстановить только амбразуры и починить пороховые погреба. На чет-

---

[1]) Онъ насъ подогрѣваетъ почти безпрерывно тремя стами артиллерійскихъ орудій. Единственный отдыхъ, который онъ намъ даетъ, это ночью, когда онъ ограничивается бросаніемъ въ насъ бомбъ, впрочемъ въ довольно большомъ количествѣ.

[2]) Бомбардированіе Севастополя. Ег. Ковалевскаго.

[3]) Письмо Семякина князю Меншикову 30-го марта.

[4]) Донесеніе кн. Горчакова отъ 30-го марта.

вертомъ бастіонѣ было подбито 8 орудій, разрушены почти всѣ амбразуры, и онъ могъ дѣйствовать только двумя орудіями. Убыль въ людяхъ была вообще весьма значительная, такъ какъ, въ ежеминутномъ ожиданіи штурма, приходилось держать на бастіонахъ много войскъ. Мы лишились 735 человѣкъ выбывшими изъ строя, а союзники 135 человѣкъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ гарнизонъ снова принялся за исправленіе поврежденій, и нужно было еще болѣе усилій, чѣмъ наканунѣ, чтобы исправить бастіоны и батареи. Солдаты работали безъ отдыха; они, казалось, не чувствовали ни усталости, ни потребности сна. Съ разсвѣтомъ не смыкавшій глазъ гарнизонъ сталъ въ ружье, а прислуга размѣстилась у орудій, заряженныхъ картечью. Ни усиленныя работы, ни безсонница, ничто не могло поколебать русскаго солдата. Легко раненые и контуженные не оставляли своихъ мѣстъ; многіе изъ нихъ не ходили даже на перевязку. Незыблемою живою стѣною стояли моряки и солдаты пѣхотныхъ полковъ, подъ тысячами бомбъ, ядеръ и гранатъ.

Непоколебимо, твердо и открытою грудью окружали они городъ, который можно было взять, только уничтоживъ совершенно этотъ живой оплотъ героевъ. Съ безусловнымъ и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ, съ чистою и доброю душою, русскій солдатъ отдаетъ свою жизнь отечеству и, не разсчитывая ни на какія награды, исполняетъ свое дѣло по долгу присяги. Оттого онъ всегда готовъ къ смерти: ни совѣсть его не упрекаетъ, ни страхъ не беретъ. Отправляясь въ самый жаркій огонь, солдатъ сниметъ шапку, перекрестится—вотъ онъ и весь тутъ, готовый къ смерти.

Каждый изъ горячо любящихъ свое отечество съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью преклонится предъ подвигами моряковъ, саперъ, черноморскихъ пластуновъ и пѣхотныхъ полковъ: Владимірскаго, Селенгинскаго, Волынскаго, Камчатскаго, Охотскаго, Тобольскаго, Томскаго, Колыванскаго, Екатеринбургскаго, Якутскаго, Сѣвскаго, Алексопольскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, Углицкаго, Украинскаго, Минскаго, Суздальскаго и многихъ, многихъ другихъ.

Не укрѣпленія исключительно, а живыя стѣны этихъ и другихъ полковъ русской арміи обороняли такъ долго городъ, разстрѣливаемый непріятелемъ до совершеннаго разрушенія. Подобная оборона возможна едва-ли не съ однимъ русскимъ солдатомъ. Она возможна только при

желѣзномъ терпѣливомъ мужествѣ, готовомъ ежеминутно взглянуть смерти прямо въ глаза и проводить день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ въ постоянныхъ трудахъ и лишеніяхъ; тутъ нужно постоянное геройство, не знающее ни отдыха, ни устали и не разсчитывающее на завтрашній день.

Къ числу такихъ героевъ-богатырей принадлежалъ каждый изъ защитниковъ Севастополя. Безстрашно стоялъ онъ подъ выстрѣлами, опершись на ружье и составляя прикрытіе, безстрашно подъ тѣми же выстрѣлами лѣзъ въ амбразуру или на пороховой погребъ, чтобы затушить пожаръ или предупредить взрывъ; тотъ же солдатъ строилъ укрѣпленіе и чинилъ его, а и на вылазку ходилъ почти каждый день—все онъ же. Брошенный въ однообразную томительную жизнь, солдатъ разнообразилъ ее какъ могъ. Однажды въ ложементахъ передъ Камчатскимъ люнетомъ завязалась ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ съ необыкновенною живостію.

„Въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ моментовъ этой перестрѣлки,—пишетъ П. Алабинъ,—въ одномъ ложементѣ кто-то изъ нашихъ солдатъ затянулъ русскую пѣсню прекраснымъ звучнымъ голосомъ. Мгновенно, будто сговорясь, ее подхватили нѣсколько человѣкъ въ ложементѣ, и эта пѣсня загремѣла, залилась въ пространствѣ, полная мелодіи и силы. Чудное, право, дѣло: или ея звуки заинтересовали французовъ и захотѣлось имъ послушать хорошенько доселѣ ими не слыханной пѣсни, или удивило ихъ мужество поющихъ; какъ бы то ни было, но они прекратили пальбу. Этому примѣру послѣдовали наши стрѣлки, и такимъ образомъ, до самой ночи, смерть не начинала своихъ обычныхъ завываній, будто убаюканная пѣснью русскаго солдата“.

Русскій человѣкъ поетъ и въ горѣ, и въ радости; поетъ онъ въ хороводахъ, поетъ и въ траншеяхъ, подъ градомъ пуль. Пѣсня, составляя его развлеченіе, была единственнымъ утѣшеніемъ солдата въ столь тяжкомъ положеніи. Не было ему ни отдыха, ни покоя, но никто не слышалъ отъ него ни жалобы, ни упрека.

Союзники видѣли эту стойкость русскаго солдата и ясно поняли всю трудность осуществленія дальнѣйшихъ своихъ замысловъ. Имѣя значительное преимущество въ запасахъ артиллерійскихъ снарядовъ, они предпочли продолжать бомбардированіе.

*

Подъ прикрытіемъ огня своихъ батарей французы въ ночь съ 29-го на 30-е марта бросились на ложементы впереди пятаго бастіона и редута № 1-го (Шварца) и принудили нашихъ стрѣлковъ отступить. Непріятель намѣревался обратить ложементы въ траншею и приступилъ уже къ работѣ, но сильный картечный огонь со всѣхъ батарей перваго отдѣленія оборонительной линіи заставилъ французовъ отступить. Они удержались только въ трехъ переднихъ ложементахъ, передъ исходящимъ угломъ бастіона, но скоро и оттуда были выбиты батальономъ Колыванскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Жанько и четырьмя ротами, собранными изъ рабочихъ подъ командою маіора Колесникова. Съ разсвѣтомъ 30-го марта непріятель открылъ, по выраженію князя Горчакова, „до невѣроятности усиленную канонаду", и, имѣя въ виду во что бы то ни стало овладѣть ложементами, сосредоточилъ свои выстрѣлы преимущественно на редутѣ № 1-го (Шварца), стараясь уничтожить артиллерійскую оборону какъ этого редута, такъ и сосѣднихъ съ нимъ укрѣпленій. За недостаткомъ пороха, мы не могли отвѣчать непріятелю учащеннымъ огнемъ, и къ вечеру укрѣпленія эти были приведены въ совершенное разстройство.

— Какое несчастье,—говорилъ главнокомандующій,—что я имѣю такъ мало пороху. Отъ этого зависитъ честь и слава Россіи.

Недостатокъ снарядовъ и пороху былъ такъ великъ, что къ 31-му марта на нѣкоторыхъ батареяхъ было не болѣе 75 зарядовъ на орудіе, а между тѣмъ въ складѣ Севастопольскаго гарнизона оставалось только 4.726 пудовъ и до 8-го апрѣля могло прибыть 9.800 пудовъ [1]). Производя только по 20-ти выстрѣловъ изъ каждаго орудія и расходуя такимъ образомъ ежедневно около 2.200 пудовъ, мы могли еще кое-какъ перебиваться отъ одного транспорта до другаго. Но какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ оборонительной линіи, какъ напримѣръ въ передовыхъ редутахъ, совершенно необходимо было усилить дѣйствіе артиллерійскаго огня и штуцерныхъ, то главнокомандующій просилъ начальника гарнизона опредѣлить точнымъ образомъ, въ какихъ именно пунктахъ слѣдуетъ допустить до 80 выстрѣловъ на орудіе, съ тѣмъ однако же непремѣн-

---

[1]) Ожидалось къ 31-му числу 800 пудовъ; ко 2-му апрѣля—2.000; къ 4-му апрѣля 2.000 и къ 8-му апрѣля 5.000 пудовъ.

нымъ условіемъ, чтобы по всей оборонительной линіи ни въ какомъ случаѣ не расходовалось въ теченіе сутокъ болѣе 2.200 пудовъ. „Во всякомъ случаѣ,—прибавлялъ князь Горчаковъ [1]),—лучше намъ сносить ежедневно большую потерю, какъ орудіями, такъ и людьми, чѣмъ быть не въ состояніи отбить трехъ штурмовъ—что̀ по законамъ должно исполнить“. Чтобы не остаться въ этомъ послѣднемъ случаѣ вовсе безъ зарядовъ, приказано было отдѣлить по 30-ти зарядовъ на орудіе въ неприкосновенный запасъ, и приняты всѣ мѣры къ скорѣйшему пополненію боевыхъ зарядовъ. Съ этою цѣлью весь порохъ, выдѣлываемый на Шостенскомъ пороховомъ заводѣ, въ количествѣ отъ 12-ти до 15 ти тысячъ пудовъ въ мѣсяцъ, приказано отправлять исключительно въ Севастополь; на всѣхъ судахъ и береговыхъ батареяхъ оставлено только по 30-ти зарядовъ на орудіе, а остальные переданы на батареи Южной стороны города, куда долженъ былъ поступить и весь порохъ, имѣвшійся въ четырехъ подвижныхъ паркахъ, находившихся въ Крыму.

Не ограничиваясь этимъ, главнокомандующій, для ускоренія движенія транспортовъ съ порохомъ, командировалъ генералъ-маіора Семякина съ 5.000 рублей по тракту на Перекопъ, Бериславъ и Николаевъ [2]), а вице-адмиралъ Нахимовъ, въ то же самое время, отправилъ мичмана Шкота, съ 2.000 рублей, для ускоренія движенія транспортовъ со снарядами, отправленными съ Луганскаго завода [3]).

Между тѣмъ бомбардированіе продолжалось и принимало довольно однообразный характеръ: въ теченіе дня непріятель дѣйствовалъ прицѣльными выстрѣлами, а ночью поражалъ нашихъ рабочихъ навѣснымъ огнемъ. Съ этого же дня союзники стали пускать ракеты преимущественно по двумъ главнымъ направленіямъ: изъ траншей противъ Малахова кургана и съ батарей у Карантина въ городъ [4]). Ракеты эти впрочемъ не принесли намъ большаго вреда, и севастопольцы не обращали на нихъ никакого вниманія.

Рядомъ съ бомбардированіемъ непріятель подъ прикрытіемъ

---

[1]) Въ отношеніи барону Остенъ-Сакену отъ 30-го марта № 796.

[2]) Предписаніе Семякину 2-го апрѣля № 20.

[3]) Рапортъ Нахимова главнокомандующему 3-го апрѣля № 586.

[4]) Письмо Семякина кн. Меншикову 30-го марта.

огня производилъ усиленныя работы, и, желая какъ можно скорѣе и ближе подвинуться къ осажденному городу, пытался овладѣть съ боя нашими ложементами. Въ десять съ половиною часовъ вечера, 31-го марта, французы атаковали ложементы впереди 5-го бастіона, но, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ съ батарей оборонительной линіи, были выбиты штыками двухъ батальоновъ Колыванскаго полка подъ начальствомъ командира полка, подполковника Темирязева; новыя колонны французовъ, въ свою очередь, вытѣснили колыванцевъ. Послѣдніе, залегши за мѣстными закрытіями, поддерживали съ непріятелемъ сильную ружейную перестрѣлку, нѣсколько разъ возобновляли атаку, и спорные ложементы въ теченіе ночи оставались никѣмъ не занятыми [1]). На утро наши стрѣлки заняли ложементы; непріятель въ теченіе цѣлаго дня поддерживалъ весьма сильный огонь противъ четвертаго и пятаго бастіоновъ, редута № 1-го (Шварца) и Камчатскаго люнета, но за то совершенно прекратилъ его противъ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ.

Наибольшее пораженіе въ этотъ день было нанесено четвертому бастіону, и на немъ не было мѣста, куда бы не падали снаряды. Блиндажи надъ минными колодцами были разрушены, ровъ заваленъ обсыпавшеюся землею, и входамъ въ минныя галлереи угрожала опасность. Про этотъ бастіонъ солдаты говорили, что непріятель разворотилъ его такъ, что нѣтъ возможности его исправить. Узнавши объ этомъ, вице-адмиралъ Нахимовъ тотчасъ же самъ прибылъ на бастіонъ.

— Что это за срамъ-съ, — говорилъ онъ, съ неудовольствіемъ обращаясь къ солдатамъ,—шесть мѣсяцевъ учатъ васъ подъ огнемъ строиться и исправляться, а вы не можете. Пора бы-съ приснорoвиться, сметку имѣть.

— Будетъ сдѣлано! будетъ сдѣлано!—отвѣчали солдаты на замѣчаніе любимаго всѣми адмирала.

Одушевляемые личнымъ присутствіемъ храбраго начальника 2-го отдѣленія вице-адмирала Новосильскаго, рабочіе, въ числѣ около 1.500 человѣкъ, трудились надъ исправленіемъ этого бастіона и въ теченіе ночи успѣли отдѣлать его почти за-ново.

---

[1]) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборникъ». 1861 г. № 1-й.

Огромныя работы, значительная потеря въ людяхъ и наконецъ близость непріятеля отъ четвертаго бастіона заставили князя Горчакова усилить гарнизонъ, и на Южную сторону былъ переведенъ Одесскій егерскій полкъ, расположившійся въ резервѣ 2-го отдѣленія оборонительной линіи.

Непріятель и на слѣдующіе дни продолжалъ громить городъ и укрѣпленія, при чемъ болѣе другихъ доставалось четвертому бастіону и Малахову кургану. Башня на послѣднемъ была пробита насквозь, и, казалось, не было въ ней живаго мѣста.

Чѣмъ продолжительнѣе было бомбардированіе, тѣмъ конечно было болѣе подбитыхъ орудій, станковъ, платформъ и тѣмъ болѣе разрушались укрѣпленія, несмотря на безпрестанныя починки; потеря въ людяхъ точно также съ каждымъ днемъ увеличивалась, такъ какъ въ городѣ нельзя было указать мѣста, гдѣ бы можно было укрыть резервы: снаряды поражали ихъ всюду. Даже блиндажи не всегда спасали людей отъ огромныхъ бомбъ, часто падавшихъ на одно и то же мѣсто и въ концѣ-концовъ разрушавшихъ блиндажъ.

Съ другой стороны, огонь нашихъ батарей и бастіоновъ не проходилъ безслѣдно и для непріятеля. Такъ, третій бастіонъ сохранялъ постоянно превосходство надъ англичанами и 2-го апрѣля успѣлъ взорвать пороховой погребъ на одной изъ ихъ батарей. Взрывъ этотъ нанесъ страшный вредъ непріятелю; четыре амбразуры были совершенно разметаны, бомбическія пушки подбиты. Укрѣпленія, сосѣднія съ этою батареею, также умолкли на весь остатокъ дня и часть ночи. Въ послѣдующіе за тѣмъ дни недостатокъ у насъ пороха и снарядовъ далъ непріятелю значительное превосходство въ числѣ выстрѣловъ, которыми онъ производилъ столь важныя поврежденія по всей оборонительной линіи укрѣпленій, что для возстановленія огня приходилось назначать въ теченіе ночи по нѣскольку тысячъ рабочихъ. Трудясь безъ устали надъ исправленіемъ своихъ верковъ, обороняющійся находилъ возможность противодѣйствовать осаднымъ работамъ и выдерживать нападеніе многочисленнаго непріятеля на ложементы впереди пятаго бастіона.

Двукратная попытка французовъ овладѣть этими постройками заставила обороняющагося усилить ложементы соединеніемъ ихъ въ одну общую траншею, и съ этою цѣлью въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля было приступлено къ работамъ.

Около семи часовъ вечера назначенные для работъ и прикрытія три батальона Волынскаго полка, подъ начальствомъ своего командира полковника Лушкова, заняли указанныя мѣста и приступили къ работѣ. Едва только французы замѣтили, что мы соединяемъ наши ложементы въ одну траншею, чтобы дѣйствовать продольно и въ тылъ траншей, выведенныхъ ими противъ пятаго бастіона, они тотчасъ же рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы овладѣть ложементами. Около 8-ми часовъ вечера быстро перебѣжавъ небольшое пространство, раздѣлявшее противниковъ, французы атаковали одновременно наши ложементы, какъ впереди пятаго бастіона, такъ и противъ редута № 1-го (Шварца), гдѣ находилось 50 человѣкъ охотниковъ и рота Брестскаго полка, а въ редутѣ двѣ роты Колыванскаго полка. Направивъ 10-ть ротъ противъ ложементовъ пятаго бастіона и 6 ротъ противъ редута, французы прежде всего атаковали стоявшій въ прикрытіи рабочихъ батальонъ Волынскаго полка. Въ нашихъ ложементахъ завязалась упорная рукопашная схватка. Ложементы попеременно переходили изъ рукъ въ руки, но, къ сожалѣнію, при самомъ началѣ дѣла у насъ былъ раненъ полковникъ Лушковъ. Неизбѣжное, въ подобныхъ обстоятельствахъ, замѣшательство дало преимущество непріятелю, и безъ того значительно превышавшему въ силахъ.

Не поддержанные подкрѣпленіями волынцы, численность которыхъ въ трехъ батальонахъ едва достигала до 900 человѣкъ, принуждены были уступить многочисленному врагу и отойти за оборонительную линію, куда вслѣдъ за тѣмъ отступила и рота Брестскаго полка съ охотниками. Хотя съ батарей и открытъ былъ картечный огонь по атакующимъ колоннамъ, но французы все-таки удержались въ нашихъ ложементахъ и въ ту же ночь стали обращать ихъ въ одну общую траншею. Постоянно тревожимые картечнымъ огнемъ, они, до 4-го апрѣля, не могли утвердиться прочнымъ образомъ и обратить ложементы въ обитаемую траншею. „Впрочемъ,—доносилъ князь Горчаковъ [1]),—сему способствуетъ также и каменистый грунтъ мѣстности, представляющій большія трудности для скораго возведенія работъ, какъ намъ, такъ и непріятелю“.

Стычки изъ-за ложементовъ, по свидѣтельству главнокомандующаго, весьма нравились нашимъ солдатамъ, и они охотно шли туда, гдѣ имѣли случай выказать свое удальство и молодечество, гдѣ могли сойтись ли-

¹) Въ запискѣ военному министру отъ 3-го апрѣля.

цомъ къ лицу съ непріятелемъ, помѣряться съ нимъ силами или остановить работы осаждающаго. Рвенію защитниковъ не было предѣловъ, и его нельзя было остановить никакимъ бомбардированіемъ.

„La troupe est admirable au plus haut degré,—писалъ князь Горчаковъ военному министру [1]).—Voici la différence entre mon prédecesseur et moi; lui trouvait la troupe détestable et la lonçait à tort et à travers comme si elle pouvait escalader le ciel; moi qui la trouve excellente, je ne demande et ne demanderai d'elle que le possible“ [2]).

— Гарнизонъ города,—говорилъ князь Горчаковъ, — дѣйствуетъ съ величайшимъ геройствомъ. Это говорю я по истинѣ, какъ передъ Богомъ.

„Да подкрѣпитъ Богъ геройскихъ защитниковъ Севастополя, — отвѣчалъ Императоръ князю Горчакову [3]), — уповаю на Его милость, что Онъ благословитъ наши усилія отстоять его и можетъ быть нанести рѣшительный ударъ незваннымъ гостямъ.

„Скажите нашимъ молодцамъ, *что я и вся Россія ими гордится* [4]), и что нашъ незабвенный благодѣтель за нихъ молится и вѣрно свыше также радуется ихъ геройству. Что во мнѣ происходитъ, при чтеніи подробностей этого неслыханнаго бомбардированія, вы легко поймете. Крайне сожалѣю о значительной потерѣ людей и столь многихъ отличныхъ офицеровъ. Да воздастъ имъ Всемогущій Богъ въ той жизни за молодецкую ихъ смерть!“

---

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля.

[2]) Войско удивительное въ высшей степени. Вотъ разница между моимъ предшественникомъ и мною; онъ находилъ войско дурнымъ и направлялъ его куда попало, какъ будто оно могло взобраться на небо; я нахожу его превосходнымъ, требую и буду требовать отъ него только возможнаго.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 10-го апрѣля 1855 г.

[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

XXXII.

Результаты бомбардированія.—Недостатокъ пороха. — Правила стрѣльбы. — Просьба главнокомандующаго о присылкѣ подкрѣпленій.—Боевыя наши средства въ Крыму.—Рескриптъ князю Горчакову.—Минныя работы.—Вылазки.— Общій видъ города.—Приказъ вице-адмирала Нахимова.

Шестидневное бомбардированіе стоило дорого Севастополю и его гарнизону. Въ теченіе этого времени мы лишились 4.229 человѣкъ выбывшими изъ строя и съ оборонительной линіи выпустили 60.799 артиллерійскихъ зарядовъ; непріятель потерялъ 1.196 человѣкъ и сдѣлалъ 131.240 выстрѣловъ. Изъ сравненія выпущенныхъ съ обѣихъ сторонъ снарядовъ видно, что мы отвѣчали только однимъ выстрѣломъ на два непріятельскихъ и не могли усилить стрѣльбы по недостатку пороха. Недостатокъ этотъ былъ такъ великъ, что пришлось прибѣгнуть къ раздѣлкѣ ружейныхъ патроновъ и полученный изъ нихъ порохъ употребить на приготовленіе артиллерійскихъ зарядовъ. Добытаго такимъ путемъ пороха было конечно немного, и къ 3-му апрѣля оставалось на лицо только 85.000 зарядовъ, или около 190 на каждое орудіе. Исключивъ изъ этого числа по 50 зарядовъ, которые необходимо было оставить неприкосновенными на случай штурма, оставалось по 140 зарядовъ на орудіе, т. е. такое число выстрѣловъ, которое при самомъ умѣренномъ расходѣ могло хватить дней на семь.

Количество ожидаемаго пороха было весьма ограничено, и если бы транспорты прибывали аккуратно, то и тогда пороха, долженствующаго прибыть въ Севастополь, до 27-го апрѣля, хватило бы только на 160.000 зарядовъ, т. е. много если дней на шестнадцать. Затѣмъ о мѣрахъ къ дальнѣйшему пополненію запасовъ пороха въ главной квартирѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній, такъ что князь Горчаковъ, опасаясь остаться вовсе безъ зарядовъ, призналъ необходимымъ съ 3-го апрѣля еще болѣе ослабить огонь и ограничить его 5.500 выстрѣловъ въ сутки; въ случаѣ же несвоевременнаго прибытія транспортовъ, главнокомандующій намѣренъ былъ совершенно прекратить стрѣльбу и ожидать штурма [1]).

Рѣшаясь на такую мѣру и желая по возможности отдалить столь

[1]) Записка кн. Горчакова военному министру 3-го апрѣля 1855 г.

печальный исходъ, главнокомандующій установилъ особыя правила для стрѣльбы, которыми и предписалъ на всѣхъ сухопутныхъ батареяхъ имѣть постоянно половинное число орудій за мерлонами. По утру стрѣлять изъ орудій, поставленныхъ въ амбразурахъ, а послѣ полудня изъ орудій, стоявшихъ за мерлонами, и тогда ставить утреннія за мерлоны. Выстрѣлы распредѣлять такъ, чтобы огонь подерживался въ теченіе цѣлаго дня, но ни въ какомъ случаѣ не выпускать въ сутки болѣе 15-ти зарядовъ изъ орудій, стоявшихъ на важнѣйшихъ пунктахъ, по 10 на второстепенныхъ батареяхъ и по 5 изъ остальныхъ. По непріятелю, наступающему или ведущему тихую сапу, стрѣлять только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ разогнанъ, при чемъ ночью дѣйствовать картечью только по полученіи самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ открываетъ работы летучею сапою, и ядрами,—если ведетъ тихую сапу. Само собою разумѣется, что въ случаѣ штурма всѣ орудія, могущія дѣйствовать по наступающему непріятелю, должны были немедленно открыть огонь [1]).

Начиная съ четвертаго апрѣля порохъ сталъ прибывать въ Севастополь, но столь небольшими партіями, что его хватало лишь на ежедневные расходы, а о запасѣ на будущее время и думать было нечего. Между тѣмъ запасъ былъ крайне необходимъ, ибо, въ случаѣ новой высадки непріятеля и движенія на наши пути сообщенія, отрѣзанный Севастополь могъ пасть только отъ одного недостатка въ боевыхъ припасахъ. Предвидя возможность такого печальнаго исхода, князь Горчаковъ умолялъ военнаго министра доставить какъ можно скорѣе пороху, который, по его мнѣнію, можно было легко взять изъ крѣпостей царства Польскаго, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи замѣнить его тамъ порохомъ новой выдѣлки. Царству Польскому не угрожала еще близкая опасность, а между тѣмъ тамъ были огромные запасы, которые могли поступить хотя частію на пополненіе недостатка въ Севастополѣ, конечно при согласіи и уступчивости фельдмаршала, но для такой уступчивости необходимо было, чтобы военный министръ дѣйствовалъ настойчиво и энергически.

— Ne marchandez pas,—говорилъ князь Горчаковъ князю Дол-

---

[1]) Правила для дѣйствія артиллеріи при оборонѣ Севастополя 3-го апрѣля. Отношеніе князя Горчакова барону Остенъ-Сакену 8-го апрѣля.

горукову, — avec les égoistes, qui s'embarrasent de l'honneur de la Russie comme vous de vos vieilles bottes [1]).

Сознавая, что, за недостаткомъ пороха, ослабленіе огня съ нашей стороны, кромѣ поврежденія верковъ и орудій, поведетъ къ столь значительнымъ потерямъ, что прибывающихъ подкрѣпленій будетъ едва достаточно для пополненія убыли, князь Горчаковъ просилъ о направленіи въ Крымъ новыхъ войскъ, независимо отъ тѣхъ, которыя уже идутъ туда, „ибо,—говорилъ онъ [2]), — съ приходомъ ихъ я все-таки буду несравненно слабѣе непріятеля. Осмѣлюсь доложить, что это дѣло первой важности. Ходъ дѣлъ въ Крыму издавна весьма испорченъ, и полагая даже, что мнѣ удастся отстоять Севастополь, до прибытія 40 батальоновъ, слѣдующихъ изъ Южной арміи, что впрочемъ весьма сомнительно, я не менѣе того буду гораздо слабѣе непріятеля, который стягиваетъ сюда огромныя силы, если съ своей стороны не получу новаго, значительнаго подкрѣпленія.

„Положеніе наше въ высшей степени трудно, и одно ослѣпленіе непріятеля можетъ поправить наши дѣла. Мы сдѣлаемъ все, что требуетъ честь русскаго имени, все, что требуетъ долгъ вѣрныхъ подданныхъ. Быть можетъ, Богъ по особой милости выручитъ насъ, но Вашему Императорскому Величеству должно быть готовымъ на все: *и на потерю Севастополя, и на уничтоженіе бо́льшей части его храбраго гарнизона.*

„Осмѣлюсь доложить, что отъ высылки сюда новаго, особаго запаса пороха и новыхъ подкрѣпленій будетъ зависѣть многое, для величія и славы царствованія вашего, иначе будетъ очень худо впослѣдствіи, если мнѣ даже и удастся отстоять Севастополь до прихода войскъ, идущихъ сюда изъ Южной арміи [3])“.

Адскій огонь осадныхъ батарей и разныя стычки впереди нашей оборонительной линіи, стычки необходимыя, чтобы задержать непріятеля и не дозволить ему безнаказанно приближаться къ нашему контръ-эскарпу, выводили у насъ изъ строя ежедневно болѣе 700 человѣкъ. Для

---

[1]) Не торгуйтесь съ эгоистами, которые смущаются честью Россіи, какъ вы вашими старыми сапогами.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 30-го марта 1855 г.

[3]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Горчакова 3-го апрѣля.

замѣщенія этой убыли и для облегченія людей, подверженныхъ неимовѣрнымъ трудамъ, при исправленіи поврежденій, князь Горчаковъ постепенно ввелъ въ Севастополь четыре новые полка и за тѣмъ на Бельбекѣ, у Инкермана, Мекензія и у Чоргуна, для защиты этихъ мѣстъ, осталось всего 24 батальона, численностію около 15.000 человѣкъ. Хотя съ прибытіемъ на Южную сторону новыхъ полковъ въ составѣ гарнизона и было по счету 74 батальона, но они могли вывести въ строй только 25.000 штыковъ, т. е. менѣе, чѣмъ по 400 человѣкъ въ батальонѣ, а между тѣмъ, по самому тщательному и подробному разсчету, для отбитія общаго штурма было необходимо не менѣе 37.000 штыковъ, считая въ томъ числѣ 16.000 человѣкъ въ четырехъ резервахъ.

Въ виду возможнаго движенія непріятеля со стороны рѣки Черной, или высадки у Качи, князь Горчаковъ не могъ болѣе ослаблять войска, назначенныя для защиты этихъ пунктовъ, и потому, для пополненія недостатка въ гарнизонѣ, онъ принужденъ былъ двинуть въ Севастополь, изъ окрестностей Евпаторіи, всю 8-ю пѣхотную дивизію, въ которой насчитывалось тогда до 10.000 штыковъ. Противъ Евпаторіи были оставлены: 62 эскадрона кавалеріи и только-что пришедшая изъ Южной арміи вторая бригада 14-й пѣхотной дивизіи, къ которымъ въ случаѣ нужды должны были присоединиться 20 эскадроновъ 2-й драгунской дивизіи, также прибывшей въ Крымъ и остановленной на высотѣ сел. Трехъ-Абламовъ. Затѣмъ въ промежутокъ времени между 12-мъ и 24-мъ апрѣля могли прибыть въ Крымъ 6-я и 9-я пѣхотныя дивизіи, но, при ежедневно продолжающемся бомбардированіи и огромной убыли въ войскахъ гарнизона, участь города могла быть рѣшена ранѣе прибытія этихъ послѣднихъ подкрѣпленій.

Бомбардированіе города могло продолжиться неопредѣленное время, и надо было думать, что союзники употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобы добиться какого-либо конечнаго результата: или сдѣлать проломы въ укрѣпленіяхъ и штурмовать городъ, или сбить нашу артиллерію и, пользуясь временемъ ея бездѣйствія, быстро повести впередъ свои осадныя работы. Въ обоихъ случаяхъ канонада должна была быть продолжительна и стоить намъ большихъ потерь. Теряя въ сутки болѣе 700 человѣкъ и переправивъ на Южную сторону даже всю 8-ю пѣхотную дивизію, мы должны были разсчитывать, что къ двадцатымъ числамъ апрѣля въ гарнизонѣ Севастополя останется не болѣе 20.000 человѣкъ, которые, въ случаѣ штур-

ма, принуждены будутъ выдержать нападеніе 80-ти тысячной непріятельской арміи и защищать пространство въ девять верстъ, обнесенныхъ полуразрушеннымъ валомъ, подъ огнемъ осадныхъ батарей противника и имѣя въ тылу бухту, лишающую возможности отступить. Положеніе по истинѣ крайне опасное и дававшее весьма малую надежду на успѣхъ.

— Этому положенію,—говорилъ князь Горчаковъ, проистекающему частію отъ недостаточнаго количества пороха, частію отъ событій прежнихъ, о коихъ упоминать не къ чему,—никто помочь не въ состояніи. Но надо думать о будущемъ, на случай, если Богъ пошлетъ ослѣпленіе на нашихъ враговъ и мнѣ удастся удержать Севастополь.

На этотъ-то послѣдній случай онъ и просилъ теперь же и безотлагательно направить для его подкрѣпленія новыя войска, въ сколь можно большемъ числѣ и прислать какъ можно скорѣе отъ 20.000 до 30.000 пудовъ пороха, необходимаго какъ для текущаго расхода, такъ и для образованія запасовъ [1].

Послѣдняя просьба главнокомандующаго была до нѣкоторой степени удовлетворена военнымъ министерствомъ, принявшимъ всѣ мѣры къ скорѣйшему доставленію пороха въ Севастополь [2], но назначеніе войскъ для отправленія ихъ въ Крымъ составляло главнѣйшее затрудненіе и при тогдашнемъ положеніи дѣлъ почти не исполнимое.

„Изъ Вѣны по телеграфу знаемъ мы, — писалъ Государь князю Горчакову [3],—что Рагланъ доносилъ отъ 5-го (17-го) числа о продолженіи бомбардированія и о томъ, что *не прежде какъ черезъ 8 или 10 дней въ состояніи они будутъ перейти въ наступленіе* [4]).

---

[1]) Записка кн. Горчакова военному министру отъ 3-го апрѣля 1855 г.

[2]) Такъ къ 15-му апрѣля должно было прибыть 3.800 пудовъ изъ Николаева; въ двадцатыхъ числахъ 2.000 пудовъ изъ Динабурга; 6.000 пудовъ изъ Измаила и 1.256 изъ Николаева; къ 23-му числу 1.446 пудовъ изъ Ольвіополя; къ 26-му числу 1.549 изъ Елисаветграда и 27-го числа 1.182 пуда изъ Ольвіополя, всего 17.240 пудовъ. Кромѣ того назначено было къ отправленію и должно было прибыть къ 1-му мая 5.000 пудовъ изъ Кіева; 4.000 изъ Динабурга и Бобруйска, 5.662 пуда съ Шостенскаго завода, 1.000 пудовъ съ Охтенскаго завода и 1.000 пудовъ изъ Калуги—итого 16.662 пудовъ.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 10-го апрѣля 1855 г.

[4]) Какъ эти слова, такъ и послѣдующія, набранныя курсивомъ, подчеркнуты въ подлинникѣ.

Слѣдовательно, около 14-го числа надобно ожидать рѣшительнаго боя, т. е. или штурма, или атаки отъ Евпаторіи, а можетъ быть и того и другаго разомъ. Не скрываю отъ себя вашего тяжкаго положенія, но повторяю: *надѣюсь на милость Божію и потому не теряю надежды!*

„Съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ожидать вашихъ донесеній.

„О пополненіи вашихъ пороховыхъ запасовъ всѣ распоряженія, по мѣрѣ возможности, дѣлаются; что же касается *новыхъ подкрѣпленій*, то кромѣ маршевыхъ батальоновъ, изъ резервныхъ бригадъ 10-й и 12-й дивизій, и передвиженія одной изъ двѣнадцати-батальонныхъ дивизій Лидерса, *не нахожу рѣшительно покуда никакого средства другимъ чѣмъ-либо васъ усилить.* Впослѣдствіи, когда Курское ополченіе окончательно будетъ сформировано, то оно будетъ къ вамъ направлено.

„Оголять еще болѣе Лидерса при могущей угрожать ему опасности, какъ отъ дессанта у Николаева или Одессы, такъ и со стороны княжествъ, *считаю невозможнымъ. Всѣ остальныя войска слишкомъ отдалены отъ Крыма, чтобы во-время туда поспѣть.* Къ тому надобно еще присовокупить, что переговоры вѣнскіе, какъ кажется, *вмѣсто мира будутъ имѣть результатомъ войну съ Австріею.* Предложенія союзниковъ таковы, что мы ихъ *принять не можемъ.* Завтра должно рѣшиться положеніе Австріи; послѣдняя надежда Горчакова [1]) была на аудіенцію у Императора. Я же съ своей стороны, какъ давно вамъ писалъ, ожидаю худшаго, т. е. *разрыва съ Австріею.* Слѣдовательно, *будущая недѣля* будетъ для насъ *рѣшительная* на всѣхъ пунктахъ Имперіи“.

Окончательное разъясненіе вопроса о томъ, будемъ ли мы имѣть своимъ врагомъ Австрію, зависѣло, какъ мы видѣли, отъ постановленій вѣнскихъ конференцій, затягивавшихъ свое рѣшеніе въ ожиданіи полученія какихъ-либо извѣстій объ успѣхахъ союзниковъ въ Крыму. При нерѣшительности и, можно сказать, близорукости союзныхъ главнокомандующихъ, близость этого успѣха была весьма сомнительна и хотя лордъ

---

[1]) Канцлера, князя Александра Михайловича, бывшаго въ то время посломъ въ Вѣнѣ.

Рогланъ и генералъ Канроберъ доносили, что солдаты требуютъ штурма, но тутъ же оговаривались, что главнокомандующіе рѣшатся на него только тогда, когда будутъ увѣрены въ успѣхѣ, на который въ настоящую минуту они надѣяться еще не могутъ. При тогдашнемъ положеніи союзниковъ рѣшительная атака, по словамъ Канробера, могла быть весьма опасна [1]).

— Благоразуміе и долгъ,—говорилъ онъ,—дозволяютъ намъ предпринять штурмъ только при полной увѣренности въ успѣхѣ.

Этой увѣренности, какъ увидимъ, не было у союзныхъ главнокомандующихъ очень долгое время, и они послѣ весьма продолжительнаго бомбардированія, стоившаго милліоны денегъ, пришли къ убѣжденію въ необходимости продолжать осадныя работы. Поддерживая постоянный огонь, они подъ прикрытіемъ его стали въ разныхъ мѣстахъ, но весьма медленно, подвигаться впередъ своими подступами и въ то же время рѣшились приступить къ развитію минныхъ работъ, до сихъ поръ ими забытыхъ и оставленныхъ.

Вскорѣ послѣ начала бомбардированія былъ взятъ въ плѣнъ саперъ, работавшій въ непріятельскихъ минахъ. Приведенный на четвертый бастіонъ, онъ увѣрялъ, что минные рукава и галлереи ихъ ведутся ниже нашихъ, что атакующій заложилъ подъ этимъ бастіономъ огромные гòрны и что не сегодня, такъ завтра бастіонъ долженъ взлетѣть на воздухъ. Выдуманный разсказъ плѣннаго былъ неосторожно переведенъ однимъ изъ присутствующихъ, и вѣсть о томъ, что четвертый бастіонъ минированъ, быстро распространилась по гарнизону. Она встревожила не только стоявшихъ на бастіонахъ и укрѣпленіяхъ, но и самого главнокомандующаго. Онъ пригласилъ къ себѣ полковника Тотлебена, и послѣдній не безъ труда увѣрилъ князя, что сообщеніе плѣннаго не болѣе какъ плодъ пылкаго воображенія, не имѣющаго сотой доли правды, и что самое большое, что̀ французы могли сдѣлать—это заложить усиленные гòрны противъ нашей контръ-минной системы. Но не легко было увѣрить каждаго изъ защитниковъ, что наши подземныя работы находятся на 50 футъ ниже горизонта и что ниже этого работать невозможно. Два-три дня гарнизонъ бастіона съ какою-то мрачною покорностію дожидалъ своей участи, но потомъ время взяло свое, и, свыкшись съ своимъ положеніемъ, за-

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt. T. II, 240.

щитники перестали говорить и думать о возможности полета въ пространство. Они не придавали значенія словамъ француза даже и тогда, когда непріятель взорвалъ нѣсколько своихъ горновъ.

Было 8-мь часовъ вечера 3-го апрѣля. Такъ называемое праздничное бомбардированіе Севастополя продолжалось по-прежнему; туманъ и дождь стояли надъ городомъ и его окрестностями. Рабочіе, собираясь на батареяхъ, готовились идти въ сосѣднія траншеи. Вдругъ раздался страшный взрывъ, и затѣмъ цѣлыя тучи камней, подброшенныхъ къ верху, засыпали четвертый бастіонъ. То былъ взрывъ двухъ сближенныхъ, простыхъ и двухъ усиленныхъ горновъ, заложенныхъ французами по капитали исходящаго угла четвертаго бастіона, саженяхъ въ 36-ти отъ этого укрѣпленія. Отъ взрывовъ образовались три большія воронки, до 20-ти саженъ длины и до 10-ти ширины, изъ коихъ одна находилась на самой капитали [1]). Хотя непріятель, желавшій этимъ взрывомъ уничтожить наши минныя работы, не достигъ вполнѣ своей цѣли, но наружное дѣйствіе горновъ было весьма сильно, такъ что на бастіонѣ и въ передовыхъ воронкахъ было до 30-ти человѣкъ убито, до 70-ти тяжело ранено и контужено камнями, высоко поднявшимися на воздухъ.

Вслѣдъ за взрывомъ осаждающій усилилъ противъ четвертаго бастіона мортирный и ружейный огонь, на который, въ свою очередь, мы отвѣчали выстрѣлами съ сосѣднихъ батарей и картечью съ четвертаго бастіона по образовавшимся отъ взрыва воронкамъ. Залпы картечью слѣдовали одинъ за другимъ, боченки съ такъ называемымъ „капральствомъ“— или съ маленькими ручными гранатами, дружно летѣли другъ за другомъ въ непріятельскія воронки и поражали засѣвшихъ въ нихъ смѣльчаковъ. Сколько ни трудились французы въ воронкахъ, но работы ихъ были разбрасываемы огнемъ нашей артиллеріи, и къ утру 4-го апрѣля они успѣли утвердиться только въ средней воронкѣ и короновать ее [2]). Съ этого времени непріятель, повидимому, желая оцѣпить бастіонъ цѣлою

---

[1]) Донесеніе князя Горчакова отъ 7-го апрѣля. Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборн.» 1861 г. № 1. Минная война въ Севастополѣ, Фролова, изд. 1868 г., 57.

[2]) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборн.» 1861 г. № 1-й. Бомбардированіе Севастополя, Ег. Ковалевскаго. Матеріалы, вып. V, 411.

системою воронокъ, съ цѣлью соединить ихъ въ одинъ общій плацъдармъ, продолжалъ производить взрывы и вновь образуемыя воронки соединялъ съ первоначальными [1]. Взрывы свои онъ производилъ по преимуществу ночью, когда на бастіонѣ работало до 2.000 человѣкъ, терпѣвшихъ значительныя потери какъ отъ выброшенныхъ камней, такъ и отъ усиленнаго навѣснаго огня осадныхъ батарей. Оконечности нѣкоторыхъ минныхъ нашихъ рукавовъ были засыпаны, но, несмотря на то, противникъ не пріобрѣлъ въ минной войнѣ преимущества надъ обороняющимися. Послѣдній подводилъ рукава своихъ галлерей къ отлогостямъ воронокъ, съ тѣмъ чтобы разстроить вѣнчаніе ихъ.

Предполагая, что, послѣ взрыва усиленныхъ горновъ, непріятель будетъ штурмовать четвертый бастіонъ, обороняющійся усилилъ гарнизонъ и резервы этого укрѣпленія, а для того, чтобы не дать возможности, или, по крайней мѣрѣ, замедлить соединеніе воронокъ какъ между собою, такъ и съ параллелью, приказано было въ теченіе дня и ночи не прекращать мортирнаго огня по воронкамъ, бдительно наблюдать за дѣйствіями противника и какъ только замѣчено будетъ, что онъ работаетъ,—открывать немедленно картечный огонь со всѣхъ орудій, которыя могутъ своими выстрѣлами содѣйствовать къ разогнанію непріятеля. Изъ ближайшихъ бойницъ штуцерные высматривали дѣйствіе нашихъ бомбъ и гранатъ и какъ только замѣчали, что разрывъ ихъ заставляетъ французовъ удаляться изъ углубленій воронки,—открывали мѣткій огонь по бѣгущимъ.

При бдительности нашихъ секретовъ и своевременности картечнаго огня, всѣ попытки французовъ къ соединенію воронокъ долгое время оставались напрасными, и тѣмъ болѣе, что обороняющійся, желая заставить непріятеля имѣть въ воронкахъ болѣе значительные караулы и тѣмъ увеличить потери отъ нашего огня, предпринималъ отъ времени до времени ночныя вылазки. Такъ въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля французы снова пытались утвердиться въ воронкахъ и устроить изъ нихъ ходъ сообщенія. По полученіи о томъ донесенія изъ секретовъ, воронки были предварительно обстрѣляны картечью, а затѣмъ

[1]) Донесеніе князя Горчакова отъ 12-го апрѣля.

предпринята вылазка подъ начальствомъ маіора Прикоты. Въ составъ отряда назначены три роты и 100 охотниковъ отъ Тобольскаго полка. Темнота ночи, изрытая снарядами мѣстность и наконецъ отсутствіе единства въ управленіи вылазкою были причиною того, что попытка эта не привела ни къ какимъ результатамъ [1]). Французы продолжали работы и приступили къ устройству сообщенія воронки съ третьею параллелью. Тогда въ ночь на 7-е апрѣля были отправлены тѣ же самыя войска, которыя и разрушили непріятельскія работы до основанія. Маіоръ Прикота раздѣлилъ свой отрядъ на четыре части: одна бросилась на ближайшую воронку, другая на выводимое къ ней сообщеніе, а двѣ остальныя части составили резервъ. Переднія части выбили непріятеля, занимавшаго въ числѣ трехъ ротъ ближайшую воронку и ведущее къ ней сообщеніе, и разорили работы. Потомъ, при появленіи непріятельскихъ подкрѣпленій, вышли изъ воронки и подъ прикрытіемъ резервовъ отступили на оборонительную линію, подведя французовъ подъ сильный картечный огонь четвертаго бастіона [2]). Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 14-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: 3-хъ офицеровъ и 73-хъ нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля какъ въ эту, такъ и въ предшествовавшія ночи была также значительна, и положеніе его въ воронкахъ весьма тягостно.

Едва кто-либо изъ засѣвшихъ въ воронкахъ показывался въ наружу или приступалъ къ работѣ, какъ штуцерной и картечный огонь, обстрѣливавшій все пространство между воронкою и сапою, наносилъ ужасное пораженіе. Непріятельскія тѣла лежали во множествѣ возлѣ воронокъ, но никто не рѣшался убирать ихъ, несмотря на то, что между ними были раненые, которые требовали къ себѣ полнаго участія и состраданія. Спасеніе погибавшихъ и участіе въ облегченіи ихъ страданій выпало на долю врага. Не товарищи, а мы, русскіе, видя кучу раненыхъ, предложили, 7-го апрѣля, перемиріе французамъ, съ тѣмъ чтобы они сами убрали своихъ раненыхъ и убитыхъ. Несчастные трое сутокъ провели безъ пищи, питья и безъ медицинскаго пособія.

Съ поднятіемъ парламентерскаго флага, можно сказать, прекратилось и десятидневное праздничное бомбардированіе Севастополя. Союзники

---

[1]) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборникъ» 1861 г. № 1.

[2]) Донесеніе князя Горчакова 7-го апрѣля.

*

ослабили свой огонь противъ всѣхъ пунктовъ оборонительной линіи, за исключеніемъ четвертаго бастіона, противъ котораго поддерживали столь же сильную канонаду, какъ и въ предшествовавшіе дни. Желаніе утвердиться въ воронкахъ и ближе подойти къ исходящему углу бастіона было причиною ежедневнаго разстрѣливанія этого укрѣпленія, приведеннаго въ короткое время въ самое печальное положеніе: артиллерія была сбита, амбразуры и мерлоны разрушены, а возлѣ исходящаго угла образовался обвалъ. Почему непріятель, находившійся всего въ ста шагахъ отъ бастіона и видѣвшій всѣ эти разрушенія, не штурмовалъ его, остается совершенно непонятнымъ. Въ это время бастіонъ былъ окончательно лишенъ возможности оказать какое-либо сопротивленіе, а сосѣднія съ нимъ батареи, имѣя назначеніе дѣйствовать по осаднымъ работамъ, могли оборонять его только нѣсколькими орудіями. Направляя противъ бастіона въ теченіе многихъ дней весьма сильный огонь, непріятель ежедневно уничтожалъ почти весь гарнизонъ, находившійся внутри этого укрѣпленія, такъ что въ послѣдующіе дни обороняющійся принужденъ былъ отводить большую часть гарнизона за горжу и помѣщать его въ блиндажахъ. Послѣдніе были удалены отъ валганга гораздо далѣе, чѣмъ осадныя работы непріятеля, и, слѣдовательно, французы всегда могли явиться на бастіонъ ранѣе, чѣмъ подоспѣли бы наши войска; они могли избрать часъ штурма, по своему произволу, и заранѣе сосредоточить на этомъ пунктѣ значительную массу войскъ. Нашимъ же резервамъ пришлось бы идти подъ сильнымъ огнемъ осадныхъ батарей и подыматься въ большую гору, среди развалинъ города [1]). Очевидно, что, при попыткѣ французовъ штурмовать четвертый бастіонъ, всѣ преимущества были на ихъ сторонѣ и успѣхъ былъ почти несомнѣненъ.

„Утвердившись на четвертомъ бастіонѣ,—пишетъ Тотлебенъ [2]),—и окопавшись въ этой выгодной позиціи, гдѣ ровъ доставлялъ закрытое помѣщеніе для значительнаго резерва, атакующій обратилъ бы всѣ свои батареи на укрѣпленія пятаго бастіона, которыя, будучи лишены содѣйствія батарей втораго отдѣленія, были бы въ самое короткое время поставлены въ такое положеніе, въ какомъ находился четвертый бастіонъ“.

---

[1]) Всеподдан. донесеніе князя Горчакова отъ 12-го апрѣля.

[2]) Оборона Севастополя, ч. II, 168.

Союзники не съумѣли воспользоваться нашимъ разстройствомъ, и бомбардированіе, кромѣ расходовъ и потери, не принесло имъ никакой пользы. Въ теченіе десяти дней они выпустили изъ своихъ орудій болѣе 165.000 зарядовъ, тогда какъ мы израсходовали 88.753 заряда; ружейныхъ же патроновъ было разстрѣляно такъ много, что невозможно указать точную цифру ихъ расхода. Огромное число снарядовъ и пуль, выпущенныхъ съ обѣихъ сторонъ, вывело изъ строя убитыми и ранеными 7.838 человѣкъ (5.986 человѣкъ у насъ и 1.852 человѣка у непріятеля), при чемъ наша потеря была въ три раза болѣе, чѣмъ у непріятеля.

Почти полгода приготовляясь къ открытію бомбардированія, французы говорили, что атакующіе рѣшатъ дѣло въ нѣсколько дней, а англичане писали, что союзники заготовили такъ много снарядовъ, что ими можно вымостить все пространство, занятое Севастополемъ, и что готовящееся бомбардированіе сбреетъ городъ. Въ теченіе десятидневной канонады, они дѣйствительно вымостили чугуномъ большую часть улицъ Севастопоня, но не сбрили не только городъ, но и ближайшія къ нимъ передовыя укрѣпленія. Напротивъ того, они убѣдились, что послѣ бомбардированія бастіоны были такъ же сильны, а гарнизонъ такъ же стоекъ и безстрашенъ, какъ и до бомбардированія; что обѣщанный ими страшный судъ въ большомъ видѣ не испугалъ русскихъ людей и русскихъ солдатъ, готовыхъ, защищая правое дѣло, во всякую минуту предстать передъ судомъ Божіимъ. Непріятель дивился такой стойкости славнаго гарнизона, и на бывшемъ 7-го апрѣля перемиріи французы сравнивали защиту Севастополя съ обороною Трои.

По первоначально составленному плану было рѣшено союзниками открыть бомбардированіе 28-го марта и послѣ непрерывной суточной канонады собрать военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса о томъ, можно ли будетъ штурмовать городъ. Совѣтъ этотъ не собирался до 31-го марта, такъ какъ, по сознанію самихъ непріятелей, русскія батареи не только не были сбиты, но дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Эта неожиданность заставляла англо-французовъ отложить рѣшеніе вопроса о штурмѣ на три дня, потомъ еще на три дня и во все это время продолжать самое усиленное бомбардированіе. Такъ прошло десять дней, послѣ которыхъ канонада была ослаблена, и союзники должны были сознать, что не достигли своей цѣли,—не ослабили артиллерійскаго огня обороняющагося.

„Послѣднія депеши,—писали англичане [1]),—извѣщаютъ насъ, что огонь русскихъ батарей до сихъ поръ не могъ быть потушенъ огнемъ осаждающаго; изъ этого обстоятельства мы принуждены заключить, что послѣ полугодовой осады и двухъ бомбардированій, при которыхъ были употреблены всѣ средства разрушеній, Севастопольская крѣпость все еще въ состояніи устоять противъ штурма.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что столь продолжительное сопротивленіе много зависѣло отъ невозможности обложить городъ, но должно согласиться также, что въ самыхъ работахъ, на которыя *опирается оборона, есть нѣчто новое, нѣчто такое, чего не встрѣчалось еще въ исторіи достопамятнѣйшихъ осадъ, и на это слѣдуетъ намъ обратить свое вниманіе*".

Справедливо, что по громадности употребленныхъ союзниками средствъ и по продолжительности времени, второе бомбардированіе не имѣло себѣ равныхъ въ предшествовавшей жизни рода человѣческаго, но Севастополю суждено было впослѣдствіи выдержать нѣсколько бомбардированій еще сильнѣйшихъ, какъ бы для бо̀льшей славы этого гарнизона, между чинами котораго господствовала только одна мысль,—держаться въ городѣ до послѣдняго человѣка. Никто не помышлялъ объ его оставленіи, даже женщинъ и семейства матросовъ приходилось силою отправлять изъ города, но отправляемыя возвращались обратно, скрывались подъ грудою развалинъ, гибли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и никакія распоряженія не въ силахъ были удалить ихъ изъ роднаго города, до самыхъ послѣднихъ дней осады.

Севастополь все еще сохранялъ видъ города, несмотря на то, что ближайшія къ оборонительной линіи слободки, Корабельная и Артиллерійская, сильно пострадали въ послѣдніе дни. Отъ домовъ ихъ остались то̀лько однѣ развалины, съ торчавшими голыми трубами, съ садиками и изломанными деревьями. На Городской сторонѣ разрушеніе проникло до половины Екатерининской улицы, и большой, красивый театръ уже не существовалъ. Остальная часть города, къ сѣверу, пострадала менѣе, но и здѣсь бо̀льшая часть зданій стояла безъ рамъ, безъ стеколъ и въ рѣдкомъ изъ нихъ граната или ядро не оставили своего слѣда. Мостовыя

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 431 и 432.

въ этихъ мѣстахъ были взрыты, камни разбросаны вокругъ, но будничная жизнь города текла своимъ чередомъ. Лавки были открыты, и купцы вполнѣ беззаботно сидѣли у дверей, по временамъ оживляясь появленіемъ покупателя и въ особенности такого, который могъ имъ сообщить что-нибудь новенькое о происходящемъ на оборонительной линіи. Народъ сновалъ взадъ и впередъ; на улицахъ было много гуляющихъ женщинъ и дѣтей, въ своихъ играхъ подражавшихъ защитникамъ города. Раздѣлившись на двѣ партіи, дѣти устраивали баррикады, батареи, или, спрятавшись въ канавы, замѣнявшія имъ траншеи, бросали другъ въ друга ядра и бомбы, сдѣланныя изъ глины, а иногда и начиненныя порохомъ бабки. Вставленный внутрь послѣднихъ горящій фитиль производилъ разрывъ, и осколки кости, разлетаясь въ стороны, случалось, до крови ушибали воюющихъ. Тогда подымался всеобщій радостный крикъ.

— Раненъ Егорка, раненъ!—шумѣла толпа и тащила раненаго на перевязочный пунктъ, гдѣ дѣвочки, исполняя обязанности сестеръ милосердія, обвязывали Егорку тряпками [1]).

Такъ воспитывалось молодое поколѣніе Черноморскихъ моряковъ среди грома пушекъ и всѣхъ ужасовъ смерти, продолжавшей находить для себя пищу, хотя и не столь обильную, какъ въ предшествовавшіе дни.

— Ну, слава Богу,—говорили офицеры, встрѣчаясь другъ съ другомъ—бомбардированіе кончилось! Мы немножко ожили и оправились; теперь опять постоимъ за себя.

Въ это время былъ полученъ высочайшій приказъ о наградахъ, пожалованныхъ Императоромъ въ день Пасхи представителямъ славной защиты. Генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену пожаловано графское достоинство; флигель-адъютанты полковники князь Васильчиковъ и Тотлебенъ произведены въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества, а вице-адмиралъ Нахимовъ произведенъ въ адмиралы. Производство Павла Степановича было истинною радостію и наградою для всего гарнизона. Восторгу матросовъ не было предѣловъ, и они толпами спѣшили на встрѣчу адмиралу, при первомъ его посѣщеніи

---

[1]) Сборникъ рукописей, т. II, 241. Матеріалы, вып. V, 472.

бастіоновъ. Благодаря за поздравленія, Павелъ Степановичъ по врожденной скромности, забывая свое значеніе, приписалъ полученную награду не собственнымъ достоинствамъ, а заслугамъ дорогихъ ему сослуживцевъ.

„Геройская защита Севастополя,—писалъ онъ въ приказѣ по флоту отъ 12-го апрѣля,—въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней.

„Высочайшимъ приказомъ, отъ 27-го минувшаго марта, я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

„Я надѣюсь, что г.г. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость не заслуженную.

„Матросы! мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота! Я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стенгѣ, съ тою же честью, съ какою я носилъ его благодаря вамъ и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія Черноморскихъ моряковъ“.

XXXIII.

Взрывъ булеваго колодца передъ четвертымъ бастіономъ.—Опасенія главнокомандующаго за наши контръ-минныя работы.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.—Заложеніе контръ-апрошей впереди редута № 1-го (Шварца).—Попытка французовъ овладѣть нашими работами.—День рожденія Государя Императора въ Севастополѣ.—Бой въ контръ-апрошахъ впереди редута Шварца въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля.—Занятіе нашихъ траншей непріятелемъ.—Намѣреніе Наполеона перейти въ наступленіе и открыть кампанію внутри полуострова.—Положеніе нашихъ дѣлъ съ Австріею.—Мысль князя Горчакова о необходимости оставить Севастополь.—Рескриптъ Императора.—Положеніе осады и обороны.—Праздникъ Охотскаго полка.

Ослабленіе огня, послѣ десяти-дневнаго бомбардированія нашихъ укрѣпленій, давало поводъ предполагать, что союзники ожидаютъ только подвоза боевыхъ припасовъ, чтобы снова возобновить усиленную канонаду. Когда настанетъ это время и на какой пунктъ будутъ направлены всѣ усилія врага, обороняющемуся рѣшить этотъ вопросъ было весьма трудно, но, по развитію подземныхъ работъ передъ четвертымъ бастіономъ, можно было предполагать, что французы снова обратили вниманіе на это укрѣпленіе.

Образованіе нѣсколькихъ воронокъ и соединеніе ихъ между собою служило тому какъ бы доказательствомъ и крайне безпокоило князя Горчакова. Онъ все еще опасался, чтобы непріятель не успѣлъ подкопаться подъ каменистый слой нашихъ галлерей, и не легко вѣрилъ доказательствамъ, что это невозможно [1]). Мы имѣли на большой глубинѣ нѣсколько колодцевъ, но галлерей отъ нихъ выведено не было, и слѣдовательно, нельзя было поручиться, что непріятель не ведетъ своихъ работъ ниже нашихъ. Если бы непріятелю удалось пройти подъ нашими галлереями, то положеніе обороняющагося было бы весьма опасно; французы могли тогда подкопаться подъ четвертый бастіонъ и, взорвавъ его, однимъ разомъ уничтожить всю оборону. Обстоятельство это было настолько серьезно, что главнокомандующій, не имѣя въ своихъ рукахъ фактическихъ доказательствъ въ противномъ, не скрывалъ своихъ опасеній и писалъ о томъ какъ военному министру, такъ и Императору.

---

[1]) Всеподдан. письма кн. Горчакова 7-го и 12-го апрѣля 1855 г.

„Изъ писемъ вашихъ, любезный князь, отъ 7-го и 12-го апрѣля,— отвѣчалъ Государь [1]),—и изъ донесеній по телеграфу, черезъ Кіевъ, отъ 15-го числа, усмотрѣлъ я съ удовольствіемъ, что дѣйствіе непріятельскаго огня слабѣе противъ прежняго, и поэтому потеря наша не такъ значительна. Весьма вѣроятно, что союзники поджидаютъ подвоза новаго запаса пороха и снарядовъ для возобновленія усиленнаго бомбардированія, а между тѣмъ, какъ видно, французы обратили все свое вниманіе на минную войну. Если предположеніе ваше справедливо, что они ведутъ второй ярусъ галлерей ниже нашихъ, то я все-таки не полагаю, чтобы при столь значительной глубинѣ взрывы могли быть дѣйствительны.

„Я не сомнѣваюсь, что вы обратите все ваше вниманіе на сохраненіе четвертаго бастіона, какъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, съ овладѣніемъ котораго, какъ вы сами пишете, трудно будетъ держаться въ городѣ“.

Неудачный взрывъ булеваго колодца, произведенный французами ночью 16-го апрѣля, нѣсколько успокоилъ князя Горчакова, и онъ сталъ склоняться на сторону того, что непріятелю не удалось подкопаться подъ слой нашихъ галлерей. Взрывъ этотъ, произведенный изъ окраины средней воронки, для подорванія одной изъ нашихъ слуховыхъ галлерей, былъ болѣе вреденъ самимъ французамъ, нежели намъ. У насъ было повреждено пять футовъ галлереи, которая и была тотчасъ же исправлена, а у непріятеля была засыпана часть его воронки. Имѣя нѣсколько готовыхъ заряженныхъ камеръ, дабы своевременно давать камуфлеты и разрушать непріятельскія работы, князь Горчаковъ, хотя и надѣялся ими удержать непріятеля, но все-таки опасался за дальнѣйшій и благополучный исходъ обороны четвертаго бастіона, на который обращены были въ это время всѣ усилія французовъ.

Подвигаясь своими осадными работами по небольшой, но возвышенной площадкѣ, между Городскимъ оврагомъ и Загородною балкою, французы стремились къ тому, чтобы зайти въ тылъ четвертаго бастіона. Находясь впереди редута № 1-го (Шварца) и въ 40 или 50 саженяхъ отъ пятаго бастіона, площадка эта представляла непріятелю весьма удобную мѣстность для устройства батарей, не только противъ двухъ

---

[1]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 20-го апрѣля 1855 г.

названныхъ укрѣпленій, но и противъ правой половины четвертаго бастіона [1]). Открывши огонь съ весьма близкаго разстоянія по этому послѣднему укрѣпленію, французы сверхъ того имѣли бы возможность направить свои выстрѣлы по выходамъ изъ улицъ и затруднить сообщеніе бастіона съ городомъ. При существовавшемъ уже распредѣленіи и направленіи огня нашихъ батарей и бастіона, не представлялось никакой возможности оказать довольно сильное сопротивленіе работамъ противника, ни ружейнымъ, ни артиллерійскимъ огнемъ, и слѣдовательно, онъ, почти безпрепятственно, могъ весьма быстро подвигать впередъ свои подступы. Для противодѣйствія этому обороняющійся находилъ только одно средство—устроить впереди редута № 1-го (Шварца) контръ-апрошную систему, при помощи которой можно было бы задерживать работы французовъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Но чтобы дать этому огню лучшую настильность, приходилось, по характеру мѣстности, расположить наши контръ-апроши ближе къ непріятелю, чѣмъ къ оборонительной линіи, и слѣдовательно, для удержанія ихъ за собою необходимо было, для помѣщенія резервовъ, устроить вторую линію ложементовъ. Такимъ образомъ обстоятельства заставили выдвинуть первую линію контръ-апрошей на 75-ть саженъ впередъ отъ редута № 1-го (Шварца) и расположить ее въ 50-ти саженяхъ отъ непріятеля, а въ 25-ти саженяхъ за первою устроить вторую линію контръ-апрошей, и, для возможности усиливать ихъ войсками, соединить обѣ линіи съ позади-лежащими укрѣпленіями ходами сообщеній [2]).

Устройствомъ въ этомъ пунктѣ контръ-апрошной системы обороняющійся имѣлъ въ виду выдвинуться впередъ подобно тому, какъ выдвинулся онъ на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи. Какъ тамъ были возведены три передовыхъ редута, такъ и здѣсь предполагалось преобразовать контръ-апроши по возможности въ сильныя укрѣпленія, съ тѣмъ чтобы преградить непріятелю доступъ къ редуту Шварца, взять во флангъ передовые непріятельскіе подступы противъ четвертаго бастіона и оборонять мѣстность впереди пятаго бастіона.

Приступать къ такой работѣ можно было только подъ прикрытіемъ значительнаго числа войскъ, ибо не было сомнѣнія, что французы при

---

[1]) Записка кн. Горчакова военному министру, отъ 18-го апрѣля 1855 г.
[2]) Тотлебенъ. „Оборона Севастополя“, ч. II, 171—175.

первомъ удобномъ случаѣ постараются овладѣть постройками, замедляющими ихъ наступательное движеніе и наносящими значительную убыль въ людяхъ. Рѣшаясь устроивать контръ-апроши, надо было умѣть удержать ихъ за собою, не пугаться значительной потери, которую должно было предвидѣть заранѣе, но князь Горчаковъ не выдержалъ характера и, обѣщая наряжать каждую ночь, для защиты вновь возводимыхъ построекъ, не менѣе 8-ми батальоновъ, съ перваго же дня нарушилъ данное обѣщаніе.

Устройство контръ-апрошей рѣшено было произвести въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля, и съ этою цѣлью были назначены для работъ два батальона Суздальскаго полка, численность которыхъ не превышала 800 человѣкъ, а въ прикрытіе ихъ три батальона Екатеринбургскаго и два Волынскаго полковъ числительностью около 2.200 человѣкъ. Общее начальство надъ ними поручено было командиру 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіору Хрущеву.

— Поручаю вамъ сегодня,—сказалъ князь Горчаковъ генералу Хрущеву,—съ наступленіемъ сумерекъ занять съ пятью батальонами мѣстность между редутомъ Шварца и французскими траншеями, построить тамъ ложементы по указанію Тотлебена и, въ случаѣ нападенія непріятеля, удержаться въ нихъ во что бы то ни стало.

Съ наступленіемъ сумерекъ 11-го апрѣля, въ довольно свѣтлую лунную ночь, Хрущевъ вывелъ изъ редута Шварца и батареи Забудскаго пять батальоновъ, назначенныхъ въ прикрытіе, занялъ избранную мѣстность и расположилъ: два батальона Екатеринбургскаго полка въ ротныхъ колоннахъ съ густою цѣпью стрѣлковъ, а остальные три батальона поставилъ въ резервѣ въ колоннахъ къ атакѣ.

Слѣдомъ за прикрытіемъ вышли суздальцы и принялись за работу [1]).

Небольшая тучка задернула мѣсяцъ, и наши рабочіе, пользуясь временной темнотой, торопились устроить для себя прикрытіе. Французы замѣтили наши работы тогда, когда рабочіе были уже достаточно прикрыты, и хотя непріятельскіе стрѣлки тотчасъ же открыли сильный ру-

---

[1]) Дѣла въ Севастополѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущева. «Русскій художественный листокъ» 1857 г. № 7-й. Служебная дѣятельность А. П. Хрущева. Сборникъ рукописей, т. I, 14.

жейный огонь, не прерывавшійся въ теченіе всей ночи, но работа шла довольно успѣшно. Къ утру явилось четыре ложемента, которые и были заняты нашими стрѣлками, открывшими огонь по непріятельскимъ работамъ.

Весь день 12-го апрѣля французы поддерживали весьма сильный огонь противъ ложементовъ, частію обрушили нѣкоторые изъ нихъ и заставили нашихъ стрѣлковъ скрыться въ сосѣднихъ ложементахъ.

Отдавая отчетъ начальнику гарнизона графу Остенъ-Сакену объ исполненіи возложеннаго на него порученія, генералъ Хрущевъ доложилъ, что, судя по настойчивости, съ какою французы обстрѣливаютъ ложементы, намъ весьма трудно будетъ въ нихъ удержаться, но въ отвѣтъ на это получилъ приказаніе въ слѣдующую же ночь соединить ложементы общею траншеею и устроить еще два новыхъ, для помѣщенія резервовъ.

Къ вечеру были собраны тѣ же самыя войска, но два батальона Волынскаго были замѣнены двумя батальонами Алексопольскаго полка.

Съ наступленіемъ сумерекъ генералъ Хрущевъ, для содержанія секретовъ, направилъ изъ редута Шварца охотниковъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Лаврова, исполнявшаго обязанность траншей-маіора, офицера блистательной храбрости. За секретами пошли два батальона Екатеринбургскаго полка, которымъ было приказано занять двумя ротами каждый изъ четырехъ ложементовъ. Третій батальонъ того же полка и два батальона Алексопольскаго составили резервъ и расположились: екатеринбургцы за лѣвымъ флангомъ ложементовъ, а алексопольцы въ Городскомъ оврагѣ.

Едва только головныя роты стали подходить къ лѣвому ложементу, какъ французы, послѣ произведеннаго ими залпа, въ числѣ пяти ротъ (80-го и 21-го полковъ) [1]), выйдя изъ своихъ траншей, заняли ложементы, прежде прибытія нашихъ войскъ, и стали разрушать ихъ. Двѣ роты Екатеринбургскаго полка бросились въ штыки, и у лѣваго ложемента закипѣлъ упорный рукопашный бой; изъ прочихъ же ложементовъ французы открыли огонь по приближавшимся остальнымъ ротамъ Екатеринбургскаго полка, надъ головами котораго неслась почти сплош-

[1]) Ніель, 213.

ная масса пуль. „Я долго пріискивалъ,—говорилъ участникъ,—съ чѣмъ бы можно сравнить этотъ густой полетъ пуль, и нашелъ, что если бы рѣка съ шумомъ текла надъ головой, то было бы похоже на этотъ полетъ“.

Встрѣченныя столь убійственнымъ огнемъ, роты остановились, стрѣляли вверхъ, кричали „ура!“, а затѣмъ стали отходить назадъ [1]). Приказавъ маіору Хохлову держаться на лѣвомъ флангѣ сколько возможно долѣе, генералъ Хрущевъ остановилъ отступавшихъ екатеринбургцевъ, не пустилъ ихъ въ редутъ Шварца, успокоилъ и, приведя въ возможный порядокъ, снова двинулъ съ барабаннымъ боемъ на занятые непріятелемъ ложементы.

Ободренные екатеринбургцы, имѣя въ головѣ офицеровъ и командующаго полкомъ подполковника Богенскаго, смѣло бросились впередъ и, послѣ горячей штыковой работы, выбили непріятеля изъ ложементовъ и отбросили его въ траншеи. Французы пробовали вновь атаковать насъ, но, встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ, принуждены были отступить и тотчасъ же открыли огонь съ семи батарей, осыпавшихъ множествомъ снарядовъ ложементы, редутъ Шварца и пятый бастіонъ. Огонь этотъ не воспрепятствовалъ суздальцамъ придти на работу, исправить разрушенные ложементы, утолстить ихъ и устроить два новыхъ.

Заложеніе ложементовъ стоило намъ 392-хъ человѣкъ выбывшими изъ строя [2]), въ числѣ коихъ были смертельно ранены подполковникъ Богенскій и завѣдывавшій работами перваго отдѣленія инженеръ-капитанъ Ахбауеръ. Потеря непріятеля въ эту ночь, по показанію Ніеля, состояла изъ 207-ми человѣкъ [3]).

Свидѣтельствуя о прекрасномъ состояніи духа гарнизона, главнокомандующій присовокуплялъ, что „возведеніе и удержаніе за нами этихъ работъ, подъ самымъ близкимъ огнемъ непріятеля, дѣлаетъ великую честь нашему войску и храброму командиру 1-й бригады 16-й

---

[1]) Маклаковъ. Служебная дѣятельность А. П. Хрущева. Сборникъ рукописей, т. I, 14. Воспоминанія Валеріана Зарубаева. Тамъ же, т. II, 443.

[2]) Мы потеряли убитыми 5 офицеровъ, 53 нижнихъ чиновъ; ранеными и контуженными 13 офицеровъ 321 нижнихъ чиновъ.

[3]) У французовъ выбыло изъ строя 9 офицеровъ и 198 нижнихъ чиновъ.

пѣхотной дивизіи генералъ-маіору Хрущеву, подъ начальствомъ котораго работы были заложены“ [1]).

„То, что вы мнѣ пишете,—отвѣчалъ Государь [2]),—о превосходномъ духѣ Севастопольскаго гарнизона, меня душевно радуетъ, *но не удивляетъ, ибо отъ этихъ героевъ я другаго и не ожидалъ.* Да укрѣпитъ и благословитъ васъ Богъ, для окончательнаго торжества нашего праваго дѣла“.

Къ сожалѣнію, главный руководитель работъ генералъ-маіоръ Хрущевъ на другой день заболѣлъ и принужденъ былъ передать распоряженія по производству работъ начальнику перваго отдѣленія оборонительной линіи. Подъ надзоромъ послѣдняго, работы продолжались, и въ теченіе всей слѣдующей недѣли мы трудились впереди редута Шварца подъ весьма сильнымъ огнемъ непріятеля. Огонь этотъ не прекращался ни днемъ, ни ночью; обѣ стороны поддерживали его съ равною силою, и только въ полдень 17-го апрѣля наши батареи сдѣлали залпъ изъ ста одного орудія. Залпъ этотъ былъ произведенъ при провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и его храброму воинству.

Въ десять часовъ утра 17-го апрѣля, въ день рожденія Иператора Александра II, севастопольцы собрались въ городской церкви, для слушанія литургіи и молебствія. Взводъ Подольскаго пѣхотнаго полка и хоръ музыкантовъ были переправлены на южную сторону города, для участвованія въ церковномъ парадѣ. Всѣмъ свободнымъ отъ службы офицерамъ приказано быть въ церкви въ сюртукахъ съ эполетами и при шарфахъ, а *не имѣющимъ этой формы — въ шинеляхъ.* Всѣмъ чинамъ, находившимся на оборонительной линіи, вмѣнено въ обязанность оставаться на своихъ мѣстахъ [3]).

При провозглашеніи многолѣтія, по сигналу ракеты, поставленной у церкви, сто одинъ снарядъ полетѣлъ въ непріятельскія траншеи. Удивленный врагъ отвѣчалъ живымъ огнемъ, но временно вспыхнувшая кано-

---

[1]) Записка главнокомандующаго военному министру отъ 18-го апрѣля.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову отъ 26-го апрѣля 1855 г.

[3]) Отношенія дежурнаго генерала гр. Остенъ-Сакену 16-го апрѣля № 5672 и 5698.

нада стала мало-по-малу утихать, и обѣ стороны принялись за свои работы.

Противники находились весьма близко другъ отъ друга, и сторожевая служба была очень трудна какъ для насъ, такъ и для французовъ; нужно было много бдительности, чтобы не прозѣвать непріятеля, въ особенности во время темныхъ ночей. Темнота не дозволяла ничего видѣть въ двухъ шагахъ, а за безпрерывными выстрѣлами, шороху или движенія нельзя было слышать, такъ что нерѣдко въ теченіе всей ночи приходилось оставаться въ ружьѣ и руководствоваться показаніями секретовъ. Послѣдніе весьма часто преувеличивали опасность и почти каждую ночь извѣщали, что французы собираются въ траншеяхъ. По указанному ими направленію прикрытіе производило залпы, но съ теченіемъ времени войска привыкали къ такимъ сообщеніямъ секретовъ и не особенно имъ довѣряли. Человѣкъ свыкается со всякимъ положеніемъ и дѣлается равнодушнымъ къ окружающимъ его обстоятельствамъ. Это равнодушіе отчасти отразилось на защитѣ контръ-апрошей впереди редута Шварца, возведеніе которыхъ подвигалось весьма медленно. Работа была трудная, потери огромныя. „Много горя вынесли мы въ эти ночи,—пишетъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ ложементахъ.—Ружья у насъ были гладкоствольныя; французскія пули Минье, введенныя у насъ во время осады, послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ, не входили въ дуло. Солдаты загоняли пулю, ударяя камнемъ по шомполу; шомполъ гнется въ дугу, а пуля не подается. Колотили какъ въ кузницѣ. Солдаты приносили сальные огарки, смазывали пулю, но все-таки не помогало. Ружья, передѣланныя на нарѣзныя, раздирались по нарѣзамъ. Немудрено, что въ такомъ положеніи офицеры приходили въ отчаяніе, а солдаты бредили измѣной“.

Войска не сочувствовали новымъ работамъ, и онѣ шли весьма вяло [1]). Въ теченіе восьми дней успѣли построить, на площадкѣ между Городскимъ оврагомъ и Загородною балкою, двѣ траншеи длиною въ 250 саженъ. Соединивши ихъ ходомъ сообщенія съ оборонительною линіею, обороняющійся поставилъ въ траншеяхъ девять маленькихъ мортиръ, для обстрѣливанія работъ непріятеля.

Видя медленность и вялость работъ и опасаясь, чтобы непріятель

[1]) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборн.» 1861 г. № 1-й. Воспоминанія Валеріана Зарубаева. Сборн. рукописей, т. II, 446, 447.

не повторилъ нападенія, князь Горчаковъ признал необходимымъ назначить новаго начальника 1-й дистанціи оборонительной линіи и въ девять часовъ утра, 19-го апрѣля, потребовалъ къ себѣ генерала Семякина [1]).

— Я назначаю васъ,—сказалъ онъ прибывшему,—начальникомъ первой дистанціи и всѣхъ войскъ, тамъ находящихся. Вотъ бумага, поѣзжайте къ графу Сакену и скажите, что я въ часъ буду у него. Вы же осмотрите все и будьте къ этому времени тоже у графа Сакена съ вашими замѣчаніями.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ истинно русской доблести Константина Романовича Семякина. Полубольной и глухой отъ контузіи, полученной имъ въ дѣлѣ 13-го октября, Семякинъ до конца осады Севастополя не только самъ служилъ, какъ слѣдуетъ служить каждому русскому въ подобное время для отечества, но онъ привелъ въ осажденный Севастополь двухъ юныхъ своихъ сыновей и посадилъ ихъ на наиболѣе опасномъ въ то время пятомъ бастіонѣ. Зачисленные на службу юнкерами, они пережили всю осаду Севастополя и оба заслужили георгіевскіе кресты наравнѣ съ другими удалыми защитниками славнаго города.

Самъ генералъ Семякинъ почти постоянно находился на бастіонахъ и батареяхъ и подъ конецъ защиты командовалъ всѣми войсками на Городской сторонѣ. Онъ мало говорилъ съ солдатами, но войска видѣли его храбрость и хладнокровную распорядительность, а въ молчаливой стойкости генерала находили что-то привлекательное и довѣрялись ему вполнѣ.

— Этотъ адмиралъ,—говорили моряки про Семякина,—подъ всякимъ вѣтромъ ходить умѣетъ.

Бумага, которую главнокомандующій передалъ Семякину, кромѣ увѣдомленія о его назначеніи, заключала приказаніе начальнику гарнизона приступить къ переформированію слабыхъ полковъ въ уменьшенный составъ.

Въ послѣднее время потери въ нѣкоторыхъ полкахъ были такъ велики, что слово полкъ, батальонъ, или рота не выражали уже собою никакого понятія о численности людей, и князь Горчаковъ, поручая

[1]) Сборникъ рукописей, т. III, 154.

графу Остенъ-Сакену указать Семякину, гдѣ, въ какихъ пунктахъ и сколько имѣть гарнизона, просилъ сдѣлать это указаніе не числомъ батальоновъ, а числомъ людей. Главнокомандующій просилъ назначить въ распоряженіе начальника 1-й дистанціи постоянный, особый резервъ въ 2.000 человѣкъ и предписать ему всѣми зависящими мѣрами препятствовать непріятелю подаваться впередъ своими работами. Для лучшаго достиженія указанной цѣли Семякину предоставлено право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, поддерживать постоянный огонь, производить частныя малыя вылазки и содержать въ постоянной готовности войска на случай штурма. При этомъ принять за правило, чтобы рабочіе не входили въ разсчетъ при опредѣленіи численности резервовъ, а только какъ добавокъ къ нимъ [1]).

Получивши такую инструкцію, генералъ Семякинъ не успѣлъ привести ее въ исполненіе и лишь только прибылъ къ мѣсту своего назначенія, какъ французы атаковали наши контръ-апрошныя работы впереди редута Шварца.

Послѣ первой неудачной попытки овладѣть ими, Пелисье, бывшій въ то время командиромъ перваго корпуса, все время переписывался съ Канроберомъ и доказывалъ ему необходимость занять наши контръапроши какъ можно скорѣе.

— Теперь самая пора,—говорилъ Пелисье,—а то русскіе передѣлаютъ эти траншеи въ укрѣпленія, и тогда штурмовать ихъ будетъ уже поздно.

Уступивъ столь энергическому настоянію, Канроберъ разрѣшилъ произвести нападеніе въ ночь съ 19-го на 20-ое апрѣля, но вечеромъ 19-го апрѣля прислалъ сказать, что отмѣняетъ свое намѣреніе. Пелисье отвѣчалъ, что всѣ распоряженія уже сдѣланы, что войска стоятъ въ траншеяхъ, и онъ беретъ на себя всю отвѣтственность за успѣхъ дѣла. Назначивъ въ составъ отряда семь полковъ и одинъ стрѣлковый батальонъ [2]), Пелисье поручилъ ихъ главному начальству дивизіоннаго генерала де-Салля. Послѣдній въ теченіе цѣлаго дня занимался изученіемъ мѣстности и около пяти часовъ по полудни сталъ стягивать и раз-

---

[1]) Инструкція главнокомандующаго гр. Остенъ-Сакену.

[2]) Въ составъ отряда были назначены 42-й, 43-й, 46-й, 79-й и 98-й линейные полки, 1-й и 2-й полки иностраннаго легіона и 19-й стрѣлковый батальонъ.

мѣщать войска противъ нашихъ работъ, значительно разрушенныхъ сосредоточеннымъ дѣйствіемъ осадныхъ батарей.

Съ наступленіемъ вечера 19-го апрѣля два батальона Волынскаго, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ Углицкаго полка вышли на работу Едва только наши рабочіе стали на своихъ мѣстахъ ,какъ съ пятаго. бастіона замѣтили уже движеніе непріятельскихъ войскъ изъ-за кладбища къ редуту Шварца.

На оборонительной линіи было все тихо и спокойно, кое-гдѣ слышались рѣдкіе выстрѣлы, какъ вдругъ въ десять часовъ вечера французы открыли канонаду по четвертому и пятому бастіонамъ и подъ прикрытіемъ своего огня бросились на наши контръ-апроши. Непріятель атаковалъ тремя колоннами, изъ которыхъ двѣ обошли съ фланговъ, а третья ударила съ фронта. Пользуясь темнотою ночи, французы подошли совершенно незамѣтно къ нашимъ траншеямъ, обогнули правый ихъ флангъ и зашли въ тылъ Углицкому полку. Послѣдній былъ застигнутъ врасплохъ. Не ожидая непріятеля съ этой стороны, наши солдаты приняли наступавшихъ сначала за своихъ и хотя скоро замѣтили ошибку, но было уже поздно: стремительный натискъ французовъ съ трехъ сторонъ рѣшилъ дѣло. Углицкіе батальоны въ безпорядкѣ отступили назадъ и смяли работавшихъ въ траншеяхъ волынцевъ. Схвативъ ружья, составленныя въ козлы, батальоны Волынскаго полка, ободряемые юнкеромъ Бениславскимъ, хотя и пытались броситься въ штыки, но разъединенные и разстроенные не могли оказать сильнаго сопротивленія. Отступая на оборонительную линію, наши войска столпились передъ пятымъ бастіономъ и мѣшали стрѣлять не только ему, но и сосѣднимъ укрѣпленіямъ— редуту Шварца и люнету Бѣлкина. Пользуясь этимъ, французы тотчасъ же заняли обѣ траншеи, захватили въ нихъ девять нашихъ мортиръ и преслѣдовали отступавшихъ до рва редута Шварца, но здѣсь были встрѣчены залпомъ картечи, принудившей ихъ отступить [1]). Утвердившись въ нашихъ траншеяхъ, непріятель всю ночь занимался ихъ передѣлкою.

Получивши извѣстіе, что французы заняли наши контръ-апроши и опасаясь, чтобы они, подъ вліяніемъ успѣха, не атаковали редута Шварца, главнокомандующій переправилъ на Южную сторону города 2-ю бригаду

---

[1]) Записка кн. Горчакова военному министру 24-го апрѣля.

14-й пѣхотной дивизіи и Азовскій пѣхотный полкъ, а графъ Остенъ-Сакенъ просилъ генерала Хрущева, какъ человѣка знакомаго съ мѣстностью, принять до утра начальство надъ войсками, что̀ и было исполнено послѣднимъ, несмотря на болѣзнь.

Прибывъ на мѣсто, Хрущевъ положилъ нѣсколько ротъ правѣе редута и приказалъ какъ имъ, такъ и находившемуся въ укрѣпленіи гарнизону производить по непріятелю безпрерывный огонь въ теченіе всей ночи.

Съ наступленіемъ утра 20-го апрѣля главнокомандующій хотѣлъ было отбить потерянныя траншеи и даже назначилъ для этого шесть батальоновъ, но впослѣдствіи измѣнилъ свое намѣреніе и разрѣшилъ употребить лишь по одному батальону Колыванскаго и Владимірскаго полковъ и 180 человѣкъ охотниковъ.

Въ три часа по полудни, въ то время, когда Колыванскій батальонъ подходилъ еще только къ редуту Шварца, батальонъ Владимірскаго вмѣстѣ съ охотниками бросился уже въ ближайшую траншею. Французы не ожидали нападенія днемъ; большая часть людей, утомленныхъ ночнымъ боемъ, спала. Владимірцы ворвались смѣло, произвели смятеніе въ рядахъ непріятеля и, выбивши его штыками изъ потерянныхъ нами ложементовъ, открыли огонь по отступавшимъ. Французы скоро оправились и, получивши значительное подкрѣпленіе, атаковали владимірцевъ во флангъ. Послѣ кратковременной, но кровопролитной схватки владимірцы и охотники принуждены были отступить съ потерею 547 человѣкъ выбывшихъ изъ строя. Траншеи съ девятью мортирами остались на всегда въ рукахъ непріятеля, и французы сразу очутились въ 50-ти саженяхъ передъ редутомъ Шварца.

Неудача наша ободрила непріятеля, поколебала его вѣру въ неприступность Севастопольскихъ укрѣпленій, и грозное дотолѣ значеніе ихъ ослабѣло. Это былъ первый успѣхъ союзниковъ во время всей осады, первый примѣръ удачи при штурмѣ.

Грустное событіе паденія нашихъ контръ-апрошей было предвидѣно многими севастопольцами.

— Слѣдовало ли столь упорно выводить такія траншеи,—говорили они,—которыя, только временно отдаляя ходъ осадныхъ работъ, въ послѣдній періодъ осады помогали ей, приготовивъ для нея свѣжіе под-

ступы, построенные чужими руками? Не лучше ли бы было предоставить непріятелю работать цѣлый мѣсяцъ, чтобы пройти пространство около ста саженъ подъ картечнымъ огнемъ нашихъ батарей — пространство, которое онъ пробѣжалъ въ одну ночь? Не выгоднѣе ли было рабочихъ, которые были употреблены для работъ въ траншеяхъ, употребить на исправленіе и усиленіе оборонительной линіи, или заняться минированіемъ тѣхъ бастіоновъ, на которые можно было ожидать атаки въ послѣднія минуты осады?

Въ свое время вопросы эти возбудили много толковъ и вызвали многочисленныя опроверженія. Вскорѣ послѣ кампаніи, появилось нѣсколько статей, въ которыхъ старались доказать, что контръ-апроши впереди редута Шварца были заложены своевременно и что онѣ принесли огромную пользу оборонѣ, но всѣ эти доказательства были хотя и многорѣчивы, но не убѣдительны. Не легко сознаваясь въ сдѣланной ошибкѣ, наши инженеры и лица, почему-либо стоявшія къ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ, прибѣгали даже къ цифрамъ, чтобы математически доказать всю пользу, происшедшую отъ устройства этой послѣдней контръапрошной системы.

Доказательства ихъ основываются главнѣйшимъ образомъ на томъ, во-первыхъ, что съ заложеніемъ этихъ ложементовъ осаждающій тотчасъ же принужденъ былъ приступить къ устройству двухъ батарей [1]), и во-вторыхъ, что, дѣйствіемъ огня нашихъ штуцерныхъ, работы французовъ были замедлены настолько, что они подвигались впередъ въ сутки не многимъ болѣе 3-хъ саженъ. Если къ этому прибавить,—говорятъ сторонники,—и тотъ скачекъ, который сдѣлали французы, по овладѣніи контръ-апрошами, то все-таки выйдетъ, что они шли впередъ среднимъ числомъ по 12 ½ саженъ въ сутки [2]).

Приводя эти цифры и доказательства, защитники траншей упускаютъ изъ виду обстоятельства, повидимому ничтожныя, но въ сущности опровергающія всю ихъ защиту. Они умалчиваютъ о томъ, приступили ли бы французы къ устройству новыхъ батарей, если бы нашихъ контръапрошныхъ работъ вовсе не было, и не говорятъ о томъ, строились ли

---

[1]) «Военный Сборникъ» 1860 г. № 4, 428.
[2]) «Военный Сборникъ» 1859 г. № 8, 333.

эти батареи исключительно для дѣйствія по нашимъ стрѣлкамъ, засѣвшимъ въ ложементахъ, или еще съ какою другою цѣлью.

Огонь нашихъ стрѣлковъ замедлялъ работы противника,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и онъ въ теченіе $7^1/_2$ сутокъ подвинулся впередъ только на 94 сажени, но при этомъ не надо забывать, что, одновременно съ такимъ передвиженіемъ впередъ, французы, захватившіе наши траншеи, распространились въ стороны на 250 саженъ. Мы охотно согласились бы съ пользою ложементовъ, если бы намъ доказали, что, начавши осадныя работы въ 159 саженяхъ отъ атакованныхъ верковъ, можно менѣе чѣмъ въ семь сутокъ, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, пройти впередъ 94 сажени, и, подойдя на 50 саженъ къ укрѣпленію, заложить и окончить параллель длиною въ 250 саженъ. Если на всѣ эти работы необходимо менѣе недѣли, то польза контръ-апрошей будетъ очевидна, а въ противномъ случаѣ защитникамъ придется перейти на сторону ихъ противниковъ и согласиться, что къ заложенію контръ-апрошей впереди редута Шварца было приступлено слишкомъ поздно и что они не принесли намъ пользы, а напротивъ того весьма значительный вредъ. Мы лишились возможности продолжать на этомъ пунктѣ открытую борьбу съ непріятелемъ. По характеру мѣстности, мы не имѣли уже возможности выходить изъ нашей ограды большими массами, и непріятельскія апроши были такъ близко, что ему представлялась полная возможность встрѣтить насъ сильнымъ огнемъ батарей и большими резервами, которые у него были въ готовности и въ параллеляхъ и въ лощинѣ, позади.

Съ паденіемъ контръ-апрошной системы наши дѣла приняли болѣе опасный оборотъ, и главнокомандующій справедливо опасался за благополучный ихъ исходъ. Не имѣя достаточно силъ, чтобы атаковать противника и тѣмъ облегчить участь Севастополя, князь Горчаковъ не предвидѣлъ въ будущемъ ничего хорошаго. Значительная убыль отъ огня, вылазокъ, болѣзней и усталости войскъ, безпрерывно находившихся или въ бою, или на работахъ, вынудила главнокомандующаго просить о присылкѣ въ Крымъ новыхъ войскъ и при томъ какъ можно скорѣе, ибо непріятель получалъ ежедневно сильныя подкрѣпленія и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, готовился перейти въ наступленіе.

Кампанія внутри края была постоянною мечтою союзниковъ; представители Франціи и Англіи силились привести эту мысль въ исполненіе какъ можно скорѣе, въ особенности послѣ неоднократныхъ донесеній

генерала Ніеля, увѣрявшаго, что, безъ совершеннаго обложенія Севастополя, нельзя ручаться за счастливый исходъ осады и что штурмы будутъ хотя и кровопролитны, но рискованы. По его мнѣнію, для скорѣйшаго и полнаго успѣха союзникамъ необходимо было открыть полевыя дѣйствія. Наполеонъ раздѣлялъ это убѣжденіе, самъ составилъ планъ кампаніи и объявилъ, что пріѣдетъ въ Крымъ и приметъ начальство надъ корпусомъ, предназначеннымъ для дѣйствій внутри полуострова. „Если штурмъ Севастополя невозможенъ,—писалъ онъ Канроберу,—или требуетъ слишкомъ большихъ потерь, не доставивъ въ то же время въ наши руки всего города, то вы должны держаться въ оборонительномъ положеніи и распорядиться такъ, чтобы можно было отдѣлить отъ арміи двѣ дивизіи пѣхоты, гвардію, всю кавалерію, четыре пѣшихъ и четыре конныхъ батареи, съ тѣмъ чтобы войска эти вмѣстѣ съ 40.000 человѣкъ, сосредоточенныхъ въ Маслакѣ, близъ Константинополя, могли бы по первому востребованію начать кампанію въ Крыму“.

Въ Петербургѣ, точно также, какъ и въ главной квартирѣ Крымской арміи, было извѣстно о намѣреніи союзниковъ перейти въ наступленіе, но куда они направятъ ударъ, опредѣлить было не возможно.

При помощи огромныхъ морскихъ средствъ англо-французы могли перебросить большую часть своихъ силъ на любую точку нашего черноморскаго прибрежья, или съ тою цѣлью, чтобы разорить наши морскія учрежденія въ Николаевѣ и выйти въ тылъ войскамъ, защищающимъ Крымъ, или отвлечь на время вниманіе князя Горчакова отъ Севастополя и, заставивъ его ослабить оборону этого пункта, снова обратиться къ нему, пользуясь быстротою передвиженія, или же наконецъ на берегахъ Днѣстра нанести ударъ малочисленной въ то время Южной арміи генерала Лидерса, на обязанности которой лежала защита всего юга Россіи.

Въ виду возможности дѣйствій въ этомъ направленіи ослаблять Южную армію посылкою новыхъ войскъ въ Крымъ не представлялось никакой возможности и тѣмъ болѣе, что дѣла наши съ Австріею все еще находились въ крайне неопредѣленномъ положеніи.

Свѣдѣнія, полученныя изъ Вѣны въ началѣ апрѣля, лишали послѣдней надежды на успѣшный результатъ мирныхъ соглашеній. Конференціи были прерваны если не совсѣмъ, то на опредѣленное время, и

надо было предполагать, что враги наши, не успѣвъ дипломатическимъ путемъ достигнуть цѣли своихъ желаній, попытаются еще разъ рѣшить дѣло силою оружія.

Вѣнскій кабинетъ все еще не высказывалъ прямо и откровенно своихъ намѣреній, и императоръ Францъ-Іосифъ медлилъ назначеніемъ аудіенціи, испрошенной нашимъ посланникомъ княземъ Горчаковымъ. По всему видно было, что онъ ожидалъ отъѣзда изъ Вѣны французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Пребываніе послѣдняго въ Вѣнѣ не достигло предположенной цѣли: разстроивши ходъ мирныхъ переговоровъ, онъ не успѣлъ однако же склонить австрійскаго императора на явное и рѣшительное противъ насъ содѣйствіе западнымъ державамъ, и, повидимому, вѣнскій кабинетъ не принялъ на себя въ этомъ отношеніи никакихъ новыхъ обязательствъ. Такая нерѣшительность Австріи не нравилась въ Парижѣ, и вскорѣ послѣ отъѣзда французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ Вѣнѣ ожидали прибытія Наполеона, надѣявшагося, какъ говорили тогда, обольстить молодаго австрійскаго императора и личными объясненіями устранить его недовѣріе къ двумъ западнымъ державамъ.

„Послѣднія депеши изъ Вѣны, — писалъ Государь князю Горчакову [1]), — *весьма неудовлетворительны* [2]); предложенія союзниковъ таковы, *что мы рѣшительно не можемъ ихъ принять*. Австрія же, несмотря на всѣ свои обѣщанія, поддерживаетъ претензіи нашихъ враговъ, и Горчаковъ не могъ доселѣ добиться давно просимой имъ аудіенціи у императора. Изъ всего этого я заключаю, что на-дняхъ мы должны получить рѣшительныя извѣстія изъ Вѣны, т. е. *что Австрія намъ также объявитъ войну*.

„Надѣюсь, что Пруссія устоитъ, ибо въ противномъ случаѣ положеніе наше будетъ еще опаснѣе теперешняго.

„При сихъ важныхъ обстоятельствахъ, вы сами поймете, *есть ли какая возможность усилить васъ войсками Лидерса,* не подвергая его еще бо́льшей опасности, ибо надобно признаться, что положеніе его, въ случаѣ разрыва съ *Австріею, дѣлается весьма кри-*

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го апрѣля 1855 г.

[2]) Какъ это, такъ и слѣдующее подчеркнуто въ подлинникѣ.

тическое. При всемъ томъ я не унываю, а молюсь и надѣюсь на милость Божію".

Князь Горчаковъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе о невозможности ослаблять Южную армію и, еще до полученія приведеннаго нами рескрипта Императора, остановилъ движеніе въ Крымъ 7-й резервной дивизіи. Онъ просилъ, чтобы въ замѣнъ того, если представится возможнымъ, были двинуты, въ подкрѣпленіе его арміи, какія-либо части войскъ изъ числа назначенныхъ для защиты сѣверныхъ границъ Имперіи.

„Вы предъугадали мои опасенія,—писалъ Императоръ въ отвѣтъ на ходатайство главнокомандующаго [1]),—объ ослабленіи Южной арміи въ теперешнихъ обстоятельствахъ приводомъ въ Крымъ 7-й резервной дивизіи. Относительно новаго усиленія Крымской арміи, *въ настоящую минуту не предвижу никакой возможности,* ибо *все*, что было свободнаго и готоваго войска, направлено на тѣ пункты, *гдѣ присутствіе ихъ необходимо.* Остались двѣ только запасныя дивизіи 2-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, изъ коихъ первая составляетъ *единственный резервъ* какъ для войскъ на сѣверѣ, такъ и для западной и средней арміи, 6-я же запасная дивизія еще не доформирована; въ томъ же положеніи находятся покуда и всѣ дружины ополченія.

„Въ іюнѣ, смотря по обстоятельствамъ, можно будетъ дать имъ сообразное направленіе.

„Посылаю къ вамъ флигель-адъютанта Волкова, для наблюденія за раздачею пособія раненымъ, на томъ же основаніи, какъ оно было выдаваемо братьями моими. Кромѣ его, ѣдетъ къ вамъ молодой графъ Віельгорскій съ частными пожертвованіями. Желаю, чтобъ они были также тщательно и добросовѣстно выдаваемы *чинамъ сухопутнаго вѣдомства,* какъ, благодаря попеченію генералъ-адмирала, пользовались оными доселѣ исключительно чины морскіе. И тѣ и другіе, по всей справедливости, заслуживаютъ одинаковаго о нихъ попеченія, а на Руси, благодаря Бога, охотниковъ много помогать нашимъ молодцамъ.

„Изъ Вѣны новаго ничего нѣтъ; конференція мнимо еще существуетъ, но, послѣ отъѣзда Росселя и Друена, вновь не собиралась, и

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову отъ 26-го апрѣля.

Горчаковъ доселѣ еще не былъ принятъ императоромъ—видно, совѣсть не чиста!“

Такое поведеніе Австріи вредило дѣлу болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы держава эта объявила намъ войну. Тогда по крайней мѣрѣ мы знали бы, что имѣемъ врага, съ которымъ должны бороться, и не было бы прискорбно смотрѣть, что войска наши, собранныя на западной и отчасти южной границѣ Имперіи, остаются праздными зрителями событій, совершающихся въ Крыму. Тронуть ихъ не представлялось никакой возможности, и князь Горчаковъ до времени долженъ былъ оставаться безъ всякихъ подкрѣпленій.

Не имѣя надежды получить значительную помощь, будучи стѣсненъ непріятельскими работами такъ, что нельзя было предпринять серьезной вылазки безъ того, чтобы не подвергнуться огню сильныхъ батарей, и наконецъ, не имѣя возможности, по характеру мѣстности, защищаться позади полуразрушенной ограды Севастополя, князь Горчаковъ считалъ свое положеніе весьма труднымъ.

— Не лучше ли,—говорилъ онъ,—оставить развалины этого города, котораго скорое паденіе неминуемо, и ограничиться оспариваніемъ полуострова. Тогда всѣ выгоды были бы на нашей сторонѣ.

Вскорѣ послѣ занятія французами нашихъ контръ-апрошей, главнокомандующій уже склонялся на сторону того, чтобы оставить Севастополь и вывести его славный гарнизонъ. „Истинная польза Вашего Императорскаго Величества и Россіи,—доносилъ онъ [1]),—кажется, требовала бы сего, ибо, защищая Севастополь до послѣдней крайности, я рискую, если непріятель ворвется съ боя въ городъ, потерять почти всѣ войска, его защищающія, т. е. болѣе, чѣмъ половину арміи.

„Не менѣе того, рѣшиться теперь оставить Севастополь я не могу, потому что война имѣетъ непредвидимыя случайности, но долженъ доложить Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, о крайностяхъ, до коихъ мы можемъ быть доведены силою обстоятельствъ, отъ моей вины не проистекающихъ“.

„Нескрою отъ васъ, любезный князь,—отвѣчалъ на это Госу-

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Горчакова отъ 24-го апрѣля 1855 г.

дарь Императоръ [1]),—что последнее письмо ваше отъ 24-го апрѣля сдѣлало на меня весьма грустное впечатлѣніе. Я согласенъ съ вами, что положеніе Севастополя дѣлается ежедневно опаснѣе, при значительныхъ потеряхъ гарнизона и въ виду подкрѣпленій, подходящихъ къ непріятелю, тогда какъ съ нашей стороны нѣтъ никакой возможности въ теперешнюю минуту васъ усилить; но повторяю вамъ, что, зная васъ и молодцовъ, находящихся подъ вашимъ начальствомъ, *я надежды не теряю и уповаю, какъ всегда, на милость Божію.*

„Изъ подробнаго вашего журнала я долженъ заключить, что непріятель напалъ врасплохъ на наши ложементы, ибо иначе не могу себѣ объяснить потерю ручныхъ мортирокъ.

„Я остаюсь однако вполнѣ увѣренъ, что если онъ рѣшится на штурмъ главныхъ укрѣпленій, то сего не случится, и онъ будетъ встрѣченъ съ свойственною намъ стойкостію.

„Теперь я долженъ обратить ваше вниманіе на необходимость назначенія надежнаго начальника для командованія войсками въ сѣверной части Крымскаго полуострова, въ случаѣ, если движеніемъ непріятеля изъ Евпаторіи вамъ въ тылъ вы временно будете отдѣлены отъ вашихъ резервовъ. По моему приказанію дѣлаются теперь соображенія о томъ, что̀ можно будетъ предпринять въ случаѣ несчастнаго оборота дѣлъ въ Крыму, хотя я надѣюсь на милость Божію, что это не случится, но все-таки осторожность требуетъ готовиться и къ худшему“.

Надежды Императора сбылись, и Севастополю суждено было пережить еще много славныхъ дней. Откладывая день за день штурмъ города, союзники занимались возведеніемъ новыхъ батарей и, поддерживая постоянный и весьма сильный огонь противъ нашихъ ложементовъ, весьма часто наносили имъ значительныя поврежденія. Чтобы воспрепятствовать работамъ противника и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить его чаще подвергаться дѣйствію картечнаго и навѣснаго огня нашихъ батарей, защитники прибѣгали къ весьма частымъ ночнымъ вылазкамъ. Мичманъ Макшеевъ со 100 охотниками Волынскаго и Минскаго полковъ;

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го мая 1855 г.

прапорщикъ Говинскій съ 19 охотцами; прапорщики Колыванскаго полка Парамоновъ и Подольскаго Храповицкій съ 6-ю охотниками, подпоручикъ Рытовъ съ 165-ю охотцами—извѣстны молодецкими вылазками, произведенными въ этотъ промежутокъ времени.

Съ наступленіемъ сумерекъ охотники смѣло врывались въ траншеи и бились на смерть. Здѣсь сходились обѣ стороны лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, на штыки и сабли: смерть отъ холоднаго оружія присоединялась къ рѣющей смерти отъ свинца и чугуна. Это былъ рядъ геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ въ темнотѣ, слѣдовательно, безъ всякихъ претензій на награду, подвиговъ, часто остававшихся въ неизвѣстности, но полезныхъ для обороны.

Послѣ занятія французами нашихъ контръ-апрошей, редутъ Шварца не могъ оставаться въ томъ, можно сказать, жалкомъ положеніи, въ которомъ находился, и потому обороняющійся приступилъ къ уширенію площади укрѣпленія и усиленію профили бруствера. Для обороны мѣстности передъ редутомъ Шварца устроено было пять новыхъ батарей, на которыя поставлено 21 орудіе [1]) и два орудія направлены съ бастіона № 5-го. Для лучшаго обстрѣливанія мѣстности передъ пятымъ и шестымъ бастіонами, возведена батарея № 92-го, на два орудія; оборонительная стѣнка, между пятымъ бастіономъ и Ростиславскимъ редутомъ, приспособлена къ ружейной оборонѣ, и для защиты ея построена батарея № 99-го на два орудія. Оборона Камчатскаго люнета усилена возведеніемъ двухъ батарей № 88-го (Торопова) на четыре и № 101 (Лесли) на пять орудій, а защита Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ усилена устройствомъ батарей № 91-го на три орудія и № 93-го на четыре орудія [2]). Эта послѣдняя батарея извѣстна болѣе подъ именемъ *Забалканской*, по имени полка, ее строившаго.

Одновременно съ постройкою батарей и усиленіемъ защиты впереди лежащей мѣстности, обороняющійся проводилъ дороги для болѣе

[1]) Для этой цѣли были построены батареи № 94-го (Ново-Петровская) на 7-мь орудій, № 95-го—на 4 орудія, № 96-го (Сафронова)—на два орудія, № 97-го (Бульмеринга)—на 4 орудія и № 98-го (Новополевская)—на 4 орудія.

[2]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, 189—197.

удобнаго движенія подкрѣпленіямъ и резервамъ, заложилъ въ разныхъ мѣстахъ самовзрывчатые фугасы [1]), соединялъ существовавшіе ложементы въ общія траншеи [2]), устраивалъ новые [3]) и наконецъ окончилъ устройство моста черезъ Южную бухту для свободнаго сообщенія между городомъ и Корабельною стороною.

Безпрерывныя земляныя работы и постоянное сторожевое положеніе подъ огнемъ непріятеля до чрезвычайности утомляло солдатъ. Для облегченія трудной службы, полкамъ, по очереди, давался отдыхъ. Въ концѣ апрѣля такая очередь выпала на долю Охотскаго полка, бывшаго безвыходно въ Севастополѣ со времени прихода въ Крымъ. Храбрые охотцы просили позволенія не ходить на Сѣверную сторону и предпочли отдохнуть на Корабельной, позади роднаго имъ третьяго бастіона, въ морскихъ госпиталяхъ, близъ Александровскихъ казармъ.

Наступила весна. Проливной дождь, шедшій безпрерывно въ теченіе трехъ сутокъ, съ 27-го по 30-е апрѣля, произвелъ благотворное вліяніе на южную почву: все оживилось и зацвѣло. Екатерининская улица сдѣлалась натуральнымъ бульваромъ. По обѣимъ сторонамъ ея зеленѣли деревья, кое-гдѣ видны были садики, обнесенные небольшими палисадниками. Стѣны полуразрушенныхъ домовъ, разбитыя колонны, балконы и навѣсы обвились вьющеюся зеленью лозъ и винограда. Съ появленіемъ весны стало привольнѣе и веселѣе всѣмъ заключеннымъ въ осажденномъ городѣ. Звуки выстрѣловъ, казалось, отдавались не такъ угрюмо. Ясные теплые дни манили на воздухъ. На Городской сторонѣ на бульварѣ, примыкавшемъ къ памятнику Казарскаго, устроились постоянныя гулянья и играла музыка; на Корабельной сторонѣ игралъ другой хоръ, на Владимірской площади. Разнородный людъ спѣшилъ къ этимъ двумъ центрамъ, и гулянья сдѣлались самыми оживленными. Здѣсь перемѣшивались всѣ чины, но никто не унывалъ, несмотря на тягость осады и на огромныя потери.

---

[1]) На днѣ Киленъ-балки было заложено 26, а на берегу Георгіевской балки 58 такихъ фугасовъ.

[2]) Ложементы впереди третьяго бастіона соединены въ одну общую траншею, и впереди ихъ заложено 78 самовзрывчатыхъ фугасовъ.

[3]) Впереди Камчатскаго люнета устроено три новыхъ ложемента и на Киленъ-балочной высотѣ пять ложементовъ.

Расположившись за третьимъ бастіономъ, охотцы отдыхали отъ понесенныхъ трудовъ. Перваго мая имъ кончался срокъ полугодичнаго пребыванія на передовыхъ линіяхъ осажденнаго города. Легко произнести полгода, но не легко было охотцамъ прожить шесть мѣсяцевъ на бастіонахъ Севастопольскихъ. Въ теченіе этого времени многихъ товарищей не стало: одни были убиты, другіе лежали въ госпиталяхъ и лазаретахъ, а всѣ уцѣлѣвшіе перенесли много трудовъ и лишеній.

Вспоминая прошлое, вспоминая скучную и однообразную жизнь, охотцы, пользуясь временемъ отдыха, рѣшились отпраздновать полугодичный юбилей своей славной боевой службы — положили сдѣлать обѣдъ для всѣхъ свободныхъ отъ службы офицеровъ.

1-го мая утромъ на Корабельной было замѣтно стеченіе народа, собравшагося на праздникъ Охотскаго полка. По обычаю православныхъ—освящать молитвою начало каждаго дѣла,—охотцы собрались въ походной церкви, гдѣ сначала была отслужена панихида по убитымъ, а затѣмъ благодарственный молебенъ. Прежде другихъ вышелъ изъ церкви взводъ георгіевскихъ кавалеровъ въ 70 человѣкъ,— живая лѣтопись славныхъ подвиговъ севастопольскихъ защитниковъ вообще и Охотскаго полка въ особенности. Въ рядахъ молодецкаго взвода стояли три человѣка безъ крестовъ, но пріѣхалъ начальникъ штаба гарнизона князь Васильчиковъ и привезъ имъ кресты, назначенные главнокомандующимъ за послѣднюю вылазку Громкое: „ради стараться!“ было отвѣтомъ на привѣтствіе князя и поздравленіе вновь пожалованныхъ. Пройдя церемоніальнымъ маршемъ, взводъ кавалеровъ вступилъ въ обѣденный залъ, гдѣ грянули четыре хора музыки полковъ 11-й пѣхотной дивизіи и собранные съ тѣхъ же полковъ 80 человѣкъ пѣвчихъ.

Обѣдъ начался...

Небольшой домикъ на Корабельной, въ которомъ жилъ генералъ Хрулевъ и гдѣ совершился праздникъ, былъ заставленъ столами, убранными букетами душистой бѣлой акаціи, нѣжной желтофіоли и самыхъ разнообразныхъ тюльпановъ. На столахъ виднѣлись дорогіе сервизы и самыя роскошныя вина — они не были диковиною въ Севастополѣ. Правда, дорогою цѣною покупалась эта

роскошь, но не считались рубли тамъ, гдѣ самая жизнь была нипочемъ. Тосты за здравіе Государя Императора и другихъ особъ царскаго дома, при громѣ оркестровъ музыки и хора пѣвчихъ, были встрѣчены восторженнымъ „ура!“ Когда провозглашено было здоровье главнокомандующаго, тогда музыканты и пѣвчіе подхватили, такъ называемую, „горчаковскую“ пѣсню:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ;
Православный русскій воинъ,
Не считая, бьетъ враговъ... и проч.

По окончаніи обѣда многіе вышли въ палисадникъ передъ домомъ, на балконѣ котораго появился начальникъ Корабельной стороны генералъ Хрулевъ, встрѣченный единодушнымъ крикомъ охотцевъ. Солдаты хорошо знали Хрулева, и Хрулевъ зналъ охотцевъ давно: онъ водилъ ихъ въ атаку въ дѣлѣ подъ Туртукаемъ.

Фельдфебель Кривопутовъ подошелъ къ балкону съ бакаломъ шампанскаго и закричалъ: „за здравіе генерала Хрулева Степана Александровича!“

Хрулевъ взялъ бокалъ, налилъ въ него водки и провозгласилъ: „за здоровье всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ „ура!“ [1]).

Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ.

„До вечера,—пишетъ П. Алабинъ, —матросы и солдаты пѣли родныя пѣсни; одушевленная музыка не умолкала, хоръ смѣнялся хоромъ; собрались толпы слушателей, слушательницъ; вся Корабельная ожила, какъ будто не было врага у ея черты; въ окрестностяхъ пира затѣялась пляска, игры, никто не обращалъ вниманія на снаряды, по временамъ проносившіеся, на бомбы, неподалеку лопавшіяся въ воздухѣ, мгновенно образуя густое бѣлое облачко, живописно рисовавшееся на синемъ небѣ! „Намъ на праздникъ французы бросаютъ букеты“, — шутя говорили офицеры.

„Все было весело, неподдѣльно, и всякій свою радость хотѣлъ дѣлить съ товарищами лишеній, опасности, труда. Звали на пиръ извѣст-

---

¹) Н. Бергъ. Записки объ осадѣ Севастополя, т. I, 119—123.

ныхъ удальцовъ севастопольскихъ, поили шампанскимъ, цѣловали ихъ, приказывая сказать товарищамъ, что генералы и офицеры пьютъ за ихъ здоровье".

Такъ кончился этотъ праздникъ, единственный въ своемъ родѣ и не повторяемый, какъ и самый Севастополь, въ которомъ онъ происходилъ.

Большая часть пировавшихъ отправилась съ праздника на бастіоны, а были и такіе, которые пошли прямо на вылазку. Въ тотъ же самый вечеръ, на нашемъ правомъ флангѣ были произведены двѣ удалыя вылазки. Одна въ 160 человѣкъ Минскаго и Подольскаго полковъ, подъ начальствомъ поручика Сутковаго, ворвалась въ непріятельскія траншеи, между пятымъ и шестымъ бастіонами; другая, составленная изъ 110 человѣкъ охотниковъ и батальона Колыванскаго полка, подъ начальствомъ маіора Колесникова, бросилась во французскую траншею противъ редута Шварца. Испортивъ насыпи, раскидавъ туры и положивъ на мѣстѣ многихъ рабочихъ, захваченныхъ врасплохъ, обѣ партіи вернулись въ городъ.

Такимъ образомъ на праздникѣ гремѣла еще музыка, слышались тосты и крики,—а здѣсь, на бастіонахъ и въ непріятельскихъ траншеяхъ, шла канонада и самая ожесточенная схватка съ непріятелемъ.

XXXIV.

Нерѣшительность союзныхъ главнокомандующихъ.—Намѣреніе Наполеона прибыть въ Крымъ.—Проектъ экспедиціи въ Керчь и появленіе союзной эскадры въ виду города.—Возвращеніе эскадры въ Камышевую бухту.—Новый планъ дѣйствій, присланный Наполеономъ генералу Канроберу.—Несогласія, возникшія между французскимъ и англійскимъ главнокомандующими.—Просьба Канробера объ увольненіи и назначеніе Пелисье главнокомандующимъ французскою арміею.—Переформированіе нашей и французской армій.—Число нашихъ войскъ и ихъ расположеніе. — Рескрипты Императора князю Горчакову. — Направленіе въ Крымъ новыхъ подкрѣпленій.—Заложеніе траншей у Кладбища и у Карантинной бухты.—Дѣло съ 10-го на 11-е мая у Кладбища.

Дѣло 19-го апрѣля, впереди редута Шварца, возвысившее въ глазахъ союзниковъ военную репутацію Пелисье, доставило ему вскорѣ

званіе главнокомандующаго французской арміи. Нерѣшительность Канробера обнаруживалась все болѣе и болѣе. Обѣщая скорый штурмъ, онъ не дѣлалъ къ тому никакихъ серьезныхъ приготовленій, а между тѣмъ писалъ военному министру, что атака Севастопольскихъ укрѣпленій необходима, и союзники подошли къ нимъ столь близко, что было бы опасно медлить, а тѣмъ болѣе, когда къ непріятельской арміи ежедневно прибываютъ подкрѣпленія. „Инженерные и артиллерійскіе генералы обѣихъ армій,—доносилъ Канроберъ [1]),—и корпусные командиры единодушно высказываютъ мнѣніе, что лучше уступить нетерпѣнію французскихъ и англійскихъ солдатъ, требующихъ штурма. Лордъ Рагланъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ желаніе, и я полагалъ, что моя обязанность была согласиться съ нимъ“.

Соглашаясь съ требованіемъ большинства, Канроберъ самъ по себѣ не раздѣлялъ ихъ мнѣнія и медлилъ исполненіемъ. Но чтобы удовлетворить сторонниковъ штурма и, такъ сказать, отвязаться отъ докучливыхъ требованій, онъ поручилъ генералу Пелисье осмотрѣть и избрать мѣсто для штурмующихъ колоннъ. Высказывая неоднократно, что на войнѣ часто встрѣчаются непредвидѣнныя обстоятельства, препятствующія задуманнымъ предпріятіямъ, Канроберъ былъ вполнѣ увѣренъ, что, пока Пелисье будетъ избирать пункты для сосредоточенія войскъ, онъ всегда найдетъ предлогъ отдалить столь рискованный шагъ, какимъ ему казался въ то время штурмъ Севастополя.

Во время одного изъ военныхъ совѣщаній, вице-адмиралъ Брюа получилъ депешу морскаго министра, въ которой сообщалось, что всѣ французскіе резервы прибудутъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ мая. Сообщеніе это было спасительнымъ якоремъ для французскаго главнокомандующаго и тѣмъ болѣе, что въ депешѣ подтверждалось извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ въ Крымъ Наполеона, желавшаго раздѣлить съ своею арміею всѣ опасности и славу.

Прибытіе императора и значительныхъ подкрѣпленій были достаточно сильными предлогами, чтобы отложить на время задуманное дѣло. Срокъ прибытія новыхъ силъ былъ такъ близокъ, что, по мнѣнію французскаго главнокомандующаго, было бы безразсудно не подождать столь важныхъ пособій и рѣшиться на штурмъ, при которомъ могли возникнуть

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt. T. II, 242, 243.

совершенно не предвидѣнныя препятствія и страшныя случайности. Канроберу и его сторонникамъ казалось, что Севастополь отлитъ изъ бронзы и осадныя батареи не достаточно еще сильны для его разрушенія.

„Противъ лѣвой стороны (Севастополя)—говорилось въ письмахъ, отправляемыхъ съ театра дѣйствій [1]),—работы союзниковъ идутъ худо. Русскія укрѣпленія до Малахова кургана весьма сильны, такъ что если мы необдуманно бросимся на нихъ, не можемъ причинить имъ вреда. Все, что мы портимъ, русскіе исправляютъ. Съ батарей, которыя мы нынѣ сбиваемъ, на другой день огонь становится сильнѣе. Вотъ чему надо приписать замедленіе въ штурмѣ. Штурмъ есть вещь совершенно невозможная; надо одолѣть русскія укрѣпленія орудіями и понемногу минами; посредствомъ сапы достигнуть до крѣпости, не прибѣгая къ опасному и отчаянному средству штурма“.

Поддерживая мнѣніе противниковъ атаки открытою силою, Канроберъ успѣлъ уговорить членовъ совѣта отложить штурмъ Севастополя до прибытія подкрѣпленій, часть которыхъ, именно сардинцы (въ составѣ двухъ дивизій и одной бригады численностью въ 15.000 человѣкъ), начала уже высаживаться въ Балаклавѣ съ 26-го апрѣля.

Удовлетворяя желанію главнокомандующаго французскою арміею, но скучая бездѣйствіемъ, лордъ Рагланъ и въ особенности адмиралы Лайонсъ и Брюа предложили произвести въ этотъ промежутокъ времени экспедицію въ Керчь. Скромная роль перевозчиковъ грузовъ не нравилась адмираламъ союзнаго флота, и они настаивали, чтобы флотъ былъ допущенъ къ участію въ военныхъ операціяхъ.

— Надо,—говорилъ лордъ Рагланъ,—воспользоваться временемъ, остающимся до прибытія резервовъ, чтобы совершить движеніе къ Керчи и Еникале, отдѣлить Азію отъ Европы и отнять у русскихъ средства снабжать свою армію припасами, которые они получаютъ по Азовскому морю. Дѣломъ этимъ тѣмъ болѣе необходимо спѣшить, что русскіе заграждаютъ проходъ, и каждый день промедленія удваиваетъ для насъ трудности и уменьшаетъ благопріятныя случайности для такого предпріятія.

---

[1]) Въ письмахъ отъ 14-го (26-го) апрѣля и 21-го апрѣля (3-го мая) 1855 г.

Получивши согласіе лорда Раглана отложить штурмъ, Канроберъ принужденъ былъ, на этотъ разъ, для поддержанія дружелюбныхъ отношеній, самъ сдѣлать уступку, и экспедиція въ Керчь была рѣшена. 20-го апрѣля экспедиціонная эскадра оставила Камышевую бухту, имѣя на судахъ по одной французской и англійской дивизіи, съ отрядомъ турецкихъ войскъ. Французскія войска состояли подъ начальствомъ генерала Отемарра, а англійскими командовалъ генералъ Броунъ, который, какъ старшій въ чинѣ, былъ начальникомъ всей экспедиціи. Чтобы лучше скрыть свое намѣреніе, эскадра двинулась сначала по направленію къ Одессѣ, а затѣмъ, съ наступленіемъ ночи, перемѣнила направленіе и отправилась къ мѣсту назначенія. Въ Севастополѣ не могли прослѣдить за движеніемъ непріятельской флотиліи и долгое время оставались въ недоумѣніи, куда направился дессантъ.

„Отплытіе непріятельскаго флота съ дессантомъ для меня загадка,—писалъ князь Горчаковъ [1]).—Судя и по дѣйствіямъ осаждающихъ, и по общему соображенію настоящаго положенія дѣлъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода полагать, что союзники намѣрены отказаться отъ Севастополя. Кажется всего вѣроятнѣе, что, видя съ одной стороны упорство нашей обороны, а съ другой ожидая подкрѣпленія изъ Константинополя, они рѣшились, оставя здѣсь около 90.000, диверсіею отъ Ѳеодосіи, Керчи, Азовскаго моря или отъ Евпаторіи, оттянуть меня отсюда и потомъ нанести Севастополю конечный ударъ“.

Главнокомандующій ошибся въ своихъ предположеніяхъ, и ударъ этотъ еще не насталъ.

Появившись въ виду Керчи, эскадра, готовая уже къ дѣйствію, была остановлена посланнымъ Канробера. Поводомъ къ тому послужила полученная главнокомандующимъ депеша императора, не допускавшая никакихъ уклоненій. „Съ полученія сего,—писалъ Наполеонъ,—соедините всѣ ваши средства, чтобы быть готовымъ атаковать непріятеля внѣ Севастополя, сосредоточьте всѣ ваши войска, не исключая и находящихся въ Маслакѣ“.

Сообщивши лорду Раглану приказаніе императора, Канроберъ отказался исполнить Керченскую экспедицію и, несмотря на настоянія

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 24-го апрѣля.

англійскаго главнокомандующаго, призналъ необходимымъ возвратить французскія войска. Въ тотъ же день ординарецъ Канробера, лейтенантъ Мартенъ, полетѣлъ на легкомъ пароходѣ отыскивать эскадру и, найдя ее у Керченскаго пролива, сообщилъ адмиралу Брюа приказаніе главнокомандующаго возвратиться въ Камышевую бухту. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ посланный и лорда Раглана, привезшій точно такое же приказаніе адмиралу Лайонсу. Распоряженіе это, встрѣченное всеобщимъ неудовольствіемъ, поселило непримиримую вражду между двумя главнокомандующими, и съ этого дня между Канроберомъ и лордомъ Рагланомъ не существовало уже ни согласія, ни единства дѣйствій.

Отсутствіе взаимодѣйствія могло весьма дурно повліять на союзную армію, и вся надежда была на скорое прибытіе императора, который одинъ былъ въ состояніи поправить дѣла, устранить возникшія недоразумѣнія и сосредоточить въ своемъ лицѣ распоряженіе четырьмя союзными арміями. Но обстоятельства не благопріятствовали въ это время союзникамъ, и скоро получено было извѣстіе, что политическія соображенія заставляютъ Наполеона оставаться въ Парижѣ.

Отказавшись такимъ образомъ отъ поѣздки въ Крымъ, императоръ не отказывался быть руководителемъ дѣйствій и отправилъ Канроберу свой планъ кампаніи, съ приказаніемъ привести его въ исполненіе. По мнѣнію Наполеона, былъ ли успѣшенъ или неуспѣшенъ огонь осадныхъ батарей въ послѣднее бомбардированіе, союзная армія должна была во всякомъ случаѣ выйти изъ оборонительнаго положенія, въ которомъ находилась въ теченіе шести мѣсяцевъ. Для этого онъ предлагалъ раздѣлить всѣ войска на три арміи: одну оставить для осады, а двѣ для дѣйствій въ полѣ. Первая, силою въ 60.000 человѣкъ [1]), должна охранять Камышъ и блокировать Севастополь, вторая, имѣя около 55.000 человѣкъ [2]), дѣйствовать въ недальнемъ разстояніи отъ Балаклавы и въ случаѣ нужды овладѣть Мекензіевыми высотами, и, наконецъ, третья, силою въ 65.000 человѣкъ [3]), должна произвести диверсію.

---

[1]) Въ составъ этой арміи предполагалось назначить: 30.000 французовъ, 30.000 турокъ и 10.000 нестроевыхъ.

[2]) Въ томъ числѣ 25.000 англичанъ, 15.000 сардинцевъ, 5.000 французовъ и 10.000 турокъ.

[3]) Для этой арміи предполагалось взять 40.000 французовъ изъ войскъ подъ Севастополемъ и 25.000 французскихъ резервовъ изъ Константинополя.

„Если русскіе—писалъ Наполеонъ [1]),—имѣютъ, какъ я полагаю, 35.000 въ Севастополѣ, 15.000 у Евпаторіи и 70.000 между Симферополемъ, Бельбекомъ и Черной рѣчкой, то будетъ достаточно 60.000 человѣкъ, чтобы разбить ихъ армію, которую должно атаковать внезапно и зайти въ тылъ, прежде чѣмъ она успѣетъ сосредоточить всѣ свои войска. Если бы русскіе даже успѣли это сдѣлать, то мы будемъ почти въ равномъ съ ними числѣ; ибо не должно забывать одного изъ главныхъ стратегическихъ правилъ, что, если армія дѣлаетъ диверсію, на большомъ разстояніи отъ основанія своихъ дѣйствій, то войска, употребленныя для этой диверсіи, должны быть въ достаточномъ числѣ, чтобы сами по себѣ были въ состояніи сопротивляться непріятельской арміи, даже и въ томъ случаѣ, если она сосредоточитъ противъ нихъ всѣ свои силы".

На основаніи такихъ соображеній, предлагалось осадную армію поручить генералу Пелисье и возложить на его обязанность продолженіе и охраненіе осадныхъ работъ, а также защиту лагеря и портовъ. Первую операціонную армію подъ начальствомъ лорда Раглана думали направить въ Байдарскую долину и, выдвинувъ передовые отряды на довольно значительное разстояніе, угрожать нашему лѣвому флангу и сообщеніямъ между Симферополемъ и Севастополемъ. Наконецъ, вторая операціонная армія, подъ личнымъ начальствомъ Канробера, направившись по дорогѣ къ Алуштѣ и присоединивъ къ себѣ 25.000 резервныхъ войскъ изъ Константинополя, должна была наступать изъ этого пункта къ Симферополю, въ тылъ русской арміи.

Если бы князь Горчаковъ, желая защищать свои центральные запасы, вздумалъ принять бой около Симферополя, тогда лордъ Рагланъ, наступая на Бахчисарай, долженъ былъ угрожать нашему правому флангу и тылу. Но если бы князь Горчаковъ сосредоточилъ свои силы у Севастополя, тогда Канроберъ направляется на Бахчисарай, а лордъ Рагланъ, съ началомъ атаки, поднимается на Инкерманскія высоты и, принявъ участіе въ битвѣ, содѣйствуетъ пораженію русскихъ.

Когда Фаве, ординарецъ Наполеона, привезъ въ союзный лагерь планъ кампаніи, тогда согласіе между главнокомандующими было давно нарушено, и Канроберъ встрѣтилъ большое затрудненіе относительно приве-

---

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt. T. II, 269.

денія въ исполненіе желаній императора. „Трое главнокомандующихъ,— доносилъ онъ,—будутъ призваны для рѣшенія наступательныхъ дѣйствій противъ вспомогательной русской арміи; предметами этихъ дѣйствій Симферополь и Бахчисарай. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ я не могу не сожалѣть, что мы не имѣемъ генералиссимуса,—человѣка, уполномоченнаго высшею властью и имѣющаго достаточную опытность, чтобы надъ всѣми господствовать“.

Обязанный сообщить волю императора остальнымъ главнокомандующимъ, Канроберъ не разсчитывалъ на ихъ согласіе. Лордъ Рагланъ не одобрялъ плана кампаніи, составленнаго въ Парижѣ, и, подобно Омерупашѣ, предпочиталъ наступленіе со стороны Евпаторіи. Точность и опредѣленность инструкціи, полученной французскимъ главнокомандующимъ, не дозволяла ему согласиться на дѣйствія въ этомъ направленіи, ибо, по словамъ Наполеона, армія, двигающаяся изъ Евпаторіи, не имѣла бы ни операціонной линіи, ни обезпеченныхъ фланговъ, ни безопаснаго отступленія и выгодной позиціи для сраженія, ни, наконецъ, средствъ къ пропитанію. Рѣшившись настаивать на своемъ, но дѣлая видъ, что согласенъ съ послѣдними доводами своего союзника, лордъ Рагланъ возбудилъ вопросъ о направленіи движенія. Дорога на Алушту ему казалась болѣе опасною, чѣмъ изъ Байдаръ въ Бахчисарай, и онъ предлагалъ наступать въ этомъ направленіи. На всѣ возраженія англійскій главнокомандующій отвѣчалъ молчаніемъ, въ которомъ замѣтно было желаніе уклониться отъ спора, а не убѣжденіе въ справедливости возраженій. Такимъ образомъ совѣщанія не приводили ни къ какимъ результатамъ; время уходило, и Канроберъ былъ готовъ пожертвовать личнымъ положеніемъ, чтобы добиться чего-нибудь опредѣленнаго. Онъ предложилъ лорду Раглану, принявши на себя званіе старшаго главнокомандующаго, распоряжаться дѣйствіями, и просилъ Омера-пашу последовать его примѣру. Лордъ Рагланъ былъ пораженъ подобнымъ предложеніемъ и, считая весьма неудобнымъ принимать на себя отвѣтственность, долго отказывался, но потомъ согласился съ страннымъ условіемъ, чтобы французы заняли и защищали англійскія траншеи.

„Согласиться на такое предложеніе,—говоритъ Базанкуръ,—было нельзя, потому, что, для охраненія однѣхъ нашихъ громадныхъ траншей, уже требовалось ежедневно большое число войскъ, съ увеличеніемъ котораго стали бы возрастать и наши потери и безъ того уже чувстви-

тельныя. Англійскія траншеи могли быть охраняемы только англичанами: каждый долженъ былъ отвѣчать за свое, а потому генералъ Канроберъ отказался исполнить требованіе лорда Раглана".

Отказъ этотъ еще болѣе усилилъ взаимную вражду, и положеніе французскаго главнокомандующаго, поставленнаго въ невозможность исполнить желаніе императора, сдѣлалось невыносимымъ. Сознавая, что успѣхъ дѣйствій союзниковъ возможенъ только при взаимномъ согласіи и единодушіи, Канроберъ рѣшился пожертвовать собой и сложить съ себя столь тяжелое для него званіе.

Въ десять часовъ утра 4-го (16-го) мая онъ отправилъ военному министру депешу, въ которой просилъ, по разстроенному здоровью, уволить его отъ званія главнокомандующаго. „Обязанности къ престолу и отечеству,—прибавлялъ Канроберъ,—принуждаютъ меня просить дозволенія передать это званіе генералу Пелисье, генералу способному и весьма опытному. Армія, которую я передамъ ему, освоена съ войною, неутомима и воодушевлена. Прошу императора позволить мнѣ остаться только во главѣ дивизіи".

Не желая скрывать истинныхъ причинъ, побудившихъ его къ такой просьбѣ, Канроберъ, въ письмахъ Наполеону и военному министру, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и черезъ два дня получилъ отвѣтъ, удовлетворившій его желанію. „Императоръ,—было сказано въ депешѣ,—согласился на вашу просьбу, жалѣетъ, что ваше здоровье такъ разстроено, и благодаритъ васъ за чувства, внушившія вамъ желаніе остаться при арміи. Вы назначаетесь не командиромъ дивизіи, а корпуса генерала Пелисье, которому передайте званіе главнокомандующаго".

Канроберъ отказался отъ принятія корпуса и 7-го (19-го) мая сталъ во главѣ своей прежней дивизіи.

„Солдаты!—писалъ новый главнокомандующій—моя довѣренность къ вамъ безпредѣльна. Послѣ многихъ испытаній и столькихъ благородныхъ жертвъ нѣтъ ничего невозможнаго для вашей храбрости. Вы знаете, чего ожидаютъ отъ васъ императоръ и отечество. Оставайтесь тѣмъ же, чѣмъ были до сихъ поръ, и тогда, благодаря вашей энергіи, при содѣйствіи нашихъ доблестныхъ союзниковъ, при мужествѣ храбрыхъ моряковъ нашихъ эскадръ и съ помощію Бога—мы побѣдимъ [1])".

---

[1]) Базанкуръ, т. II, 282.

Отдавъ приказъ, Пелисье въ тотъ же день видѣлся съ лордомъ Рагланомъ, котораго и успѣлъ расположить въ свою пользу. Оказывая должное уваженіе союзнымъ главнокомандующимъ и часто совѣтуясь съ ними, онъ съумѣлъ поставить себя такъ, что скоро всѣ признали въ немъ, если не по названію, то на дѣлѣ, главнокомандующаго всѣми союзными арміями. Рѣшительный и энергическій характеръ Пелисье скоро отразился на войскахъ, и среди союзниковъ стала замѣтна усиленная дѣятельность. Недоумѣнію Конробера онъ противопоставилъ ясно сознанную цѣль, нерѣшительности—смѣлость и энергію, а слабости—настойчивость въ достиженіи цѣли и умѣнье пользоваться обстоятельствами.

На первомъ же совѣтѣ главнокомандующихъ было рѣшено продолжать осаду съ упорствомъ; главную атаку вести противъ Малахова кургана и, стѣсняя подступами Городскую часть, въ то же время отправить безотлагательно экспедицію въ Азовское море. Развернувши линію обсерваціонной арміи и угрожая лѣвому флангу нашей арміи, союзники рѣшили для лучшаго обезпеченія своихъ дѣйствій, поспѣшить окончаніемъ укрѣпленій у Камышевой и Казачьей бухтъ.

7-го мая Пелисье вступилъ въ званіе главнокомандующаго, а 13-го мая всѣ эти предположенія приводились уже въ исполненіе. Въ это время большая часть подкрѣпленій прибыла къ союзникамъ, и численность ихъ армій, включая турокъ и сардинцевъ, по свидѣтельству Оже, простиралась до 200.000 человѣкъ. Собственно французская армія состояла изъ 4.020 офицеровъ и 96.406 человѣкъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ строю, и 171 офицера и 19.499 нижнихъ чиновъ такъ называемыхъ indisponibles, или находящихся внѣ строя. Первою заботою новаго главнокомандующаго было переформировать свою армію сообразно съ предстоящею ей дѣятельностію. Предположивъ овладѣть Севастополемъ, ведя главную атаку черезъ Камчатскій люнетъ на Малаховъ курганъ, Пелисье приказалъ усилить батареи противъ Корабельной стороны и раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на три корпуса: два дѣйствующихъ и одинъ резервный.

Назначенный для атаки Городской стороны корпусъ де-Салля, имѣя въ наличности 1.046 офицеровъ и 25.090 нижнихъ чиновъ,

состоялъ изъ четырехъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской [1]). Корпусъ Боске предназначался для осады Корабельной стороны, и, имѣя въ наличности 1.536 офицеровъ и 36.055 нижнихъ чиновъ, былъ составленъ изъ пяти пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской [2]). Наконецъ резервный корпусъ Реньо д'Анжели имѣлъ въ строю 981 офицера и 24.318 нижнихъ чиновъ и состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ, одной гвардейской дивизій и кавалерійской бригады [3]). За тѣмъ при главной квартирѣ состояло 189 офицеровъ и 2.433 человѣка нижнихъ чиновъ и наконецъ въ инженерныхъ войскахъ находилось 85 офицеровъ и 1.916 нижнихъ чиновъ.

Почти одновременно съ переформированіемъ французской арміи происходило и переформированіе нашей.

Мы видѣли, что вслѣдствіе значительной потери, понесенной нашими войсками, въ теченіе продолжительной обороны города, князь Горчаковъ, еще 19-го апрѣля, поручилъ начальнику гарнизона гр. Остенъ-Сакену приступить къ переформированію полковъ въ уменьшенный составъ. При этомъ рѣшено было всѣ тѣ полки, которые имѣли налицо до 1.000 человѣкъ, переформировать въ составъ одного батальона, а имѣвшіе до 1.500 человѣкъ—въ двухъ-батальонный составъ. Къ 30-му апрѣля такое переформированіе было окончено: одиннадцать полковъ были приведены въ двухъ-батальонный составъ [4]), а изъ Волынскаго полка, пятыхъ и шестыхъ резервныхъ батальоновъ Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ сформировано по одному батальону.

---

[1]) Въ корпусѣ де-Салля состояло 16 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ полка, 4 стрѣлковыхъ батальона и 9 пѣшихъ батарей.

[2]) Въ корпусѣ Боске было 21 пѣхотный и 4 кавалерійскихъ полка, 5 стрѣлковыхъ батальоновъ и 10 пѣшихъ батарей.

[3]) Здѣсь состояло: 12 пѣхотныхъ и 2 кирасирскихъ полка, 3 стрѣлковыхъ батальона, 1 батальонъ гвардейскихъ зуавовъ, 3 инженерныхъ роты и 4 пѣшихъ батареи.

[4]) Полки эти были: 10-й пѣхотной дивизіи: Екатеринбургскій и Колыванскій; 11-й дивизіи—Селенгинскій, Якутскій, Охотскій, Камчатскій, 14-й дивизіи—Минскій и 16-й дивизіи—Владимірскій, Суздальскій, Углицкій, и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Оставшіяся отъ уменьшенія батальоновъ знамена были отправлены въ общій вагенбургъ на р. Салгирѣ. Отношеніе князя Горчакова военному министру 30-го апрѣля № 6712.

Съ прибытіемъ въ концѣ апрѣля 6-й и 9-й пѣхотныхъ дивизій въ войскахъ Крымской арміи, къ первому числу мая мѣсяца, находилось 153 батальона, 108 эскадроновъ, $85^1/_2$ сотенъ, $11^1/_2$ конныхъ и $35^1/_2$ пѣшихъ батарей.

Во всѣхъ этихъ частяхъ состояло на лицо:

Въ пѣхотѣ	—2.478 офиц.,	113.155 стр. и	6.569	нестр.	ниж.	чин.
Въ кавалеріи	— 782 „	24.850 „	1.224	„	„	„
Въ артиллеріи	— 310 „	10.361 „	1.417	„	„	„

Такимъ образомъ въ распоряженіи князя Горчакова находилось всего 3.570 офицеровъ и 157.576 человѣкъ нижнихъ чиновъ [1]).

Войска эти, кромѣ находившихся въ составѣ Севастопольскаго гарнизона, раздѣлялись на пять дѣйствующихъ отдѣловъ и резервъ. Дѣйствующія войска составляли:

Евпаторійскій отрядъ (8 батальоновъ, 64 эскадрона, 22 сотни и 70 орудій) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Врангеля. Расположенный на пространствѣ между Тарханъ-Кутомъ и р. Алмой, отрядъ этотъ имѣлъ назначеніе наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ Евпаторію.

Бельбекскій отрядъ (1 батальонъ, 2 эскадрона, 3 сотни и 8 орудій пѣшей артиллеріи), подъ командою генералъ-маіора Краснова, наблюдалъ за всѣмъ прибрежьемъ, начиная отъ устья р. Алмы до Сѣвернаго укрѣпленія Севастополя.

Войска, расположенныя на Сѣверной сторонѣ Севастополя (7 батальоновъ, одна сотня и 8 орудій) подъ начальствомъ генералъ-маіора Тетеревникова.

Инкерманскій отрядъ ($16^1/_4$ батальоновъ, 3 сотни и 34 орудія), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди, занималъ позицію на Инкерманскихъ высотахъ между Сухарной балкой и Мекензіевой горой.

На Мекензіевой горѣ находился отрядъ генерала-отъ-инфантеріи князя П. Д. Горчакова ($25^3/_4$ батальона, 6 эскадроновъ [2]), 16 сотенъ и 38 орудій). Имѣя цѣлью оберегать все пространство отъ Мекензіевой

---

[1]) Строевые рапорты 30-го апрѣля и 1-го мая. См. приложеніе № 33-й.

[2]) Изъ этого числа 4 эскадрона находились въ Бахчисараѣ.

горы, вдоль южнаго берега до Алушты, князь Горчаковъ имѣлъ часть казаковъ въ Байдарской долинѣ и передовой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Корвинъ-Красинскаго, въ селеніи Чоргунѣ. Аванпосты отъ этого послѣдняго отряда были расположены на высотахъ, лежащихъ по лѣвому берегу рѣки Черной.

Резервомъ для всѣхъ пяти дѣйствующихъ отрядовъ служили войска, находившіяся подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Реада. Они были расположены въ Бахчисараѣ, Симферополѣ и ихъ окрестностяхъ. Въ Бахчисараѣ находилось 17 батальоновъ и 68 орудій [1]), а въ Симферополѣ—20 эскадроновъ и 68 орудій.

Восточная часть Крыма, состоявшая изъ Керченскаго полуострова съ прилегающею къ нему территоріею къ Западу до Судакской долины и рѣки Андалъ, была поручена охраненію особаго отряда ($7^1/_2$ батальоновъ, 8 эскадроновъ, 16 сотенъ и 20 орудій), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Врангеля [2]).

Всѣ эти отряды, имѣя цѣлью охраненіе фланговъ и тыла войскъ, находившихся у Севастополя и въ составѣ его гарнизона, не могли быть тронуты съ мѣста. Въ распоряженіи главнокомандующаго находилось, слѣдовательно, лишь самое незначительное число войскъ, которыми онъ могъ располагать только для пополненія гарнизона, несшаго огромныя потери.

„Le tableau n'est pas riant,—писалъ князь Горчаковъ [3]),—et il est dur de penser que c'est moi qui suis appelé a être le bouc émissaire, d'une position, que je n'ai pas créée. Je prends acte de la promesse que vous m'avez faite d'être juste envers moi si les circonstances continuent à s'aggraver [4])“.

---

[1]) Изъ этого числа 16 орудій двухъ донскихъ батарейной № 3-го и конно-легкой № 3-го батарей, подъ командою флигель-адъютанта князя Оболенскаго, были расположены въ селеніяхъ Топчи-Кой и Ахтачи на р. Качѣ. Они имѣли приказаніе, въ случаѣ высадки непріятеля въ устьѣ этой рѣки, спѣшить туда для противодѣйствія такой попыткѣ.

[2]) Предписаніе главнокомандующаго генералу Реаду отъ 21-го апрѣля.

[3]) Въ письмѣ военному министру князю Долгорукову отъ 24-го апрѣля.

[4]) «Картина не радостная, и тяжело думать, что я козелъ отпущенія въ положеніи, которое не я создалъ. Я полагаюсь на данное вами слово быть ко мнѣ справедливымъ, если обстоятельства будутъ продолжать ухудшаться».

О наступательныхъ дѣйствіяхъ нечего уже было думать тогда, когда силы осаждающаго значительно превышали силы обороняющагося, и на сторонѣ атакующаго было то преимущество, что онъ могъ сосредоточивать ихъ по своему произволу. Овладѣвши однимъ изъ пунктовъ оборонительной линіи, англо-французы овладѣвали всѣмъ городомъ, гарнизонъ котораго не имѣлъ отступленія. Положеніе защитниковъ было бы тогда весьма критическимъ, а между тѣмъ оно было возможно, въ виду той близости, въ которой находились траншеи непріятеля отъ нашихъ укрѣпленій.

Вся цѣль, все вниманіе главнокомандующаго сосредоточивалось теперь на одной только оборонѣ города, но и при этомъ, весьма ограниченномъ кругѣ дѣятельности князь Горчаковъ все-таки не предвидѣлъ успѣха. „L'Empereur,—писалъ военный министръ князю Михаилу Дмитріевичу [1]),—est pénétré et très-préoccupé de la difficulté de votre position qui en réalité est très-grave. Il voudrait vous venir en aide, mais vous savez vous-même si après la quantité de bataillons qui a passé en Crimée, il est encore possible de les augmenter à cette heure. Notre grand espoir repose en Dieu, dans vos talens et dans l'héroïsme de nos troupes. Si les alliés tentents contre Sévastopol un assaut, nous pouvons en tirer un parti favorable; s'ils ne le tentent pas, vous devez comme de raison deviner leurs intentions et faire vos dispositions en conséquence [2])“.

Численное превосходство непріятеля и средства его для бомбардированія города были столь огромны, что объ успѣхѣ помышлять было почти не возможно, и главнокомандующій полагалъ, что, съ открытіемъ огня осадныхъ батарей, защита не продержится болѣе двухъ, а много трехъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го мая 1855 г.

[2]) Императоръ проникнутъ и очень озабоченъ затруднительностью вашего положенія, которое на самомъ дѣлѣ очень опасно. Онъ хотѣлъ бы вамъ помочь, но вы знаете сами, что бо̀льшаго числа батальоновъ, которые пошли въ Крымъ, еще увеличить въ настоящее время не возможно. Наша надежда на Бога, на ваши таланты и на геройство нашихъ войскъ. Если союзники предпримутъ противъ Севастополя штурмъ, мы можемъ извлечь изъ него выгоду. Если же они его не предпримутъ, вы должны конечно предъугадать ихъ намѣреніе и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

дней; что послѣ этого срока мы не будемъ имѣть орудій, и штурмъ для союзниковъ будетъ дѣломъ не рискованнымъ и вполнѣ безопаснымъ. Мысль объ оставленіи Севастополя являлась естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ, но князь Горчаковъ не рѣшился привести ее въ исполненіе, опасаясь отвѣтственности передъ Государемъ и Отечествомъ. Доходившіе до него слухи и даже письма заставляли предполагать, что въ будущемъ его ожидаетъ обвиненіе въ бездѣятельности, въ недостаткѣ энергіи и наконецъ въ томъ, что онъ не испыталъ всѣхъ средствъ, которыя были въ его распоряженіи [1]). Съ горькимъ сознаніемъ несправедливости укора, князь Горчаковъ рѣшился испить чашу до дна и принести себя въ жертву.

Сознавая, однако же, что безъ усиленія боевыхъ средствъ жертва эта будетъ безполезна, онъ предлагалъ сдѣлать нѣкоторую уступку въ требованіяхъ вѣнской конференціи, чтобы тѣмъ отнять у Австріи предлогъ къ враждебнымъ замысламъ противъ Россіи и имѣть возможность освободить сосредоточенныя противъ этой державы войска, столь нужныя для защиты Севастополя и всего Крыма. Судя по характеру, который принимали дѣла на полуостровѣ, ни для кого не было уже тайною, что западныя державы направили всѣ свои средства и дѣятельность исключительно на этотъ пунктъ и что въ овладѣніи Севастополемъ онѣ видѣли удовлетвореніе своему самолюбію и нѣкоторое вознагражденіе за огромную потерю людей, денежныхъ средствъ и слишкомъ долгихъ усилій.

Какимъ же образомъ можно было воспрепятствовать этимъ усиліямъ? По мнѣнію главнокомандующаго, въ его рукахъ было только одно средство, а именно, подготовить оборону такъ, чтобы съ открытіемъ новаго усиленнаго бомбардированія непріятель не имѣлъ слишкомъ большаго превосходства огня и не могъ дѣйствовать по нашимъ веркамъ днемъ и ночью. Чтобы достигнуть этого, необходимо было наносить наибольшее пораженіе его батареямъ и орудіямъ, а слѣдовательно усилить наше вооруженіе, надъ которымъ трудился день и ночь почти весь гарнизонъ, подъ выстрѣлами непріятеля.

„Неутомимостію,—писалъ князь Горчаковъ [2]),—геройскимъ духомъ

---

[1]) См. приложеніе № 34-й.

[2]) Во всеподд. донесеніи отъ 30-го апрѣля.

своимъ, люди продолжаютъ радовать и удивлять меня. Это тѣмъ болѣе достойно похвалы, что въ послѣднее время они лишились огромнаго числа самыхъ лучшихъ штабъ и оберъ-офицеровъ своихъ. Они совершенно закалены для теперешняго рода войны. Надѣюсь, что и въ полѣ они будутъ также хороши, хотя впрочемъ тамъ родъ дѣйствій будетъ иной, къ которому они менѣе пріобыкли, и при томъ превосходство непріятельскаго оружія поставитъ ихъ въ сравни тельно не выгодное положеніе“.

Въ полевомъ сраженіи конечно всѣ выгоды были на сторонѣ противника: онъ былъ многочисленъ и лучше вооруженъ, тогда какъ мы имѣли весьма ограниченное число нарѣзнаго оружія.

— Будемъ, однакоже, отбиваться какъ можемъ,—говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ и употребимъ все, чтобы по крайней мѣрѣ честь русскаго оружія не была помрачена. Положеніе наше дѣлается день отъ дня затруднительнѣе. Но кромѣ Бога помочь теперь этому никто не можетъ. Если союзники поступятъ благоразумно и вздумаютъ воспользоваться всѣми огромными выгодами своими, то мы потерпимъ большія неудачи. Вопросъ въ томъ, станетъ ли у нихъ на это ума и духа,—я постараюсь воспользоваться ихъ ошибками.

Такое положеніе дѣлъ въ Крыму и въ особенности подъ Севастополемъ крайне безпокоило Императора. Изыскивая средства помочь славнымъ защитникамъ и подкрѣпить князя Горчакова, онъ не имѣлъ ни одной свободной части войскъ, которая могла быть направлена въ Крымъ,—всѣ онѣ имѣли опредѣленное назначеніе, измѣнить которое было весьма опасно. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Государь рѣшился временно пожертвовать Бессарабіею и передать остатки Южной арміи Лидерса въ распоряженіе князя Михаила Дмитріевича.

„Отвѣчаю вамъ сегодня, любезный князь,—писалъ Императоръ князю Горчакову [1]),—на письмо ваше отъ 30-го апрѣля, привезенное племянникомъ вашимъ, котораго я назначилъ себѣ во флигель-адъютанты.

„Съ особеннымъ вниманіемъ прочелъ я также секретное письмо ваше къ военному министру.

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 8-го мая 1855 г.

„Къ сожалѣнію, я долженъ съ вами согласиться, что положеніе Севастополя и его геройскаго гарнизона съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе и болѣе опаснымъ, и что *помочь этому нѣтъ никакой возможности* [1]). Уповаю на одну милость Божію.

„Насчетъ отвѣтственности вашей предъ Россіею, если суждено Севастополю пасть—совѣсть ваша можетъ быть спокойна; вы наслѣдовали дѣла не въ блестящемъ положеніи, сдѣлали съ вашей стороны, для поправленія ошибокъ, все, что̀ было въ человѣческой возможности; войска подъ вашимъ начальствомъ покрыли себя новою славою, безпримѣрною въ военной исторіи, чего же больше? Прочее въ волѣ Божіей!

„Бросить теперь же Севастополь, не дождавшись штурма, хотя можетъ быть съ одной стороны и представляетъ нѣкоторыя выгоды, но съ другой оно столь затруднительно въ физическомъ исполненіи и въ моральномъ отношеніи можетъ имѣть столь пагубныя послѣдствія, что я радуюсь, что вы мысли этой не дали ходу.

„Если непріятель покусится, для овладѣнія Сѣверными укрѣпленіями, атаковать отрядъ брата вашего у Мекензи, то надѣюсь, ему не легко будетъ занять эту крѣпкую позицію. Равно надѣюсь на содѣйствіе вашей сильной кавалеріи, при наступленіи его отъ Евпаторіи.

„Всѣ предположенія ваши на этотъ случай я вполнѣ апробую и не сомнѣваюсь, что славныя войска наши и въ полѣ покажутъ себя такими же молодцами, какъ за стѣнами Севастополя.

„То, что̀ вы пишете военному министру насчетъ уступокъ съ нашей стороны при вѣнскихъ переговорахъ, для скорѣйшаго достиженія мира, нами уже сдѣлано, *поколику оно совмѣстно съ достоинствомъ Россіи*. На дальнѣйшія уступки я *ни подъ какимъ видомъ не соглашусь*, ибо вотъ уже второй годъ, что благодаря этой системѣ, вмѣсто того, чтобы удержать Австрію въ прежнемъ направленіи, она дѣлалась *все невоздержаннѣе въ своихъ требованіяхъ* и наконецъ почти совершенно передалась на сторону нашихъ враговъ. При всемъ томъ, видя теперь, что мы не боимся войны съ нею, я не полагаю, чтобы она рѣшилась открыто дѣйствовать противъ насъ.

„*Посему разрѣшаю вамъ, если вы признаете нужнымъ, пе-*

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

редвинуть часть Южной арміи къ Перекопу, или даже въ самый Крымъ. Рѣшаюсь на это въ томъ уваженіи, что лучше рисковать временно жертвовать Бессарабіею, чѣмъ потерять Крымскій полуостровъ, котораго обратное овладѣніе будетъ слишкомъ затруднительно, или даже невозможно.

„Если вы рѣшитесь притянуть къ себѣ большую часть войскъ генералъ-адъютанта Лидерса, то придется замѣнить ихъ изъ средней арміи; для этого запасная дивизія 4-го корпуса получила уже направленіе, сближающее ее съ южнымъ театромъ войны. Буду ожидать, на что вы рѣшитесь“.

Предоставляя князю Горчакову право распорядиться войсками Лидерса, Императоръ Александръ имѣлъ въ виду, что главнокомандующій, сообразуясь съ дѣйствіями непріятеля, лучше всякаго другаго могъ судить, въ какой мѣрѣ необходимо усилить войска Крымской арміи, а также опредѣлить, какія именно части скорѣе всего могутъ быть направлены въ Крымъ, чтобы поспѣть во-время. Цѣль, съ которою обѣ арміи, дѣйствовавшія на югѣ Россіи, подчинены были князю Горчакову, заключалась именно въ томъ, чтобы, въ случаѣ крайней надобности, онъ имѣлъ возможность безъ потери времени перемѣщать войска изъ одной части театра войны въ другую и подкрѣплять угрожаемые пункты въ минуту опасности.

Въ первое время, когда характеръ дѣятельности союзниковъ не опредѣлился еще окончательно и отношенія наши къ Австріи были крайне неопредѣленны, ослаблять до-нельзя Южную армію было дѣломъ весьма рискованнымъ. Но теперь, когда съ достовѣрностію можно было сказать, что вся дѣятельность англо-французовъ сосредоточивалась на полуостровѣ, и Австрія, не выказывая новыхъ враждебныхъ замысловъ, не подавала повода ожидать съ ея стороны скораго разрыва, Императоръ предоставилъ князю Горчакову распоряжаться по своему усмотрѣнію.

„Да поможетъ намъ Богъ,—писалъ Государь [1]),—отстоять Севастополь и отразить всѣ непріятельскія покушенія. Вы легко поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ буду я ожидать ваши донесенія, которыя, по вновь оконченному телеграфу до Николаева, могутъ до насъ доходить во вторыя сутки.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову, отъ 14-го мая.

„Лидерсъ прямо отсюда получилъ приказаніе сблизить свои войска къ Николаеву и Херсону, дабы въ случаѣ надобности быть ближе подать вамъ помощь.

„Войска, назначенныя въ составъ средней арміи, находятся всѣ въ слѣдованіи на Волынь. Часть изъ нихъ вѣроятно пойдетъ далѣе, для замѣны остатковъ Южной арміи, которые вы притянете къ себѣ.

„Надѣюсь, что австрійцы не помѣшаютъ намъ исполнить сего передвиженія. По послѣднимъ донесеніямъ графа Стакельберга, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для начатія важныхъ дѣйствій у нихъ не было замѣтно. Австрійскія новыя предложенія, о которыхъ такъ давно говорятъ, намъ еще не извѣстны; они должны быть представлены конференціи нанняхъ, но я путнаго ничего не ожидаю".

Какого бы рода предложенія эти ни были, во всякомъ случаѣ извѣстно было, что, прежде чѣмъ объявлять намъ войну, Австрія должна была употребить довольно значительное время на передвиженіе и окончательное формированіе своей арміи. Слѣдовательно, столкновеніе наше съ этою державою могло послѣдовать не такъ скоро, и князь Горчаковъ, считая свое положеніе опаснымъ, спѣшилъ направить въ Крымъ маршевые батальоны, изъ резервныхъ бригадъ 10-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій, а вслѣдъ за тѣмъ двинулъ форсированнымъ маршемъ не только 7-ю дѣйствующую, но 7-ю и 15-ю резервныя дивизіи.

Скорое прибытіе этихъ войскъ было крайне необходимо, въ виду значительнаго уменьшенія численности полковъ и потребности въ усиленіи состава Севастопольскаго гарнизона. Многіе полки были сильно разстроены потерями, другіе нуждались въ отдыхѣ, и главнокомандующій принужденъ былъ вывести на Сѣверную сторону города, для отдыха, Якутскій полкъ, а на усиленіе гарнизона переправить на Южную пять свѣжихъ полковъ [1]), двѣ батареи полевой артиллеріи [2]) и двѣ роты 3-го сапернаго батальона. Независимо отъ этого, для пополненія убыли въ прислугѣ при орудіяхъ, состоявшей до сихъ поръ преимущественно изъ моряковъ, пришлось размѣстить по батареямъ весь пятый резервный батальонъ Литовскаго полка,

---

[1]) Полки Муромскій, князя Варшавскаго, Азовскій, Подольскій и Житомірскій—всѣ въ четырехъ-батальономъ составѣ.

[2]) Легкая № 1-го батарея 10-й и легкая № 4-го батарея 14-й артиллерійскихъ бригадъ.

въ числѣ 532-хъ человѣкъ и 245 человѣкъ Охотскаго и Украинскаго полковъ. Люди эти, предварительно обученные дѣйствію изъ орудій, были переправлены на Южную сторону вмѣстѣ съ полками.

Весело, съ шутками и прибаутками встрѣчали уцѣлѣвшіе защитники Севастополя вновь прибывающіе полки. Въ Севастополѣ солдаты получали свѣжій печеный хлѣбъ, приготовляемый ежедневно въ особо устроенныхъ, въ ямахъ, печахъ. Напротивъ, войскамъ, расположеннымъ на Сѣверной и въ окрестностяхъ города, за недостаткомъ дровъ, принуждены были выдавать сухари. Отъ того печеный свѣжій хлѣбъ у солдатъ, стоявшихъ внѣ города, считался лакомствомъ. Эта разница въ продовольствіи и служила источникомъ остротъ и шутокъ, ходившихъ между солдатами.

Новые полки переправляются черезъ бухту въ Севастополь; на берегу множество зѣвакъ встрѣчаютъ ихъ.

— Что, братцы, пожаловали?—спрашиваютъ вновь прибывшихъ—аль печенаго хлѣбца захотѣлось?

— Ладно, ладно!—отвѣчаютъ они,—мы станемъ печенымъ пробавляться, а вы ступайте стирать зубы сухарями.

Переправившіеся полки размѣщались на наиболѣе важныхъ пунктахъ оборонительной линіи, гдѣ происходила въ это время самая усиленная дѣятельность.

Занятіе французами контръ-апрошей впереди редута Шварца (№ 1-го) могло имѣть для насъ весьма невыгодныя послѣдствія. Устроивъ въ нихъ демонтирныя батареи и владѣя мѣстностію, командующею надъ Городскимъ оврагомъ, французы могли нанести въ этомъ пунктѣ огромный вредъ нашимъ укрѣпленіямъ. Распространяя свои траншеи влѣво по Кладбищенской высотѣ, они могли окружить своими батареями пятый бастіонъ и два сосѣднія съ нимъ укрѣпленія: редутъ Шварца (№ 1-го) и люнетъ Бѣлкина (№ 7-го). Пользуясь выгодами охватывающаго положенія, непріятель имѣлъ возможность сосредоточить здѣсь значительно бо̀льшее число орудій, чѣмъ то, которое могъ противопоставить ему обороняющійся, и уничтожить артиллерійскую защиту значительной части оборонительной линіи. Французы могли обстрѣливать улицы города, прекратить сообщеніе его съ укрѣпленіями, отрѣзать четвертый и пятый

бастіоны и, подвинувшись впередъ своими подступами, штурмовать ихъ съ полнымъ вѣроятіемъ на успѣхъ.

Очевидно, что наибольшая опасность грозила Севастополю въ этомъ пунктѣ, и главнокомандующій пригласилъ къ себѣ, въ обѣденную пору 5-го мая, генералъ-лейтенанта Хрулева и объявилъ, что назначаетъ его начальникомъ войскъ Городской стороны. Прибывъ на мѣсто и познакомившись съ ходомъ дѣла, Хрулевъ, пользуясь указаніями генерала Тотлебена, пришелъ къ убѣжденію, что для того, чтобы подвинуть свои подступы, французамъ необходимо овладѣть сначала Кладбищенскою высотою, находившеюся впереди пятаго бастіона и противъ люнета Бѣлкина (№ 7-го). Пока Кладбищенская высота была въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ непріятель не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Такимъ образомъ вниманіе обѣихъ сторонъ сосредоточивалось на одномъ и томъ же пунктѣ: французы принуждены были употреблять всѣ усилія къ скорѣйшему овладѣнію высотою, тогда какъ Хрулевъ и Тотлебенъ намѣрены были отстаивать ее какъ можно упорнѣе.

Для противодѣйствія осаднымъ работамъ французовъ въ этомъ мѣстѣ, существовали, впереди оборонительной линіи, ложементы, устроенные обороняющимся еще зимою, но теперь не удовлетворявшіе своему назначенію. Предназначенные для небольшаго числа стрѣлковъ и не имѣвшіе помѣщенія для значительныхъ резервовъ, ложементы эти могли быть заняты французами безъ всякаго затрудненія, ибо находились ближе къ непріятелю, чѣмъ къ своимъ укрѣпленіямъ. Поэтому, чтобы удержать противника въ этомъ пунктѣ, по мнѣнію генераловъ Тотлебена и Хрулева, необходимо было, вдоль по скату горы, обращенной къ непріятелю, заложить, подъ охраною выстрѣловъ съ нашихъ укрѣпленій, траншею въ 200 саженъ длиною, приспособить ее къ артиллерійской и ружейной оборонѣ и соединить съ ложементами, расположенными правѣе надъ Карантинною бухтою. Цѣль этихъ работъ, кромѣ ружейной обороны впереди лежащей мѣстности и обстрѣливанія непріятельскихъ подступовъ, заключалась въ томъ, чтобы возлѣ Кладбища заложить батарею, для обстрѣливанія во флангъ всѣхъ работъ французовъ противъ пятаго бастіона.

Намѣреніе выдвинуться впередъ возбудило продолжительныя совѣщанія; главнокомандующій собралъ военный совѣтъ изъ высшихъ начальниковъ частей, и большинство высказалось за наступленіе отчасти и по-

*

тому, что выдвиженіе впередъ болѣе согласовалось съ нравственнымъ состояніемъ нашихъ войскъ, чѣмъ сидѣнье за укрѣпленіями и выжиданіе непріятеля. Князь Горчаковъ лично признавалъ это дѣло безполезнымъ и весьма рискованнымъ, но, уступая большинству, согласился съ мнѣніемъ совѣта и приказалъ въ ночь съ 9-го на 10-е мая приступить къ постройкѣ контръ-апрошей, съ тѣмъ, однако же, чтобы прекратить эту работу, лишь только окажется, что французы намѣрены упорно противиться нашимъ намѣреніямъ [1]).

Наканунѣ, начальникъ инженеровъ, генералъ Тотлебенъ, произвелъ разбивку траншеи и указалъ распредѣленіе рабочихъ. Для производства работъ и прикрытія рабочихъ, были назначены полки Подольскій, Эриванскій князя Варшавскаго (каждый по четыре батальона) и два батальона Житомірскаго полка—всего десять батальоновъ, въ которыхъ считалось около 5.500 штыковъ. Изъ нихъ девять батальоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Адлерберга, назначались для работъ у кладбища, а одинъ—2-й батальонъ Житомірскаго полка—у Карантинной бухты. Работы должны были производиться одновременно по всей линіи. Общее начальство надъ всѣми войсками поручено генералъ-лейтенанту Хрулеву.

Съ наступленіемъ ночи 9-го мая, осторожно и тихо вышли войска изъ-за укрѣпленій оборонительной линіи и, занявъ указанныя мѣста, приступили къ работѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ генерала Тотлебена. Впереди ихъ расположились охотники, собранные съ полковъ Великаго Князя Михаила Николаевича, Владимірскаго и изъ резервныхъ батальоновъ 13-й пѣхотной дивизіи; еще дальше охотниковъ, подкравшись какъ можно ближе къ непріятелю, залегли пластуны Черноморскаго казачьяго № 8-го батальона.

Рабочіе разставлены были такъ, что, въ случаѣ нападенія непріятеля, могли, оставивъ инструменты, встрѣтить его штыками.

Стояла тихая, туманная ночь; рѣдкіе выстрѣлы съ французскихъ батарей смѣшивалась съ шумомъ большаго числа непріятельскихъ рабочихъ, трудившихся въ своихъ траншеяхъ, не далѣе нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ вновь возводимой нами траншеи. По непріятельскимъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Горчакова отъ 12-го мая 1855 г.

работамъ всю ночь дѣйствовали пятый бастіонъ и сосѣдній съ нимъ люнетъ Бѣлкина.

Непріятель не препятствовалъ работамъ, и солдаты, какъ бы сознавая важность предпринимаемаго, трудились усиленно безъ отдыха. Между рабочими ходили офицеры; здѣсь же находились: генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, генералы Семякинъ, князь Васильчиковъ и нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, присланныхъ для ознакомленія съ мѣстностью.

Въ этомъ ночномъ, молчаливомъ предпріятіи было что-то величественное; всѣ приказанія отдавались шопотомъ. На бастіонахъ шла обычная перестрѣлка. Кое-гдѣ, въ туманной дали, мигала бомба, или грохотало дежурное орудіе, посылая невидимое ядро, а тамъ, въ сторонѣ, ближе къ четвертому бастіону, перекатной дробью раздавались выстрѣлы неугомонныхъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ ложементахъ.

По причинѣ каменистаго грунта, къ утру 10-го мая, траншея получила только весьма малое углубленіе [1]) и хотя къ сторонѣ непріятеля по всей длинѣ траншеи были поставлены туры, но траншея не представляла хорошаго прикрытія для людей. Составляя вмѣстѣ съ прежними ложементами протяженіе до 450 саженъ, она могла доставить лишь коекакое прикрытіе для двухъ батальоновъ пѣхоты.

Передъ разсвѣтомъ рабочіе, потерявшіе одного человѣка раненымъ, были отведены за оборонительную линію, а въ траншеяхъ оставлено только 70 стрѣлковъ. Оставить бо̀льшее число войскъ, для защиты постройки, не представлявшей достаточнаго закрытія, было бы дѣломъ безразсуднымъ,—значило отдать ихъ на жертву огня непріятельскихъ батарей и стрѣлковъ.

Утромъ, 10-го мая, французы открыли усиленную канонаду по вновь явившейся контръ-апроши, по 5-му бастіону и люнету Бѣлкина (№ 7-го). Послѣдніе отвѣчали частымъ огнемъ и, такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ завязалась самая оживленная канонада, продолжавшаяся въ теченіе цѣлаго дня. Къ вечеру огонь постепенно ослабѣлъ, и въ непріятельскихъ траншеяхъ было замѣтно скопленіе войскъ. По всему видно было, что французы приготовлялись или къ овладѣнію нашими работами, или, по

---

[1]) Отношеніе князя Горчакова военному министру 12-го мая. Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборникъ» 1861 г., № 1-й.

крайней мѣрѣ, къ посильной порчѣ ихъ. Люди опытные и привычные предвидѣли въ предстоящую ночь жаркое дѣло, и они не ошиблись.

Едва только утромъ 10-го мая въ союзномъ лагерѣ стало извѣстно, что русскіе заняли высоты Кладбищенскую и у Карантинной бухты, какъ главнокомандующій французскою арміею прибылъ на мѣсто, чтобы лично осмотрѣть эти работы. Пелисье тотчасъ же отдалъ приказаніе командиру 1-го корпуса, генералу де-Саллю, въ предстоящую ночь уничтожить работы русскихъ, если можно овладѣть ими, и обратить ихъ противъ непріятеля. де-Салль назначилъ для этой цѣли 12 батальоновъ, съ нѣсколькими ротами стрѣлковъ, и раздѣлилъ ихъ на двѣ колонны съ тѣмъ, чтобы произвести одновременно двѣ атаки: одну противъ ложементовъ у Карантинной бухты, а другую—противъ траншеи у Кладбища.

Для атаки послѣдней назначалась колонна генерала Ла-Мотружа, состоявшая изъ двухъ батальоновъ гвардейскихъ волтижеровъ, батальона 18-го, двухъ батальоновъ 28-го полковъ и лучшихъ ротъ 1-го полка иностраннаго легіона.

Атака ложементовъ у Карантинной бухты возложена на генерала Бёре, въ распоряженіе котораго поступили батальонъ 98-го полка, два батальона 2-го полка иностраннаго легіона и три роты стрѣлковаго батальона. Въ резервѣ, подъ начальствомъ самого де-Салля, было два батальона гвардейскихъ волтижеровъ, два батальона 80-го полка и три роты 9-го стрѣлковаго батальона [1]).

Наступалъ вечеръ; генералъ Хрулевъ приказалъ подкрѣпить штуцерныхъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ продолженію работъ. Въ это время большая часть осадныхъ батарей открыла самый жестокій огонь по правому флангу нашей оборонительной линіи, а вслѣдъ за тѣмъ секреты изъ охотниковъ Подольскаго полка донесли, что непріятель, въ своихъ траншеяхъ, противъ 5-го и 6-го бастіоновъ, собираетъ значительныя силы. Чтобы предупредить французовъ и не дозволить имъ занять наши траншеи, Хрулевъ поторопился выступленіемъ. Въ $9^1/_2$ часовъ вечера назначенныя для работъ и прикрытія войска стали выходить въ четырехъ мѣстахъ: изъ люнета Бѣлкина—Подольскій полкъ;

---

[1]) Guérin. «Histoire de la dernière guerre de Russie». Paris 1858, p. 206, 209.

изъ батареи Бутакова—четвертый, а въ калитку близъ каземата шестаго бастіона—третій и второй батальоны Эриванскаго князя Варшавскаго полка; черезъ ворота, ведущія къ батареѣ Шемякина, проходили первый батальонъ Эриванскаго и два батальона Житомірскаго полка, съ двумя горными единорогами [1]).

Непроницаемая темнота ночи спустилась надъ Севастополемъ. Дымъ отъ выстрѣловъ покрылъ весь промежутокъ земли между непріятельскими батареями и нашими бастіонами. Едва только Подольскій полкъ вышелъ изъ-за оборонительной линіи, какъ по всему протяженію траншей засверкали ружейные выстрѣлы, посыпались пули, послышались крики французовъ и наше русское „ура!“ По всѣмъ непріятельскимъ подступамъ заиграли рожки и сигнальныя трубы. Французы бросились на полуоконченныя траншеи, вытѣснили оттуда нашихъ стрѣлковъ и овладѣли ими, прежде чѣмъ войска, назначенныя для работъ, могли подоспѣть на помощь [2]).

Такимъ образомъ приходилось теперь не французамъ, а намъ выбивать непріятеля изъ своихъ траншей. Не теряя напрасно времени, генералъ Хрулевъ тотчасъ же двинулъ войска. Весь Подольскій полкъ и два батальона Эриванскаго князя Варшавскаго полка двинулись на Кладбищенскую высоту, а два батальона Житомірскаго и одинъ батальонъ князя Варшавскаго полковъ—противъ ложементовъ у Карантинной бухты. Лишь только показались наши колонны на Кладбищенской высотѣ, какъ гребень насыпи мгновенно вспыхнулъ, подобно молніи, и самый частый ружейный огонь засверкалъ навстрѣчу нашимъ войскамъ, освѣщая красныя шапочки французскихъ егерей, засѣвшихъ въ траншеяхъ. Разстояніе было такъ близко, что свиста пуль уже не было слышно, но видно было ихъ дѣйствіе: справа и слѣва падали товарищи. Минута была рѣшительная.

— Впередъ, братцы!—крикнулъ кто-то сзади, и солдаты врѣзались въ траншею.

Стремительнымъ ударомъ въ штыки французы были вытѣснены, собирались съ новыми силами и подготовляли себѣ успѣхъ артилле-

---

[1]) Рапортъ Семякина Хрулеву 11-го мая № 2228.

[2]) Григоровичъ. Воспоминанія о защитѣ Севастополя (рукоп.).

рійскимъ огнемъ своихъ батарей. Мѣстность передъ бастіонами праваго фланга горѣла безпрерывными вспышками орудійныхъ выстрѣловъ, которымъ вторила перекатная ружейная пальба. Множество снарядовъ, прицѣльныхъ и навѣсныхъ, мелькая огоньками горящихъ трубокъ и кружась въ высотѣ, летѣли въ наши и непріятельскія укрѣпленія. Французы, казалось, старались засыпать наши бастіоны и батареи ядрами и гранатами. Сосредоточивая огонь преимущественно противъ пятаго бастіона и батареи Шемякина, они нанесли имъ столь значительныя и серьезныя поврежденія, что бастіонъ могъ дѣйствовать весьма слабо, а батарея Шемякина принуждена была совершенно прекратить свой огонь.

Тогда французы вторично бросились въ атаку.

Борьба приняла широкіе размѣры; ложементы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сплошное облако пороховаго дыма, не отдѣляясь отъ земли, стояло неподвижно надъ головами сражающихся. Съ бастіоновъ и непріятельскихъ батарей гудѣла самая частая канонада; одинъ люнетъ Бѣлкина выпустилъ въ эту ночь до 3.000 снарядовъ. Противники соперничали другъ съ другомъ, направляя огонь преимущественно по войскамъ и ихъ резервамъ. Надъ головами сражавшихся взадъ и впередъ двигалась, съ ревомъ и гуломъ, чугунная туча, образовавшая надъ полемъ битвы цѣлый огненный сводъ. Красноватый свѣтъ выстрѣловъ по временамъ освѣщалъ мѣстность, по которой въ разныхъ направленіяхъ двигались носильщики съ ранеными и черные квадраты,— то были полки, свернувшіеся въ ротныя колонны. Подъ ногами безпрестанно попадались раненые и убитые; солдаты спотыкались и наступали на раненыхъ, вызывая болѣзненные стоны. Пораженные пулями, товарищи падали; ихъ крики и возгласы слышались повсюду.

— Прощайте, братцы!—говорилъ одинъ.

— Отцы родные, не покиньте!—кричалъ другой.

О помощи раненымъ нечего было и думать до окончанія сраженія. Теперь всѣ заняты были только тѣмъ, какъ бы отразить непріятеля, наступавшаго съ новыми силами.

— Ишь валитъ! совсѣмъ попятилъ подольцевъ,—говорили солдаты, двинутые изъ резервовъ.

Бѣглымъ шагомъ, съ ружьемъ наперевѣсъ, спѣшили наши колонны

на выручку своихъ. Офицеры, съ саблями наголо, были впереди и ободряли солдатъ, которые на-бѣгу крестились и тихо шептались между собою.

„Описывать всѣ ужасы этой ночи я не могу,—говорилъ одинъ изъ участниковъ боя,—потому что не разобралъ ничего; строились колонны, кричали „ура!“, командовали, наступали и отступали“.

Противъ лѣваго фланга нашихъ ложементовъ дрались французскіе гвардейцы. Будучи первый разъ въ огнѣ и желая сравняться съ прочими полками, уже обстрѣленными, они дрались упорно. Доставшіяся въ наши руки ихъ ружья были забиты грязью. Это объясняли тѣмъ, что гвардейцы положили не дѣлать ни одного выстрѣла, а сражаться только штыками. При такихъ условіяхъ борьба достигла до чрезвычайнаго разгара. Тѣснимые вновь прибывшими силами, наши полки были выбиты изъ траншей и отступили, потерявъ убитымъ командира 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Адлерберга. Онъ былъ убитъ, идя въ головѣ колонны, направленной противъ непріятеля. Находившійся на пятомъ бастіонѣ генералъ Тотлебенъ, какъ только узналъ о смерти генерала Адлерберга и объ отступленіи нашихъ войскъ, тотчасъ же двинулъ имъ на помощь четвертый батальонъ Эриванскаго полка, поручивъ вести его командиру 4-го саперқаго батальона полковнику Гарднеру. Подкрѣпивъ отступавшія войска и устроивъ ихъ, полковникъ Гарднеръ стремительнымъ ударомъ въ штыки отбросилъ непріятеля, при чемъ солдаты Подольскаго полка, преслѣдуя отступавшихъ, ворвались во французскую траншею и часть ея разорили.

Между тѣмъ генералъ Хрулевъ, желая окончательно удержать за собою Кладбищенскія траншеи и убѣдившись лично, что участвовавшіе полки понесли значительныя потери, часу въ третьемъ ночи двинулъ въ подкрѣпленіе имъ, на Кладбищенскую высоту, семь ротъ Углицкаго и два батальона Минскаго полковъ, всего около 1.600 человѣкъ. Лишь только батальоны эти появились на полѣ сраженія, какъ французы, поддержанные свѣжими войсками, еще разъ бросились въ атаку. Войска наши, встрѣтивъ наступающихъ грудью, упорно отстаивали траншею. Превосходство непріятельскаго оружія здѣсь не имѣло мѣста, ибо, за небольшими исключеніями, приходилось стрѣлять или на небольшомъ разстояніи, или въ упоръ. Въ траншеѣ выстрѣловъ не было слышно;

тамъ стучали приклады, звенѣли штыки, раздавались вопли, ожесточенные крики, крупная брань, и порою чувствовались брызги чьей-то теплой крови...

Обѣ стороны дрались съ отчаянною храбростью. Траншеи пять разъ переходили изъ рукъ въ руки. Полки: Подольскій, Эриванскій, Минскій и Углицкій соперничали между собою и работали штыкомъ съ такою настойчивостію, что непріятель принужденъ былъ ввести въ дѣло всѣ свои резервы и все-таки отступить. Наши одолѣли и погнали французовъ, при чемъ Углицкій полкъ кровью омылъ свою недавнюю неудачу, въ дѣлѣ 19-го апрѣля, и оказалъ чудеса храбрости. По пятамъ французовъ онъ ворвался въ ихъ траншею, перебилъ много народа, но за то и самъ понесъ значительную потерю. Не было ни одного офицера, который бы вышелъ изъ траншей невредимымъ, а изъ семи ротъ возвратилось здоровыхъ только 80 человѣкъ.

Передъ разсвѣтомъ бой прекратился; потерявши 78 офицеровъ и 1.724 человѣка нижнихъ чиновъ, французы отступили въ свои траншеи, а въ нашихъ у Кладбища оставлено было на день 150 человѣкъ стрѣлковъ [1]).

Въ то время когда Хрулевъ отправилъ на Кладбищенскую высоту послѣднія подкрѣпленія, у Карантинной бухты было уже все кончено. Два батальона Житомірскаго и одинъ князя Варшавскаго полковъ были вытѣснены французами. Три раза наши отбивали свои работы, но, подавленные многочисленностію непріятеля, должны были отступить. Французы заняли всю траншею, передѣлали ее въ свою пользу и къ разсвѣту 11-го мая связали ее съ своими подступами.

„Мы, русскіе,—писалъ Семякинъ [2]),—однимъ урокомъ не довольствуемся: надо два и три, такъ случилось и теперь. Грустно смотрѣть, что мы работали для нихъ (французовъ) и дали имъ возможность, безъ всякихъ работъ съ ихъ стороны, приблизиться къ намъ болѣе чѣмъ на 200 саженъ".

Обстоятельство это было тѣмъ болѣе грустно, что оно стоило намъ безъ всякой пользы огромныхъ потерь. У насъ выбыло изъ строя 76 штабъ и оберъ-офицеровъ, 2.439 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и сверхъ

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру отъ 12-го мая 1855 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 18-го мая. Сборникъ рукописей, т. III, 158.

того мы лишились генерала Адлерберга. Одинъ изъ двухъ сыновей этого генерала, служившихъ въ Эриванскомъ полку, не участвовавшій въ дѣлѣ, но отправившійся отыскивать тѣло отца, былъ также убитъ. Потерявши большую часть своихъ штабъ-офицеровъ, полки возвратились на оборонительную линію, гдѣ были встрѣчены радостными привѣтствіями. Несмотря на всеобщее утомленіе, солдаты отступали съ пѣснями, медленно, никѣмъ не тревожимые. Было уже свѣтло, когда войска отходили, двигаясь по мѣстности, обстрѣливаемой непріятельскими батареями, но французы не сдѣлали ни одного выстрѣла. Сражавшіеся съ уваженіемъ смотрѣли другъ на друга. Какъ русскіе, такъ и французы всегда были справедливы къ храбрости противника.

— Французъ хорошо дерется,—говорили обыкновенно наши солдаты, послѣ жаркаго боя.

Русскій солдатъ любитъ брать грудью, штыкъ предпочитаетъ всему и не охотникъ прятаться за камнемъ и оттуда, издалека, поражать непріятеля пулями.

„Поблагодарите отъ меня,—писалъ Государь князю Горчакову [1]),—нашихъ молодцовъ за ихъ геройскую защиту. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ вами. Сожалѣю весьма о смерти храбраго генерала Адлерберга и вообще о значительной потерѣ, но надѣюсь, что урокъ непріятелю былъ хорошій и, можетъ быть, отобьетъ у него охоту на штурмъ“.

Взошло солнце и освѣтило кровавую картину. Все пространство по обѣимъ сторонамъ траншеи было завалено тѣлами убитыхъ, но къ уборкѣ ихъ никто не приступалъ по причинѣ сильнаго артиллерійскаго огня съ обѣихъ сторонъ, продолжавшагося съ ранняго утра и до поздней ночи. Къ вечеру получено было свѣдѣніе, что французы стягиваютъ опять значительныя силы и, по всей вѣроятности, намѣрены снова атаковать Кладбищенскія траншеи. Предвидя большія потери въ случаѣ дальнѣйшаго отстаиванія работъ и не находя нужнымъ подвергать имъ войска безъ существенной и важной пользы, князь Горчаковъ, какъ мы видѣли, не намѣренъ былъ упорно бороться съ непріятелемъ въ этомъ пунктѣ. Поэтому для окончанія работъ подъ руководствомъ генерала

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 15-го мая 1855 г.

Тотлебена и охраненія ихъ, главнокомандующій приказалъ назначить только два батальона Житомірскаго полка, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ атаки непріятеля въ такихъ силахъ, которыя невозможно будетъ удержать двумъ батальонамъ; они отступили безъ боя, и въ такомъ случаѣ всѣ батареи, которыя могли только принять участіе, должны были открыть самый сильный огонь по наступающему непріятелю.

Вечеромъ 11-го мая, 3-й и 4-й батальоны Житомірскаго полка были выведены къ траншеямъ: одинъ батальонъ расположился въ нихъ цѣпью, другой сталъ въ резервѣ. Непріятель усилилъ огонь, а вслѣдъ за тѣмъ, около девяти часовъ вечера, двинулся въ атаку. На два батальона Житомірскаго полка направлены были подъ начальствомъ генерала Левальяна десять батальоновъ, раздѣленныхъ на пять колоннъ. Отстрѣливаясь, житомірцы отступили за оборонительную линію, и тогда съ нашихъ укрѣпленій открытъ былъ сильный ружейный и картечный огонь изъ орудій, предварительно наведенныхъ на Кладбищенскія траншеи. Огонь этотъ не прекращался до разсвѣта. Въ эту ночь мы лишились 9-ти офицеровъ и 485 человѣкъ нижнихъ чиновъ; потеря же непріятеля состояла изъ 24-хъ офицеровъ и 477-ми нижнихъ чиновъ.

Траншеи остались въ рукахъ непріятеля, и нашимъ войскамъ приказано занять ихъ въ томъ случаѣ, если бы непріятель отступилъ и они остались незанятыми имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему могло повести упорное отстаиваніе траншей на этомъ пунктѣ? Кромѣ напрасной потери людей, борьба не обѣщала никакихъ выгодъ. Чтобы подобная постройка приносила намъ пользу, необходимо было довести ее до конца, т. е. углубить и уширить траншею настолько, чтобы можно было приспособить ее къ артиллерійской оборонѣ. Но чѣмъ больше бы мы трудились, тѣмъ больше работали бы для непріятеля, ибо нельзя допустить, чтобы французы были столь не дальновидны, что дозволили бы намъ утвердиться на мѣстѣ для нихъ весьма опасномъ, и, находясь столь близко, не овладѣли бы траншеею, значительно облегчающею имъ доступъ къ нашей оборонительной линіи.

„Если бы русскіе—говоритъ Ніель,—смогли тамъ (на Кладбищѣ) удержаться, то осада города сдѣлалась бы невозможною, потому что въ части нашихъ траншей нельзя было бы укрыться отъ огня съ высотъ

Кладбища и мы были бы безпрестанно угрожаемы быть взятыми во флангъ значительными силами, которыя непріятель могъ бы собрать тамъ скрытно отъ насъ".

Понятно, что въ виду такой опасности французы должны были овладѣть нашими постройками, какъ бы дорого это имъ ни стоило.

Если мы хотѣли воспрепятствовать, или задержать работы противника, то, независимо отъ ружейнаго огня стрѣлковъ, можно было употреблять отъ времени до времени картечный огонь полевой артиллеріи, дѣятельности которой подъ Севастополемъ почти не было видно. Для прикрытія полевыхъ орудій, достаточно было построить небольшіе эполементы, которые не представляли бы такого значенія и выгодъ для непріятеля, какъ траншеи. Съ овладѣніемъ эполементами и даже нѣсколькими орудіями, осаждающій не пріобрѣталъ ровно ничего, тогда какъ, захвативши въ свои руки траншею, онъ выигрывалъ время въ движеніи впередъ и получалъ постройку весьма удобную для обращенія въ свою пользу и во вредъ обороняющемуся.

„Отдавая полную справедливость,—писалъ Императоръ князу Горчакову [1],—стойкости и храбрости нашихъ войкъ, въ дѣлѣ съ 10-го на 11-ое число, я не могу однако не сожалѣть, что оно стоило намъ столько дорогой крови и не принесло никакого результата, ибо мы сами очистили окопы и приготовили, нѣкоторымъ образомъ, траншеи для непріятеля".

Князь Горчаковъ поступалъ весьма благоразумно, отказываясь отъ борьбы съ непріятелемъ въ своихъ траншеяхъ, и тѣмъ сохранилъ нѣсколько сотенъ людей, для будущихъ болѣе важныхъ дѣйствій. Рѣшаясь на заложеніе траншей, главнокомандующій, по собственнымъ его словамъ, дѣлалъ это только въ виду того крайняго положенія, въ которомъ находился. Видя осаждающаго въ 30-ти и 50-ти саженяхъ отъ бастіоновъ № 4-го и № 5-го, князь Михаилъ Дмитріевичъ рѣшился испытать, не будетъ ли непріятель и въ настоящемъ случаѣ дѣйствовать съ тою же нерѣшительностію, съ какою дѣйствовалъ прежде, но, къ сожалѣнію, „онъ сдѣлался умнѣе и смѣлѣе [2])".

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19-го мая 1855 года.

[2]) Всеподан. донесеніе кн. Горчакова 12-го мая.

Эта смѣлость призывала защитниковъ къ болѣе усиленной дѣятельности и новымъ работамъ, истощавшимъ ихъ физическія силы; каждый желалъ скорѣйшей развязки, но желанное время не приходило.

— Общій штурмъ Севастополя былъ бы для насъ счастіемъ,— говорилъ князь Горчаковъ,—но я вижу изъ всего, что непріятель его не предприметъ, а вѣроятно своевременно сдѣлаетъ частные штурмы на атакованные бастіоны № 4-го и № 5-го. Это для насъ въ высшей степени опасно. По самому свойству этихъ верковъ и по прилегающей къ нимъ мѣстности ихъ нельзя будетъ отстоять, если огонь артиллеріи будетъ потушенъ. Если непріятель ихъ возьметъ, то выбивать его изъ нихъ будетъ тоже въ высшей степени трудно: къ нимъ съ нашей стороны надлежащаго доступа не будетъ, ибо удобныхъ къ нимъ подходовъ, для движенія резервовъ, не существуетъ и устроить ихъ невозможно. Мы уповаемъ на Бога, покровительствующаго тѣмъ, кто въ трудныхъ обстоятельствахъ исполняетъ свой долгъ, сражаясь за своего Государя и Отечество. Но надежды на успѣхъ я имѣю мало. Прежнія ошибки непріятеля послужили ему урокомъ, а превосходство его силъ и средства, коими онъ располагаетъ, огромны.

Днемъ, 12-го мая, на одной изъ нашихъ батарей взвился бѣлый парламентерскій флагъ, и объявлено перемиріе, продолжавшееся болѣе пяти часовъ сряду. На всѣхъ ближайшихъ валахъ и укрѣпленіяхъ появились зрители: съ одной стороны виднѣлись синіе мундиры французовъ, съ другой,— сѣрыя шинели нашихъ солдатъ. По всему промежуточному полю ходили рабочіе, подбиравшіе убитыхъ. Тѣла нашихъ свозились на Николаевскій мысъ, а оттуда на Сѣверную. Весь мысокъ былъ заваленъ трупами.

„Здѣсь они лежали навзничь, на спинѣ, безъ всякаго порядка, большая часть въ своей кровавой одеждѣ: въ рубашкѣ или въ шинели, а иные и въ чистомъ бѣльѣ, надѣтомъ на нихъ товарищами. Можно было замѣтить, что у иныхъ пальцы сложились знаменіемъ креста... Православные люди, солдаты и матросы, подходя къ покойникамъ, грустно и молча смотрѣли имъ въ лицо и крестились. Почти не произносилось никакого слова на мертвомъ мыскѣ. Да и къ чему было говорить, когда и такъ, само собою, все разсказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими болѣе

и болѣе... Инаго мертвеца уже и не показывали: свернуто было что-то такое въ шинели и шинель была зашита [1])".

На третій день послѣ боя хоронили генерала Адлерберга съ сыномъ. На Сѣверной сторонѣ города почетный караулъ ожидалъ прибытія печальной церемоніи. Во второмъ часу причалила къ берегу шлюпка, въ передней части которой сидѣлъ священникъ, съ крестомъ въ рукахъ. На шлюпкѣ виднѣлись два родные гроба: одинъ черный бархатный съ тѣломъ генерала Адлерберга, другой розовый,—его сына. Толпа присутствовашихъ сопровождала покойниковъ на кладбище, въ числѣ провожавшихъ были и дамы. Залпъ изъ ружей возвѣстилъ, что тѣла двухъ героевъ, павшихъ на полѣ чести, нреданы землѣ.

XXXV.

Приготовленіе союзной эскадры къ экспедиціи въ Азовское море. — Мѣры къ укрѣпленію Керченскаго пролива.—Формированіе азовской гребной флотиліи.—Численный составъ гарнизона, назначеннаго для охраненія восточной части Крыма.—Положеніе дѣлъ передъ высадкою непріятеля.

Въ то время когда мы приступали къ заложенію траншей на Кладбищенской высотѣ, Пелисье приводилъ въ исполненіе рѣшеніе совѣта союзныхъ главнокомандующихъ относительно экспедиціи въ Азовское море. Для этой цѣли, у Камышевой бухты, была сосредоточена эскадра, состоявшая изъ 57-ми разной величины судовъ [2]), на которыхъ производилась посадка войскъ. Экспедиціонный корпусъ состоялъ изъ отряда англичанъ въ 3.000 человѣкъ, съ тремя полевыми батареями, подъ начальствомъ генерала Броуна; дивизіи французовъ, въ составѣ 7.400 человѣкъ и пяти полевыхъ батарей, подъ начальствомъ генерала д'Отмара, и отряда турокъ около 6.000 человѣкъ, съ тремя полевыми батареями, подъ начальствомъ Решида-паши. Генералъ Броунъ, какъ старшій, принялъ начальство надъ отрядомъ, въ которомъ, такимъ образомъ, состояло 16.400 человѣкъ съ 11-ю полевыми батареями [3]).

---

[1]) Н. Бергъ. Записки объ осадѣ Севастополя, 129—139.

[2]) Въ числѣ коихъ находилось 33 англійскихъ и 24 французскихъ судовъ.

[3]) См. сочин. Оже.

Скопленіе значительнаго числа непріятельскихъ военныхъ судовъ въ Камышевой и Казачьей бухтахъ обратило на себя вниманіе князя Горчакова и наводило его на мысль, что союзники намѣрены произвести, на одномъ изъ прибрежныхъ пунктовъ, новую высадку.

Предположеніе это весьма скоро оправдалось. Съ Волоховой башни видно было, какъ въ Камышевой бухтѣ собирались войска и садились на суда. Вечеромъ 10-го мая, въ главномъ штабѣ Крымской арміи, получено было донесеніе, что часть непріятельскихъ судовъ съ дессантомъ ушла въ море, а утромъ 11-го числа было сообщено, что и остальныя суда отправились туда же. Въ донесеніи говорилось, что, по числу ушедшихъ судовъ и величинѣ ихъ, можно предполагать, что они имѣютъ дессанта до 20.000 человѣкъ [1]).

Въ тотъ же день, 11-го мая, въ Севастополѣ узнали сначала, что эскадра появилась на высотѣ Ялты, а вслѣдъ за тѣмъ получено было свѣдѣніе, что она остановилась у Ѳеодосіи, и до шести часовъ вечера того дня вошло въ бухту этого города тринадцать непріятельскихъ пароходовъ. Овладѣніе Ѳеодосіею не представляло для непріятеля никакихъ выгодъ, и слѣдовательно, надо было полагать, что, предпринимая высадку въ довольно значительныхъ размѣрахъ, англо-французы имѣютъ въ виду цѣль болѣе важную, чѣмъ занятіе города, не имѣющаго, кромѣ мирныхъ жителей, ни продовольственныхъ запасовъ, ни военныхъ учрежденій. По всему видно было, что союзники намѣрены овладѣть Керчью, чтобы имѣть доступъ въ Азовское море и прекратить сухопутное сообщеніе Крыма съ Имперіею черезъ Арабатскую стрѣлку и морское съ портами, въ которыхъ находились значительные запасы хлѣба, какъ частнаго, такъ и казеннаго, предназначавшагося для продовольствія Крымской арміи.

Съ занятіемъ Керчи, Азовское море переходило въ руки непріятеля, сообщеніе съ Черноморіею, Закубанскимъ краемъ и каботажное плаваніе прекращались, и союзники легко могли овладѣть всѣмъ Керченскимъ полуостровомъ, на которомъ находилось до 40.000 татаръ весьма сомнительной вѣрности. Занявши полуостровъ, англо-французы, кромѣ пріобрѣтенія значительныхъ запасовъ, получали возможность довольство-

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру отъ 12-го мая 1855 г.

вать мѣстными средствами армію въ 25.000 человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Всѣ эти обстоятельства, придавая Керчи значеніе стратегическое, не оставляли сомнѣнія, что непріятель избралъ ее цѣлью своихъ дѣйствій.

Единственный входъ въ Азовское море,—Керченскій проливъ имѣлъ весьма слабую защиту, и его прибрежныя батареи не могли оказать почти никакого сопротивленія непріятелю, въ особенности такому, который имѣлъ на своихъ судахъ значительный дессантъ.

Керченскій проливъ имѣетъ, на высотѣ Еникале, ширину до 2.000 саженъ и представляетъ для прохода судовъ два удобные фарватера: западный, прилегающій къ Крымскому берегу, шириною въ 540 саженъ, и Восточный—у косы Чески—шириною въ 770 саженъ. Оба фарватера раздѣлены балкою, ширина которой простирается до 690 саженъ.

Миновавъ Еникале и въ разстояніи 1.000 саженъ далѣе отъ онаго, оба фарватера соединяются въ одинъ общій, идущій сначала параллельно берегу, а потомъ приближаясь къ мысу Акъ-Бурунъ. Противъ Павловскаго мыса ширина пролива до косы Тузлы простирается до 3.500 саженъ. На этомъ протяженіи имѣется средняя коса, длиною въ 1.300 саженъ, оконечность которой находится въ 1.500 саженяхъ отъ Павловскаго мыса. Въ этомъ промежуткѣ и проходитъ собственно Керченскій фарватеръ, отстоящій около одной версты отъ оконечности косы и въ 80 саженяхъ отъ Павловскаго мыса.

Еще до вылазки союзниковъ въ Крыму, для прегражденія непріятелю входа въ Азовское море, генералъ-адъютантъ Хомутовъ, какъ мы видѣли [1]), приступилъ къ устройству бона, затопленію на фарватерѣ судовъ, къ погрузкѣ въ мелкихъ мѣстахъ якорей и къ возведенію прибрежныхъ батарей.

Устройство бона и затопленіе судовъ представляло немаловажныя затрудненія, такъ какъ, при значительной глубинѣ и ширинѣ Керченскаго пролива, онъ имѣетъ иловатое дно и иногда довольно сильное теченіе, требующее весьма прочной установки, при помощи значительнаго числа якорей, желѣзныхъ цѣпей и другихъ скрѣпленій. Существовавшее въ

[1]) См. прилагаемый планъ.
[2]) См. главу IV настоящаго сочиненія.

Керчи адмиралтейство не могло доставить необходимаго матеріала, и на устройство бона поступила часть такелажа отъ четырехъ транспортовъ вѣдомства Черноморской береговой линіи и лишь незначительное число бревенъ; остальные матеріалы пришлось покупать на сторонѣ, у вольныхъ продавцовъ.

Первоначально предполагалось поставить бонъ въ три ряда, но какъ въ портахъ Азовскаго моря имѣлось весьма мало лѣса въ продажѣ, да и тотъ былъ плохаго качества, то рѣшено было поставить его сначала въ два, а потомъ въ одинъ рядъ, но и при этомъ уклоненіи, купленные для устройства бона матеріалы не вполнѣ удовлетворяли своему назначенію, и загражденіе Керченскаго пролива не привело къ желаемымъ результатамъ.

Составленный изъ бревенъ съ большою заболонью, не доброкачественныхъ и тонкихъ, бонъ былъ сплоченъ въ три бревна, установленъ въ одинъ рядъ и при томъ весьма плохо, такъ что не могъ выдержать теченія и зыби. Оконченный въ іюлѣ 1854 года, бонъ скоро пришелъ въ совершенно ничтожное состояніе: бревна намокли и большая часть ихъ затонула. До сентября мѣсяца онъ еще стоялъ на мѣстѣ, но 28-го числа этого мѣсяца свѣжимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ былъ разорванъ затопшимъ около него судномъ; часть бона отнесло на значительное разстояніе, такъ что преграда эта была снята, и вытянутыя на берегъ бревна были употреблены, впослѣдствіи, на устройство блиндажей.

Одновременно съ устройствомъ бона генералъ Хомутовъ приступилъ къ затопленію судовъ и прежде всего противъ Павловской батареи. Къ началу іюля 1854-го года было искуплено 35 судовъ, которыя, по наполненіи ихъ пескомъ или камнемъ, частію купленнымъ, частію взятымъ изъ казенныхъ зданій, или пожертвованнымъ [1]), были опущены на дно вмѣстѣ съ пятью казенными судами [2]). Такъ какъ нѣкоторыя суда вышиною своею не соотвѣтствовали глубинѣ фарватера, то къ нимъ были наддѣланы особые борта.

Видя, что прегражденіе пролива въ этомъ мѣстѣ приходитъ уже къ

---

[1]) Для нагрузки судовъ употреблено камня 360 кубическихъ саженъ.

[2]) Кавказскіе транспорты «Кадосъ», «Мамай», «Цемесъ», «Субаши» и шкуна «Гонецъ».

окончанію, генералъ Хомутовъ принялъ мѣры къ устройству второй преграды, на высотѣ Еникале, тамъ, гдѣ два фарватера соединились въ одинъ. Здѣсь предположено было установить въ шахматномъ порядкѣ, на якоряхъ, заранѣе подготовленныя суда, соединенныя между собою цѣпями, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ вторженія непріятеля въ Керченскій проливъ, суда эти можно было немедленно затопить. Предположеніе это удостоилось Высочайшаго одобренія, и контръ-адмиралу Вульфу, какъ старшему флотскому начальнику, было поручено произвести промѣры и опредѣлить выгоднѣйшее направленіе для затопленія судовъ. Произведенное изслѣдованіе показало, что не только оба Еникальскіе фарватера, но и все пространство между Еникале и косою Ческою, на разстояніи 2.000 саженъ, доступно для прохода мелкихъ пароходовъ, и потому для исполненія предположенія потребовалось бы слишкомъ много судовъ. Не имѣя для такой работы достаточныхъ средствъ, генералъ Хомутовъ рѣшилъ затопить каботажными судами только южную часть фарватера, а остальную забросать якорями. По затрудненію, встрѣченному въ пріобрѣтеніи судовъ, мѣра эта не была приведена въ исполненіе и до конца марта 1855 года было искуплено только семь судовъ [1]).

Между тѣмъ затопленныя у Павловской батареи суда дѣйствіемъ волненія расшатались, и деревянныя части ихъ всплывали на поверхность воды. Такимъ образомъ установленныя преграды сами собою уничтожались, и для защиты Керченскаго пролива и полуострова, въ распоряженіи наказнаго атамана, было 3 $^1|_4$ батальона пѣхоты изъ казаковъ и солдатъ внутренней стражи [2]) и небольшая эскадра судовъ, состоявшая изъ четырехъ пароходовъ, пяти транспортовъ, двухъ шкунъ и трехъ коммерческихъ пароходовъ.

Понятно, что съ такими ничтожными средствами трудно было разсчитывать на успѣхъ защиты, и генералъ Хомутовъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости, для усиленія своихъ боевыхъ средствъ, сфор-

---

[1]) Записка о занятіи Керчи непріятелемъ 12-го мая 1855 г.

[2]) Въ Керчи находились: одинъ батальонъ Черноморскихъ казаковъ, двѣ роты Керченскаго гарнизоннаго батальона и двѣ роты батальона Азовскихъ казаковъ. Въ Еникале были: одинъ Черноморскій казачій батальонъ и двѣ роты Черноморскаго казачьяго № 9-го батальона.

мировать особую Азовскую гребную флотилію. По совѣщаніи съ княземъ Меншиковымъ, онъ предполагалъ составить эту флотилію изъ 8-ми канонирскихъ лодокъ [1]) и 16-ти мѣстныхъ донскихъ ладей, съ 20-ю офицерами и 800 человѣками нижнихъ чиновъ. Утвердивши это предположеніе, Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ приступить къ исполненію, отпустить необходимыя для того деньги 157.192 руб. 92 коп. [2]) и обратить на суда Азовскихъ казаковъ. Для вооруженія этой флотиліи было отпущено 40 каронадъ 24-хъ фунтоваго калибра. Суда строились въ Аксайской станицѣ войска Донскаго, подъ наблюденіемъ исправлявшаго въ то время должность наказнаго атамана генералъ-маіора Андріанова, и должны были быть окончены къ маю мѣсяцу 1855 года.

Въ ожиданіи прибытія этой флотиліи и не надѣясь на слишкомъ большое содѣйствіе ея оборонѣ, Хомутовъ трудился надъ усиленіемъ защиты пролива устройствомъ береговыхъ батарей.

Еще зимою 1853 года, по распоряженію князя Меншикова, была возведена на Павловскомъ мысѣ приморская батарея, получившая названіе *Павловской*. Вооруженная двѣнадцатью орудіями 18-ти фунтоваго калибра, она имѣла цѣлью обстрѣливать рейдъ между мысомъ Камышъ-Буруномъ и косою Тузлою. Въ апрѣлѣ 1854 года, по распоряженію генерала Хомутова, приступлено было какъ къ усиленію Павловской батареи, такъ и къ устройству по берегу Керченскаго пролива трехъ новыхъ, а именно: *Николаевской* на мысѣ Акъ-Бурунѣ; *Городской* въ самомъ городѣ Керчи и *Георгіевской* (или Карантинной) — надъ новымъ карантиномъ. Въ Еникалѣ находилась старая, упраздненная крѣпость, которую сначала думали привести также въ оборонительное положеніе. Въ іюнѣ 1854 года военный министръ спрашивалъ Хомутова, въ какомъ положеніи находятся верки Еникале и имѣется ли въ виду вооружить этотъ пунктъ? Наказной атаманъ писалъ, что верки Еникальскаго замка совершенно разрушены и возстановленіе ихъ потребовало

---

[1]) Подобныхъ построеннымъ въ Николаевѣ для Дунайской флотиліи.

[2]) Въ счетъ этой суммы отпущено въ ноябрѣ 1854 г. 100.000 руб., въ мартѣ 1855 г. 7.837 руб. 28 коп. и 29-го апрѣля 20.000 руб.

бы слишкомъ много времени и рабочихъ; что полезно было бы вооружить орудіями одинъ приморскій фасъ и устроить противъ него на косѣ Ческѣ батарею.

Въ отвѣтъ на это Хомутову было сообщено Высочайшее повелѣніе приступить немедленно къ составленію проекта о возведеніи въ Керчи и Еникале такихъ укрѣпленій, которыя, при незначительныхъ гарнизонахъ, могли бы хотя нѣсколько дней выдержать правильную осаду. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Хомутовъ представилъ шесть проектовъ объ укрѣпленіи Керчи, косы Тузлы, Еникале, косы Чески, Арабата и Ѳеодосіи. Онъ высказалъ при этомъ, что, по совершенно невыгодному мѣстоположенію Керчи, укрѣплять ее съ сухого пути совершенно безполезно; что для этого пришлось бы строить самостоятельные форты, а между тѣмъ не имѣлось на то ни времени, ни средствъ. Наказной атаманъ писалъ, что возведеніемъ временныхъ укрѣпленій на узкой песчаной косѣ Тузлѣ не возможно усилить оборону Керченскаго пролива противъ Павловской батареи; что на всемъ двѣнадцати-верстномъ протяженіи косы нѣтъ воды, и что опасно устраивать тамъ укрѣпленія, которыя могутъ лишиться сухопутнаго сообщенія съ Черноморіею.

Городъ Керчь по своему положенію у подножія горы Митридата, составляющей оконечность высокаго каменнаго хребта, не представляетъ никакой возможности къ укрѣпленію скорому и сколько-нибудь надежному. Принимая въ соображеніе, что протяженіе линіи укрѣпленій, кромѣ морской стороны, будетъ составлять около 180 саженъ и что защита его будетъ весьма слаба, Хомутовъ полагалъ Керчь не укрѣплять, а ограничиться постройкою однѣхъ береговыхъ батарей, и въ случаѣ высадки непріятеля защищать городъ штыками. Укрѣпленіе же Еникале привести въ должный видъ для того, чтобы, въ случаѣ паденія Керчи и Павловской батареи, войска имѣли точку опоры и могли нѣкоторое время, защищаясь въ крѣпости, ожидать подкрѣпленій и охранять Еникальскій проливъ.

Придавая этому пункту весьма большое значеніе, наказной атаманъ, не ожидая разрѣшенія министерства, приступилъ въ іюлѣ 1854 года къ вооруженію одного приморскаго фаса Еникальской крѣпости и къ возведенію двухъ батарей: *Успенской* въ городѣ, на четыре, и другой на косѣ Ческѣ на 8-мь орудій.

Одобривъ распоряженія генерала Хомутова, Императоръ Николай І-й сознавалъ, что отъ укрѣпленія береговъ Керченскаго пролива большой пользы ожидать нельзя, по весьма значительному разстоянію береговъ отъ фарватера; что приведеніе Еникальской крѣпости въ оборонительное состояніе было невозможно, по краткости времени. „Впрочемъ,—писалъ военный министръ князь Долгоруковъ[1]),—и въ нынѣшнемъ состояніи, при достаточномъ числѣ войскъ съ артиллеріею, крѣпость эта могла бы прикрывать тылъ двухъ приморскихъ батарей, ежели непріятельскій дессантъ не будетъ слишкомъ многочисленъ".

Въ такомъ положеніи находилась оборона Керчи и пролива, когда послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ обстоятельства приковали вниманіе къ Севастополю, и восточная часть Крыма до времени получила второстепенное значеніе.

Отправивъ, съ первымъ извѣстіемъ о высадкѣ, въ распоряженіе князя Меншикова 11-ть батальоновъ пѣхоты, три батареи и 14-ть сотенъ казаковъ, генералъ Хомутовъ очутился въ значительно худшемъ положеніи, чѣмъ былъ до начала военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ. Оставаясь постоянно, такъ сказать, въ виду непріятеля, онъ долженъ былъ ожидать ежедневно нападенія, съ горькимъ сознаніемъ, что можетъ оказать весьма слабое сопротивленіе. За недостаткомъ средствъ и рукъ, постройка укрѣпленій шла весьма медленно и защищать ихъ было почти некому, ибо вся боевая сила отряда Хомутова состояла изъ $7^{3}|_{4}$ батальоновъ съ 12-ю полевыми орудіями. Разбросанныя на разстояніи девяноста верстъ, войска эти были расположены: въ *Ѳеодосіи* находилось два Черноморскихъ линейныхъ № 5-го и № 15-го батальона, двѣ роты Таврическаго гарнизоннаго батальона и 8-мь орудій легкой № 3-го батареи 17-й артиллерійской бригады; въ *Арабатѣ*—одинъ Черноморскій казачій батальонъ; въ *Еникалѣ*—одинъ Черноморскій пѣшій казачій № 6-го батальонъ и рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона и наконецъ въ *Керчи* были расположены: Черноморскій казачій пѣшій № 9-го батальонъ, двѣ роты Керченскаго гар-

---

[1]) Генералу Хомутову отъ 15-го октября 1854 года за № 7464.

низоннаго батальона, двѣ роты Азовскаго казачьяго батальона и 4 орудія Черноморской казачей конно-артиллерійской № 11-го батареи.

Понимая, что съ такимъ числомъ войскъ не возможно бороться съ непріятелемъ, Хомутовъ спрашивалъ военнаго министра, какихъ мѣръ ему держаться и на какія средства онъ можетъ разсчитывать?

„Дѣла подъ Севастополемъ,—писалъ онъ [1]),—такъ дѣлаются сложными, что мудрено предвидѣть, какой будетъ исходъ. Конечно, все во власти Всевышняго; принятыя же предосторожности противъ покушеній непріятеля всегда будутъ полезны: Керчь и Ѳеодосія въ тѣсной связи съ Севастополемъ. Проливы Керченскій и Еникальскій день отъ дня укрѣпляются и, когда всѣ предположенія будутъ приведены въ исполненіе и батареи снабдятся опредѣленнымъ количествомъ снарядовъ и подоспѣетъ Азовская флотилія, то воды будутъ довольно сильно защищены. Впрочемъ, все будетъ зависѣть отъ силъ непріятеля, которыя онъ выставитъ, но не менѣе того и сухопутная защита заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо всѣ наши батареи, при умѣренномъ даже десантѣ, могутъ пасть, и тогда Азовское море непріятелю будетъ открыто, а съ обладаніемъ онаго подвозъ продовольствія моремъ остановится.

„Ежели Севастополь имѣетъ надежду получать продовольствіе, кромѣ доставленія моремъ, то онъ будетъ тѣмъ же гранитомъ, какъ и по сіе время, но ежели на сіе нельзя располагать, то войска подъ Севастополемъ будутъ поставлены въ самое затруднительное положеніе по продовольствію. Ежели Севастополь и можетъ обойтиться безъ Азовскаго моря, то все-таки потеря онаго будетъ слишкомъ чувствительна. По настоящее время видимо промыслъ Всевышняго охранялъ насъ, но сдѣланныя непріятелемъ въ нынѣшнемъ году ошибки не наведутъ ли его на мысль поправить оныя. Нельзя не удивляться, какъ онъ не занялъ Керчь, Ѳеодосію и Арабатъ, остававшіеся подъ самою слабою защитою“.

Защита эта не усиливалась и въ послѣдующее довольно долгое время. Въ концѣ декабря военный министръ писалъ генералу Хомутову, что не предстоитъ никакой возможности усилить его новыми войсками,

---

[1]) Въ письмѣ военному министру отъ 12-го декабря 1854 г.

но, въ случаѣ крайней надобности, для защиты Керченскаго полуострова, ему разрѣшается, по своему усмотрѣнію, очистить на восточномъ Кавказскомъ берегу Чернаго моря Новороссійскъ и даже фортъ Раевскій. Выведенныя оттуда войска соединить съ гарнизономъ Анапы и, оставивъ въ этой крѣпости и Закубанскихъ станицахъ нужныя для обороны этихъ пунктовъ войска, всѣ остальныя перевести или въ Тамань, или въ Керчь, смотря потому, куда потребуютъ обстоятельства. При этомъ военный министръ прибавлялъ, что, по мнѣнію Государя Императора, главнѣйшею цѣлью дѣйствій генерала Хомутова должна быть оборона прохода въ Азовское море и что преимущественно слѣдуетъ, въ случаѣ дессанта, отстоять Керчь, какъ пунктъ болѣе важный, чѣмъ Ѳеодосія.

Наступившая зима и извѣстія о печальномъ положеніи союзниковъ подъ Севастополемъ дозволили Хомутову оставить до времени войска въ прежнемъ ихъ расположеніи и обратить все свое вниманіе на окончаніе батарей и укрѣпленій, защищавшихъ входъ въ Керченскій проливъ. Батареи эти все еще были въ неудовлетворительномъ состояніи: не хватало орудій, не имѣлось пороху, снарядовъ и даже артиллерійской прислуги, на пополненіе которой была обращена рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона. Хомутовъ нѣсколько разъ просилъ прислать все необходимое, но, не получая отвѣта, обратился наконецъ къ генералъ-адъютанту Безаку, бывшему въ то время начальникомъ штаба инспектора артиллеріи и директоромъ артиллерійскаго департамента [1]).

„Понимаю,—писалъ Хомутовъ [2]),—что вы озабочены огромными дѣлами, что со всѣхъ сторонъ большія требованія, и есть ли возможность выполнить ихъ—вамъ однимъ извѣстно. Совѣстно мнѣ безпокоить васъ, но какъ дѣло идетъ о защитѣ Азовскаго моря, отъ водъ коего зависитъ продовольствіе войскъ нашихъ въ Крыму: и острый русскій штыкъ безъ сухарей будетъ тупъ,—то я увѣренъ, что вы на меня не посѣтуете и раздѣлите мои заботы. Воздвигаемыя у меня батареи, крѣпости и Азовская флотилія—безъ артиллерійскихъ снарядовъ, о доста-

---

[1]) Нынѣ эти два учрежденія соединены въ одно Главное артиллерійское управленіе.

[2]) Генералу Безаку отъ 30-го декабря 1854 г.

вленіи таковыхъ прошенъ артиллерійскій департаментъ. Убѣдительнѣйше прошу васъ, по мѣрѣ возможности, подвинуть его дѣйствія.

„Орудія и лафеты собираются со всѣхъ сторонъ, при этомъ естественно встрѣчаются несообразности, о которыхъ не хочу васъ безпокоить и самъ исправляю ихъ по возможности. Одно меня весьма озабочиваетъ: я не имѣю артиллеристовъ. Увѣренъ, что вы мнѣ въ этой бѣдѣ поможете“.

Но и эта просьба, какъ и многія другія, осталась неисполненною, а между тѣмъ почти въ теченіе всей зимы непріятельскіе пароходы, какъ большіе, такъ и малые, поминутно сновали возлѣ Керчи и держались постоянно въ виду города. Число ихъ видоизмѣнялось, но одинъ постоянно сторожилъ входъ въ Азовское море. По всему видно было, что непріятель зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ городѣ и ожидалъ только удобнаго времени, чтобы предпринять что-нибудь рѣшительное.

Въ концѣ января крейсерство непріятельскихъ пароходовъ усилилось, и характеръ дѣятельности ихъ болѣе опредѣлился. Пароходы доходили до самаго льда,—все еще, хотя и тонкимъ слоемъ покрывавшаго Керченскій проливъ,—дѣлали промѣры и производили рекогносцировки. Генералъ Хомутовъ опасался, что присутствіе непріятельскихъ пароходовъ воспрепятствуетъ ему, съ наступленіемъ весны, завести бонъ противъ Павловской батареи, и тогда Керченскій проливъ будетъ лишенъ одной изъ преградъ, охраняющихъ доступъ въ Азовское море [1]).

Конечно, бонъ не могъ удержать предпріимчиваго и въ значительныхъ силахъ непріятеля, но отсутствіе бона дозволяло небольшимъ судамъ пройти черезъ проливъ, внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей. Такъ, въ 9 часовъ утра, 21-го января, одно изъ трехъ непріятельскихъ судовъ, блокирующихъ Керчь, и именно канонирская винтовая лодка направилась вдоль пролива къ городу, и, подойдя къ линіи затопленныхъ судовъ, сѣла на одно изъ нихъ. Хотя съ Павловской батареи и было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія 68 фун. калибра, но снаряды не долетали до непріятельскаго судна, тогда какъ отвѣтные выстрѣлы съ канонирской лодки ложились далеко за Павловскою батареею.

---

[1]) Письмо Хомутова военному министру 20-го января 1855 г.

Въ первое время не имѣя возможности сдвинуться съ мѣста, лодка подала сигналъ пароходамъ, съ которыхъ тотчасъ же были спущены на помощь гребныя суда, но, не дождавшись ихъ прибытія, канонирка сама снялась и возвратилась на прежнюю стоянку.

Случай этотъ показалъ, во-первыхъ, что даже мелкія непріятельскія суда носятъ на себѣ орудія весьма большихъ калибровъ, а во-вторыхъ, что они могутъ легко избрать для себя мѣсто, не обстрѣливаемое нашими батареями, уничтожить преграды и прорваться черезъ Керченскій проливъ [1]). Въ виду могущихъ послѣдовать столь печальныхъ событій, Хомутовъ, заботясь болѣе всего о загражденіи пролива и объ усиленіи обороны, приступилъ къ возведенію нѣсколькихъ новыхъ батарей и къ устройству подводныхъ минъ, съ тѣмъ, что если послѣднія и не будутъ имѣть существеннаго успѣха, то все-таки произведутъ сильное моральное впечатлѣніе на непріятеля. Онъ отправилъ въ Петербургъ состоявшаго въ распоряженіи начальника Черноморской береговой линіи Кавказскаго сапернаго батальона поручика фонъ-Крита, которому вмѣнилъ въ обязанность ближе ознакомиться съ способомъ устройства и постановки минъ на Кронштадтскомъ рейдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти, въ достаточномъ количествѣ, проводники и прочія принадлежности. По возвращеніи фонъ-Крита изъ Петербурга и по доставленіи въ Керчь необходимыхъ принадлежностей [2]), рѣшено было установить 100 минъ: 40 минъ въ двѣ линіи въ шахматномъ порядкѣ, впереди затопленныхъ судовъ, между Павловскою батареею и косою Тузлою, 40 точно такихъ же минъ и въ томъ же порядкѣ—впереди затопленныхъ якорей между Еникале и Ческою, и двадцать минъ, въ одну линію, между мысомъ Акъ-Буруномъ и новымъ карантиномъ [3]). Мины эти были двухъ сортовъ: *плавучія*, разрывавшіяся отъ удара непріятельскихъ судовъ, и *постоянныя*, опущенныя въ мелкихъ мѣстахъ на дно, съ тѣмъ чтобы могли быть взорваны электрическимъ токомъ съ берега.

Всѣ эти мѣры, обезпечивавшія только до нѣкоторой степени прорывъ непріятельскаго флота въ Азовское море, не успокаивали Хомутова. Онъ сознавалъ, что сухопутная его защита находится въ самомъ

---

[1]) Рапортъ Хомутова военному министру отъ 23-го января 1855 г.

[2]) Стоившихъ казнѣ 18.888 рублей.

[3]) Записка о занятіи Керчи непріятелемъ.

печальномъ положеніи, что войскъ у него весьма мало и тылъ возводимыхъ имъ укрѣпленій не имѣетъ никакой обороны; слѣдовательно, непріятель, высадившись безнаказанно близъ Керчи, даже съ весьма ограниченными силами, могъ легко овладѣть укрѣпленіями и уничтожить всю береговую защиту. Ходившіе слухи о намѣреніи союзниковъ открыть военныя дѣйствія внутри полуострова и высадить 15.000 сардинцевъ или въ Ѳеодосіи, или Керчи усиливали опасность, и наказной атаманъ рѣшился еще разъ заявить о своемъ безъисходномъ положеніи.

„Пишу вамъ,—говорилъ онъ въ письмѣ генералъ-адъютанту Катенину [1]),—какъ старому и новому товарищу. Я нѣсколько разъ представлялъ и писалъ о бѣдственномъ моемъ положеніи по защитѣ ввѣреннаго мнѣ края, но изъ полученныхъ отвѣтовъ вижу, что долженъ ограничиться имѣющимися средствами. Не будетъ ли вамъ случая представить его сіятельству г. военному министру мою крайность по защитѣ Керчи. Я едва-ли имѣю 2.000 штыковъ и то казачьихъ, такъ что, если придетъ дессантъ въ 4.000, я со стыдомъ и безъ боя долженъ отступить и бросить Керчь со всѣми батареями, госпиталями, заведеніями и запасами.

„Если бы ограничилось Керчью, то иногда военныя обстоятельства дозволяютъ бросать города, дѣлать большія жертвы, для спасенія нужнѣйшаго пункта, но за Керчью слѣдуетъ Азовское море, а за Азовскимъ моремъ уничтоженіе всѣхъ нашихъ запасовъ. Геническъ также можетъ быть въ рукахъ непріятеля, и тогда сотни батальоновъ, собранныя подъ Севастополемъ, останутся безъ продовольствія. Признаюсь вамъ, не могу не удивляться, какъ противъ видимой такой опасности не берутся мѣры. Если весь восточный край Крыма займетъ непріятель, гдѣ 40.000 татаръ готовы содѣйствовать, какое нужно будетъ усиліе, чтобы его выбить, а зло, сдѣланное въ Азовскомъ морѣ, ничѣмъ не вознаградится.

„Непріятелю также предстоитъ возможность сдѣлать дессантъ въ Ѳеодосіи, отрѣзать мои несчастные два съ половиною батальона. Дай Богъ, чтобы эта чаша несчастія насъ обошла, но если она должна быть, можете понять, черезъ какія я долженъ пройти сочувствія (испытать

---

[1]) Отъ 10-го февраля 1855 г.

чувства?) и за что же, за то, что съ полнымъ самоотверженіемъ ввѣренныя мнѣ войска, въ минуту крайности, передалъ его свѣтлости (князю Меншикову)".

Письмо это было получено въ Петербургѣ въ то время, когда главнокомандующимъ въ Крыму назначенъ уже былъ генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ, а генералъ Хомутовъ уволенъ отъ обязанности охранять Керченскій полуостровъ и ему Высочайше повелѣно возвратиться въ Темрюкъ, для принятія начальства надъ войсками, защищавшими восточный берегъ Чернаго моря.

Незначительность средствъ защиты Керченскаго полуострова и частое появленіе непріятельскихъ пароходовъ въ виду города заботило Императора Александра II, и онъ поручилъ князю Горчакову обратить особое вниманіе на защиту восточной части Крыма, „ибо потеря Керчи,— писалъ Государь [1])—и явленіе непріятельскаго флота въ Азовскомъ морѣ могутъ имѣть *весьма важныя послѣдствія*.

„Надѣюсь, что съ усиленіемъ Крымской арміи по данному вамъ разрѣшенію, изъ войскъ Южной арміи, вы найдете возможнымъ удѣлить какую-либо часть на восточную половину Крыма, дабы въ случаѣ десанта сардинцевъ не дать углубиться въ край и нанести рѣшительный имъ ударъ.

„Военный министръ вамъ уже писалъ о желаніи моемъ поручить весь бывшій отрядъ генералъ-адъютанта Хомутова, съ могущими прибыть къ нему подкрѣпленіями, генералъ-лейтенанту Врангелю Баязетскому, дабы Хомутовъ могъ по-прежнему завѣдывать всѣми войсками Черноморіи и на Черноморской береговой линіи, гдѣ также необходимъ общій начальникъ".

Въ это время Керчь, Ѳеодосія, Арабатъ и все пространство между этими пунктами защищалось только шестью батальонами, одною ротою инвалидной команды, 8-ю сотнями и $1^1/_2$ батареями, общая численность которыхъ къ 1-му марта 1855-го года состояла изъ 5.739 человѣкъ пѣхоты и 869 человѣкъ кавалеріи.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову отъ 23-го февраля 1855 г.

Войска эти были расположены:

Наименованіе частей и ихъ расположеніе.	Число. Батальон.	Сотенъ.	Батар.	Офицеровъ.	Строевыхъ.	Нестроев.	Итого.
Въ Ѳеодосіи.							
Таврическій гарнизонный полубатальонъ съ прикомандированными къ нему рекрутами	1/2	—	—	7	614	9	630
Ѳеодосійская Инвалидная команда	—	—	—	1	76	2	79
Ѳеодосійскій подвижной отрядъ.							
Черноморскій линейный № 5-го батальонъ	1	—	—	15	808	30	853
Черноморскій линейный № 15-го батальонъ	1	—	—	19	875	46	940
Черноморскій казачій № 6-го батальонъ	1	—	—	12	819	10	841
Четыре сотни сводно-черноморскаго казачьяго полка	—	4	—	10	454	—	464
Двѣ сотни донскаго казачьяго № 67-го полка	—	2	—	3	121	—	124
Легкая № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады	—	—	1	7	128	26	161
Керченскій отрядъ.							
Черноморскій казачій № 5-го батальонъ	1	—	—	13	862	17	892
Черноморскій казачій № 9-го батальонъ	1	—	—	11	868	23	902
Гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона [1]	1/4	—	—	2	197	—	199
Керченскій гарнизонный полубатальонъ	1/2	—	—	11	373	19	403
Двѣ сотни донскаго казачьяго № 53-го полка	—	2	—	3	278	—	281
Дивизіонъ черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11-го батареи	—	—	1/2	2	88	6	96
Итого	6 1/4	8	1 1/2	116	6561	188	6865

[1]) Рота эта была употреблена на замѣщеніе недостающей прислуги при орудіяхъ.

Изъ шести батальоновъ, защищавшихъ восточную часть Крыма, гарнизонные батальоны, по неимѣнію обоза, были неспособны для движенія на встрѣчу непріятеля, а всѣ остальные состояли изъ линейныхъ и казачьихъ войскъ. Составъ этихъ войскъ, разбросанныхъ на протяженіи ста верстъ, между Керчью и Ѳеодосіею, не представлялъ никакого вѣроятія къ успѣшному отраженію непріятеля, если бы онъ высадилъ войска съ цѣлью предпринять наступательныя дѣйствія. Къ тому же, при слабости и ничтожности войскъ, самая защита Керченскаго пролива, по свидѣтельству Хомутова, находилась въ весьма слабомъ состояніи. По ограниченности мѣстныхъ способовъ многое было начато, но далеко не приведено къ окончанію и хотя часть фарватера была преграждена затопленными судами, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было предположено устроить мины и изготовлялись якоря большаго размѣра, чтобы опустить ихъ на дно Еникальскаго пролива, но всѣ эти мѣры не могли считаться достаточнымъ обезпеченіемъ отъ прорыва непріятеля.

„Безъ достаточной у насъ силы на сухомъ пути,—писалъ Хомутовъ [1]),— при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ непріятеля, безполезны всѣ мѣры, принимаемыя къ огражденію Азовскаго моря отъ входа непріятельскаго флота. Если мы не въ состояніи будемъ ни воспрепятствовать высадкѣ непріятельскихъ войскъ близъ Керчи, ни остановить движенія ихъ на первомъ шагу, береговыя батареи наши падутъ сами собою, а съ тѣмъ вмѣстѣ теряютъ всю силу преграды и препятствія, устраиваемыя нами съ моря, противъ непріятельскихъ судовъ. Небольшая эскадра судовъ нашихъ, старыхъ и слабо вооруженныхъ, находящихся нынѣ на Керченскомъ рейдѣ, не защититъ Азовскаго моря, занятіе котораго непріятелемъ повлечетъ за собою такія послѣдствія, какія теперь и исчислить трудно“.

Для усиленія своихъ средствъ генералъ Хомутовъ сдѣлалъ распоряженіе о направленіи съ Дона на Арабатъ донскаго казачьяго № 65-го полка, но признавалъ эту мѣру далеко не достаточною и писалъ князю Горчакову, что для обезпеченія Керчи необходима присылка значительныхъ подкрѣпленій. Главнокомандующій, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Севастополь, пригласилъ къ себѣ генераловъ Хомутова и Врангеля для болѣе обстоятельнаго обсужденія мѣръ къ защитѣ восточной части Крыма.

---

[1]) Князю Горчакову отъ 9-го марта 1855 г.

„Я радуюсь, — писалъ Императоръ князю Горчакову [1]),—вызову Хомутова и увѣренъ, что свиданіе его съ Врангелемъ будетъ весьма полезно для обороны Керченскаго полуострова. Буду ожидать извѣщенія вашего о тѣхъ войскахъ, которыя вы къ нему направите изъ числа вновь слѣдующихъ въ Крымъ“.

Ограниченность собственныхъ боевыхъ средствъ не дозволила князю Михаилу Дмитріевичу оказать существенной помощи восточной части Крыма, и, назначая генералъ-лейтенанта барона Врангеля начальникомъ войскъ Керченскаго полуострова, онъ передалъ въ его распоряженіе только гусарскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ (8 эскадроновъ) съ донскою конно-легкою резервною № 4-го батареею.

Назначеніе кавалерійскаго полка само по себѣ показывало уже, что князь Горчаковъ не имѣлъ въ виду усилить отрядъ генерала барона Врангеля настолько, чтобы придать ему самостоятельность дѣйствій, а желалъ имѣть въ восточной части Крыма лишь наблюдательный отрядъ, долженствовавшій отражать покушенія незначительныхъ непріятельскихъ силъ. Дальнѣйшее наставленіе главнокомандующаго генералъ-лейтенанту барону Врангелю еще болѣе подтверждаетъ такое заключеніе. Князь Горчаковъ поручалъ ему: 1) препятствовать непріятелю ворваться въ Азовское море; 2) охранять по возможности часть берега Чернаго моря. ввѣренную его попеченію, отъ частныхъ, незначительныхъ высадокъ непріятеля и 3) въ случаѣ высадки союзниковъ въ такихъ силахъ, которымъ нельзя будетъ воспрепятствовать появиться на берегу и укрѣпиться, поступать такъ, чтобы не дозволить имъ распространиться въ краѣ, стараясь дѣйствовать на ихъ сообщенія и тылъ.

Наиболѣе удобными пунктами для высадокъ въ значительныхъ силахъ были окрестности Ѳеодосіи и Камышъ-Буруна, близъ Керчи, и потому главнокомандующій, указывая на крѣпостцу Арабатъ, какъ на хорошій опорный пунктъ, въ случаѣ наступленія непріятеля, поручалъ Врангелю принять мѣры, чтобы крѣпостца эта была приведена въ сколь можно лучшее состояніе и чтобы въ ней былъ надежный комендантъ. Затрудненіе въ опредѣленіи точнаго мѣста высадки заставляло князя Горчакова совѣтовать генералу барону Врангелю, чтобы онъ имѣлъ въ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го марта 1855 г.

Керчи, Θеодосіи и на прибрежныхъ батареяхъ лишь необходимое число войскъ, для отраженія незначительныхъ дессантовъ, а главную часть ихъ держалъ въ центральной позиціи, между Θеодосіею и Керчью, примѣрно около Аргина или Даутъ-Эли.

„Если непріятель предприметъ серьезную высадку у Керчи, то, — писалъ князь Горчаковъ [1]),—кажется, будетъ полезно бо̀льшую часть вашихъ силъ двинуть туда и, когда непріятель пойдетъ на Еникале, то тревожить его въ тылъ. Изъ этого вы усмотрите, сколь важно привести Еникале въ возмо́жно оборонительное состояніе“.

„Вотъ все, что я могу вамъ указать въ отношеніи трудной обязанности, на васъ возлагаемой. Я увѣренъ, что, при вашей опытности и доказанныхъ на дѣлѣ способностяхъ, вы не упустите ничего могущаго облегчить ваше положеніе. Будьте дѣятельны, рѣшительны и берите много на себя; не тратьте времени на испрашиваніе разрѣшеній; особенно воспользуйтесь десятью или двѣнадцатью днями, которые вамъ остаются для приготовительныхъ распоряженій. При первой возможности я постараюсь усилить вашъ отрядъ“.

20-го марта Хомутовъ сдалъ начальство и отправился въ Черноморію, а генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель вступилъ въ командованіе войсками на Керченскомъ полуостровѣ.

Въ виду Керчи стояло постоянно не менѣе двухъ непріятельскихъ пароходовъ, ничего впрочемъ не предпринимавшихъ. Работы по загражденію Еникальскаго пролива продолжались, и баронъ Врангель оставилъ ихъ по-прежнему въ вѣдѣніи контръ-адмирала Вульфа.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Азовское море и Керченскій проливъ совершенно очистились отъ льда и, такъ какъ, со дня на день, можно было ожидать покушенія непріятеля, то генералъ Врангель предписалъ Вульфу принять самыя дѣятельныя мѣры къ скорѣйшему окончанію работъ. Послѣдній донесъ, что семи купленныхъ купеческихъ судовъ не достаточно для загражденія пролива, и тогда Врангель разрѣшилъ пріобрѣсти еще четыре и сверхъ того затопить конфискованное англійское судно и принадлежавшіе черноморскому вѣдомству два старыхъ тендера „Струя“ и

---

[1]) Барону Врангелю въ наставленіи отъ 14-го марта за № 17. Приложеніе № 35-й.

„Нырокъ“. Оба тендера и одно купеческое судно не успѣли затопить до появленія непріятеля, и часть Еникальскаго фарватера осталась непрегражденною [1]). Бона также не существовало, и остатки его бревенъ лежали на берегу. Привести его въ исправность не было возможности по недостатку средствъ и матеріаловъ. Къ тому же передъ Павловскою батареею постоянно находились непріятельскія суда, препятствовавшія установкѣ бона, и потому баронъ Врангель разрѣшилъ оставшіяся бревна употребить на устройство блиндажей и пороховыхъ погребовъ, оказавшихся ненадежными.

Что же касается до минъ, то до 8-го апрѣля ихъ было погружено только 25, а остальныя приготовлялись, и Врангель принужденъ былъ предписать поручику фонъ-Криту приступить немедленно къ установкѣ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ минъ, которыя были уже готовы, и озаботиться скорѣйшимъ приготовленіемъ остальныхъ. Ко дню появленія непріятельской эскадры въ виду Керчи, было установлено 75 минъ, а остальныя 25, хотя и были готовы, но не поставлены на мѣсто и по приказанію барона Врангеля брошены въ воду [2]).

Хотя баронъ Врангель принялъ отъ Хомутова по счету довольно много судовъ [3]), но они всѣ были по большей части старыя и мало годныя къ употребленію. Пароходъ „Боецъ“, имѣя старые котлы, требовалъ серьезныхъ исправленій, у парохода „Могучій“ была разобрана машина, пароходъ „Таганрогъ“ находился въ Азовскомъ морѣ, а транспортъ „Аккерманъ“ былъ отправленъ въ Бердянскъ съ грузомъ вещей, принадлежащихъ адмиралтейству. Изъ этого видно, что громаднымъ средствамъ, которыми располагалъ непріятель, мы могли противопоставить два небольшіе парохода съ орудіями довольно значительныхъ калибровъ и три небольшіе транспорта, на которыхъ, въ ожиданіи орудій большаго калибра, пришлось поставить однопудовые единороги, на сухопутныхъ неповоротливыхъ станкахъ. Къ тому же на судахъ ощущался недостатокъ какъ въ нижнихъ чинахъ, такъ и въ офицерахъ, ибо часть изъ нихъ замѣняла прислугу при орудіяхъ. Контръ-адмиралъ Вульфъ просилъ

---

[1]) На расходы по загражденію Керченскаго пролива было отпущено 255.799 р.

[2]) Записка о занятіи Керчи. На устройство минъ израсходовано 4.500 р. и до 200 пудовъ пороху.

[3]) См. приложеніе № 36-й.

возвратить хотя 5 унтеръ-офицеровъ и 89 матросовъ, но баронъ Врангель не могъ согласиться и на это потому, что некѣмъ было замѣнить ихъ на батареяхъ.

Постройка, а главное вооруженіе послѣднихъ подвигались весьма вяло и медленно; по-прежнему не было достаточнаго числа орудій и недоставало рабочихъ. По соображенію, сдѣланному Хомутовымъ, для приведенія Еникале въ оборонительное положеніе, потребно было на однѣ земляныя работы до 60.000 человѣкъ, а на покупку матеріаловъ и инструментовъ до 15.000 рублей. Баронъ Врангель доносилъ главнокомандующему, что у него нѣтъ ни рукъ, ни денегъ, чтобы окончить работы, и получилъ приказаніе производить ихъ постепенно, по мѣрѣ возможности, и стараться привести крѣпость въ такое положеніе, чтобы она могла представить хотя нѣкоторый оплотъ гарнизону. По мѣрѣ силъ и средствъ Врангель хлопоталъ о скорѣйшемъ окончаніи укрѣпленій и ко времени появленія непріятеля успѣлъ вооружить ихъ 62 орудіями разныхъ калибровъ. Изъ этого числа 29 орудій [1]) обстрѣливали фарватеръ у Павловскаго мыса, 6 орудій [2]) Керченскій рейдъ и 27 орудій [3]) дѣйствовали по проливу у Еникале.

Для защиты укрѣпленій съ сухаго пути и препятствованія союзникамъ высадиться на берегу, на всемъ его протяженіи отъ Θеодосіи до Керчи имѣлось только семь съ половиною батальоновъ, 8 эскадроновъ, 16 сотенъ и 20 полевыхъ орудій, всего числомъ 8.503 человѣка строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Войска эти были расположены:

Въ Θеодосіи, подъ начальствомъ коменданта генералъ-маіора Хржановскаго:

2-й батальонъ Таврическаго гарнизона вмѣстѣ съ рекрутами	5 офиц.	247 нижн. чиновъ.	5 муз.
Θеодосійская инвалидная команда	1 „	71 „ „	1 „

---

[1]) Павловской батареи 26 и Николаевской 3 орудія.

[2]) Четыре Городской и два Георгіевской батарей.

[3]) Пятнадцать орудій приморскаго фаса Еникальской крѣпости, четыре Успенской и 8 орудій на косѣ Ческѣ.

Рота Θеодосійской карантинной стражи.	5 офиц.	81 нижн. чиновъ.	2 муз.
Вторая рота Таврической полубригады пограничной стражи	6 „	103 „ „	— „
	17 „	502 „ „	8 „

Въ лагерѣ при селеніи Парначъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вагнера:

Черноморскій линейн. № 5-го батальонъ	13 офиц.	764 нижн. чиновъ.	14 муз.
Черноморскій линейн. № 15-го батальонъ	19 „	855 „ „	17 „
Легкая № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады .	5 „	120 „ „	2 „
	37 „	1739 „ „	33 „

Въ укрѣпленіи Арабатѣ:

Черноморскій казачій пѣшій № 6-го батальонъ. . .	12 офиц.	767 нижн. чиновъ.	17 муз.

Въ лагерѣ при селеніи Аргинѣ кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Сухотина:

Гусарскій Гроссъ - Герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ (8 эскадроновъ) . . .	28 офиц.	1095 нижн. чиновъ.	20 муз.
Донская конно-легкая резервная № 4-го батарея (8 орудій).	5 „	173 „ „	4 „

Керченскій отрядъ, подъ начальствомъ артиллеріи полковника Карташевскаго:

Керченскій гарнизонный полубатальонъ	12 офиц.	384 нижн. чиновъ.	9 муз.
Керченскій полубатальонъ карантинной стражи. . .	9 „	261 „ „	3 „

Рота Керчь-Еникальской пограничной стражи . . .	3 офиц.	84 нижн. чиновъ.	—	муз.
Черноморскій казачій пѣшій № 9-го батальонъ [1] . .	10 „	852 „	„	16 „
	34 „	1581 „	„	28 „

Въ Камышъ-Бурунѣ и старомъ Карантинѣ близъ Павловской батареи:

Черноморскій казачій пѣшій № 5-го батальонъ, съ ракетною командою . . .	11 офиц.	793 нижн. чиновъ.	17 муз.
Дивизіонъ Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11-го батареи (4 орудія).	2 „	82 „ „	1 „

Въ укрѣпленіи Еникале составляла артиллерійскую прислугу при орудіяхъ

Гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона	3 офиц.	128 нижн. чиновъ.	2 муз.

Для содержанія летучей почты и наблюденія за берегомъ моря отъ Керчи до Судака, были назначены казачьи полки:

Донской № 65-го полкъ (6 сотенъ).	18 офиц.	835 казаковъ.	18 муз.
Донской № 67-го полкъ (6 сотенъ).	12 „	368 „	1 „
Сводный Черноморскій (4 сотни)	10 „	440 „	9 „
	40 „	1643 „	28 „

Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ отъ Ѳеодосіи до Керчи находилось:

Пѣхоты.	109 офиц.	5390 челов. строев.	103 нестр.
Кавалеріи	28 „	1095 „ „	20 „
Казаковъ	40 „	1643 „ „	28 „
Артиллеріи. . . .	12 „	375 „ „	7 „
	189 „	8503 „ „	158 „

[1]) Одна рота этого батальона находилась въ прикрытіи Еникальской батареи.

Изъ этого числа собственно на защиту Керчи приходилось: 47 офицеровъ, 2.584 строевыхъ нижнихъ чиновъ и 48 человѣкъ нестроевыхъ. Далѣе къ сѣверу все Азовское море не имѣло никакой защиты, если не считать пикетовъ четырехъ донскихъ полковъ, расположенныхъ по всему берегу отъ Ейска до Чонгарскаго моста на Сивашѣ. На усиленіе береговой защиты этого моря предполагалось употребить часть гребной Азовской флотиліи, строившейся и вооружавшейся въ Аксайской станицѣ, но предположеніе это не осуществилось. 11-го мая генералъ Хомутовъ, прибывъ въ Новочеркасскъ, нашелъ тамъ всѣ 8 баркасовъ и 16 ладей окончательно готовыми. Половина ихъ въ тотъ же день была отправлена въ Таганрогъ, куда на другой день пошли и остальныя суда. Имъ приказано было отправиться въ Керчь, на присоединеніе къ флотиліи контръ-адмирала Вульфа, но появленіе непріятеля лишило ихъ возможности соединиться съ эскадрою, и гребная флотилія скрылась въ гирлахъ Дона.

Непріятельскій флотъ въ первый разъ показался въ виду Керчи 23-го апрѣля. Въ семь часовъ утра этого дня онъ появился на высотѣ Бугаза и, сблизившись около 8 верстъ къ берегу, продолжалъ тихимъ ходомъ подвигаться по направленію къ Крымскимъ берегамъ. Приближеніе его произвело большой переполохъ между жителями, но во второмъ часу дня они успокоились, ибо непріятель, оставивъ въ виду Керчи пять пароходовъ, скрылся изъ виду. Удаленіе это не успокоивало однакоже генераловъ Врангеля и Хомутова, хорошо понимавщихъ, что союзная эскадра въ столь большомъ числѣ судовъ подходила къ Азовскому морю не для одной только военной прогулки; что если она отдалилась отъ берега, то вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ причинъ, и что вторичное появленіе ее несомнѣнно.

„Насъ ожидаютъ большія событія, — писалъ Хомутовъ генералу Врангелю [1]).—Да благословитъ насъ Господь обоихъ; на одномъ изъ насъ долженъ пасть ударъ, и если Всемогущій поможетъ намъ сохранить войска, то уже будетъ большое счастіе“.

Въ тотъ же день Хомутовъ отправился изъ Тамана въ Керчь, чтобы обсудить на мѣстѣ и условиться съ Врангелемъ, какую помощь они могутъ оказать другъ другу. Совѣщавшіеся рѣшили, что, оба слабые войсками, они должны обходиться каждый своими средствами.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го апрѣля 1855 г.

„Не могу скрыть отъ вашего сіятельства,—писалъ Хомутовъ военному министру [1]),—что мы оба находимся въ критическомъ положеніи— одинъ изъ насъ долженъ пасть“.

Предсказаніе сбылось, и грустное событіе это выпало на долю барона Врангеля.

XXXVI.

Появленіе союзной эскадры въ виду Ѳеодосіи и Керчи.—Занятіе Керчи непріятелемъ.—Отступленіе нашихъ войскъ.—Письмо барона Врангеля генералу Броуну объ облегченіи участи оставленныхъ въ городѣ раненыхъ.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.—Грабежи въ городѣ.—Бомбардированіе союзниками Бердянска, Арабата и Геническа.—Ополченіе казаковъ войска Донскаго.—Бомбардированіе Таганрога, Маріуполя и Ейска.—Упраздненіе крѣпости Анапы.

Утромъ 11-го мая къ Ѳеодосійскому коменданту, генералъ-маіору Хржановскому, прискакалъ посланный отъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Коцебу съ увѣдомленіемъ, что въ Камышевой бухтѣ 6-ть винтовыхъ непріятельскихъ кораблей и 26-ть пароходовъ сажаютъ дессантъ и если пойдутъ въ Ѳеодосію, то прибудутъ туда 11-го числа вечеромъ, или 12-го утромъ. Посланный былъ тотчасъ же возвращенъ въ главную квартиру съ донесеніемъ, что непріятельскій флотъ въ числѣ 13-ти пароходовъ появился уже на Ѳеодосійскомъ рейдѣ съ 8-ми часовъ утра 11-го мая. Тогда князь Горчаковъ приказалъ генералъ-маіору Вреде, съ драгунскимъ Принца Эмилія Гессенскаго полкомъ и двумя казачьими сотнями донскаго № 53-го (Александрова) полка, слѣдовать изъ Карасубазара къ Ѳеодосіи, наблюдать за движеніемъ непріятеля и въ то же время служить авангардомъ для войскъ, которыя въ случаѣ нужды будутъ посланы изъ Симферополя на помощь Ѳеодосійскому отряду.

Отчаянная борьба подъ Севастополемъ не дозволяла князю Горчакову придти на помощь барону Врангелю и удѣлить ему часть силъ, со-

---

[1]) Князю Долгорукову 24-го апрѣля 1855 г.

средоточенныхъ на главномъ пунктѣ дѣйствій. Главнокомандующій находилъ, что послать подкрѣпленія войскамъ восточной части Крыма значило дѣйствовать въ смыслѣ непріятеля, стремившагося различнаго рода демонстраціями и второстепенными дѣйствіями принудить насъ къ раздробленію силъ и получить возможность рѣшительнымъ ударомъ овладѣть Севастополемъ, а потомъ и всѣмъ Крымомъ [1]). Предоставляя барону Врангелю дѣйствовать съ собственными средствами и сообщая только объ отплытіи непріятельскаго флота съ дессантомъ по направленію къ Керчи, князь Горчаковъ писалъ ему [2]), что „конечно съ силами, которыми вы располагаете, вамъ нельзя будетъ противиться высадкѣ. Необходимо только стараться не потерять внутренней линіи со мною и для сего держаться съ войсками вашими на высотѣ Тулумчака и дѣйствовать согласно съ данною вамъ инструкціей“.

Союзная эскадра между тѣмъ оставила Ѳеодосію, и, въ 8-мь часовъ утра 12-го мая, генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель получилъ первое извѣстіе о томъ, что наблюдательный постъ у Таклинскаго маяка, находившагося на южной оконечности Керченскаго пролива и въ 30-ти верстахъ отъ города, усмотрѣлъ непріятельскій флотъ, въ числѣ до 70-ти вымпеловъ, направляющійся въ Керченскій проливъ. По большому туману союзная эскадра была замѣчена только тогда, когда она была уже на высотѣ Таклинскаго маяка.

Поднявъ сигнальный флагъ на горѣ Митридатъ, генералъ Врангель приказалъ всѣмъ судамъ быть готовыми къ дѣйствію, а пароходамъ развести пары. Начальникъ Керченскаго отряда, полковникъ Карташевскій, получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Камышъ-Бурунъ, гдѣ находились пѣшій казачій Черноморскій № 5-го баталіонъ и дивизіонъ Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11-го батареи. Принявши начальство надъ этимъ отрядомъ и наблюдая за непріятелемъ, Карташевскій долженъ былъ какъ можно чаще доносить барону Врангелю о томъ, что̀ будетъ предпринято союзниками. На подкрѣпленіе Камышъ-Бурунскаго отряда были двинуты двѣ роты Керченскаго гарнизоннаго полубатальона и три роты

[1]) Отношеніе князя Горчакова военному министру 7-го іюля 1855 г. № 1028.

[2]) Въ предписаніи отъ 12-го мая за № 46-мъ.

пѣшаго Черноморскаго казачьяго № 9-го батальона, а съ тѣмъ вмѣстѣ приказано стянуться къ этому же пункту донскому казачьему № 65-го полку, занимавшему посты по берегу Чернаго моря. Находившемуся въ селеніи Аргинъ гусарскому Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полку и Донской резервной конно-легкой № 4-го батареѣ приказано слѣдовать къ ст. Султановкѣ.

Въ ожиданіи, что̀ предприметъ непріятель, баронъ Врангель оставилъ остальныя части Керченскаго отряда на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ въ Камышъ-Бурунѣ было сосредоточено 9-ть ротъ съ четырьмя орудіями,—всего около 1.848 человѣкъ; въ Керчи находились: часть Керченской карантинной стражи, жандармская команда, часть карантинной пограничной стражи и команда Азовскихъ казаковъ, исполнявшихъ обязанность прислуги при орудіяхъ на Городской батареѣ. Войска эти, въ числѣ до 300 человѣкъ, поступившія подъ начальство керчь-еникальскаго градоначальника, подполковника Антоновича, очевидно, не могли защитить города и предназначались, главнѣйшимъ образомъ, для сохраненія порядка и огражденія христіанскаго населенія отъ насилія татаръ.

Въ Еникале находилась Гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9-го батальона, бывшая прислугою при орудіяхъ, и рота Черноморскаго казачьяго пѣшаго № 9-го батальона, служившая прикрытіемъ для двухъ тамошнихъ батарей. Части эти, всего до 350 человѣкъ, поступили подъ начальство еникальскаго воинскаго начальника подполковника Белизо.

На Павловской, Николаевской и Георгіевской батареяхъ прислуга состояла изъ флотскихъ командъ и нижнихъ чиновъ Керченскаго карантиннаго батальона—всего вмѣстѣ до 400 человѣкъ.

Ѳеодосійскому отряду приказано оставаться на мѣстѣ и быть готовымъ встрѣтить непріятеля. Генералъ Врангель не рѣшился его тронуть потому, что непріятель, показавшись близъ Керчи и попытавшись заставить насъ стянуть туда всѣ малочисленныя войска, въ тотъ же день могъ отплыть къ Ѳеодосіи и, сдѣлавъ тамъ дессантъ, стать на сообщеніи съ главною арміею. Союзники поставили бы тогда отрядъ Врангеля въ крайне затруднительное положеніе и лишили бы его возможности отступить.

Между тѣмъ полковникъ Карташевскій, прибывъ въ Камышъ-Бурунъ, донесъ, что непріятельскій флотъ, огибая Таклинскій маякъ, входитъ въ Керченскій проливъ и, оставивъ вдали большіе корабли, имѣетъ на пароходахъ дессантныя суда на бортахъ и на буксирѣ. Ожидая по числу судовъ значительнаго дессанта и понимая, что съ горстью войскъ, которая была въ его распоряженіи, нѣтъ возможности противиться высадкѣ, баронъ Врангель предписалъ контръ-адмиралу Вульфу дѣйствовать съ его эскадрою по обстоятельствамъ, имѣть въ виду нанесеніе непріятелю наибольшаго вреда и, въ крайнемъ случаѣ, принять мѣры къ спасенію экипажей и къ уничтоженію судовъ. При этомъ контръ-адмиралу Вульфу сообщено, что частнымъ начальникамъ предписано, по истощеніи всѣхъ усилій и средствъ къ противодѣйствію, отступать къ селенію Султановкѣ, уничтоживъ предварительно всѣ военные снаряды, припасы и испортивъ орудія на батареяхъ; что въ такомъ случаѣ еникальскому начальнику подполковнику Белизо разрѣшено, при отступленіи, воспользоваться судами, которыя контръ-адмиралъ Вульфъ признаетъ возможнымъ для того назначить. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику морскихъ командъ и Керченскаго адмиралтейства приказано употребить всѣ усилія къ спасенію казеннаго имущества, которое окажется возможнымъ вывезти, а затѣмъ все остальное уничтожить. Равномѣрно на обязанность керчь-еникальскаго градоначальника возложено уничтожить всѣ имѣвшіеся въ городѣ запасы и затопить всѣ суда, оставшіяся по какому-либо случаю въ гавани.

Для спасенія казенныхъ суммъ, дѣлъ и архивовъ пароходъ „Бердянскъ“ былъ предоставленъ въ распоряженіе дежурнаго штабъ-офицера Черноморской береговой линіи, а шкуна „Аргонавтъ“, долженствовавшая прибыть изъ Еникале,—въ вѣдѣніе керчь-еникальскаго градоначальника полковника Антоновича и въ помощь пароходу „Донецъ“, бывшему еще до этого въ постоянномъ его распоряженіи [1]).

Полковникъ Антоновичъ приказалъ командиру парохода „Бердянскъ“, лейтенанту Свѣшникову, принимать казенныя суммы и дѣла всѣхъ вѣдомствъ до тѣхъ поръ, пока придетъ изъ Еникале шкуна „Аргонавтъ“, а затѣмъ погрузку прекратить, съ тѣмъ, чтобы оставшіяся дѣла были приняты послѣднею. Шкуна „Аргонавтъ“ прибыла

---

[1]) Записка о занятіи Керчи непріятелемъ 12-го мая 1855 г.

въ Керчь и стала на якорь вблизи адмиралтейства въ первомъ часу по полудни, т. е. тогда уже, когда непріятель стоялъ въ виду города и дѣлалъ всѣ приготовленія къ высадкѣ.

Около 11-ти часовъ утра 12-го мая союзный флотъ, миновавъ мысъ Эльтигенъ, остановился около Камышъ-Буруна и расположилъ большія суда въ нѣкоторомъ отдаленіи, а пароходы близъ самаго почти берега, но внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей, при чемъ построилъ ихъ въ три линіи такимъ образомъ, чтобы въ одно и то же время всѣ суда могли открыть огонь. Обстрѣлявши предварительно берегъ, англо-французы, въ половинѣ втораго часа, стали спускать со всѣхъ судовъ шлюпки и сажать на нихъ дессантъ. Вслѣдъ затѣмъ передовыя канонирскія лодки двинулись къ старому карантину и открыли огонь по отряду полковника Карташевскаго. Подъ прикрытіемъ этого огня гребныя суда подошли къ берегу, и часть дессанта была высажена на равнинѣ между мысомъ и деревнею Камышъ-Буруномъ. Генералъ д'Отмаръ тотчасъ же занялъ своими войсками высоту, лежавшую надъ селеніемъ, и тѣмъ обезпечилъ дальнѣйшую высадку. Скоро къ лѣвому флангу французовъ примкнули англичане, а лѣвѣе ихъ и фронтомъ къ Босфорской лощинѣ, обозначаемой на картахъ Соленымъ озеромъ, стали турки.

Какъ только высадка была окончена, союзники тотчасъ же, подъ прикрытіемъ пароходовъ, двинулись къ старому карантину. Опасаясь быть отрѣзаннымъ многочисленнымъ непріятелемъ, полковникъ Карташевскій сталъ отступать по большой Ѳеодосійской дорогѣ, о чемъ и донесъ барону Врангелю. Послѣдній послалъ приказаніе, чтобы всѣ нагружавшіеся пароходы уходили изъ Керченской гавани, а самъ отправился на высоты у Павловской батареи, гдѣ и увидѣлъ, что шесть непріятельскихъ колоннъ съ густою цѣпью стрѣлковъ приближались къ дорогѣ,—единственному пути отступленія для Керченскаго отряда. Большая часть непріятельскаго флота перешла уже въ это время къ старому карантину, а передовые пароходы, слѣдуя одинъ за другимъ, дѣлали промѣры и, подвигаясь вдоль берега, приближались къ Павловской батареѣ. При этомъ передвиженіи одна изъ канонирскихъ лодокъ, отдѣлившись отъ прочихъ и выдвинувшись на высоту нашихъ укрѣпленій, открыла по нимъ огонь съ весьма дальняго разстоянія. Направленіе, по которому двигался непріятель, ясно указывало, что онъ имѣетъ въ

виду занять батареи съ сухаго пути. Понимая, что въ этомъ случаѣ нѣтъ возможности ему воспрепятствовать, баронъ Врангель приказалъ гарнизону Павловской и Николаевской батарей уничтожить запасы, заклепать орудія, взорвать пороховые погреба и, отступивъ, слѣдовать на соединеніе съ полковникомъ Карташевскимъ. Послѣднему приказано было, выйдя на почтовую дорогу, ведущую къ ст. Султановкѣ, остановиться на высотѣ, съ которой видно было мѣсто высадки непріятеля, и, прикрывъ отрядъ казачьими пикетами, ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій. Градоначальнику полковнику Антоновичу послано приказаніе уничтожить запасы и каботажныя суда, но самому оставаться въ городѣ до крайней возможности и всѣми силами стараться сохранить въ немъ надлежащій порядокъ.

Около трехъ часовъ по полудни на Павловской и потомъ Николаевской батареяхъ пороховые погреба были взорваны, деревянные лафеты сожжены, орудія заклепаны, снаряды брошены въ воду и запасы пороха уничтожены. То же самое сдѣлали командиры остальныхъ батарей, и прикрытіе, вмѣстѣ съ прислугою при орудіяхъ, отступивъ, присоединилось къ отряду полковника Карташевскаго. Находившіяся противъ Павловской батареи мины были также взорваны.

Услышавъ взрывы на батареяхъ, контръ-адмиралъ Вульфъ приступилъ къ затопленію транспортовъ, а потомъ со всѣми пароходами выступилъ въ Азовское море.

Съ оставленіемъ нашихъ батарей непріятель устремился въ Керченскій проливъ, и одна изъ его лодокъ была отправлена впередъ, для промѣра и наблюденія за берегомъ. Въ линіи затопленныхъ нашихъ судовъ былъ оставленъ проходъ, обстрѣливаемый прямыми выстрѣлами съ Павловской батареи. Со взрывомъ этой батареи непріятельскія суда, имѣвшія конечно путеводителями проходившихъ прежде иностранныхъ шкиперовъ, шли безпрепятственно, по указанному ими направленію. Подвигаясь медленно и мелко сидя въ водѣ, лодка свободно прошла линію затопленныхъ судовъ, и тогда по данному сигналу за нею двинулись три другихъ.

Въ это время паровая наша шкуна „Аргонавтъ“, принявъ часть дѣлъ и взявъ на буксиръ шаланду, нагруженную также дѣлами и казеннымъ имуществомъ, снялась съ якоря и пошла къ Еникальскому

проливу. Передовое английское судно, вошедшее уже на Керченскій рейдъ, открыло по ней огонь и бросилось въ погоню. Чтобы имѣть возможность отвѣчать на выстрѣлы противника, „Аргонавтъ“ принужденъ былъ бросить шаланду, и она, попавшись въ руки непріятеля, была истреблена имъ. Видя преслѣдованіе шкуны „Аргонавтъ“ и желая поддержать ее, контръ-адмиралъ Вульфъ отдѣлилъ отъ своей эскадры пароходъ „Боецъ“ и послалъ его на встрѣчу непріятелю. Открывъ огонь по англійскому судну, „Боецъ“ прикрылъ „Аргонавта“ и, отступая вмѣстѣ съ нимъ, подвелъ непріятельское судно подъ выстрѣлы Еникальскихъ батарей, съ которыми оно и завязало перестрѣлку.

Въ то время, когда шкуна „Аргонавтъ“ оставила Керченскій рейдъ, командиръ парохода „Бердянскъ“, лейтенантъ Свѣшниковъ, все еще продолжалъ грузить дѣла и принималъ команду съ парохода „Могучій“, назначеннаго къ уничтоженію, по случаю значительнаго поврежденія, оказавшагося въ его машинѣ. Видя, что на берегу не оставалось болѣе груза, для передачи на пароходъ, полковникъ Антоновичъ послалъ сказать лейтенанту Свѣшникову, чтобы онъ торопился сняться съ якоря и слѣдовалъ къ Еникалю. Едва только пароходъ „Бердянскъ“ вышелъ изъ Керченской гавани, какъ лейтенантъ Свѣшниковъ замѣтилъ, что изъ-за мыса Акъ-Буруна показались два непріятельскихъ парохода. Онъ приказалъ дать полный ходъ и усилить пары до высшаго предѣла. Направляя курсъ къ Еникальскому мысу и видя, что нѣтъ возможности уйти отъ преслѣдованія непріятеля, перерѣзывавшаго ему путь, Свѣшниковъ круто поворотилъ къ берегу, у новаго карантина сѣлъ на мель, снялъ съ парохода команду и зажегъ судно, не успѣвъ произвести выгрузку казенныхъ суммъ и прочаго имущества.

Съ уходомъ парохода „Бердянскъ“ въ Керченской гавани оставалось только два парохода: „Могучій“ и „Донецъ“. Послѣдній былъ оставленъ для перевозки командъ, оставленныхъ въ городѣ въ томъ случаѣ, если бы непріятель отрѣзалъ имъ отступленіе съ сухаго пути. Но какъ непріятель прежде всего занялъ Керченскій рейдъ, то пароходъ „Донецъ“ и былъ сожженъ. Та же участь постигла и пароходъ „Могучій“ [1].

---

[1]) Записка о занятіи Керчи 12-го мая 1855 года.

Командиръ парохода лейтенантъ Кушакевичъ еще съ утра получилъ приказаніе, въ случаѣ появленія непріятеля на рейдѣ, уничтожить судно. По пароходу была разлита смола, масло, разбросано сало, свѣчи и прочіе горючіе матеріалы. Весь порохъ, бывшій на пароходѣ, былъ выброшенъ и въ крюйтъ-камерѣ оставлено только пять боченковъ, съ тою цѣлью, чтобы взрывъ окончательно уничтожилъ судно. Команда была пересажена на пароходъ „Бердянскъ", а на „Могучемъ" осталос только человѣкъ десять вмѣстѣ съ капитаномъ. Долго Кушакевичъ не рѣшался привести въ исполненіе полученное приказаніе, но когда непріятельскія суда одно за другимъ стали входить на рейдъ, онъ приказалъ зажечь „Могучаго".

— Нѣтъ, отецъ родной,—отвѣчали солдаты,—наложи самъ руку.

Кушакевичъ зажегъ лучину и внесъ огонь въ жилой кубрикъ; его примѣру послѣдовала команда. „Могучій" загорѣлся въ разныхъ мѣстахъ. Кушакевичу казалось однако же, что пароходъ его горитъ медленно, и онъ приказалъ кочегарамъ Анищенкѣ и Мамонтову зажечь крюйтъ-камеру и вставить въ одинъ изъ пороховыхъ боченковъ длинный фальшфейеръ [1]). По неловкости поджигавшихъ взрывъ послѣдовалъ ранѣе, чѣмъ предполагалось; оба кочегара и лейтенантъ Ушаковъ были убиты, прапорщикъ Ивановъ раненъ, а самъ Кушакевичъ былъ переброшенъ съ правой стороны кормы на лѣвую. Раненый и избитый, онъ былъ заваленъ обломками, изъ-подъ которыхъ освобожденъ матросами и отнесенъ въ Керченскій госпиталь.

Все это случилось около пяти часовъ по полудни, когда на рейдѣ находилось до 20 непріятельскихъ пароходовъ, изъ которыхъ нѣкоторые направились къ Еникале. Тамъ они были встрѣчены выстрѣлами съ приморскаго фаса упраздненной крѣпости, поддерживавшей огонь до самой ночи.

Подъ прикрытіемъ этого огня и пользуясь временною задержкою непріятельскихъ судовъ, контръ-адмиралъ Вульфъ ушелъ съ своими пароходами въ Азовское море и въ 11-ть часовъ, 13-го мая, прибылъ въ Бердянскъ. Войти въ устье Дона пароходамъ не представлялось возможности, и потому Вульфъ, пользуясь разрѣшеніемъ барона Вран-

---

[1]) Встрѣча съ старымъ знакомымъ. «Воен. Сборникъ» 1859 года.

геля, тотчасъ же приступилъ къ уничтоженію своей флотиліи. Пароходы „Молодецъ“, „Боецъ“, „Колкида“ и шкуна „Аргонавтъ“ были преданы огню, орудія заклепаны и брошены въ море, машины испорчены и частію взорваны порохомъ, такъ что когда на разсвѣтѣ 14-го числа непріятель подошелъ къ Бердянску, то нашихъ судовъ уже не существовало.

Шесть Азовскихъ казачьихъ баркасовъ также успѣли уйти въ Азовское море, и, дойдя до Геническа, казаки затопили въ Сивашѣ свои лодки.

Съ уходомъ флотиліи и съ наступленіемъ темноты, подполковникъ Белизо испортилъ въ Еникальской крѣпости орудія, взорвалъ погреба, зажегъ провіантскій магазинъ и, уничтоживъ все, что̀ могло достаться въ руки непріятеля, отступилъ сначала по дорогѣ къ Азовскому морю, чтобы не встрѣтиться съ непріятелемъ, а затѣмъ пошелъ по дорогѣ въ селеніе Аргинъ, вслѣдъ за отступавшимъ полковникомъ Антоновичемъ. Послѣдній, приступивъ къ уничтоженію провіантскихъ складовъ и частныхъ хлѣбныхъ запасовъ, приказалъ остававшимся еще войскамъ отступать, а самъ съ небольшою командою оставался въ городѣ, для охраненія порядка при выходѣ изъ города жителей, которые толпами спѣшили вслѣдъ за отступавшими командами: кто пѣшкомъ, кто на подводахъ, унося съ собою что̀ могли изъ своего имущества. На морѣ горѣли зажженныя нами суда, а на берегу провіантскіе магазины и запасы сѣна. Отъ Еникальскаго маяка до Камышъ-Буруна все было объято пламенемъ, среди котораго виднѣлись тѣни удалявшагося изъ города населенія. Каждый торопился уйти, чтобы не попасть въ руки непріятеля, около 6½ часовъ двинувшагося къ городу. То былъ генералъ д'Отмаръ съ бригадою пѣхоты и стрѣлковымъ батальономъ, направлявшійся къ Павловской батареѣ, для окончательнаго ея уничтоженія. Оставаться въ городѣ при видѣ приближающагося непріятеля значило рисковать попасть въ плѣнъ, и полковникъ Антоновичъ съ конными командами также отступилъ. Въ Керчи и Еникалѣ остались только больные и тяжело раненые нижніе чины, доставленные изъ Севастополя. Они помѣщались въ Керчи въ городскомъ, а въ Еникалѣ—въ военномъ госпиталяхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для лѣченія и продовольствія. Недостатокъ подводъ лишалъ Врангеля возможности вывезти нашихъ раненыхъ, и онъ вынужденъ былъ

просить начальника экспедиціоннаго корпуса принять ихъ подъ свою защиту и покровительство.

„Генералъ!—писалъ онъ Броуну.—Прежде чѣмъ оставить Керчь, я считаю необходимымъ исполнить долгъ, котораго требуетъ человѣчество и который возлагается на меня какъ моимъ положеніемъ, такъ и живымъ участіемъ, питаемымъ мною къ тяжело-больнымъ храбрымъ солдатамъ. Лишенные возможности, по своей слабости, отступить съ отрядомъ, эти солдаты оставлены въ военномъ городскомъ госпиталѣ, на попеченіи доктора Марценовскаго (отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ), которому приданы въ помощь аптекарь, коммиссаръ и 40 служителей.

„Прошу васъ принять подъ свое покровительство нашихъ больныхъ, равно какъ и лицъ, попеченію которыхъ они ввѣрены, и оказать имъ ваше вниманіе.

„Больные обезпечены съ избыткомъ на нѣсколько недѣль припасами и всѣмъ необходимымъ для облегченія ихъ тяжкаго положенія.

„Матеріальная часть госпиталя, устроенная на гораздо бо̀льшее противу наличнаго числа больныхъ, осталась неприкосновенна. Считая ее исключительно посвященною облегченію страданій человѣческихъ, я не уничтожилъ ее.

„Въ увѣренности, что мое ходатайство о страждущихъ и слабыхъ воинахъ будетъ принято вашимъ превосходительствомъ, какъ долгъ передъ человѣчествомъ, прошу васъ принять увѣреніе въ моихъ лучшихъ чувствахъ къ вамъ“.

Письмо это осталось безъ отвѣта и, какъ увидимъ, не имѣло того дѣйствія, которое отъ него ожидали.

Къ вечеру 12-го мая бо̀льшая часть Керченскаго отряда собралась у ст. Султановки, гдѣ присоединились къ нему Гусарскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ и донская резервная конно-легкая № 4-го батарея. Генералъ Врангель тотчасъ же выслалъ въ подкрѣпленіе донскаго № 65-го полка, содержавшаго цѣпь, дивизіонъ гусаръ и четыре орудія Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11-го батареи. Командованіе этимъ кавалерійскимъ отрядомъ было поручено генералъ-маіору Сухотину, а полковнику Карташевскому съ пѣхотою приказано слѣдовать въ селеніе Аргинъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ города Керчи оставаться было невозможно, какъ по неимѣнію на этомъ пространствѣ

достаточнаго количества воды, такъ и потому, что Врангель признавалъ необходимымъ быть ближе къ г. Өеодосіи, на случай, если бы непріятель предпринялъ что-либо въ этомъ пунктѣ.

Вечеромъ, 13-го мая, отрядъ прибылъ въ селеніе Аргинъ, куда тянулись также по разнымъ дорогамъ остатки командъ изъ Керчи и Еникале. По мѣрѣ того какъ одна команда нагоняла другую, затрудненіе въ движеніи увеличивалось по недостатку воды. Около 11-ти часовъ утра, 13-го мая, Керченскія команды соединились съ Еникальскими, и полковникъ Антоновичъ принялъ общую команду. Въ семь часовъ по полудни проѣхалъ мимо отряда негоціантъ Монолезъ и объявилъ, что въ городъ былъ присланъ парламентеръ съ объявленіемъ, чтобы жители оставались покойными, что союзныя войска пройдутъ только черезъ Керчь и отправятся прямо въ Арабатъ. Это извѣстіе заставило Антоновича перемѣнить направленіе, и онъ вмѣсто Аргина пошелъ на Парначъ. Отрядъ двигался весьма медленно. При сильномъ жарѣ и жаждѣ, онъ находилъ на пути только одни грязныя лужи. Люди истомились и подбились; волы тоже, а перемѣнить подводъ было негдѣ. Дорога была покрыта въ нѣсколько рядовъ всевозможными экипажами и пѣшеходами, въ числѣ которыхъ были и дамы, представительницы лучшаго общества въ Керчи. Спасаясь бѣгствомъ безъ предварительныхъ приготовленій, онѣ бросились изъ города въ чемъ были. Въ одномъ платьѣ и въ тонкихъ башмакахъ, отъ непривычной скорой ходьбы по каменистой дорогѣ, женщины падали въ изнеможеніи, съ распухшими и окровавленными ногами. Но этого мало: измѣнники татары бросились въ догоню, грабили, убивали, а надъ молодыми дѣвушками производили страшныя безчинства. Насилія татаръ заставляли переселенцевъ забывать объ усталости и спѣшить за войсками, обезпечивавшими ихъ отъ опасности.

„При войскахъ—писалъ Антоновичъ [1])—за нами, съ нами и впереди много обозовъ съ семействами. Отрядъ мой—приводящая въ отчаяніе компиляція. Прикажите, ваше превосходительство, что съ ними дѣлать и куда ихъ направить? До сихъ поръ не могу составить не только строеваго рапорта, но даже и простыхъ записокъ о частяхъ и командахъ, находящихся со мною. Для васъ пригодилась бы только рота Еникаль-

[1]) Барону Врангелю въ письмѣ отъ 13-го мая 1855 г.

скаго гарнизона и другая,—артиллерійской прислуги. Карантинный полубатальонъ,—съ одышкой, ревматизмами уже и теперь едва движущійся; мелкія же команды,—такой народъ, съ которымъ ничего не сдѣлаешь, а кормить его надо".

Въ Аргинѣ войскамъ была дана дневка, главнѣйшимъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы дать возможность христіанскому населенію г. Керчи и окрестныхъ деревень выйти подъ защиту нашихъ войскъ. Выходцы тянулись по всѣмъ дорогамъ Керченскаго полуострова; городъ быстро пустѣлъ, и изъ 12.000 населенія въ немъ осталось не болѣе 2.000 человѣкъ. Уходя изъ города, кто какъ могъ, жители оставляли въ домахъ все свое имущество безъ всякаго присмотра, ибо мало кто имѣлъ телѣгу или экипажъ, но и тѣ были необходимы для помѣщенія членовъ семейства. Татары же за проѣздъ 27-ми верстъ, отъ города до ст. Султановки, просили съ одного пассажира отъ 20 до 100 руб. сер. и не иначе, какъ звонкою монетою. Такая дороговизна заставляла многихъ идти пѣшкомъ, не зная, гдѣ придется приклонить голову, какъ укрыться отъ жаркаго южнаго солнца, чѣмъ подкрѣпить силы и утолить жажду. „Съ моря угрожаемые непріятелемъ,—говоритъ г. Григорьевъ [1]),—на своей степи преслѣдуемые измѣнниками татарами, несчастные керченцы, при всемъ изнуреніи силъ, движимые чувствомъ страха, бѣжали по терновой и каменистой дорогѣ, пока не укрылись въ безопасное мѣсто".

Рано утромъ 13-го мая, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, союзный экспедиціонный корпусъ двинулся къ Керчи и, не останавливаясь въ городѣ, прошелъ его скорымъ шагомъ. Дойдя до Карантина, находившагося въ четырехъ верстахъ отъ города, англо-французы остановились и тотчасъ же приспособили зданіе къ ружейной оборонѣ. Отдохнувши около часа, французы направились въ Еникале и, прибывши туда въ полночь, расположились лагеремъ впереди города. Къ нимъ присоединились въ ту же ночь англичане и турки.

Итакъ Керчь была оставлена нами и занята непріятелемъ. „По телеграфу намъ уже извѣстно,—писалъ Государь князю Горчакову [2]),—объ овладѣніи Керчи. Сколь оно ни прискорбно, но я это предвидѣлъ, ибо

---

[1]) Записка по поводу войны 1853—1856 г. (рукоп.).

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го мая 1855 г.

отрядъ генерала Врангеля былъ слишкомъ слабъ, чтобы противостоять сильной высадкѣ. Надѣюсь, что отступленіе его теперь обезпечено. Самое непріятное послѣдствіе есть овладѣніе Азовскимъ моремъ, которое лишаетъ насъ всѣхъ морскихъ подвозовъ.

„Любопытно будетъ знать, рѣшатся ли союзники идти въ глубь полуострова, или, посадивши войска свои снова на суда, сдѣлаютъ дессантъ у Анапы и Новороссійска. Надѣюсь, что генералъ-адъютантъ Хомутовъ будетъ въ силахъ дать имъ отпоръ“.

Не думая о движеніи впередъ, союзники заботились объ обезпеченіи своего положенія въ Керчи постройкою укрѣпленій и, не принимая въ теченіе нѣсколькихъ дней никакихъ мѣръ къ сохраненію порядка въ городѣ, предоставили его на разграбленіе мародерамъ. Въ тотъ же день вечеромъ, нѣсколько непріятельскихъ судовъ, стоявшихъ у Амбалака, бросили якорь противъ Керчи и высадили на берегъ свой экипажъ. Люди эти немедленно кинулись на оставленные дома и, найдя ихъ запертыми, разламывали двери и предавались грабежу. Къ нимъ присоединились турецкіе мародеры и ушедшіе тайкомъ солдаты экспедиціоннаго корпуса. Вмѣстѣ съ татарами, они ворвались въ институтскую церковь, унесли облаченіе, серебряное кадило, дискосъ и даже мѣдные кресты. Снявъ съ престола одѣяніе, мародеры опрокинули его, думая найти подъ нимъ все церковное богатство.

По ночамъ татары воровали скотъ и отгоняли его въ лагерь, для продажи. Узнавши, что многіе изъ жителей окрестныхъ селеній такимъ способомъ составили себѣ значительныя стада, союзники послали команды, отобрали скотъ у татаръ и въ одну ночь отправили болѣе четырехъ сотъ головъ въ Севастополь. Во всемъ городѣ Керчи и его предмѣстьяхъ осталось не болѣе двѣнадцати коровъ, и то спрятанныхъ въ скрытныхъ мѣстахъ.

Въ первые дни, послѣ занятія города, многія лавки оставались еще открытыми, и союзники платили за покупаемые товары довольно выгодно, но впослѣдствіи они стали назначать произвольныя цѣны и установили особый курсъ для своихъ денегъ: пяти-франковая монета, стоющая 1 руб. 25 коп., ходила за 1 руб. 70 коп. [1]). Такой произволъ заставилъ куп-

---

[1]) Показаніе купца Молчанова.

цовъ запереть лавки, но непріятель разламывалъ ихъ и расхищалъ товары. При этомъ винные погреба обращали на себя особенное вниманіе, и мародеры стекались туда со всѣхъ сторонъ. Пьянство, буйство и грабежи заставили хозяевъ, для избавленія отъ докучливыхъ посѣтителей, разбить бочки и выпустить вино, но охотники до хмѣльнаго бродили въ погребахъ по колѣно въ винѣ, черпали его ведрами, или напивались до смерти. Къ сожалѣнію, офицеры союзныхъ войскъ служили во многомъ примѣромъ для своихъ солдатъ и въ особенности у англичанъ. Очевидцы разсказываютъ, что у англійскихъ офицеровъ были повѣшены черезъ плечи парусинныя сумы, въ которыхъ помѣщались стамески, разной величины отвертки и молотокъ. Многіе комоды городскихъ жителей пострадали отъ ловкаго обращенія съ ними англійскихъ офицеровъ. „Я видѣлъ,—говоритъ одинъ изъ Керченскихъ жителей,—англійскихъ офицеровъ, которые не стыдились собственными руками таскать разнаго рода мебель, алебастровыя фигуры и все, что попадалось подъ руку“.

Дорога отъ Керчи до Еникале была усѣяна обломками всякаго рода мебели и убитымъ скотомъ. Многіе дома въ городѣ были сожжены, литейная взорвана, и машины вытащены; музей разграбленъ, и его мраморные полы выломаны. Почти всѣ зданія были разрушены, и добытый изъ нихъ лѣсъ употребленъ на топливо. Обломки разной дорогой мебели, черепки фаянсовой посуды, груды различной домашней утвари, куски изломанныхъ роялей—все это запрудило улицы города [1]).

Только по истеченіи трехъ дней, когда почти все было уже разграблено и уничтожено, союзники приступили къ водворенію порядка, и небольшія команды французовъ и англичанъ заняли Керченское адмиралтейство и прилежащій къ нему кварталъ. Адмиралтейство обращено было въ гауптвахту, куда союзники приводили своихъ нижнихъ чиновъ, нерѣдко кончавшихъ свои похожденія въ погребахъ смертоубійствомъ.

Начальники командъ пригласили жителей сформировать полицію изъ горожанъ. Въ составъ ея было набрано до 50 человѣкъ, которымъ и были розданы ружья, уцѣлѣвшія еще въ складѣ Керчи. Полиція эта не имѣла впрочемъ никакого значенія, по малочисленности своего состава и потому, что рядомъ съ нею находилась полиція союзниковъ. Безпорядки

¹) «Сѣверная Пчела», 1855 г., №№ 158, 213 и 273. «Русскій Инвалидъ», 1855 г., № 141.

*

въ Керчи по-прежнему продолжались; грабежи и насильства также. Участи этой не избѣгли даже наши раненые, оставленные въ госпиталѣ въ полномъ довольствѣ. Продовольственные запасы ихъ были расхищены, и больные въ теченіе нѣсколькихъ дней питались однимъ хлѣбомъ и водою.

Слухъ о печальномъ положеніи нашихъ раненыхъ крайне безпокоилъ барона Врангеля, и когда онъ получилъ письмо отъ оставшагося въ Керчи прусскаго медика Бутлера, писавшаго, что госпитали находятся въ безпомощномъ положеніи—онъ рѣшился отправить парламентера, съ просьбою выдать намъ всѣхъ больныхъ [1]). Посланный въ Керчь, лейтенантъ-баронъ Гейкингъ исполнилъ данное ему порученіе весьма успѣшно: онъ вывезъ 48 больныхъ морскаго и сухопутнаго вѣдомствъ, 3-хъ мѣщанъ и 12 женщинъ при двухъ медикахъ. Пользуясь случаемъ, за обозомъ послѣдовали многія семейства Керченскихъ жителей, преимущественно женщины съ дѣтьми, искавшія спасенія отъ жестокостей турокъ и татаръ. Разоренные и ограбленные, голодные и томимые жаждою, несчастные выходцы едва двигались, не зная, чѣмъ прокормить себя и дѣтей. Молва объ ихъ тяжкомъ положеніи скоро распространилась между чинами кавалерійскаго отряда генералъ-маіора Сухотина, расположеннаго у селенія Аибъ-Эли, и чувство состраданія отозвалось въ сердцахъ русскихъ воиновъ. Мысль о посильной помощи прежде всего явилась у протоіерея Овсянкина, обратившагося къ благотворительности чиновъ отряда.

„Воины!—писалъ онъ въ своемъ воззваніи. Вы неоднократно были свидѣтелями того горестнаго положенія жителей города Керчи, въ которое поставило ихъ варварское обращеніе съ ними враговъ нашихъ. Многіе изъ жителей, лишась крова, не имѣютъ дневнаго пропитанія для себя и своихъ семействъ и изнеможенные едва достигаютъ нашего лагеря. Вамъ не нужно объяснять все происшедшее въ самомъ городѣ, со времени занятія онаго непріятелями—вамъ оно извѣстно отъ самихъ страждущихъ.

„Зная готовность вашу на всякое христіанское пожертвованіе, я смѣло обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ посильнымъ вашимъ пожертвованіемъ хотя на время облегчить жалкую участь страдальцевъ, доставивъ имъ средство къ пропитанію и достиженію безопаснаго отъ враговъ пріюта.

---

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Сухотина генералу Врангелю 14-го іюня № 687.

„Я совершенно увѣренъ, что мое предложеніе будетъ принято вами съ обычнымъ вамъ радушіемъ, считая при этомъ священнымъ долгомъ повторить обѣтъ возсылать мои недостойныя молитвы ко Всевышнему о вашемъ благоденствіи, а Господь, не оставляющій безъ наградъ и одной чаши студеной воды, поданной страждущимъ во имя Его, за ваше пожертвованіе, воздастъ вамъ должное въ будущемъ“.

„Благословляю васъ, какъ пастырь церкви, на это святое дѣло, и Господь невидимо осѣнитъ васъ всесильною своею десницею“.

Воззваніе это оказало свое дѣйствіе. Въ самое короткое время въ отрядѣ, состоявшемъ изъ гусарскаго гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полка и Донской резервной № 4-го батареи, было собрано 756 руб., которые и были переданы генералъ-маіору Сухотину, для раздачи, по его усмотрѣнію, всѣмъ нуждающимся жителямъ и ихъ семействамъ. Независимо отъ этого, по прибытіи транспорта съ ранеными, въ полку и батареѣ былъ приготовленъ ужинъ, при чемъ каждый солдатъ и казакъ спѣшилъ подѣлиться съ несчастными своею порціею водки и старался показать свое вниманіе къ страждущимъ [1]).

Таковы были въ общихъ чертахъ событія, сопровождавшія занятіе непріятелемъ Керчи. Съ сердечною грустію имѣя несчастіе донести, какъ выразился баронъ Врангель, объ оставленіи города, онъ просилъ главнокомандующаго подкрѣпить его хотя небольшимъ числомъ пѣхоты.

„Я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству,—писалъ онъ князю Горчакову—[2]), и теперь осмѣливаюсь повторить, что изъ числа находящейся у меня пѣхоты большая часть оной не имѣетъ должнаго образованія для дѣйствій противъ регулярныхъ войскъ и потому, при всѣхъ соображеніяхъ о противодѣйствіи предпріятіямъ непріятеля, я всегда прихожу къ одному печальному результату, что мнѣ остается только забота избѣгать боя съ непріятелемъ, имѣющимъ предо мною огромныя преимущества не по одной только своей численности. Не считаю нужнымъ говорить, до какой степени тяжело и прискорбно такое положеніе: хотя и въ немъ есть утѣшеніе—выполненія своего долга по мѣрѣ средствъ и возможности, но простительно однако же желать выполнить его съ честью для русскаго оружія.

---

[1]) Рап. генералъ-маіора Сухотина генералу Врангелю 14-го іюня № 687.

[2]) Въ письмѣ отъ 14-го мая 1855 г.

„Указывая мнѣ въ повелѣніяхъ своихъ, что можетъ предпринять непріятель, особенно владѣя теперь Азовскимъ моремъ, ваше сіятельство изволите видѣть и всю опасность, коей подвергаются ввѣренныя мнѣ войска, при малочисленности ихъ и при возможности быть отрѣзанными отъ всѣхъ сообщеній, если непріятель отважится ввести войска свои на пароходахъ въ Азовское море и высадить ихъ близъ Арабата. Поэтому я позволяю себѣ вновь безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою подкрѣпить меня регулярною пѣхотою, если только это возможно".

Князь Горчаковъ не призналъ возможнымъ подкрѣпить барона Врангеля даже и тогда, когда непріятель, ворвавшись въ Азовское море, угрожалъ его тылу.

Простоявши однѣ сутки въ селеніи Аргинъ и опасаясь, чтобы непріятель, высадившись у Ѳеодосіи или Арабата, не сталъ на сообщеніяхъ отряда, баронъ Врангель оставилъ въ Аргинѣ кавалерію, а самъ съ пѣхотою перешелъ въ село Парначъ (Братское тоже).

Парначская позиція обезпечивала отрядъ отъ обходнаго движенія морскихъ дессантовъ, и потому пунктъ этотъ избранъ былъ для окончательнаго отступленія къ нему Керченскаго отряда. При томъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Керчи это было единственное мѣсто, гдѣ изъ большаго аута [1]) можно было имѣть достаточно воды, хотя и не вполнѣ хорошаго качества и гдѣ еще оставался провіантъ, сложенный на Арабатской косѣ. Въ этомъ мѣстѣ перешеекъ полуострова, по прямой линіи отъ Арабатскаго укрѣпленія, черезъ Парначъ, до Чернаго моря, имѣетъ всего 16 верстъ, и мѣстность его настолько возвышенна, что баронъ Врангель могъ наблюдать за всѣми движеніями непріятельскаго флота и за всѣмъ, происходящимъ въ Керчи.

Съ паденіемъ Керчи и Еникале союзникамъ представилось обширное поприще для наѣздовъ на мирные и обширные города Азовскаго моря, и они торопились заявить міру о подвигахъ разрушенія, геройствѣ и храбрости, не представлявшихъ для нихъ ни опасности, ни славы.

Первый наѣздъ ихъ былъ произведенъ на Бердянскъ, гдѣ вовсе не имѣлось войскъ и почти не оставалось жителей. Какъ только 13-го

---

[1]) Аутами называются по-татарски нарочно выкопанныя ямы, для собиранія въ нихъ дождевой воды, посредствомъ устраиваемыхъ стоковъ.

мая контръ-адмиралъ Вульфъ явился у Бердянска съ своими пароходами, населеніе уже стало оставлять городъ. Присутственныя мѣста, арестанты и инвалидная команда были выведены въ селеніе Андреевку; почтовая контора также удалилась, и почмейстеръ, забравъ всѣхъ почтовыхъ лошадей, оставилъ городъ безъ всякаго сообщенія.

Въ первомъ часу дня, 14-го мая, показался непріятельскій флотъ въ числѣ 14 судовъ и, огибая косу со стороны посада Петровскаго, подвигался къ Бердянску, сожигая всѣ попавшіяся ему каботажныя суда и рыбные заводы, устроенные на косѣ. Остановившись у оконечности косы, близъ Большой бухты, непріятель сдѣлалъ то же самое съ судами, находившимися какъ въ этой, такъ и въ Малой бухтахъ, и еще наканунѣ по распоряженію портоваго начальника затопленныхъ до палубъ.

Часовъ въ семь утра, 15-го мая, весь флотъ подошелъ къ пристани и выстроился въ линію правымъ бортомъ къ городу. Спустивши вслѣдъ за тѣмъ баркасы и посадивъ на нихъ дессантъ, состоявшій изъ вооруженныхъ матросовъ, начальникъ эскадры поднялъ переговорный флагъ. Портовой начальникъ полковникъ Черняевъ, по просьбѣ оставшихся горожанъ, вышелъ на пристань и приказалъ также поднять бѣлый флагъ. Два парламентера тотчасъ же пристали къ берегу и объявили собравшимся, что союзники прибыли къ городу чтобы уничтожить всѣ казенныя мореходныя суда, но что частная собственность будетъ пощажена. Они просили указать, гдѣ находятся принадлежащіе правительству склады провіанта. — Полковникъ Черняевъ отвѣчалъ, что въ городѣ нѣтъ ни войска, ни жителей, что они могутъ дѣлать что угодно, и самъ удалился. Послѣ такого заявленія всѣ баркасы съ дессантомъ, выстроенные впереди пароходовъ, двинулись къ берегу и высадившись зажгли строившіяся на берегу четыре каботажныя судна, деревянный питейный домъ, провіантскій магазинъ инвалидной команды и магазинъ купца Константинова, въ которыхъ хранилось до 40.000 четвертей пшеницы [1]). Уничтоживъ всѣ суда, не исключая обыкновенныхъ рыбачьихъ лодокъ, союзники удалились, и

---

[1]) Рапортъ портоваго начальника г. Бердянска таврическому губернатору 17-го мая 1855 г. № 1. Записка князя Горчакова военному министру отъ 22-го мая 1855 г.

въ 6 часовъ утра слѣдующаго дня, въ числѣ 13 вымпеловъ явились у Арабата.

Выстроившись въ боевой порядокъ противъ лѣваго фаса укрѣпленія, эскадра открыла канонаду, на которую могли отвѣчать только пять нашихъ орудій, успѣвшихъ повредить два непріятельскихъ судна, хотя выстрѣлы ихъ долетали только до ближайшихъ. Послѣ трехъчасоваго бомбардированія непріятель отошелъ въ море и остановился въ виду укрѣпленія. Потеря наша состояла изъ 7 убитыхъ и 45 раненыхъ нижнихъ чиновъ и одного контуженнаго инженеръ-штабсъ-капитана Васильева.

Какъ только генералъ Врангель, отступавшій въ то время къ селенію Парначъ, узналъ о появленіи непріятеля у Арабата, онъ отправился туда и, убѣдившись лично, что поврежденія въ укрѣпленіи значительны, направилъ туда, для усиленія рабочихъ, Черноморскій пѣшій № 5-го батальонъ и командировалъ полковника Карташевскаго. Послѣднему поручено было принять въ свое вѣдѣніе Арабатское укрѣпленіе и привести его въ болѣе сильное оборонительное положеніе со стороны моря [1]), хотя, по мнѣнію Врангеля, съ прорывомъ непріятеля въ Азовское море, Арабатское укрѣпленіе не имѣло уже никакого значенія.

Построенное съ цѣлью защиты Арабатской стрѣлки, укрѣпленіе не выполняло теперь своего назначенія, такъ какъ непріятель могъ обстрѣливать эту узкую полосу земли на всемъ ея протяженіи огнемъ своихъ пароходовъ. Поэтому при первомъ появленіи союзниковъ въ Азовскомъ морѣ баронъ Врангель приказалъ прекратить движеніе транспортовъ по Арабатской стрѣлкѣ и предлагалъ уничтожить укрѣпленіе. Князь Горчаковъ не соглашался съ послѣднимъ мнѣніемъ и требовалъ защиты укрѣпленія до послѣдней крайности.

„Я возлагаю на вашу отвѣтственность,—писалъ онъ Врангелю [2]),—чтобы крѣпость Арабатъ не была взята непріятелемъ. Регулярной осады противъ нея непріятель вести не можетъ, а отъ бомбардиро-

---

[1]) Записка барона Врангеля, представленная главнокомандующимъ военному министру при отношеніи отъ 11-го іюня № 2279.

[2]) Въ предписаніи отъ 17-го мая 1855 г. № 1344.

ванія съ моря, при высадкѣ на берегъ непріятельскаго отряда, крѣпость эта отнюдь сдаваться не должна; напротивъ того, должна выдержать бомбардированіе и отбить штурмъ".

„Сколь ни слабы оборонительныя средства Арабата,— писалъ князь Горчаковъ въ другомъ предписаніи генералу Врангелю [1]),—сколь ни великъ будетъ вредъ, который можетъ быть причиненъ укрѣпленію и гарнизону бомбардированіемъ, но при всемъ томъ однимъ обстрѣливаніемъ непріятель не можетъ овладѣть Арабатомъ. Для сего необходима атака открытою силою, на которую онъ едва-ли рѣшится, а если и предприметъ, то съ помощію Бога можетъ быть отбитъ. Съ другой стороны хотя Арабатъ и потерялъ большую часть своего значенія, черезъ овладѣніе Азовскимъ моремъ союзниками, но если мы очистимъ укрѣпленіе и непріятель займетъ его, то оно для насъ уже будетъ вредно и тогда не легко будетъ намъ вновь завладѣть имъ".

Получивши эти предписанія, генералъ Врангель отправилъ на усиленіе гарнизона этой крѣпости еще 81 человѣка нижнихъ чиновъ морскихъ командъ, собственно для замѣщенія прислуги при орудіяхъ. Полковнику же Карташевскому поручено было принять возможныя мѣры къ исправленію и усиленію Арабатскихъ укрѣпленій. Несмотря на недостатокъ мѣстныхъ средствъ и лѣсныхъ матеріаловъ, работы подвигались довольно успѣшно: помѣщичій домъ, находившійся подъ выстрѣлами крѣпости, былъ снесенъ; каменный резервуаръ наливался водою; внутри крѣпости устраивались блиндированныя помѣщенія; передъ пороховымъ погребомъ, открытымъ со стороны моря, возводился траверсъ [2]).

Настаивая на усиленіи Арабатскаго укрѣпленія и защитѣ его до послѣдней возможности, князь Горчаковъ имѣлъ въ виду оградить себя отъ покушеній непріятеля на сѣверныя части Крымскаго полуострова, гдѣ проходили всѣ сухопутныя сообщенія полуострова съ Имперіею. Желаніе обезпечить себя въ этомъ отношеніи заставило главнокомандующаго обратить вниманіе и на Геническъ, составлявшій

---

[1]) Отъ 20-го мая № 75.

[2]) Рапорты генерала Врангеля отъ 18-го мая № 168 и 22-го мая № 194.

вмѣстѣ съ Арабатомъ передовые пункты, преграждавшіе непріятелю доступъ въ Сивашъ.

Съ появленіемъ непріятеля въ Азовскомъ морѣ князь Горчаковъ тотчасъ же командировалъ въ Геническъ флигель-адъютанта подполковника князя Лобанова-Ростовскаго, для принятія мѣръ по защитѣ Геническаго пролива. Подъ его начальствомъ былъ сформированъ отрядъ, состоявшій изъ 6-го резервнаго батальона Московскаго полка съ двумя орудіями легкой № 3-го батареи 8-й артиллерійской бригады и сотни казачьяго № 62-го полка.

Отправившись впередъ, князь Лобановъ-Ростовскій приказалъ ввести въ Сивашъ всѣ суда, находившіяся у Геническа, и затѣмъ преградилъ проливъ, затопленіемъ четырехъ большихъ судовъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ. При этомъ 11 греческихъ и финляндскихъ судовъ не могли быть введены въ Сивашъ и прежде всего подверглись дѣйствію непріятельскаго огня.

Утромъ 16-го мая явились у Геническа винтовой фрегатъ и пароходъ, которые и сожгли суда, стоявшія въ Азовскомъ морѣ. На слѣдующій день подошло еще 14 судовъ, и непріятельскій парламентеръ потребовалъ выдачи провіантскихъ запасовъ и прочаго имущества, принадлежащаго казнѣ. Получивши отказъ въ своихъ требованіяхъ, эскадра открыла, въ 10 часовъ утра, огонь со всѣхъ своихъ судовъ и, изъ 117.725 четвертей провіанта и фуража, успѣла сжечь 103.133 четверти. Спустивши за тѣмъ семь шлюпокъ, вооруженныхъ каждая однимъ фалконетомъ, непріятель направилъ ихъ въ Геническій проливъ. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ сѣли на мель, но другія успѣли пробраться въ проливъ и зажгли 40 находившихся тамъ судовъ. Тогда флигель-адъютантъ князь Лобановъ взялъ два орудія и подъ прикрытіемъ двухъ ротъ отправился къ проливу. Открывъ огонь, онъ заставилъ шлюпки возвратиться къ своимъ судамъ, отошедшимъ отъ берега и прекратившимъ бомбардированіе.

Прорывъ шлюпокъ побудилъ князя Лобанова устроить двѣ батареи для обстрѣливанія пролива, и главнокомандующій на усиленіе его боевыхъ средствъ отправилъ черноморскіе пѣшіе № 2-го и № 8-го ба-

тальоны и сводно-уланскій полкъ съ четырьмя орудіями конно-легкой № 12-го батареи [1]).

Сожженіе провіанта у Геническа нанесло казнѣ значительный убытокъ, но не поставило продовольствіе Крымской арміи въ затруднительное положеніе.

„Продовольствіе войскъ въ Крыму,—доносилъ князь Горчаковъ [2]),—обезпечится сухопутною подвозкою. Теперь все дѣло во времени; дай намъ непріятель три недѣли, и все, можетъ быть, приметъ сносный оборотъ“.

„Весьма сожалѣю о значительныхъ убыткахъ, понесенныхъ нами на Азовскомъ морѣ,—отвѣчалъ Императоръ князю Горчакову [3]),—но меня успокаиваетъ *удостовѣреніе ваше объ обезпеченіи продовольствія войскъ сухопутною подвозкою*“.

Предполагая, что боевые и жизненные запасы сосредоточены главнѣйшимъ образомъ въ портахъ Азовскаго моря, союзники тотчасъ же послѣ бомбардированія Геническа направились къ Таганрогу и Ростову, гдѣ по ихъ мнѣнію должны были находиться наиболѣе значительные запасы хлѣба.

Появленіе союзной эскадры, вечеромъ 19-го мая, въ виду Таганрога не было нечаянностію для жителей—они давно ожидали такого посѣщенія и по мѣрѣ возможности принимали мѣры къ обезпеченію личному и имущественному. Такъ при первомъ извѣстіи о паденіи Керчи и появленіи непріятеля въ Азовскомъ морѣ институтъ дѣвицъ, денежныя суммы, бумаги и почтовая контора были вывезены изъ Таганрога. Казенные пароходы и суда введены въ устье Дона; тѣ же, которыя находились у Маріуполя,—введены въ устьѣ Кальміуса. Всѣ коммерческія суда, находившіяся на рейдѣ, бросились въ устье Дона и искали спасенія у Ростова и выше. Скопленіе судовъ въ этомъ послѣднемъ городѣ и возможность появленія непріятеля заста-

---

[1]) Записка кн. Горчакова военному министру отъ 22-го мая 1855 г. Отношеніе генералъ-квартирмейстера князю Лобанову 26-го мая № 1461. Отношеніе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора военному министру 13-го іюня.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 22-го мая.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30-го мая 1855 г.

вили остановить выше города всѣ караваны, слѣдовавшіе съ казеннымъ провіантомъ, въ значительномъ числѣ барокъ. Одиннадцать барокъ были удержаны у станицы Аксайской, а прочія у Старо-Черкасской, откуда онѣ могли скоро и удобно спуститься въ случаѣ надобности къ Ростову [1]).

Для обезпеченія Ростова, съ его провіантскими складами и судами, гирла Дона запруживались и позади одной изъ этихъ преградъ должна была стать Азовская гребная флотилія. Имѣя въ виду, что, по мелководію гирлъ, въ рѣку Донъ не могутъ войти суда большаго размѣра, генералъ Хомутовъ приказалъ флотиліи защищать проходъ до послѣдней крайности. Но если сопротивленіе нашихъ моряковъ не остановило бы прохода непріятеля, тогда оставить флотилію и, образовавъ изъ экипажа пѣхотный батальонъ, отстаивать Ростовъ со всѣми его складами [2]).

Для защиты Таганрога и вообще берега моря по правую сторону рѣки Дона имѣлось всего только два донскихъ полка: № 66-го въ Маріуполѣ и № 68-го—въ Таганрогѣ, гдѣ сверхъ того изъ числа жителей были вызваны охотники, изъ которыхъ сформирована милиція въ 250 человѣкъ. Конечно этого ополченія было слишкомъ не достаточно для защиты города, и потому генералъ Хомутовъ отправилъ изъ Новочеркаска въ Таганрогъ учебный казачій полкъ, а для защиты прибрежій Азовскаго моря приказалъ призвать къ оружію всѣхъ наличныхъ донцовъ.

„Любезные товарищи!—писалъ въ приказѣ по войску исправлявшій должность наказнаго атамана генералъ-маіоръ Андріяновъ [3]).—Ненавистные враги нашего отечества, собравъ огромный флотъ въ Керченскомъ проливѣ, овладѣли его укрѣпленіями и проникли уже въ Азовское море, угрожая берегамъ онаго.

„Въ прошломъ еще году наказной атаманъ призывалъ васъ къ защищенію оныхъ. Теперь настало время вспомнить древнія ополченія

---

[1]) Письмо статскаго совѣтника Кукольника военному министру 16-го мая 1855 г.

[2]) Рапортъ исправ. должность наказнаго атамана военному министру 18-го мая 1855 г.

[3]) Отъ 15-го мая 1855 г. «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 117.

ваши, столь грозныя врагамъ Россіи. Собирайтесь же, друзья, со всею поспѣшностію, стремитесь съ вашею молодецкою отвагою въ Новочеркасскъ отдѣльными станицами. Отсюда, собравшись въ одно ополченіе, пойдете всѣ защищать родные берега свои.

„Почтенные старички, нѣкогда грозные воины для французовъ и для турокъ, станьте нынѣ впереди вашихъ дѣтей и поведите ихъ къ храброй оборонѣ отечества. Когда было время, чтобы врагъ торжествовалъ на землѣ нашей? Нѣтъ, встрѣтимъ его первые, и въ глазахъ нашего возлюбленнаго Государя и въ глазахъ драгоцѣннаго отечества, вновь докажемъ свое мужество и самоотверженіе.

„Берите, друзья, съ собою сколь можно болѣе оружія и на путевое довольствіе провіанта, пока придете сюда. Здѣсь, поголовное ополченіе для всѣхъ наличныхъ офицеровъ, урядниковъ и казаковъ: въ первомъ округѣ служилыхъ и со внутреннею службою, а въ остальныхъ для однихъ служилыхъ. Всѣ, друзья, спѣшите поднять оружіе во славу возлюбленнаго Государя.

„Въ первомъ округѣ каждая станица должна выступить подъ командою старшаго офицера, а если станичный атаманъ будетъ старшимъ, то подъ командою его".

Задонскія станицы должны были выслать свое ополченіе къ Азову и Кагальницкому селенію, а всѣ остальныя,—въ Новочеркасскъ, откуда, смотря по обстоятельствамъ, могли быть направлены въ ту или другую сторону. Изъ перваго округа казаки, коихъ число простиралось до 5.000 человѣкъ, выступали въ походъ по-станично, не формируясь ни въ полки, ни въ сотни. Изъ прочихъ округовъ предназначено было къ выступленію 9 полковъ и нѣсколько отдѣльныхъ командъ. Донцы могли бы выставить и еще бо̀льшее ополченіе, готовы были замѣнить пику на ружье и штыкъ, но послѣднихъ не было въ запасѣ. Въ войсковомъ арсеналѣ хранилось только 3.000 ружей казачьихъ и потому почти безвредныхъ для непріятеля. Имѣя въ виду, что въ складахъ имѣется до 960.000 патроновъ, генералъ Андріяновъ просилъ военнаго министра [1]) прислать, изъ ближайшихъ арсеналовъ, пѣхотныхъ ружей, сколько окажется возможнымъ.

---

[1]) Рапортъ Андріянова военному министру 16-го мая 1855 г.

— Если бы казаки имѣли пѣхотныя ружья—говорилъ онъ,— то могли бы составить надежную оборону въ случаѣ дессанта.

Къ половинѣ іюня изъ выкомандированныхъ на службу казаковъ было сформировано 13 полковъ [1]), изъ коихъ полки № 70-го, № 74-го и № 76-го были расположены по морскому берегу отъ сел. Синявки до г. Маріуполя, въ отрядѣ генерала Краснова [2]), вмѣстѣ съ состоявшими прежде въ его распоряженіи полками № 66-го и № 68-го. Отъ Синявки до г. Ейска, въ устьяхъ рѣки Дона и по берегамъ рѣки до г. Ростова были расположены полки: № 71-го, № 73-го, № 77-го, № 79-го и № 59-го, подъ личнымъ начальствомъ генерала Андріянова. Полки № 72-го и № 75-го отправлены въ Черноморію, а полки № 69-го, № 78-го, № 80-го и № 81-го составили резервъ и были расположены у г. Новочеркасска. Для защиты собственно донскихъ гирлъ была сформирована особая стрѣлковая команда въ 850 человѣкъ, и къ ней присоединены 300 человѣкъ казаковъ, посаженныхъ на баркасы [3]). Гирла Дона были запружены барками и якорями, а въ шести верстахъ передъ Ростовомъ, около Гниловской станицы, поставлены во всю ширину рѣки восемь канонирскихъ лодокъ Азовской гребной флотиліи, представлявшихъ собою батарею въ 16 орудій. Впереди ихъ, въ самой станицѣ, устроены двѣ батареи: одна на возвышенности изъ 8-ми орудій, снятыхъ съ канонирскихъ лодокъ, а другая изъ 5-ти орудій мѣстнаго парка, на самой биржѣ, при впаденіи Мертваго Донца въ Донъ [4]).

Все это было готово къ половинѣ іюня, но въ то время, когда непріятельскія суда явились у Таганрога, защита города обезпечивалась двумя казачьими полками: Учебнымъ и № 68-го, командою охотниковъ и гарнизоннымъ полубатальономъ.

Около 6-ти часовъ вечера 19-го мая показалось на морѣ 10 непріятельскихъ судовъ, слѣдовавшихъ по направленію къ Таганрогу. Въ 8 часовъ они остановились верстахъ 10 отъ Карантина и 13-ти отъ города, гдѣ и провели ночь. Въ слѣдующіе дни, 20-го и 21-го числа, оставаясь на мѣстѣ, они выслали небольшой пароходъ,

[1]) Начиная съ № 69 по № 81 включительно.

[2]) Съ прибытіемъ этихъ полковъ, донской № 74-го полкъ былъ поставленъ въ Таганрогѣ, а учебный возвращенъ въ Новочеркаскъ.

[3]) Рапортъ Андріянова военному министру 18-го іюня.

[4]) Рапортъ наказнаго атамана военному министру отъ 30-го мая.

который, то приближаясь, то удаляясь отъ берега, производилъ рекогносцировку и дѣлалъ промѣры. Вечеромъ 21-го числа къ стоявшимъ на рейдѣ судамъ подошло еще семь пароходовъ, и такимъ образомъ составилась эскарда въ 17-ть разной величины судовъ.

Въ 6 часовъ утра 22-го мая вся эскадра въ полномъ составѣ двинулась къ Таганрогу. Четыре парохода, отдѣлившись отъ прочихъ, вели за собою до 50 гребныхъ судовъ и, подойдя не далѣе версты отъ города, остановились. Небольшая лодка, подъ бѣлымъ флангомъ съ парламентерами, причалила къ Воронцовской пристани. На вопросъ командовавшаго войсками въ городѣ походнаго атамана генерала Краснова, что имъ нужно? парламентеры отвѣчали требованіемъ немедленной сдачи города и удаленія войскъ, грозя въ противномъ случаѣ высадить значительный дессантъ. Они обѣщали полное спокойствіе жителямъ, пощаду частной собственности, но заявили, что казенные запасы и заведенія будутъ уничтожены.

— Военная честь запрещаетъ, — отвѣчалъ Красновъ, — уступать безъ боя городъ, ввѣренный моему охраненію, и войска наши горятъ усердіемъ умереть за обожаемаго Государя. Если непріятель хочетъ дѣйствительно доказать состраданіе къ мирнымъ жителямъ, то, какъ у меня нѣтъ артиллеріи, — я прошу выйти на берегъ и вступить со мною въ бой. Пусть оружіе рѣшитъ, кому владѣть сегодня Таганрогомъ.

— Русскіе не сдаютъ своихъ городовъ,—замѣтилъ при этомъ графъ Толстой.—Таганрогъ не крѣпость; орудій у насъ нѣтъ. Вы можете бомбардировать городъ безнаказанно, не опасаясь получить въ отвѣтъ хотя единый выстрѣлъ. Но таково ли призваніе воина? Выходите на берегъ, мы помѣримся силами, и если ваша возьметъ, то мы ляжемъ до послѣдняго, исполнивъ свой долгъ.

Къ чести французовъ надо сказать, что парламентеръ былъ увлеченъ такимъ отвѣтомъ.

— Oh! Cest très-bien,—воскликнулъ онъ, садясь въ шлюпку.

Коммерческіе разсчеты англичанъ взяли верхъ надъ военнымъ достоинствомъ, и въ 9½ часовъ непріятель открылъ огонь, направляя свои выстрѣлы прежде всего по бывшей крѣпости, гдѣ находились одни только госпитали, на которыхъ былъ выброшенъ госпитальный флагъ. Лишенный возможности, за неимѣніемъ артиллеріи, отвѣчать на вы-

стрѣлы непріятеля, генералъ Красновъ сдѣлалъ распоряженіе объ отраженіи дессанта. Какъ важнѣйшій пунктъ, по которому могъ подняться непріятель, былъ крутой спускъ отъ набережной, выходящей на Греческую улицу, то онъ и поставилъ здѣсь Таганрогскій полубатальонъ внутренней стражи и 200 человѣкъ охотниковъ, поручивъ начальство надъ ними таганрогскому губернатору генералъ-маіору графу Толстому.

Между тѣмъ непріятель перенесъ свой огонь на городъ и лѣсную биржу и въ теченіе $6^1/_2$ часовъ не прекращалъ выстрѣловъ. Около $3^1/_2$ часовъ по полудни, подъ прикрытіемъ своего огня, союзники высадили на берегъ до 300 человѣкъ, которые, скрываясь за кустами, открыли штуцерной огонь и стали подыматься въ гору, противъ церкви царя Константина. Въ это время графъ Толстой поручилъ одну роту гарнизоннаго батальона отставному подполковнику Македонскому и приказалъ ему сбросить непріятеля. Разсыпавъ стрѣлковъ въ оградѣ, подъ защитою сада, Македонскій открылъ огонь по наступавшимъ, а вслѣдъ за тѣмъ, бросившись въ штыки, опрокинулъ непріятеля и принудилъ его отступить къ своимъ лодкамъ. Суда усилили канонаду, но она длилась не болѣе четверти часа, и затѣмъ эскадра удалилась верстъ на 15 отъ города.

Бомбардированіе Таганрога было произведено непріятелемъ по тремъ концентрическимъ направленіямъ: съ южной, юго-восточной и восточной стороны. Главный вредъ нанесенъ выстрѣлами, направленными на пристань и на набережную; всѣ дома, строенія и магазины этой части города представляли груду развалинъ, и нѣкоторые изъ нихъ дымились спустя три недѣли послѣ бомбардированія. Возвышенная часть города пострадала менѣе: повреждены только крайнія и выдающіяся зданія; дворецъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра I остался невредимымъ. Всего разрушено и повреждено 69 зданій и сожжено 1.224 четверти хлѣба. Потеря наша состояла въ одномъ убитомъ казакѣ и 11 человѣкъ жителей; ранено 2 офицера, 12 человѣкъ нижнихъ чиновъ, 17 жителей и контужено 30 человѣкъ мужчинъ и женщинъ [1]).

---

[1]) Рапорты походнаго атамана генерала Краснова военному министру отъ 22-го и 30-го мая за №№ 502 и 614. Записка адъютанта военнаго министра капитана Эльстона 14-го іюня 1855 г. „Русскій Инвалидъ“. 1855 г. № 259.

Простоявши всю ночь у Таганрога, союзная эскадра, въ $8^1/_2$ часовъ утра слѣдующаго дня, развела пары и направилась къ Маріуполю, въ виду котораго и бросила якорь около $6\ ^1/_2$ часовъ по полудни. Городъ былъ совершенно пустъ: жители нѣсколько дней тому назадъ уже оставили свои жилища, и запасы провіантскаго вѣдомства вывезены въ окрестныя села [1]).

Въ 7-мь часовъ утра 24-го мая въ Маріуполь явился парламентеръ съ требованіемъ, чтобы въ городъ былъ впущенъ безпрепятственно дессантъ, для уничтоженія казеннаго имущества, а въ рѣку Кальміусъ,— суда, для сожженія нашихъ лодокъ. Командиръ донскаго № 66-го полка Кастрюковъ отвѣчалъ отказомъ, и въ $9^1/_2$ часовъ утра союзники открыли огонь по городу. Первый выстрѣлъ каленымъ ядромъ былъ сдѣланъ по собору, въ которомъ поврежденъ былъ карнизъ, а затѣмъ огонь направленъ на биржу. Спустя нѣкоторое время пять вооруженныхъ баркасовъ вошли въ рѣку Кальміусъ и направились къ поселку Косоротова, отстоявшему отъ города въ пяти верстахъ.

Видя, что казаки безполезны въ защитѣ города противъ непріятеля, ограничивающагося однимъ бомбардированіемъ, подполковникъ Кастрюковъ оставилъ въ немъ наблюдательный постъ изъ 12-ти казаковъ при офицерѣ, а самъ съ двумя сотнями отправился къ рѣкѣ, спѣшилъ казаковъ и разсыпалъ ихъ по берегу въ цѣпь. Одну же сотню онъ отправилъ впередъ съ приказаніемъ обогнать баркасы, спѣшиться и встрѣтить ихъ выстрѣлами. Какъ только непріятель замѣтилъ на берегу спѣшенныхъ казаковъ, тотчасъ же сталъ отступать, вмѣстѣ съ другими пятью баркасами, шедшими имъ на помощь.

Во время бомбардированія союзники успѣли однако же высадить на берегъ у биржи нѣсколькихъ человѣкъ, которые и зажгли находившійся тамъ строевой лѣсъ, нѣсколько частныхъ магазейновъ съ хлѣбомъ и рыбные склады. Повредивъ до 20 домовъ, но не причинивъ намъ потери, ни убитыми, ни ранеными, союзники въ часъ по полудни прекратили огонь и въ шесть часовъ направились къ Ейску [2]), гдѣ на

---

[1]) Рапорты генерала Краснова военному министру 23-го и 25-го мая за №№ 506 и 531. Тамъ же.

[2]) Рапортъ генерала Краснова военному министру 29-го мая № 611. Тамъ же.

слѣдующій день, 25-го мая, предъявили точно такія же требованія относительно истребленія казеннаго имущества.

Совершенно открытое мѣстоположеніе города, состоявшаго изъ однихъ деревянныхъ зданій, заставило жителей просить военное и городское начальство не подвергать городъ бомбардированію. Имѣя въ виду невозможность отразить дессантъ и воспрепятствовать бомбардированію, командиръ Ейскаго отряда полковникъ Борзиковъ согласился на требованіе непріятеля. Казенный провіантъ въ количествѣ 414 четвертей, въ присутствіи парламентеровъ, былъ вывезенъ за городъ и зажженъ; до 100.000 пудовъ сѣна и 700 четвертей частной пшеницы были также сожжены. Удовольствовавшись этимъ, эскадра удалилась, а купцы города Ейска внесли деньги за причиненный казнѣ убытокъ [1]).

Подвигъ союзниковъ у Ейска былъ послѣднимъ изъ ихъ дѣятельности въ Азовскомъ морѣ. На восточномъ берегу какъ этого моря, такъ и Чернаго не было уже такихъ пунктовъ, которые, при беззащитности жителей, привлекали бы вниманіе союзниковъ значительными складами или запасами. Съ упраздненіемъ Черноморской береговой линіи на Кавказскомъ берегу оставались только занятыми нами Новороссійскъ и Анапа. Съ занятіемъ Керчи союзниками оба эти пункта подвергались большой опасности, и непріятель, владѣвшій значительнымъ флотомъ и дессантомъ, могъ легко овладѣть укрѣпленіями и ихъ гарнизономъ. Видя близкую опасность, Хомутовъ предписалъ очистить Новороссійскъ и просилъ дозволенія упразднить крѣпость Анапу.

„Сколько паденіе Керчи непріятно,—писалъ Государь князю Горчакову [2]),—но слава Богу, что оно совершилось безъ большой потери въ людяхъ. Надѣюсь, что генералъ Врангель не дастъ себя обойти, если бы непріятель двинулся отъ Ѳеодосіи. Хотя матеріальная потеря въ Азовскомъ морѣ и весьма чувствительна, но, по послѣднему вашему донесенію, я вижу, что она не такъ значительна, какъ мы сначала полагали. Всѣ распоряженія генералъ-адъютанта Хомутова со стороны Черноморіи весьма дѣльны, и я радуюсь, что Серебряковъ рѣшился очистить Новороссійскъ, гдѣ гарнизонъ сдѣлался бы неминуемо жертвою всякаго покушенія со стороны моря. Но я не могъ согласиться на оставленіе

---

[1]) Рапортъ Хомутова военному министру 30-го мая № 357.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 25-го мая 1855 г.

Анапы. Сохраненіе сего пункта, на который, можетъ быть, и не будетъ нападенія, необходимо для моральнаго вліянія нашего на горцевъ".

Несмотря на всю необходимость такого вліянія, положеніе Анапы, а главное ея гарнизона было настолько опасно, что Хомутовъ, какъ сейчасъ увидимъ, рѣшился упразднить крѣпость и вывести ея гарнизонъ въ Черноморію. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ союзники, владѣя моремъ, огромнымъ флотомъ и значительнымъ дессантомъ, могли весьма удобно высадиться въ Тамани и, слѣдуя къ Новогеоргіевскому посту, отрѣзать отступленіе Закубанскому отряду. То же самое они могли сдѣлать, если бы высадились въ Курганскомъ лиманѣ и заняли Темрюкъ, или же наконецъ высадившись между Анапою и станицею Витязевою, англо-французы легко могли овладѣть крѣпостью и, при содѣйствіи флота, лишить ее возможности получить подкрѣпленіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ защита Анапы, имѣвшей въ гарнизонѣ всего четыре батальона, становилась невозможною, и крѣпость эта, не имѣя никакого стратегическаго значенія, легко могла достаться въ руки непріятеля, искавшаго случая увеличить число своихъ побѣдъ, не разбирая впрочемъ, какимъ путемъ онѣ пріобрѣтены. Чтобы не дать союзникамъ возможности хвалиться своими подвигами, или важностью пріобрѣтенія беззащитныхъ почти пунктовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сохранить гарнизонъ для болѣе важныхъ случаевъ, Хомутовъ рѣшился созвать, 21-го мая, военный совѣтъ и предоставилъ его рѣшенію вопросъ: защищать или оставить Анапу? Совѣтъ постановилъ упразднить крѣпость и приступить немедленно къ ея уничтоженію и выводу гарнизона [1]).

„По особому промыслу,—писалъ Хомутовъ военному министру [2]),—палъ на меня жребій приступить къ великой рѣшимости упразднить крѣпость (Анапу) безъ Высочайшаго разрѣшенія. Боюсь Царскаго гнѣва, достойно, быть можетъ, мною заслуженнаго; гнѣвъ сей падетъ тяжкимъ камнемъ на остатки моей жизни.

„Одинъ Богъ свидѣтель тому, что̀ я перечувствовалъ и перенесъ въ эти тяжкія минуты! Торжество̀ непріятеля больно русскому сердцу, но еще прискорбнѣе было бы видѣть нѣсколько тысячъ жертвъ, могу-

---

[1]) См. приложеніе № 37-й.

[2]) Въ письмѣ отъ 22-го мая 1855 года.

щихъ погибнуть безъ всякой государству пользы, тогда какъ принятою мною мѣрою и они будутъ спасены, и обезопасена цѣлая страна—Черноморія.

„Вотъ причины, подвигнувшія меня на таковую великую рѣшимость“.

Черезъ недѣлю послѣ этого письма Анапы не существовало. Укрѣпленія были взорваны, орудія испорчены, все, что можно, вывезено, и зданія преданы огню. Гарнизонъ 28-го мая прибылъ въ Темрюкъ, какъ разъ въ то время, когда непріятельская эскадра послѣ подвиговъ у Ейска подходила къ Темрюку съ очевиднымъ намѣреніемъ отрѣзать отступленіе Закубанскому отряду. Это было 27-го мая, но въ день прибытія флотилии вѣтеръ сталъ свѣжѣть и, къ вечеру обратившись въ бурю, принудилъ союзниковъ удалиться въ море [1]).

„По послѣднему донесенію генералъ-адъютанта Хомутова,—писалъ Императоръ князю М. Д. Горчакову [2]),—онъ *рѣшился бросить Анапу*, о чемъ я крайне сожалѣю, ибо хотя я и не отвергаю опасности, могущей угрожать ея гарнизону, при рѣшительной атакѣ съ моря и съ сухаго пути, но все-таки полагалъ, что для моральнаго дѣйствія на умы горцевъ пунктъ сей слѣдовало держать. Впрочемъ, всѣ распоряженія его, какъ для защиты устьевъ Дона, такъ и всего Черноморскаго края, нахожу весьма дѣльными“.

Вмѣстѣ съ упраздненіемъ Анапы были сожжены станицы Александровская, Николаевская, Витязева и Благовѣщенская. Афипское укрѣпленіе снято, а мостовыя укрѣпленія Ольгинское и Алексѣевское уничтожены. На всемъ восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей не осталось ни укрѣпленій, ни русскихъ войскъ, ни даже сколько-нибудь населенныхъ пунктовъ, и союзная флотилія, послѣ подвиговъ въ Азовскомъ морѣ, собралась опять въ Керчи. Тамъ сухопутныя войска занимались возведеніемъ укрѣпленій у Еникале, на Павловскомъ мысу и на горѣ Митридатъ. Къ концу мая укрѣпленія эти имѣли довольно сильную оборону, и генералъ Броунъ, оставивъ въ Керчи и Еникале по одному полку французовъ и англичанъ и около 6.000 турокъ, посадилъ

---

[1]) Рапортъ Хомутова военному министру 30-го мая № 357.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30-го мая 1855 г.

остальныя войска на суда и 3-го іюня отправился съ ними къ Севастополю.

Оставленныя въ Керченскомъ проливѣ непріятельскія суда въ теченіе всего лѣта крейсировали въ виду береговъ и въ разныхъ направленіяхъ. Они ловили купеческія каботажныя суда, стрѣляли по рыбакамъ и, иногда дѣлая набѣги на беззащитные города и селенія, бомбардировали ихъ.

XXXVII.

Наступательное движеніе союзниковъ подъ Севастополемъ. — Затруднительное положеніе главнокомандующаго. — Отправленіе въ Крымъ новыхъ подкрѣпленій. — Рескрипты Императора. — Осада и оборона по 25-е мая. — Третье бомбардированіе Севастополя. — Штурмъ передовыхъ редутовъ. — Дѣятельность медиковъ и сестеръ милосердія.

Одновременно съ занятіемъ Керчи и въ тотъ же самый день, 13-го мая, союзники произвели первое наступательное движеніе подъ Севастополемъ. Двѣ французскія пѣхотныя и двѣ кавалерійскія дивизіи съ 60 орудіями, при содѣйствіи сардинцевъ, турокъ и англійской кавалеріи, подъ общимъ начальствомъ генерала Канробера, спустились въ долину рѣки Черной и заняли Каменный мостъ у селен. Чоргунъ. Расположенные на правомъ берегу этой рѣки наши казачьи аванпосты, послѣ незначительной перестрѣлки, отступили къ находившемуся у селенія Чоргунъ передовому отряду и вмѣстѣ съ нимъ отошли къ селен. Шули. Союзники уничтожили нашъ лагерь, бараки и, отступивъ обратно на лѣвый берегъ рѣки Черной, расположились въ весьма выгодной для нихъ передовой позиціи. На Ѳедюхиныхъ горахъ противъ Каменнаго моста стали французы, правѣе ихъ, у сел. Комары и близъ дороги въ Байдарскую долину, расположились сардинцы, имѣя въ тылу англійскую кавалерію, а еще далѣе—турки, занявшіе Балаклавскія высоты, гдѣ находились редуты, взятые генераломъ Липранди 13-го октября 1854-го года.

Съ занятіемъ Ѳедюхиныхъ и Балаклавскихъ высотъ, непріятель пріобрѣлъ прекрасный водопой и доступъ въ Байдарскую долину, гдѣ запасался сѣномъ и дровами.

Прикрытые съ фронта р. Черною, а съ праваго фланга трудно-доступными горами и понимая важность занятой позиціи, союзники не считали еще себя достаточно обезпеченными отъ нашего наступленія съ Мекензіевыхъ высотъ и потому тотчасъ же приступили къ устройству укрѣпленія у Каменнаго моста и батарей съ траншеями, на высотахъ противъ селенія Чоргунъ. Эти мѣры и самое расположеніе непріятеля лишали насъ послѣднихъ способовъ сдѣлать что-либо для облегченія участи Севастополя: наступленіе съ нашей стороны становилось невозможнымъ, ибо приходилось переправляться черезъ рѣку, штурмовать двѣ группы высотъ, изъ коихъ одна была почти недоступна.

Съ другой стороны, движеніе союзниковъ въ этомъ направленіи указывало на желаніе ихъ обойти нашъ лѣвый флангъ и заставило князя Горчакова усилить немедленно отрядъ, расположенный на Мекензіевыхъ высотахъ.

„Je réunis donc maintenant,—писалъ главнокомандующій военному министру [1], — aux environs de Mékensie tout ce que j'ai de disponible (50 bataillons, 28 escadrons, y compris deux régiments de dragons de la 2-me division et un régiment de hussards) ce qui fera une 40-ne de mille hommes, en comptant l'artillerie, la cavalerie et les cosaques. Ce serait un joli paquet, si par suite des localités il n' était distribué sur un espace de 20 verstes. Je n'aurai de véritable réserve que 16 bataillons et 20 escadrons. Le reste de mes troupes doit rester à Sévastopol; peut-être en cas d'urgence tirerai-je de là une brigade (4.500 hommes) pour me prêter un coup de main du côté d'Inkermann. C'est avec ces 40 à 45.000 hommes que je devrai soutenir le choc si l'ennemi agit bien“ [2]).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15-го мая 1855 г.

[2]) «Итакъ я сосредоточиваю теперь,—писалъ главнокомандующій военному министру,—въ окрестностяхъ Мекензи все, чѣмъ я могу располагать (50 батальоновъ, 28 эскадроновъ, въ томъ числѣ два полка драгунъ 2-й дивизіи и одинъ полкъ гусаръ), что составитъ около 40.000 человѣкъ, считая артиллерію, кавалерію и казаковъ. Это была бы хорошая масса, еслибы вслѣдствіе условій мѣстности она не была распредѣлена на пространствѣ 20 верстъ. У меня будетъ настоящаго резерва только 16 батальоновъ и 20 эскадроновъ. Остальныя мои войска должны остаться въ Севастополѣ; можетъ быть, въ случаѣ крайней нужды, возьму я оттуда одну бригаду (4.500 человѣкъ), чтобы мнѣ

По всѣмъ свѣдѣніямъ союзники могли, не стѣсняя себя въ дальнѣйшихъ осадныхъ работахъ, сосредоточить для наступательныхъ дѣйствій до 100.000 человѣкъ, не считая войскъ, находившихся въ Керчи, и 30.000 у Севастополя. Если бы они двинулись одновременно по тремъ направленіямъ: изъ Евпаторіи, на Мекензіевы высоты и изъ Керчи, то положеніе Крымской арміи было бы весьма затруднительно. Князь Горчаковъ могъ противопоставить многочисленному непріятелю не болѣе 40.000 или 45.000 человѣкъ, да и то съ большимъ ослабленіемъ себя на другихъ пунктахъ. Ослабленіе это было тѣмъ опаснѣе, что угадать направленіе дѣйствій противника было весьма трудно, и, при быстротѣ передвиженій моремъ, почти не возможно. Изъ Вѣны сообщали главнокомандующему, что рѣшительное наступленіе назначено англо-французами между 26-мъ мая и 1-мъ іюня [1]), но куда и въ какомъ направленіи намѣрены они двинуться, оставалось неизвѣстнымъ. Съ достовѣрностью можно было сказать только одно, что для Севастополя и Крымской арміи наступали трудныя минуты и что непріятель, оправившись и собравшись съ силами, приступилъ къ энергическимъ дѣйствіямъ.

„Во всякомъ случаѣ,—писалъ Императоръ князю Горчакову [2]),—надобно ожидать съ ихъ стороны (со стороны союзниковъ) рѣшительныхъ дѣйствій, или отъ Черной на нашъ лѣвый флангъ, или отъ Евпаторіи—вамъ въ тылъ, а можетъ быть и то и другое въ одно время. Вотъ почему я уже писалъ вамъ, что вы можете располагать всѣми свободными отъ гарнизоновъ войсками генералъ-адъютанта Лидерса. Если вы на это рѣшитесь, то я полагалъ бы не вводить ихъ отдѣльными частями, а приготовить себѣ надежный резервъ изъ двухъ по крайней мѣрѣ двѣнадцати-батальонныхъ дивизій и расположить ихъ

помочь со стороны Инкермана. Мнѣ придется съ этими 40—45.000 человѣкъ выдержать ударъ, если непріятель будетъ хорошо дѣйствовать».

Для усиленія войскъ, расположенныхъ на Мекензи и Инкерманѣ, были придвинуты 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи изъ Евпаторіи въ Отаркой; 2-я бригада 6-й пѣхотной дивизіи изъ Симферополя на Бельбекъ и два полка 2-ой драгунской дивизіи изъ Симферополя къ Бахчисараю.

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Горчакова 22-го мая.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го мая 1855 г.

по вашему усмотрѣнію или около Перекопа, или ближе къ Симферополю. Надѣюсь, что вы увѣдомите меня по телеграфу, на что̀ рѣшитесь".

Придвинувъ уже часть войскъ къ Симферополю и Бельбеку, на усиленіе отрядовъ на Мекензи и Инкерманѣ, главнокомандующій предполагалъ образовать у Перекопа особый отрядъ, чтобы, во-первыхъ, обезпечить свой тылъ, а во-вторыхъ, имѣть въ запасѣ войска, могущія по обстоятельствамъ подкрѣпить угрожаемые пункты. Съ этою цѣлью онъ принялъ мѣры къ ускоренію движенія въ Крымъ, частію форсированнымъ маршемъ, частію на подводахъ, 7-й пѣхотной и обыкновеннымъ походнымъ движеніемъ 7-й резервной и 15-й пѣхотной дивизій [1]).

„Изъ письма вашего, любезный князь,—писалъ Государь князю Горчакову [2]),—я усмотрѣлъ съ удовольствіемъ о направленіи, данномъ вами тремъ дивизіямъ, слѣдующимъ изъ арміи генералъ-адъютанта Лидерса. Надѣюсь, что онѣ поспѣютъ во̀-время, чтобы отразить всякую высадку у перешейка и служить вамъ резервомъ, если бы обстоятельства принудили васъ отступить къ Симферополю.

„Въ замѣнъ войскъ Южной арміи, отошедшихъ къ вамъ, я приказалъ передвинуть въ распоряженіе генералъ-адъютанта Лидерса запасную дивизію 4-го пѣхотнаго корпуса и всѣ части 2-го пѣхотнаго корпуса, предназначавшіяся въ составъ Средней арміи. Сіи послѣднія будутъ впослѣдствіи замѣнены 143-мя дружинами ополченія перваго призыва. Къ вамъ назначаются изъ сего же ополченія 14-ть дружинъ Курской губерніи.

„Сегодня получили мы изъ Вѣны извѣстіе объ окончательномъ закрытіи переговоровъ, *вслѣдствіе отказа союзниковъ на принятіе австрійскихъ предложеній*. Любопытно будетъ знать, на что̀ рѣшится теперь Австрія. На-дняхъ должно все объясниться.

„Дай Богъ, чтобы до того въ Крыму мы могли имѣть успѣхъ".

Послѣ дѣла у Кладбища и Карантинной бухты въ Севастополѣ на нѣсколько дней все затихло: атакующій и обороняющійся дѣятельно трудились надъ земляными работами, весьма утомительными и тяжелыми, въ особенности теперь, подъ лучами южнаго солнца.

---

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Горчакова отъ 17-го мая. Отношеніе князя Горчакова Лидерсу 14-го мая.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 25-го мая 1855 г.

Съ наступленіемъ мая начались сильныя жары, появились лѣтнія пальто, шинели, бѣлыя фуражки, которыя по приказу главнокомандующаго велѣно было носить всѣмъ солдатамъ. Для предохраненія отъ зноя разрѣшалось быть разстегнутыми и снимать галстухи. Солдаты большею частію ходили въ однѣхъ рубашкахъ, потому что работать въ шинеляхъ или мундирахъ было невозможно.

Въ теченіе болѣе двухъ недѣль осадныя работы непріятеля почти вовсе не подвигались впередъ. Овладѣвъ траншеями у Кладбища и Карантинной бухты, французы заботились только о томъ, чтобы утвердиться на этой мѣстности. Они удлиняли и уширяли траншеи, соединяли ихъ общимъ ходомъ сообщенія, возвели на Кладбищенской высотѣ двѣ новыя батареи для дѣйствія по люнету Бѣлкина (№ 7) и батарею для полевыхъ орудій, въ обезпеченіе себя отъ нашихъ вылазокъ. Для обстрѣливанія шестаго бастіона было усилено французами вооруженіе многихъ осадныхъ батарей и сверхъ того построено двѣ батареи: за Карантинною бухтою и за Кладбищемъ.

Осадныя работы противъ Корабельной стороны точно также продолжались съ большою настойчивостію. На другой день послѣ вступленія въ званіе главнокомандующаго Пелисье сообщилъ генералу Боске, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ намѣренъ штурмовать наши передовые редуты. Такое энергическое намѣреніе главнокомандующаго отразилось на войскахъ: инженеры уширяли траншеи, для свободнаго движенія войскъ и устраивали плацдармы для сбора ихъ, а артиллеристы усиливали вооруженіе осадныхъ батарей и построили три новыя батареи: двѣ на Киленбалочныхъ высотахъ, и одну,—противъ Камчатскаго люнета; англичане возвели въ это время на Воронцовской высотѣ одну батарею.

Съ окончаніемъ этихъ построекъ вооруженіе осадныхъ батарей, въ промежутокъ времени съ 13-го по 25-е мая, усилилось 60-ю орудіями, въ томъ числѣ 18-ю мортирами большаго калибра. Обороняющійся не могъ противопоставить такого числа мортиръ по недостатку ихъ, но успѣлъ прибавить на батареяхъ оборонительной линіи также до 60-ти орудій.

Поставивъ въ траншеѣ впереди и нѣсколько лѣвѣе Камчатскаго люнета только двѣ мортиры, обороняющійся сознавалъ, что непріятель

имѣетъ значительное превосходство въ навѣсномъ огнѣ, для предохраненія отъ котораго и было приступлено къ устройству блиндированныхъ помѣщеній. Располагая ихъ такимъ образомъ, чтобы они могли служить траверсами, защитники въ теченіе менѣе чѣмъ двухъ недѣль успѣли устроить на Малаховомъ курганѣ десять блиндажей, въ которыхъ могло помѣститься до тысячи человѣкъ. „Хотя такое расположеніе,—говоритъ Тотлебенъ,—стѣсняло внутреннее пространство, но оно было совершенно необходимо для дефилированія кургана, безъ чего не было бы возможности держать въ этомъ укрѣпленіи гарнизонъ достаточный для обороны“ [1]). По характеру же дѣятельности противника имѣть значительный гарнизонъ въ этомъ укрѣпленіи было болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ-либо. Направленіе огня осадныхъ батарей показывало, что главное вниманіе союзниковъ было сосредоточено на передовыхъ редутахъ и на Малаховомъ курганѣ, какъ на укрѣпленіи, находящемся на самой высокой мѣстности, командующей всѣмъ городомъ. Съ занятіемъ кургана непріятелемъ, оборона Севастополя становилась невозможною, или по крайней мѣрѣ весьма затруднительною. Понятно, что завладѣніе этимъ пунктомъ составляло завѣтную мечту союзниковъ, но они видѣли, что передъ Малаховымъ курганомъ лежала линія укрѣпленій—*„очки Севастополя“*—какъ называли ихъ защитники, очки, которыми необходимо было овладѣть, прежде чѣмъ предпринимать что-либо противъ самаго кургана. Пока передовыя укрѣпленія находились въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ Малаховъ курганъ и городъ были обезпечены отъ штурма.

Грозно смотрѣли контръ-апрошные редуты въ лицо непріятелю. Впереди всѣхъ стоялъ Камчатскій люнетъ, изрѣзанный глубокими, издали чернѣвшими амбразурами, посылавшими свои мѣткіе выстрѣлы. Амбразуры передняго фаса, ближайшаго къ непріятелю, постоянно сохраняли глубокое молчаніе, а выглядывавшія въ нихъ неподвижныя дула орудій указывали, что, заряженныя картечью, они ждутъ, когда появятся штурмовыя колонны, чтобы засыпать ихъ градомъ чугунныхъ пуль.

Влѣво отъ Камчатскаго люнета стояли редуты Волынскій, Селен-

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, 271—279.

гинскій и Забалканская батарея, а правѣе было расположено шесть большихъ ложементовъ, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣститься отъ 40 до 60 человѣкъ стрѣлковъ. На ночь эти ложементы усиливались резервами, съ двумя горными единорогами, въ слѣдствіе чего непріятель долго считалъ ихъ не простыми ложементами, а какъ бы небольшими батарейками, вооруженными артиллеріею.

Смотря на передовыя укрѣпленія съ непріятельской стороны, трудно было допустить мысль о возможности завладѣть ими открытою силою. Французы сознавали это, и потому, приготовляясь къ штурму, рѣшились предварительнымъ бомбардированіемъ сбить стоявшія на нихъ орудія, и, если представится возможность, то обратить и самыя укрѣпленія въ груду развалинъ.

Въ три часа по полудни, 25-го мая, по сигналу съ моря загудѣли выстрѣлы 544 непріятельскихъ орудій и началось *третье бомбардированіе Севастополя*, болѣе жестокое, чѣмъ оба предъидущія. Обороняющійся отвѣчалъ огнемъ изъ 571 орудія, распредѣленныхъ такъ, что почти на всѣхъ пунктахъ число нашихъ орудій превышало число непріятельскихъ. Солнце ярко горѣло на горизонтѣ и обдавало жаромъ. На небѣ не было ни одной тучки, и сильный вѣтеръ гналъ клубы пороховаго дыма съ Корабельной на Городскую сторону; цѣлый адъ снарядовъ окружалъ городъ: надъ головой лопались бомбы, кругомъ свистѣли ядра, летѣли ракеты и, падая въ бухту, поднимали воду высокими столбами. Надъ городомъ стоялъ сплошной гулъ выстрѣловъ, Севастополь стоналъ, какъ исполинъ, облѣпленный вражескими бомбами, ядрами и ракетами.

Въ этотъ день противъ праваго фланга нашей оборонительной линіи французы дѣйствовали весьма слабо, но за то огонь ихъ сосредоточивался преимущественно противъ лѣваго фаса четвертаго бастіона, Малахова кургана и въ особенности противъ Камчатскаго люнета, Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ [1]).

Еще до открытія огня союзники постановили бомбардировать наши укрѣпленія въ теченіе 27-ми часовъ и не стѣсняться числомъ выстрѣловъ. При огромной массѣ выпускаемыхъ непріятелемъ снарядовъ,

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 27-го мая 1855 г.

борьба становилась не равною, ибо хотя мы и могли отвѣчать изъ бо̀льшаго числа орудій, но для нихъ имѣлось отъ 60 до 90 зарядовъ, тогда какъ союзниками было заготовлено отъ 500 до 600 зарядовъ на каждое орудіе. Очевидно, что все преимущество было на сторонѣ непріятеля, тѣмъ не менѣе въ теченіе трехъ часовъ канонада съ обѣихъ сторонъ была почти равносильною. Люнетъ и редуты отвѣчали смѣлой и частой стрѣльбою, но около шести часовъ по полудни выстрѣлы ихъ стали рѣже и за тѣмъ къ вечеру совершенно прекратились.

Сосредоточивъ противъ Камчатскаго люнета 48-мь орудій и 25-ть противъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ, французы забрасывали ихъ снарядами. Не отвѣчая на выстрѣлы нашихъ батарей, они сыпали свои снаряды въ передовыя укрѣпленія, положивъ срыть ихъ съ лица земли. Дымъ отъ выстрѣломъ покрывалъ собою всѣ батареи, горы, зданія и сливался въ одинъ непроницаемый туманъ, изрѣдка прорѣзываемый сверкавшими огоньками, вырывавшимися изъ дула орудій. Перекатной дробью звучали выстрѣлы, одинъ за другимъ сыпались снаряды, фонтаномъ подымая землю при своемъ паденіи. „Безъ преувеличенія можно сказать,—пишетъ участникъ,—что тучи чугуна врывались въ амбразуры, врѣзывались въ мерлоны, срывая и засыпая ихъ“. Въ редуты падало сразу по 10-ти и по 15-ти бомбъ, причинявшихъ имъ страшное разрушеніе.

Оставлять много людей на батареяхъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, значило подвергать ихъ большой убыли. Поэтому, еще въ самомъ началѣ бомбардированія, были прекращены всѣ работы и рабочіе присоединены къ своимъ командамъ. Въ укрѣпленіяхъ было оставлено только самое необходимое число, для расчистки и исправленія амбразуръ и мерлоновъ. Насыпанныя изъ рыхлой земли насыпи редутовъ быстро разрушались, и ядра пронизывали ихъ насквозь. На Камчатскомъ люнетѣ хотя было подбито только одно орудіе и другое разорвано при выстрѣлѣ, но земляная насыпь этого укрѣпленія была приведена въ такое состояніе, что никакія усилія не могли исправить причиняемыхъ и безпрестанно возобновляемыхъ поврежденій.

Съ наступленіемъ темноты непріятель уменьшилъ прицѣльный огонь, но за то значительно усилилъ навѣсный, который и не прекращалъ въ теченіе всей ночи. Множество бомбъ и ракетъ громили укрѣ-

пленія и, пролетая далеко за оборонительную линію, падали въ Корабельной слободѣ и въ городѣ.

Съ наступленіемъ утра Камчатскій люнетъ представлялъ безобразную груду развалинъ. Насыпи укрѣпленія почти не существовало; въ замѣнъ ея видны были нагроможденныя въ безпорядкѣ кучи земли, заваленный ровъ, растрепанныя туры и фашины, разбитыя платформы, торчавшія изъ земли доски и валявшіяся орудія, изъ которыхъ многія были засыпаны землею. Гарнизонъ, не имѣвшій свободной минуты, чтобы вздохнуть, кое-гдѣ скрывался за уцѣлѣвшими остатками насыпи и заявлялъ о своемъ существованіи рѣдкою стрѣльбою изъ нѣсколькихъ вновь и кое-какъ поставленныхъ орудій. Непріятель продолжалъ стрѣлять и по этимъ развалинамъ.

Съ разсвѣтомъ онъ еще усилилъ огонь и открылъ опять жестокое бомбардированіе по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи, направляя самые частые выстрѣлы на Малаховъ курганъ, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Къ 8-ми часамъ утра огонь нашихъ бастіоновъ и батарей значительно ослабѣлъ; одинъ только 3-й бастіонъ настойчиво боролся съ англичанами и нанесъ имъ значительный вредъ, разрушивъ нѣсколько англійскихъ батарей и взорвавъ пороховой погребъ.

Около 3-хъ часовъ по полудни, 26-го мая усиленная канонада была открыта и противъ Городской стороны, или правой половины оборонительной линіи, и тогда Севастополь опоясался двумя рядами смертоносныхъ огней [1]). Три часа длилась эта небывалая борьба, и, около шести часовъ вечера, часть укрѣпленій Корабельной стороны приведена была въ полуразрушенное состояніе. Они могли только слабо отвѣчать непріятелю, употреблявшему послѣднія усилія и не щадившему пороха, свинца и чугуна. Въ теченіе двадцати-семи-часоваго бомбардированія союзники выпустили болѣе 60.000 снарядовъ, изъ коихъ болѣе 50.000 пришлось на долю передовыхъ редутовъ и укрѣпленій Корабельной стороны. Отъ дѣйствія такой массы снарядовъ особенно пострадали Малаховъ курганъ и третій бастіонъ, на которыхъ почти половина амбразуръ была разрушена. Въ этотъ день къ 48-ми орудіямъ французскихъ батарей, дѣйствовавшихъ по Камчатскому люнету, присоединились всѣ

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 27-го мая 1855 г.

англійскія мортирныя батареи, передъ тѣмъ бомбардировавшія Малаховъ курганъ и третій бастіонъ. Совокупными усиліями англичанъ и французовъ три передовыя укрѣпленія были приведены въ совершенное разрушеніе: не было ни одного цѣлаго мерлона, почти всѣ орудія были подбиты или засыпаны, брустверъ развороченъ,—все изуродовано. Остатки гарнизона кое-какъ укрывались за мусоромъ, а непріятель все еще продолжалъ канонаду [1]).

Утромъ 26-го мая главнокомандующій французскою арміею, генералъ Пелисье, собралъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено, что французы атакуютъ Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, а англичане ложементы противъ третьяго бастіона. Штурмъ рѣшено было произвести вечеромъ, передъ закатомъ солнца, чтобы, какъ говорилъ Пелисье, „засвѣтло подраться и тотчасъ потомъ утвердиться въ занятыхъ укрѣпленіяхъ“.

Распоряженіе атакой предоставлено генералу Боске, который назначилъ въ дѣло четыре дивизіи французскихъ и одну турецкую—всего болѣе 40.000 человѣкъ, тогда какъ во всемъ гарнизонѣ Севастополя находилось не болѣе 36.000 человѣкъ, да и то расположенныхъ на двухъ раздѣленныхъ между собою частяхъ города: Городской и Корабельной.

Угрожаемыя точно такимъ же нападеніемъ непріятеля и раздѣленныя южною бухтою, войска Городской стороны не могли оказать дѣятельной помощи полкамъ, расположеннымъ на Корабельной, въ которыхъ считалось не болѣе 12.000 человѣкъ. Къ тому же это незначительное число войскъ было раскинуто по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи, на протяженіи около 4-хъ верстъ.

Такъ какъ на Корабельной сторонѣ наибольшая опасность угрожала передовымъ укрѣпленіямъ, удаленнымъ отъ оборонительной линіи на значительное разстояніе, то еще при заложеніи было признано необходимымъ охранять ихъ не менѣе, какъ 6-ю батальонами гарнизона. Впослѣдствіи, когда послѣ бомбардированія 28-го марта укрѣпленія эти были разрушены, то начальникъ инженеровъ генералъ-маіоръ Тотлебенъ просилъ графа Остенъ-Сакена объ усиленіи прикрытія редутовъ, присово-

---

[1]) Воспоминанія Горбунова. Сборникъ рукописей, т. I, 78.

купляя, „что если оно не будетъ усилено, по крайней мѣрѣ до 8-ми батальоновъ, то редуты слѣдуетъ считать потерянными и что въ такомъ случаѣ необходимо сдѣлать неотлагательно всѣ распоряженія, для дальнѣйшей обороны Корабельной стороны, предполагая, что редуты перешли во власть непріятеля [1])".

Начальникъ гарнизона, согласившись съ такими доводами, усилилъ гарнизонъ редутовъ сначала до 8, а потомъ до 10 батальоновъ, при чемъ начальство надъ войсками и надъ передовыми редутами, поручено было артиллеріи генералъ-маіору Тимоѳееву [2]).

Впослѣдствіи, когда непріятель не воспользовался плодами бомбардированія и не рѣшился на штурмъ, гарнизоны редутовъ были значительно ослаблены, и въ особенности послѣ того, какъ, 14-го мая, начальникомъ войскъ Корабельной стороны вмѣсто начальника 8-й пѣхотной дивизіи свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора князя Урусова, былъ назначенъ начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Жабокритскій.

Сознавая весьма важное значеніе редутовъ, князь Урусовъ постоянно настаивалъ, чтобы они охранялись значительнымъ гарнизономъ и при томъ войсками, обстрѣленными и вполнѣ знакомыми съ мѣстностью, но едва только генералъ Жабокритскій прибылъ къ мѣсту назначенія, какъ, 19-го мая, представилъ новую диспозицію для войскъ Корабельной стороны, которая и была утверждена начальникомъ гарнизона, можно сказать, по недосмотру. Если бы графъ Остенъ-Сакенъ вошелъ въ ближайшее разсмотрѣніе этой диспозиціи, то онъ увидѣлъ бы, что защита передовыхъ редутовъ лежала только на пяти ротахъ, численность которыхъ едва достигала 800 человѣкъ; что на Камчатскомъ люнетѣ было только 350 человѣкъ гарнизона и что наконецъ резервы были малочисленны и расположены такъ далеко, что, гораздо ранѣе ихъ прибытія, непріятель могъ овладѣть укрѣпленіями.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ 22-хъ батальоновъ, составлявшихъ гарнизонъ Корабельной стороны, находилось: 6 батальоновъ, силою въ 4.670 штыковъ, на третьемъ отдѣленіи оборонительной линіи; 10 батальоновъ, въ

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, 291—292.

[2]) Чаплинскій. Сборникъ рукописей, т. II, 133.

7.137 штыковъ, на четвертомъ отдѣленіи, и 6 батальоновъ, силою въ 3.879 штыковъ, на пятомъ отдѣленіи, состоявшемъ изъ укрѣпленій передовой линіи [1]). Въ этихъ послѣднихъ укрѣпленіяхъ войска были расположены такъ, что въ Волынскомъ и Селенгинскомъ редутахъ было поставлено только по двѣ роты Муромскаго полка, всего 450 человѣкъ; въ резервѣ у нихъ находились три батальона того же полка и 2 батальона Забалканскаго, изъ коихъ одинъ батальонъ стоялъ въ Троицкой балкѣ, на берегу бухты, а остальные въ Ушаковой балкѣ. Ложементы впереди Камчатскаго люнета были заняты 100 человѣкъ штуцерныхъ Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, а въ самомъ люнетѣ было только 350 человѣкъ Полтавскаго полка [2]). Резервъ люнета находился слишкомъ далеко отъ укрѣпленія,—за Малаховымъ курганомъ, въ Корабельной слободѣ, гдѣ могло быть собрано 8 батальоновъ отъ различныхъ полковъ [3]), На самомъ Малаховомъ курганѣ также было весьма мало войскъ, и вся его защита состояла изъ батальона Владимірскаго полка, 30—40 пластуновъ, да стоявшей у орудій прислуги изъ моряковъ.

Располагая на ночь на Киленбалочной высотѣ всѣ шесть батальоновъ, назначенныхъ для защиты пятаго отдѣленія, Жабокритскій признавалъ полезнымъ уводить ихъ на день въ резервъ. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что войска, выходя ежедневно на службу, требуютъ отдыха [4]), но въ Севастополѣ видѣли въ этомъ другія причины и имѣли основаніе говорить, что редуты наши проданы непріятелю. Съ утра 26-го мая на оборонительной линіи было уже замѣчено движеніе непріятельскихъ войскъ и сборъ ихъ въ траншеяхъ. Начальникъ четвертаго отдѣленія и Малахова кургана, капитанъ 1-го ранга Юрковскій, просилъ Жабокритскаго собрать войска, поставить ихъ на позицію и усилить гарнизонъ передовыхъ редутовъ [5]), но тотъ, не отвѣчая прямо отказомъ, не дѣлалъ однако же никакихъ распоряженій. Когда же послѣ полудня было

---

[1]) Диспозиція войскамъ лѣваго фланга оборонительной линіи 22-го мая.

[2]) По рапорту же траншей,-маіора 4-го отдѣленія, капитана Горяинова генералу Хрулеву, въ Камчатскомъ люнетѣ находилось не болѣе 200 человѣкъ.

[3]) Одинъ батальонъ Владимірскаго, два Забалканскаго, три Полтавскаго и два Суздальскаго полковъ.

[4]) Рапортъ генерала Жабокритскаго графу Остенъ-Сакену 19-го мая 1855 г.

[5]) Кернъ. Воспоминанія объ осадѣ Севастополя (рукоп.).

получено отъ перебѣжчиковъ извѣстіе, что непріятель намѣренъ штурмовать передовыя укрѣпленія, то генералъ Жабокритскій тотчасъ же сказался больнымъ и вмѣсто того, чтобы принять мѣры и усилить войска, онъ, не дождавшись себѣ преемника, уѣхалъ на Сѣверную сторону города. Вызванный съ Городской стороны и назначенный вмѣсто генерала Жабокритскаго, начальникомъ войскъ Корабельной стороны, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ прибылъ на мѣсто только за нѣсколько минутъ до штурма. Онъ не успѣлъ сдѣлать ни одного распоряженія, какъ непріятель двинулся въ атаку и овладѣлъ редутами.

Немного ранѣе прибытія генерала Хрулева на Корабельную, именно около четырехъ часовъ по полудни, его достойный соперникъ, генералъ Боске, объѣзжалъ войска, назначенныя для штурма. Собирая батальоны вокругъ себя, онъ говорилъ имъ краткую рѣчь и указывалъ на то изъ нашихъ укрѣпленій, которое батальонъ долженъ былъ штурмовать.

Въ это время англичане, въ числѣ 1.800 человѣкъ, расположились противъ ложементовъ 3-го бастіона. Около пяти часовъ по полудни, прибылъ къ войскамъ и французскій главнокомандующій, генералъ Пелисье, со своимъ штабомъ. По полученіи донесенія, что все готово, Пелисье приказалъ пустить нѣсколько сигнальныхъ ракетъ, за которыми, для отвлеченія нашего вниманія, загремѣли частые выстрѣлы, сначала противъ всей оборонительной линіи, а потомъ только противъ праваго фланга, или противъ Городской стороны.

Съ первыми выстрѣлами своихъ батарей, французы пошли на штурмъ. Двѣ французскія дивизіи, въ составѣ 21-го батальона, были направлены на Камчатскій люнетъ; двѣ другія, въ составѣ 18-ти батальоновъ, на Волынскій и Селенгинскій редуты, вмѣстѣ съ Забалканскою батареею, и наконецъ одна турецкая дивизія, расположенная у верховья Киленъ-балки, составила резервъ. Пользуясь углубленіями Киленъ-балки и Докового оврага и скрываясь за ними, штурмующія колонны были долгое время невидимы съ передовыхъ укрѣпленій.

Было около шести часовъ по полудни. Павелъ Степановичъ Нахимовъ, по обыкновенію, объѣзжалъ бастіоны. Подъѣхавъ къ Камчатскому люнету, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ вдоль по укрѣпленію, какъ вдругъ послышался крикъ: „*штурмъ*!“

Нахимовъ высунулся изъ-за вала и увидѣлъ, какъ 2-я французская

дивизія Каму, имѣвшая въ резервѣ 5-ю дивизію Брюне и два гвардейскихъ батальона, приближалась къ Камчатскому люнету тремя колоннами. Онъ тотчасъ же приказалъ бить тревогу, которая и была принята по всей оборонительной линіи. Весь находившійся въ Корабельной слободкѣ резервъ въ одинъ мигъ пришелъ въ сильное движеніе. Подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ строились люди, запрягались орудія и „все это падало, замѣнялось новымъ, бѣжало, падало снова и все-таки стройно двигалось къ опредѣленной цѣли [1])“.

При первыхъ звукахъ тревоги на Камчатскомъ люнетѣ прислуга бросилась къ орудіямъ, и, едва успѣла сдѣлать по одному картечному выстрѣлу, какъ французы были уже въ укрѣпленіи. Они весьма удобно прошли черезъ засыпанный бомбардированіемъ ровъ, пробрались черезъ амбразуры и обогнули Камчатку съ трехъ сторонъ. Одушевленные присутствіемъ доблестнаго адмирала, 350 человѣкъ Полтавскаго полка встрѣтили атакующихъ штыками и завязали самую упорную рукопашную схватку. Трудно описать, что̀ происходило тогда на Камчаткѣ: выстрѣлы изъ ружей, крики, стоны и командныя слова, — все перемѣшалось и слилось въ одинъ общій гулъ. Подавленные напоромъ цѣлой бригады непріятеля и лишившись батальоннаго командира, и большей части офицеровъ, полтавцы отступали, забирая плѣнныхъ въ то время, когда въ нѣсколькихъ шагахъ забирали нашихъ и едва не захватили и адмирала Нахимова. По обыкновенію на немъ были эполеты и орденъ св. Георгія 2-го класса. Французы тотчасъ же схватили адмирала, но солдаты и матросы выручили, бросившись на непріятеля съ банниками и ганшпигами, которые уносили отъ заклепанныхъ орудій.

Атакующіе заняли Камчатскій люнетъ и преслѣдовали отступавшихъ. Полтавцы отходили за оборонительную линію, между Малаховымъ курганомъ и вторымъ бастіономъ. Они отходили медленно и по возможности удерживали непріятеля, но многіе французы обгоняли отступавшихъ и въ какомъ-то упоеніи бѣжали вразсыпную къ Малахову кургану. Послѣдній, оставленный почти безъ войскъ, находился, въ первое время, въ весьма опасномъ положеніи и легко могъ попасть въ руки непріятеля. Хотя генералъ Хрулевъ съ первымъ извѣстіемъ о штурмѣ направилъ весь резервъ Корабельной стороны къ Малахову кургану и

---

[1]) А. Розинъ. Очерки Крымской войны. Сборникъ рукописей, т. II, 254.

даже послалъ за подкрѣпленіями на Городскую сторону, но занятіе французами Камчатскаго люнета послѣдовало такъ быстро, что резервы не успѣли еще подойти, какъ непріятель появился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ кургана. Съ батарей оборонительной линіи былъ открытъ самый частый картечный огонь по наступавшимъ, и если бы французы выдержали его настолько, что въ состояніи бы были дойти до укрѣпленія, то они легко бы овладѣли имъ и въ тотъ же день покончили бы съ Севастополемъ; но они не выдержали огня и остановились. Лишь немногіе смѣльчаки добѣжали до кургана, спустились въ ровъ, въ полной надеждѣ вскарабкаться на валъ, но, безъ лѣстницъ и посторонней помощи, это оказалось для нихъ совершенно невозможнымъ. Видя, что ошиблись, французы притаились, надѣясь съ наступленіемъ ночи выбраться изъ рва и отступить, но всѣ были взяты въ плѣнъ. Въ первое время никто не замѣтилъ, что во рву находится непріятель, такъ какъ все вниманіе приковано было къ атакующимъ колоннамъ, остановленнымъ дѣйствіемъ картечнаго огня. Они залегли въ волчьихъ ямахъ и каменоломныхъ впереди Малахова кургана и открыли самый частый ружейный огонь по амбразурамъ этого укрѣпленія.

Какъ только французы показались на валу Камчатскаго люнета, англичане въ числѣ 400 человѣкъ, поддержанныхъ резервами, двинулись противъ ложементовъ третьяго бастіона, занятыхъ штуцерными и ротою Камчатскаго полка. Потерявши двухъ офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, рота отступила, и англичане заняли ложементы. Чтобы выбить ихъ оттуда, былъ отправленъ, подъ командою капитана 1-го ранга Будищева, отрядъ изъ трехъ ротъ Камчатскаго и двухъ ротъ Волынскаго и Минскаго полковъ. Будищевъ бросился въ штыки и въ контръ-апрошахъ завязался упорный рукопашный бой; ложементы попеременно переходили изъ рукъ въ руки, и скоро англичане были выбиты изъ нихъ, но при этомъ капитанъ Будищевъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а командиръ Камчатскаго батальона маіоръ Хоменко убитъ. Потерявши двухъ начальниковъ, солдаты смѣшались и, видя приближеніе англійскихъ резервовъ, стали отступать. Замѣтивъ замѣшательство въ рядахъ, капитанъ 3-го сапернаго батальона Рейтлингеръ принялъ начальство, устроилъ отступавшихъ, снова атаковалъ англичанъ, освободилъ изъ плѣна капитана Будищева, но при этомъ самъ былъ раненъ въ голову. Вторично выбитые изъ контръ-апрошей, англичане, получивши

*

значительное подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе и принудили нашихъ отступить за оборонительную линію.

Ложементы остались въ рукахъ непріятеля.

Около этого времени, генералъ Хрулевъ прибылъ на Малаховъ курганъ и увидѣлъ, что въ ложементахъ передъ третьимъ бастіономъ были англичане, на Камчатскомъ люнетѣ развѣвалось французское знамя, на пространствѣ между люнетомъ и Малаховымъ курганомъ залегли непріятельскіе стрѣлки, а лѣвѣе ихъ 3-я французская дивизія Мейрана, имѣя въ резервѣ 4-ю дивизію Дюлака, атаковала Волынскій и Селенгинскій редуты, въ которыхъ было только 450 человѣкъ муромцевъ, да и тѣ не находились въ полномъ сборѣ. Часть людей была въ укрѣпленіи, а остальные скрывались отъ выстрѣловъ въ землянкахъ, расположенныхъ неподалеку, по скату горы.

Какое сопротивленіе могла оказать эта ничтожная кучка солдатъ противъ врага въ десять разъ сильнѣйшаго? Она была задавлена многочисленностію наступавшихъ. Французы знали это и потому шли смѣло, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ. Несмотря на то, что разстояніе, которое должны были пройти штурмующія колонны, было довольно значительно, оно было пройдено такъ скоро, что укрѣпленія не успѣли произвести ни одного картечнаго выстрѣла. Почти безъ всякой потери дошли французы до рвовъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ, гдѣ хотя и были встрѣчены ружейными выстрѣлами слабаго гарнизона, но безъ затрудненія овладѣли укрѣпленіями. Небольшая кучка муромцевъ перебѣгала съ одной стороны бруствера на другую, встрѣчала штыками многочисленныхъ враговъ, но сопротивленіе ихъ было непродолжительно. Менѣе минуты сверкали за валомъ выстрѣлы и острія штыковъ, и затѣмъ французы были уже въ укрѣпленіи. Видя неустойку, матросы стали заклепывать орудія и подожгли тросовые щиты, закрывавшіе амбразуры. Редутъ задымился—минута была ужасная! Лежавшій подъ навѣсомъ у входа въ пороховой погребъ одинъ изъ раненыхъ матросовъ, видя, что непріятель уже въ редутѣ, сталъ кресаломъ добывать огонь, чтобы взорвать пороховой погребъ, но былъ настигнутъ французами и заколотъ штыкомъ. Къ сожалѣнію, имя храбраго не сохранилось для потомства!

Ворвавшись огромной массой въ редутъ, французы успѣли окружить часть муромцевъ, которые, видя невозможность пробиться къ своимъ,

сломали ружья. Обезоруженные въ числѣ 2-хъ офицеровъ и 49 человѣкъ нижнихъ чиновъ, они были взяты въ плѣнъ; остальные частью легли на мѣстѣ, а частью отступили на оборонительную линію, потерявъ убитыми коменданта редутовъ капитанъ-лейтенанта Шестакова и командира батальона маіора Бѣляева.

На встрѣчу отступавшимъ прибѣжалъ свѣжій батальонъ Муромскаго полка, находившійся въ Троицкой балкѣ, но, малочисленный по составу, онъ не могъ остановить непріятеля и воспрепятствовать ему занять Забалканскую батарею, не имѣвшую почти никакого прикрытія. Пользуясь успѣхомъ, французы преслѣдовали отступавшихъ по направленію къ Киленъ-бухтѣ и, стрѣляя почти въ упоръ изъ ружей, поражали картечными выстрѣлами изъ двухъ горныхъ орудій, перевозимыхъ на людяхъ.

Въ это время стали подходить наши подкрѣпленія. Прежде другихъ подошли батальоны Владимірскаго полка: первый на Малаховъ курганъ, а второй, подъ начальствомъ командира полка полковника барона Дельвига, къ такъ называемой рогаткѣ. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжали на Малаховъ же курганъ два батальона Забалканскаго и батальонъ Суздальскаго полковъ.

Видя, что второй бастіонъ совершенно безъ войскъ, баронъ Дельвигъ оставилъ въ немъ двѣ роты Владимірскаго полка, а остальныя двинулъ въ промежутокъ между Камчатскимъ укрѣпленіемъ и Киленъ-балкою. Не ожидая приказанія, солдаты сами бросились въ траншеи и выбили оттуда непріятеля, почти въ то время, когда два батальона Забалканскаго и одинъ Суздальскаго полковъ, предводимые траншей-маіоромъ 4-го отдѣленія капитаномъ Горяиновымъ, снова овладѣли Камчатскимъ люнетомъ [1]). Едва батальоны эти вышли изъ-за оборонительной линіи, какъ французы, толпившіеся въ одиночку возлѣ Малахова кургана, стали отступать. На хвостѣ ихъ наши ворвались въ Камчатскій люнетъ и, несмотря на упорное сопротивленіе, выбили оттуда непріятеля штыками.

Видя успѣхъ, генералъ Хрулевъ тотчасъ же послалъ, въ подкрѣпленіе полковника барона Дельвига, два батальона Полтавскаго и вслѣдъ

---

[1]) Рапорты: капитана Горяинова Хрулеву отъ 29-го мая № 10 и барона Дельвига 3-го іюня № 1947. (Изъ библіотеки Хрулева).

затѣмъ батальонъ Суздальскаго полковъ, а самъ отправился къ Камчатскому люнету, гдѣ и нашелъ взятыми въ плѣнъ 7 французскихъ офицеровъ и 300 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Утвердившись на Камчатскомъ люнетѣ, Хрулевъ получилъ извѣстіе, что Волынскій и Селенгинскій редуты взяты непріятелемъ. Онъ хотѣлъ сдать кому-нибудь начальство, но всѣ старшіе штабъ-офицеры были или перебиты, или ранены. Оставался только одинъ подполковникъ Венцель. Подозвавъ его къ себѣ, Хрулевъ сталъ отдавать ему приказаніе, какъ разорвавшаяся граната сильно контузила Венцеля. Онъ упалъ, и кровь брызнула изъ лица. Тогда, призвавъ своихъ ординарцевъ, Хрулевъ поручилъ: прапорщику Негребецкому охранять передовые ложементы, прапорщику Сикорскому—Камчатскій люнетъ, а самъ поскакалъ на лѣвый флангъ, къ Волынскому и Селенгинскому редутамъ. Оба эти укрѣпленія были уже заняты французами, которые, преслѣдуя нашихъ, приближались уже къ мосту, перекинутому черезъ Киленъ-бухту, и окружили муромцевъ. Къ послѣднимъ прибыли на помощь еще два батальона того же полка, находившіеся въ резервѣ въ Ушаковой балкѣ. Лишь только эти два батальона, перейдя черезъ мостъ на Киленъ-бухтѣ, хотѣли броситься въ штыки, чтобы выручить товарищей, какъ были сами неожиданно атакованы двумя батальонами французовъ, посланными по Киленъ-балкѣ, чтобы отрѣзать отступленіе нашимъ войскамъ, выбитымъ изъ редутовъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и собравшись въ одну кучу, муромцы штыками пробились къ мосту, перешли его и отступили на 1-й и 2-й бастіоны. Преслѣдовавшіе ихъ французы были встрѣчены картечнымъ огнемъ двухъ дивизіоновъ легкихъ № 3-го и № 5-го батарей 11-й артиллерійской бригады, выдвинутыхъ Хрулевымъ въ промежутокъ между 1-мъ и 2-мъ бастіонами [1]). Разстроенные картечнымъ огнемъ, французы стали отступать въ то время, когда на первый бастіонъ подоспѣли два батальона Забалканскаго полка и одинъ батальонъ Полтавскаго, подъ начальствомъ подполковника князя Урусова. Присоединивъ къ своему батальону остатки Муромскаго полка и моряковъ, князь Урусовъ двинулся къ мосту, въ недальнемъ разстояніи отъ котораго былъ встрѣченъ убійственнымъ огнемъ разсыпавшихся на противуположной

---

[1]) Дѣйствія полевой артиллеріи въ день 26-го мая въ Севастополѣ, Одаховскаго, «Артиллер. журн.» 1860 г. № 2.

сторонѣ французовъ. У моста завязалась упорная штыковая свалка, при которой былъ смертельно раненъ начальникъ пятаго отдѣленія оборонительной линіи генералъ-маіоръ Тимоѳеевъ. Всѣми уважаемый, любимый и неоднократно отличавшійся, въ особенности при вылазкѣ 24-го октября, генералъ Тимоѳеевъ былъ раненъ осколкомъ въ голову и вскорѣ умеръ.

Между тѣмъ, среди сражавшихся явился съ крестомъ священникъ Муромскаго полка Александръ Круглевскій и, крикнувъ „ребята впередъ", самъ пошелъ къ мосту [1]). Солдаты бросились за нимъ въ штыки, и французы принуждены были отступить. Преслѣдуя ихъ штыками, князь Урусовъ овладѣлъ Забалканскою батареею и взялъ одну гаубицу. Эта блестящая атака дорого стоила Полтавскому полку, лишившемуся половины своихъ храбрыхъ товарищей и изъ 500 человѣкъ оставившему на полѣ битвы 250 человѣкъ убитыми и ранеными. Едва-ли бы горсть уцѣлѣвшихъ въ состояніи была удержаться на Забалканской батареѣ, если бы на помощь къ нимъ не подошелъ подполковникъ Краевскій, съ двумя батальонами Эриванскаго князя Варшавскаго полка, въ составѣ 800 человѣкъ [2]).

Получивъ приказаніе Хрулева содѣйствовать князю Урусову въ отнятіи редутовъ, подполковникъ Краевскій двинулся къ мосту черезъ Киленъ-бухту, но былъ встрѣченъ выстрѣлами новаго отряда французовъ, или подошедшаго по Киленъ-балкѣ, или отрѣзаннаго и оставленнаго позади княземъ Урусовымъ [3]).

Подъ сильнымъ огнемъ, эриванцы перешли мостъ, оттѣснили непріятеля за Киленъ-бухту и преслѣдовали безостановочно за Забалканскую батарею. На половинномъ разстояніи, между Забалканскою батареею и Селенгинскимъ редутомъ, эриванцы, встрѣтивъ священника Круглевскаго, остановились. Солдаты, оставивъ свои мѣста, бросились къ нему и стали подходить къ кресту. Между тѣмъ наступала ночь, и офицеры хотя понимали, что всякая минута была дорога, но не рѣшались потребовать отъ людей, чтобы они, готовые идти на штурмъ и смерть, лишились

---

[1]) Записки севастопольца капитана Дещинскаго, тамъ же, 367.

[2]) Рапортъ подполковника Краевскаго генералу Хрулеву 1-го іюня 1855 г. № 1812. Севастопольскія дѣла, изъ библіотеки Хрулева.

[3]) Откуда явился этотъ отрядъ французовъ—изъ рапортовъ кн. Урусова и Краевскаго не видно.

возможности приложиться ко кресту. Прошло довольно долгое время и было уже совершенно темно, когда головныя части двинулись къ редутамъ. Къ нимъ присоединились и остатки отряда князя Урусова. Наступленіе это было какое-то вялое; въ темнотѣ, люди шли ощупью и, когда вышли на высоту редутовъ, были встрѣчены огнемъ непріятеля.

Наступавшіе замѣтили тогда, что взятое ими направленіе не вѣрно и что они миновали редуты. Опасаясь быть отрѣзаннымъ или заблудиться въ совершенно незнакомой мѣстности, отрядъ отступилъ и остановился на прежнемъ мѣстѣ, т. е. между редутами и Забалканскою батареею [1]). Къ этимъ войскамъ вскорѣ присоединились четыре батальона Кременчугскаго полка, подъ начальствомъ полковника Свищевскаго. Между тѣмъ французы, съ отбитіемъ нами Камчатскаго люнета, открыли по немъ перекрестный огонь, наносившій значительный вредъ войскамъ, оставленнымъ возлѣ и въ самомъ укрѣпленіи. Не имѣя одного общаго начальника, войска не соблюдали должной осторожности: солдаты разбрелись; одни скрывались отъ губительнаго огня, другіе повели раненыхъ и плѣнныхъ; иные пошли пошарить около французскихъ тѣлъ, валявшихся во множествѣ—словомъ сказать, и половины не оставалось на мѣстѣ. Замѣтивъ это, непріятель тотчасъ же прекратилъ огонь, бросился въ штыки и, послѣ кроволитнаго боя, овладѣлъ Камчатскимъ люнетомъ.

Въ трехъ редутахъ, занятыхъ непріятелемъ, производились усиленныя земляныя работы. Находившіеся на Малаховомъ курганѣ адмиралъ Нахимовъ и генералъ Тотлебенъ тотчасъ же направили огонь на Камчатскій люнетъ, съ цѣлію препятствовать работамъ.

Среди распоряженій, оба генерала подошли какъ-то близко ко рву и замѣтили, что тамъ, какъ въ клѣткѣ, все еще сидятъ притаившіеся французы. Послѣ переговоровъ была выслана команда, которая и привела 70 человѣкъ плѣнныхъ.

Стемнѣло. На бугрѣ передъ редутами, немного дальше Забалканской батареи, всю ночь стоялъ отрядъ нашихъ войскъ, составленный изъ разныхъ полковъ. Въ потерянныхъ редутахъ господствовала глубокая тишина; пальбы не было, а темнота ночи не дозволяла видѣть, что тамъ дѣлается. Прибывшій на Забалканскую батарею генералъ Тотлебенъ

---

[1]) Н. Григоровичъ. Воспоминанія о защитѣ Севастополя (рукоп.).

приказалъ расклепать орудія, исправить амбразуры и тотчасъ же открыть огонь по занятымъ непріятелемъ редутамъ. Огонь этотъ поддерживался въ теченіе всей ночи.

Въ прикрытіи батареи были оставлены Кременчугскій полкъ, батальонъ Полтавскаго и батальонъ Забалканскаго полковъ: два же батальона Эриванскаго князя Варшавскаго и остатки Муромскаго полковъ отошли на первый бастіонъ [1]).

Потеря редутовъ была грустнымъ событіемъ для севастопольцевъ, и, по словамъ участника, происшествіе это подѣйствовало на всѣхъ хуже предсмертныхъ извѣстій [2]). Звукъ голоса у каждаго замѣтно измѣнился, хотя всѣ сознавали, что мы лишились весьма важной передовой позиціи, не по недостатку энергіи, стойкости и храбрости, а по совершенно другимъ весьма прискорбнымъ причинамъ. „Если бы Государь нашъ, — писалъ нѣсколько дней спустя одинъ изъ офицеровъ [3]),—не былъ такъ добръ и послѣ взятія редутовъ непріятелемъ захотѣлъ бы строго разузнать причину, почему мы ихъ не удержали, то тогда конечно остались бы многіе виноваты и оказалось бы, что виною тому не солдаты, которые всегда готовы положить жизнь свою за Царя“.

Если событіе 26-го мая легко тяжелымъ камнемъ на сердцѣ каждаго изъ севастопольцевъ, то и въ Петербургѣ оно крайне встревожило всѣхъ истино любящихъ свое Отечество, и тѣмъ болѣе, что полученное черезъ Вѣну извѣстіе о паденіи редутовъ было передано не точно и давало поводъ предполагать, что и Малаховъ курганъ уже потерянъ нами.

„Вслѣдъ за полученіемъ письма вашего, любезный князь, отъ 22-го числа,—писалъ Императоръ [4]),—узнали мы по телеграфу изъ Николаева о возобновленіи бомбардированія *25-го числа*, продолжавшагося только три часа, а черезъ Вѣну дошло уже до насъ донесеніе Раглана *отъ 26-го числа*, въ которомъ онъ извѣщаетъ о взятіи штурмомъ: du mamelon et du bastion de la tour blanche. Если къ несчастію это правда, то я долженъ заключить, что Камчатское укрѣпленіе и Корниловскій редутъ (Малаховъ курганъ) заняты непріятелемъ.

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, 303—306.

[2]) Сборникъ рукопесей, т. III, 380.

[3]) П. И. Лесли. Сборникъ рукописей, томъ II, 388.

[4]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Горчакову отъ 30-го мая 1855 г.

„Съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ я жду телеграфическаго донесенія отъ васъ,—вы легко поймете. Но, не унывая, я надѣюсь на милость Божію“.

Прибывшее вскорѣ донесеніе кн. Горчакова успокоило Государя относительно Малахова кургана, но вызвало сердечное сожалѣніе о той огромной потерѣ, простиравшейся до 5.000 человѣкъ [1]), которую понесли славные защитники, отстаивая передовые редуты. Императору оставалось только одно утѣшеніе, что потеря непріятеля значительно превышала нашу и составляла у французовъ 5.554 человѣка и у англичанъ 693 человѣка. Изъ этой потери видно было, что русскіе не дешево уступаютъ каждый шагъ родной земли; что войска наши дрались славно, чему доказательствомъ служило выбитіе непріятеля изъ Камчатскаго редута, которымъ онъ овладѣлъ вторично только послѣ введенія въ дѣло свѣжихъ резервовъ, взятіе въ плѣнъ 7 офицеровъ и 370 нижнихъ чиновъ и наконецъ двухъ непріятельскихъ горныхъ орудій.

„Поручаю вамъ,—писалъ Государь князю Горчакову,—поблагодарить нашихъ молодцовъ за бой 26-го числа. Скажите имъ, что я въ нихъ увѣренъ, отъ генерала до солдата, что они не посрамятъ чести русской“.

Слова Монарха были истиннымъ утѣшеніемъ для многочисленныхъ раненыхъ, переполнявшихъ послѣ дѣла 26-го мая всѣ госпитали и даже перевязочные пункты. Тамъ, подъ руководствомъ академика Пирогова и профессора Гюббенета, кипѣла самая дѣятельная работа, и наши медики неутомимо трудились надъ облегченіемъ страданій и надъ спасеніемъ отъ смерти многихъ тысячъ храбрыхъ.

Христіанскія обязанности медиковъ и самое однообразіе въ ихъ занятіяхъ не даютъ возможности отдѣльнымъ личностямъ выдѣлиться рѣзко изъ среды своихъ товарищей. Среди скромной обязанности медиковъ нѣтъ личныхъ отличій и блестящихъ подвиговъ, по которымъ можно бы было указать на отдѣльныя имена, подобно тому, какъ указываются на подвиги храбрости и другія военныя доблести. Но едва-ли не выше то отличіе, которое обозначается неутомимымъ трудомъ, вызываемымъ святымъ долгомъ помочь страданію ближняго, трудомъ, въ большинствѣ

---

[1]) Въ томъ числѣ до 500 человѣкъ было взято въ плѣнъ.

остающимся въ безъизвѣстности, кончающимся истомленіемъ, усталостью, нерѣдко болѣзнію и даже смертью. Присутствіе духа и хладнокровіе необходимо на бастіонахъ при видѣ опасности; не менѣе, если только не болѣе, необходимо оно и въ заразительныхъ госпитальныхъ палатахъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь опасеніе лишиться жизни одинаково, съ тою только разницею, что, по сложившемуся понятію, смерть на полѣ битвы приноситъ честь и славу павшему герою, а здѣсь она проходитъ безслѣдно и часто безъ всякаго вниманія къ именамъ лицъ, трудившихся также на пользу дорогаго Отечества.

Въ Севастополѣ было много такихъ медиковъ, которые своимъ рвеніемъ и искреннимъ желаніемъ облегчить страданія раненымъ свели себя въ могилу, и Россія обязана высоко чтить ихъ заслуги и самопожертвованіе; имена ихъ должны стоять на-ряду съ именами самыхъ храбрѣйшихъ защитниковъ славнаго города, павшихъ на полѣ брани.

Подвизаясь на трудномъ поприщѣ успокоенія больныхъ и раненыхъ, медики, во все время славной защиты, работая день и ночь почти безъ отдыха и до истощенія силъ, явили собою рѣдкій примѣръ самоотверженія. Сравнивая подобную службу съ службою на батареяхъ, начальникъ гарнизона, генералъ графъ Остенъ-Сакенъ и генералы Нахимовъ, Хрулевъ и князь Васильчиковъ нѣсколько разъ ходатайствовали о наградѣ медиковъ наравнѣ съ защитниками и всегда встрѣчали въ этомъ отношеніи полную готовность главнокомандующаго.

Значительнымъ облегченіемъ для медиковъ въ ихъ занятіяхъ были сестры милосердія и сердобольныя вдовы, прибывшія въ Севастополь и оставшіяся тамъ до конца осады.

29-го ноября 1854 года прибыла въ Симферополь первая партія сестръ милосердія Крестовоздвиженской общины, а въ слѣдъ за ними пріѣхало еще два отдѣленія.

На третій день послѣ пріѣзда сестры уже занимались перевязкою ранъ и, по свидѣтельству медиковъ, исполняли это дѣло очень хорошо. Широко было поле для христіанской дѣятельности и заботливости о страждущихъ. Уходъ за больными, и въ особенности за ранеными, требуетъ большаго терпѣнія, трудовъ, самоотверженія и силъ душевныхъ. Только несомнѣнное упованіе, твердая и непоколебимая вѣра и искрен-

няя любовь къ ближнему могутъ дать возможность перенести всѣ лишенія и утомительные труды, неразлучные съ уходомъ за больными.

Несмотря на всякаго рода помощь, которую оказывали сестрамъ милосердія жители и начальство, имъ приходилось бороться съ многочисленными затрудненіями. Не только въ Севастополѣ, но и въ Симферополѣ сестрамъ случалось переходить улицы по глубокой грязи, и хорошо еще, если онѣ имѣли въ своемъ распоряженіи телѣги. Въ комнатахъ больныхъ сестры подвергались днемъ и ночью опасности отъ заразы и отъ простуды: многія изъ нихъ сдѣлались жертвами своей трудной обязанности. Мѣсто ихъ заступили въ Симферопольскихъ госпиталяхъ сердобольныя вдовы, а уцѣлѣвшія отъ болѣзни сестры милосердія были отправлены частію въ Бахчисарай, а большею частію въ Севастополь. 13-го января прибыло въ Севастополь первое отдѣленіе сестръ милосердія, и появленіе ихъ среди больныхъ и раненыхъ было истинно-благодѣтельнымъ. Сколько страданій облегчено было ихъ нѣжнымъ предусмотрительнымъ попеченіемъ, съ которымъ не можетъ сравняться самая заботливая мужская прислуга. Не ограничиваясь однимъ госпитальнымъ уходомъ, сестры были всѣмъ для больныхъ: они перевязывали раны, давали лѣкарство, варили больнымъ пищу, читали страждущимъ книги, преимущественно религіознаго содержанія. Сестры писали письма къ роднымъ раненыхъ, составляли духовныя завѣщанія и сообщали во всѣ концы Россіи послѣднюю просьбу или волю умирающихъ за родину.

Нельзя не дивиться ихъ усердію и терпѣнію при ухаживаніи за больными. Малѣйшія желанія страждущихъ и ихъ капризы исполнялись съ готовностію и христіанскою кротостію. Трогательно было видѣть, какъ многія изъ сестеръ, подавляя въ себѣ всякій страхъ и женскую слабость, безтрепетно смотрѣли на самыя ужасныя раны и наперерывъ старались помогать медику и больному, съ полнымъ самоотверженіемъ. Сестры мужественно переносили видъ текущей крови и многоразличныхъ, тяжкихъ язвъ въ жилищахъ страданія и смерти. Одно присутствіе женщинъ возлѣ раненыхъ дѣйствовало благотворно и утѣшительно на страдальцевъ. Въ доказательство, что попеченіе сестеръ о раненыхъ истинно облегчаетъ солдатъ нашихъ, можетъ служить слѣдующій случай: тяжело раненый, весьма безпокойный послѣ операціи солдатъ настоятельно просилъ, чтобы одна изъ сестеръ оставалась при его постели. На вопросъ,

почему онъ этого желаетъ, онъ отвѣчалъ: „хоть, потолкайся, матушка, около меня, такъ мнѣ ужъ легче будетъ“.

Солдаты такъ высоко цѣнили заслуги сестеръ и такъ привыкали къ нимъ, что переводъ въ другую палату имѣлъ дурное вліяніе на нравственное состояніе больнаго и заставлялъ его просить возвратиться на прежнее мѣсто. Часто больные просили, чтобы, съ переводомъ ихъ въ другое помѣщеніе, переводили и тѣхъ же самыхъ сестеръ милосердія. Однажды бомба, пробивъ крышу и потолокъ палаты, упала возлѣ ранепаго и затѣмъ ушла въ землю. Случившаяся при этомъ старшая сестра указала больному на опасность, которой онъ подвергался.

— Матушка!—отвѣчалъ онъ.—Бомба-то ничего, а вотъ ты у насъ не отыми дорогой нашей сестрицы [1]).

Мы знаемъ, что послѣ кампаніи одна изъ сестеръ милосердія возвратилась въ свое небольшое и заложенное имѣніе и къ удивленію своему узнала, что всѣ долги, лежавшіе на имѣніи, были уплачены за нѣсколько дней до ея возвращенія однимъ изъ раненыхъ офицеровъ, лежавшихъ въ палатѣ, ввѣренной ея попеченію.

Неутомимые труды, заразительный госпитальный воздухъ скоро оказали свое вліяніе на слабую женскую натуру—и изъ 35 сестеръ, прибывшихъ въ началѣ января въ Севастополь, 14 лежали больными и двѣ умерли. Это печальное обстоятельство, служившее лучшимъ доказательствомъ самоотверженія сестеръ, сдѣлало ихъ болѣе осторожными и внимательными къ себѣ, но не устрашило ихъ. Сестры продолжали нести свою христіанскую обязанность съ необыкновеннымъ усердіемъ и неутомимостію.

„Я самъ видѣлъ,—пишетъ одинъ изъ посѣтившихъ госпиталь,—какъ нѣжныя руки омывали и перевязывали отвратительныя раны. Я видѣлъ, какъ глаза, полные слезъ, заботливо слѣдили за послѣдними корчами умирающаго, я слышалъ, какъ солдаты благословляли своихъ благодѣтельницъ. Разскажу вамъ эпизодъ (случай), это было ночью; по палатамъ мрачный полусвѣтъ, тяжело-раненому солдату хочется заснуть, но ему какъ-то не спится: и боль отъ раны и жажды мучитъ, да еще, признаться сказать, въ бою-то смерть намъ ни почемъ, а въ госпиталѣ—

---

[1]) «Морской Сборникъ» 1855 г. № 4.

куда какъ умирать не хочется! Вотъ проходитъ по палатѣ сестра, которая въ эту ночь дежурила. Бѣдному солдату легче стало на душѣ, когда онъ увидѣлъ, что есть въ мірѣ существо, которое бдитъ надъ нимъ: видно, это существо показалось ему чище тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на пути жизни, потому что, провожая ее глазами, вырвались изъ души солдатской чудныя наивностью слова: „Барышня, пройдите еще разъ!“ Барышня исполнила желаніе солдата, и, обойдя всѣхъ больныхъ своихъ, она опять прошла мимо его. Въ это время солдатъ умиралъ: онъ умеръ съ улыбкою на устахъ [1])“.

Чтобы представить себѣ полную картину дѣятельности какъ медиковъ, такъ и сестеръ милосердія, мы приведемъ краснорѣчивыя слова академика Пирогова, ярко рисующія христіанскій трудъ тѣхъ и другихъ.

„Для всѣхъ очевидцевъ памятно будетъ,—пишетъ нашъ знаменитый хирургъ [2]), — время, проведенное съ 28-го марта по іюнь мѣсяцъ въ дворянскомъ собраніи. Во все это время, около входа въ собраніе, на улицѣ, гдѣ такъ не рѣдко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ, подъ командою дѣятельнаго и распорядительнаго подпоручика Яни; койки и окровавленныя носилки были въ готовности принять раненыхъ; въ теченіе 9-ти дней мартовской бомбардировки, безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; вопли носимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу собранія. Эти 9-ть дней огромная танцовальная зала безпрестанно наполнялась и опоражнивалась; приносимые раненые складывались, вмѣстѣ съ носилками, цѣлыми рядами, на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся — громко раздавались въ залѣ. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшихъ съ оторванными и раздробленными членами, блѣдныхъ какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами; между солдатскими шинелями

---

[1]) «Морской Сборникъ» 1855 г. № 2.

[2]) См. Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ. С.-Петербургъ. 1856 г., стр. 9—11.

мелькали вездѣ бѣлые капюшоны сестръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкѣ и отбиравшихъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери зала ежеминутно отворялись: вносили и выносили по командѣ: „на столъ“, „на койку“, „въ домъ Гущина“ [1]), „въ Инженерный“, „въ Николаевскую“. Въ боковой довольно обширной комнатѣ (операціонной), на трехъ столахъ, кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатахъ; матросъ Пашкевичъ—живой турникетъ дворянскаго собранія (отличавшійся искусствомъ прижимать артеріи при ампутаціяхъ), едва успѣвалъ слѣдовать призыву врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицомъ, молча, онъ исполнялъ въ точности данныя ему приказанія, зная, что неутомимой рукѣ его поручалась жизнь собратовъ. Бакунина постоянно присутствовала въ этой комнатѣ, съ пучкомъ лигатуръ въ рукѣ, готовая слѣдовать на призывъ врачей. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, несмотря на безпрестанное провѣтриваніе, былъ наполненъ испареніями крови, хлороформа; часто примѣшивался и запахъ сѣры—это значило, что есть раненые, которымъ врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшеръ Никитинъ накладывалъ имъ гипсовыя повязки.

„Ночью, при свѣтѣ стеарина, тѣ же самыя кровавыя сцены, и нерѣдко еще въ бóльшихъ размѣрахъ, представлялись въ залѣ дворянскаго собранія. Въ это тяжкое время, безъ неутомимости врачей, безъ ревностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ: Яни (опредѣленнаго къ перевязочному пункту начальникомъ штаба гарнизона княземъ Васильчиковымъ) и Коперницкаго (опредѣленнаго сюда незабвеннымъ Нахимовымъ), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ свѣтѣ фонарей, направленныхъ ко входу собранія и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый

---

[1]) Сюда сносились всѣ безнадежные и смертельно раненые.

хочетъ скораго пособія: раненый громко требуетъ перевязки или операціи, умирающій—послѣдняго отдыха, всѣ—облегченія страданій. Гдѣ можно было бы, безъ дѣятельныхъ и строгихъ мѣръ, безъ неусыпной дѣятельности, найти достаточно мѣста и рукъ для оказанія безотлагательной помощи!"

На перевязочныхъ пунктахъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, кипѣла точно такая же неустанная дѣятельность медиковъ и сестеръ милосердія, въ особенности вечеромъ 26-го мая, такъ какъ въ этотъ день раненыхъ и изувѣченныхъ было особенно много.

Съ семи часовъ вечера стали стекаться раненые на перевязочные пункты. Тамъ все суетилось, работало. Больнымъ тащили нѣсколько ведеръ водки; доктора занимались перевязкой, сестры милосердія, помогая имъ, раздавали водку и хлѣбъ приходящимъ легко раненымъ, поили трудно больныхъ виноградным винолъ и клюквеннымъ сокомъ. Среди стоновъ и страданій слышались остроты и шутки раненыхъ, слышалась русская удаль и молодечество. Вокругъ одной изъ сестеръ милосердія собралась цѣлая кровавая толпа солдатъ. Каждый изъ нихъ разсказывалъ свое удальство и сцены при столкновеніи съ непріятелемъ.

— Матушка, попробуй, какъ вкусно, — кричалъ одинъ изъ раненыхъ, подавая отнятый у француза галетъ.

— Матушка, попей вражьей водки! — кричалъ другой — я отнялъ ее у пьянаго француза.

— Барыня, хочешь подарю французскую шапку,—говорилъ третій, отдавая ее сестрицѣ.

Сестра благодарила и отвѣчала, что ей нельзя имѣть вражьей шапки.

— Посмотри-ка, — говорилъ одинъ изъ солдатъ, подползая къ сестрѣ милосердія,—какъ у меня плечо отбито; проклятый англичанинъ камнемъ меня билъ.

Слушая эти разсказы, невольно подивишься русскому солдату: ни раны и увѣчья, ни боль и страданія, ничто не колеблетъ его веселаго и добродушнаго нрава.

Съ разсвѣтомъ 27-го мая, французы открыли жестокій огонь по Забалканской батареѣ и оставшемуся въ ней гарнизону. Бомба за бомбой ложились въ укрѣпленіе и вырывали цѣлые ряды прикрытія. Одиноко

стояла батарея, ближе къ непріятелю, чѣмъ къ своей оборонительной линіи; незначительный гарнизонъ ея подвергался ежеминутной опасности быть окруженнымъ многочисленнымъ непріятелемъ и не имѣть возможности отступить. Это опасное положеніе гарнизона и, сравнительно, весьма малая польза отъ занятія Забалканской батареи, заставили главнокомандующаго оставить и эту батарею. Около четырехъ часовъ по полудни были высланы рабочіе, которые сняли большую часть орудій, стоявшихъ на батареѣ, и около девяти часовъ вечера отступили вмѣстѣ съ находившимся въ ней гарнизономъ; мостъ черезъ Киленъ-бухту былъ также разведенъ. Французы не знали объ оставленіи нами Забалканской батареи и, по словамъ Оже, убѣдились въ этомъ только во время перемирія, когда Забалканская батарея была оставлена впереди черты, за которую непріятелю переходить воспрещалось.

Несмотря на то, непріятель долго не занималъ Забалканской батареи, и голый холмъ, на которомъ стояла она, оставался пустымъ около мѣсяца.

Ровно въ полдень, 28-го мая, союзники подняли парламентерскій флагъ, и вслѣдъ затѣмъ взвились такіе же флаги на Малаховомъ курганѣ и на 3-мъ бастіонѣ. Съ обѣихъ сторонъ было объявлено перемиріе для уборки тѣлъ. Обѣ стороны выслали цѣпи, опредѣлявшія двѣ крайнія линіи, за которыя переходить не дозволялось. Огромныя толпы народа собрались на полѣ битвы.

„Со стороны непріятелей пріѣзжали даже кавалькады какихъ-то амазонокъ и людей въ статскомъ платьѣ. На здѣшнемъ боевомъ мѣстѣ подобныя мирныя фигуры казались чѣмъ-то необыкновеннымъ. Зеленѣющееся, испещренное красивыми южными полевыми цвѣтками, пространство земли между Малаховымъ курганомъ и холмомъ, на которомъ находился Камчатскій люнетъ, и далѣе по ту сторону Киленъ-балки, около редутовъ, покрыто было тѣлами, исковерканными и измозженными“.

Посреди убитыхъ сновали носильщики, стояли группы солдатъ: нашихъ и французовъ. Перемѣшавшись между собою, они вели самый оживленный разговоръ, сопровождаемый различными знаками и жестами.

Перемиріе кончилось, и боевая жизнь пошла своимъ чередомъ.

Передѣлавъ въ свою пользу отнятыя у насъ траншеи и редуты, французы открыли сильный ружейный огонь по укрѣпленіямъ оборони-

тельной линіи. Пули одна за другою такъ и летѣли въ амбразуры, нанося намъ жестокія потери; онѣ сыпались въ такія мѣста, въ которыхъ до сихъ поръ не было слышно ихъ свиста. Чтобы судить о томъ, какъ силенъ былъ ружейный огонь въ концѣ мая, достаточно сказать, что когда начальствомъ былъ разрѣшенъ сборъ пуль съ уплатою за пудъ свинца по 4 руб., то на одномъ лѣвомъ фасѣ четвертаго бастіона три человѣка, въ теченіе сутокъ, собрали 18 пудовъ пуль [1]). Въ послѣдующее время сборъ пуль продолжался также весьма успѣшно, и въ первые 9 дней, по объявленіи, было доставлено нижними чинами 1.052 пуда, съ 26-го мая по 8-е іюня — 1.088 пудовъ и съ 9-го іюня по 24-е іюля—2.112 пудовъ [2]).

Солдаты собирали пули весьма охотно и часто подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, ни мало не думая о томъ, что, отыскивая нѣсколько золотниковъ свинца, подвергали свою жизнь опасности. Собираніе пуль въ Севастополѣ называлось *„по ягоду ходить“*, и были такія мѣста, въ особенности изобиловавшія этими ягодами, которыя можно было отдать на откупъ, какъ напримѣръ редутъ Шварца и другіе. Обыкновенно собравшись по три и по четыре человѣка, солдатики бродили, согнувшись, по траншеямъ и собирали пули. Случалось и такъ, что, надѣвъ фуражки на палки, они изрѣдка приподнимали ихъ повыше бруствера, и тогда французскіе стрѣлки сыпали пули по фуражкамъ, полагая, что они на головахъ нашихъ солдатъ, работавшихъ во рву. Дразня непріятеля, солдаты не заботились о томъ, что привлекали выстрѣлы на свои батареи, и продолжали такія продѣлки до тѣхъ поръ, пока начальство не остановитъ ихъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спроситъ кто-либо изъ офицеровъ.

— Да ничего, — отвѣтятъ они. — Всѣ валявшіеся подъ стѣнками пули подобрали, а надоть бы еще маленько, такъ вотъ и маячимъ француза.

Случалось, что охотники до такой наживы платились жизнію, раною или увѣчьемъ. Такъ, однажды, на Камчатскомъ люнетѣ одинъ изъ собиравшихъ пули былъ раненъ въ руку. Первая забота раненаго была о

---

[1]) Дневникъ инженеръ-капитана Телятникова (рукоп.).

[2]) «Воен. Сборникъ» 1860 г. № 3, 155.

дальнѣйшей участи мѣшка, въ которомъ находились собранныя имъ пули.

— На, братецъ, побереги, въ самый разъ попало, носить нельзя,— сказалъ онъ, передавая мѣшокъ товарищу и закрывая полой окровавленную руку.

— Бросаетъ вѣдь зря, а жадничаетъ,—замѣтилъ другой, какъ бы въ укоръ французамъ за то, что они не дозволяли подбирать пули безнаказанно.

„Вскорѣ,—прибавляетъ очевидецъ [1]),—французы поняли, въ чемъ дѣло. Случай этотъ, какъ видно, показался имъ весьма оригинальнымъ: въ мигъ выстрѣлы затихли, и раздалось сопровождаемое аплодисментами громкое браво“.

Послѣ аплодисментовъ и временнаго прекращенія огня, снова завизжали пули, и зарыскала смерть по Севастополю. Французы направляли свой огонь преимущественно противъ Малахова кургана и смежныхъ съ нимъ батарей. Жутко было стоять нашимъ солдатамъ и матросамъ подъ свинцовымъ градомъ, и тужили они, что такъ близко подпустили къ себѣ врага и дозволили непріятелю овладѣть такъ скоро редутами, облитыми русскимъ пòтомъ и кровью. Бывало, подъ защитою этихъ редутовъ, рѣдко когда на Малаховъ залетитъ шальная пуля, а теперь онѣ поминутно врываются въ амбразуры и расчищаютъ прислугу.

— Эдакъ изъ орудій некому будетъ дѣйствовать,—говорили солдаты, смотря на падающихъ матросовъ.

— Хоть по три матроса на пушку останется,—отвѣчали матросы,— еще можно будетъ драться—была бы армія, а какъ по три не останется, ну, тогда шабашъ.

---

[1]) А. Розинъ. Очерки изъ Крымской войны. Сборникъ рукоп. т. II, 252.

XXXVIII.

Вліяніе паденія редутовъ на общій ходъ обороны.—Князь Горчаковъ считаетъ свое положеніе безъисходнымъ.—Усиленіе состава севастопольскаго гарнизона.—Численность войскъ въ Севастополѣ и его окрестностяхъ.—Записка барона Вревскаго.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.—Командированіе барона Вревскаго въ Севастополь.—Цѣль этой командировки.—Работы осаждающаго и обороняющагося.—Ослабленіе огня.—Намѣреніе главнокомандующаго отстаивать Севастополь.—Новое раздѣленіе оборонительной линіи.—Четвертое бомбардированіе Севастополя.—Штурмъ 6-го іюня.—Молебствіе на бастіонахъ.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.

Находясь на Сѣверной сторонѣ города, князь Горчаковъ, больной и едва движущійся, съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдилъ за штурмомъ передовыхъ укрѣпленій. Генералы Коцебу, Липранди, Сержпутовскій и другіе окружали князя и, смотря въ зрительныя трубы, докладывали о всемъ замѣченномъ. Вотъ видны непріятельскія колонны; видно, какъ онѣ идутъ на штурмъ, приближаются къ укрѣпленіямъ, бросились въ нихъ, и затѣмъ все скрылось въ пороховомъ дыму...

— Что-то будетъ, что-то будетъ?—спрашивали присутствовавшіе другъ у друга.

Прошло немного времени, какъ съ телеграфа принесли роковое извѣстіе, что редуты Селенгинскій и Волынскій взяты непріятелемъ, и наши, отступивъ, дерутся въ лощинѣ. Черезъ четверть часа князь Горчаковъ получилъ новую краткую записку: „Камчатскій люнетъ взятъ“, и въ слѣдъ затѣмъ пріѣхалъ графъ Толстой, посланный графомъ Сакеномъ доложить о ходѣ боя и о томъ, что начальникъ гарнизона, въ помощь атакованнымъ, отправилъ съ Городской на Корабельную сторону одинъ полкъ пѣхоты и что бо́льшаго числа онъ отправить не можетъ, такъ какъ ожидаетъ общаго штурма. Князь приказалъ генералу Липранди тотчасъ же переправить на Южную сторону одинъ полкъ пѣхоты, и, поручивъ генералъ-адъютанту Коцебу отправиться въ Севастополь, самъ побрелъ домой, измученный и убитый происшествіемъ дня.

„Лицо его было страдальческое и болѣзненное,—говоритъ одинъ

изъ присутствовавшихъ при этомъ [1]);—видно было, что сегодняшній день слишкомъ чувствителенъ его сердцу“.

Паденіе передовыхъ редутовъ произвело весьма сильное впечатлѣніе на князя Михаила Дмитріевича; онъ считалъ теперь свое положеніе отчаяннымъ и безъисходнымъ.

— Со времени Петра Великаго подъ Прутомъ,—говорилъ онъ,—ни одна армія въ мірѣ не находилась въ столь дурномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я въ настоящее время. Но думаю, что это не моя ошибка. Меншиковъ завѣщалъ мнѣ отвратительное наслѣдство, и я желалъ бы его видѣть здѣсь, а не въ роскошномъ дворцѣ, въ которомъ онъ теперь живетъ. Это было бы только справедливо.

Главнокомандующій сознавалъ, что гарнизонъ сдѣлалъ все, что̀ въ человѣческихъ силахъ, и требовать бо̀льшаго отъ него невозможно; что войска наши дрались отчаянно, причинили непріятелю гораздо бо̀льшія потери, чѣмъ понесли сами, но все это не успокоивало князя Горчакова.

— Какая отъ этого польза?—спрашивалъ онъ.—Числительное превосходство непріятеля столь несоразмѣрно, что потеря для него не чувствительна. Редуты съ 50-ю орудіями,—хотя большею частію и заклепанными,—остались въ рукахъ непріятеля, и, что̀ всего хуже, черезъ нѣсколько дней онъ устроитъ на нихъ или около батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное сообщеніе по бухтѣ. Наконецъ у меня, съ имѣющимся и ожидающимся порохомъ, не болѣе 135.000 выстрѣловъ по 6-е іюня, а тамъ порохъ будетъ подходить малыми и весьма малыми количествами. Имѣющагося пороха можетъ хватить менѣе чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля хотя въ умѣренной соразмѣрности. Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе двадцати тысячнаго урона. Чтобы спасти корабли и артиллерію, и помышлять нельзя,—это ужасно подумать!

„Всемилостивѣйшій Государь!—писалъ князь Горчаковъ [2]).—Прибывъ сюда тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля, превос-

---

[1]) Дневникъ Духонина (рукоп.).

[2]) Во всеподдан. донесеніи отъ 27-го мая 1855 г.

ходнаго числомъ, въ неприступной, съ тылу укрѣпленной позиціи, охватывающей городъ своими апрошами и редутами по всему объему его, и находящагося уже въ 60-ти саженяхъ отъ четвертаго бастіона.

„Теперь, послѣ восьми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося и безпрестанно продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщеніе по бухтѣ, а пороху у меня на 10 дней; я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

„Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это предъ лицомъ Вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; но теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ Севастопольскихъ защитниковъ, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды; одно, въ чемъ не теряю я надежды,—это то, что можетъ быть отстою полуостровъ. Богъ и Ваше Величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина“.

Сборъ, во время дѣла, значительной массы войскъ на Корабельной сторонѣ, давалъ поводъ предполагать, что непріятель, разсчитывая на отвлеченіе нашихъ войскъ, захочетъ атаковать Городскую сторону, и потому начальникамъ войскъ на оборонительной линіи предписано сохранять всю бдительность и, не безпокоивъ напрасно войскъ, быть готовыми къ отраженію непріятеля [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду огромную потерю, понесенную гарнизономъ при штурмѣ передовыхъ редутовъ, князь Горчаковъ въ ту же ночь перевелъ на Городскую сторону два полка: Украинскій и Одесскій, а на Корабельную три батальона Брянскаго полка. Для усиленія же Инкерманскаго отряда, были придвинуты изъ резерва первыя бригады 9-й и 10-й пѣхотныхъ дивизій, которыя и переданы въ распоряженіе генерала Липранди, для дальнѣйшаго усиленія гарнизона Южной стороны [2]).

---

[1]) Записка гр. Остенъ-Сакена генер. Семякину 27-го мая.

[2]) Предписаніе главнокомандующаго генераламъ Реаду и князю П. Д. Горчакову отъ 28-го мая № 1499 и 1500 и 30-го мая № 1556.

Въ Севастополѣ и его окрестностяхъ находилось тогда 115-ть батальоновъ пѣхоты, 3 стрѣлковыхъ и 3 саперныхъ батальона, численность которыхъ къ 31-му мая достигала до цифры 82.239-ти человѣкъ. Войска эти были:

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Унтер.-офицер.	Рядовыхъ.	Итого.
6-я пѣхотная дивизія	1069	7507	8576
8-я " "	1124	8695	9819
9-я " "	939	7821	8760
10-я " "	769	6680	7449
11-я " "	846	6851	7697
12-я " "	1052	7573	8625
14-я " "	608	5438	6046
16-я " "	738	5468	6206
17-я " "	970	7750	8720
Резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи.	419	3304	3723
6-е резервные батальоны 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи	64	567	631
Пятый и шестой резервные батальоны Подольскаго егерскаго полка.	113	991	1104
Резервные полки 17-й пѣхотной дивизіи .	272	1445	1717
3-й, 4-й и 6-й саперные батальоны . .	119	1434	1553
Три роты Балаклавскаго греческаго батальона	36	240	276
Итого . . .	9278	72961	82239 [1])

Большая часть батальоновъ составляли гарнизонъ Севастополя, а затѣмъ два батальона находились на Сѣверной части города, 7-мь на Инкерманѣ и 36-ть батальоновъ на Мекензіевыхъ высотахъ [2]).

Если бы союзники возвратили въ это время эскадру и войска изъ Азовскаго моря и высадились на Алмѣ или Качѣ, то поставили бы князя Горчакова въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ онъ могъ бы встрѣтить непріятеля лишь не большимъ числомъ кавалерійскихъ полковъ, да и то въ ущербъ обороны на другихъ пунктахъ.

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 28-го іюня 1855 г.

[2]) Письмо князя Горчакова военному министру 31-го мая.

Вся находившаяся въ Крыму кавалерія состояла изъ 12-ти регулярныхъ полковъ, 14 казачьихъ и 8 сотенъ казаковъ разныхъ полковъ. Къ 31-му мая въ нихъ состояло:

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Унтер.-офицер.	Рядовыхъ.	Итого.
1-я драгунская дивизія (3-го полка) . .	408	3886	4294
2-я „ „ (3-го полка) . .	309	4032	4341
Резервная уланская дивизія (4-го полка).	488	3099	3587
2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи.	305	1985	2290
Итого . . .	1510	13002	14512
Донскіе казачьи №№ 9, 22, 42, 53, 55, 56, 57, 60, 61, 62, 65 и 67 полки и три сотни донскаго № 39-го полка. . .	556	7162	7718
Четыре сотни Сводно-Черноморскаго казачьяго полка	40	400	440
Уральскіе казачьи № 1-го и № 2-го полки.	86	1290	1376
Л.-гв. Крымско-Татарскій эскадронъ . .	2	40	42
Всего . . .	684	8892	9576

Изъ числа кавалерійскихъ полковъ одинъ драгунскій, а другой гусарскій находились у Керчи и Θеодосіи; одинъ гусарскій—въ авангардѣ близъ деревни Шули; два полка драгунъ—на Бельбекѣ, въ резервѣ отряда, расположеннаго на Мекензіевыхъ высотахъ, и наконецъ три полка драгунъ и четыре уланъ,—въ блокадномъ Евпаторійскомъ отрядѣ. Большинство этихъ полковъ тронуть съ мѣста было невозможно, и князь Горчаковъ могъ располагать не болѣе какъ тремя драгунскими полками, или уланскою дивизіею, взятою изъ Евпаторіи, но она была недостаточна для того, чтобы остановить непріятеля, или обезпечить фланги и тылъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ Севастополемъ. Для такой цѣли необходимъ былъ самостоятельный отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Составить такой отрядъ было почти невозможно, безъ ущерба и ослабленія себя на другихъ, болѣе важныхъ пунктахъ. Тронуть войска съ Мекензіевыхъ высотъ, въ виду непріятеля, появившагося въ значительныхъ силахъ на берегу р. Черной,

было дѣломъ весьма рискованнымъ. Семь батальоновъ, бывшіе на Инкерманѣ, были необходимы на случай штурма и пополненія гарнизона, большая часть полковъ котораго была разстроена въ своемъ составѣ, не имѣла начальниковъ, требовала отдыха и переформированія. Многіе генералы за болѣзнями выбыли изъ строя, и князь Михаилъ Дмитріевичъ съ грустью долженъ былъ заявить, что на самомъ дѣлѣ не болѣзнь, а другія причины заставляли нѣкоторыхъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей; что пароксизмы болѣзни у такихъ лицъ обыкновенно наступали только тогда, когда они получали неудобное для нихъ назначеніе. Называя по именамъ тѣхъ генераловъ, въ болѣзни которыхъ онъ сомнѣвался, князь Горчаковъ писалъ, что генералъ Хрущевъ дѣйствительно боленъ, а между тѣмъ не желаетъ оставить ряды арміи [1]).

Недостатокъ въ генералахъ становился столь ощутительнымъ, что главнокомандующій былъ весьма радъ добровольному прибытію въ Севастополь генерала Шульца и тотчасъ же назначилъ его начальникомъ втораго отдѣленія оборонительной линіи. Будучи александропольскимъ комендантомъ и отпросясь въ отпускъ, Шульцъ, по особому влеченію, явился въ Севастополь и просидѣлъ тамъ до конца осады. Онъ прибылъ и помѣстился на четвертомъ бастіонѣ, въ званіи начальника втораго отдѣленія, въ самое горячее для Севастополя время—въ день бомбардированія, 25-го мая, и былъ свидѣтелемъ штурма передовыхъ редутовъ.

Съ занятіемъ послѣднихъ, союзники приступили прежде всего къ передѣлкѣ въ свою пользу Камчатскаго люнета, а потомъ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Работы подвигались весьма быстро, и усиленная дѣятельность непріятеля показывала, что онъ, пользуясь всѣми выгодами своего положенія, готовится къ новому бомбардированію. Владѣя мѣстностью, и безъ того командовавшею нашими укрѣпленіями, союзники, съ занятіемъ редутовъ, пріобрѣли въ этомъ отношеніи еще бо̀льшее преимущество. Непріятель получилъ возможность видѣть все происходившее не только въ городѣ, но внутри бастіоновъ, которые онъ могъ теперь обстрѣливать съ фронта, съ фланговъ,

---

[1]) См. письма главнокомандующаго военному министру 31-го мая и 5-го іюля.

а нѣкоторые и въ тылъ. Округливъ цѣпь своихъ траншей, союзники охватили Севастополь отъ устья р. Черной до Херсонесскаго мыса. Съ этого времени осада принимаетъ характеръ бойни, съ каждымъ днемъ увеличивавшейся въ своихъ размѣрахъ. Обративъ редуты въ свои батареи, французы громили впослѣдствіи Корабельную, городъ на всемъ его пространствѣ, рейдъ и даже часть Сѣверной стороны. Въ Севастополѣ не оставалось уголка, въ которой не залетали бы непріятельскія ядра, бомбы и гранаты. Предвидя печальныя послѣдствія отъ такого положенія дѣлъ, князь Горчаковъ не видѣлъ другаго исхода, какъ оставить Севастополь и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

„Tombé malade avant-hier,—писалъ онъ военному министру [1],—j'avais cru, que Dieu me le pardonne, qu'Il m'avait pris en pitié et m'accordait la faveur de ne pas être témoin des suites désastreuses que mon mauvais sort me préparе. Il n'en a pas été ainsi, que Sa volonté s'accomplisse. Comment tirer de l'horrible impasse où nous sommes les 40.000 hommes qui risquent d'être enlevés d'assaut sans avoir une retraite. J'ai attendu jusqu'a l'extrémité pour me décider à évacuer Sévastopol, peut-être ai-je eu tort, mais ne devais-je pas tenir cette ville fatale tant qu'il me restait la moindre lueur d'espoir que quelque circonstance inattendue: la paix, le choléra ou la peste me viendraient en aide. Comment m'y prendrai-je pour l'évacuer? je ne le sais pas encore moi-même; je vous l'écrirai dans trois jours, du reste cette résolution est encore un secret“ [2]).

Чѣмъ болѣе всматривался князь Горчаковъ въ свое положеніе,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го мая 1855 г.

[2]) Заболѣвъ третьяго дня,—писалъ онъ военному министру,—я подумалъ, да проститъ мнѣ это Богъ, что Онъ сжалился надо мною и даруетъ мнѣ милость не быть свидѣтелемъ бѣдственныхъ послѣдствій, которыя готовитъ мнѣ злая судьба. Случилось иначе, да будетъ воля Его. Какъ вывести изъ ужасной безисходности, въ которой мы находимся, 40.000 человѣкъ, которые рискуютъ быть взяты приступомъ, не имѣя, куда отступить. Я ждалъ до крайности, чтобы рѣшиться оставить Севастополь, можетъ быть, я былъ не правъ, но развѣ я не долженъ былъ удерживать этотъ несчастпый городъ, пока у меня будетъ малѣйшій лучъ надежды на то, что неожиданныя обстоятельства: миръ, холера или чума мнѣ придутъ па помощь. Какъ я сдѣлаю, чтобъ изъ него выйти? Я самъ еще не знаю; я вамъ напишу черезъ три дня, впрочемъ, это рѣшеніе еще секретъ.

тѣмъ болѣе убѣждался, что, съ одной стороны, Севастополь можетъ продержаться весьма короткое время, послѣ котораго мы рискуемъ видѣть его взятымъ штурмомъ, а съ другой,—что трудно и почти невозможно будетъ оставить городъ, въ виду 80.000 непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ весьма близко отъ оборонительной линіи. Главнокомандующій не предвидѣлъ измѣненія своего положенія даже и съ прибытіемъ первыхъ подкрѣпленій, ибо, судя по предшествовавшимъ событіямъ и по усиленной бомбардировкѣ, онъ принужденъ былъ разсчитывать, что, въ самый короткій промежутокъ времени, гарнизонъ Севастополя лишится десятка тысячъ храбрыхъ, и слѣдовательно вновь пришедшія войска немногимъ увеличатъ численность его арміи [1]). Въ виду этого онъ намѣренъ былъ, по совѣщаніи съ адмираломъ Нахимовымъ, приступить немедленно къ предварительнымъ распоряженіямъ по переправѣ гарнизона на Сѣверную сторону рейда и къ очищенію Южной стороны города.

Извѣстіе о такомъ намѣреніи и объ отчаянномъ положеніи Севастополя достигло Петербурга въ началѣ іюня. Высказывая эту мысль и прежде, князь Горчаковъ не произвелъ, конечно, впечатлѣнія, поражающаго своею внезапностью, но вызвалъ глубокое сожалѣніе и скорбь въ лицахъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Очевидно было для всѣхъ, что, повторяя неоднократно мнѣніе о необходимости оставить Севастополь, князь Горчаковъ не рѣшался приступить къ такой мѣрѣ только потому, что не имѣлъ на то разрѣшенія; что главнокомандующему было трудно и горько, не выдержавши ни одного штурма, очистить городъ и тѣмъ болѣе, что подобный поступокъ былъ бы противенъ нашимъ военнымъ законамъ, разрѣшающимъ оставить крѣпость только по отбитіи трехъ штурмовъ. Понимая затруднительное положеніе князя Михаила Дмитріевича и опасаясь, чтобы промедленіе въ разрѣшеніи не повлекло за собою дурныхъ послѣдствій, Императоръ, по сродному ему великодушію и добротѣ, призналъ необходимымъ разъяснить сомнѣніе и съ душевнымъ прискорбіемъ дозволилъ князю Горчакову, въ самомъ крайнемъ случаѣ, заключить капитуляцію, но ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на сдачу гарнизона и не лишать славныхъ за-

---

[1]) Письмо князя Горчакова военному министру 31-го мая.

щитниковъ права принять участіе въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

„Капитуляція,—писалъ Государь,—о которой я вамъ писалъ, есть мѣра крайняя и которую я бы желалъ всѣми мѣрами избѣгнуть, развѣ вы признаете сохраненіе Севастополя совершенно невозможнымъ. Не унывайте и надѣйтесь, какъ я, на милость Божію“.

Между тѣмъ директоръ канцеляріи военнаго министерства генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, подъ живымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ донесеній князя Горчакова, составилъ записку, въ которой изложилъ личное мнѣніе относительно будущихъ дѣйствій. Прося военнаго министра повергнуть его соображенія на Высочайшее благоусмотрѣніе, Вревскій находилъ, что отступленіе недостойно геройской обороны Севастополя [1]).

— Если намъ (суждено) очищать твердыни, орошенныя русскою богатырскою кровью,—говорилъ онъ,—то движеніемъ не назадъ, а впередъ. Такъ мы не потеряемъ болѣе 20.000 человѣкъ, но возвысимъ славу русскаго оружія. Крайнія обстоятельства требуютъ и крайнихъ мѣръ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Баронъ Вревскій предлагалъ сосредоточить весь гарнизонъ Севастополя на Корабельной сторонѣ, а на Городской оставить только самое необходимое число артиллерійской прислуги, съ готовыми заклепками, и застрѣльщиковъ для поддержанія огня во время предполагаемаго рѣшительнаго дѣйствія. Войска, дѣйствующія въ полѣ, двинуть двумя или тремя колоннами къ р. Черной для очищенія лѣваго берега этой рѣки.

Имѣя единственною цѣлью выводъ нашего гарнизона на правый берегъ, занять во что бы то ни стало передовыя батареи праваго фланга непріятельской позиціи и тѣмъ облегчить присоединеніе гарнизона къ главнымъ силамъ. „Непріятель беретъ наши батареи,—писалъ Вревскій, и я не понимаю, почему его батареи были бы для насъ неприступны“.

Когда будутъ заняты эти батареи, тогда, по мнѣнію барона Вревскаго, слѣдовало перевезти на Сѣверную сторону всѣхъ оставшихся въ

---

[1]) Записка отъ 4-го іюня.

Севастополѣ, приготовить къ взрыву все, что можетъ быть взорвано, и въ роковой часъ взорвать.

„Вотъ основная мысль, — прибавлялъ онъ;—подробности могутъ быть опредѣлены только на мѣстѣ. Если суждено Севастополю пасть,—да падетъ, какъ оборонялся, на славу Россіи“.

„Я глубоко убѣжденъ, что предлагаемое мною дѣйствіе, — въ коемъ я считалъ бы за высокую честь участвовать, съ однимъ изъ передовыхъ батальоновъ,—обойдется для насъ съ меньшею потерею и съ бо̀льшею славою, нежели переправа Севастопольскаго гарнизона на Сѣверную сторону“.

Мысль о возможности наступленія со стороны р. Черной обратила на себя вниманіе и была тотчасъ же сообщена князю Горчакову, съ тѣмъ, что не признаетъ ли онъ возможнымъ привести ее въ исполненіе.

„Если по убѣжденію вашему,—передавалъ военный министръ по телеграфу,—необходимо оставить Севастополь, то Государь Императоръ поручаетъ вамъ сообразить, не выгоднѣе ли, вмѣсто гибельной переправы войскъ на Сѣверную сторону подъ выстрѣлами непріятеля, двинуть ихъ впередъ южнымъ берегомъ на соединеніе съ вашими главными силами, коимъ двумя или тремя колоннами переправиться черезъ Черную, обойти непріятеля съ лѣваго ея берега и, совокупнымъ ударомъ съ гарнизономъ, занять передовыя батареи праваго фланга непріятельской позиціи.

„Буде вы найдете исполненіе этого плана возможнымъ, то постарайтесь удержать Севастополь, до прибытія по крайней мѣрѣ главной части слѣдующихъ къ вамъ подкрѣпленій. Если же вы признаете это невозможнымъ, то предоставляется вамъ дѣйствовать согласно письму Его Величества, отправленному съ флигель-адъютантомъ Рылѣевымъ, но отнюдь не сдавая гарнизона непріятелю и не лишаясь права употреблять оный во время войны“.

Депеша эта не имѣла послѣдствій, такъ какъ главнокомандующій, видя слабую дѣятельность непріятеля, положилъ выждать, пока опредѣлятся его дальнѣйшія намѣренія. Князь Горчаковъ писалъ, что онъ остановился въ приведеніи въ исполненіе своего намѣренія и приступитъ къ тому въ самомъ крайнемъ случаѣ и при

томъ не прежде, какъ по зрѣломъ обсужденіи необходимости такой мѣры.

— Я рѣшился,—говорилъ онъ,—остановиться на нѣсколько дней оставленіемъ Севастополя потому, что если въ настоящемъ положеніи дѣлъ непріятель предприметъ штурмъ, то я надѣюсь отбить его. Послѣ же нѣсколькихъ дней будетъ совершенно иное. Быть можетъ, что для пользы моего Монарха и Отечества было бы лучше сейчасъ же оставить городъ, но я не могу еще на это рѣшиться. Сначала меня останавливала крайняя трудность исполненія, а потомъ сознаніе, что мое имя можетъ быть предано стыду и безчестію. Мы принесли уже столько жертвъ и испытали столько опасности, сохраняя этотъ городъ, что, если будетъ хотя тѣнь возможности, я удержу его, mais pour cela, il me faudra voir les allures de l'ennemi dans l'espace de cinq ou six jours qui vont suivre [1]).

Это послѣднее заявленіе главнокомандующаго нѣсколько примиряло его съ русскими людьми, надѣявшимися отстоять Севастополь, но за то вызывало со стороны Императора мучительную заботу изыскать новыя средства, чтобы помочь славному гарнизону въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ.

„Послѣднее письмо ваше, любезный князь,—писалъ Государь [2]),— съ донесеніемъ о взятіи непріятелемъ, послѣ кровопролитнаго боя, нашихъ контръ-апрошныхъ редутовъ, сдѣлало на меня самое грустное впечатлѣніе, хотя я уже и былъ къ сему приготовленъ телеграфическими депешами.

„Положеніе Севастополя дѣлается черезъ это болѣе критическимъ, и мысль вашу оставить этотъ несчастный городъ я понимаю, но какъ исполнить ее, *не подвергнувъ гибели большей части его храбраго гарнизона?* [3]) Вотъ что, признаюсь, озабочиваетъ меня до крайности.

„Изъ послѣдняго телеграфическаго донесенія вашего, *отъ 31-го числа*, я усмотрѣлъ, что непріятель ограничивался покуда перестроеніемъ одного только Камчатскаго люнета и по словамъ флигель-адъютанта

---

[1]) Но для этого мнѣ нужно будетъ видѣть дѣйствіе непріятеля въ теченіе пяти-шести послѣдующихъ дней.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 4-го іюня.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Олсуфьева можно полагать, что, съ усиленіемъ нашихъ батарей на Сѣверной сторонѣ, ему трудно будетъ укрѣпиться на Инкерманскихъ высотахъ; по сему я еще не теряю надежды, что, съ Божіею помощью, можно будетъ вамъ удержаться по крайней мѣрѣ до прихода 7-й дивизіи.

„Если же, по волѣ Всевышняго, Севастополю суждено пасть, то я вполнѣ надѣюсь, что со вновь прибывающими тремя дивизіями вамъ удастся отстоять Крымскій полуостровъ.

„Защитники Севастополя, послѣ *девятимѣсячной небывалой осады, покрыли себя неувядаемой славой, неслыханной въ военной исторіи;* вы съ вашей стороны сдѣлали *все, что человѣчески было возможно,*—въ этомъ отдастъ вамъ справедливость вся Россія и вся Европа; слѣдовательно, повторяю,—чтò я уже вамъ и писалъ,—*совѣсть ваша можетъ быть спокойна.*

„*Уповайте на Бога и не забывайте, что, съ потерею Севастополя, не все еще потеряно.* Можетъ быть, суждено вамъ въ открытомъ полѣ нанести врагамъ нашимъ рѣшительный ударъ.

„Военный министръ сообщитъ вамъ о всѣхъ распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ для приготовленія вамъ еще новаго сильнаго резерва“.

Въ составъ такого резерва были назначены 4-я и 5-я пѣхотная дивизіи съ ихъ артиллеріею, 2-й саперный и 2-й стрѣлковый батальоны.

Войскамъ этимъ приказано немедленно слѣдовать въ Крымъ, чтобы дать возможность главнокомандующему, „не только съ успѣхомъ бороться съ непріятелемъ, но и самому перейти въ наступленіе и нанести рѣшительный ударъ противнику“ [1]).

Оставшіеся затѣмъ въ составѣ Южной арміи полки рѣшено сблизить къ берегу моря и сосредоточить значительный кавалерійскій резервъ въ недальнемъ разстояніи отъ Одессы и Николаева. Для своевременнаго же подкрѣпленія Южной арміи, придвинуть войска Гренадерскаго корпуса и расположить ихъ по Бугу, между Брацлавомъ и Ольвіополемъ; на Волыни оставить только одну 7-ю легкую кавалерійскую дивизію.

Сверхъ того, Высочайше повелѣно на низовьяхъ Дона, около Ростова и Аксайской станицы, образовать также резервъ, употребивъ для сего часть

---

[1]) Отношеніе военнаго министра кн. Горчакову, 5-го іюня № 4158. Отношеніе кн. Горчакова военному министру 15-го іюня.

ополченія и сколько можно донскихъ казачьихъ полковъ и батарей. Корпусъ этотъ долженъ былъ охранять берега Азовскаго моря, сообщеніе съ Кавказомъ и служить резервомъ войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Другую же и бо́льшую часть ополченія, сверхъ четырнадцати дружинъ, назначенныхъ уже въ распоряженіе князя Горчакова, направить также въ Крымъ и предоставить главнокомандующему употребить ихъ или въ самомъ полуостровѣ, или образовать, вмѣстѣ съ войсками 2-го пѣхотнаго корпуса, особую резервную армію къ сѣверу отъ Перекопа.

Сообразно съ этими общими основаніями, все государственное ополченіе было распредѣлено на четыре главныхъ отдѣла: *Южный* и самый значительный въ 78 дружинъ [1]), назначался для поддержанія войскъ въ Крыму; *Восточный* изъ 17 дружинъ [2]) предположено расположить на низовьяхъ Дона, для защиты береговъ Азовскаго моря; *Западный*, въ 64 дружины [3]), расположившись вдоль лѣвой стороны Днѣстра, долженъ былъ составить резервъ для войскъ, расположенныхъ на западной границѣ, и наконецъ *Сѣверный*—изъ остальныхъ ополченій, распредѣленныхъ по разнымъ частямъ прибалтійскихъ губерній.

По приблизительному разсчету 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи могли быть на высотѣ Николаева, между 7-мъ и 15-мъ іюля, а Курское ополченіе должно было вступить въ Таврическую губернію около 10-го числа того же мѣсяца.

Скопленіе столь значительной массы войскъ на полуостровѣ и невозможность доставки хлѣба Азовскимъ моремъ внушали опасеніе относительно средствъ къ продовольствію Крымской арміи. Вторженіе непріятеля въ Азовское море лишало насъ этого важнаго пути снабженія войскъ къ Крыму и имѣло послѣдствіемъ истребленіе значительныхъ запасовъ казеннаго провіанта. Вся тяжесть продовольствія легла на южныя окраины Россіи, и провіантъ требовался уже изъ Воронежской и Курской губерній. Сухопутная доставка его изнуряла край, и по части коммиссаріатскаго довольствія возникали различнаго рода затрудненія. Чтобы

---

[1]) Ополченія губерній Курской, Пензенской, Калужской, Тульской, Рязанской и Орловской.

[2]) Ополченіе Тамбовской губерніи.

[3]) Губерній Московской, Владимірской, Смоленской, Нижегородской, Костромской и Ярославской.

устранить эти затрудненія и согласить распоряженія министерства съ дѣятельностію полеваго интенданства, рѣшено было отправить въ Крымъ генералъ-адъютанта барона Вревскаго, какъ лицо, близко знакомое съ подробностями распоряженій военнаго министерства и по своему положенію пользующееся извѣстнымъ авторитетомъ.

„Письмо это вручитъ вамъ, любезный князь—писалъ Государь [1]),—генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, котораго я посылаю въ Крымъ, чтобы на мѣстѣ лично съ вами объясниться о всѣхъ нуждахъ ввѣренной вамъ арміи. Такъ какъ по занимаемому имъ здѣсь мѣсту, всѣ распоряженія и способы военнаго министерства ему вполнѣ извѣстны, то я надѣюсь, что присылка его можетъ имѣть хорошія послѣдствія, для должнаго обезпеченія вашей арміи по всѣмъ отраслямъ ея управленія.

„Изъ послѣдняго письма вашего къ военному министру усмотрѣлъ я съ прискорбіемъ, что въ послѣднее время вы многими начальниками остались не довольны, *за отклоненіе отъ службы подъ предлогомъ болѣзни* [2]). Казалось бы, что теперь, *когда дѣло идетъ о спасеніи роднаго края, не время думать о себѣ.* При случаѣ вы можете имъ это передать, присовокупивъ, *что я надѣюсь, что они до конца покажутъ себя достойными милостей нашего незабвеннаго благодѣтеля и того довѣрія, которое я къ нимъ имѣю*“.

Барону Вревскому было поручено обратить особенное вниманіе на численный составъ армій, время прибытія подкрѣпленій и назначеніе, которое имъ дано, на устройство укрѣпленныхъ лагерей и мѣры къ сохраненію сообщеній и для защиты Севастополя и спасенія его гарнизона, въ случаѣ неблагопріятнаго для насъ оборота дѣлъ. Онъ долженъ былъ ближе познакомиться съ предметами довольствія войскъ всѣмъ необходимымъ и съ состояніемъ запасовъ, слѣдить за успѣхомъ поставки продовольствія и за мѣрами, принятыми для безостановочнаго пополненія боевыхъ запасовъ и провіанта. Однимъ словомъ, не вмѣшиваясь отнюдь въ распорядительную часть арміи, баронъ Вревскій обязанъ былъ входить во все, что̀ касалось до снабженія арміи предметами хозяйства, и въ этомъ отношеніи облегчать дѣятельность главнокомандующаго. „Для

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 8-го іюня.

[2]) Какъ это, такъ и послѣдующее напечатанное курсивомъ подчеркнуто въ подлинникѣ.

сего—писалъ военный министръ [1]),—отстраняя все, что могло бы возбудить превратные толки о цѣли вашего командированія, вы должны стараться входить съ главнокомандующимъ и чинами управленія арміи въ откровенныя объясненія, дабы, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, представить мнѣ, для доклада Государю Императору, сколь можно полный и вѣрный обзоръ настоящаго положенія дѣлъ и вновь возникающихъ видовъ.

„Государю Императору благоугодно было,—писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ военный министръ князю Горчакову [2]),—поручить мнѣ покорнѣйше просить ваше сіятельство передать барону Вревскому ваши виды и соображенія насчетъ хозяйственнаго снабженія Крымской и Южной арміи *при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ событій*“.

Разсчитывая, что, съ прибытіемъ подкрѣпленій, князь Горчаковъ будетъ въ состояніи не только отстоять Севастополь, но при нѣкоторой рѣшимости и перейти въ наступленіе, военный министръ, князь Долгоруковъ, надѣялся, что присутствіе директора канцеляріи военнаго министерства въ главной квартирѣ, какъ лица, близко знакомаго съ нашими видами, окажетъ нѣкоторое давленіе на главнокомандующаго; что, не вмѣшиваясь ни въ распоряженія, ни въ военныя соображенія, но будучи обязанъ часто сталкиваться съ княземъ Горчаковымъ и входить съ нимъ въ объясненія, Вревскій, какъ человѣкъ, ратующій за движеніе впередъ, поддержитъ энергію главнокомандующаго, въ пользу наступательныхъ дѣйствій.

Баронъ Вревскій оставилъ Петербургъ въ то время, когда подъ Севастополемъ произошли весьма крупныя событія, и измѣнившіяся обстоятельства вызвали иную дѣятельность, чѣмъ та, которая предполагалась.

Послѣ дѣла 26-го мая, Пелисье рѣшился воспользоваться энтузіазмомъ войскъ и назначилъ черезъ десять дней штурмъ, которому должно было предшествовать бомбардированіе. Главнымъ пунктомъ штурма избранъ Малаховъ курганъ, и потому рѣшено было прекратить бомбардированіе, продолжавшееся въ теченіе трехъ дней, и, для успѣха будущаго

---

[1]) Предписаніе военнаго министра барону Вревскому, отъ 8-го іюня, № 557.
[2]) Въ отношеніи отъ 8-го іюня № 558.

штурма, построить нѣсколько новыхъ батарей. Съ 31-го мая канонада вовсе прекратилась, и князь Горчаковъ сначала не зналъ, чему приписать такое ослабленіе огня [1]), но скоро увидѣлъ, что осаждающій погрузился въ земляныя работы, и въ траншеяхъ, впереди Малахова, закипѣла усиленная дѣятельность. Французы разоружали старыя батареи и возводили новыя; изъ бывшаго Камчатскаго люнета устроено ими четыре батареи въ 28 орудій; на мѣстѣ Селенгинскаго,—возведено двѣ и Волынскаго,—одна батарея, — всѣ три на 24 орудія. Бывшіе впереди Камчатскаго люнета, наши ложементы обращены въ 3-ю и 4-ю параллели; въ укрѣпленіяхъ перерѣзаны многія амбразуры и употреблены всѣ средства къ тому, чтобы направить наибольшее число орудій на Малаховъ курганъ, первый и второй бастіоны [2]).

Предъугадывая намѣренія противника, обороняющійся также перемѣнилъ направленіе многихъ амбразуръ, прибавилъ на своемъ вооруженіи нѣсколько новыхъ орудій и обратилъ особенное вниманіе на усиленіе наиболѣе слабаго лѣваго фланга оборонительной линіи. Между Лабораторною балкою и такъ называемою батареею, на мѣстѣ перваго бастіона, была возведена батарея (Парижская), которая въ соединеніи съ выше названною батареею и должна была образовать то укрѣпленіе, которое впослѣдствіи извѣстно было подъ именемъ *перваго бастіона* и которому редюитомъ служила оборонительная казарма.

Для бо̀льшаго усиленія этого фланга, были приспособлены къ артиллерійской оборонѣ траншея между вторымъ бастіономъ и лабораторіею и стѣнка между послѣднею и казармою перваго бастіона. Сверхъ того позади третьяго бастіона, на второмъ бастіонѣ и на батареѣ (Парижской) были присыпаны барбеты для полевыхъ орудій, которыя, въ случаѣ штурма, предполагалось употребить для дѣйствія картечью, по атакующимъ колоннамъ [3]).

Усиленныя земляныя работы съ обѣихъ сторонъ послужили поводомъ къ взаимному прекращенію канонады на довольно продолжительное время. Орудійные выстрѣлы слышались рѣдко, и хотя противники под-

---

[1]) См. письмо кн. Горчакова военному министру 31-го мая.

[2]) Оже. Siège de Sévastopol. 1854—1856.

[3]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, отд. I, 317, 323.

*

держивали постоянный ружейный огонь, но, послѣ жестокихъ бомбардированій, онъ казался ничтожнымъ. Севастополь, а съ нимъ вмѣстѣ и главнокомандующій вздохнули свободнѣе. Время уходило; наши подкрѣпленія подвигались все ближе, и, въ ожиданіи скораго ихъ прибытія, князь Горчаковъ ласкалъ себя надеждою отстоять Севастополь, или по крайней мѣрѣ выдержать хоть одинъ штурмъ. Мысль объ оставленіи города откладывалась день за день.

— Я все еще не могу рѣшиться оставить Севастополь,—говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ.—При настоящемъ положеніи дѣлъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ попытать счастье въ отбитіи штурма. Но если непріятель, вмѣсто того чтобы штурмовать, возобновитъ ужасное и продолжительное бомбардированіе, я буду вынужденъ отдать ему городъ, ибо онъ истолчетъ какъ въ ступкѣ не только настоящій гарнизонъ, но и всю армію. Предъидущее бомбардированіе доказываетъ это. Если непріятель поступитъ такимъ образомъ, а я буду упорствовать въ удержаніи Севастополя, я рискую потерять и городъ, и армію. Два послѣднія бомбардированія показали, что войска, долго остающіяся подъ огнемъ, разстраиваются отъ большой убыли начальниковъ. Пополнивъ необходимыя потери новыми полками, я кончу тѣмъ, что городъ возьмутъ приступомъ, и тогда мнѣ не съ чѣмъ будетъ держаться въ полѣ. Тѣмъ не менѣе оставить Севастополь теперь, мнѣ кажется, рано, но найду ли я минуту, когда окажется это возможнымъ сдѣлать безъ потерь, не знаю; полагаю однакоже, что лучше подвергнуться этой случайности, чѣмъ преждевременно уходить. Если непріятель атакуетъ меня отъ Черной или съ тыла, то буду отбиваться чѣмъ и какъ могу. Особенно трудны для меня настоящіе десять дней до прихода 7-й и 15-й дивизій.

„Вотъ мое положеніе, Всемилостивѣйшій Государь,—писалъ князь Горчаковъ [1]).— Ввѣренное мнѣ войско готово биться и умирать за Вашу славу; но весьма большое числительное превосходство непріятеля, (его болѣе 150.000 за исключеніемъ урона), огромныя средства, коими онъ располагаетъ во всѣхъ отношеніяхъ, возможность угрожать мнѣ повсюду высадками и несчастное обстоятельство, что я прикованъ, такъ сказать, къ Севастополю,—все это ставитъ насъ въ столь невыгодное положеніе, что не только нельзя надѣяться на какой-либо успѣхъ, но

---

[1]) Въ всепод. донесеніи отъ 4-го іюня 1855 г.

даже можно опасаться большихъ неудачъ. Будетъ, что угодно Богу; мы исполнимъ свой долгъ по силамъ и возможности“.

Опасеніе, что непріятель предприметъ усиленное бомбардированіе, скоро оправдалось. На военномъ совѣтѣ всѣхъ генераловъ союзной арміи рѣшено было послѣ суточнаго бомбардированія, во время котораго не ограничивать расхода снарядовъ никакою цифрою [1]), штурмовать Корабельную сторону и имѣть въ готовности войска лѣвой атаки, чтобы въ случаѣ успѣха двинуться и на штурмъ Городской стороны. Для отвлеченія войскъ, находившихся внѣ Севастополя, и воспрепятствованія имъ оказать помощь гарнизону Севастополя, предположено, одновременно съ атакою укрѣпленій, произвести наступательное движеніе со стороны р. Черной. Къ этому времени должна была возвратиться изъ Азовскаго моря эскадра и большая часть дессантныхъ войскъ, отправленныхъ для занятія Керчи.

Къ 5-му іюня осадныя батареи имѣли на своемъ вооруженіи 587 орудій [2]), изъ коихъ 320 были направлены противъ Городской, 228 противъ Корабельной стороны и 39 орудій для дѣйствія по рейду, Сѣверной сторонѣ и по вылазкамъ. Хотя для борьбы съ такимъ числомъ обороняющійся могъ противопоставить 549 орудій [3]), но союзники имѣли значительное превосходство въ способахъ стрѣльбы и въ запасахъ пороха и снарядовъ.

При направленіи своихъ выстрѣловъ атакующій имѣетъ то преимущество, что можетъ, по своему произволу, скрещивать выстрѣлы съ нѣсколькихъ батарей на одинъ какой-либо пунктъ противника, тогда какъ защищающемуся приходится разсѣевать свои выстрѣлы и отвѣчать только изъ нѣсколькихъ орудій на десятки непріятельскихъ выстрѣловъ. Независимо отъ этого преимущества, союзники имѣли значительное превосходство въ артиллерійскихъ запасахъ. У нихъ заготовлено было отъ 400 до 500 зарядовъ на каждое орудіе, тогда какъ у насъ

---

[1]) Отъ этого нѣкоторыя осадныя батареи выпустили баснословное число снарядовъ. Такъ батарея, устроенная французами на бывшемъ Камчатскомъ люнетѣ, изъ 10-ти мортиръ выпустила 2.000 бомбъ.

[2]) Французскихъ 421 и англійскихъ 166 орудій.

[3]) Собственно на оборонительной линіи находилсь 1.129 орудій, но часть изъ нихъ не могла дѣйствовать по осаднымъ батареямъ, а служила для фланкированія батарей, внутренней обороны и проч.

самое большое число зарядовъ не превышало 140, да и то только у тѣхъ орудій, которыя должны были дѣйствовать во время бомбардированія и при штурмѣ; остальныя имѣли по 70-ти, 60-ти, 30-ти и даже по 5-ти зарядовъ.

Ограниченный запасъ пороха и снарядовъ былъ причиною неравенства артиллерійскаго огня въ предстоявшемъ состязаніи. Кромѣ недостатка въ порохѣ и снарядахъ, мы ощущали еще недостатокъ въ зарядныхъ картузахъ, для шитья которыхъ приходилось употреблять судовые флаги, фланелевыя рубахи адмиральскихъ гребцовъ и даже крестьянское сукно.

Въ такомъ положеніи были осада и оборона, когда секреты стали доносить, что къ непріятельскимъ батареямъ каждую ночь подвозятся орудія и снаряды, а перебѣжчики говорили, что союзники готовятся произвести штурмъ лѣваго фланга и съ этою цѣлью стягиваютъ свои силы къ Севастополю, вокругъ котораго успѣли собрать до 173-хъ тысячъ человѣкъ [1]).

Столь значительному числу непріятеля могли оказать сопротивленіе 44.768 штыковъ, находившихся на защитѣ укрѣпленій оборонительной линіи, изъ коихъ 24.390 штыковъ было на Городской и 20.378 на Корабельной. Сверхъ того на батареяхъ находилось артиллерійской прислуги 8.868 человѣкъ, изъ коихъ 4.024 моряковъ и 4.844 человѣка отъ пѣхотныхъ войскъ.

Въ ожиданіи штурма, было сдѣлано новое расположеніе войскамъ, при чемъ резервамъ назначены мѣста, куда они должны собираться, и приказано по тревогѣ встать въ ружье всѣмъ артельщикамъ, кашеварамъ и каптенармусамъ, долженствовавшимъ составить особый сводный батальонъ. Для бо̀льшаго удобства обороны лѣваго фланга, четвертое отдѣленіе оборонительной линіи было раздѣлено на двѣ части: начальникомъ первой остался капитанъ 1-го ранга Юрковскій, а начальникомъ вновь образованнаго *пятаго отдѣленія* назначенъ капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 2-й. Въ составъ пятаго отдѣленія вошли 1-й и 2-й бастіоны съ прилегавшими къ нимъ укрѣпленіями до Доковаго оврага.

---

[1]) Французовъ 106.000; англичанъ 45.000, сардинцевъ 15.000 и турокъ 7.000 человѣкъ.

Въ это же самое время командованіе войсками на Городской сторонѣ поручено было генералъ-маіору Мартинсу, а на Корабельной—осталось въ вѣдѣніи генералъ-лейтенанта Хрулева. На отдѣленіяхъ оборонительной линіи войсками командовали: генералъ-маіоры: Семякинъ на первомъ отдѣленіи, Шульцъ—на второмъ, Лысенко—на третьемъ, Замаринъ—на четвертомъ и князь Урусовъ—на пятомъ отдѣленіи. Слабое состояніе укрѣпленій этого послѣдняго отдѣленія заботило какъ главнокомандующаго, такъ и начальника гарнизона графа Остенъ-Сакена. Послѣдній просилъ Хрулева, какъ начальника войскъ на Корабельной сторонѣ, поручить 1-й и 2-й бастіоны генералъ-маіору князю Урусову *„съ тѣмъ чтобы онъ отвѣчалъ вполнѣ за удержаніе ихъ при атакѣ непріятеля“*.

„Князь Урусовъ,—писалъ гр. Остенъ-Сакенъ [1]),—начальствуетъ войсками этого пространства; оставляя хозяйственную часть и всѣ снабженія въ вѣдѣніи начальника пятаго отдѣленія капитана 1-го ранга Перелешина 2-го, не отвлекаясь подробностями, употребить всю бдительность свою и испытанныя неусыпность и усердіе, для наблюденія за дѣйствіями непріятеля“.

Въ гарнизонѣ Городской стороны находился 41 батальонъ пѣхоты, съ 6-ю полевыми орудіями, и на Корабельной или лѣвой сторонѣ 35 батальоновъ съ 18-ю полевыми орудіями. Въ случаѣ штурма приказано было: по пробитіи тревоги, раненыхъ не подбирать до окончанія дѣла, всѣмъ находящимся на работѣ оставлять свои занятія и спѣшить на назначенныя имъ мѣста; гарнизонамъ бастіоновъ и укрѣпленій не отступать и драться до послѣдней крайности; никому не кричать „ура“, встрѣчать наступающихъ штыками, и послѣ отбитія штурма не преслѣдовать непріятеля, а провожать его только ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Наступило прекрасное утро 5-го іюня. Ночныя работы прекратились, и съ третьяго бастіона видно было, какъ англичане отправили въ лагерь изъ траншей свои ночные караулы и рабочихъ; наши люди также разошлись, кто куда могъ, чтобы подкрѣпить сномъ свои истощенныя силы. Около трехъ часовъ утра во французскихъ траншеяхъ

---

[1]) Генералу Хрулеву въ собственноручной запискѣ отъ 3-го іюня. Изъ бумагъ Хрулева.

послышались звуки трубы, какъ бы призывавшей къ молитвѣ. Эти звуки повторились въ англійскомъ лагерѣ, а вслѣдъ за тѣмъ раздался залпъ, и началось *четвертое бомбардированіе* Севастополя и въ особенности Корабельной стороны и лѣвой половины четвертаго бастіона. Вмѣстѣ съ тѣмъ непріятель дѣйствовалъ усиленнымъ огнемъ противъ батарей Сѣверной стороны и по флоту, стоявшему на рейдѣ.

Стояла тихая погода. Дымъ отъ выстрѣловъ скоро задернулъ всю мѣстность столь густою завѣсою, что ни прицѣливать орудій, ни видѣть что-нибудь въ нѣсколькихъ шагахъ было невозможно. Онъ клубился надъ орудіемъ или поднимался изъ мортиры правильнымъ кольцомъ или, наконецъ, струился длинною змѣйкою, указывая путь пролетѣвшей ракеты. Въ высотѣ, какъ бѣлыя пятна, на голубомъ небѣ, виднѣлись клубки дыма отъ лопавшихся бомбъ; подъ ногами фонтаномъ брызгала земля, поднятая ядромъ, а въ густой стѣнѣ пороховаго дыма блистали огненные языки выстрѣловъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ стрѣльбы, надъ Севастополемъ стоялъ густой непроницаемый мракъ дыма. Отдѣльнаго звука выстрѣловъ уже не было слышно; все слилось въ одинъ оглушающій трескъ. Воздухъ былъ дотого сгущенъ, что становилось трудно дышать. Испуганныя птицы метались въ разбитыя окна домовъ, подъ крышами которыхъ искали спасенія [1]).

Подъ градомъ снарядовъ самаго большаго калибра спѣшили наши батальоны занять заранѣе указанныя имъ мѣста, чтобы поспѣть во-время, если бы непріятель бросился на штурмъ.

Среди оглушительнаго рева выстрѣловъ, на колокольнѣ Владимірской церкви раздавался благовѣстъ колоколовъ, призывавшихъ къ заутренѣ. Прижавшись къ брустверу, солдаты крестились и читали вслухъ молитвы. Съ восходомъ солнца легкій вѣтерокъ разсѣялъ дымъ, и канонада загремѣла съ еще бо̀льшею силою; французы продолжали стрѣлять залпами. Малаховъ курганъ былъ главнѣйшею цѣлью, въ которую направлялась бо̀льшая часть ихъ выстрѣловъ. На всей Корабельной сторонѣ не было живаго мѣста, куда бы не падали снаряды. Обнажившіеся отъ дымной пелены маленькіе ея домики, ярко освѣщенные восходящимъ солнцемъ, и избитыя выстрѣлами зданія Александровскихъ казармъ представляли собою во многихъ мѣстахъ однѣ

---

[1]) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ. «Воен. Сборн.» 1861 г. № 1.

развалины. Цѣлыя тучи бомбъ, ракетъ, каленыхъ ядеръ падали въ слободкѣ, близъ морскаго госпиталя, въ Екатерининской улицѣ, на Театральной и Николаевской площадяхъ. Но вездѣ, гдѣ падаютъ снаряды, не замѣтно никакой суеты, все идетъ своимъ чередомъ, каждый дѣлаетъ свое дѣло.

„По-прежнему,—пишетъ г. Алабинъ [1]),—войска стоятъ въ мѣстахъ, нѣсколько укрытыя отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Солдаты по большей части спятъ, другіе перебираютъ свою одежду, чинятъ бѣлье, обувь; нѣкоторые заряжаютъ или разряжаютъ ружья, курятъ, ѣдятъ свою неизмѣнную кашу. Съ мѣрными условными возгласами тянутъ матросы и солдаты пушку, въ обмѣнъ подбитой на батареѣ. Съ тою же безпечностью ходятъ офицеры и солдаты, съ какою ходили вчера и третьяго дня, ѣздятъ верхомъ съ приказаніями; два солдата несутъ на палкѣ въ мѣшкѣ только-что принятое мясо; въ ротныхъ котелкахъ тащатъ еще кипящую кашу; артиллерійскія лошади везутъ на дрогахъ бочку воды; тянется нѣсколько полуфурковъ съ пирамидою туровъ; матросы и солдаты расчищаютъ, подъ штуцернымъ огнемъ, засыпанную амбразуру бастіона, только работая нѣсколько живѣе обыкновеннаго; множество солдатъ купаются у Пересыпки, несмотря на снаряды, ложащіеся вокругъ нихъ; тянется похоронная церемонія... Словомъ, на Корабельной все идетъ обычнымъ чередомъ; только нигдѣ не видишь жителей: все скрылось куда могло; еще необыкновенно часто появляются въ различныхъ мѣстахъ кровавыя носилки съ печальною ношею, да потрясаютъ душу эти ужасные, гремящіе вокругъ звуки, этотъ грозный ревъ безпрестанно падающихъ и безпрестанно разрывающихся снарядовъ“.

Бастіоны и батареи, въ особенности лѣваго фланга, были засыпаемы бомбами и ядрами. Мѣшки съ брустверовъ, щиты изъ амбразуръ, камни, фашины, человѣческіе члены,—все летѣло въ какомъ-то хаосѣ. Летавшіе другъ другу навстрѣчу снаряды сталкивались и разбивались на полетѣ. Пролетая въ городъ, они сбивали остатки каменныхъ фундаментовъ, поднимали страшную пыль и несли за собою массу каменьевъ, которые били людей какъ пули или царапали лицо какъ иголками.

„Въ воздухѣ,—говоритъ участникъ [2]),—раздавался какой-то не-

[1]) Походныя записки, ч. II, 260.

[2]) В. Зарубаевъ. Воспоминанія. Сборникъ рукописей, т. II, 462.

стройный гулъ, визгъ и шипѣнье. Бомбы присвистывали. Солдаты находили въ этомъ присвистываніи сходство съ вопросомъ: чьи вы, чьи вы, чьи вы?“

— Не тронь,—говорили они, разбѣгаясь въ стороны,—мы дѣти Романова.

Въ Севастополѣ было много такихъ солдатъ, веселое расположеніе которыхъ не нарушалось ни при какихъ опасностяхъ. Остря, шутя и смѣясь подъ убійственнымъ огнемъ, они служили поддержкою для товарищей и были неоцѣнимы по своему нравственному вліянію.

— Эй, братцы, чья рука,—кричитъ одинъ изъ такихъ весельчаковъ, помахивая оторваннымъ членомъ,—чья рука, признавайся, а то ее въ госпиталь отправлю, больше не увидишь.

Огромная убыль въ людяхъ заставила прекратить всѣ работы, оставить только самые необходимые резервы и небольшія команды рабочихъ, для расчистки амбразуръ, починки платформъ и исправленія насыпей на пороховыхъ погребахъ.

Весь день канонада не прекращалась; она то нѣсколько уменьшалась, то закипала съ новою яростію. Около 10-ти часовъ утра у насъ было израсходовано значительное число зарядовъ, и потому, ввиду недостатка пороха, приказано было ослабить огонь и стрѣлять какъ можно рѣже. Воспользовавшись этимъ, непріятель сыпалъ свои снаряды все чаще и чаще, и около 2-хъ часовъ по полудни началъ бомбардированіе Городской стороны, направляя огонь преимущественно на четвертый, пятый и шестой бастіоны.

Къ вечеру слѣды бомбардированія были слишкомъ замѣтны, какъ на нашей оборонительной линіи, такъ и въ непріятельскихъ батареяхъ. Наиболѣе другихъ пострадали Малаховъ курганъ, 2-й и 3-й бастіоны; почти половина амбразуръ были завалены, многія орудія подбиты, блиндажи разрушены, пороховые погреба взорваны. Лѣвый флангъ третьяго бастіона былъ такъ разбитъ, что брустверъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не закрывалъ головы. Наскоро воздвигнутые траверсы обрушились, и большая часть прислуги была переранена [1]). На бастіонахъ кровь лилась рѣкою; для раненыхъ не хватало носилокъ, и къ полудню на одномъ третьемъ ба-

[1]) Разсказъ изъ боевой жизни, «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 219—222.

стіонѣ выбыло изъ строя 300 человѣкъ прикрытія и 680 человѣкъ артиллерійской прислуги.

Осадныя батареи непріятеля потерпѣли не меньшій, если не бóльшій вредъ отъ сосредоточенныхъ нашихъ выстрѣловъ; многія изъ нихъ принуждены были прекратить стрѣльбу и отказаться отъ состязанія.

Въ теченіе дня на перевязочные пункты было доставлено 1.600 человѣкъ раненыхъ, не считая убитыхъ. Послѣднихъ складывали прямо на баркасы и отвозили на Сѣверную сторону города. Въ этотъ день мы лишились многихъ славныхъ защитниковъ и въ числѣ ихъ капитана 1-го ранга Юрковскаго.

Когда Юрковскій былъ раненъ, то одинъ изъ офицеровъ прискакалъ къ Нахимову, находившемуся съ княземъ Васильчиковымъ и генераломъ Тотлебеномъ на городскомъ телеграфѣ. Доложивъ адмиралу, что храброму капитану Юрковскому оторвало ногу, офицеръ просилъ доктора.

— Доктора!—проговорилъ Нахимовъ...—просятъ доктора, слышите ли вы? Доктора-съ! А у меня переплетчикъ убитъ.

Взялъ Нахимовъ костыль и побрелъ искать доктора. Не многое сказалъ онъ, но многое сказалось въ его словахъ. Переплетчикъ жилъ съ семьею въ прочномъ сводчатомъ нижнемъ строеніи—и бомба порѣшила его. Если подъ такими сводами не безопасенъ человѣкъ, то гдѣ же искать доктора, для каждаго изъ стоявшихъ на бастіонахъ и батареяхъ, гдѣ число раненыхъ доходило до огромныхъ размѣровъ.

Капитанъ 1-го ранга Юрковскій не перенесъ полученной раны и скончался, къ общему сожалѣнію товарищей и сослуживцевъ. Будучи назначенъ, послѣ смерти контръ-адмирала Истомина, начальникомъ четвертаго отдѣленія оборонительной линіи, онъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, не сходилъ съ Малахова кургана. Несмотря на свои преклонныя лѣта и слабое здоровье, Юрковскій съ неутомимою дѣятельностію, занимался ввѣреннымъ его попеченію Малаховымъ курганомъ, жилъ въ остаткахъ башни, представлявшей груду развалинъ, и, несмотря ни на просьбы, ни на приказанія, не хотѣлъ оставить своего жилища.

— Сдѣлайте мнѣ дружбу,—говорилъ Юрковскій одному изъ своихъ знакомыхъ,—напишите статью въ опроверженіе хвастовства французовъ. Публиковали они въ газетахъ, что Малахова башня разбита до основанія. Вздоръ! доказательство, что я, начальникъ отдѣленія, живу тамъ доселѣ...

Кто зналъ Юрковскаго, тотъ не могъ надивиться его простой, но возвышенной натурѣ, а кто видѣлъ его въ сраженіи, тотъ невольно проникался уваженіемъ къ его непоколебимой твердости, рѣдкой отвагѣ и распорядительности. То же самое можно сказать о многихъ падшихъ товарищахъ Юрковскаго, да и о всѣхъ начальникахъ отдѣленій и командирахъ батарей. Никакое перо не въ состояніи обрисовать подвига батарейнаго командира и прислуги при орудіяхъ, въ самый разгаръ бомбардированія. Всякое описаніе окажется ничтожнымъ въ сравненіи съ дѣйствительностію.

„Надобно видѣть этого громовержца, стоящаго безтрепетно въ уraганѣ смерти и обдуманно поражающаго враговъ, тогда какъ десятки его товарищей и подчиненныхъ падаютъ вокругъ него подъ губительною косою, обливая его своею кровью, немедленно замѣняемые другими, готовыми испытать ту же участь! Да, надо видѣть этихъ героевъ, чтобъ научиться благоговѣть предъ ними!“ Ни одинъ солдатъ не останавливался передъ опасностію, когда дѣло шло о спасеніи товарища или начальника. Вотъ рядовой Охотскаго полка, Трофимъ Бѣлоусовъ ружейнымъ прикладомъ толкаетъ съ горы бомбу, упавшую у дверей пороховаго погреба и готовую разорваться; онъ спасаетъ погребъ отъ взрыва и 3-й бастіонъ отъ значительныхъ поврежденій. Вотъ два рядовыхъ Полтавскаго полка, Григорій Ткаченко и Семенъ Копальскій, закрывающіе собою начальника 8-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанта князя Урусова. Рядовые эти были постоянными вѣстовыми генерала и слѣдовали за нимъ повсюду. Въ самый разгаръ бомбардированія князь Урусовъ, проходя по одной изъ частей оборонительной линіи, увидавъ упавшую въ нѣсколькихъ шагахъ бомбу, закричалъ: „ложись!“ Въ это время Ткаченко и Копальскій бросились къ генералу и прикрыли его собою отъ осколковъ. Бомбу разорвало и одного изъ молодцовъ сильно ушибло осколкомъ камня.

Такихъ героевъ было много; называть ихъ по именамъ значило бы переименовать всѣхъ участниковъ славной обороны. Личные подвиги каждаго остаются въ неизвѣстности, по обилію самихъ подвиговъ, и потому-то не знаешь, кто больше герой!..

Раненые только и думали о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться на свои мѣста. Когда ихъ спрашивали, чего желаютъ они, всѣ единогласно

отвѣчали: „Батюшка царь не оставитъ насъ, а мы желаемъ, если Господь поможетъ выздоровѣть, то поскорѣе явиться къ товарищамъ на бастіоны, отплатить врагамъ".

Съ наступленіемъ сумерекъ непріятель ослабилъ прицѣльный огонь, но зато усилилъ навѣсный, еще болѣе гибельный для обороняющагося. Четвертое, іюньское бомбардированіе Севастополя замѣчательно особенно тѣмъ, что съ этого времени навѣсный огонь получаетъ огромное развитіе и становится самымъ разрушительнымъ средствомъ, безспорно уничтожившимъ Севастополь. Имѣя до сихъ поръ незначительное число мортиръ, осаждающій дѣйствовалъ преимущественно прицѣльными выстрѣлами, но съ этой поры онъ постоянно увеличивалъ число мортиръ и подъ конецъ осады довелъ число ихъ болѣе чѣмъ до трехъ сотъ. Союзники стали дѣйствовать бомбами въ массахъ, сразу бросая по нѣскольку на одинъ и тотъ же пунктъ, что̀ при каменистомъ грунтѣ производило невѣроятное пораженіе. Падая на небольшую и тѣсную площадку бастіона, бомба дѣйствовала при разрывѣ подобно камнеметному фугасу; врываясь въ мерлонъ, она засыпала разомъ двѣ амбразуры; попадая въ траверсъ, разметывала его, хоронила людей подъ обрушившеюся землею и своими осколками выводила изъ рядовъ многихъ. Ночью, когда исправлялись поврежденія, наша потеря еще болѣе увеличивалась, ибо къ огромному числу снарядовъ, бросаемыхъ съ осадныхъ батарей, присоединялись бомбы, пускаемыя съ непріятельскихъ судовъ.

Около одиннадцати часовъ ночи десять непріятельскихъ паровыхъ судовъ, подойдя ко входу на рейдъ, открыли огонь по береговымъ батареямъ Южной стороны и вдоль бухты. Наши прибрежныя батареи отвѣчали имъ съ увлеченіемъ, и перестрѣлка продолжалась до трехъ часовъ ночи по всей оборонительной линіи. Вомбы, одна за другою, „будто звѣзды съ распадающагося млечнаго пути", сыпались на Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ; ракеты съ зажигательнымъ составомъ огненными полосами бороздили воздухъ и достигали до Сѣверной стороны. Вообще онѣ наносили весьма мало вреда, хотя непріятель бросалъ ихъ очень усердно, и иногда на одинъ пунктъ летѣло ихъ заразъ до десятка и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города ракеты произвели пожары,— ихъ никто не тушилъ, потому что люди были нужны на другое, болѣе

важное дѣло, но огонь какъ-то не распространялся на сосѣднія постройки и умиралъ самъ собою [1]).

Французы истощали всѣ усилія, чтобы довести бомбардированіе до послѣдней крайности. Это былъ,—говоритъ очевидецъ [2]),—адскій фейерверкъ и ничего прекраснѣе не могъ бы изобрѣсть и представить въ продолженіе сутокъ на потѣху аду самъ торжествующій сатана".

Съ наступленіемъ ночи обороняющійся прекратилъ огонь и, не обращая вниманія на выстрѣлы непріятеля, исправлялъ поврежденія въ укрѣпленіяхъ съ такимъ успѣхомъ, что около 2-хъ часовъ ночи почти всѣ работы были окончены, только на Малаховомъ курганѣ команды саперъ и Сѣвскаго полка продолжали работать до четырехъ часовъ утра. Они производили присыпку къ валу, для помѣщенія на ней четырехъ полевыхъ орудій, долженствовавшихъ дѣйствовать картечью въ случаѣ штурма.

Прекращеніе огня нашихъ батарей поселило въ непріятелѣ увѣренность, что происходившая наканунѣ канонада произвела обвалы въ нашихъ насыпяхъ и сдѣлала ихъ удободоступными. Полагая, что укрѣпленія разрушены и рвы завалены, союзники рѣшились на штурмъ Корабельной стороны.

Для атаки назначалось около 34.000 человѣкъ французовъ и до 9.000 англичанъ. Французы должны были атаковать Малаховъ курганъ, 1-й и 2-й бастіоны, а англичане приняли на себя штурмъ 3-го бастіона и Пересыпи; при чемъ Доковый оврагъ долженъ былъ служить между ними раздѣломъ.

Около 2-хъ часовъ ночи, залегшій въ секретѣ Брянскаго полка подпоручикъ Хрущевъ донесъ командующему войсками 5-го отдѣленія свиты Его Величества генералъ-маіору князю Урусову, что въ лежащемъ передъ 1-мъ бастіономъ Киленъ-балочномъ оврагѣ, или Киленъ-балкѣ, видны значительныя непріятельскія силы. То были войска дивизіи Мейрана, собиравшіяся правѣе Камчатскаго люнета. Отославъ обратно

---

[1]) Наибольшій вредъ, причиненный пожаромъ, былъ взрывъ 300 бомбъ въ сгорѣвшемъ цейхаугѣ позади батареи № 8. См. Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, отд. I, 338.

[2]) «Русскій Инвалидъ», 1855 г. № 143.

Хрущева для дальнѣйшихъ наблюденій, князь Урусовъ приказалъ ударить тревогу, которая и была принята по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи [1]).

Съ первыми звуками барабана все пришло въ движеніе, все спѣшило на назначенныя мѣста, при чемъ первый бастіонъ былъ занятъ Кременчугскимъ полкомъ; промежутокъ между 1-мъ и 2-мъ бастіонами,—двумя батальонами Эриванскаго князя Варшавскаго полка и 180-ю человѣками охотниковъ отъ полковъ Владимірскаго и Кременчугскаго. На второмъ бастіонѣ находились два батальона Владимірскаго полка, а въ резервѣ въ Ушаковой балкѣ,—батальонъ Суздальскаго полка, и, наконецъ, на куртинѣ между вторымъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ стоялъ батальонъ Суздальскаго полка. Какъ только ударили тревогу, войска были уже на своихъ мѣстахъ. Въ это время начальникъ войскъ на Корабельной сторонѣ, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, находился также на первомъ бастіонѣ. Онъ ночевалъ въ оборонительной казармѣ, въ помѣщеніи начальника 5-го отдѣленія капитана 1-го ранга Перелешина 2-го. Услышавъ тревогу, Хрулевъ бросился на Малаховъ курганъ, какъ на самый важный пунктъ обороны. Чрезъ нѣсколько минутъ въ окно оборонительной казармы 1-го бастіона влетѣла бомба и упала на ту самую желѣзную кровать, на которой спалъ генералъ. Казалось, сама судьба хранила его для будущихъ подвиговъ.

На Малаховомъ курганѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Замарина находились: Сѣвскій полкъ (4 батальона), три батальона Полтавскаго и два батальона Забалканскаго полковъ. Четвертый батальонъ Полтавскаго полка защищалъ батарею Жерве.

Прибывъ на Малаховъ курганъ, Хрулевъ приказалъ приблизить резервъ Корабельной стороны и расположилъ его слѣдующимъ образомъ: два батальона Забалканскаго полка онъ ввелъ въ курганъ, Якутскій полкъ съ 6-ю полевыми орудіями поставилъ правѣе, а Селенгинскій полкъ съ 12 орудіями,—лѣвѣе кургана. Сформировавшійся по тревогѣ батальонъ изъ патронщиковъ Хрулевъ отправилъ за третій бастіонъ, а двѣ роты изъ кашеваровъ и артельщиковъ оставилъ въ резервѣ въ Корабельной слободѣ.

---

[1]) Г. Чаплинскій, воспоминанія. Сборникъ рукоп., т. II, 140. Рапортъ генералъ-маіора князя Урусова 2-го Хрулеву 8-го іюня № 89. Изъ бумагъ Хрулева.

Былъ третій часъ ночи, когда непріятельскія батареи вдругъ смолкли... Въ Севастополѣ воцарилась на нѣсколько мгновеній совершенная тишина, прерываемая частымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ 1-го и 2-го бастіоновъ. Въ одно мгновеніе на Малаховомъ курганѣ загорѣлся—предвѣстникъ начавшагося штурма—бѣлый огонь фальшфейера, „будто лампада схимника, молящагося о спасеніи души". Главнокомандующій тотчасъ же переправился на Южную сторону и съ плоской крыши библіотеки, какъ самаго высокаго пункта, все время слѣдилъ за дѣйствіями обѣихъ сторонъ.

Прекращеніе огня и наступившая тишина были по всей вѣроятности приняты Мейраномъ за сигналъ для начала штурма, и онъ преждевременно двинулся впередъ. Тщетно говорили ему, что онъ ошибается, что сигнала еще не было и атаку начинать рано, но Мейранъ повторилъ свое приказаніе идти на приступъ. Изъ-за лѣваго берега Киленъ-балки показалась густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, поддерживаемая сильными резервами, и вслѣдъ затѣмъ французы бросились на штурмъ 1-го и 2-го бастіоновъ, съ ихъ промежуточными батареями.

Штурмующіе были встрѣчены батальнымъ и картечнымъ огнемъ. Пароходы „Владиміръ", „Херсонъ", „Громоносецъ", „Крымъ", „Бессарабія" и „Одесса" открыли огонь по Киленъ-балкѣ, поражая непріятельскіе резервы и самихъ атакующихъ. Перекрестный ружейный и картечный огонь значительно разстроилъ французовъ. „Этотъ убійственный огонь,—писалъ Пелисье въ своемъ донесеніи [1]),—производился не только съ верковъ, которые мы намѣревались взять, но и съ непріятельскихъ пароходовъ, подоспѣвшихъ туда на всѣхъ парахъ и маневрировавшихъ столь же счастливо, сколько и искусно. Страшный огонь этотъ остановилъ порывъ нашихъ войскъ; имъ было невозможно идти впередъ". Не дойдя шаговъ тридцати до 2-го бастіона, французы остановились, смѣшались и, разсыпавшись за камнями и холмами, открыли частый ружейный огонь по амбразурамъ и по прислугѣ, дѣйствовавшей при орудіяхъ [2]).

Осадныя батареи непріятеля, видя замѣшательство своихъ и не-

---

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 143.

[2]) Рапортъ генералъ-маіора князя Урусова 2-го генералу Хрулеву, 8-го іюня № 89.

удачу перваго штурма, направили огонь противъ 1-го и 2-го бастіоновъ. Подкрѣпленные двумя батальонами гвардейскихъ волтижеровъ и поддержанные огнемъ своихъ батарей, французы вторично бросились въ атаку, но опять не выдержали картечнаго и ружейнаго огня, при которомъ генералъ Мейранъ, получившій уже двѣ раны и вновь пораженный картечью, принужденъ былъ оставить командованіе дивизіею и передать начальство генералу де-Фальи. Французы повернули назадъ и окончательно отступили въ Киленъ-балку, оставивъ въ нашихъ рукахъ 52 человѣка плѣнныхъ, много штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ и сапернаго инструмента [1]).

Все это было дѣломъ минуты, и Пелисье былъ еще далеко отъ Ланкастерской батареи, съ которой хотѣлъ подать условленный сигналъ. Сильный огонь на правомъ флангѣ атакующихъ обратилъ на себя вниманіе французскаго главнокомандующаго и хотя онъ тотчасъ же приказалъ подать сигналъ, желая развлечь наше вниманіе, къ общему штурму, но пока посланный доскакалъ до Ланкастерской батареи, прошло нѣкоторое время и преждевременная атака Мейрана была отбита.

Разсвѣтало. Съ Ланкастерской батареи брызнула струя бѣлаго огня, а за нею поднялся цѣлый снопъ сигнальныхъ ракетъ. Достигнувъ до высоты, ракеты разсыпались разноцвѣтными огоньками, какъ бриллiантовыми искрами. Это былъ сигналъ къ атакѣ остальныхъ укрѣпленій Корабельной стороны [2]).

Ошибка, сдѣланная въ одномъ пунктѣ, повела ко многимъ другимъ. Генералъ Брюне не успѣлъ еще сдѣлать всѣхъ распоряженій, когда сигнальная ракета взвилась въ воздухѣ. Боясь опоздать, онъ двинулся на штурмъ, прежде чѣмъ войска его были устроены окончательно.

Изъ непріятельскихъ траншей вышла густая цѣпь стрѣлковъ, охватившая весьма значительное пространство. Имѣя впереди охотниковъ съ лѣстницами и поддерживаемая сильными колоннами, цѣпь быстро двинулась на штурмъ Малахова кургана и прилегающихъ къ нему ба-

---

[1]) Рапортъ капитана 1-го ранга Перелешина 2-го Хрулеву, 6-го іюня № 88 (изъ бумагъ Хрулева).

[2]) О томъ, съ какого мѣста былъ поданъ сигналъ ракетами, мнѣнія расходятся, но я предпочелъ руководствоваться донесеніемъ самого Пелисье. См. «Русск. Инвалидъ» 1855 г. № 143.

тарей. Въ то же время на высотѣ батареи Викторіи показалась блестящая свита союзныхъ главнокомандующихъ. Солнце взошло на горизонтѣ и первыми лучами ярко освѣтило поле битвы.

Завидя штурмующихъ, прикрытіе батарей въ одинъ мигъ вскочило на банкеты и, выросши на нихъ грозною сплошною стѣною, ожидало приближенія непріятеля. Все смолкло, окаменѣло; въ воздухѣ было тихо и торжественность минуты не нарушалась въ началѣ ни возгласами, ни криками [1]). Хрулевъ вызвалъ изъ резерва 600 человѣкъ штуцерныхъ Якутскаго и Селенгинскаго полковъ и поставилъ ихъ между вторымъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ; резервомъ для этихъ войскъ были двѣ роты кашеваровъ и артельщиковъ. Едва только части эти прибыли на свои мѣста, какъ стоявшія уже за укрѣпленіями наши войска открыли самый частый огонь по наступавшимъ. Картечь, какъ горохъ, запрыгала по полю, по которому наступали французы и англичане. Малаховъ курганъ опоясался пламенною лентою; огненная рѣка лилась по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи; нашъ ружейный огонь усиливался ежеминутно, не прерываясь ни на мгновеніе.

На всемъ протяженіи непріятельскихъ траншей, впереди Малахова кургана, быстро двигалась густая, чернѣвшая лавина непріятельскихъ колоннъ. Офицеры съ саблями наголо шли впереди и указывали на наши батареи,—цѣль ихъ настоящаго движенія, а съ батарей молча и безъ крика „ура!“ отважные бойцы Севастополя сыпали пули за пулями.

Французы приближались.... Наступала торжественная минута...

Страшно было за Севастополь, страшно за его защитниковъ. Всѣ, кто только не принималъ непосредственнаго участія въ отраженіи штурма, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за сходившимися врагами. Старый и малый, больной и здоровый, военный и мирный торговецъ—всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки.

— Помоги вамъ Господи!—слышали повсюду солдаты, спѣшившіе на бастіоны.

Сколько земныхъ поклоновъ, сколько чистыхъ молитвъ произнесено было въ эти роковыя минуты. Оставшіеся на судахъ матросы высыпали

---

[1]) Тищинскій. Кое-что изъ воспоминаній о службѣ моей въ Севастополѣ (рукоп.).

всѣ на палубы и съ замираніемъ сердца смотрѣли на двигавшіяся колонны непріятеля; многіе изъ нихъ крестились. Близъ Сѣвернаго укрѣпленія толпа женщинъ стояла на колѣнахъ и молила о побѣдѣ [1]). На одномъ изъ стоявшихъ на рейдѣ судовъ, матросъ бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, находившимся въ походной церкви. Онъ горячо молился, читая вслухъ: *„Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу“*. Всѣ проходившіе слѣдовали примѣру чистаго сына отчизны, и долго потомъ свидѣтели пламенной молитвы не могли забыть ни ощущеній, испытанныхъ во время штурма, ни впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ матросомъ, горячо молившимся *за вся и за всѣхъ....*

Непріятель одновременно атаковалъ Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ. Колонны его, шедшія противъ 2-го бастіона и встрѣченныя батальнымъ и картечнымъ огнемъ, не могли подойти ближе 50-ти шаговъ. Пелисье говорилъ, что мужество его подчиненныхъ сокрушилось о сильный огонь русскихъ и о непредвидѣнныя обстоятельства, послужившія причиною неудачи. Какія это были причины, главнокомандующій не говоритъ, но надо полагать, что главнѣйшею была наша готовность встрѣтить врага и смертельная рана генерала Брюне, главнаго руководителя атаки.

Какъ только генералъ Брюне былъ раненъ въ грудь пулею, атакующіе остановились и смѣшались. Потоптавшись на мѣстѣ, они какъ будто взволновались на мгновеніе и потомъ вдругъ какъ волна отхлынули, торопясь укрыться въ каменоломняхъ. Тамъ оправившись и устроившись, они снова двинулись на штурмъ втораго бастіона. Губителенъ былъ нашъ батальный огонь, ужасно дѣйствіе картечи и града пуль, посланныхъ изъ пушки въ замѣнъ картечи. Несмотря на жестокій огонь, французы на этотъ разъ смѣло шли въ атаку: они прошли волчьи ямы, добрались до рва и стали взбираться на валъ; но здѣсь были встрѣчены штыками нижнихъ чиновъ Владимірскаго, Суздальскаго, Селенгинскаго и Якутскаго полковъ. Первый взобравшійся на валъ молодой офицеръ былъ пробитъ двумя пулями въ грудь и поднятъ на штыки; другой, окруженный со всѣхъ сторонъ, бросилъ свою саблю и взятъ въ плѣнъ; нѣсколько солдатъ за-

---

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 150.

колоты штыками, другіе сброшены въ ровъ, остальные отхлынули и, залегши въ ямахъ, осыпали пулями вскочившихъ на валъ нашихъ солдатъ.

— Камнями ихъ, ребята! — крикнулъ маіоръ Якутскаго полка Степановъ, и градъ камней полетѣлъ на головы залегшаго непріятеля.

Не выдержали французы; побросавъ лѣстницы, они въ безпорядкѣ отступили въ свои траншеи, оставивъ на мѣстѣ боя цѣлыя сотни товарищей убитыми или ранеными [1]).

„Вопли попавшихъ въ волчьи ямы, стоны умирающихъ, проклятія раненыхъ, крикъ и ругательства сражающихся, оглушительный трескъ, громъ и вой выстрѣловъ, лопающихся снарядовъ, батальнаго огня, свистъ пуль, стукъ оружія—все смѣшалось въ одинъ ужасный, невыразимый ревъ, называемый *шумомъ битвы*, въ которомъ слышался, однако, и исполнялся командный крикъ начальника, сигнальная труба, дробь барабана“!...

Послѣ первыхъ неудачъ, французы два раза пытались штурмовать 2-й бастіонъ, но, не пройдя и половины разстоянія, возвращались обратно въ свои траншеи. Полки ихъ, двинувшись на приступъ Малахова кургана, дѣйствовали нѣсколько удачнѣе, хотя въ концѣ-концовъ и они потерпѣли пораженіе.

Французы шли на Малаховъ двумя колоннами: одна направилась на самый курганъ, а другая на прилегавшую къ кургану батарею Жерве. Первая колонна не дошла до кургана 100 шаговъ и принуждена была вернуться назадъ въ свои траншеи.

— Теперь я совершенно спокоенъ,—говорилъ начальникъ Малахова кургана капитанъ 1-го ранга Кернъ генералу Юферову,—непріятель ничего уже не сдѣлаетъ намъ, хотя бы онъ бросался еще нѣсколько разъ, что̀ вѣроятно и исполнитъ.

Дѣйствительно, французы покушались было вторично броситься на приступъ, но были отражены съ огромной потерей. Картечный огонь полевыхъ орудій, поставленныхъ на курганѣ, наносилъ жестокое пораженіе непріятелю, усыпавшему всю отлогость кургана своими тѣлами.

Между тѣмъ колонна, направленная на батарею Жерве, несмотря на учащенный ружейный огонь, ворвалась въ укрѣпленіе. Небольшая

---

[1]) Записка отставн. полковн. Якутскаго полка Степанова (рукоп.).

насыпь батареи, не имѣвшая передъ собою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и рва, не могла представить серьезнаго сопротивленія атакующимъ. Зуавы вскочили на валъ и, тѣсня нашихъ, стали проникать внутрь батареи. Расположенные на протяженіи отъ Малахова кургана до Доковаго оврага, 350 человѣкъ Полтавскаго полка не въ состояніи были удержать напора столь многочисленнаго непріятеля [1]). Они стали отступать, присоединивъ къ себѣ и прислугу, стоявшую у орудій. Французы, увлеченные успѣхомъ, бросились преслѣдовать отступавшихъ и ворвались въ Корабельную слободку. Это было тогда, когда штурмъ на всѣхъ прочихъ пунктахъ оборонительной линіи былъ отбитъ.

Оставимъ на время эту колонну храбрыхъ и скажемъ объ атакѣ, произведенной англичанами на третій бастіонъ и батареи Пересыпи. Для атаки назначался отрядъ въ 6.000 человѣкъ, собранныхъ изъ 2-й и 4-й англійскихъ дивизій, подъ общимъ начальствомъ генерала Броуна. Штурмъ батарей на Пересыпи возложенъ былъ на бригаду Эйра, около 2.000 человѣкъ, собранныхъ въ Сарандинакиной балкѣ. Для облегченія дѣйствій обѣихъ колоннъ, бригада Бернарда около 1.000 человѣкъ должна была двинуться по Лабораторной балкѣ. Такимъ образомъ 9.000 человѣкъ англичанъ направлены противъ трехъ малочисленныхъ полковъ: Охотскаго, Брянскаго, Камчатскаго и своднаго батальона изъ Волынскаго и Минскаго полковъ, расположенныхъ на весьма значительномъ пространствѣ отъ батареи Пересыпи до батареи Жерве.

Англичане вышли изъ своихъ траншей тогда, когда французы были въ самомъ жаркомъ огнѣ. Впереди всѣхъ двигались стрѣлки, за ними шли команды изъ матросовъ, съ лѣстницами, фашинами и солдаты съ мѣшками, наполненными шерстью. Вдали виднѣлись три приближавшіяся колонны, расположенныя въ двѣ линіи.

Съ первымъ движеніемъ непріятеля, начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмиралъ Панфиловъ, приказалъ открыть огонь картечью, а командовавшій войсками генералъ-маіоръ Лысенко, вскочивъ на брустверъ, вызвалъ туда и нижнихъ чиновъ Брянскаго полка.

---

[1]) Рапортъ командовавшаго 1-мъ батальономъ Полтавскаго полка капитана Борка отъ 8-го іюня № 10. Изъ бумагъ Хрулева.

— Сюда, сюда, ко мнѣ,—говорилъ онъ, — здѣсь ваше мѣсто.

Картечные выстрѣлы и ружейный огонь заглушили послѣднія слова храбраго начальника, служившаго примѣромъ своимъ подчиненнымъ.

Разстояніе отъ траншей до бастіона, которое приходилось пройти англичанамъ, было довольно значительно (около 100 саженъ), а потому не легко было пройти его подъ такимъ губительнымъ огнемъ [1]).

— Еще никогда, — говорилъ лордъ Рагланъ,— я не былъ свидѣтелемъ столь непрерывнаго и сильнаго картечнаго и ружейнаго огня съ непріятельскихъ верковъ.

Несмотря на ужасное дѣйствіе картечи, густая цѣпь атакующихъ сначала шла довольно смѣло, но потомъ среди ея стало замѣтно нѣкоторое колебаніе.

— Поздравляю васъ, ребята, побѣда за нами—сказалъ командиръ Брянскаго полка, полковникъ Ганъ, видѣвшій нерѣшительность англичанъ и ихъ разстройство.

Передовые ряды были перебиты, а задніе начали останавливаться; нѣкоторые, бросивъ лѣстницы и фашины, подались назадъ, другіе легли на землю за разными закрытіями, но потомъ, устроившись, вторично бросились въ атаку и могли дойти только до засѣкъ, расположенныхъ передъ бастіономъ и образовавшихъ выпуклую дугу передъ исходящимъ угломъ укрѣпленія. Дальше засѣкъ никто изъ англичанъ не проникалъ. Картечный и ружейный огонь повалилъ передніе ряды ихъ, остальные смѣшались. Одна часть легла на землю и, прикрываясь засѣками, открыла стрѣльбу по амбразурамъ, другая—стала разбирать засѣки. Частый огонь съ бастіона дѣлалъ работу эту невозможною, и англичане, видя, что не въ силахъ разобрать противопоставленныхъ имъ преградъ, поспѣшно отступили въ свои траншеи. Оттуда вышла новая колонна, которая точно также, дойдя до засѣкъ, принуждена была возвратиться съ большими потерями [2]).

Попытка англичанъ атаковать промежуточныя батареи между Пересыпью и третьимъ бастіономъ также не увѣнчалась успѣхомъ. Роты

---

[1]) Разсказъ изъ боевой жизни. «Русскій Инвалидъ» 1858 г. №№ 219—222.

[2]) Рапортъ контръ-адмирала Панфилова Хрулеву 7-го іюня № 1606. Изъ бумагъ Хрулева.

Охотскаго полка, защищавшія эти батареи, каждый разъ отбивали штурмующихъ съ большимъ урономъ. „При одной изъ такихъ атакъ,—пишетъ Тотлебенъ [1]),—небольшой непріятельскій отрядъ, поднявшись по кручѣ лѣваго берега Бульварной лощины, засѣлъ въ домикахъ, находившихся на уступахъ подъ Бульварными батареями, и, вслѣдъ затѣмъ, атаковалъ батарею у Грибка. Двѣ роты Томскаго полка, охранявшія эту батарею, сбросили непріятеля внизъ, захвативъ у него 5 человѣкъ въ плѣнъ“.

Съ отступленіемъ англичанъ стихли ружейные выстрѣлы на 3-мъ бастіонѣ, только орудія не прекращали своей дѣятельности, провожая незванныхъ гостей. Защитники вздохнули свободнѣе, радостнѣе; имъ оставалось только прогнать непріятеля, ворвавшагося на батарею Жерве и засѣвшаго въ домикахъ, разбросанныхъ по всему правому скату Малахова кургана.

Занявъ матросскіе домики и развалины, покрывавшія все это пространство, французы грозили разрѣзать нашу оборонительную линію на двѣ части и потомъ взять въ тылъ Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ. Непріятельскія силы росли, зѣвать было нечего. На Малаховомъ курганѣ взвился красный флагъ,—сигналъ угрожающей опасности. Цѣлая туча снарядовъ полетѣла на батарею Жерве и на домики, въ которыхъ засѣли французы. Шесть полевыхъ орудій, поставленныхъ у острога, стрѣляли картечью съ фронта; правая половина кургана поражала непріятеля съ боку, батарея Будищева и стрѣлки Камчатскаго полка сыпали снаряды съ другаго.

Вскочивъ на банкетъ своей батареи, Будищевъ слѣдилъ оттуда за движеніемъ непріятеля и дѣйствіемъ своей батареи.

— Прорѣжь, молодецъ!—крикнулъ онъ одному изъ комендоровъ, и бомба его батареи, ворвавшись въ домикъ, разметала кучу народа.

Будищевъ въ восторгѣ; жаднымъ взоромъ слѣдитъ онъ за дѣйствіями, дымъ застилаетъ ему глаза, онъ лѣзетъ выше на брустверъ, но штуцерная пуля прекращаетъ его дѣятельность [2]).

Л. И. Будищевъ былъ строителемъ батареи, получившей его имя,

---

[1]) «Оборона Севастополя», ч. II, отд. I, 348.

[2]) Алабинъ. Походныя записки, ч. II, 266.

человѣкъ пользовавшійся уваженіемъ всѣхъ его знавшихъ, за храбрость и неутомимую дѣятельность. Будучи руководителемъ многихъ вылазокъ, Будищевъ презиралъ опасность и принадлежалъ къ числу людей, поставившихъ себѣ задачею, всегда и вездѣ, днемъ и ночью наносить по мѣрѣ силъ наибольшій вредъ врагу.

Преслѣдованіе этой идеи сдѣлалось болѣзнію Будищева. Приглашая въ свой блиндажъ гостей, онъ непремѣнно устраивалъ *скандалъ*, т. е. приказывалъ орудіямъ своей батареи открыть огонь и радовался, когда причинялъ поврежденіе противнику. Такъ было и теперь за нѣсколько минутъ до смерти, когда онъ слѣдилъ за боемъ въ Корабельной слободкѣ.

На мѣсто дѣйствій прибылъ начальникъ войскъ Корабельной стороны, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

Видя, что полтавцы отступаютъ, онъ остановилъ ихъ.

— Ребята, стой!—закричалъ Хрулевъ,—дивизія идетъ на помощь.

— Скажите Павлову,—сказалъ онъ громко одному изъ ординарцевъ,—чтобъ велъ сюда свою дивизію.

Благодатнымъ вѣтромъ пахнули на солдатъ эти слова начальника, котораго каждый зналъ въ лицо. Всѣ остановились... Одинъ изъ матросовъ, наиболѣе рѣшительный, рванулся къ сторонѣ непріятеля.

— Ну, ребята, навались!—крикнулъ онъ.

— Навались, ребята!—повторилъ Хрулевъ, понимая всю силу этого жгучаго слова.

— Навались! навались! — загремѣло въ толпѣ, и все бросилось впередъ.

Въ это время Хрулевъ увидѣлъ 5-ю (потомъ 7-ю) роту Сѣвскаго полка, возвращавшуюся съ работъ. Въ ней было всего 138 человѣкъ, подъ командою штабсъ-капитана Островскаго. Сѣвцы, возвращаясь съ работъ, шли съ лопатами въ рукахъ и съ ружьями за спиною.

— Какого полка?—спросилъ Хрулевъ.

— Сѣвскаго пѣхотнаго,—отвѣчали солдаты.

— Ребяты, бросай лопаты!—крикнулъ имъ Хрулевъ.

Сѣвцы въ одинъ мигъ схватились за ружья.

— Благодѣтели мои, въ штыки, за мною, — произнесъ Хрулевъ, обращаясь къ сѣвцамъ и самъ кидаясь впередъ.

Воодушевленные послѣдними словами и предводимые храбрымъ ротнымъ командиромъ штабсъ-капитаномъ Островскимъ, сѣвцы безъ выстрѣла бросились въ штыки, отбросили непріятеля назадъ и открыли перестрѣлку съ французами, засѣвшими въ домикахъ [1]).

На помощь сѣвцамъ подбѣжала часть полтавцевъ съ капитаномъ Боркомъ, и на этомъ мѣстѣ закипѣлъ упорный рукопашный бой.

Французы, скрываясь въ домикахъ, поражали нашихъ на выборъ; чтобы выбить ихъ оттуда, приходилось брать *приступомъ* каждый домикъ отдѣльно. Трудно было сладить съ непріятелемъ, который, ожидая прибытія помощи, дрался отчаянно. Перестрѣлка продолжалась однако же не долго.

— Что зѣвать, ребята,—сказалъ штабсъ-капитанъ Островскій,—впередъ! и бросился къ одному изъ ближайшихъ домиковъ.

Солдаты не выдали; они кинулись за своимъ начальникомъ, но скоро лишились его: капитанъ Островскій палъ при первыхъ выстрѣлахъ непріятеля, и начальство надъ ротою принялъ подпоручикъ Келлеръ. Засѣвшіе въ домѣ французы открыли изъ всѣхъ отверстій самый частый штуцерной огонь, но какъ ни валились наши, сѣвцы все-таки достигли до домика, разнесли его въ щепы и уничтожили враговъ всѣхъ до единаго.

Примѣру сѣвцевъ послѣдовали многіе, и въ мигъ каждый отдѣльный домикъ сталъ мѣстомъ ужасной свалки. Бой сдѣлался общимъ и раздѣлился на сотню отдѣльныхъ картинъ. Въ одномъ мѣстѣ солдаты взлѣзали на крышу, разрушали ее и поражали непріятеля обломками трубы, бревнами и черепицею; въ другомъ—бросали огонь въ трубу, совали пуки зажженной соломы въ крышу и окна.

— Сожжемъ, сдавайся!—кричали они французамъ.

Тѣ, не понимая словъ, но видя угрожающую опасность отъ огня, растворяли двери, бросали ружья и сдавались военно-плѣнными.

Въ иныхъ домикахъ солдаты выламывали двери, бросались внутрь хаты и сталкивались грудью съ непріятелемъ.

---

[1]) Записки объ осадѣ Севастополя, Берга. Походныя записки Алабина. Письмо изъ Севастополя отъ 15-го іюня. «Рус. Инвалидъ» 1855 г. № 143.

— Проси пардонъ,—кричали ворвавшіеся,—крѣпость взята.

Въ отвѣтъ на это гремѣли выстрѣлы, сыпались удары штыкомъ, прикладомъ или камнемъ.

— Э, такъ вы драться, да еще въ чужой хатѣ,—кричали наши.— Души ихъ!

И передушили всѣхъ до единаго.

Домикъ за домикомъ переходили во власть нашу. Французы, очищая ихъ, отступали. На мѣсто боя явилось шесть ротъ Якутскаго полка, приведенныхъ генералъ-лейтенантомъ Павловымъ. Двѣ роты съ маіоромъ Новашинымъ ударили съ фронта, а четыре, подъ начальствомъ полковника Аленникова, съ лѣваго фланга, и непріятель былъ окончательно опрокинутъ. Якутцы гнали его до батареи Жерве. Эта батарея, на которой одно орудіе уже было обращено противъ насъ, была вновь занята нами.

Видя себя окруженными съ трехъ сторонъ, французы пытались было взорвать пороховой погребъ. Двое изъ нихъ, выхвативъ у убитаго матроса зажженный пальникъ, бросились къ дверямъ погреба, но были остановлены и заколоты рядовымъ Якутскаго полка, Дорофеемъ Музиченко.

— Э, братцы, шалишь,—кричалъ Музиченко,—сюда не суйся, пошелъ-ко догоняй своихъ,—приговаривалъ онъ, работая штыкомъ.

Французы быстро отступали; кто перелѣзалъ черезъ валъ, кто бросился въ амбразуры, но и здѣсь ихъ ожидали штыки нашихъ солдатъ. Впереди всѣхъ стоялъ рядовой Сѣвскаго полка Ищукъ. Штыкомъ онъ хватилъ одного—штыкъ сломался, прикладомъ уходилъ другаго—прикладъ пополамъ. Бросивъ обломки ружья, онъ схватилъ пыжевникъ и крошилъ имъ направо и налѣво.

— Погодите, куда же вы... гости, гости, — кричалъ Ищукъ, — что жь аль въ двери не попали, что въ окна (амбразуры) уходите.

Солдаты въ восторгѣ отъ побѣды, хохотали надъ остротами Ищука, кололи защищавшихся, гнали бѣгущихъ. Увлеченные успѣхомъ, они сами выскакивали въ амбразуры и преслѣдовали непріятеля за брустверомъ. Генералъ Хрулевъ напрасно приказывалъ трубить отступленіе.

— Отберемъ Камчатку,—кричали одни, не слушая сигнала.

— Бить саранчу проклятую на смерть, нечего отступать!—кричали другіе, упоенные успѣхомъ.

Подполковникъ Новашинъ и другіе начальники должны были сами бѣжать за укрѣпленія и съ трудомъ остановили преслѣдовавшихъ [1]).

Преслѣдованіе могло быть гибельнымъ для насъ. Французы готовили новыя и значительныя силы для штурма. Они могли по пятамъ горсти преслѣдователей ворваться на батарею. Все это вынуждало нашихъ начальниковъ приказывать отступать какъ можно скорѣе. И дѣйствительно, едва только солдаты стали подходить ко рву, какъ изъ укрѣпленій закричали: „идутъ, опять идутъ!“

Въ это время офицеры пѣхотныхъ полковъ, видя, что на батареѣ Жерве, во время штурма, прислуга при орудіяхъ почти вся перебита, поставили къ орудіямъ своихъ солдатъ.

— Сюда, ребята,—кричали они,—кто бывалъ въ артиллеріи.

Солдаты подбѣжали къ орудіямъ, и заревѣли выстрѣлы на встрѣчу наступавшимъ. Три раза бросались французы на штурмъ батареи Жерве, но каждый разъ были отбрасываемы картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Понеся значительныя потери, они не доходили и половиннаго разстоянія до батареи, возвращались назадъ, снова двигались впередъ и, наконецъ, скрылись въ своихъ траншеяхъ...

Потеря ихъ была огромна; пораженіе полное. „Въ продолженіе цѣлыхъ часовъ—писалъ одинъ изъ зуавовъ [2]),—я видѣлъ вокругъ себя только головы, члены человѣческаго тѣла, оторванные и разбитые ядрами и картечью; кровь лилась, въ буквальномъ смыслѣ слова, потоками; были мѣста, гдѣ трупы лежали кучами въ два метра (около сажени) вышины.

Множество французовъ и англичанъ, живыхъ и здоровыхъ, спасаясь отъ нашего огня, притворялись мертвыми и залегли въ разныхъ яминахъ, чтобы, дождавшись прекращенія картечнаго и оружейнаго огня, бѣжать въ свои траншеи. „Преинтересно было смотрѣть,—говоритъ очевидецъ, какъ изъ какой-нибудь ямы вдругъ выскочитъ человѣкъ десять французовъ съ ружьями наперевѣсъ, а иные, бросивъ всякое оружіе, почти прилягутъ къ землѣ и пустятся, что ни есть духу, бѣжать

---

[1]) Алабинъ. Походныя записки, ч. II, 263—274.

[2]) Въ газету «Le Nord». См. «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 147.

къ своимъ траншеямъ, а наши такъ и грянутъ имъ со всѣхъ сторонъ въ догонку“.

Предпринимая штурмъ, союзники были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что саперамъ дана была особая инструкція [1]), и указаны работы, которыя должны быть произведены по овладѣніи казармами и госпиталемъ; кромѣ различныхъ инструментовъ, саперамъ приказано было имѣть мѣшки съ порохомъ, для взрыванія тѣхъ частей строеній, гдѣ наши войска будутъ держаться съ наибольшихъ упорствомъ.

Увѣренность, что укрѣпленія и городъ будутъ взяты, была всеобщею между солдатами союзныхъ войскъ. Англичане запаслись различными закусками, чтобы позавтракать въ Севастополѣ; раненый и взятый въ плѣнъ французскій офицеръ говорилъ, что напрасно заботятся объ его перевязкѣ, что Севастополь черезъ полчаса будетъ въ рукахъ его товарищей, и тогда соотечественники перевяжутъ его.

Одинъ французскій капралъ, ворвавшійся въ числѣ прочихъ на батарею Жерве, бросивъ ружье, пошелъ дальше на Корабельную и, дойдя до церкви Бѣлостокскаго полка, преспокойно сѣлъ на паперть. Въ пылу горячаго боя его никто не замѣтилъ, но потомъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ, что̀ онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Жду своихъ,—отвѣчалъ онъ спокойно.—Черезъ четверть часа наши возьмутъ Севастополь.

Ожиданія его оказались напрасными, и союзники не достигли того, что̀ считали несомнѣннымъ.

Было только 7-мь часовъ утра, когда штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, и славный день 6-го іюня 1855 года, покрывшій лавровымъ вѣнкомъ бойцовъ Севастопольскихъ, принадлежалъ исторіи геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ вѣрными сынами Россіи...

— Геройство,—говорилъ князь Горчаковъ,—съ коимъ наши войска отразили непріятеля, достойно полнаго вниманія и признательности Россіи. Русское оружіе получило новый блескъ. 6-го іюня есть день сраженія при Ватерлоо, и англичане весьма дурно его отпраздновали; лѣзли смѣло только одни французы.

Неудачу свою союзники приписывали преждевременной атакѣ Мей-

---

[1]) Она напечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1855 г. № 143.

рана и дивились тому, что по всей оборонительной линіи русскіе готовы были ихъ встрѣтить [1]).

— У васъ должны быть очень хорошіе шпіоны,—замѣтилъ одинъ изъ англійскихъ генераловъ нашему, при разговорѣ во время уборки тѣлъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— Потому что васъ во-время предупредили, и вы успѣли приготовиться.

— О, да! Шпіонъ, предувѣдомившій насъ о штурмѣ—отличный. Впрочемъ, онъ дѣйствуетъ съ вашего же разрѣшенія.

— Какъ?—съ изумленіемъ спросилъ англичанинъ:—кто же онъ? какъ его зовутъ?

— Зовутъ его—усиленное бомардированіе. Англичанинъ смекнулъ, поклонился и ускакалъ.

„Самоотверженіе,—доносилъ главнокомандующій Государю Императору,—съ коимъ всѣ чины Севастопольскаго гарнизона, отъ генерала до солдата, стремились исполнить свой долгъ, превосходитъ всякую похвалу. Пѣхота, моряки и артиллерійская прислуга при орудіяхъ соревновали другъ передъ другомъ, и всѣ, руководимые однимъ общимъ желаніемъ отразить врага отъ Севастополя, съ величайшимъ хладнокровіемъ и мужествомъ исполняли обязанности свои и презирали смерть. Полевая артиллерія, размѣщенная на оборонительной линіи, оказала значительную услугу оборонѣ“.

Телеграфическая депеша объ отбитомъ штурмѣ достигла Петербурга 8-го іюня.

„Благодареніе Всевышнему, — писалъ Императоръ [2]) — благословившему усилія нашихъ молодцовъ. Передайте имъ мое искреннее и душевное спасибо. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ожидать подробностей этого безпримѣрнаго штурма“.

Бомбардированіе 5-го іюня и штурмъ 6-го стоили значительныхъ потерь какъ намъ, такъ и союзникамъ. Въ теченіе этихъ двухъ дней было выпущено съ оборонительной линіи 19.000 снарядовъ, тогда какъ непріятель израсходовалъ около 62.000 снарядовъ.

---

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 143.

[2]) Князю Горчакову въ собственноручномъ письмѣ отъ 8-го іюня 1855 г.

Потеря гарнизона въ оба дня состояла изъ 5.446 человѣкъ. Въ 5-й (потомъ 7-й) мушкетерской ротѣ Сѣвскаго полка, покрывшей себя безсмертной славою въ этомъ жаркомъ бою, осталось на лицо послѣ штурма только 33 человѣка. Союзники также не досчитывались въ своихъ рядахъ 6.700 человѣкъ и лишились трехъ генераловъ убитыми и пяти ранеными [1]). Наибольшую потерю они понесли во время штурма. Все пространство впереди оборонительной линіи было усѣяно тѣлами убитыхъ.

— Зацвѣло поле,—говорили наши солдатики, поглядывая на разноцвѣтные мундиры разноплеменныхъ враговъ.

„Наши бѣдные красные мундиры, — писалъ корреспондентъ газеты „Times“,—устилали землю передъ засѣками реданта (3-го бастіона), тогда какъ всѣ подступы къ Малаховой башнѣ были покрыты голубыми и сѣрыми мундирами, лежавшими тоже въ кучкахъ или разбросанно“. Это была одна изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя оставляютъ тяжелое впечатлѣніе у потерпѣвшихъ пораженіе и вселяютъ гордость у одержавшихъ побѣду.

На бастіонахъ весело разсуждали о томъ, какъ шелъ супостатъ на приступъ, какъ пошатнулся онъ, заболтался и показалъ пятки.

— Смотри-ка, братцы,—сказалъ одинъ изъ брянцевъ, высунувшись изъ-за вала,—батюшки мои свѣты, сколько народу-то мы повалили!

— Царство имъ небесное,—замѣтилъ его товарищъ постарше лѣтами:—эти на новый штурмъ не полѣзутъ, а всякій павшій воинъ, будь онъ свой или вражій, вѣнца небеснаго достоинъ.

— Вѣстимо, достоинъ,—замѣтили товарищи, и нѣсколько рукъ поднялось, чтобы сотворить крестное знаменіе.....

Дивенъ русскій солдатъ! грозный въ минуты битвы—онъ лучшій защитникъ побѣжденнаго. Не даромъ же въ русскомъ народѣ сложилась поговорка: „лежачаго не бьютъ“. Завидѣвъ дерзкаго врага, онъ хладнокровно цѣлитъ въ его колонны, встрѣчаетъ его штыкомъ, прикладомъ, камнемъ, но стихнетъ битва—и безстрашный защитникъ молится за убитаго врага, или, подъ градомъ пуль, ползетъ съ манеркою въ рукахъ,

---

[1]) Убиты французскіе генералы Мейранъ и Брюне, англійскій Джонъ Кемпбель; ранены французскіе Лафонъ и Лорансе и англійскіе Джонсъ, Броунъ и Эйръ.

чтобы утолить жажду или спасти раненаго непріятеля. Французы молча смотрѣли изъ своихъ траншей на подобныхъ смѣльчаковъ, маханіемъ шапокъ и другими жестами благодарили за участіе къ ихъ страдающимъ товарищамъ; англичане поступали иначе: они стрѣляли по нашимъ солдатамъ, не обращая вниманія на крики своихъ раненыхъ и просьбы ихъ прекратить огонь. Несмотря на то, наши солдатики подбирали тѣхъ, кто былъ поближе. Но ихъ было слишкомъ много; все пространство между непріятельскими траншеями и атакованными батареями было завалено тѣлами.....

Убитые лежали на валахъ и во рвахъ укрѣпленій: ихъ даже подбирали и за укрѣпленіями въ Корабельной слободкѣ.

Съ отступленіемъ атакующихъ, обѣ стороны открыли канонаду по всей линіи укрѣпленій. Опять загремѣли выстрѣлы, полетѣли бомбы, вырывавшія новыя жертвы. Потери отъ этой канонады были значительны; постоянно носили раненыхъ; баркасъ за баркасомъ, съ печальнымъ грузомъ, отваливалъ отъ Павловскаго мыска и направлялся на Сѣверную сторону къ „братскимъ могиламъ“. Для уменьшенія убыли, войска на бастіонахъ были расположены за различными прикрытіями, а резервы отодвинуты назадъ. Къ вечеру канонада стала стихать.

На слѣдующее утро по приглашенію начальника третьяго отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмирала Панфилова, былъ отслуженъ на третьемъ бастіонѣ благодарственный молебенъ.

На мѣстѣ наименѣе опасномъ, но не закрытомъ отъ снарядовъ и штуцерныхъ пуль, матросы поставили нѣсколько туровъ, покрыли ихъ парчею и, такимъ образомъ, устроили нѣчто въ родѣ налоя, вокругъ котораго собрались солдаты Камчатскаго полка и все населеніе бастіона. Старшій священникъ храбраго полка, отецъ Евгеній Федюшинъ, отслужилъ молебенъ подъ гуломъ выстрѣловъ и свистомъ пуль. Величественна была картина 3-го бастіона съ толпою молящихся. Глубоко западали въ душу каждаго торжественныя слова молебна. Безпредѣльною вѣрою въ могущество Творца проникнуты были эти грозныя, закопченныя въ пороховомъ дыму лица, съ открытыми головами, тѣснившіяся къ св. Евангелію.

Окропивъ бастіонъ св. водою, отецъ Евгеній произнесъ слово, со-

образное съ обстоятельствами и особенно знаменательное по той обстановкѣ, при которой оно было произнесено.

„Близъ года уже нашъ полкъ,—говорилъ пастырь,—мужественно защищаетъ, вмѣстѣ съ другими войсками русскими, Богоспасаемый доселѣ сей градъ, столь драгоцѣнный нашему отечеству.

„Много утратъ понесли вы, воины христолюбивые, при этой защитѣ! Одни изъ вашихъ храбрыхъ товарищей запечатлѣли уже исполненіе своего святаго долга кровію, другіе самою жизнію! А вы, здѣсь предстоящіе, сколько трудовъ, болѣзней, ранъ, лишеній перенесли въ это время!

„Но вы не ропщите за то на мудрое Провидѣніе. О, нѣтъ, вы еще съ большою покорностію произносите: „да будетъ воля Твоя!"...

„Еще такъ недавно Ему было угодно испытать ваше терпѣніе необходимою уступкою нашихъ передовыхъ укрѣпленій, изъ которыхъ особенно горько было вамъ уступить укрѣпленіе, носящее имя нашего полка (Камчатскій люнетъ), укрѣпленіе, особенно вамъ дорогое, какъ по своей съ вами соименности, такъ и по крови многихъ вашихъ товарищей, на немъ пролитой, во время его сооруженія.

„Что жъ произошло? Мы смирились передъ благимъ Промысломъ, повторяя непрестанно: „да будетъ воля Твоя"; врагъ же нашъ, вѣроятно, возгордился!

„Но праведный Судія сотворилъ по истинѣ: Господь, гордымъ противящійся, смиреннымъ же дающій благодать, даровалъ намъ вчера побѣду надъ возгордившимся врагомъ нашимъ, который, въ опьяненіи мгновеннаго успѣха, устремился на взятіе самаго града нашего, думая побѣдить и сокрушить храбрыхъ его защитниковъ... Слава всемогущему! честь храброму воинству и доблестнымъ вождямъ. Отбитый врагъ бѣжалъ, тысячами труповъ устлавъ свои слѣды!.. Доблестные воины! Вашъ подвигъ еще не оконченъ, вамъ предстоитъ еще много трудовъ, много жертвъ: православіе ждетъ отъ васъ торжества своему дѣлу, отечество прежняго для себя покоя; великій Государь надѣется, что древняя слава знаменъ вашихъ, его довѣріемъ вамъ врученныхъ, вновь озарена будетъ блескомъ вашего оружія; совѣсть требуетъ исполненія вашего долга—уничтожить врага, дерзнувшаго нарушить неприкосновенность нашихъ предѣловъ, осквернить своею пятою стогны нашихъ

градовъ, лишить спокойствія мирныхъ гражданъ, пролить потоки невинной крови, оскорбить святость алтарей Христовыхъ!...

„Укрѣпляйтесь же на новые труды и подвиги вѣрою въ милосердаго Бога, безъ воли Котораго, помните, не спадетъ и власъ съ главы вашей; надѣйтесь на Него, Всемогущаго, и пребудете тверды въ борьбѣ съ врагами отечества нашего".

Въ тотъ же день, около 4-хъ часовъ по полудни, по просьбѣ союзныхъ главнокомандующихъ [1]), было назначено перемиріе для уборки тѣлъ, продолжавшееся до самаго вечера. Угрюмы были лица пришедшихъ сюда французовъ; всегда веселые и шутливые, они на этотъ разъ смотрѣли какъ-то не весело.

— Небось, присмирѣлъ французъ,—говорили солдаты,—сбили видно спѣсь-то! почаще бы его такъ угощать.

Число убитыхъ и оставшихся на полѣ сраженія было такъ велико, что у французовъ даже не достало носилокъ для поднятія труповъ, и завѣдывающій уборкою ихъ просилъ, чтобы тѣ тѣла, которыя остались вблизи нашихъ укрѣпленій, были погребены нами.

Наши солдаты смотрѣли бодро и весело; они забыли о потерѣ передовыхъ укрѣпленій и, подъ вліяніемъ блистательно отбитаго штурма, были убѣждены, что Севастополь не можетъ быть взятъ непріятелемъ. Когда вѣсть о побѣдѣ дошла до войскъ, расположенныхъ на Мекензіевыхъ высотахъ, они потрясли воздухъ громовымъ „ура!"

„Изъ послѣдняго моего письма,—писалъ Государь князю Горчакову [2]),—вы уже знаете о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня извѣстіемъ о геройскомъ отбитіи штурма 6-го числа. Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю теперь вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ мою искренную и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новою и неувядаемою славою. *Скажите имъ, что я и вся Россія ими гордимся* [3]).

„Военный министръ сообщаетъ вамъ о наградахъ главнымъ вашимъ

---

[1]) См. «Русскій Инвалидъ», 1855 г. № 147.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 15-го іюня 1855 г.

[3]) Какъ эти, такъ и послѣдующія слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

сотрудникамъ; о прочихъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ вашихъ представленій. Нижнимъ чинамъ кромѣ того, что вы вѣроятно уже дали отъ себя, я посылаю еще по три знака отличія военнаго ордена на роту и 40 знаковъ для раздачи артиллерійской прислугѣ на батареяхъ.

„Брянскому егерскому полку, также отличившемуся въ семъ дѣлѣ, *приказалъ я именоваться вашимъ именемъ;* да послужитъ оно вамъ новымъ доказательствомъ моей искренней и сердечной признательности за ваше самоотверженіе и неусыпную ревность, съ коими вы всегда исполняли и исполняете, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, всѣ порученія, довѣріемъ незабвеннаго нашего благодѣтеля и моимъ на васъ возлагаемыя. Да поможетъ и благословитъ васъ Богъ окончательно сокрушить всѣ предпріятія нашихъ враговъ...

„Потери ихъ должны быть огромныя, и можно полагать, что онѣ отобьютъ у нихъ духъ предпріимчивости. Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь съ Божіею помощію, что рѣчи не будетъ больше“.

Извѣстіе объ отбитіи штурма быстро облетѣло не только всѣ уголки Россіи, но и всѣ концы вселенной. Русскіе люди встрѣтили торжество своего оружія съ особою радостію; они слали свой привѣтъ, благословеніе и молитву героямъ этого дня: собирались въ кружки, толковали о славномъ для Россіи днѣ 6-го іюня и воспоминали славныхъ защитниковъ роднаго города.

Долгое время, почти мѣсяцъ, отбитый штурмъ служилъ интересомъ дня, предметомъ разговоровъ и общественнаго вниманія. „Съ особеннымъ интересомъ,—писалъ Государь князю Горчакову,—прочелъ я подробное донесеніе ваше объ этомъ славномъ дѣлѣ. Сердце радуется, читая описаніе геройскихъ подвиговъ нашихъ молодцовъ, которыми я горжусь“.

Желая осыпать этихъ молодцовъ многочисленными и щедрыми наградами, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ многимъ начальникамъ аренды, кресты, чины и всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ, по два руб. сер. Вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіи къ самому главнокомандующему Высочайше повелѣть соизволилъ: славному Брянскому полку именоваться *егерскимъ генералъ-адъютанта князя Горчакова 2-го полкомъ.*

„Постоянно полезное служеніе ваше, — писалъ Императоръ въ

рескриптѣ князю Горчакову,—и достохвальное самоотверженіе при безпримѣрной въ лѣтописяхъ военной исторіи оборонѣ Севастополя, пріобрѣли вамъ право на особенное мое благоволеніе. Нынѣ, 6-го іюня, предводительствуемыя вами войска отразили штурмъ непріятеля на лѣвый флангъ нашей оборонительной линіи и покрыли себя новою неувядаемою славою. Поручаю вамъ изъявить всѣмъ чинамъ сихъ войскъ душевную мою благодарность за ихъ непоколебимую твердость, мужество и неустрашимость. Вмѣстѣ съ симъ желая и вамъ лично изъявить искреннюю мою признательность за столь доблестный подвигъ русскаго оружія, я повелѣлъ Брянскому егерскому полку, коего вы состоите шефомъ, именоваться егерскимъ имени вашего полкомъ“.

XXXIX.

Положеніе Севастополя послѣ штурма.—Заслуги и дѣятельность гарнизона.—Жизнь на батареяхъ и бастіонахъ.—Русская удаль и молодечество.—Посѣщеніе Севастополя преосвященнымъ Иннокентіемъ.—Праздникъ полка князя Горчакова.—Раненіе генерала Тотлебена.—Осада и оборона по 28-е іюня.—Кончина адмирала Нахимова.—Его заслуги.—Кончина лорда Раглана.

Прошло слишкомъ девять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ взоры всего свѣта обратились на Севастополь и его храбрыхъ защитниковъ. Флоты двухъ величайшихъ морскихъ державъ и сухопутныя арміи четырехъ сильнѣйшихъ государствъ разбивались о живыя стѣны русскихъ солдатъ, защищавшихъ городъ, укрѣпленный въ началѣ осады только съ морской стороны, а съ сухаго пути имѣвшій лишь незначительныя земляныя насыпи.

Въ теченіе девяти мѣсяцевъ осады, союзники удивили свѣтъ тѣмъ, что бросили въ городъ болѣе полумилліона бомбъ и ядеръ самаго большаго калибра; русскіе удивили всѣхъ своею стойкостію, мужествомъ и безустанною дѣятельностью. Отборные воины Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи, по собственному ихъ сознанію, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, успѣли отвоевать себѣ такое пространство русской земли, „которое можно было бы окружить ремнями, нарѣзанными изъ одной воловьей

шкуры“, и для этого неважнаго успѣха пожертвовали милліонами золота и десятками тысячъ людей.

Севастополь все это уложилъ въ своихъ нѣдрахъ. Онъ похоронилъ нѣсколько тысячъ славныхъ сыновъ Россіи, но все-таки стоялъ по-прежнему непобѣдимымъ. Разстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ, онъ въ эту пору былъ уже не городъ, а пространная „пещь Вавилонская“, въ которой находились не три отрока, а тысячи героевъ и мучениковъ,—цѣлая многочисленная рать наша. Увѣнчанный огнедышащимъ вѣнцомъ, многострадальный городъ сохранялъ мученическое положеніе не дни и недѣли, а десятки мѣсяцевъ.

— По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію,—говорилъ преосвященный Иннокентій въ одной изъ своихъ проповѣдей,—продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго города хотя мужество, но дошедшее до крайности истощенія; предполагали пайти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ встрѣтило тамъ? Терпѣніе—безъ конца; мужество—безъ всѣхъ предѣловъ и условій; самоотверженіе—всецѣлое, упованіе—полное и непоколебимое. Тамъ нашли мы такое презрѣніе къ смерти, такую любовь къ Отечеству, такую преданность волѣ Божіей, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за вѣру и Отечество.

И дѣйствительно, посѣтивъ Севастополь, нельзя было не дивиться его смѣлому гарнизону. Одинъ городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца Имперіи полуострова, стоялъ какъ скала, о которую разрушались всѣ силы, всѣ надежды вражіи. То, къ чему союзники готовились девять мѣсяцевъ, было уничтожено въ одинъ славный день, 6-го іюня.

Правда, въ продолженіе столь долгаго времени, Севастополь сильно пострадалъ и не былъ похожъ на прежній мирный и живописный городъ.

Съ паденіемъ трехъ передовыхъ укрѣпленій въ городѣ, за исключеніемъ Николаевской площади, не было уже безопаснаго мѣста. Куда прежде залетали только ракеты, теперь стали тамъ появляться бомбы, ядра, а иногда и пули. Екатерининская улица опустѣла; обитатели ея

переселились или на Сѣверную сторону, или въ Николаевскую казарму, и не было уже на ней прежняго движенія; почти всѣ дома были повреждены, лавки заперты. На бульварахъ, гдѣ собиралось много гуляющихъ, теперь было совершенно пусто. Многіе жители, оставляя городъ, уѣзжали далѣе внутрь Крымскаго полуострова. Городъ становился исключительно на военную ногу. Одинъ только рынокъ, бывшій близъ седьмаго бастіона, въ началѣ Морской улицы, кишѣлъ еще народомъ, несмотря на частое посѣщеніе незванныхъ гостей, посылаемыхъ съ батарей непріятеля.

На Сѣверной сторонѣ Севастополя, за большимъ Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, образовался цѣлый городъ. Основаніе ему положили маркитанты, представители базара, выстроившіе себѣ балаганы и шалаши. Къ нимъ присоединились потомъ базарныя торговки, удаленныя съ Южной стороны, и большая часть купцовъ, переселившихся изъ города. Базаръ съ каждымъ днемъ расширялся отъ наплыва переселяющихся; образовались двѣ главныхъ улицы изъ балагановъ и шалашей, а по сторонамъ ихъ явилось множество землянокъ и палатокъ. Съ утра и до вечера это новое поселеніе оживлено было постояннымъ движеніемъ самой разнообразной толпы. Маркитанты устроили въ палаткахъ нѣсколько трактировъ, куда собирались офицеры со всѣхъ концовъ оборонительной линіи. Для охраненія порядка явилась полиція, городская стража, явились коммиссіонеры и предприниматели всякаго сорта. Здѣсь было все, что человѣку надо: трактиры, портные, сапожники, галантерейныя и бакалейныя лавки, гробовые мастера и проч. Здѣсь былъ постоянно шумъ, движеніе, изрѣдка нарушаемое какъ бы нечаянно залетѣвшею непріятельскою ракетою, напоминающею о близкой осадѣ города.

Послѣдствія осады чувствовались во всѣхъ удаленныхъ и до сихъ поръ мирныхъ уголкахъ. Трудно было отыскать такое мѣсто на Южной сторонѣ, гдѣ бы можно было отдохнуть и забыться отъ окружающей боевой обстановки. Союзники стали обстрѣливать рейдъ; наши корабли отодвигались отъ выстрѣловъ, которые достигали до пристани на Сѣверной, и отъ времени до времени калѣчили тамъ людей.

Въ эту горячую пору, всѣ просились на оборонительную линію, на батареи и бастіоны, и никто не хотѣлъ оставаться въ городѣ. Здѣсь каждый точно также подвергался ежеминутной опасности быть убитымъ, безъ всякой славы для себя, и безъ всякой пользы для отечества.

— Если уже суждено быть убитому,—говорили защитники,—то пусть постигнетъ эта участь при исполненіи долга, въ первой передъ непріятелемъ линіи, нежели на прогулкѣ, во время сна, или гдѣ-нибудь еще того хуже.

Назначеніе на оборонительную линію принималось съ радостію, и переселеніе совершилось быстро, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями въ пути. Приходилось идти по траншейкамъ и открытому мѣсту, по подземной галлереѣ и разными зигзагами, проталкиваться между командами солдатъ, собирающихся на ночныя работы, и рисковать на каждомъ шагу наткнуться на штыкъ, если путешествіе совершалось вечеромъ. Падающіе снаряды заставятъ, бывало, не одинъ разъ поклониться своему новому мѣсту служенія.

На бастіонахъ каждый вновь прибывшій принимался съ такимъ братскимъ радушіемъ, съ которымъ встрѣчаются только родные братья, или выросшіе вмѣстѣ товарищи. Спускаясь по крутой лѣсенкѣ въ блиндажъ, онъ входилъ въ него какъ въ давно знакомую квартиру.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на третьемъ бастіонѣ, блиндажи устраивались относительно роскошными. Стѣны были обшиты досками, обиты парусиною и даже оклеены голубыми обоями. Свѣтъ проходилъ черезъ четырехъ-угольное отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ и вмѣсто стеколъ завѣшанное кисеей, въ защиту отъ мухъ и пыли. Прямо передъ входомъ стоялъ небольшой шкафъ, наполненный тарелками, стаканами и прочими хозяйственными принадлежностями. Это былъ буфетъ и вмѣстѣ передняя. Дверь налѣво вела въ офицерское отдѣленіе, направо—въ длинную подземную казарму, въ которой располагалась прислуга отъ ближайшихъ орудій. Потолокъ этого зданія составлялъ толстый накатникъ, уложенный въ три ряда и сверху засыпанный, футовъ на шесть, хорошо утрамбованной землей, такъ что непріятельскія бомбы не пробивали его. Впослѣдствіи отъ сотрясенія, производимаго бомбами, парусина лопалась, обои отклеивались, и самый накатникъ или балки расшатались такъ, что къ концу осады блиндажи не представляли уже прочнаго закрытія. Случалось, что бомбы проваливались въ блиндажи и разрываясь наполняли воздухъ удушливымъ запахомъ [1]). Солдаты приписывали этотъ запахъ желанію союзниковъ

[1]) Сборникъ рукописей, т. II, 461.

душить насъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и подсмѣивались надъ малою, по ихъ мнѣнію, предусмотрительностью непріятеля.

— Вонью насъ не удивишь,—говорили они.

Небольшое офицерское отдѣленіе блиндажа было всегда переполнено офицерами; одни пили чай, другіе хоромъ напѣвали пѣсню; тамъ играли въ карты, здѣсь въ шахматы.

Пѣсни и порою музыка продолжались иногда далеко за полночь. На шестомъ бастіонѣ были фортепіано, и тамъ довольно часто устраивались музыкальные вечера; скрипка и кларнетъ приходили съ 4-го бастіона, а съ 5-го—флейта. Шумное и веселое общество можно было встрѣтить въ блиндажѣ во всякое время дня и ночи.

Одни приходили въ блиндажъ, другіе уходили изъ него подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться тихою темною южною ночью.

До самаго разсвѣта, почти никто не ложился спать, и ночь проводили съ особою осторожностью. Цѣпь и секреты охраняютъ бастіонъ снаружи; прикрытіе не сходитъ съ банкета, а орудійная прислуга находится непремѣнно возлѣ своихъ орудій. „Солдаты,—пишетъ участникъ [1]),—безъ говору снуютъ взадъ и впередъ съ мѣшками на плечахъ; работа безъ понуканій идетъ быстро, а стоитъ крикнуть: *„по банкетамъ“*, какъ все опрометью, безъ шуму, ринется на свои мѣста. Въ мигъ матросы при орудіяхъ, пѣхота въ ружьѣ, готовые встрѣтить непріятеля“. Черныя тѣла чугунныхъ пушекъ угрюмо смотрятъ въ амбразуры, и, наведенныя на случай новаго штурма, они таятъ въ своихъ огромныхъ жерлахъ тяжелую картечь, готовую осыпать наступающихъ при первомъ ихъ движеніи. Воткнутые возлѣ орудій, зажженные фитили свѣтятся, какъ заостренный и раскаленный уголь.

Ночная тишина нарушается рѣдкимъ полетомъ бомбы или ядра, да свистомъ пули, то звенящей, какъ струна, то отрывисто пощелкивающей, попадая во что-нибудь твердое. Въ глубинѣ батареи тянется смѣна солдатъ, назначенныхъ въ прикрытіе. Солдаты, выдѣляясь изъ рядовъ, поодиночкѣ подбѣгаютъ къ освѣщенному батарейному образу.

Теплящіяся у божницы восковыя свѣчи бросаютъ вокругъ причуд-

---

[1]) Зарубаевъ. Воспоминанія. Сборникъ рукописей, т. II, 458.

ливый матовый свѣтъ, полуобрисовывая лишь на ночномъ фонѣ энергическія спокойныя лица подходящихъ молиться солдатъ. „Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, каждый изъ нихъ творилъ краткую молитву, иногда тихо, иногда во весь голосъ, а потомъ, задумчиво отодвинувшись назадъ, совершенно терялся во мракѣ“ [1]). Картина эта въ особенности ночью, во время перестрѣлки, среди растерзанныхъ труповъ, вздоховъ изувѣченныхъ страдальцевъ, дѣйствовала какъ-то успокоительно на защитниковъ. Къ образамъ обыкновенно сносили всѣхъ убитыхъ и тяжело раненыхъ въ продолженіе ночи, клали ихъ на землю въ одну линію, и весьма часто солдаты всовывали въ руки каждаго убитаго по восковой свѣчѣ. Въ такомъ положеніи они лежали до утра, а затѣмъ пріѣзжали фурштадскія фуры, „накладывали трупы и удирали отъ выстрѣловъ, теряя по дорогѣ мертвецовъ“ [2]). Эти сцены не безпокоили присутствующихъ на бастіонѣ, и они, не обращая вниманія на происходившее, продолжали свое обычное занятіе.

Возлѣ амбразуры сидитъ матросъ, покуривая трубку и мурлыча себѣ подъ носъ; въ отдаленіи видны нѣсколько человѣкъ лежащихъ солдатъ. Они совершенно покойны. Гдѣ же ужасы осады?—спросите вы, смотря на эти спокойныя лица. А вотъ пойдите къ амбразурѣ, завѣшанной тросовымъ щитомъ.

— Здѣсь не ходите, ваше благородіе, — скажетъ вамъ сидящій возлѣ матросъ,—какъ бы того...

— А что такое?—спросите вы.

— Пульки-съ!—проговорилъ онъ, сквозь зубы, какъ бы нехотя.

— Ну, такъ что жъ?

— Да, вишь, какъ садитъ-то; эта амбразура не хорошее мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, пули такъ и барабанятъ по тросовому щиту; иная прорвется внутрь бастіона и зазвучитъ, какъ струна, тонкимъ, пріятнымъ звукомъ.

— А какъ же ты сидишь?—спроситъ подошедшій.

— Мы вѣдь здѣшніе..., проговоритъ онъ совершенно равнодушно, по-прежнему потягивая трубочку и сплевывая на сторону.

---

[1]) Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера.

[2]) Воспоминанія Зарубаева. Сборн. рукописей, т. II, 455.

Разсвѣтаетъ. Солдаты, оставивъ дежурныхъ у орудій, отправляются отдыхать: одни въ блиндажъ, другіе въ разныя подѣланныя ими норки и конуры. Прикрытіе также сходитъ съ банкета, оставляя тамъ однихъ штуцерныхъ. Половина людей пріискиваетъ себѣ мѣсто отдыха на батареѣ, гдѣ и располагается, не снимая аммуниціи; другая половина отправляется во вторую линію въ ближайшіе блиндажи, устроенные позади бастіоновъ въ соединительныхъ траншеяхъ. Какъ пещерныя кельи, идутъ они, „углубляясь по обѣимъ сторонамъ траншеи, выглядывая длинной вереницей дверецъ и дверей, порой створчатыхъ, со стеклами даже. Когда бы ни приходилось проходить этой траншеею, постоянно можно было видѣть ставившіеся въ ней, у дверей блиндажиковъ, самовары, самоварчики, или просто мѣдные чайники,—такъ что вверху траншеи безпрестанно вился дымокъ, точно бомбы рвались тамъ поминутно".

Съ наступленіемъ дня все оживаетъ на бастіонѣ: въ разныхъ направленіяхъ работаютъ солдаты: кто чинитъ амбразуры, кто платформу, а тамъ замѣняютъ разбитые туры новыми. У входа въ блиндажъ видны офицеры: одинъ сидитъ на картечи для бомбоваго орудія и читаетъ книгу, другой помѣстился возлѣ, на обрѣзкѣ дерева, и то съ наслажденіемъ тянетъ черезъ соломинку лимонадъ, то напѣваетъ любимую пѣсенку; въ сторонѣ сидятъ два солдата, изъ которыхъ одинъ тачаетъ сапоги, другой, усталый и измученный, тянетъ изъ-за голенища чубукъ и трубку. По площадкѣ расхаживаетъ нѣсколько куръ и пѣтухъ, содержимые солдатами въ полномъ довольствѣ. На батареѣ Шварца былъ знаменитый пѣтухъ, прозванный Пелисеевымъ (Пелисье—французскій главнокомандующій). Однажды бомба такъ напугала Пелисеева, что онъ съ ужаснымъ крикомъ перелетѣлъ черезъ валъ и скатился въ ровъ. Не долго думая, молодой матросъ бросился спасать офицерскаго пѣтуха. Не обращая вниманія на сыпавшіяся пули, онъ вскочилъ въ амбразуру и, подобно пѣтуху, тѣмъ же путемъ покатился въ ровъ. Французы, увидя изъ своихъ траншей всю эту продѣлку, прекратили огонь, захлопали въ ладоши, сначала пѣтуху, а потомъ и матросу.—Пелисеевъ былъ спасенъ и долго потомъ расхаживалъ по батарейной площадкѣ, служа предметомъ забавы для солдатъ въ ихъ однообразной жизни.

Продѣлки, подобныя той, которую выкинулъ матросъ, догоняя пѣтуха, повторялись не рѣдко. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Былъ май мѣсяцъ. Въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ передъ

третьимъ бастіономъ, сидѣла команда штуцерныхъ Камчатскаго егерскаго полка.

— Смотри, смотри — закричалъ егерь Евсѣевъ: что-сь катится мимо!

— Чего тебѣ катится? аль не видишь—заяцъ бѣжитъ.

— Китай его, Кузнецовъ—на тебя бѣжитъ!

— Не замай его—замѣтилъ четвертый солдатикъ—можетъ, оборотень какой...

Но Кузнецовъ прицѣлился: выстрѣлъ грянулъ—заяцъ убитъ.

Въ англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ.

Заяцъ лежалъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами.

Ефимъ Кузнецовъ [1]) перекрестился и въ слѣдъ за выстрѣломъ схватилъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ. Наши и англичане забыли на время перестрѣлку, высунулись изъ ложементовъ и смотрѣли на удальца. Кузнецовъ схватилъ зайца за заднія ноги, поднялъ ружье на изготовку и сталъ задомъ отходить къ своимъ ложементамъ.

Англичане встрѣтили смѣлую выходку удалаго егеря единодушнымъ „ура!“ и хлопали въ ладоши. Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку и, показавъ врагамъ зайца, скрылся въ ложементахъ.

Головы спрятались,—перестрѣлка закипѣла.

Кузнецовъ представилъ зайца командиру полка—и посыпались рубли удалому стрѣлку... А Кузнецовъ? Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ — гдѣ жь тутъ молодечество: убилъ зайца, извѣстное дѣло, не бросать же убитаго звѣря!.. Такъ разнообразили штуцерники свое скучное сидѣнье въ ложементахъ. На четвертомъ бастіонѣ почти въ то же самое время явился большой бумажный змѣй, который долго леталъ надъ французскими батареями, вызывая со стороны непріятеля

---

[1]) Ефимъ Кузнецовъ, штуцерникъ 11-й егерской роты Камчатскаго егерскаго полка, изъ крестьянъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, деревни Филатова. См. Походныя записки Алабина, ч. II.

батальный огонь и всеобщій смѣхъ. На другихъ пунктахъ оборонительной линіи появлялись на валу батарей на одномъ мельница, на другомъ—солдатикъ, ворочающійся по вѣтру, а на третьемъ—пильщикъ, установленный такъ, что постоянно находился въ движеніи. Бывало, какъ появится такая забава, такъ и посыпятся изъ непріятельскихъ траншей выстрѣлы. Солдаты смѣются, а французы или англичане тѣшатся до тѣхъ поръ, пока не собьютъ выставленной фигуры, или начальникъ бастіона не прикажетъ снять изъ опасенія, что она привлекаетъ выстрѣлы.

Потѣшившись надъ французами и томимые невыносимою жарою, солдаты расходятся въ разныя стороны, отыскивая прохлады: кто уходитъ въ блиндажъ, кто ищетъ хоть клочка тѣни. Миріады мухъ не даютъ покоя. Въ жаркіе дни мухи и другія насѣкомыя сильно одолѣвали живущихъ на батареяхъ и, можно сказать, истязали тѣло защитниковъ. „Блохи немилосердно кусали наши ноги,—пишетъ одинъ изъ участниковъ [1]).— Чтобы избавиться отъ нихъ, мы насыпали въ голенища персидскаго порошку и затѣмъ стягивали ихъ ремнями пониже колѣнъ. Немилосердный врагъ погибалъ въ сапогахъ, а новый черезъ ремни не могъ туда забраться“.

Мухи—были вторымъ внутреннимъ врагомъ, невыносимымъ въ особенности для раненыхъ. На бастіонахъ, посредствомъ такъ называемыхъ камуфлетовъ, уничтожали мухъ безпощадно. Когда въ блиндажъ набиралось ихъ много, разсыпали по столу дорожки пороха и дѣлали вспышку. Мухи дохли и уничтожались миріадами [2]).

Съ наступленіемъ дня пуля за пулей такъ и шмыгаютъ повсюду, распѣвая на разные голоса. На встрѣчу этимъ пулямъ идетъ иногда солдатъ, неся ведро щей на обѣдъ товарищамъ и тихо переваливаясь съ ноги на ногу. Часто пуля подымаетъ струю пыли не болѣе какъ на вершокъ отъ его ступни, а онъ какъ будто не замѣчаетъ и продолжаетъ переваливаться. Теперь нѣтъ мѣста въ особенности на Корабельной, гдѣ бы не шмыгали эти гости. Тотъ, кто видѣлъ Малаховъ курганъ еще въ мартѣ, теперь не узналъ бы его совершенно; онъ какъ будто сжался, сбился въ кучу.

Малаховъ курганъ и многія другія укрѣпленія похожи были на

---

[1]) Зарубаевъ. Воспоминанія. Сборникъ рукописей, т. II, 453.

[2]) Севастопольск. воспоминанія артиллерійскаго офицера.

лабиринтъ, въ которомъ человѣкъ непривычный могъ запутаться, заблудиться. Вся площадка кургана изрѣзана траншеями и всякими насыпями, подѣланными сколько для защиты отъ непріятельскихъ снарядовъ, столько же и для ружейной обороны внутренности кургана, на случай занятія передовой его части непріятелемъ. Башни нѣтъ, она разбита и какъ будто ушла въ землю, отъ нагроможденныхъ вокругъ ея построекъ. Прежде выглядывай изъ-за вала сколько хочешь, теперь нельзя и подумать о томъ, чтобы высунуться хотя на минутку; пули, какъ шмели, такъ и рѣютъ со всѣхъ сторонъ. Стоитъ только поднять фуражку на штыкѣ или палкѣ, какъ въ мигъ она оказывается прострѣленною во многихъ мѣстахъ.

Здѣсь все перемѣнилось, только русскіе люди остались тѣ же. По-прежнему видны группы беззаботныхъ солдатъ, то веселыхъ и смѣющихся, то лежащихъ, растянувшись во весь ростъ, и какъ будто нарочно подставляющихъ себя всякимъ снарядамъ. Тутъ же, въ мѣстахъ двухъ-трехъ, видны бабы, торгующія лукомъ, хлѣбомъ, вяленой рыбой. Въ сторонѣ, на площадкѣ одной изъ батарей, пользуясь хорошею погодою, обѣдаютъ офицеры; одинъ сидитъ на пружинномъ креслѣ, занесенномъ сюда изъ города еще съ начала осады, другой помѣстился на картечной жестянкѣ, подложивъ подъ нее нѣсколько поддоновъ или деревянныхъ кружковъ. Возлѣ нихъ стоитъ русскій мужичекъ - разносчикъ, являющійся на батареи раза два въ день, несмотря ни на какую опасность. На груди его виситъ, на георгіевской ленточкѣ, медаль съ надписью: „за храбрость“. Въ сотый разъ онъ разсказываетъ, однимъ и тѣмъ же офицерамъ, что пожалованъ былъ этою медалью за то, что ходилъ съ Хрулевымъ, Степаномъ Александровичемъ, во французскія траншеи 10-го марта.

— Пришелъ я, — говорилъ онъ,—на курганъ съ корзинкой, — заказъ былъ отъ офицеровъ. Ну, а наши „ура!“ кричатъ, такъ и заливаются—погнали, стало быть, француза. Резервы проходятъ, солдатики говорятъ: бери ружье, сходи-ка въ траншею, — что тутъ сидишь безъ толку... Бросилъ я корзину, добылъ ружье, да въ траншею. Не помню, что было, только, какъ въ чувство пришелъ — въ госпиталь положили.

Такихъ охотниковъ - волонтеровъ было много въ Севастополѣ, не только взрослыхъ, но и дѣтей, преимущественно сыновей матросовъ. Посѣщая часто бастіоны, они оставались на нихъ и въ минуты самаго

жаркаго боя помогали солдатамъ: то воду таскали, то заряды подавали. На первомъ бастіонѣ долго служили два мальчика, одинъ 14-ти, а другой не болѣе 6-ти лѣтъ. Старшему въ іюнѣ оторвало обѣ ноги, но онъ остался живъ; младшій же вышелъ изъ Севастополя цѣлымъ и невредимымъ. Болѣе другихъ прославился десятилѣтній сынъ матроса Николай Пищенко. Отецъ его Тимоѳей служилъ комендоромъ на одной изъ батарей, близъ пятаго бастіона. Молодой Пищенко, извѣстный подъ именемъ Николки, жилъ на батареѣ и прислуживалъ отцу. Въ день втораго бомбардированія Тимоѳей Пищенко былъ убитъ, но Николка всетаки остался на батареѣ. Забѣжавъ однажды на редутъ Шварца, онъ увидѣлъ тамъ девять небольшихъ мортиръ.

— Позвольте мнѣ выстрѣлить изъ мортирки, — упрашивалъ онъ командира редута.

Тотъ дозволилъ. Пищенко выстрѣлилъ и весьма удачно. Ему такъ понравилось это, что онъ, поселившись на редутѣ, поступивъ на мортирную батарею подъ команду одного изъ матросовъ. Впослѣдствіи матросъ этотъ былъ убитъ, и Пищенко сталъ самостоятельно заправлять мортирой. Въ короткихъ брюкахъ, въ отцовской курткѣ, хватавшей до колѣнъ, и босикомъ, онъ неутомимо трудился надъ своею мортирою. Главнокомандующій наградилъ Пищенку сначала медалью, а потомъ и Георгіевскимъ крестомъ. Всѣ любовались, какъ Пищенко изо дня въ день копошился возлѣ своихъ орудій. Бывало, подойдутъ къ нему офицеры и прикажутъ выстрѣлить изъ мортирки для потѣхи. Пищенко въ восторгѣ и съ особою любовью смотритъ за полетомъ своей бомбы, въ отвѣтъ на которую пролетитъ изъ непріятельскихъ траншей или „темное“ т. е. ядро, или посыпятся ружейные выстрѣлы.

Подобными продѣлками жители бастіона разнообразили свою жизнь. По воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, на батареяхъ и бастіонахъ служили молебны. Благоговѣйное спокойствіе и величіе Божественной службы проливали на долго успокоительную отраду, заставляя защитниковъ забывать ихъ трудное положеніе. Особенною торжественностію отличалась служба, совершенная посѣтившимъ Севастополь высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, по случаю праздника, даваемаго главнокомандующимъ Брянскому полку, наименованному егерскимъ генералъ-адъютанта князя Горчакова 2-го полкомъ.

Въ ночь 25-го іюня, егерскій князя Горчакова полкъ былъ перевезенъ на Сѣверную сторону. На другой день со всѣхъ бастіоновъ и батарей было собрано по нѣскольку человѣкъ отъ каждой части, для присутствованія на праздникѣ. Всѣ они собрались утромъ 26-го іюня въ церковъ, на Южной сторонѣ города, гдѣ и услышали, изъ устъ краснорѣчиваго пастыря, слова правды и истины о своихъ заслугахъ. После литургіи, при звонѣ колоколовъ и гремѣвшей усиленной канонады, архипастырь, съ жезломъ въ рукѣ, вышелъ изъ храма на площадь къ собранному на ней войску и остановился передъ рядами воиновъ, только-что сошедшихъ съ бастіоновъ и батарей [1]). Все смолкло. Черныя загорѣлыя лица защитниковъ въ молчаливомъ благоговѣніи ожидали благословенія. Передъ ними стоялъ архіепископъ въ святительскихъ ризахъ, архіепископъ, забывшій о военныхъ опасностяхъ и явившійся въ Севастополь, чтобы посмотрѣть на героевъ и отъ имени русскаго народа поклониться ихъ доблести и передать слово благодарности. Величественна была картина площади, еще болѣе торжественны были слова архипастыря.

— Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда,—сказалъ высокопреосвященный Иннокентій,—нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣдь Христа Спасителя: *„оставь отца, матерь твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по Мнѣ!“* Впредь поучая паству свою, мнѣ не надобно далеко искать примѣровъ добродѣтели: я скажу имъ: „иди въ градъ сей и поучись у перваго встрѣчнаго изъ братій твоихъ защитниковъ вѣры и мѣстъ, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу: *пади ницъ, мѣсто бо сіе свято есть*“.

Съ глубокимъ умиленіемъ слушали храбрые воины эту высокую оцѣнку своихъ подвиговъ и, возвратившись на бастіоны, передавали товарищамъ благословеніе архипастыря.

Въ 11-ть часовъ утра, на Сѣверной сторонѣ, въ виду осажденнаго города, были разбиты шатры и накрыты столы для нижнихъ чиновъ. Построенный въ колоннѣ и въ трехъ-батальонномъ составѣ, полкъ ожидалъ прибытія съ Южной стороны города главнокомандующаго и

---

[1]) «Сѣв. Пчела» 1855 г. № 160.

преосвященнаго Иннокентія. Прибывъ къ полку, князь Горчаковъ принялъ рапортъ отъ командира полка.

— А почему не четыре батальона?—спросилъ онъ.

— Пали на третьемъ бастіонѣ,—отвѣчалъ командиръ полка.

Молча обошелъ князь ряды, и казалось, погруженъ былъ въ глубокую думу; мысли его были далеко и находились не тамъ, гдѣ присутствовалъ онъ своею особою.

— А почему, — спросилъ онъ вдругъ, — такъ много людей въ строю съ подвязанными головами, руками и даже нѣкоторые съ костылями.

— Предпочитаютъ, — отвѣчалъ командиръ полка, — презирая раны свои, оставаться въ строю и класть свой животъ на царскую службу, чѣмъ идти въ госпиталь.

Слеза блеснула въ глазахъ князя. Безпредѣльная любовь къ солдату и добрѣйшее сердце вступили въ свои права и взяли верхъ надъ подавлявшими его заботами. Его голосъ измѣнился, и онъ ласково приказалъ вести людей къ котламъ... [1]).

Тамъ, обнаживъ голову и высоко поднявъ чарку, генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ привѣтствовалъ храбрыхъ егерей слѣдующими словами:

„Государь Императоръ, въ высокой милости ко мнѣ, Высочайше повелѣлъ храброму Брянскому егерскому полку именоваться полкомъ моего имени.

„Товарищи! Первая моя боевая служба въ чинѣ генерала была совершена съ славнымъ Брянскимъ полкомъ—въ 1828 г. Въ войнѣ съ турками, съ двумя батальонами брянцевъ, мы совершили боевую переправу черезъ Дунай. Увѣренъ, что испытанные въ бояхъ брянцы, нося имя своего главнокомандующаго, будутъ служить примѣромъ для арміи!.. Защищая родной нашъ Севастополь, мы съумѣемъ побѣдить кичливаго врага и сдѣлаемся достойными высокой чести, которою почтилъ меня Монархъ нашъ.

„Преосвященный архіепископъ, свидѣтель нашего праздника, благо-

---

[1]) Воспоминанія Александра Гана. Сборникъ рукописей, т. III, 265.

словилъ насъ на новый праздникъ—на бой кровавый за вѣру православную, за Царя русскаго, за отчизну Святую!..

„Ребята — нашему батюшкѣ-Царю — „ура!..."

Громкій крикъ, вырвавшійся изъ могучей груди богатырей, огласилъ прибрежныя ущелья и, смѣшавшись съ гуломъ выстрѣловъ, отозвался въ непріятельскихъ траншеяхъ. Составивъ ружья и снявъ боевую аммуницію, солдаты отправились къ столамъ, и первая чарка русскаго воина, при громкихъ крикахъ „ура!" была выпита за Русскаго Царя:

И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ!

Затѣмъ на средину братскаго кружка вышелъ командиръ полка полковникъ Ганъ.

— Ребята!—сказалъ онъ.—Вы всѣ помните, какъ 6-го іюня англичане бросились вырывать изъ вашихъ рукъ порученный вашему мужеству родной намъ третій бастіонъ. Вы помните также, какъ любимый нами начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Лысенко первый вскочилъ на брустверъ бастіона, напомнилъ вамъ, „что вы должны сдѣлаться достойными имени вашего шефа". Его пророческія слова сбились, и мы сегодня по волѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора, празднуемъ ихъ осуществленіе. Ребята! мнѣ давать отвѣтъ за васъ передъ Царемъ и Отечествомъ! Я счастливъ, что, раздѣляя съ вами опасность, былъ свидѣтелемъ вашего геройства; смѣло могу сказать, что брянцы достойны славнаго имени, насъ украшающаго. Кто былъ съ вами, тотъ поручится, что вы на вѣки останетесь такими. Привѣтствуйте эту чарку громоноснымъ „ура!", которое, подобно грому 6-го іюня, пусть судорожно откликнется въ виднѣющемся вдали вражескомъ станѣ: да здравствуетъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, „ура!"

И новое, восторженное „ура!" огласило окрестность.

Веселый пиръ продолжался до поздней ночи. На слѣдующее утро полкъ переправился на Южную сторону и снова расположился на 3-мъ бастіонѣ.

Все пошло по-прежнему, по-старому...

На Корабельной производились усиленныя земляныя работы; позади оборонительной линіи, въ самой слободкѣ, строилось обширное укрѣпленіе для укрытія резервовъ и для обстрѣливанія Малахова кургана.

Среди работъ самая живая перестрѣлка продолжалась днемъ и ночью.

На третій день послѣ штурма, 8-го іюня, былъ раненъ завѣдывающій инженерными работами, генералъ Тотлебенъ. Рана скоро приняла опасный характеръ, такъ что онъ принужденъ былъ оставить Южную часть города и передать завѣдываніе работами: на Городской сторонѣ командиру 3-го сапернаго батальона, полковнику Гарднеру, а на Корабельной сначала инженеръ штабсъ-капитану Тидебелю, а потомъ вновь прибывшему полковнику Геннериху. При этомъ генералъ Тотлебенъ, хотя и сохранилъ за собою главное руководство работами, но былъ лишенъ возможности слѣдить за ходомъ ихъ.

Неудачный для союзниковъ штурмъ 6-го іюня произвелъ на нихъ весьма невыгодное впечатлѣніе, такъ что у англичанъ явилась даже мысль о совершенномъ прекращеніи работъ противъ 3-го бастіона. Англійскій генералъ Джонсъ доказывалъ, что батареи ихъ не въ состояніи преодолѣть огня 3-го бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій, и что войска при вторичномъ штурмѣ будутъ точно также отбиты. Это мнѣніе встрѣтило опроверженіе со стороны начальника французскихъ инженеровъ генерала Ніеля, настаивавшаго на томъ, чтобы англичане не останавливали своихъ работъ, такъ какъ прекращеніе ихъ равносильно снятію осады. Послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса, союзные главнокомандующіе рѣшили усилить артиллерію, вести подступы и приближаться къ нашей оборонительной линіи, стараясь по возможности преградить доступъ пароходовъ къ Киленъ-бухтѣ, для чего и устроить нѣсколько новыхъ батарей. Къ 28-му іюня, они подошли своими траншеями на 100 саженъ къ Малахову кургану, на 145 саженъ ко второму бастіону и на 240 саженъ къ первому бастіону. Для скорѣйшаго разрушенія нашихъ верковъ, непріятель построилъ въ этотъ промежутокъ времени девятнадцать новыхъ батарей, изъ коихъ двѣ французскихъ были направлены противъ Городской стороны, а противъ Корабельной пять англійскихъ и двѣнадцать французскихъ. Для воспрепятствованія этимъ работамъ обороняющійся поддерживалъ постоянный огонь, производилъ вылазки, усилилъ вооруженіе нѣкоторыхъ укрѣпленій и возвелъ три новыя батареи.

Близкое положеніе непріятеля и постоянная ружейная перестрѣлка

отзывались значительною потерею въ людяхъ. Со дня штурма и по 28-е іюня, мы лишились одного генерала, 65 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 3.163 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того былъ легко контуженъ начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Васильчиковъ. Непріятель потерялъ за это время 1.710 человѣкъ.

Въ четыре часа по полудни, 28-го іюня, Севастополь понесъ горестную утрату—онъ лишился доблестнаго адмирала Павла Степановича Нахимова.

Съ послѣднихъ чиселъ мая, въ особенности послѣ занятія непріятелемъ трехъ передовыхъ укрѣпленій, Павелъ Степановичъ былъ постоянно мраченъ и страдалъ отъ нѣсколькихъ контузій, хотя всегда скрывалъ это. Дѣятельность его не ослабѣвала ни на минуту; только одинъ разъ рѣшился онъ два дня не выходить изъ дому, „но безпокойство взяло верхъ надъ тѣлеснымъ утомленіемъ, и Павелъ Степановичъ продолжалъ по-прежнему безпрестанно посѣщать самыя опасныя мѣста, пренебрегая всѣми просьбами“. На всѣ увѣщанія поберечь себя, онъ отвѣчалъ: „что вѣдь когда же нибудь да убьютъ его“.

Когда Екатерининская улица стала торною дорогою для вражьихъ снарядовъ, когда на площадь дворянскаго собранія сыпались ядра какъ горохъ,—всѣ стали перебираться въ болѣе безопасныя мѣста, но Нахимовъ оставался въ своемъ домикѣ, подвергаясь ежеминутной опасности. Главнокомандующій просилъ Павла Степановича перебраться подъ своды Николаевской батареи, гдѣ можно было хотя спать спокойно, но адмиралъ не согласился, считая излишнимъ искать защиты въ домѣ, когда почти цѣлыя сутки онъ жилъ на бастіонахъ.

Послѣ полудня, 28-го іюня, непріятель открылъ сильную канонаду по третьему бастіону. Объѣзжая, по обыкновенію, оборонительную линію, Павелъ Степановичъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, отправился туда, гдѣ была опасность, откуда были слышны выстрѣлы. Его уговаривали не ѣздить, но онъ, не слушая ни чьихъ совѣтовъ, говорилъ: „какъ ѣдешь на бастіонъ—веселѣе дышешь“.

Когда адмиралъ сталъ приближаться со своею свитою къ оборонительной линіи, бомба пролетѣла надъ головами ѣхавшихъ.

— Видите, насъ привѣтствуютъ,—проговорилъ онъ и всю дорогу былъ разговорчивъ и веселъ.

Побывавши на третьемъ бастіонѣ, Нахимовъ отправился на Малаховъ курганъ (Корниловъ бастіонъ), стоившій Севастополю столько драгоцѣнной крови. Артиллерійскаго огня здѣсь почти не было, только свистъ штуцерныхъ пуль показывалъ, что непріятельскіе стрѣлки зорко слѣдятъ за неосторожными храбрецами. Павелъ Степановичъ взошелъ на бастіонъ и, взявъ трубу, сталъ разсматривать непріятельскія работы; чернымъ цвѣтомъ своего сюртука и золотыми эполетами, онъ рѣзко отличался отъ окружающихъ его и служилъ цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ.

Начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи и Малахова кургана, капитанъ 1-го ранга Кернъ, былъ у всенощной, когда ему доложили о пріѣздѣ адмирала. Онъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и видя, что адмиралъ слишкомъ настойчиво смотритъ въ амбразуру, рѣшился какъ-нибудь увести его съ этого опаснаго мѣста.

— Не угодно ли вамъ отслушать всенощную?—сказалъ онъ адмиралу.

— А вотъ сейчасъ приду-съ, я васъ не держу—вы ступайте,—отвѣчалъ Павелъ Степановичъ.

Въ это время пуля ударила возлѣ него въ земляной мѣшокъ.

— Они цѣлятъ довольно хорошо,—проговорилъ Нахимовъ, оставаясь спокойно на мѣстѣ.

Кто-то изъ прислуги, стоявшей возлѣ орудій, рѣшился замѣтить о грозящей ему опасности.

— Это дѣло случая,—замѣтилъ онъ, и въ слѣдъ за тѣмъ отдалъ трубу и хотѣлъ уйти.

Въ это время съ одной изъ нашихъ батарей была пущена бомба.

— Ишь какъ ловко зацѣпила,—проговорилъ сигнальщикъ, слѣдившій за полетомъ бомбы,—трехъ сразу такъ и подняло.

Павелъ Степановичъ остановился, хотѣлъ взглянуть, но вдругъ упалъ раненый въ високъ выше лѣваго глаза.

Это былъ канунъ его именинъ.

Нахимовъ тутъ же впалъ въ совершенное безпамятство, которое и

продолжалось до самой кончины. Его тотчасъ же перевезли на Сѣверную сторону, гдѣ онъ и скончался 30-го іюня въ 11 часовъ по полуночи.

Только теперь, когда стали обмывать тѣло покойнаго, можно было удостовѣриться въ дѣйствительности контузій, въ полученіи которыхъ адмиралъ не хотѣлъ признаться,—вся спина его была совершенно синяя.

„Господи Боже,—писалъ Семякинъ [1]),—когда перестанетъ Твоя Святая воля отнимать у России достойныхъ сыновъ! Грустная новость, но къ несчастію дѣйствительная, мы всѣ молимъ Бога, чтобъ оказалъ милосердіе и исцѣлилъ Павла Степановича Нахимова. Моряки въ отчаяніи".

Извѣстіе о томъ, что Нахимовъ смертельно раненъ, а потомъ, что его не стало, быстро облетѣло всѣ бастіоны, и дрогнули защитники Севастополя, когда теплое сердце этого честнаго, безкорыстнаго и замѣчательнаго человѣка перестало биться и чистѣйшая душа этого рыцаря безъ страха и упрека отлетѣла въ вѣчность.

Совершилось предопредѣленіе, и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе десятимѣсячной томительной, однообразно кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало любимца Черноморскаго флота, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ. Не стало героя Синопа и дѣятельнаго помощника начальника славнаго гарнизона Севастопольскаго, не стало „звѣзды нашего флота, Нахимова безшабашнаго [2])".

Одни потеряли въ лицѣ Павла Степановича неутомимаго и вполнѣ безкорыстнаго дѣятеля, другіе—заботливаго отца-начальника, посвятившаго свою жизнь и имущество на пользу подчиненныхъ, наконецъ Россія лишилась въ немъ горячо любящаго ея сына, оберегателя ея славы и могущества.

„Смерть Нахимова, какъ вѣсть о проигранномъ сраженіи, произвела всеобщее уныніе; это былъ самый сильный громовой ударъ, какой только испытали защитники бастіоновъ. Врагъ всякихъ приличій и чопорной щепетильности, Нахимовъ былъ всецѣло преданъ дѣлу, былъ душою обороны. Дѣло и только дѣло—было девизомъ всей его жизни.

---

[1]) Сборникъ рукописей, т. III, 172.

[2]) Такъ называли его въ Севастополѣ, см. Южная армія и Крымская армія (рукоп.).

— Ну, какихъ-съ вы хотите визитовъ,—говорилъ онъ офицеру, изъявившему желаніе быть ему представленнымъ,—я не такъ интересенъ, чтобы стоило много хлопотать о знакомствѣ-съ. Вотъ если хотите-съ, я покажу вамъ корабль „Двѣнадцать Апостоловъ“—это штука любопытная, а ко мнѣ приходите просто обѣдать-съ.

Человѣкъ съ сильнымъ и энергическимъ характеромъ, скрываемымъ подъ скромнымъ и простодушнымъ видомъ, Нахимовъ былъ чуждъ всякаго эгоизма и честолюбія. Не приписывавшій себѣ ровно ничего, все относившій къ заслугамъ своимъ подчиненныхъ, Павелъ Степановичъ съ самаго начала осады сталъ душою защиты города, потому что всѣ его дѣйствія были направлены на общую пользу, на служеніе отечеству. Своимъ постояннымъ присутствіемъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ адмиралъ поселилъ среди солдатъ полную довѣренность и, казалось имъ, что тамъ, гдѣ Нахимовъ, тамъ не можетъ быть неудачи.

— И вправду, братцы,—разсуждали наши солдаты послѣ праздничнаго бомбардированія,—сказывали, что французы нехристь, окаянная душа! И погулять-то не дастъ, разговѣться по-христіански! Вишь, вмѣсто краснаго яичка, чѣмъ началъ потчивать.

— Погоди,—прерывалъ другой:—дай вотъ, флотскій Павелъ Степановичъ пріѣдетъ христосоваться съ нимъ, почешется и французъ.

Во время штурма непріятелемъ Камчатскаго люнета, 26-го мая, одна матроска, стоя у дверей своего домика, горько плакала.

— Чего разревѣлась, баба?—спросилъ проходившій матросъ.

— Сердешный ты мой,—отвѣчала она,—какъ не плакать мнѣ, сынокъ-то мой на Камчаткѣ, а вишь ты, што тамъ за страсти дѣлаются.

— Э-е-е, баба, да вѣдь Нахимовъ тамъ, онъ что хочешь отстоитъ.

— И вправду; ну слава жъ тѣ, Господи,—проговорила матроска, будто оживившись и кладя крестное знаменіе.

Павелъ Степановичъ никогда не предводительствовалъ сухопутными войсками, не водилъ ихъ въ атаку, но, постигая въ совершенствѣ духъ русскаго солдата, скоро вселилъ въ нихъ глубокое къ себѣ уваженіе. Онъ зналъ, что солдатъ любитъ дѣло, а не громкія слова, и Нахимовъ никогда не прибѣгалъ къ краснорѣчію, но былъ простъ, обходителенъ и пользовался между нижними чинами огромною популярностію.

„Какъ сейчасъ вижу—пишетъ участникъ славной обороны [1]),—этотъ незабвенный типъ: верхомъ на казацкой лошади, съ нагайкою въ правой рукѣ, всегда при шпагѣ и генеральскихъ эполетахъ на флотскомъ сюртукѣ, съ шапкою, надѣтою почти на затылокъ, слѣдуетъ онъ бывало до бастіона верхомъ въ сопровожденіи казака. Панталоны безъ штрипокъ вѣчно собьются у него у колѣней, такъ что изъ-подъ нихъ выглядываютъ голеница и бѣлье, а ему горя мало,—на подобныя мелочи онъ не обращалъ вниманія. Останавливаясь у подошвы нашего бастіона, Павелъ Степановичъ, по обыкновенію, слѣзалъ съ лошади, оправлялъ панталоны и шествовалъ по бастіону пѣшкомъ“.

— Павелъ Степановичъ! Павелъ Степановичъ!—кричали радостно матросы, и все прихорашивалось, выростало.

— Здравія желаемъ, Павелъ Степановичъ—проговоритъ болѣе смѣлый изъ матросовъ.—Все-ли здорово?

— Здорово, Грядко,—какъ видишь,—отвѣтитъ добродушно Нахимовъ, слѣдуя далѣе.

Не строгостію, а личнымъ примѣромъ и точнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, дѣйствовалъ Павелъ Степановичъ на своихъ подчиненныхъ. Однажды, при посѣщеніи редута Шварца, въ глазахъ Нахимова, непріятельское ядро подбило орудіе. Павелъ Степановичъ подошелъ къ нему и приказалъ снять занавѣшивавшій амбразуру щитъ. Одинъ изъ матросовъ полѣзъ исполнять приказаніе, но, несмотря на распоряженіе не снимать фуражекъ передъ начальствомъ, счелъ необходимымъ снять ее передъ своимъ адмираломъ.

— Я ему дѣло говорю дѣлать, а онъ-съ фуражку ломаетъ,—съ досадою сказалъ Нахимовъ, обращаясь къ присутствовавшимъ...—А все-таки молодецъ,—прибавилъ адмиралъ, видя, что матросъ, несмотря на сыпавшіяся на него пули, снималъ щитъ, зайдя съ непріятельской стороны.

Осмотрѣвши амбразуру и направленіе непріятельскихъ орудій, Павелъ Степановичъ пошелъ далѣе.

— Когда дѣло велятъ дѣлать,—замѣтилъ онъ ласково тому же матросу,—пустяками заниматься нечего-съ.

Оставшійся въ восторгѣ отъ похвалы такого начальника, матросъ

---

[1]) Воспоминанія о Севастополѣ, Корженевскаго. Сборн. рукописей, т. I, 33.

навѣрное не снималъ уже фуражки, да и товарищи его точно также. Солдаты любили Нахимова безпредѣльно за его заботы о ихъ нуждахъ; они знали, что не было такого предмета, о которомъ бы не заботился Нахимовъ, знали, что адмиралъ спитъ не раздѣваясь, чтобы всегда быть готовымъ на службу, что у него не было назначенныхъ часовъ для пріема, и что его можно было видѣть во всякое время дня и ночи. Все, что имѣлъ и что могъ выхлопотать, онъ готовъ былъ отдать своимъ подчиненнымъ.

Въ октябрѣ 1854 года, ко многимъ другимъ бѣдствіямъ, неразлучнымъ съ осадою города, присоединилась и холера въ Севастополѣ. Нахимовъ принялъ самое горячее участіе какъ въ предохраненіи войскъ отъ болѣзни на бастіонахъ, какъ и въ доставленіи заболѣвавшимъ всѣхъ медикаментовъ, выборъ которыхъ предоставилъ доктору Зейману. Послѣднему онъ поручилъ, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, пріобрѣтать все необходимое для больныхъ на его собственный счетъ.

Дѣятельность Павла Степановича на облегченіе страданія больныхъ и раненыхъ была неутомимая и неисчерпаемая. Заботясь о нихъ, онъ забывалъ самого себя [1]).

— Пока наши раненые,—говаривалъ Нахимовъ,—лежатъ на голой землѣ, не перевязанные и голодные, русскій человѣкъ и куска хлѣба проглотить не въ состояніи.

Въ самый разгаръ трудовъ, когда Нахимовъ былъ начальникомъ моряковъ въ Севастополѣ, главнымъ командиромъ порта, севастопольскимъ губернаторомъ и помощникомъ начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не уходилъ отъ адмирала, не получивъ удовлетворенія, въ особенности, если дѣло шло объ участи больныхъ и страждущихъ. Нужды послѣднихъ удовлетворялись быстро, скоро, и никогда не случалось, чтобы адмиралъ не исполнилъ того, что обѣщалъ. Дѣло, представленное Павлу Степановичу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Откинувъ всякія формальности, Нахимовъ этимъ достигъ возможности быстро и успѣшно приводить въ исполненіе свои намѣренія. Все доброе и полезное находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго. Часто встрѣ-

---

[1]) Гюббенетъ: Слово объ участіи народовъ въ попеченіи о раненыхъ воинахъ. См. также статью: Два дня въ Севастополѣ «С.-Петербургск. Вѣдомости» 1856 г. № 22.

чались потребности, повидимому не легко или вовсе не удовлетворяемыя, но стоило только объ этихъ нуждахъ заявить Павлу Степановичу, и онъ всегда находилъ средство уладить дѣло. „Источникъ этотъ заключался единственно въ его неутомимой дѣятельности, энергіи, вниманіи ко всему, что его окружало, и въ его тепломъ сердцѣ!“

Нахимовъ всегда шелъ на встрѣчу нуждѣ своихъ подчиненныхъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Удостоившись получить значительную аренду, онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы деньги эти употребить съ наибольшею пользою для матросовъ и на оборону города. Получая значительное содержаніе, но не имѣя семейства и живя очень скромно, Павелъ Степановичъ никогда не имѣлъ денегъ, потому что раздавалъ ихъ бѣднымъ и на пособіе семействамъ матросовъ.

Офицеры также не разъ испытывали на себѣ знаки вниманія Павла Степановича; многіе раненые были помѣщены въ его квартирѣ, другимъ онъ посылалъ различнаго рода лакомства, вино и другіе предметы, которые въ то время въ Севастополѣ были очень рѣдки и дороги.

Послѣ штурма 6-го іюня, Павелъ Степановичъ обходилъ бастіоны. Было три часа по полудни, когда онъ пришелъ на третій бастіонъ. Люди и офицеры всѣ до единаго высыпали на встрѣчу доблестному адмиралу. Окруженный толпою, онъ шелъ медленно, съ однимъ только адъютантомъ, и, здороваясь съ нижними чинами, благодарилъ ихъ за отбитіе штурма. Адмиралъ былъ видимо доволенъ происшествіемъ дня: на вѣчно серьезномъ лицѣ его была теперь замѣтна улыбка.

„День былъ жаркій,—пишетъ очевидецъ [1]),—старикъ сильно вспотѣлъ и просилъ воды съ виномъ. Къ несчастію, въ этотъ день у насъ не было вина, и ему подали одной воды. Проводивъ адмирала до конца бастіона, мы раскланялись, а онъ пошелъ дальше. На другой день по утру пришелъ къ командиру бастіона матросъ, съ боченкомъ и съ запиской, въ которой адъютантъ адмирала Нахимова писалъ, что Павелъ Степановичъ, зная, что у насъ нѣтъ вина, и что въ жаркіе дни вредно пить одну воду, посылаетъ намъ боченокъ вина. Нельзя было отказаться отъ подобнаго вниманія почтеннаго адмирала, и мы съ благодарностію приняли боченокъ“.

---

[1]) Разсказъ изъ боевой жизни. «Русскій Инвалидъ» 1858 г. № 219—222.

Своею заботою о всѣхъ и неутомимою дѣятельностію на бастіонахъ подъ жестокимъ огнемъ, Нахимовъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность, сталъ народнымъ героемъ, тѣмъ колоссальнымъ русскимъ богатыремъ, въ котораго, сколько ни бросай грязью [1]), онъ вынесетъ ее на своихъ плечахъ и предстанетъ передъ соотечественниками тѣмъ же чистымъ и безупречнымъ человѣкомъ, какимъ его зналъ каждый изъ защитниковъ многострадальнаго города. Всѣ видѣли въ Нахимовѣ человѣка, никогда не ссорившагося со своею совѣстью и служившаго образцомъ честности и безкорыстія. Не было ни одного солдата, ни одной рыночной бабы, которые бы не знали Нахимова и не называли его отцомъ-благодѣтелемъ. Утѣшить страдающаго, примирить враждующихъ было главною заботою доблестнаго адмирала.

Случалось не рѣдко, что Павелъ Степановичъ, не ожидая просьбъ и требованій, самъ приходилъ къ младшимъ себя начальникамъ и справлялся объ ихъ нуждахъ, чтобы предупредить требованіе и оказать свое содѣйствіе. Со смертью Нахимова всѣ, до единаго, почувствовали, что не стало человѣка, при которомъ паденіе Севастополя казалось невозможнымъ.

— Отстоимъ или умремъ съ честью—говаривалъ обыкновенно адмиралъ.

Послѣ паденія передовыхъ редутовъ Нахимовъ предвидѣлъ печальный исходъ осады, и его грустное лицо было выраженіемъ думы, тяготившей его душу. Коротко знавшіе адмирала проникали въ его завѣтныя желанія. Нахимовъ понималъ безнадежное положеніе города, мечталъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ не видѣть, что при ограниченности нашихъ средствъ они не возможны. Онъ говорилъ, что не перенесетъ паденія Севастополя, и Провидѣніе, милостивое къ героямъ, не допустило его быть свидѣтелемъ этого событія. Долго смерть не прикасалась къ Павлу Степановичу и жизнь его сохранялась какимъ-то чудомъ. Не было дня, чтобы Нахимовъ не объѣхалъ всей оборонительной линіи и не побывалъ съ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Фаталистъ въ душѣ, онъ былъ безстрашенъ и баснословно храбръ. Однажды побывавъ на 4-мъ бастіонѣ, Нахимовъ обратился къ совершенно

---

[1]) Такія статьи и замѣтки попадались и въ печати.

незнакомому ему офицеру Бульмерингу, съ вопросомъ, знаетъ ли онъ ближайшую дорогу на редутъ Шварца. Получивши удовлетворительный отвѣтъ, онъ просилъ провести его. Бульмерингъ повелъ его не по стѣнкѣ, гдѣ поминутно шмыгали пули, а за линіею батарей.

— Куда вы меня ведете-съ,—крикнулъ адмиралъ.

— По стѣнкѣ придется идти совершенно открыто,—замѣтилъ Бульмерингъ,—между тѣмъ какъ за батареями безопаснѣе.

— Васъ извиняетъ, молодой человѣкъ, только то-съ, что не знаете, кого вы ведете-съ. Я Нахимовъ-съ и по трущобамъ не хожу-съ. Извольте идти по стѣнкѣ-съ.

Не вызывая къ геройству и мужеству, онъ поддерживалъ въ подчиненныхъ энергію своимъ примѣромъ. Являясь на бастіоны, онъ останавливался на самыхъ опасныхъ мѣстахъ и когда ему замѣчали, что здѣсь бьютъ, онъ отвѣчалъ, что изъ орудія въ одного человѣка цѣлить не станутъ. „Результатъ выходилъ тотъ,—говоритъ В. Стеценко,—что, дѣлая это ежедневно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, адмиралъ вселялъ убѣжденіе, что жертвовать собою для исполненія долга—дѣло самое простое, обыденное, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ являлась какая-то увѣренность въ своей собственной неуязвимости“. Нахимовъ не допускалъ мысли о возможности оставить Севастополь и выходилъ изъ себя, когда узналъ о постройкѣ моста черезъ бухту.

— Видали ли вы подлость?—спросилъ онъ однажды у смотрителя морскаго госпиталя И. И. Комаровскаго.

Послѣдній, не зная къ чему относятся слова, ожидалъ разъясненій.

— Видали ли вы подлость?—повторилъ адмиралъ и потомъ сказалъ: развѣ не видѣли, что готовятъ мостъ черезъ бухту?

Офицеръ Г., начальникъ бастіона, доложилъ адмиралу, что англичане заложили батарею, которая будетъ поражать его бастіонѣ въ тылъ.

— Что жъ такое—сказалъ адмиралъ;—не безпокойтесь, господинъ Г., всѣ мы здѣсь останемся.

И Павелъ Степановичъ дѣйствительно остался въ Севастополѣ на вѣки...

Умилительно трогательно было погребеніе героя Синопа и слав-

наго защитника роднаго города. Въ день кончины Нахимова, 30-го іюня, тѣло его было перевезено на Южную сторону. По сигналу съ флагманскаго корабля „Великій Князь Константинъ", на всѣхъ судахъ опустили флаги, и команды вышли на верхъ. Въ это время показался катеръ, буксируемый тремя шлюпками, на которомъ помѣщалась госпитальная кровать съ тѣломъ покойнаго адмирала. Катеръ остановился у Графской пристани, гдѣ тѣло было поднято офицерами и поставлено въ скромномъ домѣ, гдѣ жилъ адмиралъ. Три флага пріосѣняли славный прахъ, четвертый—тотъ, который побѣдно развѣвался на кораблѣ „Императрица Марія" въ день Синопской битвы—прикрывалъ тѣло знаменитаго покойника. На столахъ лежали ордена, вокругъ стоялъ почетный караулъ изъ моряковъ.

Съ шести часовъ утра 1-го іюля, со всѣхъ мѣстъ обороны съѣзжались начальствующія лица, товарищи и подчиненные отдать послѣдній долгъ падшему герою. Закаленные въ бою защитники Севастополя, стоя у гроба Павла Степановича, горько плакали, и во главѣ ихъ главнокомандующій князь М. Д. Горчаковъ.

„Одинъ за другимъ входили въ комнату,—пишетъ очевидецъ [1]),—матросы, солдаты, офицеры и простые обыватели и даже женщины, которымъ адмиралъ въ послѣднее время приказалъ выѣхать изъ Севастополя. Я видѣлъ одного горько плачущаго мужчину въ обыкновенной одеждѣ; женщины почти всѣ плакали".

Погребеніе было назначено вечеромъ 1-го іюля. Въ это время въ городѣ было замѣтно особое движеніе; всѣ суетились, бѣгали; на всѣхъ лицахъ было написано какое-то безпокойство, обнаруживавшее близость необыкновеннаго происшествія. Возлѣ квартиры покойнаго стоялъ батальонъ Модлинскаго полка и моряки, выстроенные вдоль улицы. Не колыхались обвитыя крепомъ знамена; суровы и угрюмы были лица присутствующихъ. Гробъ Синопскаго побѣдителя несли главнокомандующій, начальники гарнизона, графъ Остенъ-Сакенъ и другіе генералы. При появленіи его корабль „Великій Князь Константинъ" сталъ салютовать; корабли приспустили свои флаги до половины мачтъ. Величественно было шествіе въ церковь, посреди двухъ рядовъ солдатъ

---

[1]) Н. Бергъ. «Записки объ осадѣ Севастополя».

и при стеченіи огромной толпы зрителей. Офицеровъ было такъ много, что въ церкви не было мѣста, и большая часть ихъ стояла на улицѣ. Нахимова похоронили рядомъ съ тремя другими адмиралами: Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ, тамъ, гдѣ въ настоящее время высится великолѣпный храмъ во имя св. Александра... [1]).

Троекратный залпъ изъ ружей возвѣстилъ Севастополю, что одинъ изъ первыхъ его героевъ перешелъ въ вѣчность.

Начальникъ гарнизона почтилъ память покойнаго слѣдующимъ задушевнымъ приказомъ:

„Храбрые защитники Севастополя!

„Провидѣнію угодно испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ Нахимовъ, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастіонѣ, сего числа (30-го іюня) скончался.

„Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека,—вся Россія вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя Синопскаго.

„Моряки Черноморскаго флота! онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ, раздѣляя съ вами опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

„Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

„Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ, каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы русскаго оружія“.

Вмѣсто Нахимова, помощникомъ начальника гарнизона по морской части, командиромъ порта и военнымъ губернаторомъ Севастополя былъ назначенъ контръ-адмиралъ Панфиловъ. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ Панфиловъ командовалъ третьимъ отдѣленіемъ оборонительной линіи и все это время жилъ безотлучно на третьемъ бастіонѣ. Несмотря на

[1]) Такъ названъ нынѣ храмъ, заложенный прежде во имя св. Владиміра.

всѣ усилія англичанъ, ведшихъ атаку противъ этого бастіона, наша артиллерія имѣла надъ непріятелемъ столь сильный перевѣсъ, что у англичанъ родилось убѣжденіе въ неприступности бастіона.

Призванный къ болѣе широкой дѣятельности и провожаемый всеобщимъ сожалѣніемъ подчиненныхъ своего отдѣленія, Панфиловъ передалъ начальство капитану 1-го ранга Перелешину 1-му.

Почти одновременно съ такимъ назначеніемъ въ составъ Севастопольскаго гарнизона были введены полки Модлинскій, Прагскій и Люблинскій, въ трехъ-батальонномъ составѣ, а выведены Одесскій и Украинскій. Генералъ-лейтенантъ Семякинъ назначенъ начальникомъ всѣхъ войскъ Городской стороны, а генералъ-маіоръ Хрущевъ помощникомъ ему. Взамѣнъ выбывшихъ, начальниками пѣхоты на отдѣленіяхъ назначены: на первомъ отдѣленіи свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Воронцовъ, а на третьемъ генералъ-маіоръ Сабашинскій.

Въ англійской арміи произошли также перемѣны. Она понесла чувствительную потерю, лишившись своего главнокомандующаго лорда Раглана, умершаго отъ холеры. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Симпсонъ.

XL.

Вліяніе отбитаго штурма на ходъ обороны.—Прибытіе подкрѣпленій.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.—Прибытіе въ главную квартиру барона Вревскаго.—Возникновеніе идеи о переходѣ въ наступленіе.—Состояніе обороны.—Причины нашей бездѣятельности.—Устройство плавучаго моста для сообщенія Сѣверной части города съ Южною.—Осада и оборона по 4-ое августа.

„Позвольте, Всемилостивѣйшій Государь,—писалъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ [1],—имѣть счастіе принести поздравленіе съ двумя событіями: съ оборотомъ дѣлъ въ Австріи и съ блистательно отбитымъ штурмомъ 6-го іюня.

„Геройское дѣло сіе не только покрыло славою нашъ храбрый

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 30-го іюня.

гарнизонъ, но имѣло для насъ несомнѣнную пользу, доказавъ хвастливымъ врагамъ, что девяти-мѣсячныя усилія ихъ остались тщетными. Что я не думалъ,—не могу постигнуть, что предпримутъ союзники послѣ столь жестокаго пораженія,—кажется, едва-ли они осмѣлятся предпринять что-либо важное. Къ несчастію, я бывалъ въ отбитыхъ штурмахъ и знаю, какое нравственное вліяніе производитъ неудача на солдата, на офицера и даже до генерала. Наша пѣхота первая въ свѣтѣ, но и она подвергается сему вліянію".

Вліяніе это на союзныя войска было огромно, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца дѣятельности ихъ почти не замѣчалось. Они строили новыя батареи, вели подступы, но какъ тѣ, такъ и другіе подвигались впередъ весьма медленно, и во всѣхъ дѣйствіяхъ непріятеля замѣтна была нѣкоторая нерѣшительность. Три недѣли, употребленныя союзниками на возведеніе девятнадцати новыхъ батарей и нѣсколькихъ траншей, при содѣйствіи арміи, имѣвшей подъ ружьемъ гораздо болѣе 150.000, нельзя считать особою дѣятельностью. Напротивъ, все это свидѣтельствовало объ истомленіи нравственномъ и физическомъ, о недостаткѣ энергіи. Отбитый штурмъ показалъ непріятелю, что русскія укрѣпленія сильны и гарнизонъ ихъ стоекъ; что на успѣхъ новаго штурма, безъ предварительной подготовки, разсчитывать нечего, а заставить обороняющагося очистить городъ, при помощи полевыхъ дѣйствій, для союзниковъ было дѣломъ невозможнымъ. Потеря многихъ генераловъ, свирѣпствовавшая въ рядахъ холера, отсутствіе перевозочныхъ средствъ, малое число кавалеріи и полевой артиллеріи,—это были такія причины, которыя не дозволяли англо-французамъ двинуться съ мѣста и разсчитывать на успѣхъ. Союзные главнокомандующіе понимали, что движеніе ихъ впередъ на одинъ переходъ не принесетъ никакой пользы для дѣла, а двинуться далѣе одного перехода было бы весьма опасно. Прикованные къ Севастополю, они рѣшились тянуть прежнюю лямку и продолжать осаду. Канонада прекратилась, и наши потери значительно уменьшились. Къ Севастополю подошли 7-я пѣхотная и 1-я бригада 15-й дивизіи; вторая же бригада этой послѣдней дивизіи была остановлена въ Симферополѣ [1]). Несмотря на то, что войска эти передвигались

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру, 15-го іюня 1855 г.

„суворовскими маршами“, они пришли въ полномъ составѣ, оставивъ на пути весьма мало больныхъ. Случаи холеры хотя и встрѣчались въ войскахъ Крымской арміи, но они были незначительны, и болѣзнь не имѣла эпидемическаго характера. Такое состояніе войскъ, прибытіе подкрѣпленій и наконецъ прекращеніе огня непріятелемъ успокоивало главнокомандующаго и, по мнѣнію его, могло дать благопріятнѣйшій оборотъ нашимъ дѣламъ.

— Не смѣю однако же,—говорилъ онъ,—увлекаться такою надеждою. Севастополь не крѣпость, а огромный, наскоро укрѣпленный лагерь, коего сила состоитъ единственно въ большомъ числѣ орудій, охраняющихъ подступы къ нему. Это дѣло безпримѣрное въ исторіи, что подобный лагерь держится болѣе восьми мѣсяцевъ. Вся бѣда въ томъ, что Севастополь не былъ заранѣе укрѣпленъ съ сухопутной стороны хотя хорошими полевыми отдѣльными верками.

Тѣ же укрѣпленія, которыя окружали городъ, были недостаточно прочны, и, при постепенно увеличивавшемся числѣ орудій, имѣли столь узкіе мерлоны, что не могли выдержать продолжительной канонады. Князь Горчаковъ особенно опасался, чтобы союзники не прибѣгли къ этой мѣрѣ, хотя изъ общаго хода дѣлъ и положенія непріятеля бомбардированіе должно было быть естественнымъ результатомъ дѣятельности осаждающаго. Безъ бомбардированія союзники не могли овладѣть Севастонолемъ и самый штурмъ былъ для нихъ невозможенъ. Вопросъ сводился къ тому, какъ скоро непріятель предприметъ рѣшительныя дѣйствія и дастъ ли онъ намъ время и возможность исправить укрѣпленія, усилить артиллерійскую оборону и дождаться прибытія 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе наше значительно бы улучшилось, и главнокомандующій мечталъ даже о возможности тогда наступательныхъ дѣйствій.

— Если дѣло протянется,—говорилъ онъ,—до сближенія сюда ополченія, 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, тогда перевѣсъ будетъ на нашей сторонѣ и можно будетъ помышлять о совокупномъ наступательномъ дѣйствіи: со стороны Черной и со стороны Севастополя, отъ Корниловскаго бастіона. Дѣло будетъ трудное, потому что укрѣпленія непріятеля весьма сильны и позиція почти неприступная, но полагая даже неудачу—бѣды не будетъ. Понесенный нами уронъ не доведетъ насъ

до крайности; непріятель съ своей стороны потерпитъ большую потерю, и дѣйствія его противъ Севастополя ослабятся, а съ наступленіемъ осени онъ отплыветъ отсюда; другой зимы онъ не рѣшится здѣсь провести.

Полученное въ главной квартирѣ извѣстіе объ отправленіи въ Крымъ изъ Франціи 40.000 человѣкъ и появленіе въ Камышевой бухтѣ 150 купеческихъ судовъ съ боевыми припасами разстроило нѣсколько виды главнокомандующаго.

— Кажется,—говорилъ онъ,—дѣло сближается къ развязкѣ. Я Севастополя не оставлю безъ крайней и неотъемлемой необходимости, но положеніе наше въ высшей степени трудно—въ этомъ нечего себя обманывать. Видно, что непріятель готовитъ новое огромное бомбардированіе, дабы послѣ него пуститься на новый штурмъ, и если у него хоть искра ума, то онъ предприметъ, вмѣстѣ съ бомбардированіемъ, какое-либо движеніе на мои сообщенія.

Не имѣя хорошихъ лазутчиковъ и точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, князь Горчаковъ все время былъ въ нѣкоторомъ заблужденіи относительно средствъ противника. Онъ чистосердечно вѣрилъ, что союзники не только могутъ зайти ему въ тылъ, но и имѣютъ достаточно способовъ для открытія и поддержанія полевыхъ дѣйствій внутри полуострова. Разновременное появленіе незначительныхъ отрядовъ непріятеля въ Байдарской долинѣ и оттѣсненіе нашихъ аванпостовъ заботило главнокомандующаго. Опасаясь диверсіи въ этомъ направленіи, онъ поручилъ генералъ-адъютанту Реаду, для укрѣпленія позиціи у Юхары-Каралеза, устроить эполементы для нѣсколькихъ орудій, которые могли бы обстрѣливать долину Хаджи-Сала и лѣвую сторону косогора Магутскаго хребта; устроить точно такіе же эполементы передъ самымъ Юхары-Каралезомъ, для обстрѣливанія тѣснины, лежавшей непосредственно передъ мѣстечкомъ, какъ такого мѣста, въ которомъ всего удобнѣе было окончательно защищаться [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій призналъ необходимымъ ускорить движеніе и направить прямо къ Севастополю 4-ю и 5-ю пѣхотныя дивизіи, 2-й стрѣлковый, 2-й саперный батальонъ и дружины Курскаго ополченія. Послѣднихъ

[1]) Предписаніе Реаду отъ 17-го іюня № 1891.

онъ предполагалъ распредѣлить по полкамъ, которые будутъ болѣе другихъ въ томъ нуждаться, назначить часть ополченцевъ для замѣщенія артиллерійской и госпитальной прислуги, для которой, за недостаткомъ нестроевыхъ, употреблялись строевые нижніе чины [1]).

Видя упорство и желаніе союзныхъ правительствъ, для достиженія успѣховъ въ Крыму, довести свои силы до возможно большей цифры, князь Горчаковъ, лишь только узналъ о посылкѣ подкрѣпленій изъ Франціи—тотчасъ же просилъ о направленіи къ Балтѣ и Ольвіополю 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, съ тѣмъ чтобы войска эти въ случаѣ нужды могли быть безотлагательно двинуты въ Крымъ [2]).

Эта послѣдняя просьба была предупреждена Государемъ. Какъ только изъ Вѣны получено было достовѣрное извѣстіе, что австрійское правительство, отказавшись отъ намѣренія присоединиться къ западнымъ державамъ, расформировываетъ свою армію, Императоръ тотчасъ же приказалъ двинуть на Югъ войска гренадерскаго корпуса.

„Изъ писемъ вашихъ, любезный князь,—писалъ Государь [3])—усмотрѣлъ я съ удовольствіемъ, что, несмотря на всю трудность вашего положенія, вы болѣе уже не помышляете объ оставленіи Севастополя.

„Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о вѣроятномъ возобновленіи сильнаго бомбардированія. По заграничнымъ свѣдѣніямъ, оно должно было снова начаться 28-го іюня, но мы съ 25-го вечера ничего отъ васъ не получили.

„Надѣюсь на милость Божію, что геройскій гарнизонъ Севастополя выдержитъ и это новое испытаніе съ тою же неслыханною стойкостію, которою онъ себя уже обезсмертилъ.

„По берлинскимъ извѣстіямъ, отправленіе новыхъ французскихъ подкрѣпленій должно было начаться 29-го іюня (11-го іюля); слѣдовательно, прежде четырехъ недѣль нельзя ожидать появленія ихъ въ Крыму. Къ этому времени и наши 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи будутъ у васъ подъ рукою, но я бы весьма желалъ, чтобы сколь возможно вы не дробили ихъ, а держали ихъ вмѣстѣ въ видѣ резерва, для нанесенія

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру отъ 18-го іюня № 1917.

[2]) Всеподдан. письмо Горчакова отъ 24-го іюня.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го іюля 1855 г.

рѣшительнаго удара, или, въ случаѣ неудачи подъ Севастополемъ, для принятія непріятеля въ чистомъ полѣ.

„На счетъ гренадерскаго корпуса я предугадалъ желаніе ваше, ибо приказаніе было уже дано отъ меня для начатія движенія на новыя квартиры около Балты и Ольвіополя 10-го іюля, дабы дать ему хотя нѣсколько недѣль отдыха, послѣ столь продолжительнаго похода, во время котораго онъ къ несчастію значительно пострадалъ отъ холеры“.

Сдѣлавъ все, что было возможно для усиленія облегченія Крымской арміи, въ Петербургѣ надѣялись и въ правѣ были ожидать, что князь Горчаковъ, пользуясь бездѣятельностію непріятеля, въ непродолжительномъ времени перейдетъ въ наступленіе, но нерѣшительность князя была причиною, что дѣло это не подвигалось впередъ. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ князь Михаилъ Дмитріевичъ не имѣлъ твердости довести начатое дѣло до конца. Придавая часто большое значеніе мелочнымъ и неважнымъ извѣстіямъ, онъ поминутно измѣнялъ свои предположенія и не рѣшался привести ихъ въ исполненіе. Совѣтуя другимъ брать больше на себя, быть рѣшительными и не падать духомъ, князь Горчаковъ самъ терялся при первой неудачѣ и даже при однихъ слухахъ неблагопріятныхъ для задуманнаго имъ предпріятія. Какъ бы сомнительны ни были эти слухи, князь Михаилъ Дмитріевичъ колебался уже въ своихъ распоряженіяхъ и только при постороннемъ вліяніи, которому поддавался весьма легко, при энергическомъ настаиваніи, онъ въ состояніи былъ разсѣять свои ложныя опасенія. Къ сожалѣнію, человѣкъ, легко подчиняющійся вліянію постороннихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ лишенъ самостоятельности, не имѣетъ опредѣленнаго направленія и характера дѣйствій. Весьма часто такія лица слѣдуютъ или болѣе рѣшительному настоянію, или послѣднему высказанному мнѣнію. Если въ теченіе іюня и половины іюля князь Горчаковъ покинулъ совершенно мысль объ оставленіи Севастополя и даже мечталъ о возможности наступательныхъ дѣйствій, то онъ обязанъ былъ тѣмъ генералъ-адъютанту барону Вревскому.

Прибывъ въ первомъ часу ночи, съ 15-го на 16-е іюня, въ главную квартиру Крымской арміи, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій тотчасъ же явился главнокомандующему и былъ принятъ имъ весьма ласково и, можно сказать, родственно. Пріѣздъ Вревскаго въ

Крымъ былъ предметомъ напряженнаго вниманія нашей арміи. Всѣ терялись въ догадкахъ, отыскивая причины неожиданнаго прибытія въ Главный штабъ генералъ-адъютанта. Одни говорили, что Вревскій присланъ разслѣдовать, почему въ арміи болѣе ртовъ, чѣмъ штыковъ, а другіе, что онъ привезъ планъ кампаніи. Какъ тѣ, такъ и другіе были правы только отчасти, но во всякомъ случаѣ пріѣздъ барона Вревскаго былъ событіемъ важнымъ для каждаго изъ защитниковъ. Помѣстивъ пріѣхавшаго въ собственной палаткѣ, раскинутой возлѣ домика, въ которомъ самъ жилъ, князь Горчаковъ предложилъ Вревскому, для лучшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, присутствовать при докладахъ и занятіяхъ его съ чинами Главнаго штаба. Знакомство это на первыхъ порахъ привело барона къ самымъ удовлетворительнымъ заключеніямъ, и, по личному его мнѣнію, положеніе дѣлъ подавало надежду на благопріятный исходъ [1]).

По собраннымъ свѣдѣніямъ къ 5-му іюля въ гарнизонѣ Севастополя находилось 50.787 человѣкъ пѣхоты и 4.121 человѣкъ моряковъ. Сверхъ того состояло на судахъ до 4.396 матросовъ и при орудіяхъ до 6.000 человѣкъ, отъ пѣхоты, и 9.092 человѣка отъ флота.

Такимъ образомъ всего въ Севастополѣ было.	74.396	человѣкъ.
На Сѣверной сторонѣ города находилось. . .	3.741	„
На Инкерманскихъ высотахъ	8.412	„
На Мекензіевой горѣ.	15.960	„
На позиціи при селеніи Біюкъ-Сюйрень . . .	1.797	„
На позиціи при селеніи Юхары-Каралесъ . .	4.187	„
На позиціи при селеніи Ташъ-басты	2.434	„
На позиціи при селеніи Зеленкіой.	983	„
Въ Керченскомъ отрядѣ	4.809	„
Въ Перекопскомъ „	8.911	„
Въ Геническомъ „	356	„
Въ вагенбургѣ, при селеніи Бакшай	480	„
Войска, не входящія въ составъ отрядовъ [2]) .	1.987	„
Итого	128.453	человѣка.

[1]) Письмо барона Вревскаго военному министру 18-го іюня 1855 г.

[2]) См. Приложеніе № 38-й.

„Эта цифра,—писалъ баронъ Вревскій,—опровергаетъ всѣ сомнѣнія въ возможности отстоять Севастополь, даже если бы новое бомбардированіе нанесло намъ значительную потерю въ людяхъ“.

Дальнѣйшее знакомство съ положеніемъ дѣлъ еще болѣе убѣждало его, что, при отсутствіи предпріимчивости непріятеля, нравственномъ пораженіи, нанесенномъ ему отбитіемъ штурма, было бы весьма полезно и возможно, дождавшись подкрѣпленій, перейти въ наступленіе. Считая своею обязанностію, если не склонять, то по крайней мѣрѣ поддержать князя Горчакова въ его намѣреніи, баронъ Вревскій старался представить ему всю необходимость и возможность наступательныхъ дѣйствій [1]).

— Я вижу,—говорилъ онъ,—выходъ изъ нашего положенія только въ нанесеніи безъ замедленія сильнаго удара непріятелю, но онъ долженъ быть направленъ и приведенъ въ исполненіе человѣкомъ съ энергіей.

Проводя большую часть вечеровъ съ глазу на глазъ съ главнокомандующимъ и играя съ нимъ въ шахматы, Вревскій имѣлъ случай убѣдить князя Горчакова въ справедливости своихъ идей и достигъ того, что въ половинѣ іюня было уже приказано приготовить матеріалы для возстановленія моста на р. Черной, вытребовано нѣсколько пантоновъ Бираго, и поручено командирамъ частей приготовить сколь можно болѣе ручныхъ перекидныхъ мостиковъ, для переправы черезъ водопроводный каналъ [2]). Самъ князь Горчаковъ казался горячо преданнымъ идеѣ наступленія и донесъ Императору, что если непріятель не предприметъ ничего рѣшительнаго, то намѣренъ двинуться въ его тылъ [3]). „Главный вопросъ,—писалъ онъ пять дней спустя [4]),—чьи подкрѣпленіи подоспѣютъ скорѣе. Съ послѣдующимъ курьеромъ я буду имѣть

---

[1]) Письмо барона Вревскаго военному министу отъ 24-го іюня 1855 г.

[2]) Къ 10-му іюля въ шестомъ корпусѣ было приготовлено 30-ть пѣшеходныхъ мостиковъ, изъ коихъ каждый могъ быть переносимъ четырьмя человѣками, и 5-ть мостиковъ для артиллеріи, при чемъ каждый могъ быть перевозимъ на двухъ артиллерійскихъ роспускахъ. Рапортъ Липранди кн. Горчакову 10-го іюля № 4882.

[3]) Во всеподдан. донесеніи отъ 29-го іюня 1855 г.

[4]) Всеподданнѣйшее донесеніе 5-го іюля.

счастіе представить Вашему Императорскому Величеству мысли мои на счетъ будущихъ дѣйствій во всѣхъ вѣроятнѣйшихъ предположеніяхъ“.

„Съ большимъ нетерпѣніемъ,—отвѣчалъ Государь [1]),—жду я слѣдующаго курьера вашего, любезный князь, съ которымъ, по письму вашему отъ 5-го іюля, вы обѣщаете прислать мысли ваши насчетъ будущихъ дѣйствій. Болѣе чѣмъ когда-либо *я убѣжденъ въ необходимости предпринять съ нашей стороны наступленіе* [2]), ибо иначе всѣ подкрѣпленія, вновь къ вамъ прибывающія, по примѣру прежнихъ, *будутъ частями поглощены Севастополемъ какъ бездонною бочкою.*

„По послѣднимъ заграничнымъ свѣдѣніямъ, общій штурмъ и атака флота съ моря должны быть возобновлены въ *началѣ августа* новаго стиля; поэтому желательно весьма, чтобы, съ приходомъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, вы немедля предприняли бы рѣшительныя дѣйствія. Они безъ значительной потери не обойдутся, но съ Божіею помощію могутъ также имѣть *важный результатъ* и поставить самихъ союзниковъ въ весьма затруднительное положеніе.

„Вотъ мои мысли, которыя, съ обычною моею откровенностью, вамъ передаю съ тѣмъ, чтобы вы привели ихъ въ исполненіе, *если сочтете это возможнымъ теперь же*, или позже, т. е. по приходѣ ополченія.

„Насчетъ же гренадерскаго корпуса, *я рѣшительно не согласенъ вводить его въ Крымъ*. Присутствіе его въ Южной арміи необходимо, *какъ единственнаго надежнаго резерва*, въ случаѣ покушеній со стороны Дуная, или неудачи въ Крыму“.

Такая неудача легко могла послѣдовать при энергичномъ дѣйствіи непріятеля, но, разстроенные нравственно и физически, союзники не признавали себя достаточно подготовленными и сильными, чтобы покуситься на новый штурмъ, или двинуться впередъ.

Вся дѣятельность атакующаго въ это время ограничивалась осадными работами, направленными преимущественно противъ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи. Будучи остановлены въ своемъ движеніи впередъ противъ Городской стороны, французы успѣли въ теченіе іюня

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 13-го іюля 1855 г.

[2]) Какъ эти, такъ и послѣдующія снова подчеркнуты въ подлинникѣ.

и іюля построить здѣсь четыре батареи: надъ Сарандинакиною балкою противъ четвертаго бастіона; за Карантинною бухтою, для дѣйствія по рейду; у Кладбища противъ шестаго бастіона и мортирную на Кладбищенской высотѣ, для стрѣльбы по пятому бастіону. Противъ Корабельной стороны непріятель хотя и медленно, но все-таки приближался своими подступами къ оборонительной линіи, уширялъ траншеи, устраивалъ плацдармы, усиливалъ артиллерію и приступилъ къ постройкѣ 21-й батареи, изъ коихъ 6 приходилось на долю англичанъ и 15 на долю французовъ.

Англичане заложили на Зеленой горѣ четыре батареи для дѣйствія по батареямъ на Пересыпи и по части укрѣпленій 2-го и 3-го отдѣленій оборонительной линіи. На Воронцовской высотѣ они строили двѣ батареи: противъ Малахова кургана и противъ третьяго бастіона.

Малаховъ курганъ составлялъ исходную точку, къ которой стремились всѣ усилія осаждающаго. Холмъ, на которомъ стоялъ Камчатскій люнетъ, былъ унизанъ французскими шестью батареями для дѣйствія противъ Малахова кургана и втораго бастіона, и на Киленъ-балочной высотѣ они насыпали три батареи: для дѣйствія по Сѣверной сторонѣ, по рейду и по первому бастіону. Окаймивъ своими траншеями всю Корабельную сторону, союзники сосредоточивали въ нихъ значительную артиллерію и подвозили въ большомъ количествѣ снаряды и штурмовые припасы: фашины, лѣстницы и доски [1]).

Въ этотъ промежутокъ времени, обороняющимся было сдѣлано весьма мало. Для дѣйствія по осаднымъ батареямъ лѣваго фланга атаки, было возведено на Городской сторонѣ двѣ батареи: впереди шестаго бастіона, съ цѣлью обстрѣливать осадныя батареи за Карантинною бухтою, и позади четвертаго бастіона, для обстрѣливанія англійскихъ батарей на Зеленой горѣ. На Корабельной же сторонѣ возводилась только одна батарея и прибавлено нѣсколько орудій, усиливавшихъ нашъ огонь на всемъ протяженіи отъ третьяго до перваго бастіоновъ [2]).

Столь ограниченная дѣятельность обороняющагося по внѣшней оборонѣ обусловливалась обстоятельствами, въ которыя была поставлена

---

[1]) Письмо барона Вревскаго военному министру, отъ 24-го іюня 1855 г.
[2]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, отд. II, 26—31.

тогда защита Севастополя. Авторъ „Обороны Севастополя“ говоритъ, что съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ раненъ, оборона города пала за недостаткомъ способныхъ руководителей и что „онъ только изрѣдка могъ заниматься выслушиваніемъ докладовъ и составленіемъ инструкцій, не входя однако же въ подробности дѣла“. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся суть бездѣятельности обороны. Желая сохранить за собою всѣ распоряженія, Тотлебенъ поручилъ завѣдываніе работами двумъ лицамъ, лишеннымъ всякой самостоятельности. Онъ связалъ ихъ по рукамъ и ногамъ своими инструкціями и обязательствомъ испрашивать разрѣшеніе на каждую вновь возводимую постройку. Пользуясь отъ раны сначала въ Севастополѣ, а потомъ на Бельбекѣ, Тотлебенъ не могъ, конечно, услѣдить за всѣми подробностями осады и дать своевременныхъ указаній. Осада шла быстрѣе, чѣмъ получались разрѣшенія, и разсказы участниковъ, ихъ дневники и записки свидѣтельствуютъ, что главнѣйшею причиною нашей медлительности было отсутствіе самостоятельности въ распоряженіяхъ. Полковники Геннерихъ и Гарднеръ принуждены были часто ѣздить на Бельбекъ, докладывать о ходѣ работъ двухъ противныхъ сторонъ и получали указанія, не вполнѣ соотвѣтствующія обстоятельствамъ, запоздалыя, а иногда и вовсе ихъ не получали, такъ какъ болѣзненное состояніе Тотлебена препятствовало ему заниматься дѣлами. Генералъ Тотлебенъ сдѣлалъ много для Севастополя, но на князѣ Горчаковѣ будетъ лежать упрекъ въ томъ, что онъ сохранилъ распоряженіе по оборонѣ въ рукахъ больнаго человѣка, находившагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города; что, поручая работы двумъ разнымъ лицамъ, онъ лишилъ ихъ самостоятельности и отвѣтственности. Съ этого періода оборона, не имѣвшая руководителя, шла вяло, бездѣятельно и вмѣсто того, чтобы усилить свое положеніе противопоставленіемъ непріятелю соразмѣрнаго числа артиллеріи, защитники болѣе всего заботились о внутренней оборонѣ. Съ этою цѣлью было приступлено къ углубленію и уширенію рвовъ впереди бастіоновъ, къ устройству нѣсколькихъ батарей и траверсовъ, для предохраненія людей отъ потери во время бомбардированія. Для усиленія картечнаго огня и обстрѣливанія внутренняго пространства укрѣпленій, на случай если бы непріятелю удалось ворваться на бастіоны, устроено нѣсколько траншей, съ приспособленіемъ для помѣщенія полевыхъ орудій [1]). Всѣ эти работы хотя и имѣли харак-

[1]) Письмо барона Вревскаго военному министру 24-го іюня.

теръ второстепенный и клонились только къ починкѣ и исправленію существовавшихъ укрѣпленій, тѣмъ не менѣе непріятель придавалъ имъ большое значеніе и удивлялся дѣятельности гарнизона.

„Русскіе дѣлаютъ чудеса,—писалъ одинъ изъ офицеровъ союзной арміи [1])—мы обязаны сознаться въ этомъ открыто и громко. Они работаютъ съ искусствомъ и быстротою, похожими на волшебство. Сильные жары не позволяютъ ни намъ, ни непріятелю много работать днемъ, но—можете принять это въ буквальномъ смыслѣ—не проходитъ почти ни одного утра, въ которое, глядя на Севастополь, мы не открыли бы новаго окопа или чего-нибудь подобнаго. Всего хуже для насъ, что эти новые верки очень часто имѣютъ вліяніе на наши работы и принуждаютъ насъ къ перемѣнамъ, отнимающимъ у насъ время. Поэтому не вѣрьте, когда вамъ назначаютъ для штурма то тотъ, то другой день; думаю, что даже наши вожди затруднились бы сказать о томъ что-нибудь опредѣлительное. Конечно, мы примемся за дѣло, какъ скоро позволятъ обстоятельства, но безъ сомнѣнія, не прежде, какъ успѣхъ будетъ обезпеченъ для насъ по возможности“.

Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, какихъ трудовъ и усилій стоила гарнизону оборона Севастополя, достаточно указать только на нѣкоторыя цифры. Не говоря уже о многочисленныхъ земляныхъ работахъ, о насыпкѣ сплошнаго и почти двойнаго вала, имѣвшаго протяженіе болѣе девяти верстъ, обороняющійся съ начала осады и по 14-е іюля поставилъ на батареяхъ 1.354 орудія, взятыхъ съ флота, и 877 орудій изъ арсенала. Съ 5-го октября 1854 года было израсходовано однимъ морскимъ вѣдомствомъ 569.728 снарядовъ, произведено съ оборонительной линіи 669.726 выстрѣловъ и сожжено 140.000 пудовъ пороха. Въ теченіе осады исправлено 1.210 лафетовъ и морскихъ станковъ и приготовлено вновь 179. Если къ этому числу приложить расходъ сухопутнаго вѣдомства, то цифра расхода сдѣлается почти баснословною [2]). Обороняющійся трудился надъ возведеніемъ нѣсколькихъ батарей, назначенныхъ для фланкированія укрѣпленій оборонительной линіи, надъ устройствомъ внутреннихъ обширныхъ ретраншаментовъ, и, наконецъ, въ концѣ іюня, приступилъ къ устройству и

[1]) «Русскій Инвалидъ», 1855 г., № 173.

[2]) Изъ письма генерала Крыжановскаго Безаку отъ 14-го іюля.

наведенію черезъ главную бухту плавучаго моста, необходимаго какъ для свободнаго движенія войскъ, такъ и для доставленія различнаго рода матеріаловъ.

Недостатокъ удобнаго сообщенія черезъ Большой рейдъ былъ слишкомъ чувствителенъ для обороняющагося. Всѣ главные склады находились на Сѣверной сторонѣ, а между тѣмъ эта часть города сообщалась съ Южною только при помощи пароходовъ, баржъ, дубовъ и гребныхъ судовъ. Пока осаждающій былъ удаленъ отъ оборонительной линіи и въ быстрой помощи гарнизону не представлялось особенной надобности, до тѣхъ поръ можно еще было довольствоваться такимъ медленнымъ и сложнымъ способомъ сообщенія, но, съ приближеніемъ непріятеля и при ежеминутномъ ожиданіи штурма, потребность въ мостѣ дѣлалась настоятельно необходимою.

Мысль объ устройствѣ моста принадлежитъ начальнику инженеровъ Крымской арміи генералъ-лейтенанту Бухмейеру, встрѣтившему въ началѣ довольно сильную оппозицію. Большинство полагало, что устроить столь длинный мостъ черезъ бухту, гдѣ часто бываетъ довольно сильное волненіе, положительно не возможно, но Бухмейеръ доказалъ, что устройство такого моста не представляетъ техническихъ затрудненій, а на случай волненія его можно разводить. 23-го іюня проектъ моста былъ утвержденъ главнокомандующимъ, а 26-го числа было уже приступлено къ закупкѣ лѣсныхъ матеріаловъ въ Херсонѣ, селеніи Каховкѣ и въ другихъ ближайшихъ складахъ.

Мѣсто для постройки моста было избрано между Михайловскою и Николаевскою батареями. Оно, по словамъ генерала Бухмейера [1]), „опредѣлялось какъ самымъ очертаніемъ береговъ рейда, такъ и тѣмъ, что было равно удалено отъ непріятельскихъ батарей у Киленъ-балки и у Карантинной бухты и прикрывалось городомъ, отъ батарей на Зеленой горѣ. Ширина рейда въ этомъ мѣстѣ простирается до 450 саженъ, а глубина не превышаетъ 14 саженъ“.

Это былъ самый большой мостъ, когда-либо наводимый для переправы войскъ въ военное время. Составленный изъ 86-ти плотовъ, онъ легко могъ быть разведенъ и притянутъ къ берегу. Оконченный только

---

[1]) «Инженерный Журналъ» 1857 г. № 2.

14-го августа и стоившій намъ 48.809 руб. 80 коп., мостъ служилъ, хотя и не долго, прекраснымъ сообщеніемъ между двумя частями города: Сѣверною и Южною. Устройствомъ его генералъ Бухмейеръ оказалъ неоцѣненную заслугу арміи и далъ ей средство совершить впослѣдствіи блестящее отступленіе въ глазахъ сильнаго непріятеля, все ближе и ближе подходившаго къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Въ теченіе всего іюня мѣсяца непріятельская артиллерія дѣйствовала слабѣе предъидущихъ дней, и только 27-го числа была возобновлена очень сильная канонада, причинившая намъ значительную потерю. На слѣдующій день канонада прекратилась; непріятель ослабилъ нѣсколько артиллерійскій огонь, но за то усилилъ штуцерной. Въ продолженіе іюня и іюля мѣсяцевъ обѣ стороны поддерживали самый частый ружейный огонь и расходовали ежедневно не менѣе 15.000 патроновъ съ каждой стороны. По большей части союзники днемъ обстрѣливали тѣ изъ нашихъ батарей, противъ которыхъ хотѣли ночью подвинуться впередъ своими подступами. „Чтобы успѣшнѣе направлять огонь противъ нашихъ войскъ и рабочихъ, непріятель устроилъ оптическіе сигналы на судахъ, стоявшихъ у входа на рейдъ. Съ палубы и съ марсовъ этихъ судовъ можно было ясно различать движенія и сборы нашихъ войскъ въ городѣ и въ тылу укрѣпленій Корабельной стороны. Объ этомъ тотчасъ давалось знать осаднымъ батареямъ“ [1]).

Не ограничиваясь стрѣльбою по войскамъ и батареямъ оборонительной линіи, непріятель стрѣлялъ по городу, бухтѣ и пускалъ ракеты противъ лагерей войскъ, расположенныхъ на Сѣверной сторонѣ и на Инкерманскихъ высотахъ. Дѣйствіемъ непріятельской артиллеріи было повреждено нѣсколько судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, подбито нѣсколько орудій, взорвано два пороховыхъ погреба, произведено нѣсколько пожаровъ въ городѣ и разбитъ куполъ Михайловскаго собора, во время происходившей въ немъ службы.

Въ замѣнъ этого обороняющійся частыми вылазками и мѣткимъ огнемъ артиллеріи производилъ взрывы пороховыхъ погребовъ, значительныя разрушенія въ непріятельскихъ траншеяхъ и не рѣдко на нѣсколько дней останавливалъ работы. Командиры сосѣднихъ батарей

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, отд. II, 36.

сговорились между собою обстрѣливать и разрушать сообща сначала одну непріятельскую батарею, потомъ другую и т. д. [1]). Такой способъ дѣйствій приносилъ хорошіе результаты и то, что союзники успѣвали возвести въ теченіе ночи, было часто до основанія разрушаемо нами въ теченіе дня. Огонь нашихъ батарей въ это время былъ, по числу выпускаемыхъ выстрѣловъ, значительно сильнѣе непріятельскаго. Въ теченіе дня наши батареи выпускали до $5^1|_2$ тысячъ снарядовъ, тогда какъ союзники производили отъ 1.000 до 1.500 выстрѣловъ.

„Вообще до сего времени,—писалъ генералъ Пихельштейнъ [2]),—несмотря на стѣсненное наше положеніе въ отношеніи припасовъ, ни въ чемъ не было ни одного отказа. Несмотря на баснословный расходъ припасовъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, ежедневныя требованія удовлетворяемы были безъ малѣйшей задержки“.

Усиленный огонь нашихъ батарей и каменистый грунтъ представляли огромныя препятствія для работъ непріятеля. Французы, при всей своей дѣятельности, въ теченіе сутокъ могли подвигаться впередъ не болѣе, какъ на $1^1|_2$ или $2^1|_2$ сажени. Сознавая всю безуспѣшность работъ, они рѣшились пріостановить свое движеніе впередъ до тѣхъ поръ, пока будутъ окончены возводимыя ими батареи и представится возможность огнемъ ихъ сбить нашу артиллерію. Это было для нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что наша артиллерія, при содѣйствіи ежедневныхъ вылазокъ, наносила имъ значительную потерю въ людяхъ.

Вылазки предпринимались съ двоякою цѣлью и сообразно съ этимъ носили названіе *большихъ* и *малыхъ*. Малыя назначались для воспрепятствованія непріятелю производить новыя работы; большія,—чтобы разорить тѣ непріятельскія сооруженія, которыя, по какимъ-либо обстоятельствамъ, можно было испортить, не подвергаясь большимъ потерямъ.

Вылазки перваго рода прозводились по нѣскольку разъ въ одну и ту же ночь. Непріятель былъ такъ близко отъ насъ, что при первомъ извѣстіи о вылазкѣ уходилъ въ заднія траншеи. Подползая къ рабочимъ, наши охотники принуждали ихъ оставлять работы и терять иногда цѣлую ночь, въ особенности когда вылазки возобновлялись два раза.

---

[1]) Воспоминанія фонъ Драхенфельса. Сборн. рукоп., т. III, 48.

[2]) Въ письмѣ Безаку отъ 10-го іюня 1855 г.

При большихъ вылазкахъ собирались болѣе значительные самостоятельные отряды, и тогда наши охотники врывались въ непріятельскія траншеи, срывали ихъ, разбрасывали туры, захватывали съ собою мѣшки, ружья, инструменты и, отступая, подводили преслѣдующаго ихъ непріятеля подъ картечный огонь нашихъ батарей.

Какъ при большихъ, такъ при малыхъ вылазкахъ соблюденіе порядка и хладнокровія было конечно вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ успѣхѣ. Главнокомандующій просилъ поэтому начальника гарнизона обратить вниманіе, „чтобы офицеры, командующіе вылазками, предварительно знали цѣль и предѣлъ, гдѣ вылазка должна остановиться; чтобы люди по сигналу отступленія отходили въ порядкѣ и чтобы никто изъ нихъ не увлекался желаніемъ принести какіе-либо ничтожные трофеи: туры, фашины, лопаты и т. п. Все это не стоитъ потери одного храбраго“ [1]).

Подобное вторженіе нашихъ охотниковъ заставляло союзниковъ быть всегда насторожѣ, содержать въ своихъ траншеяхъ значительные караулы, а иногда придвигать резервы. Случалось и такъ, что наши секреты вдругъ нападутъ на непріятельскіе и тѣмъ вызовутъ тревогу по всѣмъ траншеямъ. Союзники, предполагая значительную вылазку, придвинутъ резервы, откроютъ сильный ружейный огонь, а съ нашихъ батарей, по направленію этого огня, осыпятъ траншеи картечью. Особую услугу въ этомъ отношеніи оказывали пластуны, умѣвшіе выслѣдить непріятеля. У нихъ существуетъ поговорка: „гдѣ сухо—тамъ брюхомъ, гдѣ мокро,—тамъ на колѣнкахъ“. Придерживаясь этой поговорки, пластуны такъ тихо подползали къ непріятелю, что рѣдко когда были имъ замѣчаемы. Высмотрѣвъ мѣста, гдѣ работалъ непріятель, пластуны возвращались на оборонительную линію и показывали мѣсто, куда слѣдуетъ стрѣлять. Привычный глазъ ихъ рѣдко ошибался даже и въ темнотѣ южной ночи. „Я имъ слѣпо вѣрилъ,—пишетъ командиръ одной изъ батарей [2]),—и, стрѣляя картечью, я почти каждый разъ слышалъ, какъ она ударяла въ туры и желѣзныя лопаты, которыми работали французы“.

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова графу Сакену 23-го іюля № 2471.

[2]) Фонъ-Драхенфельсъ. Сборникъ рукописей, т. II, 49.

Въ теченіе іюля мѣсяца было произведено девять большихъ и малыхъ вылазокъ, весьма много содѣйствовавшихъ къ замедленію работъ атакующаго. Хотя при такихъ вылазкахъ наши отряды и несли нѣкоторыя потери, но, безпокоя противника, мы поддерживали превосходный военный духъ въ своихъ войскахъ. Вылазки всегда были и будутъ лучшимъ средствомъ къ уничтоженію замысловъ противника и къ приведенію въ исполненіе обороняющимся тѣхъ работъ, которыя онъ считалъ необходимыми.

Понятно однакоже, что ни вылазки, ни мѣткій артиллерійскій огонь не могли задержать совершенно непріятеля, и онъ съ каждымъ днемъ подходилъ ближе къ нашей оборонительной линіи, и все болѣе и болѣе усиливался новыми батареями. Къ началу августа французы подошли къ Малахову кургану на 55-ть саженъ и ко второму бастіону на 50 саженъ. Союзники успѣли построить нѣсколько новыхъ батарей, прибавить на вооруженіи 113 орудій, изъ которыхъ только 17 назначались для дѣйствія противъ Городской стороны, 23 для дѣйствія по рейду и Сѣверной сторонѣ, а всѣ остальныя направлены были противъ Корабельной стороны и преимущественно противъ Малахова кургана и 2-го бастіона.

Для противодѣйствія этому числу орудій, обороняющійся прибавилъ 40 новыхъ, и изъ нихъ только 14 орудій было поставлено на укрѣпленіяхъ Корабельной стороны. Отъ этого союзники пріобрѣли значительный перевѣсъ въ числѣ орудій, такъ что къ 5-му августа они могли открыть огонь изъ 638 орудій, тогда какъ защитники могли отвѣчать имъ только изъ 586 орудій. Не ограничиваясь этимъ численнымъ перевѣсомъ въ своемъ вооруженіи, атакующіе имѣли запасъ въ 250 орудій, для постановки которыхъ намѣрены были возвести новыя батареи и ожидали прибытія изъ Франціи и Англіи еще 400 большихъ мортиръ.

Имѣя на осадныхъ батареяхъ 205 мортиръ противъ 30-ти, стоявшихъ на укрѣпленіяхъ нашей оборонительной линіи, союзники обладали громаднымъ преимуществомъ въ навѣсномъ огнѣ, наносившимъ ужасный вредъ какъ людямъ, такъ и укрѣпленіямъ. Бывали случаи, когда одна бомба своимъ разрывомъ выводила изъ строя до 40 человѣкъ прислуги при орудіяхъ и стоявшаго вблизи прикрытія. Непріятель не жалѣлъ бомбъ, хорошо зная, что каждая бомба, падав-

шая въ наши укрѣпленія или городъ, причиняла много зла. Желая забросать Севастополь чугуномъ, союзники собрали баснословное количество снарядовъ на своихъ батареяхъ, и съ оборонительной линіи простымъ глазомъ можно было видѣть кучи ядеръ и бомбъ. У насъ же, напротивъ того, по причинѣ дурныхъ путей сообщеній, чувствовался въ нихъ постоянный недостатокъ. Правда, къ началу августа было доставлено въ Севастополь 40 тысячъ пудовъ пороха и 100.000 снарядовъ, но распредѣленіе доставляемыхъ снарядовъ по орудіямъ было сдѣлано не равномѣрно, такъ что нѣкоторыя орудія, какъ, напримѣръ, 2-хъ пудовыя мортиры, не имѣли вовсе снарядовъ и принуждены были молчать. У французовъ и англичанъ было заготовлено отъ 350—450 зарядовъ на каждое орудіе, тогда какъ у насъ число это не превышало 210, а были орудія (мортиры), которыя имѣли по 60 зарядовъ. Взаимное положеніе атакующаго и защищающагося ясно указывало на затруднительное положеніе Севастополя: непріятель былъ только въ 55-ти саженяхъ отъ Малахова кургана— главнаго пункта атаки; онъ обладалъ значительнымъ превосходствомъ въ численности войскъ и въ запасахъ артиллеріи. При такихъ средствахъ ему не стоило особаго труда сбить артиллерію съ батарей оборонительной линіи и затѣмъ штурмовать городъ.

Къ концу іюля Севастополь представлялъ грустный и тяжелый видъ. Улицы запружены были снарядами и ихъ осколками; земля взрыта бомбами, дома разрушены. Въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ и зданіяхъ шныряли пули, будто отыскивая виноватаго. Никому не было ни покоя, ни пощады, и остряки сравнивали городъ и его защитниковъ съ бревномъ, постепенно подвигаемымъ въ печь, по мѣрѣ того какъ сгоралъ одинъ изъ его концовъ. Положеніе гарнизона было тяжко и почти невыносимо. „Непріятель нашъ, — писалъ генералъ Н. А. Крыжановскій [1]),—все подвигается ближе и ближе. Почти на всей линіи траншеи его доходятъ до 80 саженъ отъ нашихъ верковъ; во многихъ мѣстахъ устроены имъ плацдармы для сбора войскъ; повидимому, онъ готовится къ новому штурму и ждетъ только прихода новыхъ силъ.

„Близость непріятеля и постоянная перестрѣлка влекутъ за собою

[1]) Въ письмѣ генералу А. П. Безаку отъ 14-го іюля 1855 г.

конечно большія потери. Въ Севастополѣ и на бухтѣ нѣтъ уже точки, на которую не падали бы непріятельскіе снаряды; по самымъ отдаленнымъ отъ бастіоновъ улицамъ города нельзя уже иначе ходить, какъ съ аккомпаниментомъ бомбъ, ядеръ и даже пуль. Легко изъяснить себѣ можно, почему ежедневная убыль въ людяхъ такъ велика. Продолжать подобнаго рода состояніе довольно трудно; невольно желаешь, такъ или иначе, окончить его, и по славянскому обычаю—или палъ или пропалъ—готовъ сдѣлать coup de tête, подобный сдѣланному Пелисье 6-го іюня, и полѣзть на Сапунъ-гору, которая гораздо болѣе похожа на крѣпость, чѣмъ нашъ Севастополь. Можетъ быть, это и безразсудно, но, признаюсь, вся армія желаетъ этого безразсудства, потому что отъ человѣческой натуры нельзя требовать невозможнаго“.

Севастополь видимо отживалъ послѣдніе дни и, чтобы отсрочить хотя на нѣсколько дней его паденіе, необходимо было принять рѣшительныя мѣры и отвлечь вниманіе противника отъ осажденнаго города. Такимъ отвлеченіемъ, съ нашей стороны, могли быть только одни наступательныя дѣйствія, и главнокомандующему оставалось рѣшить вопросъ, когда и въ какомъ направленіи они должны быть предприняты. Отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія этого вопроса зависѣла участь города и положеніе его храбрыхъ защитниковъ.

XLI.

Колебанія главнокомандующаго относительно пользы наступательнаго движенія съ нашей стороны.— Мѣры къ защитѣ Перекопа.—Обсужденіе вопроса о наступленіи.—Мнѣніе барона Вревскаго.—Численный составъ Крымской арміи.—Порученіе главнокомандующему созвать военный совѣтъ.— Рекогносцировка мѣстности и обозрѣніе расположенія непріятеля. — Результаты рекогносцировки.—Рескриптъ Императора.—Мнѣніе военнаго совѣта.—Рѣшеніе главнокомандующаго.

Съ половины іюня въ Петербургѣ считали наступленіе съ нашей стороны дѣломъ рѣшеннымъ, и, основываясь на заявленіи главнокомандующаго, не сомнѣвались въ томъ, что оно будетъ произведено со стороны р. Черной. „Вы знаете,—писалъ военный министръ барону Врев-

скому [1]),—насколько я раздѣляю ваше мнѣніе относительно того, какое дѣйствіе должна произвести на союзниковъ наша демонстрація со стороны р. Черной. Я полагаю, что движеніе противъ праваго ихъ фланга чрезвычайно полезно, и отъ этой операціи я ожидаю блестящихъ результатовъ. Но чтобы исполнить ее съ успѣхомъ, необходимо, по моему убѣжденію,—которое, полагаю, раздѣляете и вы,—имѣть во главѣ войскъ, назначенныхъ для экспедиціи, такого генерала, на энергію котораго можно вполнѣ положиться".

Желаніе князя Долгорукова поставить во главѣ человѣка энергичнаго было весьма естественно. Отъ успѣха наступательныхъ дѣйствій зависѣло спасеніе Севастополя и даже болѣе — исходъ всей кампаніи. Слѣдовательно, для исполненія этого предпріятія необходимо было выбрать достойнаго человѣка, а главное—время, наиболѣе удобное для нанесенія удара. Въ столицѣ съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдняго слова главнокомандующаго и обѣщанныхъ имъ подробностей о томъ, какъ и когда онъ выйдетъ изъ оборонительнаго положенія. Обѣщая съ прибытіемъ подкрѣпленій двинуться во флангъ и тылъ непріятелю, князь Горчаковъ въ началѣ іюля сталъ колебаться въ своихъ намѣреніяхъ. Доставленныя по телеграфу изъ Берлина извѣстія сначала о посылкѣ 40.000 человѣкъ въ подкрѣпленіе союзникамъ, а потомъ о намѣреніи французовъ высадиться у Перекопа и даже проникнуть въ Сивашъ озадачили князя Михаила Дмитріевича и парализовали всѣ его виды и намѣренія. Веселое настроеніе, въ которомъ находился князь Горчаковъ, съ тѣхъ поръ какъ задумалъ атаковать непріятеля, и вѣра въ лучшее будущее покинули его теперь окончательно. Сдѣлавшись мрачнымъ и сосредоточеннымъ, онъ сталъ высказывать сомнѣніе въ успѣхѣ наступательныхъ дѣйствій.

— Если союзникамъ,—говорилъ онъ,—отправлены значительныя подкрѣпленія, то едва-ли можно будетъ атаковать ихъ съ надеждою на успѣхъ даже и въ томъ случаѣ, когда армія наша будетъ усилена прибытіемъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій и Курскаго ополченія.

„Было бы просто сумасшествіемъ, — писалъ онъ военному министру [2]),—начать наступленіе противъ превосходнаго въ числѣ непрія-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го іюля 1855 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 18-го іюля 1855.

теля, главныя силы котораго занимають, сверхъ того, недоступныя позиціи. Первый день я бы двинулся впередъ; второй—я бы отбросилъ непріятельскій авангардъ и написалъ бы великолѣпную реляцію; третій день я былъ бы разбитъ, съ потерею отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ, а въ четвертый день Севастополь и значительная часть арміи были бы потеряны. Если бы я дѣйствовалъ иначе, Севастополь уже болѣе мѣсяца принадлежалъ бы непріятелю, и вашъ покорнѣйшій слуга былъ бы между Днѣпромъ и Перекопомъ".

Князь Горчаковъ не перемѣнилъ своего убѣжденія о безполезности наступленія даже и послѣ того, какъ получилъ изъ Петербурга нѣсколько телеграммъ съ извѣщеніемъ, что готовящіяся союзникамъ подкрѣпленія вовсе не такъ значительны и далеко не доходятъ до первоначально назначенной цифры; что въ Марсели посажено будетъ на суда не болѣе четырехъ полковъ; что затѣмъ могутъ быть отправлены еще подкрѣпленія, но далеко не въ томъ числѣ, какое просилъ Пелисье, и что слухи о намѣреніи французовъ высадиться у Перекопа считаются невѣроятными. Всѣ эти доводы казались главнокомандующему недостовѣрными, и онъ отвѣчалъ на нихъ или отрицаніемъ, или сомнѣніемъ. Онъ говорилъ, что хотя предъидущія извѣстія ему самому кажутся преувеличенными, но что въ послѣднихъ телеграммахъ военнаго министра численность посылаемыхъ непріятелю подкрѣпленій доведена уже до слишкомъ малой цифры [1]).

— Невозможно,—говорилъ князь Горчаковъ,—чтобы Луи Наполеонъ, послѣ всѣхъ своихъ усилій, назначилъ къ отправленію только отъ 8 до 12 батальоновъ. Мнѣ кажется всего вѣроятнѣе, что подкрѣпленія, которыя пришлютъ сюда, будутъ значительны.

Надѣясь получить въ скоромъ времени болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о числѣ посылаемыхъ войскъ на усиленіе союзныхъ армій, главнокомандующій откладывалъ наступленіе день за день, и никакіе доводы не въ состояніи были подвинуть его на рѣшительный шагъ. Ссылаясь на Вѣнскую военную газету, одобрявшую осторожное поведеніе нашего главнокомандующаго и его предусмотрительность, князь Михаилъ Дмитріевичъ, писалъ военному министру, что конечно статья, помѣщенная въ

---

[1]) Письмо кн. Горчакова военному министру отъ 5-го іюля 1855 г.

газетѣ не была писана подъ его диктовку, а между тѣмъ она отдаетъ ему полную справедливость въ умѣньѣ дѣйствовать.

„Я бы желалъ, любезный князь,—прибавлялъ онъ [1]), — чтобы вы убѣдились въ одной истинѣ, которую я считаю непреложною, а именно, что усвоенная мною система осторожности есть конечно наилучшая, которой можно было слѣдовать, и что полученные отъ того результаты доставили неисчислимую выгоду для Россіи.

„Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь во главѣ Крымской арміи, непріятель постоянно имѣлъ надо мною численное превосходство. Если бы я пытался атаковать его, я бы потерпѣлъ неизбѣжное пораженіе, и первымъ слѣдствіемъ неудачи была бы потеря Севастополя. Напротивъ, однимъ сохраненіемъ города, Россія вызвала настоящее разоруженіе Австріи и тѣмъ устранила отъ себя опасность, по крайней мѣрѣ до будущей весны, имѣть дѣло съ 200.000, а можетъ быть и съ 500.000 лишнихъ непріятельскихъ войскъ [2])“.

Отстаивая свое мнѣніе, князь Горчаковъ былъ въ это время, можно сказать, въ переходномъ состояніи, въ борьбѣ и противорѣчіи съ самимъ собою. Донося, что заливъ у Перекопа такъ мелководенъ, что высадка въ этомъ мѣстѣ значительныхъ силъ представляетъ весьма мало вѣроподобія, онъ въ то же время болѣе всего опасался, чтобы непріятель, высадившись у Перекопа, не прервалъ сообщеніе полуострова съ Имперіею и, чтобы устранить возможность такого случая, призналъ необходимымъ, не останавливая движенія къ Севастополю 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, поручить генералу-адъютанту Лидерсу охраненіе всего южнаго прибрежья Херсонской губерніи, включая сюда Николаевъ, Херсонъ и Кинбурнъ, а для защиты собственно Перекопа сформировалъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта особый отрядъ, изъ 7-ми батальоновъ 7-й резервной пѣхотной дивизіи, трехъ батальоновъ 17-й резервной дивизіи, 1-й бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи, сотни Уральскаго казачьяго № 2-го полка, 20-ти орудій 7-й резервной, 24-хъ орудій 15-й артиллерійскихъ бригадъ, 4-хъ орудій

---

[1]) Въ другомъ письмѣ отъ 5-го іюля 1855 г.

[2]) Письмо это напечатано въ «Русской Старинѣ» (1876 г. № 5), но конецъ его не вѣренъ.

пятой артиллерійской дивизіи и четырехъ орудій конно-легкой № 11-го батареи [1]).

Графу Анрепу приказано было охранять Перекопскій перешеекъ съ сѣвера только одною кавалеріею, а пѣхотнымъ частямъ, въ случаѣ появленія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, отступать внутрь полуострова, на соединеніе съ главными силами.

Полагая, что вмѣстѣ съ высадкою у Перекопа непріятель постарается проникнуть въ Сивашъ, перетащивъ суда волокомъ черезъ Арабатскую стрѣлку, князь Горчаковъ для лучшаго охраненія Чонгарскаго моста усилилъ Геническій отрядъ, подчинивъ его генералъ-лейтенанту Рыжову. Въ составъ этого отряда были назначены: одинъ батальонъ 7-й резервной дивизіи, одинъ батальонъ 17-й резервной бригады, маршевая сводно-кавалерійская бригада 3-й, 4-й и 5-й кавалерійскихъ дивизій, двѣ сотни донскаго казачьяго № 62-го (Зарубина) полка, команда Азовскихъ казаковъ, 2 легкихъ орудія 8-й и шесть батарейныхъ орудій 12-й артиллерійской бригады и 12 орудій конно-легкой № 12-го батареи.

Не считая и этихъ мѣръ вполнѣ достаточными, чтобы избавиться отъ того крайне затруднительнаго положенія, въ которое онъ могъ быть поставленъ дѣйствіями непріятеля въ тылу его арміи, князь Горчаковъ просилъ, чтобы 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи были немедленно направлены къ Перекопу. „Конечно,—писалъ онъ [2]),—крайне жаль вводить въ дѣло это отборное войско, но союзники устремляютъ на Крымъ всѣ свои силы, даже и гвардію“. По отправленію послѣдней на театръ дѣйствій и вообще по посылкѣ новыхъ и значительныхъ подкрѣпленій союзникамъ, главнокомандующій заключалъ, что судьба войны должна рѣшиться у Севастополя и что для успѣха въ отраженіи необходимо прежде всего здѣсь возстановить равновѣсіе въ силахъ нашихъ съ непріятельскими.

Равновѣсіе это, по мнѣнію князя Горчакова, не возстановлялось даже съ прибытіемъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій и Курскаго ополченія. Правда, что съ приходомъ этихъ войскъ силы наши получали значительное приращеніе, но все-таки были недостаточны для перехода въ рѣшительное наступленіе, особенно въ томъ случаѣ, если непріятель къ тому времени

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова генералу Лидерсу 7-го іюля № 2202.

[2]) Во всеподдан. донесеніи 11-го іюля 1855 г.

также получить подкрѣпленіе. При такихъ условіяхъ князь Михаилъ Дмитріевичъ считалъ болѣе благоразумнымъ *продолжать пассивную защиту Севастополя*, до прибытія остальныхъ ополченій, предназначенныхъ въ его распоряженіе, и гренадерскихъ дивизій, которыя онъ намѣренъ былъ также притянуть къ себѣ [1]).

Прибытіе въ Крымъ гренадеръ могло послѣдовать не ранѣе сентября мѣсяца, а между тѣмъ было почти невѣроятно, чтобы Севастополь въ состояніи былъ продержаться столь долгое время. Вотъ почему многіе не раздѣляли мнѣнія главнокомандующаго и порицали его образъ дѣйствій. Въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ противниковъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій. Онъ говорилъ, что новая высадка у Перекопа вовсе не опасна для Крымской арміи, что, имѣя уже внутри полуострова продовольствіе на пять мѣсяцевъ, для двухъ-сотъ-тысячной арміи, занятіе перешейка непріятелемъ нельзя считать рѣшительнымъ ударомъ, а тѣмъ болѣе въ виду двухъ гренадерскихъ дивизій и бо̀льшей части войскъ Южной арміи, находившейся подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса. Доказывая несостоятельность опасеній главнокомандующаго, Вревскій старался убѣдить его, что лучше настоящаго момента онъ не найдетъ другаго времени для атаки непріятеля.

— Съ 30.000 человѣкъ, находящихся на позиціи отъ Инкермана до Ташъ-басти,—говорилъ онъ, —съ 20.000 человѣкъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій и 15.000 Курскаго ополченія, мы будемъ имѣть армію въ 65.000 штыковъ, атака которой со стороны р. Черной можетъ быть поддержана вылазкою изъ Севастополя, по крайней мѣрѣ въ 30.000 человѣкъ. Обладая преимуществомъ въ кавалеріи и артиллеріи и наконецъ пользуясь моральнымъ превосходствомъ, послѣ отбитаго штурма, мы можемъ отважиться на многое.

— Несвоевременная атака,—отвѣчалъ князь Горчаковъ,—превосходныхъ силъ, прикрытыхъ укрѣпленіями, можетъ кончиться пораженіемъ и ускоритъ паденіе Севастополя. Оставаясь въ оборонительномъ положеніи, мы изнуряемъ противника, и есть вѣроятность, что онъ не рѣшится остаться здѣсь на другую зиму, и тогда Севастополь спасенъ.

— Въ такомъ случаѣ,—возражалъ Вревскій,—непріятель попы-

---

[1]) Письмо кн, Горчакова военному министру 11-го іюля 1855 г.

тается вторично штурмовать городъ. Въ ожиданіи же общаго штурма, мы должны подвергнуться усиленному бомбардированію, которое причинитъ намъ столь значительныя потери, что прибывающихъ подкрѣпленій едва достаточно будетъ, чтобы покрыть ихъ. Будетъ то же, что было съ тремя дивизіями, прибывшими съ вами, и тремя, пришедшими въ іюнѣ; онѣ пополнили только дефицитъ, но не дали намъ возможности перейти въ наступленіе. Съ другой стороны, мы должны покончить съ осадою и обороною до наступленія осени и дурной погоды. Если Севастополь не будетъ взятъ открытою силою, то мы все-таки будемъ ощущать недостатокъ въ дровахъ, сѣнѣ, а можетъ быть и въ боевыхъ припасахъ. Недостатокъ фуража заставилъ уже насъ выслать изъ полуострова часть полковыхъ лошадей; придется, быть можетъ, выслать еще и даже часть кавалеріи. Число больныхъ и потери постепенно увеличиваются, и армія можетъ придти въ совершенное разстройство. Уже теперь большая часть начальниковъ дивизій, бригадныхъ, полковыхъ и батальонныхъ командировъ или временно командуютъ частями, или только-что назначены. Матеріальная часть полковъ разбросана по разнымъ пунктамъ, а люди разсѣяны по госпиталямъ, на всемъ пространствѣ отъ Севастополя до военныхъ поселеній. Севастополь въ настоящую минуту — это бочка Данаидъ, поглощающая столько средствъ и въ то же время ступка, въ которой толкутъ нашихъ великолѣпныхъ солдатъ и каждый лишній часъ осады стоитъ намъ множества драгоцѣнныхъ жизней.

Оставаться въ такомъ положеніи до осени, по словамъ Вревскаго, значило бы понапрасну истощать собственныя силы, ибо Севастополь, даже безъ усиленнаго бомбардированія и не считая обыкновенной убыли отъ болѣзней, поглощаетъ ежедневно круглымъ числомъ до 250 человѣкъ. Изъ представленной имъ вѣдомости видно было, что въ теченіе девяти дней, съ 1-го по 9-го іюля, при довольно скромной дѣятельности союзниковъ, мы потеряли отъ однихъ непріятельскихъ выстрѣловъ 2.261-го человѣка, и слѣдовательно, оставаясь въ выжидательномъ положеніи, до конца ноября, мы могли потерять еще до 30.000 человѣкъ. Потеря эта конечно значительно превышала то число людей, которое могло выбыть изъ строя въ самомъ кровопролитномъ сраженіи. Къ этому надо прибавить, что убыль начальниковъ могла окончательно разстроить армію; остававшіеся на своихъ мѣстахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнемогали въ силахъ физическихъ и нравственныхъ; лица же, вновь

прибывающія, были неизвѣстны войскамъ и принуждены знакомиться съ мѣстностью и пріучаться къ порядкамъ, заведеннымъ при оборонѣ.

„Начальники гарнизона, — писалъ Вревскій [1]), — подаютъ собою примѣръ самоотверженія, бдительности и трудовъ, но постоянное напряженіе изнуряетъ силы уцѣлѣвшихъ отъ огня. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ранены Тотлебенъ и смертельно Нахимовъ, а Васильчиковъ, всегда храбрый, но изнуренный работою, принужденъ оставить строй. Что же будетъ, если Хрулевъ, Семякинъ, Урусовъ и Панфиловъ насъ покинутъ? Смерть угрожаетъ имъ ежеминутно, да наконецъ и физическимъ силамъ есть предѣлъ. Для замѣны ихъ найдутся другіе, такіе же храбрые и бдительные начальники, но они не будутъ такъ близки войскамъ и не будутъ знать всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Не пора ли положить конецъ этому ненормальному порядку вещей?“

Писавшій эти строки полагалъ съ своей стороны необходимымъ, *по прибытіи ожидаемыхъ подкрѣпленій, не отлагая далѣе, предпринять что-либо рѣшительное* и во что бы то ни стало выдти наконецъ изъ того тяжкаго положенія, которое гарнизонъ Севастополя выдерживаетъ уже болѣе десяти мѣсяцевъ. По мнѣнію его, чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе будетъ нанесенъ ударъ, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ его успѣхъ, такъ какъ союзники находились въ состояніи выгодномъ для насъ и невыгодномъ для нихъ.

— Сардинцы,—говорилъ Вревскій,—ослаблены холерою и склонны къ дезертированію, турокъ мы всегда били, англичане имѣютъ въ своихъ рядахъ болѣе конскриптовъ, чѣмъ старыхъ солдатъ, а французы въ послѣднихъ стычкахъ, и въ особенности при штурмѣ, лишились лучшихъ своихъ войскъ: зуавовъ, иностраннаго легіона, венсенскихъ стрѣлковъ и даже гвардіи.

День за днемъ проходило время; разговоры вертѣлись все на одной и той же темѣ, но не приводили ни къ какому результату. Главнокомандующій желалъ имѣть осязательныя данныя на успѣхъ, т. е. силы по крайней мѣрѣ равныя съ непріятельскими. Онъ не отвергалъ необходимости наступательныхъ дѣйствій, но и не зналъ, какъ достигнуть того, чтобы произвести ихъ съ успѣхомъ. „Я благоговѣю,—писалъ Вревскій,—

---

[1]) Военному министру 10-го іюля № 13.

предъ огромною отвѣтственностію, которая лежитъ на князѣ Горчаковѣ; часто мнѣ кажется, что онъ готовъ склониться къ наступательному образу дѣйствій, пламенно желаемому арміею и въ особенности гарнизономъ, и можетъ быть пошелъ бы съ меньшимъ колебаніемъ по этому пути славы и спасенія, если бы онъ былъ увѣренъ, что будетъ одобренъ Императоромъ.

„Итакъ — писалъ онъ въ другомъ письмѣ,—мы должны ожидать скорую бомбардировку, а въ ноябрѣ—отдаленной развязки. Въ промежуткѣ мы будемъ жить со дня на день, если съ Божіею помощью не будемъ выбиты ни изъ укрѣпленій, ни съ позицій. Но можемъ ли мы атаковать непріятеля съ приходомъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій? — вотъ, по моему мнѣнію, жизненный вопросъ.

„Мои убѣжденія должны преклониться передъ великою опытностію (главнокомандующаго), оживляемою горячею преданностію къ Императору и Россіи, но смѣю думать, что они были бы раздѣлены нѣкоторыми лучшими людьми нашей арміи, если бы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію въ военномъ совѣтѣ, подобномъ тому, какой былъ передъ штурмомъ Варшавы“.

Получивши такое заявленіе и вмѣстѣ съ нимъ письмо главнокомандующаго, военный министръ возбудилъ два вопроса: *слѣдуетъ ли* по желанію князя Горчакова *направить къ Перекопу обѣ гренадерскія дивизіи* и какой образъ дѣйствій предстоитъ избрать въ Крыму, т. е. *продолжать ли, какъ полагаетъ князь Горчаковъ, пассивную оборону Севастополя, стараясь только выиграть время, или*, согласно мнѣнію барона Вревскаго, *перейти въ наступленіе немедленно по прибытіи войскъ 2-го корпуса (4-й и 5-й дивизій) и курскихъ ополченій?*

Входя въ разсмотрѣніе перваго вопроса князь Долгоруковъ пришелъ къ заключенію о невозможности удовлетворить безотлагательно желанію князя Горчакова, относительно направленія въ Крымъ гренадерскихъ дивизій. Въ распоряженіи главнокомандующаго къ 15-му іюля находилось 152.772 человѣка пѣхоты и моряковъ, 24.512 человѣкъ кавалеріи и 12.230 человѣкъ артиллеріи [1]). Войска эти состояли изъ:

---

[1]) Свѣдѣніе о состояніи строевыхъ нижнихъ чиновъ къ 15-му іюля.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Число штыковъ.	Въ домашнемъ расходѣ.	Число строевыхъ нижнихъ чиновъ для инспекторскихъ смотровъ.
6-й пѣхотной дивизіи	7934	2293	10227
7-й " "	5947	1575	7522
8-й " "	5893	1736	7629
9-й " "	5586	2059	7645
10-й " "	6171	2038	8209
11-й " "	6778	2167	8945
12-й " "	7708	3203	10911
14-й " "	5747	2428	8175
16-й " "	5292	1612	6904
17-й " "	7322	2732	10054
7-й резервной пѣхотной дивизіи . .	7565	362	7927
Резервной бригады 13-й пѣхотной дивизіи	2813	1249	4062
6-го своднаго резервнаго батальона Волынскаго и Минскаго полковъ .	543	181	724
5-го и 6-го резервныхъ батальоновъ Подольскаго егерскаго полка . .	1433	224	1657
15-й резервной пѣхотной дивизіи .	5347	1817	7164
Резервнаго пѣхотнаго полка 17-й пѣхотной дивизіи	1119	1423	2542
Резервнаго егерскаго полка 17-й пѣхотной дивизіи	623	186	809
3-го, 4-го и 6-го стрѣлковыхъ батальоновъ	1368	162	1530
3-го, 4-го и 6-го саперныхъ батальоновъ	1804	261	2065
Черноморскихъ линейныхъ № 5-го и № 15-го батальоновъ	1553	30	1583
Черноморскаго резервнаго линейнаго батальона	658	49	707
Греческаго легіона Императора Николая I	663	4	667
Черноморскихъ пѣшихъ казачьихъ № 5-го, № 6-го и № 9-го батальоновъ	2273	47	2320
Таврическаго гарнизоннаго батальона.	698	15	713
Керченскаго внутренняго гарнизоннаго полубатальона	348	9	357

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Число штыковъ.	Въ домашнемъ расходѣ.	Число строевыхъ нижнихъ чиновъ для инспекторскихъ смотровъ.
Керченскаго полубатальона карантинной стражи	358	5	363
Балаклавскій греческій пѣхотный батальонъ	233	—	233
Военно рабочихъ инженернаго корпуса № 14-го и № 15-го ротъ . .	197	2	199
Государственнаго ополченія дружинъ Курской губерніи	16661	277	16928
Итого пѣхоты . .	110626	28146	138772
Моряковъ до	14000	—	14000
Кавалеріи.			
1-й драгунской дивизіи	3957	—	3957
1-й „ „	4073	—	4073
Резервной уланской дивизіи . . .	3604	—	3604
2-й бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи	2003	—	2003
1-го конно-піонернаго дивизіона . .	299	—	299
Донскихъ казачьихъ полковъ. . .	9152	—	9152
Уральскихъ казачьихъ № 1-го № 2-го полковъ	1387	—	1387
Л. Гв. Крымско-татарскаго эскадрона.	37	—	37
Итого кавалеріи. .	24512	—	24512
Артиллеріи . . .	12230	—	12230
Всего . . .	181368	28146	189514[1])

[1]) Значительная разница между списочнымъ числомъ и числомъ штыковъ происходила отъ необходимаго домашняго расхода, который въ каждой дивизіи среднимъ числомъ состоялъ изъ слѣдующаго числа нижнихъ чиновъ:

На Севастопольскихъ батареяхъ, для прислуги находилось отъ каждой дивизіи не менѣе 1200
При Севастопольской лабораторіи, для дѣланія патроновъ до . . 150
На Сѣверной сторонѣ, для обученія стрѣльбѣ изъ нарѣзныхъ ружей до . 230
При нестроевыхъ ротахъ, по недостатку нестроевыхъ 80

Изъ общаго итога видно, что силы, сосредоточенныя въ Крыму, были такъ значительны, что при недостаткѣ фуража, о которомъ нѣсколько разъ было заявлено самимъ главнокомандующимъ, предвидѣлась невозможность прокормить все состоявшее при войскахъ число скота и лошадей; съ прибытіемъ же гренадерскихъ дивизій, затрудненіе это неизбѣжно должно было еще болѣе увеличиться. Между тѣмъ по сдѣланному уже распоряженію гренадерскія войска служили резервомъ Южной арміи, которая, по чрезвычайно малому составу, не могла безъ такого подкрѣпленія охранять обширное пространство отъ устья Днѣпра до устья Дуная. Имѣя въ виду, что, на всемъ южномъ театрѣ войны, гренадеры составляли послѣдній надежный резервъ и что они могли прибыть въ Крымъ не ранѣе сентября, военный министръ полагалъ, что гренадеръ посылать въ Крымъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что оставаться въ бездѣйствіи до ихъ прибытія было бы для насъ крайне невыгодно. Но что же оставалось намъ дѣлать: продолжать ли только оборону Севастополя, или перейти въ наступленіе? Это были такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ издалека военный министръ считалъ совершенно невозможнымъ и говорилъ, что только лица, непосредственно участвующія въ дѣйствіяхъ и на самомъ мѣстѣ, могутъ основательно обсудить всѣ стороны этого сложнаго предмета. Отдавая полную дань уваженія высокимъ военнымъ качествамъ главнокомандующаго и понимая вполнѣ, какъ должно быть тяжко ему одному

Для присмотра за порціоннымъ скотомъ по	32
Для убоя скота по	28
Въ адмиралтейство и Сѣверное укрѣпленіе плотниковъ, портныхъ и сапожниковъ до	50
Цирульниковъ 2-го комплекта по.	64
Каптенармусовъ по	64
Артельщиковъ по	64
Кашеваровъ и хлѣбопековъ по.	256
При артельныхъ лошадяхъ по	64
При воловьихъ подводахъ по	40
Для пріема продуктовъ по	64
Слабыхъ по выздоровленіи по.	192
Хорныхъ музыкантовъ по	160
А всего въ дивизіи въ домашнемъ расходѣ	2738

нести всю отвѣтственность въ столь важномъ дѣлѣ [1]), князь Долгоруковъ пришелъ къ тому заключенію, что предложенный вопросъ — отъ рѣшенія котораго зависитъ не только результатъ всей кампаніи, но можетъ быть и будущность Европы—достоинъ быть предметомъ совѣщанія съ тѣми лицами, которыя, находясь уже на мѣстѣ, ознакомились съ положеніемъ дѣла и заслуживаютъ довѣріе главнокомандующаго [2]).

Удостоившись получить Высочайшее одобреніе своему мнѣнію, военный министръ на другой же день, вечеромъ, 19-го іюля, отправилъ флигель-адъютанта графа Строгонова съ письмомъ, въ которомъ объявилъ князю Горчакову Высочайшую волю, чтобы онъ немедленно собралъ подъ своимъ предсѣдательствомъ *военный совѣтъ для обсужденія и окончательнаго рѣшенія предложеннаго вопроса.*

„Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона, — писалъ въ то же время Императоръ князю Горчакову [3]),—все болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе *къ убѣжденію* [4]), выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, *въ необходимости предприняшь что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ*, могущей имѣть наконецъ пагубное вліяніе на духъ гарнизона.

„Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкоторымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ *военный совѣтъ*. Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсуженъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, *приступить къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ.*

„Опасенія ваши насчетъ высадки союзниковъ у Перекопа полагаю *преувеличенными*; въ худшемъ случаѣ, т. е. если бы имъ и удалось временно занять этотъ пунктъ и прервать мгновенно ваше сообщеніе съ Россіею, я считаю войска, находящіяся въ Крыму, по доставленнымъ вами свѣдѣніямъ, обезпеченными какъ по продовольственной, такъ и по

---

[1]) Письмо военнаго министра кн. Горчакову 19-го іюля № 101.

[2]) Высочайше одобренный докладъ военнаго министра отъ 18-го іюля.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го іюля.

[4]) Какъ эти, такъ и послѣдующія слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

артиллерійской части *на четыре мѣсяца.* Между тѣмъ гренадерскій корпусъ, по желанію вашему, будетъ придвинутъ къ Перекопу, дабы въ случаѣ нужды возстановить прерванное съ вами сообщеніе и служить во всякомъ случаѣ обезпеченіемъ вашихъ задовъ, но при этомъ повторяю, что я вамъ уже писалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, *что я никакъ не согласенъ на введеніе его дальше въ Крымъ*, ибо онъ составляетъ послѣдній надежный резервъ нашъ въ южномъ краѣ и при томъ могъ бы поспѣть на театръ главныхъ дѣйствій весьма поздно.

„Что же касается усиленія войскъ, въ Крыму находящихся, то кромѣ *17-ти дружинъ Курскаго ополченія*, туда уже слѣдующихъ, вы можете къ себѣ притянуть еще *61-ну дружину остальныхъ губерній, къ вамъ назначенныхъ*, и коихъ предполагалось временно расположить въ Херсонской и сѣверной части Таврической губерній. Но и онѣ не могутъ прибыть къ Перекопу прежде половины сентября. Кромѣ того изъ войскъ генералъ-адъютанта Лидерса къ вамъ будутъ отправлены маршевые батальоны въ числѣ 8.000 человѣкъ“.

Еще ранѣе полученія этого письма князь Горчаковъ самъ пришелъ къ заключенію, что наступленіе необходимо и, при всей видимой его невозможности, вызывается непреодолимою силою обстоятельствъ.

— Съ прибытіемъ моимъ сюда,—говорилъ кн. Михаилъ Дмитріевичъ,—я нашелъ непріятеля, значительно превышающаго численностію русскія войска. Подступы союзниковъ были уже въ 80 саженяхъ отъ четвертаго бастіона; позиція Сапунъ-горы, прикрывающая ихъ тылъ и по природѣ уже почти неприступная, была ими сильно укрѣплена. Хотя ко мнѣ въ два раза пришли значительныя подкрѣпленія, но не менѣе того, союзники не переставали быть постоянно въ превосходныхъ силахъ, частію, по причинѣ новыхъ подкрѣпленій, разновременно ими полученныхъ, частію, по причинѣ урона, нами постоянно претерпѣваемаго въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ непріятелемъ, что̀ весьма естественно потому, что мы испытали два сильнѣйшія бомбардированія и постоянно подвержены сосредоточенному, навѣсному и прицѣльному огню, тогда какъ наша стрѣльба есть разобщенная. Только въ день отбитія штурма, 6-го іюня, уронъ непріятеля былъ значительно болѣе нашего. Въ такомъ положеніи дѣлъ, я, по необходимости, долженъ былъ ограничиваться одними оборонительными дѣйствіями, особенно потому, что по неприступности позиціи

Сапунъ-горы, прикрывающей тылъ непріятеля, — атака противъ нея можетъ имѣть успѣхъ только при *весьма значительномъ превосходствѣ*. Оборонительная система, которой мы слѣдовали, принесла большую пользу. Благодаря стойкости русскаго войска и ошибочнымъ дѣйствіямъ непріятеля, намъ удалось удержаться до нынѣ въ Севастополѣ. Пади этотъ городъ два мѣсяца тому назадъ—что неминуемо послѣдовало бы при иной системѣ дѣйствій,—Австрія вѣроятно пристала бы къ союзникамъ, частію отъ боязни, частію въ надеждѣ округлиться насчетъ Россіи. Теперь же, когда значительная часть австрійской арміи распущена, опасность эта миновала, и Россія, по крайней мѣрѣ до будущаго года, имѣетъ противъ себя 200-ми, а можетъ быть и 500-ми тысячами менѣе непріятельскаго войска, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы не отстояли Севастополя. Но мы понесли при семъ весьма значительный уронъ, и, не взирая на всѣ усилія наши, непріятель подвелъ свои апроши весьма близко къ бастіонамъ № 1-го, № 2-го, № 3-го, № 4-го и № 5-го. Послѣдствіемъ подобнаго сближенія то, что въ скоромъ времени Севастополь вѣроятно не будетъ уже въ состояніи отразить хорошо поведеннаго штурма; а изъ сего проистекаетъ необходимость для насъ перейти къ наступленію, при первой возможности, не ожидая того времени, когда числительное превосходство будетъ на нашей сторонѣ, потому что сильнѣе непріятеля мы можемъ быть не прежде, какъ осенью, а Севастополь будетъ вѣроятно доведенъ до опасности быть взятымъ посредствомъ штурма не позже, какъ черезъ двѣ, или три недѣли. По этимъ уваженіямъ необходимо перейти къ наступленію, несмотря на невыгодныя условія, при которыхъ оно будетъ производиться.

По разсчету главнокомандующаго, союзники имѣли подъ Севастополемъ пѣхоты по меньшей мѣрѣ: французы 65.000 человѣкъ, англичане 20.000, сардинцы 10.000 и турки 10.000 человѣкъ, всего 105.000 человѣкъ.. Этому числу, по соображенію князю Горчакова, могли быть противопоставлены 81.000 человѣкъ [1]), находившихся въ Севастополѣ и его окрестностяхъ; всѣ же остальныя войска были разбиты на нѣсколько отрядовъ, назначенныхъ для охраненія Керченскаго полуострова, Геническа и Перекопа. Конечно, при такомъ неравенствѣ

---

[1]) Записка кн. Горчакова воен. министру отъ 14-го іюля.

силъ, прежде прихода къ Севастополю 4-й, 5-й пѣхотныхъ и 7-й резервной дивизій, не возможно было атаковать непріятеля.

— Это значило бы,—говорилъ князь Горчаковъ,—идти на явную неудачу, послѣдствіемъ коей была бы потеря Севастополя. Съ приходомъ же сихъ дивизій, я перейду къ наступленію, разсчитывая, что если непріятель и получитъ до 20.000 новаго подкрѣпленія, то все-таки превосходство его будетъ менѣе, чѣмъ теперь. При томъ приходъ нашихъ трехъ дивизій вѣренъ, а прибытіе непріятельскихъ 20.000 подлежитъ еще сомнѣнію.

Притянувъ къ себѣ находившіеся у Перекопа три полка 7-й резервной дивизіи и предполагая перейти въ наступленіе въ началѣ августа [1]), князь Горчаковъ нѣсколько разъ лично осматривалъ мѣстность и непріятельскую позицію. Съ крайнихъ уступовъ Мекензіевыхъ горъ, главнокомандующій, 19-го іюля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ, изучалъ очертаніе противоположныхъ возвышенностей и расположеніе союзныхъ войскъ [2]).

Впереди и внизу Мекензіевыхъ высотъ протекала р. Черная, почти вся находившаяся во власти непріятеля. Перекинутый черезъ рѣку мостъ, называемый Трактирнымъ, былъ прикрытъ укрѣпленіемъ и занятъ французами; лѣвѣе ихъ, по сю сторону рѣчки, на Телеграфной горѣ, стояли передовыя войска сардинцевъ.

Бо́льшая же и главная часть непріятельскихъ силъ находилась за р. Черной и занимала весьма сильную позицію. Она состояла изъ трехъ отдѣльныхъ возвышенностей, расположенныхъ почти въ одной линіи и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣваго берега Черной рѣчки. Лѣвѣе всѣхъ виднѣлась Гасфортова гора, въ срединѣ расположены были тремя вершинами Ѳедюхины высоты, передъ которыми протекаетъ глубокій водопроводный каналъ, наполненный водою, и, наконецъ, правѣе трудно доступные обрывы Сапунъ-горы [3]).

Всѣ три высоты отдѣлялись отъ Мекензіевыхъ горъ обширною боло-

---

[1]) Время это избрано потому, что хвостъ трехъ дивизій (4-й, 5-й и 7-й) прибывалъ къ Севастополю только 22-го іюля.

[2]) Письмо барона Вревскаго военному министру 21-го іюля.

[3]) См. прилагаемый планъ сраженія на р. Черной.

тистою долиною, въ 8 верстъ длиною, по которой протекала Черная рѣчка, представлявшая немало затрудненій при переправѣ въ виду и подъ огнемъ непріятеля, расположеннаго на противуположныхъ высотахъ. Къ тому же, не довольствуясь природною крѣпостью позиціи, союзники усилили ее различнаго рода укрѣпленіями и преградами. На Телеграфной и Гасфортовой горахъ они устроили нѣсколько батарей и эполементовъ; на Ѳедюхиныхъ высотахъ были расположены ложементы для стрѣлковъ, а вдоль наружнаго гребня Сапунъ-горы тянулся непрерывный рядъ укрѣпленій и ложементовъ, усиленныхъ сверхъ того, разными искусственными преградами.

На всемъ протяженіи этой мѣстности были раскинуты слѣдующія непріятельскія войска: лѣвѣе Гасфортовой горы стояло подъ начальствомъ Османа-паши 7-мь турецкихъ батальоновъ въ числѣ до 10.000 человѣкъ, съ 36-ю орудіями, на самой горѣ были расположены сардинцы въ числѣ двухъ дивизій (Дурандо и Троти), одной резервной бригады (Джустиніани) и четырехъ эскадроновъ кавалеріи. Войска эти состояли изъ 23-хъ батальоновъ, численностію въ 9.100 человѣкъ, съ 36-ю орудіями.

Правѣе сардинцевъ, между Гасфортовой горою и Ѳедюхиными высотами, стояло подъ начальствомъ генерала Марриса 30-ть эскадроновъ французской кавалеріи, имѣя позади себя въ селеніи Кадыкіой столько же эскадроновъ англійской кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Скарлета; общая численность англо-французской кавалеріи простиралась до 6.000 всадниковъ. Далѣе на Ѳедюхиныхъ высотахъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Гербильона, находилось двѣ дивизіи (Фоше и Каму) и одна бригада (Клера изъ дивизіи Гербильона), состоявшія изъ 32-хъ батальоновъ и 48 орудій. На Сапунъ-горѣ расположены были двѣ французскія дивизіи (Дюлака и д'Ореля) и первая бригада изъ дивизіи Гербильона. Общая численность французскихъ войскъ, назначенныхъ для непосредственной защиты передовой позиціи, простиралась до 17.858 человѣкъ.

Такимъ образомъ, при атакѣ этой позиціи непріятель могъ противупоставить намъ, не приближая резервовъ, болѣе 40.000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, съ 120 орудіями, изъ которыхъ многія были дальняго бросанія и значительныхъ размѣровъ. Съ присоединеніемъ же самыхъ

близкихъ резервовъ, союзники могли легко увеличить число войскъ до 60.000 человѣкъ [1]), усиленныхъ укрѣпленіями, различнаго рода преградами и трудно доступными высотами.

Между тѣмъ главнокомандующій въ Крыму, какъ увидимъ ниже, при всѣхъ усиліяхъ, могъ собрать для атаки только 47.622 человѣка. Атакующимъ приходилось, подъ огнемъ непріятеля, переправиться черезъ Черную рѣчку, пройти подъ выстрѣлами противника довольно значительное разстояніе до глубокаго канала, охватывающаго Ѳедюхины высоты, переправиться черезъ него подъ пулями, направленными почти въ упоръ, и потомъ лѣзть въ гору на штыки многочисленнаго врага. Взобравшись на горы и оттѣснивъ непріятеля, мы все-таки не могли остановиться на нихъ даже на 24 часа времени, по той причинѣ, что тамъ вовсе не было воды.

Всмотрѣвшись въ расположеніе непріятеля и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, которыя должны были сопровождать наступленіе, главнокомандующій пришелъ къ заключенію, что, при тѣхъ силахъ, которыми мы могли располагать, сбить непріятеля съ Сапунъ-горы не было никакой возможности, даже и при совокупномъ дѣйствіи со стороны рѣки Черной и изъ Севастополя, и что необходимо ограничиться попыткою оттѣснить непріятеля съ позиціи, занимаемой главными силами обсерваціонной арміи, т. е. овладѣть Ѳедюхиными высотами и Гасфортовою горою. Занятіе этихъ двухъ высотъ могло имѣть для насъ важныя послѣдствія: мы стѣсняли непріятеля, лишали его обильнаго водопоя, могли заставить очистить Байдарскую долину, въ которой онъ запасался дровами, пользовался подножнымъ кормомъ, и, наконецъ, находясь вблизи Сапунъ-горы, постоянно угрожали бы ему нападеніемъ. Союзникамъ трудно было бы тогда двинуть на штурмъ всѣ свои силы, при опасеніи быть атакованными въ тылъ. Но князь Горчаковъ не увлекался и не разсчитывалъ на такія блестящія послѣдствія. „Не должно, — писалъ онъ [2]),—обманывать себя. За успѣхъ и этой атаки ручаться невозможно. Хотя помянутая

---

[1]) Безъ особеннаго ослабленія осады французы могли направить на помощь обсерваціонному корпусу дивизію Дюлака (4.789 чел.), д'Ореля (5.776 чел.), Ламотружа (4.946 чел.) и даже гвардію (7.790 чел.), всего 23.301 чел. (Niel).

[2]) Во всеподданнѣйшей запискѣ о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ отъ 21-го іюля.

позиція непріятеля несравненно слабѣе позиціи Сапунъ-горы, однакоже она довольно сильна, и непріятель, если будетъ дѣйствовать благоразумно, противопоставитъ намъ на ней превосходное число войскъ".

Главнокомандующій находилъ, что атака, при тогдашнемъ взаимномъ положеніи воюющихъ сторонъ, была дѣломъ рискованнымъ настолько, что при неудачѣ могла повлечь за собою паденіе Севастополя, на успѣхъ же разсчитывать было почти невозможно.

— Сколь атаки отъ Черной и отъ Корниловскаго бастіона (Малахова кургана) ни опасны,—говорилъ онъ,—но не остается ничего другаго, какъ рѣшиться на нихъ, держась правила: изъ худаго выбрать менѣе вредное и болѣе совмѣстное съ достоинствомъ русскаго оружія. Переходя въ наступленіе, мы постараемся сдѣлать все, что возможно ожидать отъ войска, вынужденнаго, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ, къ неравному бою, противъ непріятеля, превосходнаго численностію и занимающаго сильныя позиціи.

Независимо отъ весьма затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась Крымская армія у Севастополя, главнокомандующаго все еще безпокоила высадка у Перекопа. Оставивъ тамъ десять дружинъ ополченія, онъ считалъ ихъ недостаточными для отраженія непріятеля въ значительныхъ силахъ и вновь просилъ придвинуть къ Перекопу 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи. Присутствіе ихъ у этого пункта онъ считалъ необходимымъ, во-первыхъ, какъ обезпеченіе своего тыла, а во-вторыхъ, чтобы при первой надобности имѣть возможность двинуть ихъ къ Севастополю.

Такая необходимость должна была представиться весьма скоро. Занятіе нами однѣхъ только Ѳедюхиныхъ и Гасфортовой высотъ не обезпечивало еще окончательно Севастополь отъ штурма и паденія. Это былъ лишь первый шагъ къ его спасенію. Только одновременнымъ занятіемъ Сапунъ-горы и редута Викторіи мы могли достигнуть положительнаго успѣха, возстановить утраченное сухопутное сообщеніе съ гарнизономъ и, взявъ во флангъ непріятельскія работы, противъ оборонительной линіи, стать въ положеніе преобладающее. Для достиженія такихъ результатовъ, очевидно, необходимо было новое усиленіе Крымской арміи. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, овладѣли ли бы мы Ѳедюхиными высотами, отбили ли бы штурмъ, или достигли бы какихъ-либо иныхъ благопріят-

...зультатовъ, Крымская армія должна была понести огромныя ... подкрѣпленіе ея двумя свѣжими дивизіями было необходимо: ... того дальнѣйшія наступательныя дѣйствія наши становились не-...можными.

„По долгу чести и вѣрноподданнической присяги,—присовокуплялъ ... Горчаковъ [1]), — я считаю обязанностію повергнуть всѣ вышеиз-...женныя соображенія къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. ... дерзаю просить безусловнаго разрѣшенія ввести 2-ю и 3-ю гре-...дерскія дивизіи далѣе окрестностей Перекопа; но смѣю доложить, что немедленный приводъ ихъ къ сему пункту можетъ возъимѣть самыя важныя послѣдствія, если мнѣ будетъ дозволено держать ихъ у этого пункта, для охраненія перешейка, и двинуть къ Севастополю въ томъ случаѣ, когда, по обстоятельствамъ, сближеніе ихъ сюда доставитъ возможность, съ бо́льшею вѣроятностію на успѣхъ, предпринять дѣйствія, послѣдствіемъ коихъ было бы снятіе осады Севастополя. Этимъ однимъ намъ можно надѣяться выйдти изъ крайне труднаго положенія, въ которомъ находимся столь долгое время, и кончить кампанію съ бо́льшею славою для оружія Вашего Императорскаго Величества и съ неисчисленными выгодами для будущности Россіи“.

„Записку вашу,—отвѣчалъ на это Государь [2]),—съ предположеніями на счетъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, прочелъ я съ большимъ вниманіемъ, и вижу, что мысли наши во многомъ сходятся, какъ вы, вѣроятно, сами усмотрѣли изъ послѣдняго моего письма.

„Главный вопросъ состоитъ теперь въ слѣдующемъ: какъ помочь трудному положенію, въ которомъ находится Севастополь, ибо:

1) Осадныя работы, несмотря на нашъ огонь, все подвигаются ближе и ближе къ крѣпостнымъ веркамъ;

2) гарнизонъ нашъ, даже при обыкновенной бомбардировкѣ, теряетъ ежедневно отъ *200* до *300* человѣкъ.

3) Подкрѣпленія наши едва покрываютъ эту убыль.

4) Непріятель съ своей стороны также получаетъ свѣжія войска, неся вѣроятно сравнительно меньшую убыль.

---

[1]) Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 21-го іюля 1855 г.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го іюля 1855 г.

„Поэтому слѣдуетъ рѣшить, есть ли вѣроподобіе, что геройскій гарнизонъ нашъ въ состояніи будетъ выдержать новую сильную бомбардировку и въ слѣдъ затѣмъ новый штурмъ, и *не слѣдуетъ ли пособить ему*[1]), сдѣлавъ диверсію, или со стороны Черной, или даже сильною вылазкою изъ самой крѣпости, по направленію бывшаго Камчатскаго люнета и батареи Викторіи, съ тѣмъ, чтобы тамъ утвердиться и этимъ прорѣзать непріятельскій центръ.

„Вопросы эти такъ важны, что отсюда, не зная въ подробности мѣстныхъ обстоятельствъ, невозможно предписывать, что̀ дѣлать. Вотъ почему я предложилъ вамъ собрать военный совѣтъ, дабы въ подробности обсудить ихъ и рѣшить, когда и что̀ предпринять.

„Да наставитъ васъ Богъ.

„Между тѣмъ, согласно вашему желанію, гренадеры направлены къ Перекопу и прибываютъ туда во второй половинѣ августа, остальныя же дружины ополченія могутъ быть подъ Севастополемъ въ концѣ сентября. Слѣдовательно, если обстоятельства позволятъ прождать въ бездѣйствіи до октября, то къ тому времени вы будете навѣрное сильнѣе союзниковъ.

„Письмо мое было уже написано, когда прибылъ Бибиковъ съ новымъ письмомъ вашимъ отъ 21-го числа. Приложенную къ оному записку я также прочелъ съ особымъ вниманіемъ и нашелъ въ ней отвѣты на всѣ почти сдѣланные мною предъ симъ вопросы.

„И такъ, въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца вы полагаете начать наступательныя дѣйствія отъ Чоргуна, т. е. почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ была произведена атака Липранди 13-го октября прошлаго года. Если Богъ благословитъ васъ удержаться на высотахъ, называемыхъ Ѳедюхиными, то надѣюсь отъ этого важныхъ результатовъ. При этомъ не могу не вспомнить, что *въ послѣднемъ письмѣ моемъ, писанномъ къ князю Меншикову, по приказанію незабвеннаго нашего благодѣтеля, онъ именно указывалъ ему на этотъ пунктъ, для начатія наступательныхъ дѣйствій*, и полагалъ при этомъ, что въ одно время можно было бы сдѣлать сильную вылазку изъ крѣпости. Но князь Меншиковъ не счелъ себя тогда достаточно въ силахъ, чтобы что-либо предпринять. Да поможетъ намъ Богъ исполнить теперь его мысль. Молитвы его вѣрно будутъ съ нами.

[1]) Какъ эти слова, такъ и послѣдующія подчеркнуты въ подлинникѣ.

„Желаніе ваше насчетъ сближенія къ Перекопу гренадеръ, какъ вамъ уже должно быть извѣстно, исполнено; на дальнѣйшее же движеніе ихъ въ Крымъ я не могу дать безусловнаго разрѣшенія, но, въ случаѣ необходимости, буду ожидать отъ васъ донесенія по телеграфу и тогда рѣшу, смотря по обстоятельствамъ. Остальныя всѣ ваши распоряженія я вполнѣ апробую.

„Здѣсь предъ Кронштадтомъ новаго ничего нѣтъ, но главныя силы союзныхъ флотовъ, съ 25-го числа, находятся предъ Свеаборгомъ, такъ что вѣроятно тамъ должно на-дняхъ ожидать бомбардировки; *надѣюсь, что ихъ примутъ по-Севастопольски.*

„Да будетъ благословеніе Божіе съ вами“.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда 27-го іюля, князь Горчаковъ получилъ письмо Императора Александра II съ повелѣніемъ собрать военный совѣтъ. На другой день, 28-го іюля, главнокомандующій пригласилъ на совѣщаніе генералъ-адъютантовъ: начальника Севастопольскаго гарнизона графа Сакена и начальника штаба арміи Коцебу; генералъ-лейтенантовъ: начальника артиллеріи Сержпутовскаго, командовавшаго 6-мъ корпусомъ Липранди, начальника инженеровъ Бухмейера, генералъ-квартирмейстера Бутурлина, Хрулева, дежурнаго генерала Ушакова, Семякина и вице-адмирала Новосильскаго. Сверхъ этихъ лицъ, отъ которыхъ были потребованы письменныя мнѣнія, князь Горчаковъ пригласилъ въ совѣтъ генералъ-адъютанта барона Вревскаго и для объясненій начальниковъ штабовъ: генералъ-маіоровъ Крыжановскаго и князя Васильчикова, полковниковъ Исакова и Козлянинова и генералъ-интенданта генералъ-маіора Затлера. Генералъ-адъютантъ Реадъ и генералъ-маіоръ Веймарнъ, по болѣзни, въ совѣтѣ не присутствовали [1]).

Объяснивъ собравшимся цѣль, съ которою они призваны на совѣ-

---

[1]) По поводу болѣзни этихъ лицъ князь Горчаковъ писалъ военному министру отъ 31-го іюля. «Mais un véritable malheur c'est que non-seulement Réade a la fièvre bien serrée, mais que Weimarn a été à l'article de la mort. Je suis presque sûr que le premier pourra prendre part aux opérations offensives, mais je crains bien que le second, malgré toute sa bonne volonté, ne pourra pas grimper sur sa bête à l'époque où elles auront lieu». Судьбѣ, какъ увидимъ ниже, угодно было распорядиться иначе.

щаніе, главнокомандующій предложилъ имъ представить на другой день письменные отвѣты и мнѣнія относительно будущаго образа дѣйствій.

— Ополченіе,—сказалъ кн. Горчаковъ,—предназначенное въ мое распоряженіе, независимо отъ Курскихъ дружинъ, окончательно можетъ собраться къ Перекопу только къ концу октября. По приблизительному соображенію генералъ-интенданта, войска въ нынѣшнемъ своемъ составѣ могутъ довольствоваться сѣномъ въ Крыму до 15-го октября. Если же уменьшить число лошадей на половину, то сѣна достанетъ до половины января; если на $^3/_4$ лошадей —то по 15-е апрѣля, т. е. до появленія подножнаго корма. Итакъ, нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ образѣ дѣйствій въ Крыму: продолжать ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода, или же немедленно по прибытіи войскъ 2-го корпуса (4-й и 5-й дивизій) и Курскаго ополченія, перейти въ рѣшительное наступленіе. Вопросъ этотъ предлагаю на ваше обсужденіе и въ дополненіе онаго, если мы не должны оставаться въ пассивномъ положеніи, то какое дѣйствіе предпринять и въ какое время? [1]).

Изъ числа десяти лицъ, представившихъ на другой день, 29-го іюля, свои мнѣнія, пять человѣкъ (Коцебу, Сержпутовскій, Липранди, Бухмейеръ и Новосильскій) высказались безусловно въ необходимости немедленно атаковать непріятеля со стороны р. Черной, при чемъ генералъ Липранди заявилъ, что прежде всего необходимо завладѣть Чоргунскою долиною, или пространствомъ, лежащимъ впереди Чоргуна до Сапунъ-горы, а затѣмъ уже рѣшить, смотря по обстоятельствамъ, возможно будетъ или нѣтъ, атаковать съ остальными войсками Сапунъ-гору. Генералъ Бутурлинъ и Семякинъ также находили необходимымъ атаковать союзниковъ со стороны р. Черной, но Бутурлинъ предлагалъ выждать прибытія возможно большаго числа подкрѣпленій, а генералъ Семякинъ прибавлялъ, что̀ въ стратегическомъ смыслѣ было бы выгоднѣе оставить Севастополь. Графъ Остенъ-Сакенъ также предлагалъ очистить Южную сторону и сосредоточить армію въ одномъ мѣстѣ, для дѣйствій въ полѣ, а генералъ Ушаковъ признавалъ болѣе выгоднымъ продолжать пассивную оборону Севастополя до 1-го ноября, т. е. до окончательнаго прибытія

---

[1]) Арх. канц. воен. минис., дѣло № 1/9.

всѣхъ подкрѣпленій. Въ случаѣ же крайности, атаку со стороны р. Черной онъ признавалъ единственнымъ направленіемъ для дѣйствій. Что касается до генерала Хрулева, то, собственно говоря, онъ не представилъ никакого мнѣнія. Онъ написалъ много, предлагалъ три направленія для дѣйствій и отдавалъ предпочтеніе тому, съ которымъ было связано очищеніе Южной стороны города. Укрѣпивъ возможно бо́льшимъ числомъ батарей Сѣверный берегъ рейда, онъ предлагалъ вывести гарнизонъ изъ Севастополя, взорвать укрѣпленія и затѣмъ не позже двухъ дней всею арміею перейти въ наступленіе. Почему именно не позже двухъ дней и въ какомъ направленіи должно было быть произведено это наступленіе, Хрулевъ умалчивалъ. До военнаго совѣта, еще съ начала іюня мѣсяца Хрулевъ былъ недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ Севастополѣ и ходомъ обороны. „Онъ горячо порицалъ всѣ распоряженія начальства,—пишетъ генералъ Шульцъ [1]),—и высказывалъ свое рѣшительное убѣжденіе, что только немедленная атака непріятеля всѣми нашими силами, на одинъ пунктъ, могла привести къ рѣшительнымъ результатамъ въ нашу пользу; но на мой вопросъ: гдѣ же именно этотъ стратегическій пунктъ? —онъ указать его не могъ“. Въ этомъ отношеніи Хрулевъ и теперь остался вѣренъ себѣ. Не указывая пункта атаки, онъ въ своемъ мнѣніи, представленномъ князю Горчакову, настаивалъ, чтобы рѣшительныя дѣйствія были приняты немедленно и не ожидая прибытія ополченій.

Прочитавъ мнѣнія членовъ совѣта, князь Горчаковъ склонился на сторону большинства, предлагавшаго наступать со стороны Черной рѣчки, и отвергъ предложеніе оставить Севастополь, какъ мѣру равновременную. По его мнѣнію, цѣль кампаніи состояла для насъ въ сохраненіи Севастополя какъ можно долѣе, а для союзниковъ—въ занятіи его хотя бы временно [2]). Стараясь отдалить по возможности торжество непріятеля и представляя на Высочайшее благоусмотрѣніе мнѣніе членовъ совѣта, князь Горчаковъ писалъ [3]): „Польза оставленія Южной части Севастополя, собственно въ военномъ отношеніи, столь очевидна, что нѣкоторые изъ членовъ совѣта выразили ее въ своихъ мнѣніяхъ.

---

[1]) Сборникъ рукописей, т. III, 375.

[2]) Письмо барона Вревскаго военному министру отъ 29-го іюля.

[3]) Во всеподд. письмѣ отъ 30-го іюля 1855 г.

Смѣю завѣрить Ваше Императорское Величество, что они сдѣлали это единственно по чувству долга и вѣрноподданнической присяги.

„Согласно съ Высочайшими видами Вашими и по собственному убѣжденію моему, я нахожу, что хотя обстоятельства и могутъ повлечь за собою,—можетъ быть и въ скоромъ времени,—необходимость очистить Южную часть Севастополя, но что время для сего еще не настало, и что прежде чѣмъ приступить къ этой крайности, надобно испытать, не помогутъ ли дѣлу наступательныя дѣйствія въ полѣ нашими свободными войсками. Конечно, и первоначальный успѣхъ со стороны Черной рѣчки, если Богъ намъ его даруетъ, мало поможетъ Севастополю, но, послѣ подобнаго успѣха, дальнѣйшія выгодныя обстоятельства могутъ развиться въ нашу пользу; и по крайней мѣрѣ будетъ предпринято и исполнено возможное [1])“.

Временемъ для нападенія избранъ промежутокъ между 2-мъ и 7-мъ числомъ августа. Къ этому послѣднему числу должны были прибыть пять дружинъ ополченія, которыя главнокомандующій намѣренъ былъ отправить въ Севастополь, съ тѣмъ, чтобы взять оттуда 7-ю пѣхотную дивизію и присоединить ее къ дѣйствующему отряду [2]). Для облегченія послѣдняго предполагалось, одновременно съ наступленіемъ на правый флангъ непріятеля, развлечь его силы демонстраціею или вылазкою изъ Севастополя. Графу Сакену поручено составить предположеніе относительно дѣйствій гарнизона и сообщено, что, въ этомъ случаѣ, полезно будетъ открыть поочередно усиленный сосредоточенный огонь въ разныхъ направленіяхъ, хотя бы непріятель и не начиналъ съ своей стороны канонады, и отъ времени до времени производить разнаго рода

---

[1]) Въ тотъ же день кн. Горчаковъ писалъ военному министру. „Faites des voeux pour nous, car notre position est extrêmement difficile. J'en ai trop souvent développé les raisons pour revenir encore sur cet objet. Ce n'est pas ma faute si les affaires sont arrivées au point où elle en sont. J'ai différé jusqu'à présent de risquer mon dernier enjeu et en cela je crois avoir bien mérité. Mais maintenant il n'y a plus à balancer. Le plan que j'adopte me paraît le seul qui puisse offrir quelques chances de réussite. Si l'affaire manque, il faudra songer à évacuer Sévastopol».

[2]) Письмо кн. Горчакова военному министру 30-го іюля.

демонстраціи: сосредоточивать войска, перекинуть нѣсколько мостовъ черезъ рвы и проч. [1]).

Таково было рѣшеніе главнокомандующаго относительно будущихъ дѣйствій. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, князь Горчаковъ, за день до сраженія, пожелалъ знать мнѣніе генерала Тотлебена и 2-го августа, въ сопровожденіи генералъ-адъютантовъ Коцебу и Вревскаго, отправился на Бельбекъ. Тотлебенъ не одобрялъ атаки со стороны рѣки Черной, а въ замѣнъ того предлагалъ выйти изъ Корабельной и утвердиться на пространствѣ между Киленъ-балкою и Лабораторною балкою. Несмотря на то, что для осуществленія этого проекта требовалось время и значительныя предварительныя приготовленія, князь Горчаковъ, по своей нерѣшительности, готовъ былъ отказаться отъ рѣшеннаго уже имъ предпріятія, но обстоятельства шли быстрѣе приготовленій и атака со стороны р. Черной состоялась.

XLII.

Сраженіе на рѣкѣ Черной.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля съ оборонительной линіи замѣчено было, что непріятель сталъ открывать амбразуры,—вѣрнѣйшій признакъ скораго бомбардированія,—а вслѣдъ затѣмъ телеграфъ изъ Петербурга принесъ извѣстіе, что англо-французы намѣрены открыть канонаду 5-го августа [2]). Медлить болѣе было не возможно, тѣмъ болѣе, что къ союзникамъ стали прибывать подкрѣпленія, и князь Горчаковъ рѣшилъ 4-го августа двинуться къ р. Черной съ цѣлью „обозрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ, прикрывающихъ осаду Севастополя, и буде окажется возможнымъ, оттѣснить ихъ отъ р. Черной къ Сапунъ-горѣ [3])“.

Войска, назначенныя для нападенія, были расположены частью на Инкерманскихъ, частію на Мекензіевыхъ высотахъ. Они были раздѣ-

---

[1]) Предписаніе гр. Сакену 31-го іюля 1855 г.

[2]) Письмо кн. Горчакова военному министру 30-го іюля.

[3]) Отношеніе главнокомандующаго военному министру 6-го августа № 2688.

лены на два главные дѣйствующіе отряда, съ ихъ резервами, и на нѣсколько небольшихъ оберегательныхъ отрядовъ, не принимавшихъ участія въ сраженіи.

Правый отрядъ подъ начальствомъ генералъ-адъютантъ Реада состоялъ изъ $25^1/_4$ батальоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ, 6 сотенъ и 62 орудій—всего 13.041 человѣкъ пѣхоты и 1.792 человѣка кавалеріи. Его составляли нижеслѣдующія войска:

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батал.	Эскадр.	Сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
7-я пѣхотная дивизія (генералъ-лейтенантъ Ушаковъ).					
Смоленскій пѣхотный полкъ . . .	3	—	—	—	1564
Могилевскій	3	—	—	—	1387
Витебскій егерскій.	3	—	—	—	1603
Полоцкій	3	—	—	—	1718
Три полка 12-й пѣхотной дивизіи (генералъ-маіоръ Мартинау).					
Азовскій пѣхотный полкъ. . . .	4	—	—	—	2080
Украинскій егерскій	4	—	—	—	1990
Одесскій егерскій	4	—	—	—	1960
2-й стрѣлковый батальонъ . . .	1	—	—	—	619
Одна рота 2-го сапернаго батальона.	1/4	—	—	—	120
Итого пѣхоты. .	25 1/4	—	—	—	13041
Кавалеріи.					
Уланскій Ея Импер. Высоч. Великой Княгини Екатерины Михайловны полкъ	—	8	—	—	943
Донской казачій № 37-го полкъ . .	—	—	6	—	849
Итого кавалеріи. .	—	8	6	—	1792
Артиллеріи.					
8-й артиллерійской бригады.					
Батарейная № 3-го батарея . . .	—	—	—	12	
Легкія № 3, № 4 и № 5 „	—	—	—	22	

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батал.	Эскадр.	Сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
14-й артиллерійской бригады.					
Батарейная № 3-го батарея. . .	—	—	—	12	
Легкія № 3-го и № 4-го батареи. .	—	—	—	12	
Конно-легкая № 26-го батарея . .	—	—	—	4	
Всего. . . .	25¼	8	6	62	14833

Лѣвый отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди состоялъ изъ 30¼ батальоновъ, греческаго легіона Императора Николая I-го, 2-хъ сотенъ казаковъ и 70 орудій,—всего 15.613 человѣкъ пѣхоты и 276 казаковъ.

Въ составъ отряда вошли:

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батал.	Сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
Два полка 6-й пѣхотной дивизіи (генералъ-лейтенантъ Бельгардъ).				
Низовскій егерскій полкъ	4	—	—	2353
Симбирскій „ „	4	—	—	2346
12-й пѣхотной дивизіи.				
Днѣпровскій пѣхотный	4	—	—	2010
17-й пѣхотной дивизіи (генералъ-маіоръ Веселитскій).				
Московскій пѣхотный	4	—	—	1753
Бутырскій.	4	—	—	1696
Лейбъ-егерскій Бородинскій Его Величества полкъ.	4	—	—	1855
Тарутинскій егерскій.	4	—	—	1858
3-й стрѣлковый батальонъ	1	—	—	650
Три роты 6-го стрѣлковаго батальона. .	¾	—	—	300
Одна рота 3-го сапернаго	¼	—	—	140

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батал.	Сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
Одна рота 6-го сапернаго батальона . .	1/4	—	—	152
Греческій легіонъ Императора Николая I .	1	—	—	500
Итого. . .	30 1/4 1 легіон.	—	—	15613
Кавалерія.				
Двѣ сотни донскаго казачьяго № 9-го (Θомина) полка	—	2	—	276
Артиллерія.				
6-й артиллерійской бригады.				
Батарейная № 4-го батарея.	—	—	12	
Легкія № 6-го и № 8-го батареи . . .	—	—	16	
7-й артиллер. бригады батарейная № 1-го батарея	—	—	12	
16-й артилер. бригады — Батарейная № 1-го батар.	—	—	12	
16-й артилер. бригады — Легкая № 2-го батарея. .	—	—	8	
17-й артиллер. бригады батарейная № 3-го батарея	—	—	8	
Взводъ горной артиллеріи	—	—	2	
Всего. . .	30 1/4 1 легіон.	2	70	15889

Резервомъ для дѣйствующихъ войскъ служили: 30 1/2 батальоновъ пѣхоты, съ 36-ю орудіями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева и кавалерія, состоявшая изъ 50 эскадроновъ, 9 сотенъ и 28-ми орудій подъ начальствомъ генерала Шабельскаго. Сверхъ того былъ сформированъ особый артиллерійскій резервъ въ 76-ть орудій подъ командою полковника князя Челокаева.

Войска эти, имѣвшія въ строю 18.968 человѣкъ пѣхоты, 8.195 человѣкъ кавалеріи и 140 орудій, были слѣдующія:

Наименование частей.	Батал.	Эскадр.	Сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
Пѣхотный резервъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева.					
4-й пѣхотной дивизіи.					
Бѣлозерскій пѣхотный полкъ . . .	4	—	—	—	2773
Олонецкій	4	—	—	—	2480
Шлиссельбургскій егерскій полкъ. .	2	—	—	—	1091
Ладожскій „ „ . .	4	—	—	—	2281
5 я пѣхотная дивизія (генералъ-маіоръ Вранкенъ).					
Архангелогородскій Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича пѣхотный полкъ . .	4	—	—	—	2566
Вологодскій пѣхотный полкъ . . .	4	—	–	—	2556
Костромской	4	—	—	—	2450
Галицкій	4	—	—	—	2531
Двѣ роты 2-го сапернаго батальона.	1/2	—	—	—	240
Артиллерія.					
4-й артиллерійской бригады батарейная № 2-го батарея	—	—	—	8	
5-й артиллерійск. бригады. Батарейная № 3-го батарея	—	—	—	12	
5-й артиллерійск. бригады. Легкія № 4-го и № 5-го батареи	—	—	—	16	
Итого. .	30 1/2	—	—	36	18968

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Батал.	Эскадр.	Сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
Кавалерійскій резервъ подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Шабельскаго.					
Лейбъ драгунскій Его Величества полкъ	—	10	—	—	1425
Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича драгунскій полкъ. . .	—	10	—	—	1452
Принца Эмилія Гессенскаго драгунскій полкъ	—	10	—	—	1476
Рижскій драгунскій полкъ. . . .	—	10	—	—	1375
Пикинерный дивизіонъ Финляндскаго драгунскаго полка	—	2	—	—	279
Новомиргородскій уланскій полкъ .	—	8	—	—	996
Донской казачій № 61-го полкъ. .	—	—	3	—	400
Уральскій казачій № 1-го полкъ. .	—	—	6	—	792
Конно-батарейная № 21-го батарея.	—	—	—	8	
Конно-легкія № 22, № 23 и № 26 батареи	—	—	—	20	
Итого. .	—	50	9	28	8195
Артиллерійскій резервъ.					
9-й артиллерійск. бригады. Батарейная № 4-го батарея	—	—	—	12	
9-й артиллерійск. бригады. Легкія № 6-го, № 7-го и № 8-го батареи. .	—	—	—	24	
10-й артиллерійской бригады батарейныя № 1-го и № 2-го батареи.	—	—	—	24	
Конно-батарейная № 24-го батарея.	—	—	—	8	
Донская конно-батарейная № 3-го батарея	—	—	—	8	
Итого. .	—	—	—	76	
Всего . . .	30½	50	9	140	27163

Такимъ образомъ для атаки непріятельской позиціи было собрано 47.622 человѣка пѣхоты, 10.263 человѣкъ кавалеріи и 272 орудія. Сверхъ того, для обезпеченія лѣваго фланга наступающаго отряда и наблюденія за выходомъ изъ Байдарской долины и отъ Алсуя, былъ сформированъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Миттона, изъ 6-ти батальоновъ, 8-ми эскадроновъ, 10-ти сотенъ и 12-ти орудій,—силою въ 4.833 человѣка [1]). Занявши селенія Езенбашикъ, Кучки и Упу и выдвинувъ передовые отряды къ перевалу Байдарской долины, генералъ Миттонъ долженъ былъ наблюдать за выходами на нашъ лѣвый флангъ и, въ случаѣ наступленія непріятеля, отходить къ Юхары-Каралезскому ущелью, которое и защищать до послѣдней крайности [2]).

Для наблюденія за Байдарскою долиною предназначался кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Халецкаго, изъ 8-ми эскадроновъ, 6-ти сотенъ и 4-хъ орудій—всего 1.837 человѣкъ [3]). Расположившись у селен. Ени-Сала и выдвинувъ передовые посты, Халецкій долженъ былъ наблюдать за непріятелемъ и, въ случаѣ его наступленія, отходить по ущелью р. Албата, къ селенію Ташъ-Басты, которое и защищать до послѣдней крайности. Наконецъ, для обезпеченія праваго фланга дѣйствующаго отряда, для прикрытія съ востока Сѣверной части города и производства демонстраціи со стороны р. Черной и Сапунъ-горы, былъ составленъ *Инкерманскій отрядъ*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Попова, изъ $6^1|_4$ батальоновъ, 3 сотенъ казаковъ и 16 орудій—силою въ 3.493 человѣка [4]).

---

[1]) Четыре батальона Нижегородскаго полка (1.267 чел.), два батальона Шлиссельбурскаго полка (1.091), восемь эскадроновъ Финляндскаго драгунскаго полка (1.118), шесть сотенъ донскаго казачьяго № 22-го полка (804), четыре сотни донскаго казачьяго № 9-го полка (553), восемь орудій легкой № 7-го батареи 6-й артиллерійской бригады и четыре орудія конно-легкой № 25-го батареи.

[2]) Общая диспозиція для наступленія.

[3]) Восемь эскадроновъ гусарскаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Максимиліановича полка (1.041 челов.), шесть сотенъ донскаго казачьяго № 56-го полка (796) и четыре орудія конно-легкой № 25-го батареи.

[4]) Три батальона Витебскаго резервнаго егерскаго полка (1.490 чел.), три батальона Полоцкаго резервнаго егерскаго полка (1.513), одна рота 6-го стрѣлковаго батальона (105), три сотни донскаго казачьяго № 57-го полка (385), четыре орудія легкой № 1-го батареи 7-й и батарейная № 3-го батарея 11-й артиллерійскихъ бригадъ.

Всѣмъ войскамъ приказано было вступать въ дѣло безъ ранцевъ, имѣть съ собою четырехъ-дневный запасъ сухарей, по фунту варенаго мяса, манерки, наполненныя водою и шанцовый инструментъ. Каждому полку разрѣшено имѣть при себѣ по двѣ лазаретныя фуры, а остальныя приказано передать въ распоряженіе генералъ-маіора Зурова, которому поручена уборка тѣлъ и перевозка раненыхъ.

Всѣ приготовленія наши къ наступательнымъ дѣйствіямъ не остались тайною для непріятеля. Въ Севастополѣ еще съ половины іюля ходили самые разнообразные слухи о нашемъ движеніи. „Одни говорили,—пишетъ участникъ,—что на-дняхъ прибудетъ гренадерскій корпусъ, что ожидаютъ только прибытія 70.000 ополченія, другіе увѣряли даже, что вся гвардія идетъ въ Крымъ и по приходѣ ея начнутся наступательныя дѣйствія. Толковали о планѣ дѣйствій, и все это передавалось положительно, каждый увѣрялъ, что получилъ извѣстіе изъ вѣрнѣйшаго источника, и тому подобное. Хотя большая часть подобныхъ слуховъ пропускалась мимо ушей, но во всякомъ случаѣ можно было ожидать наступательныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что подобные слухи всегда имѣютъ каксе-нибудь основаніе“.

Въ концѣ іюля прибыли 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи и нѣсколько дружинъ Курскаго ополченія, въ то же время гренадерскій корпусъ подвигался къ югу. При всеобщемъ желаніи положить конецъ тягостной оборонѣ, всѣ видѣли въ этомъ движеніи залогъ наступательныхъ дѣйствій. Въ Главномъ штабѣ арміи происходили совѣщанія, въ разныхъ мѣстахъ составлялись письменныя мнѣнія, и всѣ стали открыто указывать направленіе, въ которомъ предполагается нанести ударъ противнику. Все дѣлалось и говорилось настолько гласно, что слѣдовавшія въ Крымъ 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи были встрѣчены въ Симферополѣ заявленіями, что только и ожидаютъ ихъ прибытія, чтобы перейти въ наступленіе. Непріятель скоро узналъ о нашихъ намѣреніяхъ. Передовые посты сообщали генералу Пелисье, что обороняющійся сосредоточиваетъ значительныя силы на Мекензіевыхъ и Инкерманскихъ высотахъ, а лазутчики доносили, что русскіе строятъ перекидные мосты и готовятся атаковать обсерваціонный корпусъ. Вслѣдъ за тѣмъ получено было свѣдѣніе отъ одной изъ нейтральныхъ столицъ, что около 6-го августа русскіе намѣрены атаковать союзниковъ [1]).

---

[1]) «Морской Сборникъ», 1858 г. № 11-й.

Пелисье зналъ планъ дѣйствій, зналъ, что мы намѣрены атаковать Гасфортовы и Ѳедюхины высоты и въ то же самое время произведемъ вылазку изъ Севастополя по направленію къ редуту Викторіи. Зная недоступность своей позиціи, Пелисье долгое время не вѣрилъ сообщеніямъ, хотя и принялъ всѣ необходимыя мѣры. Онъ приказалъ обрѣзать бока водопроводнаго канала, осаднымъ батареямъ быть готовыми къ открытію общаго огня, а обсерваціонному корпусу принять мѣры противъ нечаяннаго нападенія.

„Я былъ спокоенъ за весь этотъ крайній правый флангъ,—писалъ Пелисье въ своемъ донесеніи [1]).—Это одна изъ тѣхъ гористыхъ странъ гдѣ невозможно дѣйствовать массами, и непріятель могъ производить тамъ лишь ложныя демонстраціи". 31-го іюля по союзному лагерю пробѣжалъ слухъ, что на слѣдующій день русскіе непремѣнно атакуютъ англо-французовъ, но слухъ этотъ оказался ложнымъ. Тѣмъ не менѣе войска неоднократно становились въ ружье безъ барабаннаго боя и наблюдали глубочайшее безмолвіе. „По слухамъ,—писали въ газету „Times", отъ 2-го августа,—русскіе получили ожидаемыя ими подкрѣпленія. Мы наблюдаемъ теперь бóльшую осторожность, чѣмъ когда-либо. Почли нужнымъ держать нашъ корпусъ подъ ружьемъ, въ продолженіе обѣихъ послѣднихъ ночей, чтобы имѣть его подъ рукою, въ случаѣ внезапнаго нападенія [2]).

Прождавши напрасно три слѣдующіе дня, французы успокоились, причислили сообщенныя имъ лазутчиками свѣдѣнія къ числу выдумокъ и стали равнодушны къ мѣрамъ осторожности настолько, что утромъ 4-го августа допустили насъ атаковать себя почти врасплохъ.

Вечеромъ 3-го августа войска двухъ дѣйствующихъ отрядовъ, спустившись съ Мекензіевыхъ высотъ, по единственной дорогѣ, расположились у новаго редута, при чемъ правѣе большой дороги сталъ отрядъ генералъ-адъютанта Реада, а лѣвѣе ея, часть отряда Липранди. Другая же половина этого послѣдняго отряда ($13^1/_4$ батальоновъ [3]), легіонъ императора Николая, двѣ сотни казаковъ и 42 орудія), подъ начал-

---

[1]) См. «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 185.

[2]) «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 184.

[3]) Два полка 6-й пѣхотной дивизіи, Днѣпровскій полкъ, 3-й стрѣлковый батальонъ, рота 6-го сапернаго батальона.

ствомъ генералъ-лейтенанта Бельгарда, пройдя Юхары-Каралезъ, остановилась въ долинѣ, извѣстной подъ именемъ *„Мокрой луговины“* [1]).

Въ то же самое время всѣ три резерва были двинуты съ мѣста ихъ расположенія на рѣкѣ Бельбекѣ и вечеромъ 3-го августа остановились: пѣхотный и артиллерійскій резервъ на Мекензіевыхъ высотахъ, а кавалерійскій близъ селенія Шули.

Былъ прекрасный вечеръ. Главнокомандующій, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Вревскаго, прибылъ верхомъ съ Инкерманской позиціи на Мекензіеву гору. Онъ находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа и въ продолженіе всего пути ѣхалъ молча и ни съ кѣмъ не разговаривая. Тяжкія думы тяготили его душу, онъ не разсчитывалъ на успѣхъ.

Утромъ 3-го августа онъ писалъ военному министру: „C'est demain, que je commence à régler les comptes de l'héritage que m'a légué le Prince Menchikoff“ [2]).

„Я наступаю противъ непріятеля,—писалъ онъ въ тотъ же день въ другомъ письмѣ князю Долгорукову,—потому, что если бы я и не сдѣлалъ этого, Севастополь былъ бы все-таки потерянъ въ весьма короткое время. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осмотрительно, онъ собралъ баснословное количество снарядовъ въ своихъ батареяхъ, это видно простымъ глазомъ. Подступы его стѣсняютъ насъ все болѣе и болѣе, и нѣтъ уже почти мѣста въ Севастополѣ, которое не было бы подвержено выстрѣламъ. Пули свистятъ на Николаевской площади. Нечего себя обманывать, я атакую непріятеля при скверныхъ условіяхъ. Его позиція очень сильна, на правомъ его флангѣ находится Гасфортова гора, почти отвѣсная и сильно укрѣпленная, на лѣвомъ флангѣ Ѳедюхины высоты, передъ которыми течетъ глубокій каналъ, съ каменными одеждами, наполненный водою, и черезъ который невозможно переправиться иначе, какъ по мостикамъ, накидываемымъ подъ огнемъ непріятеля, дѣйствующаго въ упоръ. У меня нѣтъ воды, чтобы остановиться противъ непріятеля на 24 часа времени. У меня 43.000 пѣхоты [3]) и, если у непріятеля есть здравый смыслъ, то онъ выставитъ противъ меня 60.000 человѣкъ.

[1]) См. прилагаемый планъ сраженія.

[2]) Завтра я начинаю сводить счеты по наслѣдству, которое оставилъ мнѣ князь Меншиковъ.

[3]) Выше мы привели точную цифру войскъ, собранныхъ для атаки.

„Если счастіе, на которое я надѣюсь, весьма мало будетъ мнѣ благопріятствовать, я постараюсь воспользоваться моимъ успѣхомъ, а въ противномъ случаѣ необходимо покориться волѣ Божіей. Я отойду на Мекензію и увижу, какъ очистить Севастополь съ возможно меньшими потерями. Я надѣюсь, что мостъ черезъ бухту будетъ готовъ во̀-время и что это мнѣ облегчитъ дѣло.

„Прошу васъ припомнить данное мнѣ обѣщаніе оправдать меня въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Если дѣла получатъ дурной оборотъ,— вина не моя. Я сдѣлалъ возможное, но со времени моего прибытія въ Крымъ задача была слишкомъ трудна“.

На Мекензіевой горѣ князь Горчаковъ долго бесѣдовалъ съ начальниками отдѣльныхъ частей и въ особенности съ генераломъ Липранди.

— Ну-съ,—сказалъ онъ,—обращаясь къ барону Вревскому,—теперь пора и отдохнуть.

— Я завидую вашему сіятельству,—отвѣчалъ баронъ;—нѣсколько часовъ отдѣляютъ васъ отъ дня вашей славы.

— Что вы говорите?—сурово спросилъ князь и потомъ отвѣтилъ:—я знаю, что̀ меня ожидаетъ завтра—прощайте.

Присутствовавшіе разошлись. Что̀ ожидало каждаго изъ нихъ завтра, извѣстно было только одному Творцу, но̀ всѣ готовились предстать предъ Его праведный судъ. Главнокомандующій всю ночь провелъ въ молитвѣ, стоя на колѣнахъ передъ образомъ Смоленской Божіей Матери.

„Наканунѣ этихъ событій,—писалъ баронъ Вревскій военному министру [1]),—быть можетъ рѣшительныхъ, позвольте, ваше сіятельство, вамъ сказать, положа руку на сердце, что если Богу будетъ угодно и князь Горчаковъ погибнетъ въ этомъ дѣлѣ, то честь нашего оружія требуетъ, чтобы преемникомъ ему былъ назначенъ человѣкъ энергичный и рѣшительный,—словомъ, генералъ Лидерсъ“.

Писавши эти строки, баронъ Вревскій не предчувствовалъ, что не князю Горчакову, а ему суждено было сложить свою голову въ долинѣ рѣки Черной. Зная безусловную храбрость князя Михаила Дмитріе-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 2-го августа.

вича, Вревскій, конечно, могъ предполагать, что онъ ринется въ самый кипятокъ.

На небѣ свѣтилъ еще мѣсяцъ, и генералъ Реадъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба ротмистра Столыпина: съ которой стороны вы увидѣли мѣсяцъ?

— Съ правой, ваше высокопревосходительство.

— А я такъ съ лѣвой,—замѣтилъ Реадъ,—говорятъ, это не хорошо [1]).

Однихъ мучило предчувствіе, другихъ отвѣтственность, заботы, но всѣхъ безъ исключенія интересовалъ вопросъ: побѣдимъ или нѣтъ? Большинство молодежи не сомнѣвалось въ томъ, что наша возьметъ, но люди опытные, бывалые смотрѣли на это дѣло иначе и были обратнаго мнѣнія.

— Если бы мы имѣли успѣхъ въ этомъ дѣлѣ и овладѣли высотами,—говорилъ генералъ Веймарнъ ротмистру Столыпину [2]),—то къ ночи все-таки принуждены будемъ отступить. Предпріятіе наше можно объяснить только тѣмъ, что мостъ черезъ Севастопольскую бухту поспѣетъ лишь къ 15-му августа, и потому опасаются, чтобы, до этого времени, непріятель не предпринялъ штурма. Наступленіемъ надѣются отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Севастополя.

По диспозиціи главнокомандующаго лѣвая колонна генералъ-лейтенанта Липранди должна была первая открыть дѣйствія и атаковать Телеграфную гору, при чемъ, для содѣйствія этой атакѣ, колонна генерала Бельгарда должна была овладѣть Чоргунскими высотами и, выдвинувъ батареи, открыть огонь по непріятелю, расположенному на Телеграфной горѣ. Въ это время отрядъ генерала Реада, построившись въ боевой порядокъ противъ Ѳедюхиныхъ высотъ и остановившись внѣ пушечнаго выстрѣла, долженъ былъ выдвинуть сильную артиллерію, обстрѣлять Ѳедюхины высоты и приготовиться къ форсированію переправы черезъ р. Черную.

По овладѣніи Телеграфною горою и по окончаніи всѣхъ необходимыхъ приготовленій къ переправѣ, оба отряда должны были оста-

---

[1]) Записки Берга, ч. II, 245.

[2]) Столыпинъ. Изъ личныхъ воспоминаній (рукоп.).

*

ваться на мѣстѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній главнокомандующаго.

Стоять на мѣстѣ въ виду непріятеля безъ всякой дѣятельности и давать ему время сосредоточить свои силы для встрѣчи наступающихъ,—было болѣе чѣмъ страннымъ распоряженіемъ. Оно объясняется только тѣмъ, что князь Горчаковъ, вступая въ бой, самъ не рѣшилъ еще окончательно, въ какомъ направленіи повести главную атаку: на Гасфортову ли гору, или на Ѳедюхины высоты, или же ограничиться просто одною усиленною рекогносцировкою, если бы въ атакѣ этихъ горъ встрѣтилось слишкомъ много затрудненій [1]).

Вступая въ бой, главнокомандующій обязанъ дать точныя и опредѣленныя указанія, познакомить начальниковъ колоннъ съ предстоящею задачею, со своими видами и намѣреніями и затѣмъ предоставить имъ свободу дѣйствій. Задача главнокомандующаго, во время боя, должна состоять исключительно въ искусномъ направленіи резервовъ, въ умѣньѣ воспользоваться успѣхами передовыхъ колоннъ и извлечь побѣду, пріобрѣтенную хотя бы и не въ томъ направленіи, въ которомъ предполагалось.

Ничего этого мы не видимъ въ распоряженіяхъ князя Горчакова. Онъ отнялъ самостоятельность дѣйствій у Реада и Липранди, хотѣлъ быть вездѣ самъ, всѣмъ лично распоряжаться и забывалъ тѣ приказанія, которыя отдавалъ. Въ диспозиціяхъ отдѣльнымъ начальникамъ было объявлено, что главнокомандующій во время атаки будетъ находиться у „Новаго редута“ на уступѣ Мекензіевой горы, а между тѣмъ въ самомъ началѣ дѣла князь Горчаковъ уѣхалъ оттуда въ отрядъ Липранди [2]). Посылаемые съ донесеніями, вопросами или просьбами напрасно искали главнокомандующаго у „Новаго редута“ и, теряя драгоцѣнное время, привозили запоздалыя донесенія.

Изъ всѣхъ распоряженій князя Горчакова корпусъ праваго фланга,

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 6-го августа № 2688.

[2]) Хотя г. И. Красовскій, по его словамъ, десять разъ переписывавшій диспозицію, и говоритъ, что въ ней было сказано, что князь Горчаковъ переѣдетъ отъ «Новаго редута» къ генералу Липранди, но смѣемъ думать, что память ему измѣняетъ; передъ нами лежатъ всѣ диспозиціи и ни въ одной изъ нихъ этого нѣтъ.

генерала Реада, получилъ самыя подробныя указанія. Генералу Липранди приказано было атаковать Телеграфную гору, сбить передовые посты сардинцевъ и, приготовившись къ переправѣ черезъ Черную рѣку, ожидать дальнѣйшихъ приказаній главнокомандующаго [1]). Генералу же Реаду указаны подробности, которыя онъ долженъ былъ привести въ исполненіе по занятіи средней и лѣвой возвышенностей Ѳедюхиныхъ горъ. По овладѣніи горами, ему приказано стать фронтомъ къ Сапунъ-горѣ, приступить къ возведенію укрѣпленій и главнѣйшимъ образомъ озаботиться о скорѣйшемъ устройствѣ спусковъ у бродовъ р. Черной и о накидкѣ мостиковъ, по которымъ можно бы было быстро выдвинуть за рѣку кавалерію и артиллерію [2]).

Эта разность въ диспозиціяхъ ясно указываетъ, что, при всей неопредѣленности плана дѣйствій, главнокомандующій предполагалъ все-таки направить главную атаку на Ѳедюхины горы, и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что, назначая генерала Реада распорядителемъ этой атаки, князь Горчаковъ познакомилъ его на словахъ съ своими видами и намѣреніями. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, представляетъ особое значеніе въ объясненіи дальнѣйшихъ дѣйствій.

Около двухъ часовъ утра главнокомандующій со своимъ штабомъ оставилъ Мекензіевы высоты и, прибывъ къ „Новому редуту", увидѣлъ, что отряды генераловъ Реада и Липранди оставались еще на бивуакахъ и не начинали движенія [3]). Надъ Черною рѣчкою стоялъ густой туманъ, скрывавшій всѣ предметы и способствовавшій неожиданности нападенія. Князь Горчаковъ торопился воспользоваться этимъ благопріятнымъ для насъ обстоятельствомъ и послалъ приказаніе *„начинать дѣло"* [4]). Войска тронулись съ мѣстъ; заря начала заниматься...

---

[1]) Диспозиція генералу Липранди.

[2]) Диспозиція генералу Реаду.

[3]) Г. Красовскій говоритъ, что главнокомандующій оставилъ Мекензіевы высоты въ три часа утра (См. «Русскій Арх.» 1874 г. № 7), а между тѣмъ изъ донесеній и записокъ многихъ лицъ видно, что въ 2½ часа утра войска оставили свои бивуаки и находились въ движеніи.

[4]) Красовскій въ своихъ статьяхъ говоритъ, что онъ былъ посланъ къ обоимъ отрядамъ, а князь Горчаковъ въ письмѣ военному министру отъ 5-го

Въ $2^1|_2$ часа утра, 4-го августа, отрядъ генералъ-лейтенанта Бельгарда согласно данной ему диспозиціи двинулся къ Чоргуну двумя колоннами. *Лѣвая,* состоявшая изъ $6^3/_4$ батальоновъ и двухъ батарейныхъ батарей [1]), направилась лѣвымъ берегомъ р. Шули къ Чоргунскимъ высотамъ, а *правая,* въ составѣ двухъ батальоновъ и легкой батареи [2]), прогнавъ встрѣченный ею непріятельскій разъѣздъ [3]), двинулась по дорогѣ вправо, на Артиллерійскую гору. Одновременно съ этимъ, слѣдуя по такъ называемой Саперной дорогѣ, греческій легіонъ Императора Николая I-го спустился въ Карловское ущелье и занялъ деревню Карловку. Остальныя войска отряда Бельгарда составили резервъ и слѣдовали сзади по Чоргунской дорогѣ.

Около $3^1/_2$ часовъ утра колонны были на мѣстахъ и тотчасъ же открыли огонь: при чемъ 14 орудій лѣвой колонны направили свои выстрѣлы на Гасфортову гору, а 10 орудій по непріятельскимъ укрѣпленіямъ на Телеграфной горѣ, въ тылъ которымъ дѣйствовали и 8-мь орудій правой колонны.

Въ это время къ Телеграфной горѣ подошли находившіяся въ непосредственномъ распоряженіи генерала Липранди войска колонны генералъ-маіора Веселитскаго. Двинувъ ихъ передъ самымъ разсвѣтомъ съ мѣста расположенія у колодца, Липранди приказалъ имъ выстроиться лѣвымъ флангомъ къ кургану (малой Сахарной головы), а фронтомъ параллельно линіи непріятельскихъ укрѣпленій, расположенныхъ на Телеграфной горѣ. Для обезпеченія лѣваго фланга отъ обхода со стороны Чоргунскаго ущелья, былъ отправленъ влѣво на высоты второй ба-

---

августа, на другой день сраженія,—писалъ, что послалъ съ этимъ приказаніемъ двухъ адъютантовъ.

[1]) Два батальона Низовскаго и четыре Симбирскаго егерскихъ полковъ, двѣ роты 3-го стрѣлковаго и одна 6-го сапернаго батальоновъ; батарейная № 4-го батарея 6-й и батарейная № 1-го батарея 7-й артиллерійскихъ бригадъ. См. Рапортъ Липранди кн. Горчакову 17-го августа № 643 и рапортъ оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса генералу Бутурлину 30-го августа № 686.

[2]) Два батальона Днѣпровскаго пѣхотнаго полка и легкая № 8-го батарея 6-й артиллерійской бригады.

[3]) При этомъ взятъ въ плѣнъ рядовой Африканскаго конно-егерскаго полка.

тальонъ Московскаго полка, а для обстрѣливанія находившагося въ лѣвой сторонѣ непріятельскаго ложемента, выдвинута была первая рота 6-го стрѣлковаго батальона.

Подходя въ такомъ порядкѣ къ Телеграфной горѣ, генералъ Веселитскій получилъ приказаніе, послѣ непродолжительнаго обстрѣливанія, немедленно атаковать непріятеля. Онъ тотчасъ же вызвалъ впередъ батарейную № 3-го батарею 17-й артиллерійской бригады, и, поставивъ ее на ближайшихъ возвышенностяхъ, открылъ огонь по тѣмъ же самымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, по которымъ дѣйствовали батареи отряда генерала Бельгарда.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ батарейной № 3-го батареи, четвертый батальонъ Тарутинскаго егерскаго полка, перестроенный въ ротныя колонны, двинулся въ атаку. Подъ прикрытіемъ цѣпи охотниковъ этого полка и роты 6-го стрѣлковаго батальона, тарутинцы стремительно атаковали первую траншею, выбили изъ нея непріятеля, который, отступивъ во вторую траншею, встрѣтилъ атакующихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Поддержанные остальными батальонами своего полка, тарутинцы, преслѣдуя непріятеля и вытѣсняя его изъ укрѣпленій, овладѣли Телеграфною горою. Сардинцы отступили и скрылись частью въ укрѣпленіи на вершинѣ Семякиной горы, находившейся возлѣ берега р. Черной, а частью отступили за рѣку, по заранѣе устроенному ими мосту.

Какъ только наши войска утвердились на Телеграфной горѣ, Липранди тотчасъ же приказалъ саперамъ устроить проѣзды черезъ первую и вторую траншеи, и выдвинулъ на гору батарейную № 3-го батарею 17-й артиллерійской бригады. Поставивъ ее у послѣдне взятаго укрѣпленія, Липранди приказалъ открыть огонь по Гасфортовой и Семякиной горамъ и по непріятельскимъ войскамъ, выстроеннымъ противъ Чоргунскаго моста [1]).

Когда войска Липранди подошли къ Телеграфной горѣ, въ непріятельскомъ лагерѣ горѣли еще огни и было тихо. Сначала огонь батарей отряда Бельгарда, а потомъ донесеніе отступавшихъ сардинскихъ пикетовъ разбудили союзниковъ, и въ ихъ лагеряхъ поднялась тревога. Все пришло въ движеніе, сардинская артиллерія поскакала на рысяхъ, а

[1]) Рапортъ Липранди отъ 17-го августа № 643.

пѣхота густыми колоннами потянулась къ сторонѣ выстрѣловъ. По всей линіи траншей и батарей, находившихся на Телеграфной горѣ, не было слышно выстрѣловъ, и главнокомандующій сардинскими войсками, генералъ Ламармора, скоро узналъ, что они заняты русскими.

Густой туманъ, все еще стоявшій надъ долиною Черной рѣчки, препятствовалъ союзникамъ имѣть точныя свѣдѣнія о силахъ и направленіи главной атаки русскихъ войскъ, и потому они медлили еще движеніемъ резервовъ. Зная только, что русскія войска двигаются въ значительныхъ массахъ и заняли уже Телеграфную гору, сардинцы сосредоточили свои силы на Гасфортовой горѣ и расположились: дивизія Дурандо у выхода изъ долины р. Варнутки, лѣвѣе ее дивизія Тротти,—на скатѣ Гасфортовой горы, обращенномъ къ Ѳедюхинымъ высотамъ, а бригада Джустиніани стала въ резервѣ. На высоты противъ деревни Карловки сардинцы выдвинули одну батарею; другую поставили на уступѣ высотъ противъ Чоргунскаго моста и, наконецъ, для обстрѣливанія во флангъ нашихъ батарей, была выдвинута къ редуту англійская гаубичная батарея [1]).

Въ то же самое время французы приняли всѣ мѣры къ охраненію такъ называемаго Трактирнаго моста, и расположенное впереди его укрѣпленіе было занято полубатальономъ 2-го полка зуавовъ. Для поддержанія этого полубатальона были поставлены двѣ батареи: одна на средней возвышенности Ѳедюхиныхъ высотъ, подъ прикрытіемъ батальона 95-го линейнаго батальона, а другая, — на восточной возвышенности горъ, подъ прикрытіемъ полубатальона 19-го егерскаго полка. У выхода изъ дефиле, ведущаго къ Трактирному мосту, расположился 1-й полкъ африканскихъ конныхъ егерей, изъ дивизіи Морриса, а остальные полки этой дивизіи стали между Ѳедюхиными и Гасфортовыми высотами, имѣя на правомъ флангѣ полкъ сардинской, а въ резервѣ дивизію англійской кавалеріи.

Открытая нами въ этомъ пунктѣ артиллерійская канонада была непродолжительна. Превосходное дѣйствіе нашей батарейной № 3-го батареи 17-й артиллерійской бригады наносило значительный вредъ непріятелю и заставило его отодвитуться отъ моста, и тогда наша артиллерія сосредоточила свой огонь по войскамъ, расположеннымъ на Гасфортовой горѣ.

---

[1]) См. «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 187.

Видя быстрый успѣхъ въ дѣйствіяхъ отряда Липранди, главнокомандующій самъ отправился туда, для личнаго распоряженія дальнѣйшимъ ходомъ атаки. Пріѣхавъ на Телеграфную гору, князь Горчаковъ слѣзъ съ лошади и сталъ въ трубу разсматривать расположеніе непріятельскихъ войскъ. Спустя нѣкоторое время, по совѣту начальника штаба генерала Коцебу, онъ приказалъ генералу Бельгарду штурмовать Гасфортову гору и въ подкрѣпленіе ему двинулъ изъ резерва 5-ю пѣхотную дивизію. Генералъ Бельгардъ сталъ спускаться съ высотъ въ долину рѣки Черной, а пятая пѣхотная дивизія вытягивалась уже изъ резервнаго своего расположенія, какъ на нашемъ правомъ флангѣ послышались весьма частые ружейные выстрѣлы, а вслѣдъ затѣмъ раздалось громкое „ура“!

То была преждевременная атака генерала Реада.

Остановившись противъ Ѳедюхиныхъ высотъ, генералъ Реадъ вызвалъ артиллерію, приказалъ ей открыть огонь, но вскорѣ къ нему подъѣхалъ начальникъ артиллеріи генералъ Гагеманъ и доложилъ, что огонь нашъ не дѣйствителенъ и всѣ снаряды ложатся у подошвы горы, гдѣ непріятеля нѣтъ. Тогда начальникъ штаба отряда генералъ Веймарнъ отправился къ батареямъ, а Реадъ приказалъ прекратить огонь. Войска выстроились въ такомъ порядкѣ: противъ Трактирнаго моста стали три полка 12-й пѣхотной дивизіи, а правѣе ея, у брода, находившагося ниже моста, расположилась 7-я пѣхотная дивизія.

Въ это время прискакалъ къ Реаду адъютантъ главнокомандующаго Красовскій съ роковыми словами: *„пора начинать“*. Красовскій былъ посланъ главнокомандующимъ, когда отрядъ Реада находился еще въ движеніи и не открывалъ огня, а прискакалъ тогда, когда дѣйствіе артиллеріи праваго фланга было сначала въ полномъ ходу, а потомъ прекращено, по недосягаемости выстрѣловъ.

Запоздалое приказаніе главнокомандующаго удивило Реада.

— Что значитъ начинать?—спросилъ Реадъ Красовскаго.

— Я не знаю,—отвѣчалъ тотъ:—главнокомандующій приказалъ только начать сраженіе [1]).

— Стало быть, начинать атаку!—продолжалъ Реадъ,—потому что

---

[1]) Письмо кн. Горчакова военному министру 5-го августа.

предписанное въ диспозиціи мы уже исполнили: огонь открыли и потомъ его прекратили. Значитъ ли это атаковать?

Красовскій повторилъ приказаніе князя.

— Я понимаю,—сказалъ Реадъ,—что это означаетъ атаковать: скажите князю, что я атакую и прошу прислать подкрѣпленія.

Человѣкъ несомнѣнно храбрый и вмѣстѣ съ тѣмъ новый въ Крымской арміи, Реадъ опасался пропустить моментъ, удобный для атаки, и тѣмъ заслужить нареканіе. Увидѣвъ возвращавшагося отъ артиллеріи своего начальника штаба генерала Веймарна, Реадъ высказалъ ему свое намѣреніе атаковать Ѳедюхины высоты.

— Général,— сказалъ онъ Веймарну,—il faut attaquer.

— Какъ атаковать? Зачѣмъ?—спрашивалъ Веймарнъ.

Онъ говорилъ, что атаковать еще рано; что войска не встали еще въ линію и не заняли мѣстъ, назначенныхъ имъ по диспозиціи; что на правомъ флангѣ нѣтъ еще кавалерійскаго полка. „Реадъ и самъ понималъ,— пишетъ Бергъ [1]),—что дѣло что-то не такъ и вести атаки не должно, но онъ былъ человѣкъ точный, немного свѣжій въ Крыму, не знавшій нашихъ порядковъ; къ тому же онъ увѣдомилъ главнокомандующаго, что начинаетъ атаку, и дѣло приняло другой смыслъ“.

— Je ne peu pas attendre,—отвѣтилъ онъ на замѣчаніе Веймарна,—j'ai l'ordre du Prince [2]).

---

[1]) Записки объ осадѣ Севастополя, ч. I, 250.

[2]) «Я не могу ожидать, я имѣю приказаніе князя».—Эти слова уничтожаютъ всѣ многочисленныя опроверженія г. Красовскаго. Въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ», въ «Русскомъ Архивѣ» и въ сочиненіи Тотлебена «Оборона Севастополя», Красовскій, защищая себя, говоритъ одно и то же. Онъ говоритъ, что, подъѣхавши къ Реаду, передалъ ему отъ слова до слова слѣдующую фразу: «поѣзжайте къ генераламъ Липранди и Реаду, и скажите имъ, что они стоятъ до сихъ поръ? время начинать». Эта фраза не могла бы поставить въ затрудненіе Реада, видѣвшаго, что Липранди давно не стоитъ уже на мѣстѣ, что онъ сбилъ непріятеля и занялъ гору. Еслибы Реаду дѣйствительно были переданы эти слова, то онъ понялъ бы, что присланное приказаніе слѣдуетъ отнести къ бивуачному расположенію войскъ, но надо полагать, что ему были переданы слова *«главнокомандующій приказалъ начинать»*, что́ очевидно могло относиться и къ атакѣ Ѳедюхиныхъ высотъ. Далѣе г. Красовскій говоритъ, что Реадъ сказалъ ему: *„хорошо, я буду обстрѣли-*

Веймарнъ приступилъ къ соотвѣтствующимъ распоряженіямъ и прежде другихъ двинулъ впередъ Одесскій егерскій полкъ [1]), позади котораго слѣдовали полки Азовскій и Украинскій подъ начальствомъ генералъ-маіора Мартинау. Послѣдній получилъ приказаніе овладѣть укрѣпленіемъ, прикрывающимъ Трактирный мостъ, и, переправившись частію по мосту, частію въ бродъ, выше и ниже моста, атаковать Ѳедюхины высоты.

Предводимые храбрымъ командиромъ полка, полковникомъ Скюдери, одесцы бросились на мостовое укрѣпленіе. Встрѣченный батальнымъ огнемъ непріятеля, Одесскій полкъ, шедшій въ атаку съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „ура!“, ворвался въ предмостное укрѣпленіе [2]). Французы сопротивлялись не долго; видя, что полки Азовскій и Украинскій переправляются въ бродъ выше и ниже моста, и опасаясь быть отрѣзаннымъ, гарнизонъ укрѣпленія отступилъ за водопроводъ къ правому флангу бригады Фальй, выстроенной вдоль водопровода.

Перейдя черезъ мостъ и въ бродъ, по плечи въ водѣ, наши полки по пятамъ преслѣдовали непріятеля и, поражая его ружейнымъ огнемъ съ весьма близкаго разстоянія, наносили огромныя потери.

Съ Телеграфной горы хорошо видно было, какъ Одесскій полкъ занялъ мостовое укрѣпленіе и французы бѣжали за водопроводъ. Князь Горча-

---

вать мѣстность“. Такого отвѣта Красовскій получить не могъ, потому, во-первыхъ, что онъ пріѣхалъ послѣ того, какъ артиллерія уже открывала огонь и прекратила его и Реаду нечего было говорить Веймарну, что онъ получилъ приказаніе князя атаковать Ѳедюхины высоты, а во-вторыхъ, и самому Красовскому нечего было выражать сомнѣнія и подъѣзжать къ князю Горчакову съ словами: «Какъ бы ваше сіятельство еще не вышло чего-нибудь потому, что генералъ Реадъ сказалъ: «вѣдь это не значитъ же атаковать?» Эта фраза, намъ кажется, принадлежитъ къ позднѣйшей постройкѣ и противорѣчитъ со всѣмъ остальнымъ. Вообще всѣ показанія г. Красовскаго весьма сбивчивы. Онъ не точно опредѣляетъ мѣсто нахожденія главнокомандующаго и указываетъ на многія донесенія, будто бы полученныя княземъ во время нахожденія у «Новаго редута», тогда какъ они получены на Телеграфной горѣ и проч. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что дѣло происходило такъ, какъ разсказано нами выше.

[1]) Столыпинъ. Изъ личныхъ восноминаній (рукоп.).

[2]) Воспоминанія князя Святополкъ-Мирскаго.

ковъ хотя и писалъ впослѣдствіи, что, съ той минуты, когда генераломъ Реадомъ была начата рановременная атака, онъ считалъ дѣло проиграннымъ, но во время самаго дѣла онъ не думалъ еще объ этомъ, восхищался атакою полковъ 12-й дивизіи и приказалъ генералу Липранди остановить движеніе, а прискакавшему адъютанту Реада объявилъ, что посылаетъ ему въ подкрѣпленіе пятую пѣхотную дивизію [1]).

Находившійся въ свитѣ главнокомандующаго генеральнаго штаба полковникъ Меньковъ получилъ приказаніе отправиться на встрѣчу пятой дивизіи, слѣдовавшей уже на Телеграфную гору, отвести ее къ генералу Реаду и спросить его: какое назначеніе будетъ дано полкамъ этой дивизіи, пришедшимъ къ нему на помощь? Встрѣченная на половинѣ пути пятая дивизія на походѣ перестроилась въ боевой порядокъ и ускореннымъ шагомъ двинулась къ мѣсту боя.

Между тѣмъ генералъ Липранди, по приказанію главнокомандующаго, для обстрѣливанія Ѳедюхиныхъ высотъ и поддержанія атаки нашихъ войскъ, выдвинулъ батарейную № 3-го батарею 17-й и батарейную № 1-го батарею 16-й артиллерійскихъ бригадъ и приказалъ открыть огонь по непріятельскимъ войскамъ. Командиръ послѣдней батареи подполковникъ Кондратьевъ расположился противъ французской батареи и, несмотря на довольно значительное разстояніе, дѣйствовалъ такъ удачно, что взорвалъ зарядный ящикъ, и заставилъ артиллерію непріятеля нѣсколько разъ перемѣнять свою позицію [2]). Блестящее дѣйствіе нашей артиллеріи немало облегчило атаку Ѳедюхиныхъ высотъ, но, къ сожалѣнію, она не имѣла успѣха.

Шедшій впереди всѣхъ Одесскій полкъ, перейдя черезъ мостъ, тотчасъ же двинулся на Ѳедюхины высоты. Особая команда, подъ начальствомъ капитана Мровчинскаго, перекинула переносные мостки и полкъ переправился черезъ водопроводный каналъ частію по мосткамъ,

---

[1]) Письмо генералъ-адъютанта Коцебу И. И. Красовскому. См. соч. Тотлебена, ч. II, приложеніе № 70.

[2]) Рапортъ Липранди кн. Горчакову 17-го августа, № 643. Начальникъ 6-й артиллерійской дивизіи генералъ Кишинскій нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ подполковнику Кондратьеву и благодарилъ его отъ себя и отъ имени корпуснаго командира за мѣткую стрѣльбу. Впослѣдствіи благодарилъ его и главнокомандующій.

а частію въ бродъ. Успѣвшіе переправиться скорѣе другихъ 3-й и 4-й батальоны, подъ прикрытіемъ цѣпи штуцерныхъ, молодецки бросились на гору и, пробѣжавъ укрѣпленіе, сооруженное изъ мѣшковъ и шинелей, бросились на восьми-орудійную французскую батарею, находившуюся отъ перваго укрѣпленія шагахъ въ 200 или 250-ти. Здѣсь батальоны Одесскаго полка остановились и въ одинъ мигъ лишились смертельно раненымъ командира полка полковника Скюдери, убитыми командира 4-го батальона подполковника Роговскаго и многихъ офицеровъ. Оставшись безъ начальниковъ и руководителей, солдаты, не думая о движеніи впередъ, разбрелись по разнымъ мѣстамъ и, поражаемые убійственнымъ огнемъ, хозяйничали на батареѣ, какъ у себя дома. Одни заклепывали орудія, другіе тащили ихъ въ нашу сторону и, наконецъ, третьи, подъ начальствомъ прапорщика Лукина, бросились отбивать непріятельское знамя, но подоспѣвшая колонна французовъ не дозволила намъ удержать за собою ни батареи, ни знамени.

Слѣдомъ за двумя батальонами и правѣе ихъ шли два первые батальона Одесскаго полка подъ командою подполковниковъ Сарачинскаго и князя Святополкъ-Мирскаго. Переправившись черезъ мостъ, оба эти батальона бросились на возвышеніе, сбили алжирскихъ стрѣлковъ и заняли укрѣпленія для полевыхъ орудій, но были тотчасъ же вытѣснены французами, при чемъ князь Святополкъ-Мирскій былъ раненъ, а Сарачинскій сильно контуженъ. Потерявъ командира полка, трехъ батальонныхъ командировъ, почти всѣхъ офицеровъ и множество солдатъ, Одесскій полкъ, сильно тѣснимый непріятелемъ, отступилъ къ водопроводу, подъ начальствомъ бригаднаго командира генералъ-маіора Левуцкаго. Послѣдній, сильно контуженный, принужденъ былъ передать начальство маіору Гродзкому, а тотъ, будучи контуженъ въ голову, предоставилъ команду маіору Иванову. При содѣйствіи полковаго адъютанта штабсъ-капитана Бочанскаго маіоръ Ивановъ собралъ разстроенныя части, составилъ изъ полка одинъ батальонъ и, назначивъ офицеровъ командирами ротъ, отвелъ его въ резервъ [1]). За Одесскимъ полкомъ взобрались на восточную часть высотъ полки Азовскій и Украинскій, оттѣснили непріятеля, но скоро сами были сбиты и принуждены отступить.

---

[1]) Донесеніе полковника Сарачинскаго генералъ-квартирмейстеру генералу Бутурлину отъ 6-го августа.

— Ну, теперь сраженіе проиграно,—сказалъ генералъ Веймарнъ своимъ окружающимъ, смотря на остатки возвращавшихся съ боя полковъ.

Атака трехъ полковъ 12-й пѣхотной дивизіи была произведена съ такою отчаянною храбростію, что французы сравнивали ее съ лавиною, обрушившеюся на нихъ съ горъ. Они спрашивали потомъ, какъ называются полки, шедшіе въ эту славную атаку, и записали ихъ имена. Эти полки, заслужившіе похвалу и удивленіе столь же храбраго и стойкаго противника, были: Одесскій, Азовскій и Украинскій.

„Стремительность русскихъ была изумительна—писали въ англійскихъ газетахъ [1]).—Не теряя времени на стрѣльбу, они бросались впередъ съ необыкновеннымъ порывомъ. Французскіе солдаты дивизіи Каму, охранявшіе зимою траншеи при Карантинной бухтѣ и почти ежедневно имѣвшіе схватки съ русскими, увѣряли меня, что еще никогда русскіе не обнаруживали въ бою такой пылкости".

Къ сожалѣнію, мужество и удивительная храбрость нашихъ войскъ были недостаточны для удержанія за собою занятыхъ высотъ, и они, подавленныя многочисленностію непріятеля, были оттѣснены назадъ. Одинъ солдатъ подошелъ къ генералу Реаду и по-ефрейторски отставилъ ружье правой рукой въ сторону.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ,—дайте намъ резервъ.

— Кто тебя прислалъ?—спросилъ Реадъ.

— Товарищи.

— Гдѣ же офицеры?

— Они убиты.

— У меня нѣтъ резервовъ, я ихъ жду, — отвѣчалъ Реадъ,—и когда придутъ, сейчасъ же пришлю.

Солдатъ вскинулъ ружье на плечо и отправился обратно къ товарищамъ [2]).

Подкрѣпленіе все еще не приходило, поддержки не было, а стоявшій вблизи съ цѣлою седьмою дивизіею генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, не двигаясь съ мѣста, добродушно смотрѣлъ, какъ непріятель разстрѣли-

---

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 187.

[2]) Столыпинъ. Изъ личныхъ воспоминаній.

валъ остатки трехъ храбрыхъ полковъ. Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ всѣми полевыми дѣйствіями, предпринятыми нами въ Крымскую кампанію. Въ Инкерманскомъ сраженіи генералъ Жабокритскій, съ двумя полками, все время пролежалъ въ лощинѣ; здѣсь же генералъ Ушаковъ, какъ чужой, не оказывалъ никакой поддержки и раздумывалъ надъ тѣмъ, что̀ означаетъ несчастное слово *„начинать“*, произнесенное не въ добрый часъ княземъ Горчаковымъ.

Предпринимая атаку, генералъ Реадъ послалъ приказаніе Ушакову „начинать“ и точно также поставилъ его въ тупикъ. Ушаковъ не зналъ, что̀ означаетъ это несчастное слово: продолжать ли канонаду, или идти на штурмъ.

Три полка 12-й дивизіи были уже на высотахъ, а Ушаковъ все еще оставался на мѣстѣ, въ томъ вниманіи, что дѣйствія Реада не согласны съ составленною диспозиціею. Но если первоначальныя предположенія, изложенныя въ диспозиціи, по какимъ-либо причинамъ измѣнились, то, казалось бы, слѣдовало дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и для успѣха поддержать полки, одержавшіе нѣкоторую побѣду. Генералъ Ушаковъ думалъ иначе. По неприбытію на мѣсто резервовъ, онъ считалъ атаку несвоевременною и потому послалъ спросить у Реада, что̀ значитъ слово *„начинать“*.

„Тутъ я увидѣлъ,—пишетъ Столыпинъ,—всю несвязность, которая была между начальствующими лицами. Я два раза былъ посланъ къ генералу Ушакову передать приказаніе, чтобы онъ атаковалъ, но это было безуспѣшно. Онъ говорилъ, что нѣтъ людей, которые показали бы бродъ, но когда я скакалъ обратно, то лично видѣлъ четырехъ солдатъ, выставленныхъ съ этою цѣлью. Въ третій разъ я сопровождалъ генерала Веймарна, который самъ рѣшился ѣхать къ Ушакову, но этотъ послѣдній все ждалъ, когда ему донесутъ, что готовъ мостъ“.

Ушаковъ такъ и не дождался донесенія о готовности моста и все-таки принужденъ былъ двинуться въ атаку. Онъ пошелъ тогда, когда 12-я пѣхотная дивизія была уже сбита, и потому самъ потерпѣлъ пораженіе.

Три полка 7-й дивизіи: Могилевскій, Витебскій и Полоцкій, переправившись въ бродъ черезъ р. Черную [1]), двинулись къ караульному

---

[1]) Мостики, по свидѣтельству самого генерала Ушакова, долженствовавшіе прибыть къ отряду для наводки черезъ водопроводъ и Черную рѣчку, были

дому и атаковали западный скатъ средней высоты Ѳедюхиныхъ горъ. Засѣвшіе въ ложементахъ по склону горы французы встрѣтили наступающихъ выстрѣлами почти въ упоръ и сразу нанесли намъ огромную потерю. Несмотря на то, полки овладѣли нѣсколькими ложементами и караульнымъ домомъ, но не могли удержаться въ нихъ. Подоспѣвшая на помощь французская батарея открыла картечный огонь, а 82-й линейный и 3-й полкъ зуавовъ атаковали правый и лѣвый флангъ нашихъ войскъ и принудили ихъ отступить. Потерявъ до 2.000 человѣкъ убитыми и ранеными, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ перешелъ сначала на правый берегъ р. Черной, а затѣмъ отступилъ къ Мекензіевымъ высотамъ и въ послѣдующее время не принималъ въ дѣлѣ никакого участія.

Пользуясь общимъ отступленіемъ, французы снова овладѣли предмостнымъ укрѣпленіемъ и заняли его двумя линейными полками: № 95-го и № 97-го и гренадерскою ротою линейнаго № 50-го полка. Выдвинувъ на гребень высотъ свои батареи, непріятель поражалъ ихъ огнемъ отступавшія наши части и наносилъ имъ безполезную потерю.

Между тѣмъ, въ самомъ началѣ боя, главнокомандующій, видя, что полки 12-й дивизіи взобрались на высоты, послалъ флигель-адъютанта князя Оболенскаго сказать Реаду, что если нужно, то къ нему будетъ прислана, кромѣ 5-й, и 4-я пѣхотная дивизія, а если пожелаетъ, то и два полка драгунъ. Оболенскій нашелъ Реада на большой дорогѣ, близъ верстоваго столба, преспокойно стоявшаго среди града пуль, его осыпавшихъ.

— Dites au commandant en chef,—отвѣчалъ Реадъ,—que les dragons ne peuvent pas être employés en ce terrain, et quant à la 4-me division, elle est inutile, car il lui sera impossible d'emporter la position et elle se fera écharper comme la 12-me l'a été [1]).

Было семь часовъ утра, когда первый актъ боя кончился. Только теперь стали подходить наши резервы, и прежде другихъ пришла 5-я

задержаны на спускѣ съ Мекензіевой горы, а впослѣдствіи хотя часть ихъ и прибыла, но они оказались негодными.

[1]) Скажите главнокомандующему, что драгуны не могутъ быть употреблены на этой мѣстности; что же касается 4-ой дивизіи, то она безполезна, ибо ей будетъ невозможно взять позицію и она будетъ разбита точно такъ же, какъ и 12-я дивизія.

пѣхотная дивизія. Попадавшіеся ей на встрѣчу солдатики 12-й пѣхотной дивизіи просили поспѣшить на помощь.

— Ребятушки,—говорили они, — выручите, вѣдь они окаянные бѣжали онъ насъ, мы уже были въ ихъ лагерѣ, да поддержать-то некому было.

Исполняя приказаніе главнокомандующаго, полковникъ Меньковъ спросилъ генерала Реада, какъ предполагаетъ онъ распорядиться со вновь прибывшими полками.

— Я поддержу ими,—отвѣчалъ Реадъ,—отступающіе полки 12-й пѣхотной дивизіи.

Полковникъ Меньковъ поскакалъ доложить о томъ главнокомандующему, а генералъ Реадъ рѣшился повторить атаку. Не признавая необходимымъ атаковать высоты одновременно цѣлою дивизіею, онъ предпочелъ вводить въ дѣло по одному полку и приказалъ находившемуся впереди Галицкому атаковать высоты. Напрасно начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Вранкенъ, доказывалъ генералу Реаду необходимость двинуть въ атаку одновременно всю дивизію. Реадъ не слушалъ его доводовъ и остался при прежнемъ мнѣніи.

— Не вы здѣсь начальникъ,—замѣтилъ строго Реадъ генералу Вранкену,—а я, извольте исполнять, что̀ вамъ приказываютъ.

Здѣсь видно замѣчательное неумѣнье распорядиться войсками. Реадъ вводилъ въ дѣло полкъ за полкомъ, почти безъ всякихъ промежутковъ. Шедшіе сзади полки взбирались на высоты тогда, когда ихъ предшественники, разстроенные и тѣснимые непріятелемъ, спускались съ тѣхъ же высотъ и тѣмъ замедляли, а иногда и препятствовали стройному движенію атакующаго полка, подвергая его напраснымъ потерямъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, всѣ полки перемѣшались между собою, это была одна куча, обезсиленная потерями и лишившаяся почти всѣхъ начальниковъ.

Построивши свою дивизію въ боевой порядокъ, генералъ Вранкенъ хотѣлъ атаковать высоты третьимъ полкомъ дивизіи, то-есть Костромскимъ, „въ томъ вниманіи, что полкъ этотъ составлялъ четыре батальонныя колонны, но не три, какъ Галицкій; кромѣ того проведенный сквозь линіи Галицкаго полка, Костромской полкъ сознавалъ бы, что имѣетъ за собою близко подкрѣпленіе. Галицкій же

полкъ былъ бы возбужденъ чувствомъ соревнованія къ товарищамъ, которымъ выпала честь производить первымъ атаку“.

Замѣтивъ движеніе Костромскаго полка и полагая, что генералъ Вранкенъ все-таки намѣренъ атаковать высоты цѣлою бригадою, Реадъ приказалъ остановить полкъ и вести на штурмъ одинъ Галицкій.

Пока шли всѣ эти приготовленія, французы успѣли стянуть на помощь атакованнымъ пунктамъ три свѣжія дивизіи, шесть турецкихъ батальоновъ и выставить на Ѳедюхиныхъ высотахъ пять конныхъ батарей, такъ что, когда Галицкій полкъ пошелъ въ атаку, онъ почти былъ растрепанъ непріятельскими выстрѣлами.

„Огонь былъ такъ силенъ,—говоритъ Столыпинъ,—что надъ нами стоялъ какъ бы сплошной слой картечи и пуль. Мы были близко къ рѣчкѣ и высотамъ, за оной подымающимся, и эта близость была причиной, что вся эта лава неслась черезъ наши головы и поражала заднія линіи“.

Несмотря на то, предоставленный самому себѣ, храбрый полкъ перешелъ черезъ Черную рѣчку, переправился даже черезъ водопроводный каналъ, но далѣе идти не могъ. Убитые и раненые валились сотнями, уцѣлѣвшіе остановились и открыли перестрѣлку съ французами. Въ это время непріятель сыгралъ три раза сигналъ нашего отступленія. Солдаты, заслыша сигналъ, подались назадъ, а французы, сознавая свое превосходство въ силахъ, перешли въ наступленіе и отбросили остатки Галицкаго полка обратно за рѣку Черную. Тѣ, которые не послушали сигнала, заплатили жизнію. Въ числѣ ихъ былъ и поручикъ Чагодаевъ, бывшій впереди. Окруженный восемью зуавами и имѣя въ рукахъ солдатское ружье, онъ закололъ нѣсколькихъ зуавовъ, но за то остальными былъ поднятъ на штыки.

Для поддержанія Галицкаго полка, былъ двинутъ Костромской полкъ. Еще на мѣстѣ разстроенный огнемъ непріятеля, онъ пошелъ въ атаку въ то время, когда въ рядахъ его не было уже значительнаго числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Непріятельскія пули летали столь густо, что подымали по всему полю такую пыль, какую подымаетъ экипажъ, ѣдущій по большой дорогѣ, въ сухое время. Едва только Костромской полкъ двинулся впередъ, какъ командиръ 2-го батальона, маіоръ Соколовъ, шедшій впереди, былъ раненъ въ лѣвую

руку выше локтя. Зажимая рану, онъ продолжалъ идти впередъ, но вскорѣ получилъ двѣ раны, одну въ животъ, другую въ грудь.

— Сказать капитану Шайтарову,—крикнулъ Соколовъ, падая, чтобы принялъ команду батальономъ.

Не успѣлъ Шайтаровъ выбѣжать передъ батальонъ, какъ былъ раненъ въ пахъ навылетъ. Тогда подъѣхалъ къ полку начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-маiоръ Веймарнъ, который и повелъ полкъ въ атаку. Несмотря на свою малочисленность, полкъ пошелъ смѣло впередъ. Французы подпустили его на довольно близкое разстоянiе и потомъ сразу пронизали градомъ пуль и картечи. Половины людей не стало, не стало и ѣхавшаго впереди полка генерала Веймарна— онъ былъ смертельно раненъ пулею въ лобъ и упалъ съ лошади.

Солдаты бросились въ штыки; завязалась ужасная схватка, кончившаяся однако же отступленiемъ полка. Шедшая впереди цѣпь застрѣльщиковъ вся легла на мѣстѣ, и французы разсказывали потомъ, что она лежала парами на полѣ битвы.

Генералъ-адъютантъ Реадъ, видя новую неудачу, приказалъ подкрѣпить Костромской полкъ остатками Галицкаго полка, лишившагося уже полковаго и трехъ батальонныхъ командировъ. Оставшiйся въ полку единственный штабъ-офицеръ, маiоръ Чертовъ, повелъ вторично въ атаку остатки Галицкаго полка, которые, присоединившись къ Костромскому, потѣснили было непрiятеля, но потомъ были смяты и отброшены за Черную рѣчку.

Послѣ троекратной неудачной попытки, генералъ-адъютантъ Реадъ двинулъ на штурмъ Федюхиныхъ высотъ Вологодскiй полкъ. Вступившiй въ командованiе дивизiею, вмѣсто раненаго генерала Вранкена, бывшiй командиръ этого полка, генералъ-маiоръ Тулубьевъ, хотѣлъ самъ вести вологодцевъ въ атаку, но едва появился передъ полкомъ, какъ былъ сброшенъ съ лошади сильною контузiею въ грудь. Полкъ пошелъ съ настоящимъ своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Вронскимъ, выбилъ французовъ изъ предмостнаго укрѣпленiя, перешелъ черезъ рѣчку, переправился черезъ водопроводный каналъ, но въ это время понесъ такiя потери, что только нѣсколько храбрецовъ могли взобраться на высоты, гдѣ и были окружены почти со всѣхъ сторонъ непрiятелемъ. Только храбрость командира 4-го батальона, маiора Мѣдникова, да дѣйствiя

облегченной № 5-го батареи капитана Бороздина спасли остатки полка отъ совершеннаго уничтоженія и помогли вологодцамъ отступить.

— Когда было передано приказаніе нашему полку идти на штурмъ,— разсказывалъ маіоръ Мѣдниковъ,—то я былъ уже пѣшкомъ; въ одной рукѣ былъ у меня кистень, а въ другой кинжалъ: это повѣрнѣе форменной сабли. Какъ мы пошли, то, чтобы попасть къ мосту, батальонъ принялъ вправо и немного опередилъ третій батальонъ; тутъ я крикнулъ „ура!“ и мы заняли ровъ мостового укрѣпленія. Надобно было немного отдохнуть; стрѣлять нельзя было ни намъ, ни французамъ: тѣ кидаютъ въ насъ каменьями, мы въ нихъ тоже. Отдохнувъ минуту—другую, я говорю: что за перекидка камнями—подсаживай другъ друга прикладами. Какъ подсадили человѣкъ десятокъ, я велѣлъ подсадить и себя. Потомъ живо мы взобрались всѣ, но французы не дожидались долго—подрали въ гору, а мы за ними. Какъ взобрались до половины, то я опять пріостановилъ своихъ, чтобы перевести духъ—крѣпко были уставши. Посмотрѣлъ, а кучка-то у меня небольшая, человѣкъ 150, много что 300, а тутъ четыре колонны выдвинулись и хотятъ насъ охватить; нѣтъ, думаю, дудки, взглянулъ назадъ—наши не подходятъ, вотъ я и началъ отступать отстрѣливаясь, да вотъ и все тутъ.

При отступленіи четвертаго батальона, знаменщикъ былъ тяжело раненъ; два ассистента, принявшіе отъ него знамя, одинъ за другимъ были убиты, и послѣ этого знамя, перебитое въ древкѣ, упало на землю. Лежавшій возлѣ того мѣста, раненый барабанщикъ Азовскаго пѣхотнаго полка, Степанъ Реутовичъ, несмотря на боль отъ раны, поднялъ перебитое знамя и вынесъ его изъ схватки, за что и получилъ орденъ Св. Георгія.

Преслѣдовавшіе вологодцевъ французы, послѣ отчаянной схватки, снова овладѣли Трактирнымъ мостомъ и находившимся впереди его укрѣпленіемъ. Тогда дивизіонный квартирмейстеръ подъѣхалъ къ генералу Реаду, чтобы спросить, прикажетъ ли онъ направить на штурмъ послѣдній четвертый полкъ дивизіи, но въ это мгновеніе осколокъ лопнувшей гранаты сорвалъ Реаду лѣвую часть головы.

Со смертью главнаго начальника, положеніе наше сдѣлалось весьма критическимъ.

Три полка 5-ой дивизіи были разстроены до крайности, оставался

одинъ четвертый, да и тотъ, потерявъ, стоя на мѣстѣ, до 170 человѣкъ, не могъ быть посланъ по необходимости прикрыть отступившія части и дать имъ время устроиться. Потерявъ корпуснаго командира, его начальника штаба, двухъ начальниковъ дивизій, всѣхъ бригадныхъ командировъ, большую часть полковыхъ и батальонныхъ командировъ и 118 офицеровъ, полки 5-й дивизіи представляли одну общую кучу и находились въ опасномъ положеніи быть атакованными многочисленнымъ непріятелемъ. Ихъ спасъ только туманъ, смѣшанный съ пороховымъ дымомъ, не дозволявшій французамъ различать ясно предметы и разсмотрѣть положеніе и численность нашихъ войскъ.

Въ это время къ разстроеннымъ полкамъ прибылъ полковникъ Меньковъ, присланный главнокомандующимъ. Когда Меньковъ привезъ отвѣтъ генерала Реада, относительно употребленія полковъ 5-й дивизіи, князь Горчаковъ, считая безполезнымъ вновь атаковать высоты, послѣ разстройства полковъ 12-й дивизіи, тотчасъ же приказалъ сказать генералу Реаду, чтобы онъ прекратилъ бой и вывелъ полки изъ-подъ выстрѣловъ. Прошелъ довольно значительный промежутокъ времени, пока Меньковъ успѣлъ проскакать разстояніе около $2^1/_2$ верстъ: полки 5-й дивизіи успѣли уже сходить въ атаку и были отброшены за Черную рѣчку. Подъѣзжая къ мосту, Меньковъ встрѣтилъ носилки съ раненымъ генералъ-маіоромъ Веймарномъ и тутъ же узналъ, что генералъ Реадъ также убитъ.

Одиноко и далеко за правымъ берегомъ Черной, стояли пострадавшіе полки: ни резерва, ни подкрѣпленія не было видно. Потребованная на помощь разстроеннымъ полкамъ четвертая пѣхотная дивизія была задержана въ пути и находилась далѣе четырехъ верстъ отъ мѣста боя. Дивизія эта могла спуститься съ Мекензіевыхъ высотъ но единственной только дорогѣ, загроможденной патронными ящиками, лазаретными фурами и различнаго рода обозными повозками, она принуждена была остановиться, въ ожиданіи расчистки пути, и не могла оказать никакой помощи войскамъ, находившимся въ боевой линіи.

Со смертію генерала Реада, главнокомандующій князь Горчаковъ лично принялъ начальство надъ правою колонною нашихъ войскъ. Онъ тотчасъ же отправилъ начальника Курскаго ополченія, генералъ-маіора Бѣлевцева, къ 5-й дивизіи, поручивъ ему принять начальство и устроить полки.

— Бѣлевцевъ,—сказалъ главнокомандующій,—вамъ поручаю я пятую дивизію.

Бѣлевцевъ прискакалъ на Мокрую луговину въ то время, когда полки, перемѣшавшись между собою, отступали въ безпорядкѣ. Не легко было ему остановить и устроить дивизію, которая никогда его не видала и не знала, кто онъ. По счастью, онъ замѣтилъ на полѣ небольшую кучку солдатъ и при нихъ знамя. Подскакавши къ этой кучкѣ, Бѣлевцевъ принялъ знамя въ свои руки и останавливалъ возлѣ него отступавшихъ.

— Ребята,—кричалъ онъ, — вы не знаете меня, но знаете это знамя.

Солдаты одинъ за другимъ сбѣгались и останавливались [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь сколько-нибудь вниманіе непріятеля отъ пятой дивизіи, князь Горчаковъ двинулъ на Ѳедюхины высоты первую бригаду 17-й пѣхотной дивизіи, изъ отряда генералъ-лейтенанта Липранди, стоявшаго на Телеграфной горѣ.

Полки Бутырскій и Московскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гриббе, спустились съ Телеграфной горы въ долину Черной рѣчки, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ непріятеля. Имѣя впереди Бутырскій полкъ, генералъ - маіоръ Гриббе переправился сначала черезъ Черную рѣчку по поясъ, потомъ черезъ водопроводный каналъ и смѣло атаковалъ лѣвый отрогъ Ѳедюхиныхъ высотъ. Французы встрѣтили атакующихъ сильнымъ огнемъ съ фронта и съ лѣваго боку. Бутырцы съ удивительною храбростію шли впередъ, но, дойдя до вершины горы, были такъ разстроены, что генералъ Гриббе призналъ необходимымъ смѣнить ихъ Московскимъ полкомъ. Пробѣжавъ сквозь интервалы бутырцевъ, Московскій полкъ, предводимый своимъ полковымъ командиромъ подполковникомъ Труневскимъ, опрокинулъ непріятеля и, ворвавшись въ лагерь, вступилъ въ рукопашный бой. Не видя за собою резервовъ, а передъ собою замѣчая постепенное скопленіе непріятельскихъ силъ, полки отступили, лишившись генерала Гриббе, раненаго въ ногу, командира Бутырскаго полка полковника Гернета, почти всѣхъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ.

Бутырцы и московцы, подъ прикрытіемъ высланнаго къ Черной

[1]) Бурнашевъ. «О формированіи и дѣйствіи Курскаго ополченія» (рукоп.).

рѣчкѣ Бородинскаго Его Величества полка, переправились обратно черезъ рѣку и отошли на Телеграфную гору [1]).

Непріятель производилъ учащенную стрѣльбу по отступавшимъ. „Около р. Черной — былъ адъ. Отъ густаго пороховаго дыма нельзя было различить предметовъ. Пули, ядра и гранаты падали въ такомъ изобиліи, что опасность и мысль о смерти казались неумѣстными: смерть гуляла повсюду".

Главнокомандующій разъѣзжалъ въ передовой линіи и собиралъ отставшіе полки. Во избѣжаніе напрасной потери, онъ приказалъ своей свитѣ отъѣхать назадъ; съ нимъ оставались только генералы Коцебу и баронъ Вревскій, подъ которымъ была убита лошадь. Пересѣвъ на другую, чтобы сопровождать князя далѣе, баронъ Вревскій скоро былъ убитъ ядромъ въ голову.

Видя, что непріятель развернулъ на высотахъ до 50.000 человѣкъ войска [2]), и что дальнѣйшее нападеніе невозможно, князь Горчаковъ рѣшился прекратить бой. Войска были выведены изъ-подъ выстрѣловъ непріятеля и оставались въ такомъ положеніи около четырехъ часовъ. Главнокомандующій разсчитывалъ, что французы, пользуясь своимъ превосходствомъ, атакуютъ насъ, что было бы весьма выгодно, такъ какъ полки были расположены на весьма удобной и довольно сильной мѣстности [3]) и имѣли въ резервѣ цѣлую дивизію, не принимавшую участія въ сраженіи. Французы не рѣшились однако же двинуться впередъ, и войска наши, по неимѣнію воды, около 2-хъ часовъ по полудни, отступили на Мекензіевы высоты, потерявъ во время сраженія 11-ть генераловъ, 249 человѣкъ офицеровъ и 8.010 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля простиралась до 1.800 человѣкъ.

„На удачу я мало разсчитывалъ, — писалъ князь Горчаковъ [4]), — но не думалъ понести столь большаго урона.

„Порывъ, оказанный всѣми частями войскъ нашихъ, имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, счастливый исходъ, если бы генералъ Реадъ не сдѣлалъ

---

[1]) Рапортъ генерала Липранди кн. Горчакову 17-го августа № 643.

[2]) По показаніямъ иностранныхъ историковъ, на этомъ пунктѣ въ дѣйствительности было собрано 60.000 человѣкъ.

[3]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру отъ 6-го августа № 2688.

[4]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 5-го августа.

преждевременной частной атаки, вмѣсто той, которую я предполагалъ сдѣлать совокупно войсками его и генералъ-лейтенанта Липранди, непосредственно поддержанными главнымъ резервомъ.

„Въ сраженіи участвовали лишь большая часть пѣхоты и часть пѣшей артиллеріи; что касается до кавалеріи, то, по свойству мѣстности, она не могла быть употреблена въ дѣйствительномъ бою, и только небольшое число оной находилось нѣкоторое время подъ ядрами.

„Войска дрались съ примѣрнымъ мужествомъ. Пѣхота явила въ сей день опыты самой блестящей храбрости, преодолѣла подъ убійственнымъ огнемъ двойное препятствіе (рѣку и каналъ) и неоднократно выбивала штыками превосходнаго по численности противника изъ сильныхъ позицій, укрѣпленныхъ окопами, искусно приспособленными къ мѣстности.

„Артиллерія, не взирая на относительныя невыгоды ея расположенія, дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ: не разъ заставляла она молчать непріятельскія батареи, расположенныя на господствующей мѣстности, и сильно поражала пѣхоту“.

„Огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ и безъ всякаго результата,—отвѣчалъ Государь [1]), — меня крайне огорчаетъ. Сожалѣю отъ души о бѣдномъ Реадѣ, заплатившемъ кровью за свою ошибку, равно о Вревскомъ, Веймарнѣ и двухъ полковыхъ командирахъ, моихъ старыхъ сослуживцахъ.

„Сейчасъ прибылъ флигель-адъютантъ Эссенъ,—писалъ Императоръ на другой день князю Горчакову [2]),—съ подробнымъ донесеніемъ о дѣлѣ 4-го числа, изъ котораго я еще болѣе убѣдился, что славныя войска наши исполнили долгъ свой свято. Прошу объявить имъ, отъ генерала до солдата, мою искреннюю и душевную благодарность“.

Въ то время, когда послѣ атаки Өедюхиныхъ высотъ, войска наши были остановлены на позиціи, по правую сторону р. Черной, съ батареи, выдвинутой противу лѣваго уступа Өедюхиныхъ горъ, гдѣ находился главнокомандующій, замѣченъ былъ вдали одиночный солдатъ, который, послѣ каждаго сдѣланнаго имъ выстрѣла перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Князь Горчаковъ послалъ двухъ казаковъ привести отсталаго солдата

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову отъ 11-го августа.

[2]) Тоже отъ 12-го августа.

на батарею. Прибылъ егерь лейбъ-егерскаго Бородинскаго Его Императорскаго Величества полка Матвѣй Шелкуновъ.

— По какому случаю ты остался сзади другихъ?—спросилъ главнокомандующій егеря.

— Прикрывалъ отступленіе раненыхъ товарищей, ваше сіятельство!—отвѣчалъ Шелкуновъ. Былъ я въ цѣпи,—продолжалъ егерь,— пошли мы къ рѣчкѣ—не глубже, какъ по поясъ было—перебѣжали рѣчку; а за ней другая—рѣка не рѣка, а канава водяная; попробовалъ: глубоко, и вдругъ не перескочишь. Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу—и мостиковъ не надо—цѣпь перебралась. Врагъ сидѣлъ въ канавкахъ—мы въ штыки—мигомъ перекололи, многіе побѣжали на гору. Опрокинули мы кухню ихъ—знать, кашу варили—да вдогонку за ними. Въ это время дали цѣпи сигналъ отходить назадъ, я позамѣшкался. Отошелъ за канаву; мѣсто попалось хорошее — кустикъ былъ; я и давай палить... Кто вылѣзетъ впередъ, того и повалишь. Разстрѣлявъ свои патроны, пошелъ я назадъ; смотрю: убитый мушкетеръ лежитъ; снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны. Я снова за кустикъ, далъ выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю, трое раненыхъ. Я одинъ: извѣстное дѣло, трехъ не подберешь! „Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!“ Двое ползли, а вотъ этотъ, что со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался: рана-то животовая. Какъ замѣчу, что ползуны мои отстаютъ, и я пріостановлюсь, сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ!.. Вотъ, ваше сіятельство, и добрели мы кое-какъ до своихъ! Богъ милосердъ: сохранилъ меня цѣла и невредима и благословилъ меня оказать помощь товарищамъ!..

Матвѣй Шелкуновъ принесъ на себѣ пять ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ онъ составлялъ прикрытіе. Главнокомандующій приказалъ Матвѣя Шелкунова произвести въ унтеръ-офицеры и собственноручно надѣлъ знакъ военнаго ордена на грудь храбраго егеря.

Во все время, пока гудѣли выстрѣлы на Черной рѣчкѣ, въ Севастополѣ было тихо; казалось, обѣ стороны прислушивались къ тому, что происходило въ полѣ. Въ самое раннее утро, 4-го августа, были присланы на батареи письменныя приказанія, въ которыхъ объяснялись

наши намѣренія. Въ этихъ приказаніяхъ говорилось, что, въ случаѣ успѣха сраженія, будетъ открытъ огонь, при чемъ указано каждому бастіону, противъ какихъ именно батарей непріятеля должны быть направлены выстрѣлы. Въ городѣ царствовала невозмутимая тишина; напряженный слухъ старался различать отдаленные выстрѣлы. Въ случаѣ успѣха предполагалось, независимо отъ открытія огня, сдѣлать большую вылазку изъ Севастополя. Войска собрались и были наготовѣ выступить и напасть на непріятельскія траншеи, по сигналу. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждали защитники города этого сигнала! Вдали виденъ былъ только дымъ, стлавшійся въ направленіи Черной рѣчки, но всѣ стоявшіе на батареяхъ и укрѣпленіяхъ не спускали глазъ съ того мѣста, гдѣ должна была рѣшиться участь Севастополя. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали условнаго сигнала, но прошелъ часъ, и среди не прекращавшейся еще стрѣльбы непріятель сталъ пускать ракеты. Наступилъ полдень, а сигнала для вылазки изъ Севастополя не было. Тогда родилось сомнѣніе на счетъ успѣха, и, наконецъ, послѣ большихъ надеждъ, защитники впали въ совершенно противуположную крайность. Понемногу канонада начала утихать, а къ десяти часамъ совсѣмъ прекратилась.

Предполагавшаяся вылазка не состоялась, вслѣдствіе опасенія главнокомандующаго подвергнуть гарнизонъ безъ видимой необходимости большимъ и безполезнымъ потерямъ... „Непріятельскія параллели очень глубоки,—писалъ князь Горчаковъ [1]),—и расположенный въ нихъ траншейный караулъ весьма многочисленъ. Нельзя дебушировать противъ нихъ, не подвергая себя убійственному ружейному огню и дѣйствію картечи многочисленныхъ батарей, которыми заняты траншеи. Только цѣною огромныхъ потерь, вышедшія войска могли бы занять ближайшую къ намъ параллель, такъ что имъ было бы почти не возможно овладѣть слѣдующею параллелью. Подобная вылазка стоила бы мнѣ множества людей, не принося никакого результата, ибо непріятель былъ достаточно силенъ, чтобы противостоять намъ съ двухъ сторонъ. Я предпочелъ поэтому сохранить мой гарнизонъ въ цѣлости и не подвергать его чрезвычайно убійственному бою, результатъ котораго, въ случаѣ принятія имъ дурнаго оборота, могъ бы провести непріятеля въ самую крѣпость, вмѣстѣ съ войсками отбитой имъ вылазки“.

---

[1]) Военному министру отъ 6-го августа 1855 г.

Неудача наша въ сраженіи на р. Черной происходила отъ весьма многихъ причинъ. Первая и самая главная та, что главнокомандующій, вступая въ бой, не опредѣлилъ точно главнаго пункта атаки, а предоставилъ себѣ право выбирать его подъ огнемъ непріятеля, среди жаркаго дѣла. За нѣсколько недѣль до сраженія князь Горчаковъ производилъ частыя рекогносцировки непріятельскаго расположенія, результатомъ которыхъ было то, что послѣ первой рекогносцировки французы стали рыть траншеи, послѣ второй — строили батареи, а послѣ третьей — вооружили ихъ.

— Мы хлопочемъ для французовъ,—говорилъ Липранди, смотря на рекогносцировки главнокомандующаго.

Наканунѣ боя были разосланы по войскамъ диспозиціи, проникнутыя полнѣйшею нерѣшительностію и связывающія дѣятельность каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ. Ни Липранди, ни Реадъ не могли воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и должны были, для каждаго послѣдующаго шага, ожидать особаго распоряженія и приказанія.

По тѣмъ же диспозиціямъ войскамъ было назначено спускаться съ Мекензіевыхъ высотъ по одной и той же дорогѣ, но не соображено, гдѣ будетъ находиться хвостъ колонны, когда головѣ придется вступить въ дѣло. Отъ этого вышла путаница и то, что когда 12-я дивизія принуждена уже была послѣ долгаго боя отступить, то резервъ только спускался съ горы. Задерживаемый на пути разнаго рода повозками, онъ подвигался впередъ весьма медленно и, при всемъ желаніи князя Горчакова, 4-я дивизія не могла принять участія въ дѣлѣ. Она была такъ далеко отъ мѣста боя, что если бы французы перешли въ наступленіе, то нечѣмъ было поддержать отступающіе и разстроенные наши полки. Общій голосъ арміи обвинялъ въ этомъ генералъ-квартирмейстера Бутурлина, какъ виновника безпорядковъ, доходившихъ до того, что еще до спуска съ Мекензіевыхъ высотъ многіе полки сбивались съ дороги. „Для наблюденія за правильнымъ дебушированіемъ войскъ въ долину р. Черной,—пишетъ очевидецъ [1]),—князь Горчаковъ послалъ еще съ вечера самого Бутурлина, но тотъ, спустившись съ горы, подъѣхалъ къ бивуаку 7-й дивизіи, разослалъ коверъ и преспокойно проспалъ всю

[1]) Милошевичъ. «Замѣтки о славной эпохѣ Севастопольской» (рукоп.).

ночь. Уже на утро обнаружилось, что вездѣ и во всемъ путаница и вранье“.

Войска вступали въ бой безъ строго опредѣленной цѣли и безъ взаимной поддержки. Не было необходимости производить частыя рекогносцировки и при томъ съ большою свитою, чтобы опредѣлить, что ключемъ позиціи были Ѳедюхины высоты, а не Гасфортова гора. Простымъ глазомъ съ передовыхъ постовъ видно было, что Ѳедюхины высоты сильнѣе укрѣплены, чѣмъ Гасфортова гора, а между тѣмъ для атаки первыхъ было назначено только $25^1/_4$ батальоновъ, а для штурма Гасфортовой горы 31 батальонъ. Атаковавъ Телеграфную гору такою массою войскъ, мы овладѣли ложементами, прогнали передовыя сардинскія войска и этимъ закончили нашу дѣятельность на лѣвомъ флангѣ. Главнокомандующій прибылъ на гору и сталъ соображать, что̀ предпринять далѣе. Войска оставались въ бездѣйствіи; по всей нашей линіи былъ открытъ артиллерійскій огонь, во многихъ мѣстахъ безвредный для непріятеля. Выстрѣлы пробудили союзниковъ, и всѣ выгоды внезапнаго нападенія исчезли. Въ виду нашихъ войскъ непріятель сталъ собираться и приготовился къ бою прежде, чѣмъ князь Горчаковъ пришелъ къ окончательному заключенію о необходимости штурмовать Гасфортову гору.

Реадъ получилъ запоздалое приказаніе *начинать* и, полагая, что оно относится къ началу штурма, двинулъ полки на Ѳедюхины высоты. Начался рядъ геройскихъ подвиговъ полковъ нашей славной арміи. Подвигами ихъ любовались французы съ Сапунъ-горы и сардинцы—съ Гасфортовой; ими восхищались главнокомандующій съ Телеграфной горы и генералъ Ушаковъ, спокойно стоявшій съ своею дивизіею въ долинѣ Черной рѣчки, но никто не приходилъ имъ на помощь. „На правомъ флангѣ отбитые,—говоритъ участникъ [1]),—мы идемъ на лѣвомъ; на лѣвомъ отброшенные—направляемся въ центръ, и все это подъ огнемъ ихъ артиллеріи и сильнѣйшимъ ружейнымъ; переправляемся черезъ рѣчку, водопроводную канаву и (взбираемся) на крутыя высоты. Надо было отступить, и мы отступили“.

На помощь отступившимъ пришла 5-я дивизія, но и ее постигла

---

¹) Письмо штабсъ-капитана Риттера къ Н. М. Батезатулу отъ 7-го августа.

та же участь На распорядителей дѣла нашло какое-то затменіе, и они предоставили полкамъ бороться поодиночкѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ причины, которыя обусловливали нашу неудачу въ сраженіи на р. Черной, сраженіи, рѣшившемъ окончательно судьбу Севастополя.

XLIII.

Пятое бомбардированіе Севастополя.—Геройская стойкость гарнизона.—Положеніе города.—Намѣренія главнокомандующаго отстаивать его до послѣдней крайности.—Рескриптъ Императора князю Горчакову.—Положеніе нашихъ верковъ.—Шестое усиленное бомбардированіе Севастополя.

Послѣдняя попытка къ спасенію славнаго города не удалась, и наша армія снова приняла оборонительное положеніе. Подъ впечатлѣніемъ успѣха, пріобрѣтеннаго въ сраженіи на р. Черной, союзники открыли въ четыре часа утра, 5-го августа, *пятое бомбардированіе* Севастополя, направляя выстрѣлы преимущественно на Корабельную и на лѣвую сторону четвертаго бастіона. Канонада эта, съ небольшими только перерывами, продолжалась въ теченіе двадцати сутокъ. Ежедневный уронъ нашъ простирался въ этотъ періодъ времени отъ 500 до 1.500 человѣкъ.

Стояла жаркая погода; брустверa нашихъ укрѣпленій совершенно высохли, отчего непріятельскій огонь дѣйствовалъ на нихъ самымъ разрушительнымъ образомъ: мерлоны, каждую ночь возобновляемые подъ жестокимъ огнемъ, разсыпались отъ нѣсколькихъ снарядовъ; насыпи глыбами осѣдали въ ровъ, и работы, стоившія неимовѣрныхъ усилій и потерь, распадались въ прахъ; валы укрѣпленій, насыпаемые вторично изъ сухой и рыхлой земли, не имѣли никакой связи.

Окруживъ ожерельемъ батарей весь холмъ, на которомъ былъ прежде Камчатскій люнетъ, французы громили ими преимущественно второй бастіонъ и Малаховъ курганъ.

Застоналъ Севастополь подъ градомъ вражьихъ ядеръ. На всемъ пространствѣ укрѣпленій, охватывающихъ Корабельную сторону, вплоть до 4-го бастіона развергся адъ.

„Огромное бомбардированіе,—доносилъ князь Горчаковъ [1]),—вѣроятно, скоро доведетъ насъ до необходимости очистить городъ. Надѣюсь. что до этой крайности мы не дойдемъ до окончанія моста черезъ бухту, но Вашему Императорскому Величеству надобно быть готову на все. Дѣло натянуто до крайности. Армія ваша и я,—мы дѣлали, что могли, и едва-ли заслуживаемъ въ чемъ бы то ни было упрека, но постоянное числительное превосходство непріятеля, неимовѣрныя всякаго рода средства, коими онъ располагаетъ, не могли не повлечь за собою окончательнаго перевѣса въ пользу союзниковъ. Видно, такова воля Божія; надобно ей покориться съ свойственнымъ народу Вашему самоотверженіемъ и продолжать исполнять свой долгъ, какой бы оборотъ дѣла ни принимали“.

„Если обстоятельства,—отвѣчалъ на это Императоръ [2]),—принудятъ васъ оставить южную часть Севастополя и вмѣстѣ съ нею жертвовать остатками нашего флота, *то дѣло еще далеко не потеряно.* Усиливши еще болѣе укрѣпленія Сѣверной стороны и со вновь прибывающими къ вамъ дружинами, вы будете довольно сильны, чтобы встрѣтить непріятеля въ полѣ и не дать ему проникнуть въ глубь полуострова... Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началомъ новой, настоящей кампаніи. Да будетъ благословеніе Божіе съ нами.

„Обнимаю васъ отъ всего сердца и благодарю искренно за неусыпные труды, переносимые вами съ обычнымъ вашимъ самоотверженіемъ, и которые я умѣю цѣнить“.

Между тѣмъ бомбардированіе съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе усиливалось и, охвативъ значительное пространство, достигло до ужасныхъ размѣровъ.

Въ это утро вѣтеръ былъ со стороны непріятельскихъ батарей. Дымъ отъ выстрѣловъ черною тучею тянулся на насъ и мѣшалъ прицѣливать орудія. Наши батареи отвѣчали сначала рѣдкими выстрѣлами, но съ наступленіемъ дня, когда вѣтеръ перемѣнился, дымъ потя-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 5-го августа 1855 г. (Арх. Канц. воен. минис., дѣло № 41).

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 11-го августа.

нулся вправо, по направленію къ морю, и очистилось небольшое пространство, раздѣляющее двухъ противниковъ, выстрѣлы посыпались еще чаще. Съ бастіоновъ стали видны непріятельскій станъ и его огнедышащія батареи, на которыхъ не замѣтно было живой души. Подъ прикрытіемъ небольшаго траншейнаго караула, стояли на непріятельскихъ укрѣпленіяхъ одни артиллеристы и посылали къ намъ гранату за гранатой. Безъ устали они работали, потому что имѣли на каждое орудіе по три и болѣе смѣны. Союзникамъ не было надобности разбрасывать своихъ людей по всей линіи траншей, потому что они сами избирали направленіе выстрѣловъ; имъ не надо было держать большаго числа войскъ въ траншеяхъ, потому что, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился Севастопольскій гарнизонъ, имъ нечего было опасаться нападенія съ нашей стороны.

Совершенно въ обратномъ положеніи находились обороняющіеся. Они не знали, противъ какихъ батарей непріятелю вздумается открыть огонь, слѣдовательно, по всей оборонительной линіи прислуга орудій должна находиться на мѣстахъ, всегда готовая отвѣчать на выстрѣлы врага. Нападающій скрещивалъ свои выстрѣлы съ различныхъ батарей на одну изъ нашихъ, тогда какъ обороняющійся разсѣевалъ свои выстрѣлы, отвѣчая на выстрѣлы противника. Обороняющемуся не извѣстно было, когда противнику вдумается броситься на штурмъ; слѣдовательно, онъ всегда долженъ былъ держать на бастіонахъ значительное число войскъ, которыя, не принося никакой пользы при бомбардированіи, несли значительныя потери.

Люди гибли въ эти дни во множествѣ, но оставшіеся не унывали. Какое-то гордое сознаніе своего достоинства, отвага, удаль и молодечество видны были на всѣхъ лицахъ.

„Въ одной рубахѣ, съ Георгіемъ на груди, въ широкихъ парусинныхъ шароварахъ, съ чернымъ галстукомъ, концы котораго падаютъ на грудь, въ солдатской фуражкѣ, стояла прислуга у орудій, закоптѣлая въ дыму, замаранная порохомъ отъ выстрѣловъ, облитая кровью и потомъ. Въ моментъ боя эти жители бастіона, постоянно борющіеся со смертію въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, казались тѣми неземными существами, для которыхъ кровавыя сѣчи составляютъ райское блаженство“!..

Въ теченіе цѣлаго дня непріятель усиливалъ огонь донельзя, со-

средоточивая свои выстрѣлы преимущественно на тѣ амбразуры, которыя были направлены на его подступы. Если ему не удавалось подбить стоявшія въ этихъ амбразурахъ орудія, то онъ почти всегда сильно вредилъ нашимъ насыпямъ. Для этой послѣдней цѣли союзники весьма часто стрѣляли залпами и, казалось, хотѣли забросать защитниковъ снарядами. Попадая въ насыпи по нѣскольку штукъ за разъ, снаряды производили въ нихъ огромное сотрясеніе и разрушеніе. Залпъ—это ужасный способъ наносить вредъ противнику. Трудно описать то впечатлѣніе, когда съ батареи вылетаетъ сразу ядеръ пятнадцать, двадцать; они сметаютъ на своемъ пути все встрѣчающееся.

„Ревъ, который происходитъ при стремленіи этой кровожадной стаи снарядовъ, потрясаетъ самыхъ отважныхъ. Въ мірѣ, кажется, нѣтъ предмета, который не сокрушился бы подъ этими страшными ударами, нѣтъ предмета, кромѣ мужества человѣка“.

Около полудня 5-го августа французы успѣли взорвать на второмъ бастіонѣ пороховой погребъ, на Малаховомъ курганѣ два склада бомбъ, а къ вечеру принудили замолчать оба укрѣпленія. На лѣвой половинѣ оборонительной линіи стрѣляли только 1-й и 3-й бастіоны, послѣдній чрезвычайно успѣшно. Огонь третьяго бастіона былъ такъ губителенъ для англійскихъ батарей, что многія изъ нихъ были сбиты и нѣсколько погребовъ взорвано.

Такъ, съ 5-го по 7-е августа, артиллерія третьяго бастіона успѣла сбить всѣ ближайшія англійскія батареи. На слѣдующій день, 8-го августа, бастіонъ не только отвѣчалъ на выстрѣлы, направленные противъ него, но даже помогалъ четвертому бастіону. Такимъ образомъ, третій бастіонъ, получившій между севастопольцами названіе „*честнаго*“, держалъ англичанъ постоянно въ далекомъ отъ себя разстояніи и, не допуская перевѣса въ непріятельскомъ огнѣ, имѣлъ поврежденія значительно слабѣйшія, чѣмъ всѣ прочія укрѣпленія Корабельной стороны.

Съ наступленіемъ ночи, непріятель, прекративъ дѣйствіе прицѣльныхъ выстрѣловъ, бросалъ бомбы навѣсно и открывалъ самый частый штуцерной огонь, съ цѣлью воспрепятствовать исправленію укрѣпленій. Штуцерныя пули летѣли не только на батареи и бастіоны, но онѣ

были направлены и на дороги, ведущія къ укрѣпленіямъ, чтобы воспрепятствовать движенію рабочихъ, подвозу матеріаловъ и орудій. На бастіонахъ снаряды ложились кучами, иногда сразу падало по 30-ти бомбъ на самомъ незначительномъ пространствѣ. Дѣйствіе ихъ было ужасно. „Въ моихъ глазахъ,—говоритъ Н. А. Крыжановскій [1]), — семи-пудовая бомба, попавшая въ траверсъ, сложенный изъ мѣшковъ, въ $1^1/_2$ сажени шириною и $2^1/_2$ или 3 длиною, разметала его совершенно. Такая бомба дѣйствуетъ не хуже фугаса. Надо видѣть Севастопольскую осаду, чтобъ убѣдиться, до какой степени ужасенъ залпъ мортирной батареи. Послѣ четырехъ хорошихъ залповъ цѣлый бастіонъ измѣняетъ фигуру, какъ театральная декорація. Противъ семи-пудовой бомбы не можетъ устоять никакой блиндажъ,—все летитъ верхъ дномъ, и конечно одинъ только русскій солдатъ остается въ этомъ аду непоколебимымъ и спокойнымъ“.

Въ эту бомбардировку раненыхъ было немного, потому что большею частію били наповалъ.

Южная сторона Севастополя представляла въ эти дни самую грустную и тяжелую картину. Улицы и площади были почти сплошь покрыты ядрами и неразорвавшимися бомбами; мостовыя взрыты и дома разрушены. Крестовъ на главахъ церквей и колоколенъ, которыми обыкновенно украшаются русскіе города, не было видно; звона колоколовъ не было слышно. Все гражданское оставило Севастополь; жители нигдѣ уже не попадались, только на базарѣ, гдѣ еще производилась кое-какая торговля, можно было встрѣтить нѣсколькихъ бабъ и мужичковъ, да на берегу бухты отставные матросы спокойно удили рыбу и перевозили желающихъ съ Южной стороны города на Сѣверную [2]).

Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, не было уже возможности исправлять всѣхъ поврежденій, а приходилось ограничиться только самыми необходимыми, тѣмъ болѣе, что ощущался недостатокъ въ запасахъ лѣса, туровъ и земляныхъ мѣшковъ.

Исправивъ насколько возможно укрѣпленія, не спавшій и не отдыхавшій всю ночь гарнизонъ долженъ былъ выдерживать столь же силь-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19-го августа 1855 года.

[2]) А. Левкинскій. «Двадцать два дня въ Севастополѣ» (рукоп.)

ное бомбардированіе, открытое непріятелемъ съ разсвѣтомъ 6-го августа. Въ этотъ день артиллерія атакующаго пріобрѣла значительное преимущество передъ нашею, такъ что, къ восьми часамъ утра, нѣкоторыя батареи Корабельной стороны ослабили свое дѣйствіе, другія вовсе смолкли.

Пользуясь превосходствомъ своего огня, непріятель все ближе и ближе подходилъ къ оборонительной линіи, такъ что, на разсвѣтѣ 8-го августа, французы находились только въ разстояніи 35-ти саженъ отъ Малахова кургана. По непріятельскимъ подступамъ былъ открытъ тотчасъ же самый сильный огонь изъ всѣхъ тѣхъ орудій, которыя остались цѣлыми и могли дѣйствовать.

Въ этотъ день главнокомандующій обходилъ укрѣпленія оборонительной линіи [1]). Подъ самымъ сильнымъ огнемъ, онъ шелъ въ сопровожденіи большой свиты и съ любовью, съ сердечною нѣжностію благодарилъ именемъ Царя за стойкость всѣхъ, кого только встрѣчалъ: генерала и матроса, офицера и закопченнаго пороховымъ дымомъ солдата. Появленіе вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ храбрыя войска, укрѣпило утомленныхъ и утѣшило отважныхъ героевъ, бойцевъ севастопольскихъ. Придя на Малаховъ курганъ, князь Горчаковъ осматривалъ новыя работы непріятеля и замѣтилъ одному изъ присутствующихъ, что французы значительно подвинулись впередъ своими подступами.

— Торопятся, ваше сіятельство, — отвѣчалъ на это одинъ изъ случившихся здѣсь солдатъ,—потому кашу хотятъ ѣсть изъ одной чашки съ нами.

Такой отвѣтъ, очень понравившійся главнокомандующему, лучше всего указывалъ на то веселое настроеніе духа, которымъ были проникнуты каждый изъ защитниковъ полуразрушенныхъ укрѣпленій, и которое не могла поколебать жестокая канонада, стоившая намъ 3.800 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ четырехъ-дневное, пятое, бомбардированіе произведено было съ оборонительной линіи 29.400 артиллерійскихъ выстрѣловъ, тогда какъ союзники выпустили 56.500 снарядовъ. Штуцерной огонь былъ

---

[1]) Письмо кн. Горчакова военному министру 6-го августа 1855 г.

такъ густъ, что невозможно было не только высунуть головы, но даже руки,—въ мигъ она была прострѣлена.

Эта туча чугуна, устилавшая Севастополь, жестоко разрушавшая наши укрѣпленія и тысячами уничтожавшая смѣлыхъ защитниковъ, только закаляла уцѣлѣвшихъ и, казалось, побуждала ихъ на сверхъестественныя усилія.

Такъ 6-го августа наряженному въ ночную работу, на вновь устраиваемую батарею близъ втораго бастіона, шестому баталіону Замосцьскаго резервнаго егерскаго полка, исправляющимъ должность начальника 5-го отдѣленія предложено было обождать, пока сколько-нибудь уменьшится непріятельскій огонь и тогда уже идти на работу, на что̀ какъ командующій этимъ полкомъ, такъ равно и всѣ офицеры отвѣчали: „что имъ извѣстно, какъ спѣшны и необходимы работы, почему и желаютъ отправиться для того немедленно“. Тогда капитанъ-лейтенантъ Ильинскій, видя, что огонь не уменьшается, но желая удовлетворить общему рвенію чиновъ помянутаго баталіона, разрѣшилъ идти на работу, что̀ и было исполнено съ хладнокровіемъ и мужествомъ, несмотря на сильный огонь непріятеля.

Узнавъ о такомъ рвеніи чиновъ баталіона, главнокомандующій благодарилъ ихъ приказомъ по войскамъ и назначилъ для нижнихъ чиновъ по два георгіевскихъ креста на роту.

Чѣмъ жарче было въ Севастополѣ, тѣмъ закаленнѣе и ожесточеннѣе становились его защитники. Совершенное равнодушіе къ смерти, или, лучше сказать, презрѣніе къ ней дошло до невѣроятной степени. Твердость и мужество солдатъ проявлялись на каждомъ шагу. Цѣлыя вереницы ихъ съ безмятежнымъ спокойствіемъ тянулись по самымъ опаснымъ мѣстамъ, тамъ, гдѣ, какъ пчелы возлѣ улья, жужжали штуцерныя пули, гдѣ ежеминутно то ядро упадетъ, то граната лопнетъ.

Подъ такимъ свинцовымъ дождемъ безпрестанно возили порохъ, туры, воду и прочее. Тамъ вереница солдатъ плетется съ пустыми котелками за кашею, здѣсь, нагруженный снарядами, тащится полуфурокъ, на тройкѣ истощенныхъ безпрерывною работою лошадокъ; въ иномъ мѣстѣ возвращаются на бастіонъ носильщики, съ окровавленными носилками, или медленно, шагъ за шагомъ, тянутся гуськомъ солдаты съ тяжелыми

мѣшками земли на плечахъ. На встрѣчу имъ попадется раненый; осколки камней и песку избороздили его лицо, повырывали куски мяса; онъ видимо страдаетъ отъ боли, но не возбуждаетъ къ себѣ состраданія встрѣчныхъ.

— Экъ тебя разукрасило!—замѣтитъ раненому солдатъ съ тяжелою ношею и пойдетъ своею дорогою.

Въ это время падаетъ бомба. Солдатъ съ мѣшкомъ или останавливается, или прижимается къ стѣнкѣ, ожидая, что̀ будетъ. Бомба шипитъ, но не разрывается; мѣшокъ давитъ спину остановившагося, онъ дѣлается нетерпѣливымъ.

— Да ну же, лопайся, проклятая!—произноситъ онъ съ досадою и совершеннымъ равнодушіемъ къ тому, что она можетъ разнести его въ куски.

Оставшись невредимымъ отъ разрыва бомбы, безмятежный ея сосѣдъ съ прежнимъ равнодушіемъ тащитъ мѣшокъ на указанное мѣсто, отряхиваясь отъ осыпавшей его пыли и земли.

Съ 9-го августа непріятель хотя и не прекращалъ огня по укрѣпленіямъ Корабельной стороны, но велъ его замѣтно слабѣе. Пользуясь этимъ временнымъ перерывомъ, обѣ враждующія стороны торопились возвести новыя батареи, исправить старыя и пополнить убыль въ людяхъ. На южную сторону Севастополя, еще въ первый день бомбардированія, 5-го августа переведена была 4-я пѣхотная дивизія, въ составѣ 16 батальоновъ, въ которыхъ насчитывалось 7.500 человѣкъ [1]). Два полка этой дивизіи были направлены на Карабельную, а два составили резервъ на Городской сторонѣ. Прибытіе свѣжихъ силъ дало возможность нѣсколько усилить земляныя работы. Защитники присыпали новыя батареи, гдѣ только было свободное мѣсто, и строили ихъ позади оборонительной линіи, чтобы встрѣтить картечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля въ случаѣ, если бы онъ штурмовалъ передовую линію укрѣпленій и занялъ ихъ [2]).

Для свободнаго сообщенія войскъ уширялись проходы между насыпями, исправлялись дороги и, наконецъ, приходила къ окончанію построй-

---

¹) Записка генералу Коцебу гр. Остенъ-Сакену, 5-го августа 1855 г.

²) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, отд. II, 140—145.

ка моста черезъ главную бухту, для сообщенія южной части города съ сѣверною. Мостъ этотъ 15-го августа былъ готовъ, освященъ и открытъ.

Безпрерывный огонь, поддерживаемый непріятелемъ днемъ и ночью, чрезвычайно разрушительно дѣйствовалъ на наши укрѣпленія. Ударъ одного ядра, взрывъ одной бомбы въ насыпи портили ихъ на большое разстояніе; въ нихъ оказывались такія поврежденія, которыя исправлять не было никакой возможности [1]). Съ каждымъ днемъ Малаховъ курганъ и второй бастіонъ приходили все въ бо̀льшее и бо̀льшее разстройство. Съ неимовѣрными усиліями и съ огромными жертвами, обороняющійся исправлялъ въ теченіе ночи поврежденія въ пороховыхъ погребахъ и амбразурахъ, и едва успѣвалъ сдѣлать утромъ по нѣскольку выстрѣловъ изъ каждаго орудія, по непріятельскимъ траншеямъ, какъ въ самое непродолжительное время атакующій, дѣйствуя по этимъ укрѣпленіямъ сосредоточеннымъ перекрестнымъ огнемъ, засыпалъ на нихъ всѣ амбразуры, подбивая часть орудій, и приводилъ ихъ къ совершенному молчанію. Послѣ этого осадныя батареи продолжали цѣлый день почти безнаказанно громить эти укрѣпленія, подвергаясь сами только выстрѣламъ отдаленныхъ батарей третьяго и перваго бастіоновъ и еще болѣе отдаленныхъ батарей Сѣверной стороны.

Каждый вечеръ второй бастіонъ представлялъ груду развалинъ, и ни одно орудіе его не могло дѣйствовать свободно. Вынося на себѣ огонь 70-ти непріятельскихъ орудій, бастіонъ этотъ былъ постоянно въ самомъ жаркомъ огнѣ.

„Легко можете себѣ представить,—писалъ Н. А. Крыжановскій [2]),— что послѣ дѣла 4-го августа мы ходимъ не на розахъ. Съ утра 5-го числа началась отчаянная бомбардировка лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, и до сихъ поръ она продолжается, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ въ первые дни. Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ осыпаютъ бомбами нещадно. Всѣ батареи союзниковъ во всѣхъ параллеляхъ и траншеяхъ уставлены мортирами огромнаго калибра, взятыми съ ихъ лѣваго фланга; въ насъ дуютъ изъ батарей самыхъ ближайшихъ, ядрами и прицѣльно бомбами; изъ батарей же отдаленныхъ навѣсно. Сладить съ этою артиллеріею нѣтъ никакой возможности. Каждый вечеръ всѣ амбразуры

---

[1]) Воспоминаніе о службѣ въ Крыму. «Воен. Сбор». 1864 г. № 9.

[2]) Въ письмѣ генералу А. П. Безаку отъ 19-го августа 1855 г.

2-го бастіона и Малахова кургана завалены, всѣ траверсы разрушены. Третьяго дня, ходилъ я по этимъ бастіонамъ и видѣлъ, какъ во многихъ мѣстахъ ядра прорѣзывали насквозь наши слабые полуразрушенные брустверы, которые теперь гораздо болѣе похожи на кучи разбитаго мелкаго камня, чѣмъ на фортификаціонныя постройки. Ежедневная наша потеря доходитъ до 700 человѣкъ, а съ заболѣвающими и до 1.000. Насъ всѣхъ въ Севастополѣ около 40.000. Черезъ 20 дней останется 20.000, что будетъ тогда, Богу одному извѣстно. Поддержанные этимъ баснословнымъ артиллерійскимъ огнемъ, союзники ведутъ двойную сапу на 2-й бастіонъ. Препятствовать имъ формально вести эту сапу нѣтъ никакой возможности, потому что артиллерія наша, или, вѣрнѣе, наши амбразуры съ перваго же момента открытія огня подавляются ихъ бомбами. Еслибъ они рѣшились на штурмъ, можетъ быть съ Божіею помощью мы отдѣлались бы какъ-нибудь; но штурмовать, повидимому, они не собираются. По мнѣнію моему, остается одно: продержась на 2-мъ бастіонѣ до послѣдней возможности, взорвать его на воздухъ, и, занявъ позади его другую линію, начать новую борьбу, которую продлить, если можно, до осени. Сзади 2-го бастіона уже строится новая оборонительная линія очень выгодно расположенная“.

Получивъ названіе ада, бойни и толчеи, второй бастіонъ былъ въ это время опаснѣйшимъ мѣстомъ, какое только было въ Севастополѣ. На бастіонѣ не сохранилось ни одной правильной насыпи, ни чистаго рва, ни одного цѣлаго блиндажа и пороховаго погреба,—все это было разбито, разрушено, скомкано и перевернуто. Здѣсь не было ни одного безопаснаго мѣстечка: бомбы, ядра и пули рѣяли по всѣмъ направленіямъ и наносили огромное опустошеніе въ рядахъ его защитниковъ.

„Чтобы видѣть русскую натуру,—писалъ Н. А. Крыжановскій,—въ полномъ и простомъ величіи, надо сходить на 2-й бастіонъ. Послѣ безсонной и труженической ночи, послѣ тяжкихъ ночныхъ работъ въ каменистомъ грунтѣ, солдатъ съ утра беретъ ружье и ждетъ штурма, въ теченіе цѣлаго дня, стоя на банкетѣ и прикрывая голову мѣшками; онъ занимается охотою по людямъ и все это исполняетъ онъ, если не весело, за то безъ жалобъ“.

Каждый изъ назначенныхъ на бастіонъ шелъ туда съ полною увѣренностію, что не возвратится, и случалось, что для нѣкоторыхъ созна-

тельное ожиданіе смерти продолжалось не нѣсколько минутъ или часовъ, а нѣсколько дней и даже недѣль. Поставьте себя на мѣсто каждаго изъ жившихъ на бастіонѣ, тогда вы глубоко прочувствуете и поймете нижеслѣдующій не хитрый, но богатырскій отвѣтъ одного изъ героевъ этой ужасной драмы.

Въ одинъ изъ тяжелыхъ дней для втораго бастіона и именно 14-го августа, главнокомандующій, князь Горчаковъ, посѣтилъ укрѣпленіе, гарнизонъ котораго составляли закаленные въ бою остатки храбрыхъ полковъ 8-й пѣхотной дивизіи. Это были, дѣйствительно, остатки, потому что 26-го августа во всѣхъ трехъ полкахъ: графа Дибича Забалканскаго, Полтавскомъ и Кременчугскомъ, насчитывалось только 2.317 человѣкъ, занимавшихъ линію резервовъ на всемъ протяженіи пятаго отдѣленія оборонительной линіи. Обходя разрушенный второй бастіонъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ спросилъ у окружавшихъ его солдатъ:

— Много ли васъ здѣсь на бастіонѣ?

Одинъ изъ ближе стоявшихъ къ князю егерей на минуту призадумался, какъ бы соображая что-то, и затѣмъ съ полнымъ спокойствіемъ и тѣмъ геройскимъ равнодушіемъ, которыя отличаютъ русскаго солдата наканунѣ всякой опасности, отвѣчалъ:

— Дня на три хватитъ, ваше сіятельство!

Здѣсь жизнь сложилась такъ, что богатыри - защитники дѣлили себя на очереди, когда кому лечь костьми на защиту родины, и выжидали рѣшенія своей участи спокойно, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти.

— Поклонитесь передъ ними, они достойны вашего почтенія,— сказалъ одинъ изъ проповѣдниковъ;—поучайтесь у нихъ, какъ защищать родную землю,—прибавимъ мы,—отдавая дань удивленія этимъ смѣлымъ сынамъ Россіи.

Да, достойны удивленія всѣ стоявшіе подъ тѣмъ адскимъ огнемъ, который не прерывался цѣлый августъ мѣсяцъ.

Огонь этотъ, преимущественно навѣсный, производился днемъ и ночью столь усиленно, что исправленіе поврежденій было почти не возможно. Осмотръ укрѣпленій и въ особенности втораго бастіона произвелъ на главнокомандующаго весьма грустное впечатлѣніе. „Второй бастіонъ,—

доносилъ князь Горчаковъ [1]),—и прилегающія къ нему вѣтви, не что иное какъ развалина, а амбразуры такъ завалены, что могутъ только по нуждѣ стрѣлять картечью. Почти то же, но въ нѣсколько меньшей степени и на лѣвой сторонѣ Корнилова бастіона. Стойкость, съ коею эти груды развалинъ удерживаются храбрымъ войскомъ нашимъ, точно заслуживаетъ удивленія. Къ бастіону № 2-го непріятель приближается тихою сапою, которая теперь въ 30 саженяхъ. Мѣшать ея слѣдованію крайне трудно. При открытіи нами огня ружейнаго и пушечнаго, непріятель отвѣчаетъ сильнѣйшимъ. Вылазка не имѣла бы успѣха, потому что позади сапы, въ весьма близкомъ разстояніи, непріятель имѣетъ сильно занятые плацдармы. Мы обстрѣливаемъ эту сапу изъ разныхъ невыгодныхъ мѣстъ, орудіями, кой-гдѣ сохраненными, и ночью ружейною пальбою: и отъ этого одного она подается весьма медленно. Не взирая на все вышеизложенное, я удостовѣрился, бывъ на мѣстѣ, что есть еще возможность довольно долго оспаривать Корнилова бастіонъ; а позади 2-го бастіона сдѣлать абшнитъ, который его замѣнитъ, когда при крайнемъ сближеніи непріятеля мы его взорвемъ".

Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство и то, что черезъ мѣсяцъ настанутъ равноденственныя бури; что союзники, не рѣшаясь оставаться на другую зиму, по всей вѣроятности, попытаются вновь штурмовать городъ, и что наконецъ отступленіе на Сѣверную сторону, даже и при существованіи моста, будетъ стоить намъ большихъ потерь, князь Горчаковъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности. „Я рѣшился,—писалъ онъ,—не отходить на Сѣверную часть, а продолжать защищать Южную съ упорствомъ, до того времени, пока уже увижу невозможность отбить штурмъ. Конечно, мы будемъ между тѣмъ нести большой уронъ и можетъ быть даже не отобьемъ штурма. Но въ замѣнъ можетъ случиться, что намъ удастся отбить непріятеля, а можетъ быть и принудить снять потомъ осаду: ибо я никакъ не думаю, чтобы непріятель рѣшился провести вторую зиму въ теперешнемъ положеніи. Если приступъ будетъ отбитъ, онъ, вѣроятно, отойдетъ въ Камышевыя и Балаклавскія укрѣпленія, которыя весьма сильны, а бо̀льшую часть своихъ войскъ отвезетъ въ Константиполь.

„Намѣреніе мое подвергаетъ насъ большимъ случайностямъ; но на-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 14-го августа 1855 г.

добно выбирать изъ двухъ золъ менѣе вредное, и въ особенности держаться тѣхъ дѣйствій, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чести русскаго оружія. Продолженіе до крайности защищать Севастополь, конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, большой уронъ, но она для того только и существуетъ, чтобы умирать за вашу славу.

„Въ этихъ видахъ, я не останавливаю слѣдованія сюда дружинъ среднихъ губерній, дабы не упустить времени и имѣть возможность подкрѣпиться ими, въ случаѣ если дѣла примутъ благопріятный оборотъ".

„Рѣшеніе ваше,—отвѣчалъ Государь князю Горчакову [1]),—не оставлять Южной части Севастополя, безъ крайней необходимости, *не могу не одобрить*, ибо оно, по мнѣнію моему, соотвѣтствуетъ *вполнѣ и чести нашего оружія и пользамъ Россіи*, за что искренно благодарю васъ.

„Да поможетъ намъ Богъ до конца выдержать тяжкое испытаніе, свыше намъ ниспосланное. Вы поймете, что въ душѣ моей происходитъ, когда я думаю о геройскомъ гарнизонѣ Севастополя, о дорогой крови, которая ежеминутно проливается на защиту роднаго края. Сердце мое обливается этою кровью, тѣмъ болѣе, что горькая чаша эта досталась мнѣ по наслѣдству; но я не унываю, надѣюсь на милость Божію и счастливъ, видя чувства, которыя одушевляютъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества.

„Вы вновь предугадали мою мысль не останавливать слѣдованія дружинъ ополченія. Предположеніе мое о пополненіи ими растаявшихъ полковъ вашей арміи должно уже быть въ вашихъ рукахъ. Теперь буду ожидать донесенія вашего объ исполненіи сей полезной мѣры.

„Я также совершенно раздѣляю вашу мысль, что если Богъ благословитъ отбить новый штурмъ, что весьма можетъ быть, то сія новая неудача принудитъ союзниковъ снять осаду, ибо едва-ли рѣшатся они провести вторую зиму въ Крыму.

„По послѣднему телеграфическому донесенію вашему видно, что огонь непріятеля былъ умѣренный, но что подступы его, хотя медленно, но все-таки подвигаются впередъ. Я много надѣюсь теперь на новые

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 21-го августа 1855 г.

ретраншаменты, устраиваемые позади первой линіи, а въ особенности на стойкость нашихъ славныхъ войскъ и распорядительность достойныхъ ихъ начальниковъ. Скажите имъ, что я ими горжусь и счастливъ былъ бы съ ними раздѣлять ихъ труды, если бы обязанность моя позволила мнѣ слѣдовать одному влеченію моего сердца, ибо я въ душѣ солдатъ".

Въ теченіе пятнадцати дней (съ 9-го по 24-е число) непріятель бросилъ въ укрѣпленія и въ разрушенный городъ 132.528 снарядовъ; съ нашей стороны выпущено 51.275 снарядовъ и разстрѣляно 555.000 патроновъ. Число ружейныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ союзниками, было еще больше того числа, которое было сдѣлано нами.

Отъ столь сильнаго огня мы понесли потерю въ 8.921 человѣка убитыми и ранеными, тогда какъ у непріятеля выбыло изъ строя около 3.500 человѣкъ. Наша потеря была частію пополнена тремя дружинами Курскаго ополченія, размѣщенными на 4-мъ отдѣленіи оборонительной линіи.

Гарнизонъ принялъ ополченцевъ съ восторгомъ [1]).

— Побратимы, родимые, — говорили солдатики. — Православные бородачи, вы пришли къ намъ по завѣту батюшки Царя.

— Ну, тепереча, братцы, будетъ трепка французу, — замѣчали севастопольцы — потому, нутро Россіи пришло.

Послѣ продолжительной и жестокой бомбардировки, не одни только укрѣпленія и ближайшія къ нимъ улицы пострадали отъ выстрѣловъ — весь Севастополь глядѣлъ могилою. Всѣ улицы, даже Екатерининская, мѣсяцъ тому назадъ еще оживленная, теперь сильно пострадала: дома были разрушены; мостовыя и тротуары изрыты бомбами. Это была въ ту пору дорога ядеръ, рикошетировавшихъ цѣлыми шеренгами; путь для бомбъ, лившихся непрерывною струею. Совершенно пустая, она по временамъ только оживлялась угрюмою партіею проходившихъ войскъ, проѣзжавшихъ фурштадтскихъ телѣгъ и проносимыхъ окровавленныхъ носилокъ. Кругомъ не было живаго мѣста, повсюду ужасъ и разрушеніе: тутъ стѣна разбита, тамъ крыша разметана взрывомъ; всѣ улицы покрыты мусоромъ, щебнемъ, камнями и осколками бомбъ. Нигдѣ не видно было ни одного дерева, только свѣжіе пни свидѣтельствовали о быломъ

---

[1]) Никатовъ. «Записки охотника».

существованіи садиковъ, истерзанныхъ и исковерканныхъ непріятельскими снарядами, даже трава вся пожелтѣла и обгорѣла.

Въ это тяжелое время подъ именемъ Севастополя извѣстны были Николаевская батарея, да площадка около Графской пристани — все остальное лежало въ развалинахъ и искрещивалось выстрѣлами. Считаясь сравнительно безопасною, площадка у Графской пристани стала послѣднимъ убѣжищемъ для жителей Севастополя. Тутъ стояла пѣхота, расположенная бивуакомъ, и артиллерія съ разбитыми возлѣ коновязями; тутъ же, пріютившись гдѣ-нибудь къ стѣнкѣ, сидѣли торговки передъ столиками, на которыхъ съ утра до поздней ночи кипѣлъ самоваръ, продавались яблоки, булки, куски какого-то мяса, плавающіе въ сальной водѣ. Съ шутками, прибаутками, со смѣхомъ и вздохомъ торговки разливали этотъ соусъ въ глиняныя чашки и подавали ихъ проголодавшимся. Безпрерывное движеніе, работы и шумъ на пристани оживляли этотъ уголокъ и рѣзко отдѣляли его отъ прочихъ частей города.

Главная жизнь и дѣятельность сосредоточилась въ Николаевскихъ казармахъ, куда переселилось почти все начальство осажденнаго города. Туда перенесенъ былъ перевязочный пунктъ; тамъ же помѣщались и сестры милосердія. Въ это время въ Николаевской батареѣ всѣ казармы были наполнены народомъ: корридоры и галлереи заняты солдатами, часть нижняго этажа торговцами. Здѣсь явились вывѣски заведеній, магазиновъ и даже вольной аптеки. Здѣсь были штабы и канцеляріи, госпитали и церковь, присутственныя мѣста и гостиница, аптека, кондитерская, лавки и трактиръ, устроенный въ одномъ изъ казематовъ. Нѣсколько столовъ, покрытыхъ черной клеенкой, и простыхъ скамей составляли все убранство трактира; уголъ, отгороженный множествомъ поставленныхъ другъ на друга бочекъ и боченковъ и покрытыхъ сверху большой доской, составлялъ буфетъ трактира. Самое разнообразное общество постоянно наполняло это мрачное жилище. Всѣ столы были заняты во всякое время дня и ночи; стукъ ножей, вилокъ и ложекъ былъ похожъ на звукъ барабанной дроби.....

Въ Николаевскія казармы стекалось все Севастопольское населеніе за всевозможными покупками. Здѣсь можно было достать всякіе товары, хотя за весьма дорогую цѣну; тутъ можно было узнать самыя свѣжія новости, хотя часто сомнительной вѣрности. Всѣ разговоры сводились

на одинъ разсказъ, что союзники подвинулись слишкомъ близко, и что наступаютъ послѣдніе дни для Севастополя.

Дѣйствительно, къ 24-му августа непріятель подвинулся впередъ настолько, что находился отъ рва втораго бастіона только въ 20-ти, а отъ Малахова кургана въ 17-ти саженяхъ.

Такое приближеніе непріятельскихъ подступовъ почти къ самымъ рвамъ нашихъ укрѣпленій, неисправимыя поврежденія, а главное, причиняемый огнемъ непріятеля гарнизону уронъ, возраставшій отъ необходимости съ каждымъ днемъ увеличивать число рабочихъ, указывали на близость времени штурма Севастопольскихъ укрѣпленій. Въ ожиданіи его, въ улицахъ города стали усиливать баррикады, приготовляли все необходимое для подорванія бастіоновъ и батарей, переводили на Сѣверную сторону всѣ мастерскія, лабораторіи, главные пороховые склады, штабы, архивы и пр.

19-го августа приступили къ перевозкѣ въ Сѣверное укрѣпленіе арсенала и всего имущества южнаго артиллерійскаго округа; на батареяхъ число готовыхъ зарядовъ было уменьшено на половину, и приняты всѣ мѣры для отбитія въ крайнемъ случаѣ цапфъ у чугунныхъ орудій. Тридцать полевыхъ орудій изъ числа 108, находившихся въ Севастополѣ, отправлены на Сѣверную сторону. Туда же отправленъ и весь порохъ въ боченкахъ, а на Павловскомъ мыску оставлено только 6.000 готовыхъ картузовъ, составлявшихъ однодневный расходъ зарядовъ [1]).

Съ каждымъ днемъ городъ и бастіоны теряли свою внушительную оконченность, и союзные главнокомандующіе, 22-го августа, созвали военный совѣтъ, составленный только изъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ артиллеріи и инженеровъ. На совѣтѣ положено было произвести штурмъ укрѣпленій Севастополя, какъ дѣйствіе самое выгодное для союзниковъ, ибо артиллерія атакующаго пріобрѣла значительное преимущество надъ огнемъ обороняющагося и большая часть его укрѣпленій была разрушена. Къ тому же дальнѣйшее веденіе подступовъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ обороняющагося, представляло для атакующаго почти неопредолимыя препятствія. Подойдя на 12 саженъ къ Малахову кургану и на 18 саженъ ко второму

---

[1]) Письмо генерала Крыжановскаго генералу Безаку 19-го августа.

бастіону, союзники въ правѣ были разсчитывать, что дальнѣйшее ихъ наступленіе будетъ происходить надъ минированнымъ пространствомъ и они будутъ находиться въ ежеминутномъ опасеніи быть взорванными. Избѣгнуть этой опасности они могли только при помощи штурма, который и рѣшено было предпринять днемъ 27-го августа. Для начала атаки не подавать никакого сигнала, а для того чтобы она началась одновременно, приказано частнымъ начальникамъ свѣрить свои часы съ часами главнокомандующихъ.

Для подготовленія вѣрнаго успѣха штурму, совѣтъ опредѣлилъ открыть, съ 24-го августа, вновь усиленное бомбардированіе, и при томъ такъ, чтобы, послѣ нѣсколькихъ часовъ самаго частаго огня, вдругъ прекращать выстрѣлы. Это прекращеніе стрѣльбы, наводя обороняющагося на мысль о намѣреніи союзниковъ штурмовать укрѣпленія, заставитъ ихъ придвинуть резервы; тогда осаждающій снова открываетъ огонь и тѣмъ наноситъ значительныя потери. Подобнымъ бомбардированіемъ, то усиливая огонь, то прекращая его,—союзники справедливо надѣялись утомить гарнизонъ и поставить его въ недоумѣніе относительно дѣйствительнаго времени, избраннаго ими для штурма.

Сообразно съ постановленіемъ военнаго совѣта, атакующій открылъ въ 5 часовъ утра, 24-го августа, *шестое усиленное бомбардированіе Севастополя*, поражая въ особенности Малаховъ курганъ, второй и четвертый бастіоны. Противъ Малахова кургана направлено было 110 орудій, въ числѣ коихъ находилось до 40 мортиръ. Эта невѣроятная канонада, потрясая и сокрушая наши укрѣпленія, осыпала защитниковъ ихъ градомъ бомбъ, гранатной картечи и пуль. Кромѣ обыкновенныхъ снарядовъ, непріятель пускалъ ракеты и бросалъ бочки, наполненныя порохомъ. Одной такой бочки было достаточно, чтобы разбросать цѣлый траверсъ [1]). Адскій огонь этотъ продолжался денно и нощно до 27-го числа. Союзники стрѣляли то залпами, то бѣглымъ непрерывнымъ огнемъ; они то прекращали огонь, то открывали его противъ Городской стороны и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, прекращали огонь здѣсь и переносили его опять на Корабельную сторону. Направляя свои выстрѣлы въ мерлоны и амбразуры, они одновременно срывали укрѣпленія и поражали ихъ защитниковъ. Все, что наука, искусство и опытъ вѣковъ создали

[1]) Письмо генерала Крыжановскаго генералу Безаку 7-го сентября 1855 г.

и открыли истребительнаго—все было исчерпано до дна, на разрушеніе Севастопольскихъ укрѣпленій и на гибель ихъ защитниковъ. Къ концу дня, насыпь Малахова кургана была срыта до половины, ровъ засыпанъ, почти всѣ амбразуры разрушены, много орудій подбито.

Еще того хуже было положеніе втораго бастіона, противъ котораго было направлено 90 непріятельскихъ орудій. Наибольшей опасности подвергались пороховой и бомбовый погреба. На сохраненіе ихъ отъ взрыва обращалось особенное вниманіе, и потому здѣсь гибло болѣе всего людей, трудившихся надъ засыпаніемъ углубленій, производимыхъ безпрестанно падавшими бомбами.

Осыпаемый тучею ружейныхъ пуль и гранатной картечи, бастіонъ представлялъ бойню въ полномъ значеніи слова. Здѣсь въ теченіе двѣнадцати часовъ, изъ 600 человѣкъ гарнизона выбыло 200 убитыми и ранеными. Непріятельскіе снаряды ложились за бастіономъ такъ густо, что отправить раненыхъ на перевязочный пунктъ не было возможности; ихъ, по необходимости, оставляли до наступленія ночи.

Прекращеніе сообщенія бастіона съ городомъ лишало возможности производить въ немъ даже самыя необходимыя исправленія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней не было возможности доставить на бастіонъ ни куска лѣса, ни одного тура, ни одной фашины; безъ лѣса невозможна была починка платформъ, безъ туровъ и фашинъ—исправленіе амбразуръ.

Выпустивъ въ первый день бомбардированія около 40 тысячъ выстрѣловъ, непріятель произвелъ значительное разрушеніе въ укрѣпленіяхъ и вывелъ изъ строя двѣ тысячи человѣкъ убитыми и ранеными. Выстрѣлы его разрушали городскія зданія, производили пожары, обстрѣливали Южную бухту и главный рейдъ и достигали до Сѣверной стороны. Корабли, стоявшіе на рейдѣ, подвергались непріятельскимъ выстрѣламъ, и одинъ изъ нихъ, транспортъ „Березань“, нагруженный спиртомъ, былъ зажженъ упавшею непріятельскою бомбою и горѣлъ въ теченіе всей ночи. Горѣвшій транспортъ угрожалъ поджечь мостъ, перекинутый черезъ Севастопольскій рейдъ, и тѣмъ прервать сообщеніе осажденнаго города съ Сѣверною стороною. Только при необыкновенной дѣятельности и усиліяхъ флотскихъ командъ, опасность эта была отвращена, и, уничтоживъ судно, пожаръ не распространился на мостъ и на сосѣднія суда. Пользуясь временнымъ свѣтомъ горящаго транспорта, союзники такъ и сыпали выстрѣлы

на Малаховъ курганъ и второй бастіонъ, гдѣ почти половина всѣхъ рабочихъ была перебита или переранена.

Несмотря на то, въ теченіе ночи главныя поврежденія были исправлены, и утромъ, 25-го августа, эти два укрѣпленія въ состояніи были открыть огонь, хотя и не надолго. Засыпанные снарядами съ французскихъ батарей, дѣйствовавшихъ залпами, они скоро принуждены были смолкнуть и представляли собою только подобіе нѣкогда бывшихъ укрѣпленій. Передняя часть Малахова кургана была почти срыта, а ровъ совершенно засыпанъ. Туры, поддерживающіе щеки амбразуръ, поминутно загорались, и пламя угрожало достигнуть до большаго пороховаго погреба. Тушеніе пожара представляло немалыя затрудненія, потому что, какъ только непріятель замѣтилъ дымъ, онъ направилъ на него жестокій огонь, но геройское усиліе саперъ и рабочихъ Замосцьскаго полка спасли бастіонъ отъ взрыва. Распоряжавшійся тушеніемъ пожара, прапорщикъ Томскаго полка Насакинъ раненъ, и при немъ убито было до 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Второй бастіонъ представлялъ развалины; единственные на немъ два офицерскіе блиндажа были полуразбиты и близки къ паденію. „Пожаръ слѣдовалъ за пожаромъ; погреба, служившіе постоянною цѣлію для непріятельскихъ батарей, также ежеминутно угрожали взрывомъ [1])“

Подвинувшись къ Малахову кургану не далѣе 12-ти саженъ и занявъ свои траншеи стрѣлками, непріятель поражалъ штуцернымъ огнемъ всѣхъ, кто только показывался въ амбразурахъ. Менѣе чѣмъ въ нѣсколько часовъ, прислуга при орудіяхъ бывала вся перебита, и въ теченіе дня приходилось посылать къ орудіямъ нѣсколько смѣнъ людей, шедшихъ на вѣрную смерть. Огонь осадныхъ батарей, то усиливаемый, то вдругъ прекращаемый, держалъ гарнизонъ въ постоянномъ ожиданіи штурма и принуждалъ обороняющагося придвигать свои резервы, съ появленіемъ которыхъ непріятельскія батареи открывали самую усиленную стрѣльбу и тѣмъ наносили жестокое опустошеніе въ нашихъ рядахъ.

Въ этомъ отношеніи непріятель не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы только нанести наибольшій вредъ стоявшимъ на укрѣпленіяхъ, и часто безпокоилъ насъ ложными тревогами. Такъ, однажды, часовъ въ

---

[1]) Тотлебенъ, «Оборона Севастополя», ч. II, отд. II, 159—164.

одиннадцать ночи, изъ англійскихъ траншей вдругъ взвилось нѣсколько сигнальныхъ ракетъ, а въ слѣдъ затѣмъ послышался крикъ: „ура!“ впередъ! впередъ! и открылась самая частая стрѣльба по третьему бастіону. Полагая, что непріятель произвелъ внезапное ночное нападеніе, съ бастіона сейчасъ же отозвали цѣпь. Англичане, замѣтивъ это, стали еще больше кричать, при чемъ сами изъ траншей не вылѣзали. Въ темнотѣ ночи нельзя было ничего разобрать, и потому, принимая мѣры къ встрѣчѣ незванныхъ гостей, на бастіонѣ разставили людей по банкетамъ и приблизили резервы. Англичане только того и ждали, и открыли по бастіону самый убійственный огонь со своихъ батарей. Въ такихъ случаяхъ французы обыкновенно вторили своимъ союзникамъ, и надъ Корабельною летали тучи снарядовъ.

Не было никакой возможности сосчитать число бомбъ, взрывавшихъ землю даже на одномъ Малаховомъ курганѣ. Онѣ падали цѣлыми десятками вдругъ, нѣкоторыя разрывались на землѣ, разбрасывая и коверкая все, что попадалось имъ на пути; другія врѣзывались въ землю и столбами подымали ее къ верху; иныя разрушали укрѣпленія, разбрасывали одежду батарей, мѣшки, людей, камни; иныя разрывались на воздухѣ, засыпая всю окрестность своими осколками.

Всѣ блиндажи были переполнены ранеными; многіе изъ нихъ лежали подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи ослабленія огня, или наступленія ночи. Дороги съ кургана и втораго бастіона были непроходимы отъ непріятельскихъ снарядовъ и настолько опасны, что въ теченіе трехъ дней нельзя было доставить на бастіоны не только орудій и матеріаловъ, но даже ни одного ведра воды. При стоявшихъ въ то время сильныхъ жарахъ, недостатокъ воды еще болѣе усиливалъ страданія раненыхъ. И въ такое-то адское время, на Малаховомъ курганѣ явилось нѣсколько женщинъ, пришедшихъ навѣстить и облегчить страданія своихъ раненыхъ мужей; многія изъ нихъ заплатили жизнію за смѣлую попытку добраться до кургана, но нѣкоторыя добрелись благополучно и притащили съ собою даже и дѣтей.

Непріятель стрѣлялъ залпами; раненые валялись повсюду, товарищи и начальники перевязывали имъ раны, стараясь облегчить ихъ страданія.

„Бомбы и гранаты,—говоритъ участникъ [1]), — летали какъ стаи

---

[1]) Михаилъ Фальковскій. «Записки севастопольца» (рукоп.)

перелетныхъ птицъ; прыгали и визжали какъ разыгравшіеся дикіе звѣри и, безпрестанно сверкая огненными языками, наводили ужасъ на встрѣчающагося на пути ихъ человѣка, долженствовавшаго присутствовать при подобномъ торжествѣ". Въ послѣднее время смерть была такъ близко, что о ней никто не думалъ и каждый изъ стоявшихъ на бастіонѣ считалъ невозможнымъ уцѣлѣть до завтрашняго утра. Войска убывали у насъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, можно сказать, таяли какъ снѣгъ. Каждый поставленный туръ стоилъ жизни нѣсколькихъ человѣкъ, а объ исправленіи укрѣпленій и говорить нечего: рабочіе ложились тамъ рядами. Подъ конецъ поврежденія были столь значительны, что недоставало рукъ для исправленія; дошло до того, что заваленную амбразуру приходилось, по необходимости, прочищать своимъ выстрѣломъ.

Наступали предсмертные часы многострадальнаго города. Освѣщаемый заревомъ пожаровъ, взрывомъ мелкихъ пороховыхъ погребовъ и пожаромъ фрегата „Коварный", нагруженнымъ двумя стами бочекъ спирта, Севастополь, наканунѣ своей смерти, былъ потрясенъ взрывомъ шаланды, перевозившей сто пудовъ пороха съ Сѣверной стороны города на Южную. Около 11-ти часовъ ночи, въ то время, когда двѣ шаланды съ порохомъ подходили къ пристани, непріятельская ракета взорвала одну изъ нихъ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что лѣстница на пристани была разрушена и лежавшія внизу ея пушки, въ нѣсколько сотъ пудовъ, были переброшены на верхнюю площадку; казармы, находившіяся въ ста саженяхъ разстоянія, были потрясены, двери въ нихъ растворились, и даже кровати больныхъ были сдвинуты съ мѣста.

Ужасенъ былъ этотъ взрывъ, но онъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, который испытывали ежеминутно всѣ защитники бастіоновъ и батарей. Въ три дня они приняли на себя 150.000 артиллерійскихъ снарядовъ, нѣсколько сотъ тысячъ пуль и лишились 7.561 человѣка храбрыхъ товарищей убитыми и ранеными. Человѣческія тѣла и обезображенныя части ихъ попадались на каждомъ шагу; смерть врывалась со всѣхъ сторонъ, то былъ сарданапаловскій пиръ ея. „Мрачнѣе и озабоченнѣе становились лица; исчезла прежняя веселость, не составлялись кружки съ ихъ оживленными бесѣдами, шутками и остротами. Не наблюдалось время офицерскаго обѣда и чая: поодиночкѣ, второпяхъ отправлялись эти, такъ недавно, выпуклые моменты дня.

„Только явственнѣе и безустаннѣе раздавался въ ушахъ голосъ сигналиста, монотонно тянувшаго свое: „пушка, маркела, лохматка“ и некуда было уйдти отъ этого голоса, какъ-то особенно дѣйствовавшаго на нервы. Но тутъ же, по мѣрѣ угасанія человѣческихъ жизней, все ярче и ярче горѣли неугасимыя лампады передъ иконою-покровительницею бастіона, и свѣтъ отъ множества зажженныхъ передъ нею свѣчей озарялъ по ночамъ группы молившихся колѣно-преклоненныхъ защитниковъ Севастополя“.

Они видѣли передъ собою смерть во всѣхъ ея ужасахъ, видѣли, какъ людей разрывало на части, которыя, въ свою очередь, наносили раны и контузіи возлѣ стоявшимъ; видѣли, какъ товарищи пропадали безслѣдно, только клочекъ сѣрой шинели, кусокъ мяса, или просто лужа крови, обозначали мѣсто, гдѣ, за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ, стоялъ ихъ сосѣдъ. „Проходя по Екатерининской улицѣ, къ пристани, — говоритъ одинъ изъ участниковъ обороны, — мы обогнали солдата Волынскаго полка съ окровавленнымъ узелкомъ.

— Что несешь, товарищъ?

— Маіора, ваше благородіе,—отвѣчалъ волынецъ – бомбой разнесло! Славное было начальство, ваше благородіе, такъ вотъ, что могли, собрали, похоронить несу [1]).

Странныя сцены эти не производили на защитниковъ славнаго города того впечатлѣнія, которое производятъ они на человѣка свѣжаго и небывалаго. Усталость до изнеможенія дѣлала уцѣлѣвшихъ равнодушными къ окружающимъ ихъ ужасамъ, наводила на нихъ озлобленіе и желаніе подраться. Положеніе уцѣлѣвшихъ и стоявшихъ еще на бастіонахъ было немногимъ лучше тѣхъ, кто кровью своею оросилъ родную землю. Ежеминутное ожиданіе штурма и земляныя работы до крайности истомили гарнизонъ; войска не знали покоя ни днемъ, ни ночью, никто не спалъ, и всѣ ходили сонными, усталыми и измученными въ какомъ-то забытьѣ, не совсѣмъ ясно понимая, что̀ совершается вокругъ. Каждый видѣлъ, однако же, что совершается что-то необыкновенное, небывалое. Объ отдохновеніи никто не думалъ, потому что было некогда, да и негдѣ. Блиндажей, уцѣлѣвшихъ онъ непріятельскихъ выстрѣловъ было мало, да они и не привлекали солдатъ. Въ нихъ было

---

[1]) Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ.

множество насѣкомыхъ всякаго рода, темнота, грязь и духота. Каждый свободный отъ службы предпочиталъ отдыхать подъ открытымъ небомъ, въ устроенномъ имъ самимъ помѣщеніи, гдѣ-нибудь по близости насыпи бастіона. Прислонивъ къ валу свое ружье, онъ ложился возлѣ него, положивъ ранецъ подъ голову. Сидѣть въ аммуниціи было какъ-то неловко, а снять ея нельзя ни на минуту, и вотъ онъ поваливался съ боку на бокъ, проводя въ полудремотѣ все время, пока не позовутъ его на службу. Служба на бастіонѣ трудна и разнообразна, а потому и залеживаться ему не давали. Денная и ночная цѣпь, множество секретовъ и прикрытій батарей, партіи, отправляемыя въ помощь кашеварамъ нарубить дровъ, натаскать воды, наряды на пристань за мясомъ, за водкою, которую привезутъ съ Сѣверной, команды, отправляемыя таскать сухари, крупу, принимать патроны, сдать испорченное оружіе и принять новое, всѣ эти занятія, отвлекая множество людей, лишали ихъ возможности отдохнуть даже и днемъ.

Во все время пребыванія своего на бастіонѣ, солдатъ не имѣлъ возможности ни переобуться, ни перемѣнить бѣлья, валялся въ пыли и грязи по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, работая безъ устали днемъ и ночью.

Съ наступленіемъ утра гарнизонъ, въ ожиданіи штурма, былъ всегда въ готовности встрѣтить непріятеля; люди были разставлены вдоль валовъ укрѣпленій, начальники на своихъ мѣстахъ, резервы подъ ружьемъ и вдругъ едва только появится заря, вмѣсто штурма, атакующій осыплетъ градомъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. Такое напряженное и выжидательное состояніе гарнизона, ослабленнаго большими потерями, превышавшими 20.000 человѣкъ, не знавшаго въ теченіе цѣлаго мѣсяца ни сна, ни отдыха, сдѣлалось тягостнымъ до послѣдней степени.

Прибавьте къ этому невыносимый зной юга, раскаленную каменистую почву Севастополя, отсутствіе зелени и тѣни, недостатокъ воды, которую доставлять на бастіоны въ изобиліи было затруднительно, а иногда и невозможно, наконецъ безсмѣнное торчаніе на одномъ мѣстѣ, среди окружающей духоты,—если представить себѣ все это, то сдѣлается яснымъ, почему каждый изъ защитниковъ ждалъ штурма какъ манны небесной.

Съ 5-го августа, три недѣли подрядъ союзники, можно сказать, бичевали Севастополь, а между тѣмъ, вводя по временамъ въ траншеи массы войскъ, заставляли подозрѣвать приготовленіе къ штурму. И вотъ

у насъ по всѣмъ направленіямъ летѣли донесенія объ опасности, просьбы о присылкѣ войскъ, приказанія начальниковъ; начальники являлись на линіи; резервы приближались, но штурма все не было. Въ послѣдніе дни сборы войскъ въ непріятельскихъ траншеяхъ производились ежедневно. Къ нимъ всѣ привыкли и ограничивались ожиданіемъ штурма. „Да и что̀ можно было предпринять въ то время, когда главныя укрѣпленія наши были разрушены, артиллерія постоянно была приводима въ невозможность дѣйствовать, а непріятель находился въ нѣсколькихъ шагахъ, такъ что онъ въ одну или въ двѣ минуты могъ добѣжать до рва, большею частію полузасыпаннаго, и вскочить на валъ, также разрушенный [1])“.

XLIV.

Краткій очеркъ укрѣпленій оборонительной линіи.—Численность гарнизона къ 27-му августа.—Взрывъ въ непріятельскихъ минахъ впереди Малахова кургана.—Штурмъ Севастополя.—Приказъ Императора по арміи и флоту.

Наступило 27-ое августа, день предсмертныхъ страданій многострадальнаго города. Съ утра этого дня погода была вѣтреная: вода въ бухтѣ расколыхалась, солнца не было видно. Подымая съ сухой почвы облака пыли, вѣтеръ гналъ ихъ на непріятеля и скрывалъ его отъ нашихъ взоровъ [2]).

Ожидая, какъ и въ предъидущіе дни, штурма, войска съ разсвѣтомъ стояли уже въ полной готовности отразить нападеніе; орудія были заряжены картечью, стрѣлки разставлены по всей линіи укрѣпленій и резервы приближены. Въ это время на всей оборонительной линіи насчитывалось пѣхоты 40.500 человѣкъ, 1.100 саперъ и 6.200 артиллерійской прислуги, стоявшей у орудій.

Вся оборонительная линія, какъ извѣстно, раздѣлялась Южною бухтою на двѣ половины: на *Корабельную* сторону, лежавшую восточнѣе, и *Городскую*—западнѣе южнаго берега.

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. II, отд. II, 174.

[2]) Сборникъ рукописей, т. I, 456.

Корабельную сторону дугою охватывали, начиная съ лѣваго нашего фланга, отъ большаго рейда, бастіоны № 1-го и № 2-го, Малаховъ курганъ и бастіонъ № 3-го съ ихъ промежуточными укрѣпленіями. На Городской сторонѣ были расположены бастіоны № 4-го, № 5-го, № 6-го и № 7-го, съ ихъ соединительными батареями. Оборонительная линія Городской стороны состояла изъ *перваго* и *втораго* отдѣленій; Корабельная—изъ *третьяго*, *четвертаго* и *пятаго* отдѣленій. На Корабельной сторонѣ находилось 54 батальона, 3 дружины Курскаго ополченія и 28 полевыхъ орудій—всего 23.300 человѣкъ, начальство надъ которыми ввѣрено было генералъ-лейтенанту Хрулеву. На Городской сторонѣ было 40 батальоновъ, силою въ 17.200 человѣкъ, съ 16 полевыми орудіями подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Семякина.

Начальниками войскъ на отдѣленіяхъ были: на первомъ генералъ-маіоръ Хрущевъ, на второмъ—генералъ-маіоръ Шульцъ, на третьемъ—генералъ-лейтенантъ Павловъ, на четвертомъ—генералъ-маіоръ Буссау и на пятомъ—генералъ-маіоръ Сабашинскій.

Въ такомъ положеніи были войска, когда непріятель, вмѣсто штурма, открылъ съ ранняго утра столь жестокую стрѣльбу, что къ полудню у насъ выбыло изъ строя 2.000 человѣкъ гарнизона.

— Что-то крѣпко бьютъ сегодня,—говорили шедшіе съ батарей наши раненые.

Били дѣйствительно очень крѣпко; каждый прицѣльный выстрѣлъ насквозь пробивалъ нашу насыпь, которая не представляла уже непріятелю никакой преграды. Съ разсвѣтомъ было замѣчено, что французы всю ночь работали и еще ближе подвинулись къ Малахову кургану. „Мы разсчитывали,—пишетъ участникъ [1],—что еслибы противники наши предполагали на сей день штурмъ, то дали бы ночью людямъ своимъ отдыхъ, и потому почти были увѣрены, что и этотъ день пройдетъ, какъ и всѣ предъидущіе, тѣмъ болѣе, что перестрѣлка была открыта обыкновенная“.

Эта-то увѣренность и имѣла весьма гибельныя послѣдствія.

Около 8-ми часовъ утра передъ Малаховымъ курганомъ послѣдовалъ сильный взрывъ подземныхъ работъ французовъ. Тучи камней и глыбы

---

[1]) Сборникъ рукописей, т. II, 59.

земли полетѣли на курганъ; сотрясеніе было такъ сильно, что часть насыпи передъ башнею обрушилась въ ровъ. Въ этотъ моментъ Малаховъ курганъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи: брустверъ былъ весь разбитъ, а изъ орудій, могущихъ дѣйствовать, уцѣлѣло только два, остальныя были или подбиты, или засыпаны землей разбитыхъ мерлоновъ.

Посреди убійственнаго огня, союзники готовились къ штурму. День и часъ штурма хранились въ глубокой тайнѣ, такъ что назначенныя для атаки войска узнали о немъ вечеромъ наканунѣ, а приказъ имъ прочли только за нѣсколько часовъ до штурма.

Въ 8-мь часовъ утра, 27-го августа, съ батарей было замѣчено большое движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ.

Съ Инкерманскихъ высотъ и съ укрѣпленій Сѣверной стороны видно было, какъ собирались французскія войска, а съ Малахова кургана слышно было движеніе полевыхъ орудій. Объ этомъ тотчасъ же дано знать въ главную квартиру, гдѣ не было однако же принято никакихъ мѣръ ни къ усиленію, ни къ предупрежденію гарнизона. Генералъ Липранди нѣсколько разъ посылалъ сказать начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту Коцебу, что непріятель готовится къ штурму, но на заявленія эти ему отвѣчено, что вѣроятно онъ видитъ штурмъ во снѣ. Вслѣдъ за тѣмъ командиръ одной изъ батарей Сѣверной стороны, Барановскій, прислалъ казака съ донесеніемъ, что французскія колонны отъ редута Викторіи тянутся къ Севастополю, но и это извѣстіе было оставлено также безъ вниманія.

— Кому ты отдалъ записку,—спросилъ Барановскій возвратившагося казака.

— Самому начальнику штаба въ руки,—отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ же ты его нашелъ?

— У квартиры князя изволили прохаживаться.

— Что же, пошелъ онъ къ князю, прочитавши записку?

— Никакъ нѣтъ-съ; они сунули ее въ карманъ, а мнѣ приказали отправиться на мѣсто [1]).

Между тѣмъ въ непріятельскихъ траншеяхъ собрались войска 2-го французскаго корпуса генерала Боске въ числѣ 25.300 человѣкъ. Они

[1]) Изъ замѣтокъ контръ-адмирала Барановскаго (рукоп.)

предназначались для атаки Малахова кургана и 2-го бастіона, на которыхъ находилось нашихъ войскъ около 9.000 человѣкъ со всѣми резервами.

По мѣрѣ того, какъ французы собирались въ своихъ траншеяхъ, имъ читали возбуждающій къ побѣдѣ приказъ любимаго генерала.

„Солдаты 2-го корпуса и резерва! — писалъ Боске. — 7-го іюня (26-го мая) вамъ досталась честь нанести первые удары въ сердце русской арміи. 16-го (4-го) августа вы восторжествовали надъ ихъ вспомогательными силами. Сегодня ваша рука, столь извѣстная непріятелю, нанесетъ русскимъ послѣдній, смертельный ударъ, исторгая у нихъ линію верковъ, обороняющихъ Малаховъ; между тѣмъ какъ наши товарищи, англичане и 1-й корпусъ, произведутъ атаку большаго реданта (3-го бастіона) и центральнаго (4-го) бастіона. Это будетъ одинъ всеобщій приступъ арміи противъ арміи! Это будетъ долгопамятная побѣда, которая увѣнчаетъ юныхъ орловъ Франціи. Ребята, впередъ! Малаховъ и Севастополь—наши и да здравствуетъ императоръ!“.

Боске раздѣлилъ свой корпусъ на четыре колонны: одну, въ 9.600 человѣкъ, направилъ для атаки собственно Малахова кургана; другую— въ 7.400 человѣкъ, противъ 2-го бастіона; третью — въ 4.300 человѣкъ,—въ промежутокъ между этими укрѣпленіями и, наконецъ, четвертую, въ 5.000 человѣкъ пѣхоты, съ 24-я полевыми орудіями, поставилъ въ резервѣ.

Союзные главнокомандующіе, какъ мы сказали уже, рѣшили произвести штурмъ ровно въ полдень, безъ всякаго сигнала, и поручили начать его генералу Боске, съ тѣмъ, что когда войска его ворвутся на Малаховъ курганъ, тогда англичане поднимаютъ свой флагъ на бывшемъ Камчатскомъ люнетѣ. По этому сигналу 10.720 человѣкъ англичанъ бросаются на 3-й бастіонъ. Въ случаѣ успѣха на этихъ трехъ пунктахъ по сигналу, поданному ракетами, французскій корпусъ въ 20.580 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала де-Салля, атакуетъ на Городской сторонѣ 5-й бастіонъ, съ его смежными укрѣпленіями, стараясь овладѣть съ тылу четвертымъ бастіономъ, противъ котораго съ фронта направлена бригада сардинцевъ. Всего для атаки 4-го бастіона предназначалось 5.600 человѣкъ. Такимъ образомъ для атаки Севастопольскихъ укрѣпленій союзники сосредоточили 55.600 человѣкъ.

Съ одиннадцати часовъ утра, канонада стала слабѣть и затѣмъ совершенно прекратилась. Этотъ перерывъ считали у насъ дѣломъ обыкновеннымъ и приписывали тому, что непріятель желаетъ, чтобы мы придвинули свои резервы, и затѣмъ откроетъ по нимъ, какъ и въ предъидущіе дни, сильный огонь. Такъ какъ въ эти часы всего менѣе ожидали штурма, то резервы не были придвинуты, изъ опасенія подвергнуть ихъ большимъ потерямъ.

Ровно въ полдень всѣ непріятельскія батареи сверкнули огоньками выстрѣловъ и разразились оглушительными залпами, метнувшими по Севастополю ураганъ металла. Въ слѣдъ за тѣмъ, прежде чѣмъ успѣла перелопаться вся эта туча брошенныхъ бомбъ, раздались смутные крики, бой барабановъ и рѣзкіе тоны непріятельскихъ сигнальныхъ рожковъ. Пока звуки эти долетѣли до обороняющагося, враги были уже на Малаховомъ курганѣ.

Выскочивъ густою цѣпью изъ своихъ траншей, французы, при громкихъ крикахъ, быстро перебѣжали отдѣлявшее ихъ отъ Малахова кургана пространство, въ 12 саженъ, и появились на валу укрѣпленія, прежде чѣмъ нижніе чины Модлинскаго полка приготовились ихъ встрѣтить.

Занявши передовую линію укрѣпленій, французы быстро разсыпались въ обѣ стороны по банкетамъ; слѣдовавшія позади ихъ инженерныя команды начали засыпать рвы, ровнять бруствера, и не болѣе какъ черезъ три минуты былъ устроенъ отличный входъ въ занятое непріятелемъ укрѣпленіе [1]).

Съ сосѣднихъ батарей видно было, какъ бѣжали тучи народа изъ бывшаго Камчатскаго люнета, какъ высыпали они изъ траншей, какъ роями устремились на курганъ и лѣзли на валъ, становясь на спину согнувшагося товарища и подсаживая третьяго. Со стороны видно было, какъ на башнѣ кургана взвился синій флагъ—сигналъ тревоги, какъ упалъ онъ потомъ, и загорѣлась кровавая схватка.....

За нѣсколько минутъ до штурма, на Малаховъ курганъ, къ помѣщенію, занимаемому генераломъ Буссау, была приведена поручикомъ Юни команда нижнихъ чиновъ Модлинскаго полка, которымъ генералъ

---

[1]) Мих. Фальковскій. Записки севастопольца (рукоп.).

хотѣлъ самъ раздать георгіевскіе кресты. Солдаты, выстроившись передъ блиндажемъ, ожидали выхода начальника, какъ вдругъ послышались крики: штурмъ! штурмъ! Буссау выскочилъ изъ блиндажа въ сопровожденіи адъютанта, который тутъ же былъ убитъ пулей въ грудь. Изъ другаго блиндажа выскочилъ начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ лейтенантъ Карповъ. Генералъ Буссау едва только успѣлъ крикнуть и указать поручику Юни, чтобы онъ со своею командою скорѣе занялъ башню, какъ самъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

На курганѣ поднялась страшная суматоха. Застигнутые врасплохъ, нижніе чины бросились къ валу укрѣпленія, впопыхахъ сталкивались между собою, сталкивались лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Изъ нѣкоторыхъ орудій успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу, но уже тогда, когда амбразуры были наполнены штурмующими. Многіе изъ артиллеристовъ, съ фитилемъ въ рукѣ, пробивались къ своимъ орудіямъ сквозь ряды непріятелей, чтобы сдѣлать выстрѣлъ, и гибли на штыкахъ.

„За то, если удавалось поспѣть во-время и зажечь трубку, сплошная масса живаго тѣла, заслонявшая амбразуру, вся подгибалась и разбрасывалась въ стороны. Но на мѣсто убитыхъ становились новые стрѣлки и зуавы, мѣсто около выпалившаго орудія было уже сравнительно безопаснымъ“.

Между тѣмъ поручикъ Юни, подхвативъ налету приказаніе генерала Буссау, бросился къ башнѣ съ подпоручиками того же полка Данильченко и Богдзевичемъ. Къ нимъ присоединились флотскіе кондукторы, Венецкій и Дубининъ, съ нѣсколькими матросами. Эта горсть людей, числомъ до 40 человѣкъ, заняла башню почти передъ носомъ французовъ и нашла тамъ еще нѣсколько человѣкъ, не успѣвшихъ выскочить. Заваливъ наскоро ходъ, они рѣшились защищаться до послѣдней крайности и на всѣ требованія французовъ сдаться отвѣчали выстрѣлами. Засѣвшіе въ башнѣ защищались весьма долго, даже и тогда, когда Малаховъ курганъ былъ во власти французовъ, наводнившихъ въ самое короткое время это укрѣпленіе своею многочисленностію. Шесть тысячъ французовъ лѣзли въ амбразуры, перелѣзали черезъ валъ и вступали въ рукопашный бой съ модлинцами, насчитывавшими въ своихъ рядахъ только 400 человѣкъ. Произошла одна изъ тѣхъ ужасныхъ рукопашныхъ схватокъ, при которыхъ оба противника перемѣшиваются

между собою и, въ какомъ-то опьяненіи, въ безсознательномъ состояніи, поражаютъ другъ друга желѣзомъ, камнями, деревомъ; когда люди душатъ другъ друга за горло, царапаясь и кусаясь въ изступленіи.

Прислуга, стоявшая у орудій, дралась банниками, аншпугами, кирками, лопатами, топорами и всѣмъ, что̀ попадалось въ руки; бо̀льшая часть этихъ храбрыхъ легла на мѣстѣ, защищая свои орудія. Модлинцы дрались отчаянно. Тѣснимые отовсюду французами, они нѣсколько разъ бросались въ штыки противъ непріятеля, болѣе чѣмъ въ десять разъ сильнѣйшаго, и умирали смертью праведныхъ. Въ самомъ началѣ боя они потеряли своего полковаго и батальоннаго командировъ и многихъ офицеровъ.

При первомъ извѣстіи о штурмѣ, главнокомандующій прибылъ въ квартиру начальника гарнизона и отправилъ съ Сѣверной стороны на Южную полки: Азовскій, Одесскій, Украинскій и резервный Смоленскій. Взойдя на верхнюю галлерею Николаевской батареи, князь Горчаковъ слѣдилъ за дѣйствіями нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Въ городѣ поднялась суматоха; всѣ засуетились. Къ оборонительной линіи потянулись поспѣшно батальоны; задніе солдаты бѣгомъ догоняли переднихъ, по мостовой гремѣла артиллерія, посланная къ Малахову кургану. По всѣмъ направленіямъ скакали адъютанты и казаки, слышалась команда, звуки рожковъ и бой барабановъ. Бѣгомъ по мосту шли полки, направленные съ Сѣверной стороны на Южную. Вѣтеръ былъ такой сильный, что волны заливали мостъ, и отъ тяжести проходящихъ онъ былъ сплошь покрытъ водою. Жители перебирались черезъ бухту на Сѣверную. Одна изъ начальницъ сестеръ милосердія, прибѣжавъ въ Николаевскую батарею къ графу Остенъ-Сакену, спрашивала, что̀ ей дѣлать съ сестрами.

— Возьмите ихъ съ собою, на Сѣверную, — отвѣчалъ графъ; — Богъ знаетъ, что можетъ быть черезъ два часа.

Схвативъ образа изъ госпиталей, сестры бросились къ мосту, за ними плелись раненые, кто могъ, шелъ самъ, другихъ вели подъ руки, третьихъ переносили. На пути все чаще и чаще лопались бомбы, все сильнѣе и сильнѣе слышалась канонада...

Французы, между тѣмъ, все болѣе и болѣе распространялись по укрѣпленію, тѣснили нашихъ, и вскорѣ на башнѣ взвилось французское

знамя. Какъ муравьи, полѣзли французы на Малаховъ курганъ, заняли всю переднюю его часть, прорвались къ развалинамъ башни и, засѣвши здѣсь, открыли сильную и частую ружейную стрѣльбу по малочисленному гарнизону.

Модлинцы два раза сбивали флагъ непріятеля и сдѣлали все, что̀ было возможно сдѣлать храбрымъ, и что̀ горсти людей было подъ силу. У всѣхъ амбразуръ, гдѣ только прорвался непріятель, онъ прошелъ по трупамъ модлинцевъ и артиллерійской прислуги. Храбрый поручикъ Анкудовичъ, собравъ около себя до 70 человѣкъ, два раза бросался съ ними въ штыки и изъ 70 человѣкъ, бывшихъ съ нимъ при первой атакѣ, пошли во вторую только 40, а вернулось изъ нея только 6, но и тѣ были заколоты въ глазахъ товарищей.

Тѣснимые многочисленнымъ непріятелемъ, наши отступали въ глубь укрѣпленія. Капитанъ-лейтенантъ Карповъ, собравъ вокругъ себя толпу изъ отступавшихъ артиллеристовъ и ратниковъ Курскаго ополченія, нѣсколько разъ ходилъ съ ними, чтобы выбить французовъ изъ лѣвой батареи Малахова кургана, но непріятель былъ слишкомъ многочисленъ и выбить его не было возможности. Ополченцы бросились на непріятеля съ топорами, артиллеристы съ банниками, но попытки ихъ оставались напрасными; непріятель все болѣе и болѣе усиливался. На помощь Карпову явилось нѣсколько ротъ Прагскаго полка, которыя сначала потѣснили врага, но потомъ подавлены были его многочислительностію. Французы обошли со всѣхъ сторонъ отступавшихъ и внутри укрѣпленія Малахова кургана бились на смерть двѣ отдѣльныя кучки солдатъ Прагскаго и Модлинскаго полковъ, окруженныя непріятелемъ. Модлинцы проложили себѣ дорогу штыками и присоединились къ ротамъ Прагскаго полка. Уцѣлѣвшая горсть храбрыхъ бросалась нѣсколько разъ впередъ и останавливала на время наступленіе непріятеля. Въ одной изъ этихъ схватокъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ-лейтенантъ Карповъ. Засѣвшіе за блиндажами и разными укрѣпленіями французы стрѣляли въ упоръ по отступавшимъ. Ряды нашихъ защитниковъ таяли, но они все еще держались, пока въ тылу ихъ не появились новыя массы непріятеля.

Нѣсколько французскихъ батальоновъ, пробѣжавъ по рву, обогнули укрѣпленіе съ лѣвой стороны и явились въ тылу нашихъ. Защищавшій

лѣвую половину укрѣпленія Замосцьскій полкъ, въ числѣ 500 человѣкъ, былъ смятъ и присоединился къ отступавшимъ. Перемѣшавшіеся между собою люди трехъ полковъ Замосцьскаго, Прагскаго, Модлинскаго и артиллерійская прислуга столпились на задней площадкѣ укрѣпленія и долго своею грудью удерживали непріятеля. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ полчаса послѣ начала штурма, Малаховъ курганъ находился во власти французовъ; они наполнили всю внутренность укрѣпленія и подвигались впередъ по мѣрѣ того, какъ прибывали къ нимъ свѣжія войска, вступавшія туда большими колоннами, по переброшеннымъ черезъ ровъ мостамъ. Во рву сидѣли французскіе музыканты и играли маршъ. Рѣдко кому приходилось слышать музыку при такой обстановкѣ. Маршъ этотъ одушевлялъ наступавшихъ, и французы сплошною стѣною тянулись на курганъ. Въ короткое время непріятельскихъ войскъ собралось на курганѣ до 6.000 человѣкъ. Они открыли жестокій ружейный огонь по нашимъ войскамъ и окончательно утвердились на курганѣ.

Не такъ успѣшно дѣйствовала колонна, атаковавшая второй бастіонъ въ числѣ 7.400 человѣкъ.

По равнинѣ, лежавшей впереди втораго бастіона, покрытой камнями и кустами, бѣжали немного нагнувшись впередъ французы, направленные на второй бастіонъ. Они шли на штурмъ великолѣпно; вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, полы сюртуковъ развѣвались, и это увеличивало кажущуюся быстроту ихъ движенія. Колонна эта точно также быстро пробѣжала промежуточное пространство, перешла безъ затрудненія почти совершенно засыпанный ровъ и явилась на бастіонѣ совершенно неожиданно.

Застигнутые врасплохъ 550 человѣкъ Олонецкаго полка были окружены, но успѣли, однако же, пробиться и отступить. Бастіонъ былъ занятъ непріятелемъ, преслѣдовавшимъ отступавшихъ. Собравъ остатки Олонецкаго полка, завѣдывавшій инженерными работами капитанъ Лебедевъ двинулъ ихъ противъ наступавшаго непріятеля. Въ это время прибѣжалъ батальонъ Бѣлозерскаго полка, подъ командою маіора Ярошевича, и явился начальникъ войскъ 5-го отдѣленія генералъ-маіоръ Сабашинскій съ Кременчугскимъ полкомъ.

Когда французы бросились безъ выстрѣла на штурмъ, генералъ

Сабашинскій разговаривалъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Черняевымъ, присланнымъ отъ Хрулева съ предложеніемъ смѣнить восьмую дивизію четвертою, чтобы дать первой отдохнуть.

— Ни за что не разстанусь съ восьмою дивизіею,—сказалъ Сабашинскій,—особенно въ такое время; если ее возьмутъ, я уйду самъ.

Въ это время на второмъ бастіонѣ ударили тревогу. Бросившись къ Бѣлозерскому и Кременчугскому полкамъ, Сабашинскій двинулъ ихъ на помощь отступавшимъ.

— За мной, ребята!—крикнулъ онъ,—вонъ проклятыхъ съ бастіона и, помахивая костылемъ, самъ пошелъ во главѣ кременчугцевъ.

Страдая постоянно болью въ ногахъ, Сабашинскій носилъ спальные сапоги и опирался на костыль, который былъ единственнымъ его оружіемъ. Въ теченіе всей обороны Севастополя генералъ Сабашинскій ни разу не вынималъ сабли, хотя неоднократно участвовалъ въ жаркихъ дѣлахъ.

Стремительнымъ ударомъ въ штыки французы были выбиты изъ бастіона. Они бросились бѣгомъ въ свои траншеи, оставивъ на бастіонѣ множество убитыхъ и раненыхъ. Генералъ-маіоръ Сабашинскій тотчасъ же разставилъ людей за валомъ, въ шесть шеренгъ, и открылъ жестокій огонь по отступавшимъ, въ то время когда сосѣднія съ бастіономъ батареи и пароходы „Владиміръ", „Херсонесъ" и „Одесса", подошедши къ устью Киленъ-бухты, поражали ихъ ядрами и бомбами. Устроившись въ траншеяхъ, французы нѣсколько разъ пытались штурмовать 2-й бастіонъ, но не выдерживали убійственнаго огня и возвращались назадъ. Самые смѣлые достигали до рва и даже спускались въ него, но или оставались въ немъ навсегда, или бѣжали обратно въ свои траншеи.

Въ это время генералъ Сабашинскій получилъ извѣстіе, что третья непріятельская колонна, направленная на промежуточныя батареи между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, прорвалась во вторую линію. Онъ поспѣшилъ туда, направивъ часть войскъ со втораго бастіона.

Французы, въ числѣ 4.300 человѣкъ бросившись на штурмъ промежуточныхъ батарей, должны были пройдти гораздо бо́льшее пространство, чѣмъ первыя двѣ колонны; они должны были преодолѣть

препятствіе, противупоставленное имъ тройнымъ рядомъ волчьихъ ямъ. Едва замѣчено было движеніе этихъ колоннъ, какъ стоявшіе на банкетахъ 700 человѣкъ Муромскаго полка и 550 Олонецкаго открыли самый частый ружейный огонь. Подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ французы настойчиво подвигались впередъ, ворвались въ укрѣпленіе и смяли его защитниковъ, при чемъ командиръ Олонецкаго полка полковникъ Алексѣевъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Муромскаго подполковникъ Начекъ тяжело раненъ; многіе офицеры или убиты, или ранены. Оставшись безъ предводителей, смѣшавшіеся полки отступили во вторую оборонительную линію. Преслѣдовавшіе ихъ французы ворвались туда же и, смявъ часть Сѣвскаго полка, достигли до Корабельной слободки.

Въ это время генералъ Хрулевъ, явившійся на мѣсто боя съ резервами, остановилъ дальнѣйшее наступленіе непріятеля.

Передъ началомъ штурма, генералъ Хрулевъ былъ въ своей квартирѣ, въ одномъ изъ казематовъ Павловской батареи. Услышавъ тревогу и штурмъ, онъ, тотчасъ же вскочивъ на коня, прежде всего поскакалъ къ главному резерву, состоявшему изъ полковъ Шлиссельбургскаго и Ладожскаго и расположенному въ Корабельной слободкѣ.

Густыя облака дыма и пыли, поднимаемой сильнымъ вѣтромъ, застилали наши укрѣпленія. Со всѣхъ сторонъ слышалась сильнѣйшая ружейная пальба. Не замѣчая на Малаховомъ курганѣ условленнаго синяго флага (перебитаго во время штурма однимъ изъ непріятельскихъ снарядовъ) и полагая, что тамъ непріятель отбитъ, Хрулевъ повелъ полки ко 2-му бастіону, какъ къ слабѣйшему пункту, которымъ непріятелю легче всего было овладѣть.

Отсюда Степанъ Александровичъ отправилъ своего ординарца, приказавъ ему сказать генералу Лысенкѣ, чтобы тотъ шелъ съ резервами на Малаховъ курганъ.

На дорогѣ генералъ Хрулевъ узналъ, что штурмъ 2-го бастіона отбитъ, и потому онъ бросился на непріятельскія колонны, прорвавшіяся во вторую линію, между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, но и тутъ наши дѣла были въ хорошемъ положеніи. Немного раньше прибытія Хрулева, прискакала сюда 5-я легкая батарея 11-й артиллерійской бригады, подъ командою капитана графа Тышкевича, и осыпала французовъ сильнымъ картечнымъ огнемъ. Совокупными атаками баталь-

она Шлиссельбургскаго полка съ двумя баталіонами Сѣвскаго полка, французы были отброшены за оборонительную линію. Подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, они пытались устроиться и вновь перейти въ наступленіе, но въ это время съ боку ихъ появились полковникъ Нейгардтъ, съ двумя батальонами Забалканскаго, маіоръ Вакгаузенъ, съ двумя батальонами Кременчугскаго, и маіоръ Грушка, съ батальономъ Полтавскаго полка. Сюда же прискакалъ и генералъ-маіоръ Сабашинскій. Въ это время генералъ Хрулевъ узналъ, что Малаховъ курганъ занятъ французами. Сдавъ команду генералъ-маіору Сабашинскому, Хрулевъ поскакалъ на Малаховъ. Сабашинскій принялъ общее начальство надъ войсками, выбилъ французовъ изъ нашихъ укрѣпленій и заставилъ ихъ скрыться въ своихъ траншеяхъ.

Устроившись тамъ, французы вторично бросились на штурмъ вмѣстѣ съ лѣвою колонною, опять атаковавшею второй бастіонъ, но на обоихъ пунктахъ были отбиты. Тогда осадныя батареи непріятеля отрыли самый частый огонь по второму бастіону и промежуточнымъ батареямъ, наносившій значительныя потери защитникамъ. Занимавшіе Малаховъ курганъ французы также открыли ружейный огонь по промежуточнымъ батареямъ и принудили наши войска податься нѣсколько влѣво. Въ очищенное такимъ образомъ пространство снова бросились свѣжія колонны непріятеля, но, не успѣвъ пробраться въ укрѣпленіе, засѣли во рву и залегли за наружною стороною насыпи. Завязалась живая перестрѣлка; противники, раздѣленные между собою только толщиною насыпи, поражали другъ друга пулями и камнями. Въ это время изъ-за бывшаго Камчатскаго люнета вынеслись двѣ французскія батареи, которыя, подскакавъ саженъ на 100 ко второму бастіону и промежуточнымъ батареямъ, открыли огонь картечью. Дѣйствіе ихъ было непродолжительно; въ самое короткое время они были уничтожены и удалились, оставивъ на мѣстѣ четыре орудія.

Тучи пуль, летѣвшія съ Малахова кургана, нанося страшныя потери войскамъ, принудили насъ отвести ихъ за вторую оборонительную линію. Тогда французы перелѣзли черезъ насыпь и пытались нѣсколько разъ атаковать вторую оборонительную линію, но каждый разъ были отражаемы однимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Отказавшись отъ атакъ, они, оставаясь за валомъ укрѣпленій, поддерживали живую перестрѣлку съ нашими войсками.

Около двухъ часовъ по полудни, противъ втораго бастіона появилась свѣжая колонна французскихъ войскъ, направленная въ третій разъ на штурмъ этого укрѣпленія. Французы шли смѣло; ни картечь, ни ружейныя пули не могли остановить ихъ стремленія; цѣлыми толпами лѣзли они на брустверъ и успѣли поставить на валу его французское знамя. Молодой зуавскій офицеръ вскочилъ на валъ однимъ изъ первыхъ. Въ одной рукѣ у него былъ пистолетъ, а въ другой камень. За нимъ лѣзло четыре зуава съ ружьями и камнями въ рукахъ. Взобравшись на валъ, офицеръ выстрѣлилъ почти въ упоръ въ генерала Сабашинскаго, но промахнулся; тогда онъ бросилъ камень. Въ это время всѣ пятеро повалились, пробитые пулями нашихъ солдатъ.

— На валы!—крикнулъ между тѣмъ генералъ Сабашинскій.

Солдаты, въ мигъ вскочивъ на валъ укрѣпленія, приняли французовъ въ штыки и приклады и сбросили въ ровъ. Сабашинскій приказалъ открыть огонь по толпившемуся во рву непріятелю. Солдаты поражали французовъ выстрѣлами, бросали въ нихъ ядрами, гранатами, камнями и осколками. Горячая схватка эта длилась минутъ пять. Французы съ яростію лѣзли на валъ, но каждый разъ, сбрасываемые обратно, не выдержали и стали отступать подъ жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Потеря французовъ при этой атакѣ была огромна; весь ровъ 2-го бастіона былъ наполненъ трупами, а впереди лежащее пространство почти сплошь покрыто непріятельскими тѣлами.

— Съ тѣхъ поръ, какъ живу, не видывалъ ничего подобнаго,—говорилъ генералъ Сабашинскій.

Послѣ этого отступленія, французы не пытались больше атаковать второй бастіонъ. Бросаясь до шести разъ, они дрались отчаянно, но не могли одолѣть препятствія, противупоставленнаго имъ русскою грудью. Руководившій атакою, генералъ Боске, находясь въ одной изъ ближайшихъ траншей передъ вторымъ бастіономъ, не могъ не поблагодарить свои войска за храбрость и стремительный натискъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознать, что всѣ дальнѣйшія усилія его останутся напрасными. Мужество нашихъ войскъ и хладнокровная распорядительность генерала Сабашинскаго были тѣ скалы, о которыя разбивались многочисленныя волны французскихъ колоннъ. Непріятель

оставилъ здѣсь нѣсколькихъ офицеровъ и 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ взятыми въ плѣнъ; убитыми и ранеными трехъ генераловъ и множество нижнихъ чиновъ.

Въ это время, когда атаки на второй бастіонъ и промежуточныя батареи были отбиты, по всей оборонительной линіи кипѣлъ самый ожесточенный бой. Успѣхъ французовъ на Малаховомъ курганѣ послужилъ сигналомъ для всеобщаго штурма: англичане бросились на 3-й бастіонъ, французы,—на укрѣпленія Городской стороны.

Въ траншеяхъ противъ 5-го бастіона съ ранняго утра было замѣчено значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ, не предпринимавшихъ, впрочемъ, ничего рѣшительнаго. При первомъ извѣстіи о штурмѣ Малахова кургана, начальникъ войскъ 1-го отдѣленія, генералъ Хрущевъ, разставилъ войска вдоль укрѣпленій, запретивъ имъ показываться изъ-за вала, чтобы скрыть отъ непріятеля нашу готовность. Приблизивъ резервы и зарядивъ орудія картечью, наши войска ожидали атаки. Въ траншеяхъ противъ 1-го отдѣленія царствовала глубокая тишина, лишь изрѣдка показывались небольшіе отряды непріятеля, но, осыпаемые картечью съ нашихъ батарей, скрывались въ своихъ траншеяхъ. Прошло такъ нѣсколько часовъ, но французы все не атаковали. Тогда начальникъ войскъ Городской стороны, генералъ-лейтенантъ Семякинъ, разрѣшилъ половинѣ людей отдохнуть, но быть въ полной готовности встрѣтить наступающаго.

Около двухъ часовъ французы двинулись на штурмъ 5-го бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій, гдѣ находилось 1.700 человѣкъ полковъ Житомірскаго, Подольскаго и Бѣлостокскаго. Въ резервѣ было 500 человѣкъ Житомірскаго и 800 человѣкъ Минскаго полковъ. Для атаки этихъ укрѣпленій со стороны непріятеля было назначено 8.380 человѣкъ, раздѣленныхъ на три колонны. Подъ прикрытіемъ густой цѣпи, двигались люди съ лѣстницами и фашинами, саперы съ рабочими инструментами, а за ними штурмовыя колонны. Жестокій картечный огонь съ батарей встрѣтилъ наступавшихъ. Колонна, шедшая правѣе пятаго бастіона, на люнетъ Бѣлкина, потерпѣла совершенное пораженіе отъ огня нашихъ батарей и взрывовъ каменометныхъ фугасовъ; только немногіе смѣльчаки успѣли вскочить въ ровъ, но и тѣ поплатились или смертью, или плѣномъ. Подпоручикъ Банковскій, съ ротою Подольскаго

полка съ одной стороны, а поручикъ Назаровъ съ командою моряковъ съ другой, спустились въ ровъ и приняли въ два огня засѣвшихъ тамъ французовъ; часть изъ нихъ легла на мѣстѣ, но большинство было взято въ плѣнъ.

На пятомъ бастіонѣ французы хотя и достигли рва, и даже часть изъ нихъ стала взбираться на брустверъ, но была вытѣснена батальономъ Бѣлостокскаго и частью Подольскаго полковъ подъ командою полковника Аленникова.

Штурмовая колонна, двигавшаяся, лѣвѣе 5-го бастіона, на сосѣднюю съ бастіономъ батарею Шварца, успѣла ворваться въ укрѣпленіе и оттѣснила батальонъ Житомірскаго полка, но на помощь ему скоро явился командиръ полка полковникъ Жерве, съ остальными батальонами и штыками сбросилъ непріятеля въ ровъ. Оправившись, французы снова кинулись впередъ, но были выбиты и отброшены въ свои траншеи подоспѣвшимъ изъ резерва батальономъ Минскаго полка, приведеннымъ генераломъ Хрущевымъ, и двумя ротами Екатеринбургскаго полка, прибѣжавшими съ своимъ полковымъ командиромъ, подполковникомъ Веревкинымъ. Екатеринбургцы поклялись всѣ умереть, но дальше ротныхъ образовъ, поставленныхъ въ траншеѣ, не отходить—и отбили врага. Заваливъ всю внутренность укрѣпленія, ровъ и впереди лежащую мѣстность своими тѣлами, французы скрылись въ свои траншеи и болѣе не показывались, оставивъ въ плѣну у насъ 10 офицеровъ и 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Отбитіе штурма отъ пятаго бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій имѣло весьма важныя послѣдствія. Пелисье принужденъ былъ отказаться отъ намѣренія атаковать четвертый бастіонъ, и штурмовыя колонны французовъ вовсе не показывались противъ этого укрѣпленія. Атаковавшіе же третій бастіонъ англичане потерпѣли пораженіе и были отбиты нѣсколько ранѣе отбитія французовъ отъ 5-го бастіона.

Англичане, въ числѣ 10.720 человѣкъ, бросились на третій бастіонъ и сосѣднія съ нимъ батареи, вскорѣ послѣ того, какъ французы ворвались на Малаховъ курганъ. Въ это время начальникъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й, сидѣлъ въ своемъ блиндажѣ съ командиромъ Селенгинскаго полка, полковникомъ Мезенцовымъ. Среди разговоровъ они вдругъ услышали крики: „штурмъ, французы на

Малаховомъ!“ Перелешинъ подпоясалъ наскоро саблю и, схвативъ въ лѣвую руку трубу, а въ правую револьверъ, бросился къ блиндажу, занимаемому генераломъ Павловымъ, откуда были видны Малаховъ курганъ и Камчатскій люнетъ. Онъ видѣлъ ясно, какъ бѣжали тучи народа изъ Камчатскаго люнета и изъ траншей. Видно было, какъ упалъ синій флагъ—сигналъ тревоги, какъ явилось на немъ трехцвѣтное французское знамя, какъ упало оно и потомъ явилось снова. Въ эту минуту Перелешину донесли, что англичане показались противъ 3-го бастіона. На бастіонѣ все было готово встрѣтить непріятеля,—тамъ ударили тревогу гораздо ранѣе, какъ только замѣтили движеніе французовъ на Малаховъ курганъ. Гарнизонъ третьяго бастіона и сосѣднихъ съ нимъ батарей вмѣстѣ съ резервами простирался до 7.500 человѣкъ.

Англичане бросились на штурмъ разсыпнымъ строемъ, который поддерживался густыми штурмовыми колоннами. Несмотря на сильный огонь, которымъ были встрѣчены наступающіе, они шли смѣло и ворвались на бастіонъ, гдѣ были встрѣчены штыками двухъ батальоновъ Владимірскаго полка. Несмотря на жестокій рукопашный бой, несмотря на стойкость владимірцевъ, англичане отбросили ихъ въ глубь укрѣпленія. Распространившись вдоль по укрѣпленію, они завязали перестрѣлку съ отступившими и занялись порчею орудій, стоявшихъ на укрѣпленіяхъ. Въ это время на помощь владимірцамъ прибѣжала съ правыхъ батарей рота Камчатскаго полка съ подполковникомъ Артемьевымъ, съ лѣвыхъ—часть Суздальскаго полка и рота Якутскаго.

— Съ Богомъ, ребята, въ штыки!—крикнулъ Артемьевъ камчатцамъ.

Оба эти отряда ударили на англичанъ съ фланговъ, въ то время, когда начальникъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й и полковникъ Венцель, устроивъ остатки Владимірскаго полка, ударили съ фронта. Послѣ жестокой рукопашной схватки, англичане были выбиты изъ бастіона и опрокинуты въ ровъ. Устроившись, они повторили атаку, и такъ дружно, что снова ворвались на бастіонъ. Наши дрались отчаянно. Солдаты бились „какъ только можно биться въ такой тѣснотѣ и при такихъ малыхъ силахъ. Минута была роковая... Ряды нашихъ пустѣли все больше и больше. Англичанъ прибывало, и нѣкоторые уже сидѣли на орудіяхъ и заклепывали ихъ... Еще нѣсколько мгновеній—

и прощай, третій бастіонъ!“ Но въ это роковое время явился на бастіонъ командиръ Селенгинскаго полка полковникъ Мезенцовъ съ двумя ротами своего полка и, стремительнымъ ударомъ въ штыки, вмѣстѣ съ прочими полками, вытѣснилъ англичанъ, бросившихся частію въ свои траншеи, частію залегшихъ за засѣками и открывшихъ сильный ружейный огонь. Побѣда эта дорого стоила намъ: капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й, подполковникъ Артемьевъ были ранены, а полковникъ Мезенцовъ палъ геройскою смертію.

На батареѣ Будищева ополченцы Курской дружины № 47 три раза отбивали штурмъ, изъ которыхъ третій былъ самый отчаянный. Не смотря на ружейный огонь дружины, англичане на этотъ разъ взошли на брустверъ, но тогда ратники, бросивъ ружья, взялись за топоры и въ страшной рукопашной схваткѣ уничтожили почти всю колонну; остальные 126 человѣкъ были взяты въ плѣнъ. За то изъ тысячнаго состава дружины осталось налицо около 350 человѣкъ [1].

Отбитый непріятель открылъ по 3-му бастіону сильный огонь съ своихъ осадныхъ батарей. На бастіонѣ вся артиллерійская прислуга была перебита, такъ что для дѣйствія изъ орудій, штабсъ-капитанъ Селенгинскаго полка Васильевъ разставилъ своихъ нижнихъ чиновъ. Селенгинцы дѣйствовали такъ успѣшно, что когда англичане въ третій разъ бросились на штурмъ бастіона, то большая часть ихъ, не выдержавъ картечнаго и ружейнаго огня, отступила въ свои траншеи, и только незначительная часть ихъ достигла до рва. Тогда прапорщикъ Владимірскаго полка Дубровинъ бросился въ ровъ съ командою охотниковъ своего полка и выбилъ оттуда англичанъ.

Было 4 часа по полудни, когда штурмъ былъ отбитъ по всей оборонительной линіи кромѣ Малахова кургана, занятаго французами. Со всѣхъ батарей, которыя могли только обстрѣливать курганъ, былъ открытъ огонь по засѣвшему тамъ непріятелю. Неся огромныя потери, французы пытались поддержать атаку при содѣйствіи огня полевой артиллеріи. Изъ-за Камчатскаго редута была выслана ими шести-орудійная конная батарея, но едва она показалась, какъ сосѣдніе бастіоны и батареи открыли по ней столь убійственный огонь, что выѣхавшія

---

[1]) Бурнашевъ. О дѣйствіи Курскаго ополченія.

орудія не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла, какъ потеряли всю прислугу и съ занятой ими позиціи убѣжало только двѣ лошади, остальныя были перебиты. Вслѣдъ за первою была выслана вторая такая же батарея, но и ее постигла такая же участь [1]).

Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлами одной изъ батарей 3-го отдѣленія былъ взорванъ на курганѣ пороховой погребъ. Французы, испуганные этимъ взрывомъ, бросились оттуда толпами, такъ что начальники насилу воротили ихъ. Этотъ взрывъ и нѣсколько другихъ произвели такое впечатлѣніе на непріятеля, что онъ не рѣшился насъ преслѣдовать, изъ опасенія быть взорваннымъ на воздухъ. Французы боялись встрѣтить повсюду мины и полагали, что онѣ заложены подъ каждымъ изъ укрѣпленій.

Мы остановили разсказъ нашъ о штурмѣ Малахова кургана именно въ то время, когда французы, сосредоточивъ на немъ до 6.000 человѣкъ своихъ войскъ, завязали перестрѣлку съ отступавшими войсками. Въ это время генералъ-маіоръ Лысенко прибѣжалъ съ нѣсколькими ротами Эриванскаго (князя Варшавскаго), князя Горчакова (Брянскаго) и Елецкаго полковъ. Хотя онъ и двинулъ ихъ тотчасъ же въ атаку но, подавленный многочисленнымъ непріятелемъ, принужденъ былъ отступить. Спустя нѣсколько минутъ, прискакалъ туда же, со втораго бастіона, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ на своемъ бѣломъ конѣ; за нимъ бѣгомъ слѣдовало 1.400 человѣкъ Ладожскаго полка. По тому направленію, которое избралъ генералъ Хрулевъ, не было возможности подъѣхать къ самому кургану, а потому онъ и всѣ сопутствовавшіе ему офицеры спѣшились.

По всему пути съ правой и лѣвой стороны возлѣ траверсовъ лежало много убитыхъ; здѣсь же, подъ самые траверсы были подброшены ихъ ружья. Толпа солдатъ, волнуясь и двигаясь то взадъ, то впередъ, производила безпорядочную стрѣльбу и часто черезъ головы товарищей [2]).

— Благодѣтели, не стрѣляй! Благодѣтели, не стрѣляй!—кричалъ Хрулевъ, подходя къ толпѣ.

Въ это время прибѣжалъ на курганъ Ладожскій полкъ. Ставши

---

[1]) Михаилъ Фальковскій. Записки севастопольца (рукоп.).

[2]) К. Григоровичъ. Воспоминанія о защитѣ Севастополя.

главѣ этого полка и присоединивъ къ себѣ нѣсколько ротъ князя Горчакова (Брянскаго) и Эриванскаго (князя Варшавскаго) полковъ, онъ двинулся съ ними въ атаку съ задней части Малахова кургана.

— Благодѣтели, впередъ!—крикнулъ Хрулевъ и самъ впереди всѣхъ пошелъ вверхъ на бастіонъ.

Французы открыли убійственный огонь по наступавшимъ; пули сплошною тучею летѣли на храбрыхъ; минута была торжественная. Снявши съ своей груди висѣвшій на ней серебряный образъ, Хрулевъ поцѣловалъ его и, поднявъ лѣвою рукою къ верху, показалъ солдатамъ.

— Благодѣтели, за мной, впередъ!—крикнулъ онъ своимъ потрясающимъ солдатское сердце голосомъ.

Въ это самое время штуцерная пуля раздробила ему большой палецъ лѣвой руки.

Безстрашно бросились войска, предводимыя храбрымъ генераломъ, и вбѣжали на курганъ. Французы почти въ упоръ произвели нѣсколько ружейныхъ залповъ, и передніе ряды, слѣдовавшіе за Хрулевымъ, остались на мѣстѣ. Командиръ Ладожскаго полка, полковникъ Галкинъ, былъ раненъ; всѣ старшіе офицеры или убиты, или ранены. Превозмогая страшную боль, но опасаясь показать войскамъ, что онъ раненъ, Хрулевъ, зажавъ палецъ правою рукою, все шелъ еще впередъ. Войска дрались отчаянно; штыкъ, приклады, каменья замѣнили выстрѣлы. Степанъ Александровичъ чувствовалъ, что не можетъ идти далѣе, смертельная блѣдность покрывала его лицо, голова кружилась, и ему казалось, что онъ падаетъ.

— Поддержите!—сказалъ онъ шопотомъ, обращаясь къ находившимся возлѣ него офицерамъ, подпоручику Сикорскому и инженеръ-поручику Эвертцу.

Оставивъ мѣсто боя и отправившись на перевязочный пунктъ, генералъ Хрулевъ не возвращался болѣе. Оставшіеся безъ главнаго и второстепенныхъ начальниковъ, полки отошли назадъ и расположились на заднемъ склонѣ кургана, между развалинами нѣкогда существовавшихъ домиковъ. Къ нимъ присоединились остатки разныхъ полковъ, и вся эта толпа завязала самую ожесточенную перестрѣлку съ непріятелемъ. Принявшій начальство генералъ-маіоръ Лысенко, устроивъ наскоро нѣсколько ротъ Ладожскаго, Эриванскаго (князя Варшавскаго) и Елецкаго полковъ,

бросился съ ними вторично въ атаку, но былъ отбитъ и самъ смертельно раненъ. Послѣ него принялъ начальство генералъ-маіоръ Юферовъ. Несмотря на самый сильный ружейный огонь, наши солдаты, предводимые генераломъ Юферовымъ, сплошною стѣною ворвались въ укрѣпленіе и вступили въ жестокій рукопашный бой, при которомъ самъ Юферовъ былъ окруженъ непріятелемъ и прижатъ съ нѣсколькими человѣками солдатъ въ одномъ изъ угловъ бастіона. Высокаго роста, худощавый, впереди своего маленькаго отряда, генералъ Юферовъ рубился съ французами, отвѣчая ударами сабли на ихъ предложеніе сдаться. Французы разстрѣливали эту кучку, уже не имѣвшую патроновъ и ежеминутно уменьшавшуюся, „но кто только рѣшался броситься съ ружьемъ на горсть героевъ,—платилъ жизнью за отвагу. Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала, и его солдатъ“.

— Какъ фамилія этого генерала?—спрашивалъ впослѣдствіи одинъ изъ французскихъ генераловъ у нашихъ офицеровъ.

— Юферовъ,—отвѣчали они.

— Непремѣнно надо знать имя этого героя. Такія имена должны сродниться съ памятью народа, къ которому принадлежалъ герой.

Атака, веденная Юферовымъ, была также отбита. Войска отступили на прежнее мѣсто,—на заднюю покатость кургана. Снова между обѣими сторонами открылась самая ужасная перестрѣлка. Солдаты разгорячились до такой степени, что охотники, подойдя къ задней линіи траверсовъ (поперечныхъ насыпей въ укрѣпленіи), взбирались на нижній рядъ туровъ и, держась одною рукою за колъ верхняго ряда туровъ, вели перестрѣлку съ французами. Послѣдніе стояли въ такомъ же положеніи по другую сторону траверса, и такъ на разстояніи ширины этой насыпи, не болѣе какъ въ 3 сажени, противники, будучи открыты по поясъ, поражали другъ друга въ упоръ. За охотниками, собравшись въ одну толпу, стояли люди разныхъ полковъ, когда къ нимъ явились капитанъ-лейтенантъ Ильинскій и флигель-адъютантъ ротмистръ Воейковъ. Оба они, собравъ по кучкѣ солдатъ, бросились впередъ отбивать курганъ, но были оттѣснены многочисленностію непріятеля, при чемъ ротмистръ Воейковъ, въ пылу самой жаркой схватки, вскочилъ на одинъ изъ траверсовъ и въ тотъ же мигъ упалъ, смертельно раненый пулею въ грудь навылетъ.

Пользуясь разстройствомъ нашихъ войскъ и своею многочисленностію, французы перешли въ наступленіе. На площадкѣ, извѣстной подъ именемъ Чортовой, стояла главная масса непріятельскихъ стрѣлковъ, поражавшихъ продольно всѣ узкіе проходы въ середину укрѣпленія. Вдругъ съ праваго боку и въ тылу нашихъ послышались голоса,— то были французы, занявшіе часть прилегавшей къ Малахову кургану батареи Жерве. Съ крикомъ полѣзли они на валъ правой половины кургана, не совершенно еще занятой. Засыпаемые пулями съ фронта, тыла и праваго фланга, солдаты наши должны были отступить, и тогда французы окончательно завладѣли всѣмъ укрѣпленіемъ Малахова кургана; они тотчасъ же стали задѣлывать всѣ входы, набрасывая въ нихъ туры, вырванные изъ амбразуръ, и трупы убитыхъ.

Несмотря на то, французовъ все-таки нельзя было назвать хозяевами кургана: посреди его въ башнѣ держалась еще горсть храбрецовъ, засѣвшихъ съ поручикомъ Юни. Разставивъ у дверей матросовъ съ абордажными пиками и стрѣлковъ противъ отверстій въ башнѣ, онъ сыпалъ въ непріятеля пулю за пулей. Сначала, въ пылу жаркаго боя, французы не замѣчали, откуда сыпятся пули. Они смѣло ходили возлѣ башни, не подозрѣвая опасности, и платились за это жизнію или раною. Когда же жаркія схватки съ нашими войсками перенеслись на заднюю часть кургана, тогда только они замѣтили въ башнѣ присутствіе непріятеля. Пятеро зуавовъ бросились было къ дверямъ башни, но были остановлены пиками матросовъ; пытались-было стрѣлять въ двери, но защитники заложили ихъ тюфяками и подушками. Тогда они рѣшились выкурить ихъ дымомъ. Набросавъ передъ дверьми туровъ, фашинъ и хворосту, французы подожгли костеръ, но скоро сами потушили его изъ боязни, чтобы огонь не сообщился съ пороховымъ погребкомъ.

Храбрые защитники держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всѣхъ своихъ патроновъ, пока французы не подвезли къ входнымъ дверямъ мортиры и стали бросать въ башню гранаты; когда большая часть засѣвшихъ въ ней были переранены и, наконецъ, потеряна всякая надежда на выручку,—тогда только поручикъ Юни и его товарищи рѣшились сдаться. Кондукторъ Венецкій былъ назначенъ парламентеромъ. „Онъ выставилъ въ двери ружье съ навязанной на штыкъ своею же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны: французы прекратили огонь“... Венецкій вышелъ изъ башни.

— Мы ваши плѣнные!—сказалъ онъ,—обращаясь къ французскому офицеру.

— Велите вашимъ солдатамъ положить ружья,—отвѣчалъ офицеръ.

Смѣлыхъ защитниковъ башни повели на Камчатскій люнетъ, гдѣ французскіе офицеры встрѣтили ихъ восторженно.....

Въ это время къ кургану прибылъ генералъ-лейтенантъ Мартинау, посланный главнокомандующимъ съ Азовскимъ и Одесскимъ полками, съ приказаніемъ принять общее начальство надъ всѣми войсками Корабельной стороны. Не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій, генералъ Мартинау былъ тяжело раненъ, и войска остались опять безъ начальника.

Послѣ генерала Мартинау, прибѣжали къ кургану двѣ роты 4-го и 6-го сапернаго батальоновъ съ инженеръ-полковникомъ Геннерихомъ, который, присоединивъ къ себѣ ратниковъ дружины № 49, подъ начальствомъ полковника Черемисинова, и команду матросовъ съ капитанъ-лейтенантомъ Ильинскимъ, два раза бросался въ атаку, но былъ отбитъ.

Это были послѣднія попытки къ овладѣнію курганомъ. Войска наши, перемѣшавшись въ одну общую кучу, толпились въ безпорядкѣ сзади укрѣпленія, а охотники, залегши за развалинами домовъ и въ ямахъ, вели учащенную перестрѣлку. Не было начальника, который могъ бы сплотить ихъ въ одно цѣлое и дружно ударить на врага, а между тѣмъ наши солдаты горѣли желаніемъ отбить потерянное укрѣпленіе, но не знали, какъ взяться за это дѣло.

— Ведите насъ въ бой,—кричали одни, отыскивая глазами предводителей.

— Давайте намъ патроновъ,—кричали другіе.

Но вести въ бой было некому, потому что всѣ начальники были перебиты или переранены.

Пользуясь временемъ нашего бездѣйствія, французы съ каждымъ часомъ усиливались: они успѣли установить на курганѣ нѣсколько небольшихъ орудій и открыли частый огонь по нашимъ войскамъ, несшимъ большія потери. Такъ, въ легкой № 4-го батареѣ 17-й артиллерійской бригады, стоявшей вправо отъ кургана, во второй линіи укрѣпленій былъ убитъ командиръ батареи, капитанъ Глазенапъ, всѣ офицеры и большая часть людей. Раненые цѣлыми толпами брели на перевязочный пунктъ и

собирались у подножія Малахова кургана, гдѣ четыре матроски, подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, разносили воду и квасъ стоявшимъ здѣсь войскамъ и подавали помощь раненымъ. „Не знаю, уцѣлѣли ли онѣ,—говоритъ очевидецъ.—Объ этихъ безстрашныхъ женщинахъ было доведено до свѣдѣнія Государя Императора“.

Во второмъ часу по полудни главнокомандующій послалъ генералъ-лейтенанта Шепелева, съ порученіемъ принять общее начальство надъ войсками Корабельной слободки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая необходимымъ оставить городъ, при первомъ удобномъ случаѣ, и получая свѣдѣнія, что французы все прочнѣе и прочнѣе утверждаются на Малаховомъ курганѣ, князь Горчаковъ рѣшился воспользоваться отбитіемъ штурма на всѣхъ прочихъ пунктахъ и утомленіемъ непріятеля, чтобы безпрепятственно совершить это въ высшей степени трудное предпріятіе.

Главнокомандующій тотчасъ же отдалъ приказаніе князю Васильчикову составить росписаніе и распорядиться отступленіемъ, а самъ поскакалъ на Малаховъ курганъ, чтобы собственными глазами взглянуть на положеніе дѣлъ.

Еще до пріѣзда главнокомандующаго генералъ Шепелевъ устроилъ полки, разставилъ ихъ на болѣе выгодныхъ мѣстахъ, отвелъ резервы въ Корабельную слободку и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля, если бы онъ вздумалъ, выйдя изъ кургана, наступать внутрь Корабельной стороны.

Остановившись подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, князь Горчаковъ всматривался въ положеніе нашихъ и непріятельскихъ силъ и убѣдился лично въ невозможности отбить Малаховъ курганъ. Онъ видѣлъ, что курганъ занятъ большими массами французовъ, за которыми находились сильные резервы, и потому овладѣніе вновь укрѣпленіемъ потребовало бы огромныхъ жертвъ.

Генералъ-лейтенаттъ Шепелевъ получилъ приказаніе не возобновлять атакъ, но, во что бы то ни стало, удержаться на занятой позиціи и не дозволить французамъ двинуться впередъ.

Бой былъ прекращенъ и, можно сказать, доставилъ новую славу русскому оружію. Изъ 12-ти атакъ, произведенныхъ многочисленнымъ непріятелемъ, въ различныхъ пунктахъ, 11 было отбито, и только одна, на Малаховомъ курганѣ, была удачна для союзниковъ. Самое занятіе

Малахова кургана было слѣдствіемъ огромнаго превосходства силъ непріятеля, направившаго на него до 30.000 человѣкъ.

Изъ этого видно, что кровавый день 27-го августа не можетъ считаться днемъ побѣды для непріятеля—она принадлежитъ скорѣе русскому оружію, какъ по числу пріобрѣтенныхъ успѣховъ, такъ и потому, что на всѣхъ пунктахъ атакующій былъ въ нѣсколько разъ сильнѣе защищающагося. Несмотря на то, успѣхъ непріятеля былъ такъ незначителенъ, а утомленіе такъ велико, что онъ не рѣшался тревожить славнаго гарнизона и дозволилъ ему свободно отступить по единственному мосту, протянувшемуся почти на версту разстоянія.

Обѣ стороны дрались съ отличною храбростью и лишились многихъ и многихъ храбрыхъ товарищей. Наша потеря въ этотъ день простиралась до 12.913 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Изъ этого числа мы потеряли, до начала штурма, болѣе 2.000 человѣкъ отъ бомбардированія, такъ что, собственно при отраженіи штурма наша потеря простиралась до 10.000 человѣкъ.

Союзники, по ихъ собственному показанію, потеряли при штурмѣ 10.067 человѣкъ, но надо полагать, что гораздо больше. Кромѣ того, какъ мы, такъ и они лишились многихъ достойныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ. Госпитали и перевязочные пункты были переполнены ранеными, посреди которыхъ слышались радостные крики побѣды, указывавшіе на увѣренность каждаго, что штурмъ отбитъ, что славный гарнизонъ проявилъ не человѣческія силы, и что пролитая, еще теплая, кровь современниковъ будетъ священна для потомковъ.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ отбитіи штурма на всей линіи, кромѣ Малахова кургана, достойно оцѣнилъ заслуги богатырей Севастопольскихъ и, удостоивъ ихъ своимъ высокимъ вниманіемъ, увѣковѣчилъ заслуги гарнизона слѣдующимъ приказомъ россійскимъ арміямъ и флоту:

„Долговременная, едва-ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на-ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли,

и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четырекратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. *Но есть невозможное и для героевъ.* 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на Сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины.

„Скорбя душевно о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству, и съ благоговѣніемъ покорясь судьбамъ Всевышняго, коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, я признаю святою для себя обязанностію изъявить и въ семъ случаѣ, отъ *имени моего и всей Россіи*, живѣйшую признательность гарнизону Севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей, почти цѣлый годъ продолжавшейся, защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовію ко мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость отечества. Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ совокупно съ именами героевъ, прославившихся *на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ, въ битвахъ подъ Чесмой и Синопомъ*“.

XLV.

Отступленіе войскъ съ Южной стороны города на Сѣверную.—Пожаръ города и взрывы батарей.—Приказъ главнокомандующаго.—Посѣщеніе Крыма Государемъ Императоромъ.—Высочайшій приказъ по Крымской арміи.—Окончаніе военныхъ дѣйствій.—Заключеніе перемирія и мира.

Въ четыре часа по полудни начальники войскъ и отдѣленій получили распоряженіе объ очищеніи Южной стороны Севастополя и о переходѣ войскъ на Сѣверную. Вмѣстѣ съ тѣмъ на бастіоны доставлена была диспозиція, составленная начальникомъ штаба гарнизона княземъ Васильчиковымъ, въ какомъ порядкѣ и когда отступать каждому полку или командѣ [1]). Отступленіе это могло быть произведено только по единственному мосту, перекинутому черезъ рейдъ, и при содѣйствіи небольшаго числа судовъ, предназначенныхъ для перевозки войскъ.

Каждый легко пойметъ, какъ затруднительно и опасно было это отступленіе, въ виду многочисленнаго врага. Совершенное въ порядкѣ, оно составило одну изъ блестящихъ страницъ боевыхъ подвиговъ нашихъ войскъ, достойно закончившихъ славную оборону Севастополя, по своей продолжительности не имѣющую равныхъ себѣ въ исторіи.

Движеніе черезъ мостъ должно было начаться въ половинѣ седьмаго часа вечера. Его открывали войска, ближайшія къ мосту, стоявшія у Николаевскихъ казармъ, затѣмъ отходили болѣе отдаленныя отъ моста, и наконецъ тѣ, которыя стояли на укрѣпленіяхъ оборонительной линіи. При отступленіи послѣднихъ, на батареяхъ были оставлены охотники, человѣкъ по сто отъ каждаго полка, которые поддерживали ружейный огонь съ непріятелемъ и тѣмъ скрывали наше отступленіе. Охотники оставались на валахъ укрѣпленій до тѣхъ поръ, пока на смѣну ихъ появились саперы и команды матросовъ, назначенные для порчи орудій, станковъ и взрыва пороховыхъ погребовъ.

Приготовленія къ отступленію начались еще съ четырехъ часовъ по полудни. Все, что можно было отослать, торопились переправить на Сѣверную, и прежде всего отправляли раненыхъ и больныхъ.

---

[1]) Диспозиція эта напечатана въ статьѣ «Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ». «Военный Сборникъ» 1861 г. № 1, 78—80.

Для перевозки войскъ были назначены пароходы и другія суда. Послѣ контузіи капитана 2-го ранга Лихачева, командиръ порта, вице-адмиралъ Новосильскій, поручилъ завѣдываніе перевозочными средствами капитану 2-го ранга Воеводскому. Послѣдній отправился къ начальнику эскадры, адмиралу Юхарину, съ приказаніемъ затопить суда на томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли; затѣмъ указалъ каждому пароходу, какія войска и откуда перевозить, назначилъ суда для перевозки артиллеріи и проч. Независимо отъ этого, главнокомандующій командировалъ вице-адмирала Панфилова на Корабельную сторону, поручивъ ему принять на себя распоряженія по перевозкѣ оттуда войскъ на Сѣверную. Содѣйствіе этихъ двухъ лицъ оказало арміи огромную услугу при оставленіи Севастополя.

Въ шестомъ часу стали отводить назадъ полки, предназначенные для занятія баррикадъ ближайшихъ къ мосту.

Въ числѣ этихъ полковъ былъ и Тобольскій, двинутый по направленію къ городу. Предводимые своимъ командиромъ, полковникомъ Зеленымъ, солдаты были убѣждены, что ихъ ведутъ выбивать французовъ изъ Малахова кургана. Передъ тѣмъ только-что прибыло нѣсколько молодыхъ солдатъ на укомплектованіе полка.

— Облегчите, ребята, свои ранцы,—говорили тобольцы своимъ молодымъ товарищамъ,—и смотрите, держитесь насъ, стариковъ, Боже избави, если который изъ васъ попятится назадъ, мы должны или выбить французовъ изъ Малахова кургана, или не возвращаться назадъ живыми.

На пути слѣдованія Тобольскій полкъ былъ встрѣченъ главнокомандующимъ княземъ Горчаковымъ.

— Тобольцы!—сказалъ онъ,—идите за мною; мы отступаемъ.

Извѣстіе о томъ, что мы отступаемъ, какъ варомъ обдало солдатъ: шутки и прибаутки были брошены, и въ полку воцарилась глубокая тишина [1]).

Всѣ вообще войска съ грустью и болѣзненнымъ чувствомъ приняли извѣстіе объ оставленіи города; многія изъ нихъ, уходя съ бастіоновъ и батарей, плакали. Какъ сильно не хотѣлось отступать нашимъ солдатамъ, это видно изъ того, что когда, подъ вечеръ, распространился между ними

---

[1]) Записка маіора Тобольскаго полка Гороха (рукоп.)

ложный слухъ, будто мостъ лопнулъ на самой срединѣ, то это извѣстіе какъ бы обрадовало ихъ.

— Ну лопнулъ, такъ лопнулъ!—сказали многіе голоса,—чортъ съ нимъ!

Послѣдуемъ однако же за тобольцами.

Расположившись за баррикадами, полкъ получилъ личное приказаніе главнокомандующаго далѣе этого мѣста не пропустить непріятеля или умереть на баррикадахъ. Тобольцы простояли всю ночь подъ ружьемъ и послѣдними вышли изъ Севастополя [1]).

Подъ прикрытіемъ ихъ, начиная съ семи часовъ вечера, войска, расположенныя на Городской сторонѣ, начали стягиваться къ Николаевской батареѣ, а оттуда на мостъ; расположенныя же на Корабельной раздѣлены были на двѣ части: одна садилась на пароходы, на баржи и на малыя гребныя суда; другая переправлялась по мосту, черезъ Южную бухту на Городскую сторону къ Николаевскимъ казармамъ и оттуда на мостъ черезъ главный рейдъ, на Сѣверную. Пароходы и суда различнаго вида и величины такъ и сновали по бухтѣ.

Начало смеркаться; батареи изрѣдка пострѣливали, и въ разныхъ мѣстахъ слышалась ружейная перестрѣлка. Солдаты, прижавшись къ валамъ укрѣпленій, шепотомъ разговаривали между собою. Тишина эта, послѣ столь горячаго, кроваваго дѣла, наводила тоску и мрачность на все окружающее. Оно было дѣйствительно непривлекательно. Почти вся внутренность укрѣпленій была перевернута вверхъ дномъ: траверсы разрушены, по всему пространству разбросаны снаряды, туры, камни и осколки, развороченныя насыпи во многихъ мѣстахъ не закрывали головы; стоявшія за ними орудія были подбиты, станки порублены и поломаны. На платформахъ и между траверсами лежали кучи тѣлъ нашихъ и непріятельскихъ. Посреди ихъ пробирались солдаты къ уцѣлѣвшимъ орудіямъ и приводили ихъ также въ негодность, рубили станки, заклепывали орудія, уничтожали принадлежность и устраивали проводники для взрыва пороховыхъ погребовъ, которые вскорѣ должны были взлетѣть на воздухъ.

Темная мрачная ночь, съ сильнымъ порывистымъ вѣтромъ, покрыла въ этотъ день, какъ нарочно, развалины Севастополя. Войска, какъ тѣни,

---

[1]) Записка маіора Гороха (рукопись).

стекались со всѣхъ сторонъ къ одному пункту—къ Николаевской батареѣ. Соблюдая строжайшую очередь, полкъ за полкомъ отходили съ оборонительной линіи, оставляя на ней однихъ охотниковъ. Люди, въ изорванной одеждѣ, въ крови, въ грязи и закоптѣлые въ дыму, брели понуривъ голову.

„Одни едва бредутъ,—пишетъ участникъ, — чуть не падая подъ тяжестью оружія: дотого измучены они; другіе несутъ десятки мертвыхъ, третьи тащатъ изможденныхъ страдальцевъ, облитыхъ кровью, съ оторванными членами, иные везутъ на рукахъ тяжелыя пушки, тамъ, на узкомъ мосту, рѣжутъ постромки у запряженныхъ подъ орудіе лошадей и молча, пасмурно перекрестясь, сталкиваютъ орудіе въ море, будто хоронятъ любимаго товарища. Всѣ пасмурны, всѣхъ гнететъ свинцовое горе, и если изъ чьихъ устъ вырвется слово-другое, это слово проклятія, командный крикъ начальника, или страдальческій вопль умирающаго“.

Въ девятомъ часу вечера около моста собралась огромная масса войскъ; всѣ проталкивались впередъ, всѣ хотѣли подвинуться ближе къ мосту. Странное дѣло: какъ неохотно оставляли солдаты бастіоны и батареи, такъ, наоборотъ, дойдя до моста, всѣ торопились переправиться черезъ него. Съ батарей надо было тащить ихъ силою, тогда какъ у моста трудно было удержать. Изъ Николаевской казармы безпрестанно выносили на пристань оставшіеся тюки бумагъ, госпитальныя вещи и койки, на которыхъ лежали закутанными страдальцы. Вся площадь у Графской пристани была уставлена войсками. Сильный вѣтеръ развелъ волненіе въ бухтѣ, и протянутый черезъ нее мостъ сильно колыхался. Нагруженный сплошь людьми, орудіями, повозками и, по временамъ заливаемый волнами,—онъ, казалось, погружался въ воду.

Около полуночи, на Маломъ бульварѣ взвились сначала двѣ ракеты вмѣстѣ, а потомъ двѣ ракеты одна за другою. По этому сигналу охотники, оставленные на батареяхъ оборонительной линіи, и войска, поставленныя за баррикадами, стали отходить къ мосту. Покидая укрѣпленія, саперы и матросы оставляли въ каждомъ изъ пороховыхъ погребовъ зажженные фитили различной длины, чтобы взрывы слѣдовали не вдругъ, а одинъ за другимъ и, по возможности, съ длинными промежутками. Въ иныхъ мѣстахъ насыпали отъ погреба дорожку пороха по землѣ, и, отойдя на значительное разстояніе, поджигали его. Огненныя

змѣйки эти забѣгали изъ конца въ конецъ по всѣмъ окраинамъ Севастополя, и стали появляться, по направленію къ укрѣпленіямъ, багровые столбы пламени и дыма. Одинъ за другимъ летѣли на воздухъ пороховые погреба съ запасами пороха и снарядовъ. Послѣдніе, подброшенные къ верху, лопались на воздухѣ и огненными звѣздами падали на землю. Угрюмая тишина ночи нарушалась страшными взрывами, отъ которыхъ стонала земля и рушились полуразбитыя стѣны домовъ нѣкогда веселаго и оживленнаго города!

Все, что было горючаго на бастіонахъ, загорѣлось, и вскорѣ Севастополь опоясался огненнымъ поясомъ, какъ-би прощаясь послѣдними пламенными взглядами съ героями-защитниками.

При видѣ пожара, грустныя лица солдатъ на время прояснились: они видѣли, что врагу останется только груда камней и пепла. Чувство радости охватило всѣхъ; въ войскахъ послышались говоръ, а порою и веселая шутка.

Переправа между тѣмъ продолжалась и шла успѣшно.

Всю ночь между войсками ходили начальникъ штаба гарнизона, свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Васильчиковъ и генеральнаго штаба полковникъ Меньковъ, направляя колонны къ тѣсному выходу, между Графскою пристанью и Николаевскою батареею.

Около 12-ти часовъ ночи подошелъ къ нимъ состоявшій при начальникѣ штаба капитанъ Воробьевъ.

— Приказаніе вашего сіятельства исполнено,—сказалъ онъ князю Васильчикову.— Отъ послѣдней линіи баррикадъ до библіотеки и оттуда къ Морской улицѣ пожаръ подготовленъ и ровно въ 12 часовъ вся линія домовъ запылаетъ.

— Есть ли костеръ подъ библіотекою?—спросилъ отрывисто князь Васильчиковъ.

— Зарево библіотеки будетъ сигналомъ для общаго пожара,—все готово!—отвѣчалъ капитанъ.

Разговаривавшіе направились къ сторонѣ баррикадъ. Спустя нѣсколько минутъ, библіотека и вся линія домовъ на Екатерининской и Морской улицахъ были уже въ пламени.

— Поторопились зажечь,—еще нѣтъ двѣнадцати часовъ,—сказалъ

равнодушно капитанъ Воробьевъ.—Вишь какъ трещитъ—теперь и не уймешь его!

— Уже поздно. Не останавливайте пожара,—сказалъ князь Васильчиковъ:—непріятель молчитъ. Богъ дастъ, переправа совершится благополучно!

— Не забыли ли вы костра подъ св. Соборомъ?—спросилъ полковникъ Меньковъ капитана Воробьева.

— Будьте покойны,—отвѣчалъ тотъ—церковная утварь, по возможности спасена; церковь внутри уже горитъ и, кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ, врагъ ничего не найдетъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени пожаръ охватилъ весь городъ. Темная ночь ярко освѣщалась заревомъ; сильный вѣтеръ раздувалъ огонь, переносилъ его съ однѣхъ развалинъ на другія, вылъ и плескалъ волны о берегъ. Скоро все слилось въ одну общую массу пламени и дыма, посреди которыхъ слышались трескъ и громъ взрывовъ и свистъ вѣтра. И вдругъ въ пламени блеснетъ пламя еще ярче и, какъ молнія, освѣтитъ окрестность; то летитъ на воздухъ пороховой погребъ или погребъ съ ядрами, гранатами и бомбами.

Багровымъ огнемъ занялось все небо, и начались послѣдніе вздохи многострадальнаго Севастополя.

Освѣщаемыя заревомъ пожаровъ, войска продолжали переправляться на Сѣверную. По обѣ стороны моста лежало мрачное волнующееся море. Направо мелькали еще темныя громады нашихъ кораблей, которые приказано было затопить.

По всей бухтѣ скользили взадъ и впередъ баркасы, шлюпки и пароходы, съ пыхтѣньемъ выкидывавшіе огнистые снопы искръ, въ клубахъ густаго чернаго дыма.

Едва видный неопредѣленный образъ парохода, по мѣрѣ приближенія къ южной сторонѣ, постепенно свѣтлѣлъ и, наконецъ, ярко освѣщенный пламенемъ пожара, подходилъ онъ къ берегу. Нагрузившись войсками, пароходъ снова тонулъ во мракѣ, изрѣдка являясь въ болѣе освѣщенномъ пространствѣ, и тогда каждая его веревка, мачта и рея, казалось, были раскалены и пылали огнемъ....

Плавучій мостъ, покрытый сплошь людьми, качался подъ тяжестію народа и обозовъ....

Перебравшись на Сѣверную, каждый оборачивался назадъ, чтобы еще, и въ послѣдній разъ, взглянуть на пылающій городъ. Картина всеобщаго разрушенія представлялась глазамъ обернувшагося. Видно было, какъ надъ Артиллерійскою бухтою горѣлъ мясной рядъ и нѣкоторыя зданія на базарѣ,—какъ горѣли библіотека и Соборъ, догорали Александровскія и Морскія казармы, Артиллерійская слободка, части Корабельной и какъ огромный погребальный факелъ, горѣлъ ярче всѣхъ кранъ, поставившій на своемъ вѣку много мачтъ на корабляхъ славнаго Черноморскаго флота.

Къ 8 часамъ утра переправа войскъ на Сѣверную была окончена. Съ послѣдними пароходами войскъ отплыли отъ берега: съ Корабельной стороны генералъ-лейтенантъ Шепелевъ и вице-адмиралъ Панфиловъ; съ Графской пристани, отправивъ послѣдній пароходъ, поѣхалъ капитанъ 2-го ранга Воеводскій, а по мосту въ хвостѣ Тобольскаго полка слѣдовали начальникъ гарнизона гр. Сакенъ, начальникъ штаба князь Васильчиковъ и генералъ Хрущевъ съ адъютантомъ Маклаковымъ. Генералъ Бухмейеръ, стоявшій все время на мосту, построеніе котораго было произведено по его мысли, увидя Хрущева, сказалъ: „Вы заключаете шествіе, вы точка,—я развожу мостъ [1]).

На площади Николаевской батареи остался князь Горчаковъ съ своимъ начальникомъ штаба генералъ-адъютантомъ Коцебу. Когда главнокомандующему доложили, что хвостъ колонны Хрущева вступилъ уже на мостъ, онъ обратился къ генералу Коцебу съ словами: „Надо подождать, пока мостъ уничтожатъ“.

Послѣ отбуксированія первыхъ плотовъ отъ южнаго берега рейда, князь Горчаковъ сѣлъ на Графской пристани въ катеръ и отправился на Сѣверную сторону [2]). Въ Севастополѣ не осталось никого, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ смѣльчаковъ, прикрывавшихъ отступленія и поддерживавшихъ пожары.

Наступило утро 28-го августа; развели мосты, и порвались послѣднія нити, связывавшія войска съ славнымъ городомъ, обратившимся въ пепелище, послѣ трехъ сотъ сорока девяти дневнаго сопротивленія.

---

[1]) Рукописи о Севастопольской оборонѣ, т. I, 24.

[2]) Вопросъ о томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь, возбудилъ цѣлую полемику, которую желающіе найдутъ въ «Русскомъ Архивѣ» и другихъ жур-

Вся Сѣверная сторона была покрыта войсками, при отступленіи перемѣшавшимися между собою. Сходя съ моста, каждый шелъ, куда пришлось, и располагался тамъ, гдѣ казалось ему удобнѣе. Пѣхота, артиллерія, моряки, все перепуталось между собою. Крики и возгласы по временамъ раздавались въ этой нестройной толпѣ. Собирали по кучкамъ остатки славныхъ полковъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса: такой-то полкъ „сюда!“; такой-то экипажъ „ступай туда!“ Солдаты толпами ходили взадъ и впередъ, отыскивая полки. Всѣ суетились, бѣгали; нагруженныя повозки тянулись по Бельбекской дорогѣ. Бухта совершенно опустѣла. Корабли и множество другихъ судовъ опустились на дно, и только концы мачтъ, торчавшіе надъ поверхностію воды, напоминали о недавнемъ ихъ существованіи. Перевозившіе всю ночь войска пароходы отошли къ сѣверному берегу, но на другой день и они также пошли ко дну.

Шумъ и говоръ, движеніе взадъ и впередъ, перекличка фельдфебелей слышались повсюду. Но вотъ развели костры и заварили кашу, „кто въ большихъ артельныхъ котлахъ, а у которой команды таковой погибъ, въ котелкахъ и разной другой посудинѣ, но больше всего замѣтно было у костровъ манерокъ съ отломанными крышками, наполненными толчеными сухарями, и водою съ приличнымъ количествомъ соли; это лакомство нашего солдата—тюря“.

Заговоривши о котлахъ, нельзя не привести слѣдующаго случая. При отступленіи, 17-я рота Волынскаго полка не успѣла взять съ собою ротнаго котла, который остался на Павловскомъ мысу. На слѣдующій день бывши уже на Сѣверной, ротный командиръ распорядился раздать нижнимъ чинамъ десяточные котлы, бывшіе при ротѣ. Солдаты просили позволенія выручить ротный котелъ изъ рукъ непріятеля. Командиръ роты указывалъ имъ на опасность подобнаго предпріятія.

налахъ. Намъ не понятно, въ чемъ заключается заслуга того, кто послѣдній оставилъ Севастополь? Всѣ одинаково исполняли свой долгъ и шли тамъ, гдѣ имъ было приказано распоряженіемъ начальства. Сами распорядители, находясь въ разныхъ концахъ города, могутъ ли сказать точно: во сколько минутъ и въ которомъ часу они сѣли въ шлюпки или вступили на мостъ передъ его разводкою. На Сѣверной сторонѣ не слѣдили за тѣмъ, кто причалилъ или перешелъ послѣднимъ. Никто не занимался тогда этимъ празднымъ вопросомъ потому, что не видали въ этомъ заслуги.

— Послѣ вчерашней потасовки,—говорили солдаты—французу не до нашихъ котловъ, и убѣдительно упрашивали дозволить имъ выручить ротный котелъ.

Согласился ротный,—отправились охотники за котломъ. Матросы перевезли ихъ за рубль черезъ бухту на Павловскій мысокъ, и доставленный черезъ нѣсколько часовъ ротный котелъ исполнялъ свое дѣло [1]).

Мало-по-малу, разбросанныя по сѣверной части, войска стали собираться по полкамъ и потянулись на назначенныя имъ мѣста.

Послѣ полудня взлетѣла на воздухъ Александровская батарея, а на слѣдующій день, 29-го августа—Павловскій фортъ [2]). Черное густое облако вознеслось на огромную высоту и съ страшнымъ трескомъ и громомъ спустилось каменнымъ дождемъ въ бухту и на землю. На мѣстахъ, гдѣ стояли красивыя зданія батарей, образовались пирамидальныя кучи камней и мусора.

Два дня и двѣ ночи горѣли развалины славнаго города, покрытыя густыми облаками дыма. 30-го августа пошелъ дождь, и пожаръ потухъ.

На слѣдующій день войска слушали разсказъ о своихъ подвигахъ, изложенный въ задушевномъ приказѣ главнокомандующаго.

„Храбрые товарищи!—писалъ онъ.—Двѣнадцатаго сентября прошлаго 1854 г., сильная непріятельская армія подступила подъ Севастополь. Не взирая на численное свое превосходство, ни на то, что городъ сей былъ лишенъ искусственныхъ преградъ, она не отважилась атаковать его открытою силою, а предприняла правильную осаду.

„Съ тѣхъ поръ, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, коими располагали наши враги, безпрестанно подвозившіе на многочисленныхъ судахъ своихъ подкрѣпленія, артиллерію и снаряды, всѣ усилія ихъ преодолѣть ваше мужество и постоянство въ продолженіе $11^1/_2$ мѣсяцевъ оставались тщетными. Событіе—безпримѣрное въ военныхъ лѣтописяхъ: чтобы городъ, наскоро укрѣпленный въ виду непріятеля, могъ держаться столь долгое время противъ врага, коего осадныя

---

[1]) Записка капитана Мороза (рукоп.).

[2]) См. «Русскую Старину» 1875 г. кн. 8, «Рус. Арх.» 1875 г. кн. 6 и «Московскія Вѣдомости» 1876 г. № 1.

средства превосходили всѣ принимавшіеся до нынѣ въ соображеніе разсчеты въ подобныхъ случаяхъ.

„И при такихъ-то огромныхъ средствахъ, послѣ 9-ти мѣсячнаго разрушительнаго дѣйствія артиллеріею громадныхъ размѣровъ, непріятель, неоднократно прибѣгавшій къ усиленному бомбардированію города, выпуская каждый разъ противъ онаго по нѣскольку сотъ тысячъ снарядовъ, увидѣлъ безуспѣшность сей мѣры и рѣшился наконецъ овладѣть Севастополемъ съ боя.

„6-го іюня сего года онъ устремился на приступъ, съ нѣсколькихъ сторонъ; храбро ворвался въ городъ, но былъ встрѣченъ вами съ неустрашимостію и отбитъ на всѣхъ пунктахъ самымъ блистательнымъ образомъ.

„Неудача эта вынудила его обратиться по-прежнему къ продолженію осадныхъ работъ, умножая свои батареи и усугубляя дѣятельность въ веденіи траншейныхъ и минныхъ работъ.

„Такимъ образомъ, со дня достославнаго отбитія вами штурма 6-го іюня, протекло еще болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ, одушевленные чувствомъ долга и любви къ престолу и отечеству, вы геройски оспаривали у непріятеля каждый аршинъ земли, заставляли его подвигаться впередъ не иначе, какъ шагъ за шагомъ, платить потоками крови и неимовѣрною тратою снарядовъ за одну сажень пройденнаго пространства. При такой упорной защитѣ, мужество ваше не только не ослабѣвало, но доходило до высшей степени самоотверженія.

„При всемъ томъ, если неустрашимость и терпѣніе ваши безпредѣльны, то есть вещественные предѣлы возможности сопротивленія. По мѣрѣ приближенія непріятельскихъ подступовъ, батареи ихъ также сближались одна къ другой; огненный кругъ, опоясывавшій Севастополь, съ каждымъ днемъ стѣснялся болѣе и болѣе, и все далѣе извергалъ въ городъ смерть и разрушеніе, поражая храбрыхъ защитниковъ его.

„Пользуясь такимъ превосходствомъ огней, на самомъ близкомъ разстояніи, непріятель послѣ усиленнаго дѣйствія артиллеріи въ продолженіе 20-ти дней, стоившаго ежедневно нашему гарнизону потери отъ 500 до 1.000 человѣкъ, 24-го августа началъ адское бомбардированіе изъ огромнаго числа орудій небывалыхъ калибровъ, слѣдствіемъ коего

было ежедневно разрушеніе нашихъ окоповъ, уже съ большимъ трудомъ и съ самыми чувствительными потерями возобновлявшихся по ночамъ, подъ безостановочнымъ огнемъ непріятеля. Въ особенности главнѣйшій изъ сихъ верковъ редутъ Корнилова на Малаховомъ курганѣ, составлявшій ключъ Севастополя, какъ пунктъ, господствующій надъ всѣмъ городомъ, претерпѣлъ значительныя неисправимыя поврежденія.

„Въ такихъ обстоятельствахъ продолжать оборону Южной стороны—значило бы подвергать ежедневно безполезному убійству войска наши, сохраненіе коихъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно для Государя и России.

„Поэтому съ прискорбіемъ въ душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняю священный долгъ, я рѣшился очистить Севастополь и перевести войска на Сѣверную сторону, частію по устроенному заранѣе мосту черезъ бухту, частію на судахъ.

„Между тѣмъ 27-го августа, въ $10^1/_2$ час. утра, непріятель, видя передъ собою полуразрушенные верки, а редутъ Корнилова съ засыпанными рвами, предпринялъ отчаянный приступъ одновременно на бастіоны: 2-й, Корниловъ и 3-й; около трехъ часовъ спустя на 5-й бастіонъ и редуты Бѣлкина и Шварца.

„Изъ этихъ 6-ти атакъ пять отбиты со славою: нѣкоторые изъ атакуемыхъ пунктовъ, какъ-то 2-й бастіонъ, на который непріятель уже взвезъ-было орудія по накинутымъ мостамъ, переходили по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки и окончательно остались за нами; но редутъ Корниловъ, болѣе прочихъ укрѣпленій разрушенный бомбардированіемъ, былъ занятъ французами, направившими на оный до 30-ти тысячъ человѣкъ и послѣ огромныхъ потерь, нами понесенныхъ съ начала боя, не могъ быть исторгнутъ изъ ихъ рукъ, ибо для сего намъ надлежало бы взбираться по крутой покатости кургана, между развалинами разбросанныхъ въ безпорядкѣ строеній, а потомъ проходить по узкой плотинѣ чрезъ неповрежденный глубокій ровъ задняго фаса, занятаго французами.

„Таковое предпріятіе могло бы не привести насъ къ желаемому успѣху и неминуемо стоило бы несмѣтныхъ потерь.

„Сіе было тѣмъ менѣе нужно, что по вышеизложеннымъ причинамъ, я рѣшился во всякомъ случаѣ оставить городъ. Затѣмъ, такъ

какъ успѣхъ непріятеля ограничивался исключительно занятіемъ редута Корнилова, я приказалъ, не предпринимая нападенія на этотъ редутъ, оставаться передъ онымъ, для воспротивленія непріятелю продолжать оттуда наступленіе въ городъ, что̀ и было исполнено въ точности, несмотря на всѣ усилія французовъ двинуться впередъ изъ-за горжи редута.

„Съ наступленіемъ темноты, я приказалъ войскамъ отступить, по сдѣланной заранѣе диспозиціи.

„Опыты мужества, оказанные вами въ сей день, поселили такое уваженіе къ вамъ, храбрые товарищи, въ самомъ непріятелѣ, что онъ хотя долженъ былъ замѣтить ваше отступленіе по взрывамъ нашихъ пороховыхъ погребовъ, дѣлаемыхъ войсками нашими по мѣрѣ оставленія ими различныхъ частей оборонительной линіи, не только не преслѣдовалъ ихъ колоннами, но даже почти вовсе не дѣйствовалъ своею артиллеріею по отступающимъ войскамъ, что̀ могъ бы сдѣлать совершенно безнаказанно.

„Храбрые товарищи!—грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стоитъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородиномъ. *Триста-сорока-девяти-дневная* оборона Севастополя превосходитъ Бородино!

„Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла достались непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственно нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостію предадутъ отдаленному потомству.

„Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его, мы пріобрѣтаемъ подвижность, и начинается новая война, война полевая, свойственная духу русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную отечественную войну. Гдѣ бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году.

„Храбрые войны сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Го-

сударя Императора благодарю васъ за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя.

„Долгомъ почитаю принести въ особенности мою благодарность доблестнымъ вашимъ начальникамъ:

„Гг. генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену, начальствовавшему гарнизономъ въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ; генералъ-лейтенантамъ: Шепелеву, Хрулеву, Павлову, Семякину, вице-адмираламъ: Новосильскому и Панфилову; генералъ-маіорамъ: Мартинау, Пихельштейну, Лысенко 1-му, генералъ-адъютанту князю Урусову, Шульцу, Хрущеву, Голеву, Сабашинскому, Шейдеману; свиты Его Величества князю Васильчикову и Тотлебену; полковникамъ: Козлянинову 2-му, Геннериху, Гарднеру; капитанамъ 1-го ранга: Зарину, Микрюкову, Перелешину 1-му, Перелешину 2-му; подполковнику Циммерману; капитанъ-лейтенантамъ: Ильинскому и Чебышеву, и всѣмъ г.г. штабъ-и оберъ-офицерамъ, участвовавшимъ въ осадѣ.

„Объемъ приказа не дозволяетъ мнѣ внести въ него имена многихъ другихъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, которымъ въ большей или меньшей степени принадлежитъ честь содѣйствія въ великомъ подвигѣ обороны Севастополя; но каждый изъ нихъ имѣетъ право на признательность Монарха и Отечества.

„Между сими сотрудниками я назову только главныхъ дѣятелей изъ числа лицъ, не находившихся въ составѣ гарнизона: начальникъ и чины Главнаго штаба ввѣренныхъ мнѣ войскъ: генералъ-адъютантъ Коцебу, генералъ-лейтенанты: Сержпутовскій, Бухмейеръ, Ушаковъ, Бутурлинъ, генералъ-маіоръ Крыжановскій. Изъ нихъ инженеръ-генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ оказалъ важную заслугу устройствомъ превосходнаго плотоваго моста черезъ бухту, обезпечившаго отступленіе войскъ.

„Воздавая заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ и достойнымъ начальникамъ вашимъ,—почтемъ, товарищи, память тѣхъ изъ нихъ, кои пали съ честію за вѣру и отечество на валахъ Севастополя. Вспомнимъ въ особенности незабвенныя имена: Нахимова, Корнилова, Истомина и вознесемъ мольбы наши ко Всевышнему, да ниспошлетъ онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ Россіянъ“.

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ на Сѣверную и съ занятіемъ союзниками развалинъ города, обѣ воюющія стороны стали укрѣпляться на новыхъ мѣстахъ. Какъ мы, такъ и союзники строили новыя укрѣпленія и батареи, и изрѣдка поддерживали перестрѣлку другъ съ другомъ.

Въ это время славная русская армія была обрадована пролетѣвшимъ по рядамъ ея извѣстіемъ о скоромъ прибытіи въ Крымъ Императора Александра II.

Въ началѣ сентября Государь изволилъ прибыть въ г. Николаевъ, гдѣ и оставался въ теченіе шести недѣль, лично слѣдя за ходомъ оборонительныхъ работъ этого города.

Высокое вниманіе Монарха къ Крымской арміи высказывалось на каждомъ шагу и ежеминутно. Каждый день Государь посѣщалъ госпитали, благодѣтельствовалъ раненыхъ и больныхъ воиновъ и награждалъ отличавшихся.

Желая видѣть всѣ войска славной арміи, онъ приказалъ нѣкоторые полки и всѣ морскіе экипажи, за исключеніемъ трехъ, двинуть въ Николаевъ, и не было такой маленькой команды, къ которой бы самъ Царь не выѣхалъ на встрѣчу, при вступленіи ея въ городъ. Въ необыкновенно милостивыхъ и задушевныхъ словахъ, онъ благодарилъ войска за ихъ славную службу Престолу и Отечеству. Въѣзжая въ середину рядовъ, Государь милостиво разговаривалъ съ каждымъ солдатомъ или матросомъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Императоръ посѣтилъ Крымскую армію. Въ два часа по полудни, 28-го октября, колокольный звонъ Бахчисарайской церкви и радостные крики собравшейся толпы народа возвѣстили о прибытіи Государя и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

У входа во храмъ Государь былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою. По окончаніи службы Его Величество изволилъ отправиться въ приготовленную для него квартиру въ частномъ домѣ, такъ какъ помѣщеніе въ Бахчисарайскомъ дворцѣ было занято подъ госпитали.

Изъ Бахчисарая Государь выѣхалъ для смотра полковъ 10-й пѣхот-

ной дивизіи. Оставшись совершенно доволенъ бодрымъ видомъ солдатъ, онъ вызвалъ впередъ офицеровъ.

— Я горѣлъ нетерпѣніемъ,—сказалъ имъ Императоръ,—видѣть храбрую Крымскую армію.

„Ура!", „Ура!"—самое громкое было отвѣтомъ на столь лестныя и милостивыя слова Монарха.

Осмотрѣвъ войска, находившіяся въ Бахчисараѣ и его окрестностяхъ, Государь Императоръ, на слѣдующій день, выѣхалъ въ Севастополь въ сопровожденіи Великихъ Князей и главнокомандующаго. Онъ посѣтилъ полки, расположенные на Сѣверной сторонѣ города, осмотрѣлъ вновь взводимыя укрѣпленія и, доѣхавъ верхомъ до Волоховой башни, „обозрѣвалъ съ нея окрестную мѣстность, море и въ достославной борьбѣ погибшій городъ". За симъ Его Величество произвелъ смотръ войскамъ, расположеннымъ какъ на Инкерманскихъ высотахъ, такъ и на Мекензіевой горѣ. Остановясь посреди 11-й пѣхотной дивизіи, онъ благодарилъ войска.

— Благодарю, ребята, за службу,—сказалъ онъ,—именемъ покойнаго Государя, именемъ отца моего и вашего—благодарю васъ.

— „Ура!", „Ура!" долго, долго гремѣвшее и заглушившее голосъ Царя, было ему отвѣтомъ.

— Я счастливъ,—продолжалъ Государь,—что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу; давно это было моимъ желаніемъ.

Трудно пересказать, что̀ было посреди войскъ послѣ этихъ словъ Монарха.

Сойдя съ лошади, Императоръ вторично пѣшкомъ обходилъ батальоны, разспрашивалъ георгіевскихъ кавалеровъ, за что̀ именно и когда даны имъ кресты; справлялся о раненыхъ и удостоивалъ каждаго своимъ вниманіемъ. Подойдя къ Камчатскому полку, Государь замѣтилъ, что въ строю только одинъ батальонъ. Командующій полкомъ доложилъ, что второй батальонъ на аванпостахъ.

— Одинъ батальонъ камчатцевъ,—замѣтилъ на это Государь,—четырехъ стоитъ.

„Тутъ же,—пишетъ очевидецъ,—Его Величество изволилъ замѣ-

тить подъ знаменемъ двухъ унтеръ-офицеровъ, старика и молодаго, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, богатырей весьма большаго роста, съ георгіевскими крестами, съ французскими саблями у пояса вмѣсто тесаковъ и пистолетами за поясомъ“.

То были Михайловы—отецъ и сынъ, волонтеры изъ Новгородскихъ военныхъ поселеній, добровольно пришедшіе на службу въ Севастополь. За отличную храбрость они произведены были въ унтеръ-офицеры и пожалованы знакомъ отличія военнаго ордена.

— Отчего вы такъ вооружены?—спросилъ Императоръ, замѣтивъ на нихъ французскія сабли.

— Намъ пожалованы сабли, — отвѣчали Михайловы, — княземъ Васильчиковымъ за храбрость нашу.

— Вы волонтеры?—спросилъ Государь.

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество; мы добровольно пришли въ Севастополь, желая умереть за Ваше Величество и за вѣру православную.

— Спасибо вамъ за хорошій примѣръ,—сказалъ Государь,—спасибо вамъ, не забуду васъ, приходите ко мнѣ въ Петербургъ.

— Благодаримъ покорно, Ваше Императорское Величество,—отвѣчали молодцы.

Послѣ церемоніальнаго марша Императоръ вызвалъ офицеровъ на средину дивизіи.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ имъ, — за то, что вы всегда впереди.

Восторженные крики были отвѣтомъ на милостивыя слова Монарха.

— Не пощадимъ себя, Государь!—кричали офицеры со всѣхъ сторонъ.

Осмотрѣвъ войска, расположенныя на р.р. Алмѣ, Качѣ, Бельбекѣ, у перевала въ Байдарскую долину, и уѣзжая изъ Крыма, Императоръ осчастливилъ ихъ слѣдующимъ высокозамѣчательнымъ приказомъ отъ 31-го октября 1855 года:

„Храбрые воины Крымской арміи! Приказомъ моимъ отъ 30-го августа, я выразилъ вамъ чувства, преисполняющія душу мою искренней признательности къ заслугамъ вашимъ, увѣковѣчившимъ славу защиты

Севастополя. Но сердцу моему недостаточно было благодарить васъ заочно за тѣ геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, съ которыми вы удивляли даже враговъ нашихъ, перенесли тяжкое бремя почти годовой осады. Здѣсь, среди васъ, желательно мнѣ было изъявить вамъ чувства моего къ вамъ благоволенія и искренней признательности. Свиданіе съ вами доставило мнѣ невыразимое удовольствіе, а блестящее состояніе, въ коемъ я нашелъ войска Крымской арміи, при произведенныхъ нынѣ смотрахъ, превзошло мои ожиданія. Мнѣ отрадно было видѣть васъ и любоваться вами. Благодарю васъ отъ души за службу вашу, за подвиги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твердо въ васъ укорененныя; они мнѣ ручаются въ сохраненіи славы русскаго оружія и въ непрестанной готовности, храбрости моего войска жертвовать собою за вѣру, Царя и Отечество.

„Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя, я установилъ собственно для войскъ, защищавшихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

„Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущихъ сослуживцахъ вашихъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору Престола и Отечества.

„Совокупное же изображеніе на медали именъ: незабвеннаго моего родителя и моего, да будетъ залогомъ чувствъ нашихъ, одинаково къ вамъ благосклонныхъ, и да сохранитъ въ васъ навсегда нераздѣльную память объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о мнѣ. Я вами горжусь, какъ онъ вами гордился, какъ онъ, ввѣряюсь вашей испытанной преданности и рвенію къ исполненію своего долга. Именемъ его и своимъ благодарю еще храбрыхъ защитниковъ Севастополя, благодарю всю армію“.

Съ переходомъ нашихъ войскъ на Сѣверную, союзники не предпринимали ничего рѣшительнаго, и столкновенія наши съ непріятелемъ не представляютъ ничего замѣчательнаго. Главная масса силъ стояла другъ противъ друга и изрѣдка перестрѣливалась.

Въ началѣ 1856 года были открыты мирные переговоры, въ основаніе которыхъ было положено немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій. Извѣстіе о такомъ постановленіи конференціи достигло до Бах-

чисарая 15-го февраля, и черезъ день 17-го февраля, было заключено перемиріе.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 18-го марта 1856 года, были подписаны въ Парижѣ мирныя условія, и война прекратилась.

Скоро минетъ полвѣка съ того дня, когда многострадальный городъ въ послѣдній разъ вздохнулъ боевымъ выстрѣломъ. Съ тѣхъ поръ почти все измѣнилось во внутренней жизни Россіи, одинъ только неизмѣненъ тотъ городъ на Сѣверной сторонѣ Севастополя, который извѣстенъ подъ именемъ *„Братскихъ могилъ“*. Тамъ, надъ кучею погребальныхъ холмовъ, скрывшихъ останки смѣлыхъ сыновъ Россіи, стоитъ храмъ, основаніемъ которому служитъ русская доблесть, а надъ храмомъ высится крестъ—символъ мира и любви къ ближнему. Подъ своды этого храма, дорогаго сердцу каждаго русскаго, стекаются и будутъ стекаться люди всѣхъ націй, сословій, состояній и вспомнятъ они слова преосвященнаго Иннокентія: *пади ницъ, мѣсто бо сіе свято есть.* Преклоняя колѣна передъ священными холмами, пусть каждый припомнитъ съ благоговѣніемъ и благодарностью, что на сѣверѣ, далеко отъ Севастополя, есть еще могила славнаго защитника многострадальнаго города, оберегателя чести и могущества Россіи—могила Императора Николая I, положившаго всю свою душу и сердце на пользу, счастіе и благоденствіе дорогаго ему Отечества; пусть вспомнятъ, что вдохновленный имъ Севастополь 349 дней отбивался отъ ожесточеннаго напора многочисленныхъ враговъ, и, среди неумолкаемаго грома, обагренный потоками крови, стоялъ онъ въ дыму и пламени какъ величайшій жертвенникъ, достойный могущества и славы Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 30-й.

Всеподданнѣйшее письмо князя Меншикова Государю Наслѣднику изъ Симферополя отъ 24-го февраля 1855 г.

Рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества, отъ 15-го сего истекающаго февраля мѣсяца, съ изложеніемъ Высочайшаго увольненія меня отъ командованія войсками въ Крыму, засталъ меня уже въ Симферополѣ, куда я прибылъ по сдачѣ начальства генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену, и въ положеніи здоровья, столь разстроеннаго, что я лишенъ всякой физической возможности принимать участіе въ дѣйствіяхъ арміи.

Не съумѣю выразить Вашему Высочеству, сколь глубоко чувствую и высоко цѣню я то милостивое вниманіе, которое оказано мнѣ при этомъ. Убѣжденный искренно, что въ выполненіи всего, требуемаго настоящими событіями, одного усердія недостаточно,—нужны силы и разумѣніе, я съ благоговѣйною признательностію пріемлю Высочайше дарованный мнѣ отдыхъ, такъ существенно моимъ ослабѣвшимъ силамъ необходимый.

Священнымъ долгомъ поставляю себѣ, при свиданіи съ княземъ Горчаковымъ, передать ему все, что знаю, не только съ откровенностію и по крайнему моему разумѣнію, но и съ чувствомъ той дружбы, которая взаимно связываетъ насъ съ юныхъ лѣтъ.

При всеподданнѣйшемъ донесеніи Вашему Высочеству объ этомъ, да будетъ мнѣ дозволено обратить вниманіе ваше на—осмѣлюсь такъ выразиться—существенную необходимость дать преемнику моему разрѣшеніе: двигать войска по своему ближайшему мѣстному усмотрѣнію въ то время, когда придется ему маневрировать изъ одного края полуострова въ другой и обращать въ головныя войска наступательныхъ колоннъ тѣ войска, которыя будутъ ближе подъ рукой, для стратегическаго направленія ихъ отъ турокъ къ сардинцамъ, либо къ французамъ, или къ англичанамъ и обратно, смотря куда и какъ понадобится.

Въ такомъ передвиженіи могутъ быть войска 6-го корпуса и 8-й дивизіи. Уполномочіе своевременно и по своему усмотрѣнію распоряжаться сею послѣднею необходимо дать моему преемнику, потому что

Ихъ Императорскія Высочества Государи Великіе Князья, между переданными мнѣ Высочайшими указаніями, изволили также именемъ Государя объявить запрещеніе сближать къ себѣ 8-ю дивизію. Разрѣшено было мнѣ только одну бригаду ея передвинуть въ случаѣ крайней надобности и то не далѣе, какъ до высоты Симферополя [1]).

Вышеизложенное соображеніе мое повергаю милостивому воззрѣнію Вашего Императорскаго Высочества.

Тяжкое состояніе моего здоровья вынуждаетъ меня, по настоятельному требованію медиковъ, не оставаться долго въ Крыму [2]).

Приложеніе № 31-й.

Артиллерійское вооруженіе Южной стороны 28-го марта 1855 г.

Укрѣпленія:	Число орудій.
Лѣвый фронтъ береговой батареи	6
Лѣвая половина 7-го бастіона	10
Стѣнка между 6-мъ и 7-мъ бастіонами	8
Батареи (Шемякина) № 26-го	9
Батареи (Шемякина) № 60-го	8
Батареи (Шемякина) № 61-го	4
6-й бастіонъ	33
Казарма 6-го бастіона	4
Стѣнка между 5-мъ и 6-мъ бастіонами	8
Батарея № 79-го (Бутакова)	8
Ростиславскій редутъ	40
Люнетъ № 7-го (Бѣлкина)	12
5-й бастіонъ	47
Казарма 5-го бастіона	4
Соединенныя батареи № 25-го и № 42-го (Титова и Завалишина)	14

---

¹) Это запрещеніе, какъ мы видѣли, было отмѣнено собственноручнымъ письмомъ Императора князю Меншикову отъ 5-го января 1855 г., и слова князя Меншикова не вполнѣ справедливы.

²) Арх. канц. воен. минист., дѣло № 102.

Укрѣпленія.

			Число орудій.
	(Бурцова) № 24-го		16
	(Швана)	№ 30-го	8
	(Швана)	№ 36-го	14
	(Швана)	№ 41-го	8
	Задняя		4
	Кремальерная линія		7
Редутъ № 1-го (Шварца)			12
Батареи (Забудскаго)	№ 8-го		8
Батареи (Забудскаго)	№ 35-го		4
Батареи (Забудскаго)	№ 43-го		2
Батареи (Петрова)	№ 9-го		5
Батареи (Петрова)	№ 10-го		7
Батареи (Петрова)	№ 11-го		2
Батареи (Петрова)	№ 12-го		6
Батареи	№ 22-го (Ивашкина)		5
Батареи	№ 38-го (Костомарова)		5
4-й бастіонъ			83
Батарея (Львова) № 75-го			10
Батареи (Бульварныя)	№ 31-го		2
Батареи (Бульварныя)	№ 32-го		5
Батареи (Бульварныя)	№ 33-го		2
Батареи (Бульварныя)	№ 34-го		2
Батарея № 2-го (Грибокъ)			4
Батарея Язо́новскаго редута	№ 23-го (Лазарева)		11
Батарея Язо́новскаго редута	№ 20-го (Шихматова)		5
Батарея Язо́новскаго редута	№ 53-го (Нарбута)		2
Батарея Язо́новскаго редута	№ 62-го (Нарбута)		7
Батареи	№ 51-го (Липнина)		4
Батареи	№ 80-го (Поля)		4
Въ костелѣ, въ домѣ Стерлинга и на баррикадахъ Городской стороны			55
Батареи (Скарятина) на Городской высотѣ		№ 13-го	10
Батареи (Скарятина) на Городской высотѣ		№ 57-го	10
Батареи на берегу Южной бухты	(Арсенальная)	№ 69-го	5
Батареи на берегу Южной бухты	(Веселаго)	№ 58-го	2
Батареи на берегу Южной бухты	(Веселаго)	№ 59-го	2
Батареи на берегу Южной бухты	(Эйсмонта)	№ 37-го	4
Батареи на берегу Южной бухты	(Головинскаго)	№ 70-го	2
Батареи на берегу Южной бухты	(Головинскаго)	№ 71-го	3
Батареи на берегу Южной бухты	(Головинскаго)	№ 72-го	3

*

Укрѣпленія.

		Число орудій.
Батареи (Викорста) на Городской сторонѣ	№ 63-го	6
	№ 64-го	2
	№ 65-го	2
Батареи близъ собора Св. Владиміра	№ 66-го	2
	№ 67-го	2
	№ 68-го	4
Батарея (Сидорова) у Малаго бульвара	№ 76-го	4
	№ 77-го	2
Батареи позади 7-го бастіона	№ 54-го	3
	№ 55-го	4
	№ 56-го	2
Горжа береговой батареи № 8-го		8
Батареи на Пересыпи.	№ 16-го (Крякина)	11
	№ 81-го (Стааля)	21
	№ 15-го (Перекомскаго)	13
Батареи	№ 5-го (Никонова)	39
	№ 52-го (Волынскаго)	3
	№ 39-го (Зубова)	3
Батареи	№ 29-го (Смагина)	16
	№ 47-го (Попандопуло)	2
	№ 46-го (Швейковскаго)	2
	№ 45-го (Потемкина)	4
	№ 27-го (Артюкова)	5
3-й бастіонъ		27
Батарея (Яновскаго) № 21-го		13
Батареи (Будищева)	№ 3-го	15
	№ 73-го	4
	№ 85-го	2
Батарея (Жерве) № 6-го		8
Редантъ (Емельянова) № 74-го		4
Батареи Малахова кургана.	(Сенявина) № 17-го	8
	На гласисѣ	14
	(Панфирова) № 18-го	11
	(Станиславскаго) № 28-го	9
	(Житкова) № 44-го	4
	Задняя (Львова)	2
	Подвижная (Сухина)	7
Батареи	(Никифорова) № 84-го	5
	(Красовскаго) № 19-го	5
	Правѣе 2-го бастіона	2

Укрѣпленія.		Число орудій.
2-й бастіонъ		30
Батарея (Харламова) № 82-го		2
Батарея на мѣстѣ 1-го бастіона		13
Казарма 1-го бастіона		9
Батареи у морскихъ казармъ (Беклешева)	№ 48-го	5
	№ 49-го	2
	№ 50-го	6
Морская казарма № 32-го		12
Камчатскій люнетъ		18
Селенгинскій редутъ		12
Волынскій редутъ		17
Батареи	№ 83-го (Венеціанская)	2
	№ 86-го	5
	Всего	998

Приложеніе № 32-й.

Расположеніе войскъ въ случаѣ тревоги по отдѣленіямъ оборонительной линіи Южной стороны г. Севастополя.

27-го марта 1855 г.

1-е Отдѣленіе. Капитана 1-го ранга Зорина, отъ моря до редута Шварца включительно [1]), протяженіе оборонительной линіи $2^1/_2$ версты, занимается: $13^1/_2$ батал., 1-мъ экипажемъ, 1-й ротой стрѣлковъ, 4-мя полевыми орудіями. Итого $14^3/_4$ батальона и 4-ре полевыхъ орудій.

а) три роты составляютъ гарнизонъ батареи № 10-го.

б) одинъ взводъ въ Александровской батареѣ.

в) полторы роты въ бастіонахъ № 7-го и № 8-го.

г) одинъ батальонъ между 6-мъ и 7-мъ бастіонами.

д) двѣ роты въ прикрытіи батареи Шемякина.

е) одинъ батальонъ гарнизонъ бастіона № 6-го.

---

[1]) Въ длину оборонительныхъ линій отдѣленій не входятъ укрѣпленія второй линіи, а равно передніе ложементы и траншеи, а въ 4-мъ отдѣленіи не включенъ и Камчатскій редутъ.

ж) { два батальона / один экипажъ } гарнизонъ редута Ростиславскаго.

з) два батальона въ резервѣ за редутомъ Ростиславскимъ.

и) одинъ батальонъ гарнизонъ бастіона № 5-го.

і) четыре батальона гарнизонъ редута Чесменскаго.

к) одна рота гарнизонъ редута Шварца.

Стрѣлковая рота располагается по усмотрѣнію начальника отдѣленія.

2-е Отдѣленіе. Вице-адмирала Новосильскаго, отъ редута Шварца до батареи на оконечности бульвара, протяженіе оборонительной линіи $1^1/_2$ версты, занимается: 8-ю батальонами, 4-мя флотскими экипажами, 1-й ротой стрѣлковъ—итого $12^1/_4$ батальоновъ.

а) два батальона занимаютъ траншею, соединяющую редутъ Шварца съ бастіономъ № 4-го.

б) одинъ батальонъ въ резервѣ второй линіи траншей.

в) два съ половиною батальона гарнизонъ бастіона № 4-го.

г) два батальона гарнизонъ редута Яновскаго.

д) двѣ роты занимаютъ траншею влѣво отъ бастіона № 4-го до Грибка.

Рота стрѣлковъ по усмотрѣнію начальника отдѣленія.

е) флотскіе экипажи, предназначенные для пополненія артиллерійской прислуги, располагаются въ адмиралтействѣ.

Общій резервъ 1-го и 2-го отдѣленій.

ж) два батальона за батареею Скарятина.

з) { четыре батальона, / восемь орудій и / двѣ сотни казаковъ. } на Николаевской площади.

3-е Отдѣленіе. Контръ-адмирала Панфилова, отъ батареи на оконечности бульвара до моста черезъ Доковой оврагъ, протяженіе оборонительной линіи 2 версты, занимается: 8-ю батальонами, 4-мя эскадронами и 1-ю ротою стрѣлковъ—итого $12^1/_4$ батальоновъ.

а) { одинъ батальонъ / и одинъ экипажъ } за батареею Никонова.

б) два батальона гарнизонъ бастіона № 3-го.

в) одинъ экипажъ за батареею Будищева.

г) два батальона въ резервѣ.

Рота стрѣлковъ по усмотрѣнію начальника отдѣленія.

Сверхъ сего на ночь наряжаются:

д) одинъ батальонъ для содержанія цѣпи впереди праваго фланга.

е) одинъ батальонъ для занятія ложементовъ.

ж) одинъ батальонъ въ резервѣ за траншеею.

4-е Отдѣленіе. Капитана 1-го ранга Юрковскаго, отъ моста черезъ Доковъ оврагъ за Киленъ-балку, протяженіе оборонительной линіи $2^1|_2$ версты, занимается: 22-мя батальонами, 3-мя экипажами, 1-ю ротою стрѣлковъ, 1-й легкой батареей—итого $25\frac{1}{4}$ батальоновъ и 1 легкая батарея.

а) два экипажа занимаютъ пространство отъ Докова оврага до Корниловскаго бастіона.

б) четыре батальона гарнизонъ Корниловскаго бастіона.

в) два батальона гарнизонъ бастіона № 2-го.

г) одинъ экипажъ гарнизонъ бастіона № 1-го.

д) одинъ батальонъ правѣе и сзади Селенгинскаго редута.

е) полтора батальона гарнизонъ Селенгинскаго редута.

ж) два батальона гарнизонъ Волынскаго редута.

з) двѣ роты занимаютъ траншею между Волынскимъ редутомъ и батареею.

и) одинъ батальонъ въ теченіе ночи содержитъ цѣпь и занимаетъ ложементы впереди Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ.

і) два батальона гарнизонъ Камчатскаго редута.

к) одинъ батальонъ днемъ, а два ночью занимаютъ ложементы впереди Камчатскаго редута.

Рота стрѣлковъ по усмотрѣнію начальника отдѣленія.

л) шесть остальныхъ батальоновъ собираются по тревогѣ и составляютъ общій резервъ 3-го и 4-го отдѣленій.

Приложеніе № 33-й.

Строевой рапортъ о состояніи войскъ, расположенныхъ въ Крыму по 1-ое число мая мѣсяца 1855 года.

ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ. Строевыхъ.	Нижнихъ чиновъ. Нестроевъ.
Пѣхота.				
6-я пѣхотная дивизія . . .	20	210	11924	565
8-я „ „ . . .	генер. 2 шт. оф. 28	248	11265	620
9-я „ „ . . .	генер. 1 шт. оф. 18	229	12710	621
10-я „ „ . . .	10	217	9377	634
11-я „ „ . . .	10	195	9078	601
12-я „ „ . . .	16	237	10250	664
14-я „ „ . . .	11	196	9040	627
16-я „ „ . . .	11	142	8704	487
17-я „ „ . . .	генер. 1 шт. оф. 17	219	10004	635
Резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи	генер. 1 шт. оф. 6	83	5190	249
6-е резервные батальоны Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ.	2	23	1289	41
5-й и 6-й резервные батальоны Подольскаго егерскаго полка.	3	14	1221	30
Резервный пѣхотный полкъ 17-й пѣхотной дивизіи. . . .	4	51	2423	109
Резервный егерскій полкъ той же дивизіи.	4	31	913	102
3-й, 4-й и 6-й стрѣлковые батальоны	4	34	1445	131
4-й и 6-й саперные батальоны.	3	28	1245	161
Черноморскіе линейные № 5-го и № 15-го батальоны. . .	3	29	1650	78

Званіе войскъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ. Строевыхъ.	Нижнихъ чиновъ. Нестроевыхъ.
Черноморскій резервный линейный батальонъ	1	7	700	43
Черноморскіе пѣшіе казачьи № 2-го, 5-го, 6-го, 8-го и 9-го батальоны.	9	55	3149	57
Таврическій внутренній гарнизонный батальонъ. . . .	1	20	703	29
Керченскій внутренній гарнизонный полубатальонъ . .	1	11	393	17
Керченскій полубатальонъ карантинной стражи. . . .	1	8	264	68
Балаклавскій Греческій пѣхотный батальонъ	—	8	258	—
Итого пѣхоты .	генер. 5 шт.-оф. 183	2295	113155	6569
Кавалерія.				
1-я драгунская дивизія, въ составѣ трехъ полковъ. . .	20	134	4484	335
2-я драгунская дивизія, въ составѣ трехъ полковъ. . .	20	134	4664	346
Резервная уланская дивизія .	генер. 1 шт.-оф. 14	159	3667	342
2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи. . . .	генер. 1 шт.-оф. 11	51	2385	176
Донскіе казачьи № 9-го, 22-го 42-го, 53-го, 55-го, 56-го, 57-го, 60-го, 61-го, 65-го и 67-го и Уральскіе казачьи № 1-го и № 2-го полки, три сотни № 39-го и четыре сотни своднаго Черноморскаго казачьяго коннаго полка. .	29	208	9608	25
Лейбъ-гвардіи Крымско-Татарскій полуэскадронъ . . .	—	2	42	—
Итого кавалеріи .	генер. 2 шт.-оф. 94	688	24850	1224

ЗВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ. Строевыхъ.	Нижнихъ чиновъ. Нестроевыхъ.
Артиллерія.				
Конно-легкія № 9-го и № 20-го батареи	1	12	375	60
Конно-батарейныя № 21-го и № 24-го и легкія № 22-го, № 23-го, № 25-го и № 26-го батареи.	5	25	1119	213
Донскія конныя батарейная № 3-го и легкія № 2-го и № 4-го батареи	3	13	543	118
6-я артиллерійская бригада .	1	31	888	118
8-я „ „ .	3	27	662	87
9-я „ „ .	3	27	909	91
10-я „ „ .	1	22	888	111
11-я „ „ .	1	23	887	125
12-я „ „ .	3	30	899	120
16-й артиллерійской бригады три батареи	3	23	603	66
17-й артиллерійской бригады .	1	17	586	95
Дивизіонъ резервной легкой № 5-го батареи 5-й артиллерійской дивизіи. . . .	1	3	145	16
Дивизіонъ Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11-го батареи. . . .	—	2	83	9
Рота № 5-го 8-й гарнизонной артиллерійской бригады . . .	—	2	171	1
Половина Лабораторной артиллерійской № 2-й роты . .	—	1	43	4
Подвижные запасные № 8-го, № 11-го, № 12-го и № 15-го парки	3	1	946	74
Итого артиллеріи.	31	279	10361	1417
Всего. . .	генер. 7 шт.-оф. 308	3262	148366	9210

Приложеніе № 34-й.

Lettre du Prince Gortchakoff au Ministre de la guerre de Sévastopol le 30 avril 1855.

Par la note ci-jointe, Vous verrez, mon cher Prince, la passe dans laquelle nous nous trouvons, et les mesures que je prends pour y faire face. Mais comme il est inutile que qui que ce soit, excepté Sa Majesté et Vous, connaisse toutes les difficultés de notre position, je me suis réservé de Vous les exposer dans cette lettre dont personne n'a connaissance.

L'ennemi augmente tellement le nombre de ses batteries contre les fronts d'attaque, que je dois m'attendre qu'avec le nouveau bombardement, nos défenses ne seront plus tenables au bout de deux ou trois jours. Ce qui nous a sauvé sous ce rapport, la dernière fois, c'est que la nuit nous avions du répit pour réparer les dommages de la journée; nos feux égalant à peu près ceux de l'ennemi, il était obligé de suspendre sa canonnade avec l'obscurité et se bornait à nous bombarder, profitant lui-même de la nuit pour réparer ses merlons. En outre, les approches de l'ennemi étaient à moindre proximité qu'à présent. Il est à craindre qu'avec la nouvelle ouverture du feu il ne se trouve en mesure de canonner nos batteries de nuit comme de jour. Alors, au bout peut-être de 48 heures, nous n'aurons plus de canons sur nos remparts, et l'assaut pourra se faire presque sans danger contre les bastions attaqués.

J'ai maintenant une vingtaine de mille pouds de poudre; c'est à peine ce qu'il faut pour une assez faible canonnade de 8 jours; je ne puis donc la dépenser à présent pour chauffer les nouvelles batteries de l'ennemi. Faire des sorties sérieuses me coûterait un monde fou, et à peu près en pure perte, l'ennemi occupant ses parallèles très-fortement, et tenant toujours de fortes réserves à proximité. Enfin je commence à éprouver pénurie de projectiles, surtout pour le 36. A cette occasion je recommande à toute votre sollicitude mon office, relatif à la fabrique.

Une autre chance détestable sera celle que l'ennemi parviendra peut-être à forcer la position de Makensie et d'Inkermann, pendant que je serai à guerroyer près d'Eupatorie, et tournera la baie pour s'établir vis-

à-vis des fortifications du Nord. Ces fortifications n'ont aucune valeur. L'ennemi, une fois maître des trois nouvelles redoutes que j'ai faites sur les hauteurs nord-est (qu'il lui sera facile d'enlever) dominera la baie, interceptera la communication entre les deux rives, et tout sera perdu.

Si l'ennemi a du bon sens, il débouchera d'Eupatorie avec 50.000 hommes d'infanterie ou plus, et 3.000 à 4.000 chevaux. Les chances du combat seront toutes en sa faveur, car moi j'aurai à peine 80.000 fantassins et 6.000 à 7.000 chevaux.

Si je pouvais, sans m'exposer à des pertes énormes en hommes, abandonner Sévastopol avec son matériel, en coulant bas les vaisseaux que nous avons encore, je croirais rendre un véritable service à mon Souverain et à mon pays, en le faisant aussitôt que le danger sera menaçant. Mais malheureusement cela me paraît impossible. A la première disposition pour quitter Sévastopol, quelque secrète qu'elle soit, tout se détérisserait, l'ennemi aurait vent de la chose et nous tomberait dessus; nous aurions une perte énorme.

J'en suis donc réduit à m'en tenir au plan que je Vous communique, bien qu'il soit risqué au plus haut degré, bien qu'à moins d'un miracle il ne puisse me conduire qu'à des revers sanglants.

La Russie est menacée de malheurs extrêmes, si l'Auriche se réunit aux alliés, ou même si elle continue encore longtemps son ancien jeu de paraliser nos forces pour nous empêcher de les reporter contre les Anglo-Français, et pour nous tomber ensuite dessus, de concert avec eux quand ils auront obtenu des succès. C'est ce dont je suis fortement convaincu. Les plus grandes concessions nous seront moins préjudiciables que la continuation d'un pareil état de choses. Méditez bien cela. Il est sans comparaison moins difficile de revenir plus tard sur des conditions telles que, acceptées par la nécessité, que de reconquérir la Pologne et la Crimée quand elles nous auront été une fois arrachées et que l'Europe se sera rendue solidaire de leur défense contre nous. Cette conviction est si ferme en moi, qu'en sujet fidèle et dévoué, je vous prie de la faire parvenir à la connaissance de Sa Majesté.

Vous savez, cher Prince, que j'ai prévu la détestable passe où je pourrais me trouver, et que je m'y suis résigné de bon cœur. C'était le devoir d'un sujet véritablement dévoué à Son Souverain et à son pays.

Aussi, soyez certain que j'envisage ma position avec cálme et sang-froid, sans m'exagérer les dangers auxquels je suis exposé, et sans désespérer qu'un revirement inattendu, que quelque faute grave de la part de l'ennemi, pourra me venir inopinément en aide. Mais ce qui me pèse beaucoup, c'est l'injustice avec laquelle je serai traité par l'opinion. Comment voulez-vous qu'elle ne m'accuse pas, quand par exemple un de mes amis, que je croyais homme de sens, et qui en outre a été sur les lieux, m'écrit à deux reprises que je dois agir à la Souvoroff, attaquer l'ennemi et le rejeter dans la mer. Souvoroff faisait le feu, mais il ne l'était pas. Si on lui avait proposé d'attaquer avec des forces plus faibles de moitié, un ennemi discipliné et aguerri, dans une position formidable, fortifié jusqu'aux dents, un ennemi qui dispose d'une artillerie fabuleuse, si, dis-je, on lui avait fait une pareille proposition, il se serait mis à imiter le chant du coq, et aurait envoyé au diable le malencontreux conseiller. Il faut savoir accepter les revers quand la nécessité l'exige, mais les provoquer soi-même serait d'un fou ou d'un homme qui veut se faire chasser de son commandement pour en être quitte; ajouter un revers certain et inutile dans des circonstances embarrassantes, aggraver de gaîté de coeur la position difficile où on se trouve, c'est agir en fou ou en étourdi. Je ne puis ni ne dois faire connaître la position dans laquelle je me trouve; il me faut donc avaler ces couleuvres sans souffler. Mais j'attends de Votre amitié que Vous me justifierez en temps et lieu, aux yeux de mes concitoyens.

Je vous serre bien cordialement la main.

Dites à qui de droit que dans le Journal de Pétersbourg on n'appelle pas les Camouflets globes de compression. Cela donne à mes bulletins un faux air de hâblerie. Pardon de l'observation: c'est l'expression consacrée. Globe de compression veut dire: une mine surchargée; je n'en fais pas usage, parce que, en m'en servant, je me ferais sauter moi-même.

Приложеніе № 35-й.

Наставленіе командующему войсками, въ восточной части Крыма расположенными, генералъ-лейтенанту барону Врангелю, препровожденное при предписаніи главнокомандующаго отъ 14-го марта за № 17-мъ.

Ст. 1-я. По высочайшей волѣ охраненіе восточной части полуострова Крыма, лежавшее на обязанности генералъ-адъютанта Хомутова, возлагается на ваше попеченіе подъ главнымъ начальствомъ моимъ.

Ст. 2-я. Пространство, вамъ ввѣряемое, заключается въ Керченскомъ полуостровѣ, г. Θеодосіи и въ мѣстности, ограничивающейся съ запада Судакскою долиною и теченіемъ р. Андалъ.

Ст. 3-я. Все пространство края, охраненію вашему поручаемое, подчиняется вамъ въ военномъ отношеніи, и мѣстнымъ начальствамъ предписывается исполнять неукоснительно всѣ требованія ваши О семъ даны соотвѣтственныя предписанія генералъ-адъютанту Анненкову, таврическому губернатору и керченскому градоначальнику. На экстраординарные расходы для курьеровъ, лазутчиковъ, поспѣшнѣйшаго вооруженія укрѣпленныхъ пунктовъ, возведенія по вашему усмотрѣнію другихъ и прочіе экстренные расходы, назначается въ ваше распоряженіе изъ армейской экстраординарной суммы *двадцать тысячъ рублей сер.*, каковые и имѣете получить изъ интендантства арміи въ Симферополѣ, по прилагаемому у сего предписанію; о расходѣ сихъ денегъ вы имѣете въ свое время представить установленнымъ порядкомъ отчетъ въ интендантство войскъ, въ вѣдѣніи моемъ состоящихъ.

Ст. 4-я. Для соображенія вашего прилагаются здѣсь при особой описи различныя свѣдѣнія, доставленныя мнѣ генералъ-адъютантомъ Хомутовымъ на счетъ подчиняемаго вамъ края.

Ст. 5-я. Въ подкрѣпленіе войскъ, въ ваше вѣдѣніе отъ генералъ-адъютанта Хомутова поступающихъ и состоящихъ изъ 6-ти батальоновъ, одной инвалидной команды, 8-ми конныхъ сотенъ, 12-ти полевыхъ орудій и Донскаго № 65-го полка, слѣдующаго съ Дона, я назначаю: 2-й Уральскій казачій полкъ (6 сотенъ), гусарскій герцога Саксенъ-Веймар-

скаго полкъ (8 эскадроновъ) и донскую № 4-го батарею (8 орудій). О направленіи войскъ на вашу дистанцію вы уже получили отзывы генералъ-адъютанта Коцебу съ препровожденіемъ маршрутовъ.

Ст. 6-я. Въ ваше вѣдѣніе имѣетъ поступить часть штаба Черноморской береговой линіи, въ Керчи находящагося, о чемъ я отнесся къ генералъ-адъютанту Хомутову, прося его предоставить вамъ избрать изъ среды этого штаба тѣхъ чиновниковъ, какіе по общему совѣщанію вашему найдены будутъ необходимыми. Объ оставленіи этихъ лицъ въ распоряженіи вашемъ, я вмѣстѣ съ симъ отношусь къ генералъ-адъютанту Муравьеву. Сверхъ того будетъ высланъ къ вамъ еще офицеръ генеральнаго штаба.

Ст. 7-я. Цѣль вашихъ дѣйствій должна состоять въ слѣдующемъ: a) препятствовать непріятелю ворваться въ Азовское море; b) охранять поколику возможно часть берега Чернаго моря, вамъ ввѣреннаго, отъ частныхъ высадокъ непріятеля; c) въ случаѣ, если по превосходству непріятельскихъ силъ, вамъ невозможно будетъ воспрепятствовать непріятелю сдѣлать высадку и укрѣпиться, то поступать такъ, чтобы препятствовать ему распространяться въ краѣ, дѣйствуя на его сообщенія и при удобномъ случаѣ атакуя его въ тылъ, дабы тѣмъ возбранить ему возможность удаляться отъ мѣста высадки, отъ котораго ему должно будетъ дѣлать подвозы: для этой цѣли задержать его слѣдованіе, посредствомъ отряда, который отступалъ бы передъ нимъ и портилъ дороги, а съ остальными войсками или слѣдовать за нимъ, или идти ему параллельно, тревожа его фланги и тылъ преимущественно вашею кавалеріею; при чемъ отклоняться отъ невыгоднаго боя и какъ скоро непріятель тронется опять въ путь, то насѣдать или на его флангъ, или на его тылъ. При благоразумномъ дѣйствіи, на подобныхъ основаніяхъ, вамъ можно будетъ парализировать дѣйствія непріятеля, имѣющаго даже весьма значительныя силы. По слухамъ союзники предполагаютъ высадить у Θеодосіи 15.000 сардинскихъ войскъ. Зная вашу опытность и смѣтливость, я вполнѣ увѣренъ, что если это и сбудется, вамъ удастся помѣшать симъ войскамъ удаляться отъ пункта, гдѣ они высадятся.

Ст. 8-я. Для подобныхъ дѣйствій надобно, чтобы войска ваши были удобоподвижны—часть оныхъ почти вовсе не имѣетъ обоза. Приготовьте таковой въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости, изъ мѣстныхъ подводъ,

назначая вознагражденія за оныя изъ экстраординарной суммы вашей. Подводы эти старайтесь держать постоянно въ сборѣ, но, по возможности, устройте дѣло такъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, онѣ могли быть своевременно собраны тамъ, гдѣ нужно.

Ст. 9-я. Главные пункты, на коихъ непріятель можетъ сдѣлать высадку, суть: окрестности Өеодосіи и окрестности Камышъ-Буруна, по близости Керчи.

Ст. 10-я. Вы имѣете довольно хорошій опорный пунктъ въ Арабатской крѣпостцѣ; употребите всѣ усилія, дабы крѣпостца эта была сколь можно въ лучшемъ оборонительномъ состояніи и чтобы въ ней былъ надежный комендантъ.

Ст. 11-я. Посредствомъ затопленія судовъ и другими мѣрами, сдѣлайте все возможное для возбраненія непріятельскимъ судамъ проникать черезъ Керченскій проливъ въ Азовское море. На сей предметъ употребляйте, по вашему усмотрѣнію, суммы, на заготовленіе судовъ назначенныя, находящіяся въ вѣдѣніи керченскаго градоначальника.

Ст. 12-я. Сколь развалины Еникале ни плохи, но старайтесь привести этотъ пунктъ въ такое состояніе, чтобы непріятель не могъ имъ овладѣть безъ нѣкоторой потери времени, и тоже имѣйте тамъ надежнаго человѣка.

Ст. 13-я. Я полагаю, что пока обстоятельства не разъяснятся, у Керчи, Өеодосіи и по прибрежнымъ батареямъ вамъ должно имѣть лишь необходимое число войскъ, для отраженія частныхъ непріятельскихъ попытокъ, а главную часть вашихъ войскъ всего лучше держать въ центральной позиціи примѣрно около Аргина или Даутъ-Эли.

Ст. 14-я. Если непріятель высадится гдѣ-либо въ незначительныхъ силахъ и захочетъ укрѣпиться на берегу, то вамъ нужно будетъ двинуться противъ него и, буде можно, опрокинуть въ море. Но это предположеніе мало вѣроятно. Должно думать, что будетъ одно изъ трехъ: 1) непріятель будетъ дѣлать однѣ мелкія высадки, для того только чтобы тревожить васъ, 2) онъ сдѣлаетъ серьезную высадку у Өеодосіи, чтобы оттуда идти или на Карасубазаръ и Симферополь, дабы угрожать моему тылу, или на Арабатъ, дабы завладѣть сообщеніемъ по стрѣлкѣ, которое въ Европѣ считаютъ весьма важнымъ для насъ, 3) сдѣлаетъ высадку сперва у Өеодосіи, укрѣпится и устроится тамъ и потомъ, перевезя войска

моремъ въ окрестности Керчи, сдѣлаетъ новую высадку примѣрно у Камышъ-Буруна, чтобы взять съ тыла батареи, защищающія входъ въ Азовское море, овладѣть Керчью, Еникале и потомъ, очистивъ проливъ отъ препятствій, заграждающихъ плаваніе, открыть своимъ судамъ входъ въ Азовское море.

Ст. 15-я. Во второмъ предположеніи вамъ должно немедленно двинуться на высоту Арабата и наблюдать, куда пойдетъ непріятель; когда же онъ выйдетъ изъ Өеодосіи, то дѣйствовать сходно изложенному въ пунктѣ с. ст. 7-й.

Ст. 16-я. Если онъ предприметъ серьезную высадку у Керчи, то кажется, будетъ полезно большую часть вашихъ силъ двинуть туда, и когда непріятель пойдетъ на Еникале, то тревожить въ тылъ; изъ этого вы усмотрите, сколь важно привести Еникале въ возможно лучшее оборонительное состояніе; при невозможности доставить туда артиллерію отсюда, употребите часть оной, которая находится на береговыхъ батареяхъ и даже въ Өеодосіи.

Ст. 17-я. Вотъ все, чтó я могу вамъ указать въ отношеніи трудной обязанности, на васъ возлагаемой. Я увѣренъ, что при вашей опытности и доказанныхъ на дѣлѣ способностяхъ, вы не упустите ничего могущаго облегчить ваше положеніе. Будьте дѣятельны, рѣшительны и берите много на себя, не тратьте времени на испрашиваніе разрѣшеній, особенно воспользуйтесь 10-ю или 12-ю днями, которые вамъ остаются для приготовительныхъ распоряженій. При первой возможности я постараюсь усилить вашъ отрядъ.

Ст. 18-я. Само собою разумѣется, что отъ васъ зависитъ, сходно мѣстнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ вашимъ, дѣлать во всѣхъ указаніяхъ моихъ тѣ измѣненія, какія признаете полезными.

Ст. 19-я. Будьте въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ генералъ-адъютантомъ Хомутовымъ, котораго мѣстопребываніе въ Тамани и со мною; доносите мнѣ сколько можно чаще. Если бы главныя силы ваши были временно разобщены отъ меня, то распорядитесь такъ, чтобы сношенія наши не прекращались, употребляя для сего особыя кавалерійскія партіи. Если непріятель пойдетъ изъ Өеодосіи на Карасубазаръ, то насѣдайте сколь можно смѣлѣе на него и, при удобномъ случаѣ, атакуйте его въ тылъ.

Приложеніе № 36-й.

НАИМЕНОВАНІЕ СУДОВЪ.	Вооруженіе ихъ. Бомб. пуш. 68 фунт	Пуш. кор. 24 фунт.	Пушки. 6 фунт,	Пушки. 3 фунт.	Корон. 18 фунт.	Корон. 12 фунт.	Единор. 1 пуд.	Фалкон. 3 фунт.	Число нижнихъ чиновъ. Флотскихъ Унт.-офиц.	Флотскихъ Матросовъ.	Флотскихъ Нестроев.	Линейн. батал Унт.-офиц.	Линейн. батал Рядовыхъ.	Итого	Сверхъ того больныхъ
Кавказскіе пароходы.															
„Колхида“ . . .	1	2	—	—	—	4	—	—	10	33	23	1	14	81	4
„Боецъ“	1	2	—	—	—	4	—	—	6	35	26	1	15	83	2
„Молодецъ“ . .	1	2	—	—	—	4	—	—	5	39	28	1	15	88	2
„Могучій“ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4	28	1	16	53	5
Кавказскіе транспорты.															
„Добь“	—	—	8	—	—	—	3	3	4	46	8	—	—	58	—
„Бзыбь“	—	—	8	—	—	—	3	3	5	42	8	—	—	55	2
„Гостогай“ . . .	—	—	8	—	—	—	3	3	4	45	7	—	—	56	6
Транспорты Черноморскаго вѣдомства.															
„Аккерманъ“ . .	—	2	—	—	—	—	—	—	4	24	2	—	—	30	2
„Арагва“ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	4	37	2	—	—	43	1
Паровая шкуна Кавказскаго вѣдомства:															
„Аргонавтъ“ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	2	22	15	—	—	39	—
Лоцъ - шкуна Черноморскаго вѣдомства:															
„Астролябія“ . .	—	—	—	6	—	—	—	—	3	19	3	—	—	25	—
Коммерческіе пароходы.															
„Таганрогъ“ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	10	12	—	—	23	—
„Бердянскъ“ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	3	13	12	—	—	28	1
Азовскихъ казачьихъ баркасовъ шесть	—	—	—	—	—	—	—	6	6	109	—	—	—	115	—
Итого. .	3	8	24	6	—	12	9	15	61	478	174	4	60	777	2[illegible]

Приложеніе № 37-й.

Протоколъ совѣта объ упраздненіи кр. Анапы.

Вслѣдствіе занятія непріятелемъ Керчи, пролива и Азовскаго моря, сего 21-го мая собрались въ Темрюкѣ наказный атаманъ войска Донскаго, генералъ-адъютантъ Хомутовъ, начальникъ Черноморской береговой линіи, вице-адмиралъ Серебряковъ, временно-командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенантъ Козловскій, начальникъ артиллеріи войска Донскаго, генералъ-маіоръ Лобко и полковники генеральнаго штаба Дуброво и Стишинскій, обсуживали обстоятельства, въ которыхъ находится Черноморія вообще и въ особенности гарнизонъ Анапы и его резервъ, и нашли: а) силы наши въ Черноморіи и въ Закубанскомъ отрядѣ слѣдующія:

За Кубанью: въ Анапѣ 4 батальона пѣхоты, съ должною прислугою артиллеріи составляютъ гарнизонъ крѣпости. При станицѣ Витязевой 4 батальона, съ двумя казачьими полками, при 20-ти орудіяхъ, составляютъ резервъ анапскаго гарнизона и расположены на означенномъ пунктѣ, какъ для охраненія запасовъ, въ помянутой станицѣ находящихся, такъ и для содержанія сообщенія съ войсками Таманскаго острова.

На Таманскомъ островѣ: 4 казачьихъ пѣшихъ батальона, два казачьихъ полка и 4 сотни и 8 орудій.

Въ отрядѣ Екатеринодарскомъ: 5 батальоновъ, полагая въ томъ числѣ три батальона Ставропольскаго егерскаго полка, одинъ казачій полкъ и 4 сотни и 10 орудій. Ожидаются: съ праваго фланга Кавказской линіи кавалеріи 4 казачьихъ полка и 8 орудій донской № 8-го батареи.

Въ Ейскѣ: два резервныхъ пѣшихъ батальона Черноморскаго войска и двѣ конныя сотни.

Кромѣ того по Черноморской кордонной линіи, на протяженіи 400 верстъ, 6 конныхъ черноморскихъ полковъ.

б) по предположенію нашему, непріятель можетъ предпринимать слѣдующее:

*

1) Находящійся въ Керчи непріятель, который такъ легко переносится, что уже и доказалъ онъ прошлаго 12-го мая, можетъ сдѣлать дессантъ въ Тамани, безпрепятственно слѣдовать къ Новогеоргіевскому посту, находящемуся въ 40 верстахъ отъ Тамани, уничтожить переправу на Джигѣ и такимъ образомъ отрѣзать Закубанскому отряду отступленіе. Но если единовременно съ занятіемъ Новогеоргіевскаго поста керченскимъ непріятелемъ, дессантъ, находящійся въ Геленджикѣ, спустится съ горъ, то отрѣжетъ отступленіе и на Варениковское укрѣпленіе.

2) Непріятель еще въ возможности сдѣлать дессантъ въ лиманъ Курганскій, занять Темрюкъ и всѣ высоты отъ онаго до Андреевскаго поста. Этимъ однимъ движеніемъ отниметъ онъ оба вышесказанные пути нашего отступленія.

3) Если находящійся въ Керчи непріятель, желая осаждать крѣпость Анапу, сдѣлаетъ дессантъ, между ею и станицею Витязевою, вмѣстѣ съ тѣмъ поставитъ свои пароходы на своемъ лѣвомъ флангѣ и будетъ огнемъ ихъ препятствовать резерву идти противъ дессанта, или подать помощь крѣпости и даже имѣть сообщеніе съ нею, и къ тому же, если непріятель завладѣетъ мостомъ на Анапкѣ, то въ такомъ положеніи, резервъ, чтобы подать руку помощи крѣпости, долженъ бросить запасы, сообщеніе съ Черноморіею и для обхода болотъ сдѣлать по не совсѣмъ удобнымъ бродамъ Анапки переходъ въ 20 верстъ, поставя при томъ себя въ два огня: горцевъ и дессантныхъ войскъ, слѣдовательно, движеніе это невозможно, и въ такомъ положеніи резервъ долженъ будетъ отступить на Новогригорьевскій постъ, оставивъ Анапу защищаться собственными своими средствами. А какъ крѣпость эта неправильной постройки и вооружена съ сухаго пути орудіями небольшаго калибра; непріятель же, снявъ орудія съ флота, можетъ дѣйствовать артиллеріею самаго большаго калибра, то крѣпость въ короткое время должна будетъ пасть.

4) Непріятель, обладая такими большими средствами, можетъ даже пренебречь Анапою и сдѣлать сильный дессантъ въ Ейскъ, въ томъ предположеніи, что Анапа сама собою падетъ; дессантъ же въ Ейскѣ, если будетъ современенъ съ движеніемъ горъ (при чемъ горцы могутъ быть въ огромныхъ силахъ), не находя сопротивленія въ войскахъ Черноморіи, которыя теперь очень слабы, можетъ завладѣть оною и угрожать Кавказской линіи и сообщенію съ Закавказомъ. Помощи отъ Кавказскихъ

войскъ ожидать нельзя. Они имѣютъ своего непріятеля, который также будетъ пользоваться этими обстоятельствами.

5) Помощь, полученная нынѣ съ Кавказской линіи, можетъ почитаться временною, и эти войска съ наступленіемъ полевыхъ работъ и въ особенности мелководія рѣкъ Кубани и Лабы, необходимо будетъ отпустить, для усиленія защиты линіи и прикрытія повсемѣстныхъ бродовъ.

Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства, находимъ, что Анапскій гарнизонъ, съ своимъ резервомъ, во всѣхъ случаяхъ можетъ сдѣлаться непремѣнною жертвою и что крѣпость Анапа, при самой усиленной защитѣ, должна рано или поздно сдаться въ руки непріятеля или правильною осадою, или отрѣзаніемъ ей всѣхъ путей сообщенія, и какъ Анапа, съ паденіемъ Керчи, пролива и Азовскаго моря, при настоящихъ слабыхъ военныхъ силахъ нашихъ и при громадности непріятельскихъ средствъ, не составляетъ никакого стратегическаго пункта, а напротивъ того связываетъ намъ руки и отнимаетъ возможность защитить предѣлы роднаго края; и кромѣ того Анапа, лишаясь подвоза продовольствій какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, существовать не можетъ, то и положили: Анапу снять и не для того только, чтобы не дать непріятелю торжества, но чтобы спасти войско и имѣть возможность сосредоточить оное сколь возможно въ бо́льшемъ числѣ. И потому сейчасъ же приступить къ выводу всѣхъ цѣнныхъ тяжестей и, по сожженіи города и взорваніи укрѣпленій, войскамъ отступить къ Черноморіи.

Опасаясь, чтобы непріятель не узналъ о нашемъ предпріятіи и не предупредилъ бы насъ отрѣзаніемъ нашего отступленія, рѣшеніе наше приводить въ исполненіе, сохраняя оное въ самомъ большомъ секретѣ. Темрюкъ, 21-го мая 1855 года.

Подписали:

Генеральнаго штаба полковникъ Стишинскій.

„ „ „ Дуброво.

Генералъ-маіоръ Лобко.

Генералъ-лейтенантъ Козловскій.

Вице-адмиралъ Серебряковъ.

Генералъ-адъютантъ Хомутовъ.

Приложеніе № 38-й.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ штыковъ по отрядамъ къ 5-му іюля 1855 года.

Севастопольскій гарнизонъ 50787

Муромскій пѣхотный полкъ, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я и 16-я пѣхотныя дивизіи, послѣдніе три полка 14-й пѣхотной дивизіи, первые три полка 15-й резервной пѣхотной дивизіи, сводные резервные батальоны резервной бригады 13-й пѣхотной дивизіи, сводный резервный батальонъ Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ, 4-й стрѣлковый и 4-й саперный батальоны, три роты 6-го и двѣ роты 3-го саперныхъ батальоновъ.

На Сѣверной сторонѣ Севастополя. . . 3741

Волынскій пѣхотный, Замосцкій резервный полки и рота 6-го сапернаго батальона.

На Инкерманскихъ высотахъ 8412

12-я пѣхотная дивизія и рота 6-го стрѣлковаго батальона.

На Мекензіевой горѣ 15960

7-я и 17-я пѣхотныя дивизіи и три роты 6-го стрѣлковаго батальона.

На позиціи при с. Біюкъ Сюйрень . . . 1797

Низовскаго егерскаго полка два батальона и 3-й стрѣлковый батальонъ.

На позиціи при с. Юхары-Каралесъ. . . 4187

Нижегородскій пѣхотный полкъ, Низовскаго егерскаго полка два батальона и пять ротъ легіона Императора Николая I.

На позиціи при с. Ташъ-Басты . . . 2434

Сибирскій егерскій полкъ.

На позиціи при с. Зеленкіой. 983

Двѣ роты 6-го резервнаго батальона Подольскаго егерскаго полка, кадры Черноморскаго резервнаго линейнаго батальона.

Въ Керченскомъ отрядѣ 4809

5-й и 15-й Черноморскіе линейные батальоны, двѣ роты Таврическаго гарнизоннаго батальона, Керченскій гарнизонный полубатальонъ, Черноморскіе пѣшіе казачьи № 5-го, № 6-го и № 9-го батальоны.

Въ Перекопскомъ отрядѣ 8911

7-я резервная пѣхотная дивизія, 5-й резервный батальонъ Московскаго пѣхотнаго полка, 5-й и 6-й резервный батальоны Бутырскаго пѣхотнаго полка.

Въ Геническомъ отрядѣ 352

6-й резервный батальонъ Московскаго пѣхотнаго полка.

Въ вагенбургѣ при с. Бакшаѣ 480

5-й резервный батальонъ Подольскаго егерскаго полка.

Войска, не входящія въ составъ отрядовъ . 1987

Резервный егерскій полкъ 17-й пѣхотной дивизіи, Балаклавскій греческій пѣхотный батальонъ, Керченскій полубатальонъ карантинной стражи, двѣ роты 6-го резервнаго батальона Подольскаго егерскаго полка и двѣ роты Таврическаго внутренняго гарнизоннаго батальона.

Итого . . . 104844

Морскаго вѣдомства.

На судахъ, на рейдѣ и въ гавани	4396
При орудіяхъ	9092
За тѣмъ подъ ружьемъ.	4121
Итого . . .	17609

Ожидается:

4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи, 2-й саперный и 2-й стрѣлковый батальоны	23581
Курскаго ополченія.	13600
Итого . . .	37181

АЛФАВИТЪ
собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000314428